

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

СЕМАНТИКА
НАЧАЛА И КОНЦА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1 $\frac{02 - 13}{265 - 1}$

801-24
1321

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

СЕМАНТИКА НАЧАЛА И КОНЦА

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»

Москва 2002

УДК
ББК 81

Л 69

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(номер проекта 01-04-16132)*

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Н. Д. Арутюнова
доктор филологических наук Т. Е. Янко
кандидат филологических наук Н. Ф. Спиридонова

Логический анализ языка. Семантика начала и конца /
Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: «Индрик», 2002. — 648 с.

ISBN 5-85759-191-0

В книге определены условия формирования и дифференциации концептов «начала» и «конца». Подробно анализируются их функции в образовании видо-временных значений глаголов, их влияние на интонационный контур высказывания, их роль в словообразовании, семантике групп глаголов, а также отдельных лексических и фразеологических единиц. Предметом рассмотрения являются некоторые особенности понятий начала и конца в традиционных культурах. Большое внимание уделено рамочной функции начала и конца в разных видах текстов: фольклорных, художественных, публицистических, в жанре устного рассказа и др. В ряде статей характеризуется место, занимаемое понятиями начала и конца, конечного и бесконечного в некоторых научных и религиозно-философских теориях. Книга предназначена для широкого круга филологов.

Logical Analysis of Language. Semantics of Beginning and End.

The book treats the notions of «beginning» and «end» in the process of their formation in the modern and ancient languages. The analysis is based on various texts — those of folklore and classical literature, as well as within scientific, philosophical and religious theories.

Special attention is paid to the 'beginning-end' functions in the aspect-tense verb systems, in the realm of lexical semantics and in the structure of different kinds of prose and poetry genres.

For linguists, philologists and culturologists.

ISBN 5-85759-191-0

© Коллектив авторов, 2002
© Издательство «Индрик», 2002

Н. Д. АРУТЮНОВА

ВСТУПЛЕНИЕ

В ЦЕЛОМ О ЦЕЛОМ. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Конец! Как звучно это слово,
Как много, — мало мыслей в нем!

М. Ю. Лермонтов

Статьи, входящие в настоящий выпуск «Логического анализа языка», образуют «собрание пестрых глав». В них заложено много «начал», движение от которых устремлено к разным концам. Вместе с тем не все аспекты семантики начала и конца нашли в них свое отражение. Многие статьи касаются «концов» по касательной.

Большое место в статьях занимают проблемы поэтики и стилистики, а также семантический анализ отдельных лексических единиц и групп слов. Возможно, таково общее направление развития нашей науки, в ходе которого интерес к *целому* и его *началам* сменяется вниманием к *концам* и *кончикам*, венчающим целое и предвещающим новые *начала*. В бесконечном и безначальном движении времени концы оборачиваются началами, восходящими к одному Началу, а начала — концами, сходящимися в одном Конце, о чем с грустной иронией (или иронической грустью?) напоминает поэт: *Мудрее мудрых мудрецов. / Глупее всех глупцов, / Хотел не знать — «в конце концов, / А что в Конце Концов»? // Но Голос легок и свинцов, / Счастливо огорчал: / «В конце концов, в Конце Концов — / Начало всех Начал* (Б. Влахко).

Ниже мы коротко рассмотрим логические предпосылки формирования понятий начала и конца и их отношение к идее целого. Обращение к «тройственному союзу» Начала, Конца и Целого ставит проблему взаимодействия темпоральных и пространственных категорий в процессе концептуализации действительности.

Остановимся прежде всего на условиях формирования понятий начала и конца, восходящих к общему для них и. -е. корню **kep-*, обозначавшему «предел» и родственному санскр. *кун* «замыкать» и *куна* «угол, острие, край» [Фасмер 1967]. Общность этимологии свидетельствует о первичности одного нерасчлененного понятия — «конца-начала» или «концов»¹. Поэтому мы начнем с этого концепта, и прежде всего с доли участия в представлении о нем времени и пространства, Природы и ее Эвклидовой (т. е. геометризованной) модели, и постепенно перейдем к условиям разделения единого значения «концов» на два соотносительных понятия — «конец» и «начало».

А. Преображенский возводит противоположные смыслы корня **kep-* к значению «появляться, наступать». «Если следует ряд предметов, то первый (крайний) и последний (тоже крайний) могут быть названы началом или концом, сообразно с точкой зрения» [Преображенский 1949, 348]. Иначе говоря, употребление одного слова для обозначения разных «концов» обусловлено прагматическим фактором, а именно мобильностью точки зрения наблюдателя, изменение которой нейтрализует оппозицию одного конца другому. То, что «точка отсчета» (позиция говорящего) влияет на употребление слова *конец* в современном языке, показано Е. В. Рахилиной [Рахилина 2000, 239]. Этот тезис позволяет предвидеть, что решающим условием дифференциации значений «конца» и «начала» может стать депрагматизация значения слова *конец*, то есть невозможность произвольной инверсии точек отсчета (позиции наблюдателя).

В церковнославянском языке слово *конъ* также не было однозначно. Оно могло означать «начало, ряд, порядок, предел». Последние два значения реализовались в производном слове *закон*. Значение «начало» хорошо видно в наречии *искони*, отсылающем к первоначальному истокам; ср. *спокон века, испокон веков* [Дьячен-

¹ Понятия *конца*, *кончика*, *кромки* и *края* детально проанализированы Е. В. Рахилиной в главе, посвященной пространственным конструкциям [Рахилина 2000, 234–252]; см. также статью В. Г. Гака в наст. сб.

ко 1993]. В то же время, как отмечают этимологи, *конз* родственно лат. *gessens* «свежий» и греч. *καιός* «новый», словам, приближающим начало к настоящему актуальному и вместе с тем обращенным к будущему [Фасмер 1967, т. 2]. Г. Дьяченко объясняет семантический синкретизм ц.-сл. *конз* идеей рубежа или «предельного пункта», замыкающего и вместе начинающего определенные периоды времени или участки пространства [Дьяченко 1993, 262].

Здесь следует, однако, иметь в виду, что предел в контексте времени и предел в пространстве существенно различны. Конец, или граница, пространственных объектов не имплицитно с необходимостью непосредственного перехода к другому объекту. Пока конец вынуженной из ножен шпаги не вонзится в сердце врага, он граничит с пустотой, составляющей для него «среду обитания». Существующие в пространстве предметы могут иметь только один конец, как, например, шпага, но возможны также объекты о двух и более концах, такие как палки, веревки, шнуры, звезды и др. Каждый конец звезды — это ее обращенный вовне острый угол. Интересно отметить, что слова типа *пяти-, шестиконечный* в современном языке применяются только к звездам — фигурам, составленным из острых углов и обычно выполняющим символическую функцию, но не к геометрическим фигурам — трех-, четырех-, пятиугольникам и пр., причем *пяти-угольник* не идентичен по форме *пяти-конечной* звезде. Значения слов *конец* и *угол* разошлись, чему способствовала геометризация форм: *угол* образуется двумя линиями, ограничивающими некоторое двухмерное пространство и сходящимися в одной точке, а *конец* ассоциируется с одной линией, имеющей два конца, представляемых в виде предельных точек или (в обыденной речи) конечных отрезков полосы.

Наличие двух концов (пары) составляет одну из предпосылок дифференциации единого понятия «концов». Даже тогда, когда гонцы бегут *во все концы*, партнером каждого *конца* является другой — общий для всех бегущих — *конец* — *начало* их пути.

Иначе обстоит дело темпорального предела. Если человек допускает существование вокруг себя пустого пространства, то в мире жизни нет пустого времени. Этим определяется употребление русского совершенного вида, выражающего значение предельности или перелома в развитии событий, состояний или действий; ср.: *заговорить, вскочить, забеременеть* и др. (см. ниже).

Не случайно инхотативные глаголы с большей или меньшей степенью конкретности указывают на предшествующее действие или состояние, а глаголы завершения — на то, что за ними следует. Само значение глаголов и имен часто стремится представить семантиче-

ский негатив как позитив, отсутствие действия — как действие, отсутствие речи — как молчание, отсутствие шума — как тишину.

Таким образом, в темпоральном контексте значение границы или точки синкретично: оно как бы одновременно входит в разные «наполнители» времени: *замолчать* значит «перестать говорить и начать молчать». Тем самым создается предпосылка для дифференциации понятий «начала» и «конца». Но она не влечет за собой их отчетливой оппозиции. Она лишь дает возможность переносить акцент с «до-рубежной» семантики на «за-рубежную» и наоборот. Синтез начала и конца в одной точке ведет не к их дифференциации, а скорее к формированию понятия «целого», мыслимого применительно к происходящему во времени. Именно целостность является наиболее существенной чертой значения совершенного вида.

Необходимыми условиями дифференциации понятия «концов» являются их парность, о чем упоминалось выше, и их разделенность линиями.

В приведенных примерах синкретизм начала и конца не предполагал с необходимостью парности каждого из этих понятий, то есть двусторонней ограниченности действий и состояний. Речь могла идти о расчленении линии на части, ограниченные лишь с одной стороны, то есть конец логически не имплицировал начала, а начало не влекло за собой конца. Тем самым не возникало необходимости в дифференциации этих понятий как членов пары. Возможно, именно в силу первоначальной сосредоточенности слова *конѣ* на разделительной меже (границе), допускающей «одностороннюю» бесконечность хода событий, оно могло обозначать недифференцированно начало и конец, отнесенные к разным действиям, событиям или периодам времени: «конец» смотрел в прошлое, а «начало» — в будущее. «Конец-начало-» имело в качестве своего референта одну точку — межу, которая, однако, входила в разные денотативные пространства. Таким образом, темпоральный контекст, в котором первоначально слово *конѣ* означало границу между действиями или состояниями, сам по себе недостаточен для дифференциации единого понятия «конца». Для того чтобы стать «парой» и вместе с тем получить отнесенность к одному денотату, концы должны быть разделены неким промежуток, мыслимым как *линия*. *Линия* — простейшее и в идеале одномерное геометрическое понятие — маркирует переход из мира Природы к его геометризованной модели.

В зрительно воспринимаемом мире Природы объекты целостны и обычно не мыслятся в терминах начал и концов. Деревья имеют *верхушки* и *корни*, горы — *вершины* и *подножья*. Даже о

реках, несмотря на вытянутость их русла, говорят в терминах *истока* и *устья*, а не начала и конца. Гора также лишена начала и конца, но к лестнице (не иерархической) эти понятия применимы: *Дойдя до конца лестницы, я очень устал*. Животные, в том числе физический человек, занимают своего рода промежуточное положение: они принадлежат миру Природы, но их модели несут на себе следы геометризации. Переход к новой модели хорошо заметен в абстрактной живописи, особенно в кубизме. Однако «наивный» язык ищет способы избавиться от геометрии в описании живых природных форм. Так, руки берут начало в *плечах*, а кончаются *кончиками*, но не *концами*² пальцев, туловище многих животных (например, крокодилов и крыс) вытянуто между *кончиком носа* и *кончиком хвоста*. Заметим, впрочем, что *зачем-то на конца кончиком* не всегда стилистически уместна; ср.: в Евангелии от Луки: *Отче Аврааме! умилисердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сём* (Лк. 16: 24); ср. также в литературной речи XIX в.: *Я бесчестен до конца ногтей и, главное, рад тому* (Достоевский 1976, т. 16, 20), *Мне очень холодно, особенно концам пальцев на ногах* (Достоевский 1983, т. 25, 199). Слово *конец*, пока оно одиноко и не коррелирует с *началом*, может входить в представление о естественных формах. Но и здесь есть предел. Геометризация природных объектов представила руки и ноги человека как *конечности*. Однако в бытовом обиходе никто не станет называть правую руку *правой конечностью* и едва ли кто-нибудь, будучи в дурном настроении, скажет, что он *встал с левой конечности*. Таким образом, понятие целого изначально связано с миром Природы, а понятия начала и конца тяготеют к его Эвклидовой модели, восходящей к строительной деятельности людей, включая прокладывание троп, дорог и путей.

Итак, в основании концепта концов лежит идея линейности (но не обязательно *прямо-линейности*). Понятие линии ассоциируется прежде всего с пространственным аспектом чувственно воспринимаемого мира. Для того чтобы понятие «конца» распалось на два соотносительных понятия — «начало» и «конец», линия должна быть ограничена с двух сторон: конец должен иметь партнера — «вечного спутника», но не дубликата. Для дифференциации концов необходим дистинктивный признак.

² О различии между *концом* и *кончиком* см.: [Рахилина 2000, 244–245]. Там же отмечено, что к людям, животным, а также к вертикально ориентированным объектам обычно не применяется понятие *концов* (с. 238).

Условием дифференциации «концов» является функционально значимая *ориентация* линии, разделяющей концы. Стоит только маркировать линию стрелкой, указывающей направление движения или какого-либо иного естественного процесса, протекающего во времени, как понятие «концов» распадается: отправной пункт движения становится *началом*. Даже если движение идет по замкнутой линии (например, кругу) и его начало и конец сходятся в одной точке, оппозиция начала и конца — старта и финиша — не нейтрализуется. Таким образом, фактор движения по пути, вовлекающего протяженность во времени, более значим для расщепления единого понятия конца (концов), чем несовпадение пунктов отправления и прибытия. То же можно наблюдать и в метафорическом контексте; ср.: *Весь-то жизненный путь мы прошли до конца И концом оказалось начало* (А. Блок). Заметим, что, когда говорят о движении *из конца в конец* или *в оба конца*, подразумевают рейсы или поездки туда и обратно, применительно же к каждой отдельной поездке оппозиция начала и конца сохраняется; ср.: *Он целый час ходил из конца в конец улицы* и *Он прошел всю улицу от начала до конца* (допустимо, но менее принято: *от одного конца до другого*). Хотя начало и конец нехарактерны для вертикали, можно пройти от начала до конца весь путь, ведущий в гору. Однако к движущимся природным объектам, даже горизонтальным, избегают применять понятия начала и конца. О движении рек и по рекам говорят в терминах верха и низа, сочетающих горизонтальное и вертикальное измерения; ср.: *плыть вверх (вниз) по течению*. Указание на вертикаль объясняет источник движущей силы и направление течения рек. Фактор природы оказывается в этом случае более сильным, чем фактор движения, обычно выбирающий язык начала и конца.

Таким образом, согласованность понятий начала и конца с концептом пути, допускающим движение по кругу (орбите) или иной замкнутой линии — горизонтальной или наклонной, позволяет говорить о том, что эти понятия выделимы в одно-, двух- и трехмерном пространстве.

Однако наиболее благоприятные условия для двоения понятия «концов» создает одномерность и однонаправленность движения времени. Течение времени безначально и бесконечно, но всё, что *происходит* во времени, конечно, то есть имеет временные границы. Движение времени непрерывно, равномерно и необратимо. Позиция наблюдателя (точка отсчета), которая может быть инвертирована в пространстве, не допускает инверсии во времени: ход времени и всего того, что в нем происходит, неизбежно движется из прошлого в будущее.

Именно на темпоральном фоне происходит четкое разделение единого понятия конца (предела, границы). Партнером *конца* становится *начало*.

Таким образом, всё то, что происходит во времени, имеет начало и конец, но далеко не все, существующее в пространстве, совместимо с этими понятиями. Особенность анализируемой ситуации состоит в том, что, заимствовав понятие одномерной линии и ограничивающих ее точек (концов, пределов) из геометризованной модели пространства, время разделило понятие концов (пределов), введя оппозицию начала и конца, основанную на необратимости своего движения. Затем оно вернуло эту оппозицию пространству, в котором понятия начала и конца получили, однако, ограниченное применение. Основное ограничение связано с «нелюбовью» к началам и концам природного мира (см. выше). О взаимодействии пространства и времени в интерпретации значения слова *конец* см.: [Рахилина 2000, 242–243].

В то же время, благодаря ассоциации с понятием пути, «начало» и «конец» могут выделяться, хотя и с разной степенью регулярности, не только в однолинейном, но также в двух- и трехмерном представлениях пространства. Этому опять же способствует однолинейность времени, как бы налагаемая на трехмерность пространства.

В полученной модели идея движения, протекающего как в пространстве, так и во времени, соединила эти два основных аспекта мира. Именно движение, понимаемое в широком смысле, способствует созданию синтетических — темпорально-пространственных — моделей, наиболее адекватно воспроизводящих образ мира. Поэтому путешествие амбивалентно. Оно может иметь начало и конец как во времени, так и в пространстве. Оно может начаться *в апреле в Петербурге* и кончиться *в мае во Владивостоке*.

Не случайно, когда сержант приказал солдатам рыть канаву *от забора до обеда*, они его поняли.

В динамическом мире понятия «конца» и «начала» применимы к пространственному, темпоральному и событийному аспектам. Начало и конец пути человека мыслимы в терминах места, времени и событий, в них происходящих³.

³ Здесь небезынтересно обратить внимание на употребление пространственных предлогов. Передвижение *от* начала *к* концу нередко представляется в русском языке как непосредственное перемещение из одного трехмерного пространства в другое, а не как движение от старта к финишу (или до финиша); ср.: *из варяг в греки, из города в деревню; из одной точки в другую; из пункта А в пункт Б; из деревни в поле*. Ср. также: *пуститься в путь, собираться в дорогу; двинуться в новый, широкий и славный путь* (Достоевский).

Итак, пространственная метафора времени — *линия* — породила темпоральную метафору пространства — *путь*. При этом время бесконечно. Оно нередко (но далеко не всегда) отдает предпочтение началу, первому — новизне, обновлению, возникновению; земное пространство конечно. Перемещение в пространстве ориентировано на финиш. И тот и другой принцип в современном мире сходятся в своей обращенности к будущему.

Подводя итоги сказанному, перечислим условия дифференциации понятий начала и конца. К ним относятся: парность, наличие линии (расстояния) между двумя границами (точками) и неизменность ее ориентации (направления).

В заключение этого раздела поставим следующий вопрос: применимо ли понятие времени как длительности («линии»), а следовательно, начала и конца, к вечности? Вечность существования абсолютного духа безначальна и бесконечна, но она не пуста: в ней происходят события — неприятные в аду и блаженные в раю. Имеют ли они начало и конец? Например, Вергилий, познавший вечную жизнь, ведет Данте — человека от мира сего — по кругам ада. Путешествие их, очевидно, имеет начало и конец, как всякое движение по пути. Но возникает вопрос: одинакова ли его длительность во времени (для Данте) и в вечности (для Вергилия)? Или, может быть, уже свершилось пророчество Ангела о том, что «времени уже не будет» (Откр. 10: 6) и движение утратило с ним связь?

* * *

Теперь мы хотим коротко остановиться на понятии целого и его отношении к концептам *начала* и *конца*. Целое, как уже было отмечено, ассоциируется прежде всего с миром Природы в любых ее формах. Если понятие концов предполагает вытянутость и даже линейность объекта, то Природа как таковая представляется состоящей из целостных объектов разной формы, образованных из частей (компонентов) и не соответствующих в точности геометрическим фигурам. Не случайно прилагательные *цельный*, *цельный*, *целостный*, *целокупный* (мы не будем говорить здесь об их дифференциальных признаках), а также производные от них слова имеют такие значения, как «нетронутый», «неповрежденный», «здоровый»; ср. *целина* «непаханая земля», *целик* «вековой, нетронутый лес», «простор без дороги», в северных диалектах: «неразбитая огромная льдина», «большой снежный сугроб»; ср. также *исцелить* букв. «вернуть природную целостность», *уцелеть* «сохра-

ниться как целое, сохранить свою природную форму», *целовать* «здороваться, желать здоровья, или здравия» (примеры из Словаря В. И. Даля [Даль 1978]). О реках и ручьях, о деревьях и других вытянутых природных объектах, как уже упоминалось, не говорят в терминах начала и конца. Точно так же начало дня называют *утром* или *рассветом*, а конец — *вечером* или *закатом* (*заходом*) *солнца*, начало года — *новым годом*. Однако в сфере времени *целое* допускает растяжение в линию и ассоциацию с началом и концом; ср. *лекция длилась целый час: началась в девять вечера, а кончилась в одиннадцатом часу*. Но даже в темпоральном контексте *целое* ощущается как единая, непрерывная и не «урезанная» длительность. В этих случаях прилагательное *целый*, употребленное в атрибутивной позиции и полной форме, получает гиперболическую функцию.

Заметим, что *целый* отличается от квантора общности *весь* тем, что указывает на изначально данную, как бы природную и неповрежденную форму или структуру объекта, а местоимение — на актуально существующую данность, на *всё, что есть* (*было, будет*). Так, когда говорят *пришла вся семья*, подразумевают наличный, а не первичный состав семьи; ср. также *выпить всю воду из кувшина* и *выпить целый кувшин воды*. В сочетаниях *целый класс* (*отряд, дом*) гиперболизирующая функция прилагательного выдвинулась на первый план и завуалировала значение изначальной полноты. Сближаясь в атрибутивной функции, *весь* и *целый* противостоят друг другу в предикатном употреблении; ср.: *Иван уж весь (умер)* и *Иван остался цел (жив и невредим)*; ср. также различие в употреблении *цел* и *целый*: *целый кувшин (молока)* и *кувшин с молоком остался цел*.

Обобщающее *в целом* в Словаре Ушакова приравнивается к *в общем* (ср. *в общем и целом*)⁴ и интерпретируется как «в сущности, вообще, не касаясь частных». Иными словами, обобщение нанесло известный ущерб «целому». То же ущемление целостности можно наблюдать при адвербиальном и атрибутивном употреблении этого сочетания, которое в Словаре Ушакова определя-

⁴ Сочетание *в общем и целом* является калькой с нем. *im grossen und ganzen*, а *целиком и полностью* — с нем. *ganz und voll*. Эти выражения вошли в речевой обиход и публицистику в послереволюционный период и имели своим источником язык партийных деятелей [Селищев 1928, 38, 39]. Повсеместное и неуместное употребление этих выражений, как отмечает А. Селищев, делало их объектом сатирического пародирования; напр.: *Я целиком и полностью горячо протестую против гнусных выпадов ветра* ([там же, 40–41], пример из журнала «Смех»).

ется как «во всей совокупности, целиком», и даже в употреблении прилагательного *целый*. Приведем несколько примеров из текстов Достоевского: *(Народ наш) не раб и никогда не был в целом своем рабом, даже и тогда, когда страдал в рабстве* (Достоевский 1983, т. 26, с. 203); *Было рабство, но не было рабов (в целом, конечно, в общем, не в частных исключениях) — вот тезис Пушкина* (там же, с. 115); *Да разве свальный грех существует в целом народе нашем и существует как правда? Принимает ли его весь народ за правду? Да народ наш груб, хотя и далеко не весь, о, не весь* (там же, с. 152; выделено нами. — Н.А.); *Да, поговорок в народе нашем много всяких: ум народа широк, ... но в нравственную правду их народ наш не верит, в целом своем, по крайней мере, их отрицает* (там же, с. 153–154). Приведенные примеры с очевидностью показывают, что обобщающее «целое» (в целом, целый) не предполагает всеохватности (*народ в целом* и даже *целый народ* не значит *весь народ*), но апеллирует к существу явления, выводя за пределы «целого» несущественные детали и нежелательных членов той или другой совокупности.

Связь идеи целого с Природой открывает путь к ее проникновению в мир традиционной жизни, в которой этот концепт приобретает различные символические функции. Так, в болгарском мире целым считается дом или семья, в которых нет повторно женатых супругов и все дети живы, то есть семья (дом) сохраняет природную (изначальную) целостность (*целокупна къща*) [Узенёва 2002]⁵.

В болгарском свадебном обряде изначальная цельность дома, из которого происходили жених и невеста, а также все участники свадебных обрядов, считалась залогом благополучия будущей семьи. Даже девушки, готовившие хлеб, приглашались из целокупных семей. То же условие распространялось на других исполнительниц свадебных ритуалов, а также на ритуальные предметы (подарки, украшения невесты, свадебные блюда и др.). К невесте же предъявлялось требование «цельности, нетронутости»: она должна быть *неначената, запазена, цяла*. О роли концепта «целого» в свадебном обряде болгар см. подробно: [Узенёва 2001].

⁵ Европейская цивилизация последовательно разрушала такое представление о семье. Уже в XIX в. на смену единой и целостной семье пришло «случайное семейство», по выражению Достоевского, который противопоставлял *случайное семейство родовому* (Достоевский 1976, т. 16, с. 401, 434, 435; 1983, т. 25, с. 131, 176–181, 198). Тема *случайных* или *шатких семейств* особенно подробно развита в романе «Подросток», в подготовительных материалах, к которому крупным шрифтом выделен вопрос: «Много ли родовых (семейств) и не обращаются ли даже родовые в случайные (через хаос понятий)» (Достоевский 1976, т. 16, с. 434).

Переход понятия целого из мира природы в ритуализованные формы традиционной жизни показателен. Понятие целого входит в модель синтетического (в противовес аналитическому) и в известном смысле эстетического (художественного) мышления о мире и с этой точки зрения представляет немалый интерес. О роли этого понятия в восточноевропейских лингвистических концепциях см. в недавно опубликованной монографии П. Серйо [Серйо 2001, части 3 и 4].

* * *

Теперь поставим два вопроса, относящихся к взаимодействию понятий начала, конца и целого. Первый касается условий нейтрализации оппозиции начала и конца, второй — их совместимости с понятием целого.

Нейтрализация оппозиции начала и конца наиболее естественно происходит при их сведении в точку. Целое, спроецированное на линию времени, совмещает начальную и конечную точки, свертывая разделяющую их линию. Это хорошо видно при обращении к ремаркам прямой речи: «Не смей делать этого! — крикнул (выкрикнул) мальчик». Очевидно, что прямая речь имеет протяженность во времени, а следовательно, начало и конец, но поставленный в ремарке глагол в совершенном виде сводит их в событийную точку-выкрик, то есть в некое целое. Точно так же имена событий (в отличие от процессов) нейтрализуют оппозицию начала и конца, аннулируя разделяющую их линию времени, но семантика некоторых из них растяжима. Так, свадьба есть одно целостное событие, но это имя может получить процессуальное значение празднования свадьбы, восстановив тем самым линию времени, разделяющую начало и конец: *Свадьба длилась всю ночь и кончилась часов в 5 утра*. Свадьба-событие локализована на линии времени в виде точки, свадьба-процесс — в виде отрезка.

Превращение события в факт, то есть переход из онтологического пространства в логическое (гносеологическое), сохраняет точечность, но отвлекает точку от линии времени. Факты — это целостные истинные суждения о действительности. В состав стоящего за фактом суждения (пропозиции) могут входить сведения о времени, но они не могут занять место предиката к имени *факт*; ср.: *То, что свадьба длилась всю ночь, факт* и **Тот факт, что свадьба праздновалась в ресторане, длился всю ночь*; см.: [Арутюнова 1998, 488 и сл.]. Итак, факт представляет собой всегда

целое (точку), но он не локализован на линии времени. Его место в логическом пространстве, в котором факты и суждения обычно находятся между собой в анафорических отношениях.

Таким образом, оппозиция начала и конца нейтрализуется в двух основных ситуациях: при трансформации процесса, действия или состояния в событие и при трансформации суждения в факт. В первом случае возникает онтологическое целое, во втором — гносеологическое, осуществляющее переход из реального мира в ментальный.

* * *

Теперь мы хотели бы сказать несколько слов о совместимости понятий начала и конца с понятием целого. Она возможна прежде всего тогда, когда речь идет о произведениях искусства, протяженных во времени: художественной литературе — прозе и поэзии — и музыке.

В художественных произведениях начало и конец, интродукция и эпилог, образующие рамку, обычно строятся по определенной модели. Так, например, если сюжет повествования предполагает жизнеописание героя, то началом служит его введение в мир общих знаний рассказчика и адресата (писателя и читателей). В интродукции даются основные сведения о главном персонаже (его возраст, имя, социальное и семейное положение и пр.), а конец сообщает о развязке фабулы или о последнем периоде жизни героя. Если автор не соблюдает этого правила, читатели считают произведение неоконченным, прерванным, то есть нецелостным. Так, известно, что читатели «Евгения Онегина» идентифицировали эту поэму с жизнеописанием и побуждали Пушкина довести жизненный путь (судьбу) Онегина или по крайней мере историю его любви до финиша. Им могло бы быть, например, устройство его семейной жизни или смерть. Вот как излагает Пушкин в неоконченных набросках рекомендации друзей: *«Вы за „Онегина“ советуете, други, Опять приняться мне в осенние досуги. Вы говорите мне: он жив и не женат. Итак, еще роман не кончен — это клад; Вставляй в просторную, вместительную раму Картины новые — открой нам диораму. ...Пожалуй — я бы рад — Так некогда поэт...»*. То же читаем в ответе Плетневу: *«Ты говоришь: пока Онегин жив, Дотоль роман не кончен — нет причины Его прервать ...к тому же план счастлив — »*. Вариант: *«Вы говорите справедливо, ...Что должно своего героя Как бы то ни было женить, По крайней мере уморить, И лица прочие пристроя,*

Отдав им дружеский поклон, Из лабиринта вывести вон». Друзья Пушкина мотивируют свой совет ссылкой на модель жизнеописания или любовной истории, Пушкин в ответе заменяет мотивировку своего отказа отточием или тире. В последних строфах романа-поэмы, однако, можно найти намек на причину, по которой автор так внезапно и навсегда оставляет своего героя «в минуту злую для него»: «...Онегин дорисован». Завершен также образ Татьяны. Стихотворный роман Пушкина посвящен не любовной интриге, не curriculum vitae его главных персонажей, а их характерам, то есть образам, сложившимся в современной поэту русской жизни, в частности типу русского скитальца, вариант которого уже был дан в образе Алеко; см. об этом в знаменитой Пушкинской речи Достоевского (Достоевский 1984, т. 26, с. 139–145). Достоевский настойчиво подчеркивал, что в поэме «воплотена настоящая русская жизнь с такою творческой силой и с такою законченностью, какой и не бывало до Пушкина» (с. 139; курсив мой. — Н.А.).

Отсутствие сюжетной развязки при завершенности и самодостаточности образов не разрушает целостности произведения. Напомним, что начало «Онегина» также не следует классической модели жизнеописания, причем опущенная интродукция помещена автором в конце 7-й главы. Ее сопровождает следующий комментарий: *«Довольно. С плеч долой обуза! Я классицизму отдал честь: Хоть поздно, а вступление есть».*

Отказ от утвердившихся для разных жанров норм начала и конца стал художественным приемом, причем возникла проблема сохранения целостности литературного произведения, несмотря на то что в нем нет бытийной интродукции, отсутствует «представление» героя читателю и слово *конец* поставлено в финале лишь для того, чтобы снять ожидание конца. При этом, если пропуск введения часто рассчитан на догадливость адресата и представляет собой игровой прием, то отсутствие «всеразрешающего» конца может быть воспринято как знак неснятого выбора, принципиальной множественности решения этических проблем или неопределенности, неокончателности и нецелостности форм жизни и человеческих типов. Существует внешняя и внутренняя незавершенность художественного текста. В первом случае из повествования исключена развязка, во втором не сделан выбор. Внутренняя неокончателность художественного текста может быть знаком утраты целостности современным миром и современным человеком.

Неокончателность и неполнота мира, образ которого воссоздается автором, может, однако, согласовываться с «невысказанной

цельностью» художественного произведения [Белый 1994, 147]. А. Белый один из первых заметил изменения в формах начала и конца современных ему художественных текстов. Его внимание привлекла первая фраза романа С. Пшибышевского «Homo sapiens» («Фальк вскочил окончательно взбешенный»), а также аналогичные начала других произведений этого автора. Вот как он охарактеризовал такой тип начала (*бросок с места в карьер*) в лекции, прочитанной им в 1908 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской перед спектаклем по пьесе С. Пшибышевского «Вечная сказка»: «Одна фраза и в ней водораздел двух стихий, отделяющий творчество великих писателей середины XIX столетия от писателей конца века; одна фраза — а мы уже чувствуем: что-то произошло» [там же]. И далее: «Что же произошло? Описание героя, фабула, место и время действия отодвигаются на задний план; ...между тем эта канва у писателей доброго старого времени выдвигалась на первый план, а потом уже после долгих пояснений автора появлялся герой со своими поступками, встреченный нами, как старый знакомец. А вот у Пшибышевского прямо из мрака неизвестности на сцену выскакивает какой-то Фальк и начинает перед нами судорожно беситься» [там же]. В героях Пшибышевского бушует стихийная сила жизни, проявляющая себя в хаотических, немотивированных движениях и действиях. Там, где личность сближается с полом, утверждает А. Белый, там побеждает безличное (кстати, цитируемая статья А. Белого так и называется «Пророк безличия»). Поэтому писатель не стремится раскрывать характер своих героев последовательно вводимой информацией. «Слово, ставшее плотью, он делит на бесплотное слово и немую плоть» ([там же, 149]; курсив автора). Таким образом, тогда, когда в повествовании и его героях превалирует иррациональное начало, отпадает необходимость в интродукции и завершении художественного дискурса, равно как в его логической связности и в мотивировке событий.

Рассмотренный случай иллюстрирует непосредственную связь отступления от канонической рамки художественного текста с общим развитием повествовательных жанров, хотя, разумеется, отмеченная А. Белым причина отхода от классической модели романа не является единственной. Здесь нет нужды приводить другие примеры.

Зависимость рамки (начала и конца) от жанра словесного художественного произведения и от общих культурных моделей подробно рассмотрена Ю. М. Лотманом [Лотман 1970, 255–265; Лотман 1988, 30–107]. Мы не будем останавливаться на этой проблеме подробно. Хотим обратить внимание лишь на то, что наряду с «безначальными» существуют и «бесконечные» дискурсы, в том

числе художественные. Ю. М. Лотман пишет, что модели культуры с высокой отмеченностью начала обуславливают появление «открытых» текстов, отграниченных только с одной стороны и с необходимостью требующих продолжения. Классическим образом таких текстов являются летописи, хроники, всякого рода злободневная информация, в том числе куплеты типа нозлей и др. [Лотман 1970, 259–261]. К этому можно добавить, что в современном мире наблюдается своего рода возрождение «культуры начала» (или, точнее, «культуры без конца»), заметное в телевизионных сериалах и разного рода опусах, основанных на событиях текущей жизни, вызванных ими размышлениях, случайных наблюдениях; ср. также дневниковые записи, заметки на полях и пр. Такого рода «культура вечного продолжения» в общем случае не обнаруживает движения по восходящей, поскольку, «отдав концы», она вместе с ними отдает «целое».

Здесь следует заметить, что существует и другая, более радикальная, точка зрения на отношения начала, конца и целого в произведениях искусства. Целостность в принципе статична и не линейна. Она уничтожает движение, а следовательно, фактор времени, сводя длительность к simultанности. Мысль о том, что целостность атемпоральна, была высказана К. Леви-Строссом применительно к мифу и музыке, которые он рассматривал по аналогии с речью. Леви-Стросс писал: «...кажется, что музыка и мифология нуждаются во времени, — но только для того, чтобы его отвергнуть. ...Прослушивание музыкального произведения в силу его внутренней организации останавливает текучее время; как покрывало, развеваемое ветром, оно его обволакивает и свертывает» [Леви-Стросс 1972, 27–28]. Целое иерархично. Его модель образует структуру (или организм), а не линию. Речь развивается во времени. Она одномерна, но в основе всякого высказывания лежит структура, часто представляемая как «дерево зависимостей». Это, как известно, в свое время побудило Р. О. Якобсона отказаться от сосюровского принципа линейности речи; см.: [Арутюнова 1997, 8–12]. Проблема целого оказалась важна для моделирования не только художественного дискурса, но и речи как таковой; см. об этом подробно в книге П. Серио [Серио 2001].

* * *

В заключение подчеркнем, что семантика начала, конца и целого образуется в ходе постоянного взаимодействия факторов времени и пространства применительно к миру Природы и его

геометризованной модели, миру традиционных форм жизни и миру цивилизации, миру ментальному и художественному и, наконец, к языку и речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1997 — *Арутюнова Н. Д.* От редактора / Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Белый 1994 — *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994.
- Даль 1978 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. Репринтное издание. М., 1978.
- Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990.
- Дьяченко 1993 — *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
- Леви-Стросс 1972 — *Леви-Стросс К.* Сырое и вареное / Семиотика и искусствоведение. М., 1972.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Лотман 1988 — *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
- Преображенский 1949 — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Репринт. изд. М.; Л., 1949. Т. 1.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Селищев 1928 — *Селищев А.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет: 1917–1926. М., 1928.
- Серио 2001 — *Серио П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе. 1920–1930-е гг. М., 2001.
- Срезневский 1955 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Graz, 1955. Т. 1.
- Узенёва 2002 — *Узенёва Е. С.* Символика *целого* в болгарском свадебном обряде // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- Фасмер 1967 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2.

В. Ю. АПРЕСЯН

НАЧАЛО ПОСЛЕ КОНЦА: ГЛАГОЛЫ *ОЖИВАТЬ* И *ВОСКРЕСАТЬ*

Идея начала после конца, возвращения к жизни после смерти, очень подробно разработана в языке. Возвращение к жизни представляет собой одну из тех любопытных областей, где языковые, наивные представления намного опережают собой научные (в противоположность, например, наивной физике, геометрии и т. п.). Это отставание науки от языка обыгрывается в «Котловане» Платонова; ср.: *Отчего же тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет* (А. Платонов. «Котлован»).

Язык же, в отличие от науки, не только допускает возможность возвращения к жизни, но и детально разграничивает разные способы оживания. В этом разграничении важную роль играют концепты начала и конца, точнее, конца и начала.

В русском языке идея оживания представлена двумя основными лексемами — *ожить* и *воскреснуть*. На первый взгляд, обе лексемы описывают примерно одну и ту же ситуацию — конец (смерть), после которого неожиданно наступает новое начало (возвращение к жизни). Однако на самом деле в большинстве случаев эти лексемы описывают совершенно несхожие ситуации, и одно из основных различий между ними касается именно идей конца и начала, а также причины и способа перехода от конца к началу.

Безусловно, различия между *ожить* и *воскреснуть* далеко не сводятся к упомянутым трем. За каждой из лексем лежит глубокий культурный пласт, связанный с самыми разнообразными пред-

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99-04-00420а) и РФФИ (проект № 00-15-98866).

Первоначальная версия работы, а именно словарная статья глагола *ожить* 1, вошедшая во второй выпуск Нового объяснительного словаря синонимов русского языка, была обсуждена на заседании Сектора теоретической семантики Института русского языка имени В. В. Виноградова. Всем участникам обсуждения — Ю. Д. Апресяну, О. Ю. Богуславской, И. В. Галактионовой, М. Я. Гловинской, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Птенцовой и Е. В. Урысон — автор выражает благодарность за ценные критические замечания.

ставлениями о жизни и смерти — христианскими, мифологическими, сказочными. Для их полного описания потребовалось бы гораздо более обширное исследование, невозможное в рамках данной статьи. Поэтому в настоящей работе анализируются в первую очередь те различия между *ожить* и *воскреснуть*, для которых релевантны идеи конца и начала, а прочие их несходства упоминаются постольку, поскольку они связаны с рассматриваемыми.

Лексемы *ожить* и *воскреснуть* вводят совершенно разные взгляды на событие возвращения к жизни.

Воскреснуть — это религиозный, в первую очередь христианский, взгляд на смерть и возвращение к жизни. В религиозном представлении, как каноническом, так и языковом, смерть представляется как оставление тела душой (ср.: [Wierzbicka 1980]), а возвращение к жизни — как возвращение души в тело (о *душе* как органе жизни ср.: [Урысон 1999]). По этой причине субъект события *воскреснуть* — как правило, человек.

В лексеме *ожить* язык выражает материалистический взгляд на жизнь и смерть, при котором жизнь представляется как совокупность некоторых физиологических признаков (дыхание, определенная температура тела, реакция на происходящее, движение и т. п.), а смерть — как утрата этих характеристик. Возвращение к жизни при таком взгляде — это постепенное накопление этих физиологических признаков. Т. к. *ожить* не вводит представления о душе, а сосредоточивается на физиологической стороне жизни и смерти, то и субъектами этого события могут быть и люди, и животные, и растения.

1. Исходное состояние субъекта у событий *ожить* и *воскреснуть*

Первое, чем различаются события *ожить* и *воскреснуть*, — это исходное состояние субъекта.

Для *воскреснуть* исходное состояние — всегда настоящий, окончательный конец, смерть. *Воскресают* только действительно мертвые; это верно и для прямых, и для переносных употреблений *воскреснуть*; ср. устойчивое выражение *воскреснуть из мертвых*, а также примеры: *Ведь только убитое и может воскреснуть* (Е. Замятин. «Мы»); *Ей надо было болеть и умереть, чтобы воскреснуть, и эта святая работа совершалась* (Н. С. Лесков. «Соборяне»); *Я не болен, я умер: и настоящее мое, и будущее — все умерло, потому что ее нет! — Вороти ее, приведи сюда — и я воскресну!* (И. Гончаров. «Обрыв»).

Человек, который был болен или был в состоянии, близком к смерти, *воскреснуть* не может, так как для такого человека возвращение к жизни не является чем-то невозможным. *Воскреснуть* же — это чудо, совершение невозможного; нельзя сказать **Он был при смерти, но от хорошего ухода воскрес*. Итак, событие *воскреснуть* возможно только для субъекта, который уже перешагнул за черту смерти, находится по ту ее сторону.

Для *ожить* исходное состояние иногда тоже может быть смертью, однако это далеко не самая типичная ситуация. В подавляющем большинстве случаев событие *ожить* происходит с таким субъектом, который был близок к концу, но до полного, окончательного конца не дошел, то есть находится по эту сторону жизни и смерти. Субъект *ожить*, как это ни парадоксально, как правило, жив, и основное, что важно для его состояния, — это отсутствие внешних признаков жизни, подобие смерти, подобие конца; ср.: *Ничего, оживет, смотри — он дышит* (о неподвижном человеке, скорее всего находящемся без сознания). С другой стороны, это естественно, т. к. материалистический взгляд, задаваемый *ожить*, предполагает невозможность возвращения к жизни после настоящей смерти.

Итак, самое типичное исходное состояние субъекта для события *ожить* — это отсутствие движения. Ср. следующие типичные случаи оживания, где исходным состоянием субъекта является неподвижность, оцепенение: *Прибежавшая мать с плачем упала на синее тельце, а потом сунула его под кофту, в теплую утробную темноту — и ребенок ожил* (А. Азольский. «Клетка»).

Очень часто поэтому *оживают* — по совершенно естественным, материалистическим причинам — различные низшие животные и растения, для которых характерны периоды внешнего умирания, периоды, когда они не дают признаков жизни, — так могут *ожить* лягушка, амфибия, грибница, дерево.

Отсутствие движения как исходное состояние субъекта является семантическим компонентом слова *ожить* и в прямом, и в переносных значениях этого слова. Очень часто поэтому *оживают* различные предметы — начинают двигаться после того, как некоторое время были неподвижны, или начинают работать после того, как простаивали; ср.: *Высоко поднятые, висящие бесчисленными рядами полотнища под небом сцены вдруг оживали* (М. Булгаков. «Театральный роман»); — *Щелк, щелк, бац — ожили фотокамеры* (А. Берджесс. «Механический апельсин». Пер. с англ. В. Бошняк).

Так как именно отсутствие движения является очень сильной предпосылкой для события *ожить*, то оно может происходить не

только с живыми объектами, но и с любыми неподвижными неживыми объектами. Однако, естественно, в этих случаях задается уже не материалистический, а некоторый сказочный или магический контекст. Так могут *оживать* статуи, картины, куклы и т. п. — *ожили* Галатея, гоголевский старик из «Портрета», Пинокио и бесчисленные другие персонажи. Ср. также: *Она поощряла Вайнштока в его опытах с потусторонним, причем рассказывала, что у нее периодически оживает в комнате мебель, колода карт перелетает с одного места на другое или рассыпается по ковро, а однажды лампочка, прыгнув с ночного столика на пол, стала подражать собачке и т. п.* (В. Набоков. «Соглядатай»). В этих случаях исходное состояние субъекта вообще ни в каком смысле концом и смертью не является, так как речь идет об изначально неживых предметах.

В некоторых, довольно редких случаях событие *ожить* происходит в тех же условиях, что и *воскреснуть*, а именно когда субъект действительно мертв, достиг окончательного конца. В таких случаях *ожить* задает сказочный контекст, и это событие так же, как и *воскреснуть*, воспринимается как чудо, однако вызванное другими причинами (см. об этом ниже). Так *оживают* в сказках под воздействием живой воды мертвые богатыри и т. п.; ср.: *Серый волк sprysнул мертвой водой раны Ивану-Царевичу, раны зажили; sprysнул его живой водой — Иван-Царевич ожил* («Иван-Царевич и серый волк». Русская народная сказка). Однако, как было сказано, это далеко не самая типичная ситуация для события *ожить*.

2. Конечное состояние субъекта у событий *ожить* и *воскреснуть*

Второе, чем различаются события *ожить* и *воскреснуть*, — это конечное состояние субъекта.

Субъект *воскреснуть* в результате этого события из состояния смерти попадает в новое состояние — не просто жизни, возвращения души в тело, а обновленной жизни, совершая таким образом прыжок — от конца к новому началу. Событие *воскреснуть* — это именно не возвращение к прежнему состоянию, не движение вспять, а движение вперед. Это свойство *воскреснуть* также является очень сильным, и проявляется оно в большинстве употреблений этого слова, как в прямом, так и в переносном значении, причем в переносном даже существенно сильнее и чаще.

Когда мы употребляем глагол *воскреснуть*, говоря о *душе, душе, чувстве*, он практически всегда указывает на обновление по сравнению с исходным состоянием. Ср.: *Юношей воскрес ста-*

рик! / *Слышите, мой ученик?* (М. Цветаева. «Я сейчас лежу ничком...»); *Я встречу борьбу, я буду рад, я воскресну в ней с новыми силами!* (Ф. М. Достоевский. «Идиот»); *Ты воскреснешь, Москва, как обновленное младое солнце, ты снова взойдешь на небеса России* (М. Н. Загоскин. «Рославлев, или Русские в 1812 году»); *Я верю, что старые истины воскреснут еще более прекрасными* (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»).

Это семантическое свойство проявляется даже в синтаксических особенностях *воскреснуть*, а именно в способности подчинять предложно-именные группы вида *в + ВИН*, *в + ПР*, обозначающие переход в новое состояние; ср. устойчивые выражения *воскреснуть в жизнь вечную*, *воскреснуть в новом теле*, а также литературные примеры: *В великом горе нашем мы вновь воскреснем в радость* (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»); *Это правда, что ей теперь тяжело и скучно, очень скучно; Афанасий Иванович угадал мечты ее; она желала бы воскреснуть, хоть не в любви, так в семействе* (Ф. М. Достоевский. «Идиот»).

Что касается субъекта *ожить*, то он может оказаться в результате своего оживания в самых разных состояниях. В «материалистических» употреблении этого глагола, когда субъект не был по-настоящему мертв, *ожить* — значит 'вернуться в состояние полноценной жизни после состояния, близкого к смерти'. Никакой идеи нового начала в *ожить* не заложено, субъект этого события возвращается в свое прежнее состояние, из которого он был выведен близостью к смерти; ср.: *Понесли меня в госпиталь, а я тотчас ожил* (Ф. М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома»).

Впрочем, в своих «нематериалистических», сказочных употреблении, где исходным состоянием субъекта является настоящая смерть, *ожить* также не предполагает нового начала, а указывает на возвращение к прежнему состоянию. На этом построен следующий фантастический пример: *Там, где появляется этот тунгусский метеорит, время с пространством начинают идти вспять — исчезают японские компьютеры, оживают динозавры, вывешиваются старые портреты* (Б. Штерн. «Записки динозавра»). В этот пример неподставим глагол *воскреснуть*, не только потому что он вообще-то неприменим к животным, но главным образом из-за того, что описываемая фантастическая ситуация предполагает возврат в прошлое, возврат к прежнему — ситуация, невозможная для *воскреснуть* — события, обращенного в будущее.

Единственный случай, когда *ожить* указывает на начало чего-то нового, а не на возвращение к старому, — это оживание из-

начально неживых предметов типа статуй или картин. Они действительно начинают новую жизнь, т. к. никакой старой жизни у них не было. Однако идея обновления, нового начала и в этом случае отсутствует у *ожить* по понятным причинам. Ср.: *Однажды, когда святой Франциск на свой простой лад разыгрывал рождественское действо с волхвами и ангелами, — произошло поистине францисканское чудо — он взял на руки деревянного Младенца, и тот ожил* (Г. К. Честертон. «Святой Франциск Ассизский». Пер. Н. Л. Трауберг, Л. Б. Сумм).

Иногда субъект *ожить* может на самом деле и не оживать. Интересно, что для события *воскреснуть* и конец (смерть), и новое начало (жизнь) являются настоящими; для *ожить* ни смерть, ни жизнь необязательны. Если исходным состоянием у *ожить* часто является подобие конца — смерти, то конечным часто является подобие жизни. Вспомним, что концепт *ожить* во многом построен на идее движения: то, что неподвижно, может *ожить*. Оказывается, что и для конечного состояния эта идея очень важна: для того, чтобы *ожить*, в первую очередь надо начать двигаться; так, о *статuye* можно сказать, что она *ожилa*, если она начала двигаться (вообще же ситуации со статуями амбивалентны — иногда статуи могут действительно *оживать*, как *ожилa* Галатея, а иногда они могут приобретать лишь временное внешнее подобие жизни). Однако в целом ситуация, когда субъект *ожить* приобретает не настоящую жизнь, а лишь ее подобие, является достаточно типичной. Ср. в этой связи контрастную пару примеров: *Истлевший покойник вдруг ожил* VS. *Уже истлевший покойник воскрес*. Фраза *Истлевший покойник вдруг ожил* описывает пугающую ситуацию, вызванную, скорее всего, какими-то темными силами, когда скелет вдруг встает, начинает двигаться, ходить, говорить — приобретает внешнее подобие жизни. В то же время высказывание *Уже истлевший покойник воскрес* описывает радостное и светлое событие, когда в мертвое тело возвращается душа и это тело совершенно обновляется, становится телом живого человека; ср.: воскресение Лазаря.

На этом контрасте — новая жизнь, дарованная светлыми силами, для *воскреснуть* VS. подобие жизни, как правило, вызванное магией, для *ожить* — построен разговор Иакова и его приближенного Елиезера в романе Т. Манна «Иосиф и его братья» (пер. С. Алта). После известия (правда, ложного) о смерти Иосифа Иаков, находясь в состоянии глубочайшей скорби, обдумывает, по версии Манна, разные способы возвращения Иосифа к жизни. С точки зрения Елиезера, все эти способы

никуда не годятся, а особенно кощунственным ему кажется последний — Иаков предлагает слепить из глины куклу с внешностью Иосифа и, поцеловав ее три раза, вдохнуть в нее жизнь. Иаков на самом деле мечтает о *воскрешении* Иосифа, однако вместо этого предлагает разные варианты его *оживления* — и этим вызывает ужас у Елиезера, который реагирует на рассуждения Иакова следующим образом: *Мне очень, очень жутко это слышать, — сказал Елиезер с легкой дрожью, — ибо можно подумать, будто я действительно согласился участвовать в таких сомнительных и диковинных делах и этот голем ожил у меня на глазах. <...> Ты дошел уже до сотворения кумиров и колдовства и заставляешь меня <...> участвовать в этом нечестии* (Т. Манн. «Иосиф и его братья»).

3. Способ перехода из исходного состояния в конечное у событий *ожить* и *воскреснуть*

Наконец, последнее различие между *ожить* и *воскреснуть*, которое будет рассмотрено в данной статье, — это способ перехода из исходного состояния в конечное.

Для *воскреснуть* возможен только один способ перехода из состояния смерти в состояние жизни — мгновенное возвращение души в тело, то есть моментальное, точечное событие. Это свойство *воскреснуть* имеет определенные лингвистические рефлексy. Во-первых, несовершенный вид этого глагола, *воскресать*, не имеет процессных значений, а только результативные. Во-вторых, поскольку *воскреснуть* — это моментальное событие, оно не имеет стадий и не может произойти частично, или наполовину, или постепенно. Соответственно нельзя **постепенно воскресать*, **почти воскреснуть*, **слегка воскреснуть*. Если уж воскресение случается, то сразу, полностью и окончательно — отметим, что в этой окончательности вновь появляется идея конца, столь важная для *воскреснуть*.

Событие *ожить* может в некоторых ситуациях происходить мгновенно, однако гораздо чаще *оживать* — это процесс (параллельный процессу *умирания*; о процессе *умирать* ср.: [Wierzbicka 1967]). Вспомним, что *оживать* предполагает материалистический взгляд на мир, где жизнь — это не существование души в теле, а некий набор физиологических признаков — дыхание, движение, определенные реакции. Процесс оживания обычно происходит постепенно, по мере накопления этих признаков, и поэтому может быть и частичным, и неокончательным; ср.: *Он постепенно жи-*

вал — вздохнул, шевельнулся, потом открыл глаза; Он почти ожил; Она слегка ожила. Глагол *оживать*, как типичное обозначение процесса, сочетается с фазовыми глаголами, с наречиями со значением частичности, с наречиями со значением скорости и т. п. Ср. многочисленные примеры постепенного, частичного и неполного оживания в прямых и переносных смыслах: *И вот теперь, на солнышке, он медленно оживает, по капле, по крохе к нему возвращается то, что уже почти до конца из него ушло* (Ю. Гончаров. «Поживите еще, старики»); *Казавшееся мертвым чувство оживало все более и более, поднималось и завладевало сердцем Левина* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»); *Молодой удав <...> убедившись, что кролик не шевелится, начал оживать и вытягиваться в его сторону* (Ф. Искандер. «Кролики и удавы»); *Я слегка опять ожил* (Юз Алешковский. «Рука»); *Кажется, старик оживал все больше* (В. Войнович. «Москва, 2042»). Поскольку оживают, как было показано, часто постепенно — квантами, фазами, то возможно оживать отдельными частями тела. Ср.: *На мне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец. — Но вот послышался свист — Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули* (Н. В. Гоголь. «Вечер накануне Ивана Купала»); *Стали у барины ножки хиреть, / Ездил лечиться, да ножки не ожили* (Н. А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»). Особенно часто оживают лицо и глаза; ср.: *Судья захохотал, глядя, как оживает личико сержанта* (В. Аксенов. «Ожог»); *«Как это он? И отчего так у него вышло живо, смело, прочно?», — думал Райский, зорко вглядываясь <...> в две точки, от которых глаза вдруг ожили* (И. А. Гончаров. «Обрыв»). Все это совершенно невозможно для воскреснуть — глобального, целостного события, в результате которого человек сразу становится живым — целиком и полностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Урысон 1999 — Урысон Е. В. Душа 1, сердце 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (под общим руководством Ю. Д. Апресяна). М., 1999. Вып. 1.
- Wierzbicka 1967 — Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague; Paris, 1967.
- Wierzbicka 1980 — Wierzbicka A. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sydney; New York; London, etc., 1980.

«НАЧАЛО» И «КОНЕЦ» В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ

Очевидная глобальность концептов НАЧАЛА и КОНЦА порождает известные ожидания интересных переосмыслений этих категорий в составе идиом. Речь идет о выборе способа указания на эти концепты, зафиксированного во внутренней форме фразеологизмов. Для указания на эти категории язык часто использует более конкретные концептуальные структуры — области источника (если оперировать терминологией когнитивной теории метафоры).

В соответствии с известными положениями теории локализма, оказавшей весьма существенное влияние на теорию метафоры, можно было бы предположить, что переосмысление пространственных концептов при обозначении НАЧАЛА и КОНЦА превалирует. Однако разбираемый ниже материал показывает, что это не так. Пространственная метафора оказывается лишь одной из многих. В этом отношении типология способов осмысления рассматриваемых концептов оказывается не вполне тривиальной и практически непредсказуемой.

В классическом случае когнитивного моделирования исследование любой понятийной категории начинается с формирования структуры знаний типа фрейма или сценария. В данном случае этот способ анализа напрямую вряд ли применим, так как трудно представить себе набор слотов фрейма (или этапов сценария) НАЧАЛА вообще или КОНЦА вообще. Идиоматика с этой точки зрения оказывается той областью лексической системы, в которой можно найти много различных способов языковой конкретизации этих весьма абстрактных концептов, поскольку каждая идиома, обладающая живой внутренней формой, создает свой особый способ языкового осмысления рассматриваемых категорий.

Концептуальный анализ понятий НАЧАЛА и КОНЦА предполагает три основных направления исследований. Во-первых, это изучение типов метафорических моделей, представленных в идиомах, которые обозначают НАЧАЛО и КОНЕЦ. Основные идеи анализа такого типа представлены в когнитивной теории метафоры (ср. общеизвестные работы Дж. Лакоффа и его коллег [Lakoff, Johnson 1980; 1999; Lakoff 1987]). В результате такого анализа появляется возможность делать выводы о типичных способах наивного понимания соответствующих категорий. «Наивный» понимается при этом как реально используемый человеком в про-

цессе мышления¹. Такой анализ можно назвать направлением «цель → источник». Несколько забежав вперед, отметим, что, хотя и удалось выделить некоторые продуктивные способы переосмысления, многие метафорические переинтерпретации оказались единичными, то есть связанными с единичными идиомами и тем самым непродуктивными. В принципе единичные осмысления могут быть сведены к некоторым типам лишь на достаточно высокой ступени абстракции.

Второе направление в определенном смысле противоположно первому. Это исследование того, как слова *начало* и *конец* и, следовательно, связанные с ними концепты используются в структуре идиом для вторичной номинации самых разных сущностей. Иными словами, есть ли какие-то понятийные сферы, для означивания которых стандартно используются концепты НАЧАЛА и КОНЦА в том виде, в котором они представлены в словах *начало* и *конец*? Если такие понятийные сферы будут обнаружены, то это может дать дополнительную информацию о том, как эти концепты эксплуатируются наивным сознанием. Разумеется, ограничение материала идиомами со словами *начало* и *конец* представляет собой некоторое сужение общей задачи исследования концептов НАЧАЛА и КОНЦА. Такое сужение в данном случае оправданно, поскольку решение этой задачи в полном виде требует исчерпывающего описания семантики всех идиом, что на данном этапе невозможно. Это направление анализа можно несколько условно назвать исследованием «источник → цель».

Третье направление может быть названо «понятийной синтагматикой» и позволяет дать ответ на вопрос, с какими семами актуального значения обычно сочетаются идеи КОНЦА и НАЧАЛА. Например, идея КОНЦА довольно часто сочетается со смыслами 'успех', 'неудача', 'смерть'. В силу ограниченности объема это направление здесь обсуждаться не будет.

Оговорим предварительно материал исследования. В работе были проанализированы, с одной стороны, идиомы, в которых слова *начало* и *конец* используются либо в пространственном (*палка о двух концах*, *свет в конце тоннеля*), либо во временном значении (*конец света*), а с другой — идиомы, в актуальном значении которых присутствует идея НАЧАЛА или КОНЦА. Из рассмотрения были исключены идиомы, в которых метафоризируется не НАЧА-

¹ Разумеется, такая постановка вопроса осмысленна лишь в том случае, если исходить из предположения, что внутренняя форма влияет на способ категоризации действительности человеком.

ЛО или КОНЕЦ, а какие-то другие концепты. Например, в идиоме *начать за/во здравие, а кончить за упокой* концепты НАЧАЛА или КОНЦА выражены глаголами *начать* и *кончить* в их прямых значениях, а в собственно метафорической части идиомы, представленной компонентами *за/во здравие* и *за упокой*, передаются смыслы 'хорошо' и 'плохо'. Кроме того, не рассматриваются выражения, в которых идиоматичность достигается не за счет переинтерпретации, а за счет непрозрачности (о категории непрозрачности см. [Баранов, Добровольский 1996, 51–64]); например, *лиха беда начало*.

Другая особенность привлеченного материала заключается в том, что это не случайная выборка идиом из множества фразеологизмов, а описание русской идиоматики в тезаурусном формате, которое является практически исчерпывающим. Тезаурус включает более 8500 идиом с контекстами употребления. Иными словами, анализируемые здесь идиомы — это фактически все идиомы современного русского языка, в которых смыслы 'начало' и 'конец' являются центральными. В первую очередь это идиомы таксона НАЧАЛО–КОНЕЦ (сюда включались идиомы, в которых 'начало' и 'конец' относятся в первую очередь к процессам и действиям) и таксона НАЧАЛО, СЕРЕДИНА, КОНЕЦ ВРЕМЕННОГО ИНТЕРВАЛА². Обсуждались также и некоторые примеры идиом из других таксонов, в которых рассматриваемые концепты занимают нецентральное положение. Само собой разумеется, что для второго направления («источник → цель») использовались и идиомы других семантических полей.

Начнем с первого из названных направлений.

1. Направление «ЦЕЛЬ → ИСТОЧНИК». Анализ показывает, что в метафоризации НАЧАЛА или КОНЦА, представленной в идиомах, есть ряд общих метафорических моделей. Прежде всего это идея ПРОСТРАНСТВА и связанная с ней идея ДВИЖЕНИЯ. Так, концепт НАЧАЛА пространственно и динамически (т. е. как ДВИЖЕНИЕ) осмысливается во внутренней форме идиом [*плясать/танцевать*] от печки, [*и*] пошло-поехало, полный вперед, лед тронулся [, *господа присяжные заседатели*]. Ср.: <...> впервые бюджет танцует от печки — от фактически собираемых доходов («Сегодня»); Достаточно разок-другой взяться за дубинку — и пошло-поехало. Тогда обществу потребуется еще двадцать лет, чтобы возобновить прерванное движение к свободе («Независимая газета»); — Иди делай макияж, и будем обедать. Потом туфли тебе

² Естественно, идиомы, обозначающие середину временного интервала, в статье не рассматриваются.

подберем, и полный вперед («Огонек»); То ли парламентарии берегли себя для схватки за поправки к закону о разделе продукции, то ли из-за жары силы покинули оппозиционеров, но против Бюджетного кодекса не высказался ни один депутат. Итак, лед тронулся: Бюджетный кодекс прошел первое чтение («Известия»). Пространственно-динамическую кодировку КОНЦА можно увидеть в идиоме *выйти на финишную прямую*: *Подписная кампания на периодические издания в большинстве регионов вышла на финишную прямую* («Известия»).

Общей метафорической моделью, обслуживающей и НАЧАЛО и КОНЕЦ, является также метафора ВОЙНЫ (в широком понимании), ср. идиомы *боевое крещение*, *вступить в строй*, *вести в строй* (что-л.), в которых выражается идея НАЧАЛА, и идиому [*сидеть/ждать...*] *до победного*, в которой представлена идея КОНЦА. Идиома *боевое крещение* интересна тем, что ее внутренняя форма двуслойна: первое метафорическое осмысление связано с идеей боя, а стоящее за ним — с идеей церковного обряда. Общей является также метафора КОММУНИКАЦИИ, точнее — ВХОДА В КОММУНИКАЦИЮ и ВЫХОДА ИЗ КОММУНИКАЦИИ, ср. *снова(-)здорово* (по актуальному значению — повторное начало, а по внутренней форме — возобновление коммуникации через приветствие) и *и привет; и до свидания* (в контекстах типа *Отработал свое — и привет/и до свидания*); *Раньше, по словам Н. Белого, бродяги задерживались здесь недолго. Отоспится, отъестся — и до свидания*. Теперь же картина изменилась: *от добра добра не ищут* («Известия»)).

Еще одну общую метафорическую модель — метафору СЧЕТА — можно увидеть в идиомах [*начать*] *с нуля*, *перво-наперво* и (чьи-л.) *дни сочтены*. В идиомах типа [*еще*] *на заре* (чего-л.) и *на закате* (чего-л.) фиксирована метафора ВРЕМЕНИ СУТОК. Ср.: *Как-то на заре перестройки устроили советским рокерам тур по Греции <...>* («Московский комсомолец»); *Как сообщил «Фокус», на закате эпохи холодной войны шесть теперь уже бывших сотрудников Национальной службы безопасности (НБА) США, работавших в Западном Берлине, продали КГБ секретные коды телефонной связи, которой пользовались германская разведка, а также лидеры стран НАТО* («Сегодня»).

К числу общих моделей можно отнести и ГАСТРОНОМИЧЕСКУЮ метафору. Ср.: *первый блин комом; на десерт; на закуску*³; *остатки сладки; по усам текло, а в рот не попало*. Если для пер-

³ Подробнее об этом выражении см. статью И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева в наст. изд.

вых четырех идиом мотивация ясна, то для последней при абсолютно прозрачной внутренней форме связь актуального значения с ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ метафорой неочевидна. Для прояснения мотивации имеет смысл привлечь еще один слой переосмысления — метафорическую модель НАРРАТИВА. Известно, что этой формулой часто заканчивались русские волшебные сказки.

Для метафорического осмысления и НАЧАЛА и особенно КОНЦА достаточно типична метафора ПИСЬМА. Концепт НАЧАЛА представлен в рамках этой метафоры идиомой *проба пера*: *Удачной оказалась режиссерская проба пера известного британского актера Гэри Олдмана — фильм «Не для внутреннего потребления». Он показывает лондонское пролетарское дно с его насилием, пьянством, наркотиками и прочими свинцовыми мерзостями («Видео-Лощман»)*. Трудно интерпретируема, но явно близка к метафоре письма речевая формула [и] *пошла писать губерния*.

Для концепта КОНЦА при использовании данной метафорической модели способ указания на актуальное значение сводится к фиксации во внутренней форме знака конца предложения или текста: например, *поставить [последнюю] точку (в чем-л.), подвести черту (под чем-л.)*. Ср.: *Сценарий Сорокина и Зельдовича «Москва» — признание в любви к жирной и самодовольной Москве — поставил точку в эволюции самого автора («Общая газета»); Конец холодной войны подвел черту под представлениями о сферах влияния, оставшимися от эпохи колониальных империй («Итоги»)*. Конечно, поскольку письменный текст требует линейного расположения знаков в пространстве, то здесь можно усмотреть связь с метафорой ПРОСТРАНСТВА. Однако с чисто лингвистической точки зрения это вряд ли интересно.

Близкая по внутренней форме идиома *поставить/расставить все точки над i* основана на высвечивании идеи окончательной готовности текста. В ее актуальном значении фиксировано не столько понятие КОНЦА, сколько ЯСНОСТИ, ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЯ. Сема 'конца', однако, присутствует в актуальном значении. Ср.: *Иствуд не был бы Иствудом, если б позволил себе провести на весьма избитой сценарной мякине. Он с элегантностью, шармом и артистизмом обходит все рогатки, а также препоны, расставляет все точки над i, и порок и добродетель в который раз на полагающихся им местах («Сегодня»)*.

Возможна также эксплуатация идеи зачеркивания написанного — *поставить крест (на чем-л./ком-л.)*. Однако центральное положение в семантике этой идиомы занимает идея НЕУДАЧИ. Близка к метафоре ПИСЬМА идиома [и] *весь сказ*, во внутренней

форме которой эксплуатируется представление о КОНЦЕ НАРРАТИВА/ДИСКУРСА.

Итак, несмотря на специфичность и неповторимость образной основы каждой идиомы, явная концептуальная взаимозависимость НАЧАЛА и КОНЦА, их вхождение в одно концептуальное пространство позволяет метафорически осмыслять их в рамках единой области источника. Это объясняется тем, что данные области источника, с одной стороны, разворачиваются во времени и тем самым имеют начало и конец или, с другой стороны, сопоставляются с точками в пространстве, осмысляемыми как начало или конец движения.

Обратимся к идиомам, во внутренней форме которых представлены метафоры, специфичные для НАЧАЛА или КОНЦА.

Некоторые метафоры НАЧАЛА связаны с идеей ОТСУТСТВИЯ. Содержательно это интерпретируется в том смысле, что в результате некоторых процессов или целенаправленной деятельности человека что-то возникает. Источник в этом случае выбирается тоже довольно абстрактный, например, концепт СТРОИТЕЛЬНОЙ метафоры — *на пустом/ровном месте* (внутренняя форма данной идиомы на более высокой ступени абстракции возводится к идее ПРОСТРАНСТВА, и в этом смысле это выражение можно считать включенным в общую для НАЧАЛА и КОНЦА пространственно-динамическую метафорическую модель). Разумеется, глаголы семантически поддерживают соответствующее прочтение, что неизбежно при использовании такой абстрактной области источника. Ср.: *В молодости все проходит легче, много еще впереди, возможно, хорошего. А у нас? Начинать на пустом месте, когда уже под сорок, очень тяжело. Ни площади, ни прописки, ни прав, ни денег, ни работы... ни прежних сил* («Огонек»); *Я не имею опыта построить что-то на ровном месте, с нуля, бизнес складывается постепенно* («Известия»).

СТРОИТЕЛЬНАЯ метафора представлена также в идиомах других семантических полей, в структуре значения которых присутствует сема 'конца': *сровнять с землей (что-л.), камня на камне не оставить*. Однако она не занимает в этих случаях центральное положение, так как доминирующей здесь оказывается идея УНИЧТОЖЕНИЯ: *В результате снимают они с полки современные издания, к примеру, Батюшкова или Вяземского, заглядывают в комментарии и давай их дополнять, да так, что камня на камне не остается...* («Независимая газета»); *Здесь, возле Покровского мужского монастыря, хоронили, говоря новоязом, первых лиц Симбирска. Большевики решили, разумеется, «вбить*

в прошлое осиновый кол»: кладбище сровняли с землей, сделали асфальтовые дорожки, засадили деревьями и кустарником. Не тронули, конечно, только могилу отца Ульянова-Ленина («Известия»).

Для выражения идеи НАЧАЛА ВРЕМЕННОГО ИНТЕРВАЛА выделяются следующие метафоры, представленные в нескольких идиомах: объектная метонимия — *с колыбели*; *с пеленок*; *с/от младых/молодых ногтей*, эксплуатирующая «символы младенчества» для обозначения начала жизни.

Специфичной оказывается также метафора ПРИХОДА ВЕСНЫ для выражения первых признаков чего-либо нового; ср. *первая ласточка*. Последняя идиома метафорически двуслойна: за метафорой ПРИХОДА ВЕСНЫ скрывается метонимия *первой ласточки* как символа прихода весны. В рамках этой концептуальной метафоры может рассматриваться и обсуждавшаяся выше идиома *лед тронулся*. Будучи элементом концептуальной сферы ПРОСТРАНСТВА и ДВИЖЕНИЯ, она одновременно указывает на характерный признак прихода весны.

Для концептов НАЧАЛА и КОНЦА обнаруживается целый ряд единичных метафор, которые не формируют никакого единого концептуального пространства. В силу этого их трудно рассматривать как типичные способы осмысления этих концептов. Так, для идиом НАЧАЛА к единичным относится идиома *для затравки*, исторически возводимая к ВОЕННОЙ метафоре, но синхронно не опознаваемая как таковая. За речевой формулой *давненько не брал я в руки шашек* стоит метафора ИГРЫ, осложненная культурно обусловленными ассоциациями, связанными с гоголевским текстом-источником.

Для концепта КОНЦА к единичным метафорам относятся: АНИМАЛИСТСКАЯ метафора — *лебединая песнь/песня*; метафора МОРСКОГО ДЕЛА — *суши весла!*; МУЗЫКАЛЬНАЯ МЕТАФОРА — (*чья-л.*) *песенка спета*; метафора ОПУСТОШЕНИЯ ВМЕСТИЛИЩА — *сливай воду!*; ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ метафора — *положить на стол (что-л.)*; ТЕАТРАЛЬНАЯ метафора — *под занавес*. Исторически возводимая к метафоре ИГРЫ идиома *подбить бабки* синхронно не мотивирована. К идиомам, за которыми не стоит некая четко осознаваемая метафора, можно далее отнести выражения *дове-сти до ума (что-л.)*, *гуляй, Вася!*, [*и*] *дело с концом*.

Несмотря на их внешнюю уникальность, на более высокой ступени абстракции обнаруживается важное общее свойство некоторых из рассмотренных метафор. В основе многих метафор лежит идея завершения некоторой деятельности: *подбить бабки*; *суши весла!*; (*чья-л.*) *песенка спета*; *сливай воду!*; *под занавес*;

наводит глянец; гуляй, Вася!; окончен бал [, погасли свечи]; мавр сделал свое дело, мавр может уйти/удалиться.

2. Направление «ИСТОЧНИК → ЦЕЛЬ». Абстрактность обсуждаемых концептов приводит к тому, что при метафоризации они используются в более конкретных вариантах — как конец объекта (палки, веревки и т. п.) или как часть пространства (край, кромка, граница и пр.). Важно отметить, что данное направление исследований предполагает семантическую членимость идиомы. Действительно, если идиома семантически нечленима, то есть для ее отдельных компонентов нельзя представить самостоятельные семантические интерпретации (части/компоненты актуального значения), то трудно говорить о переинтерпретации анализируемых слов.

Для концепта НАЧАЛА в нашем материале были обнаружены две идиомы с лексемой *начало*: *под началом (чьим-л./у кого-л.)* и *начало [всех] начал*. В первом случае можно считать, что *начало* осмысливается как нечто главное и важное, ср. также *начальник*. В классическом понимании здесь вряд ли можно говорить о метафоре, поскольку сопоставляются две очень абстрактные сущности и интуиция носителей языка не позволяет обнаружить здесь метафорическое отображение одной концептуальной области в другой. Спорным случаем можно считать также и выражение *начало [всех] начал*. Здесь *начало* представлено в значении 'основа (чего-л.)' и тем самым напоминает только что рассмотренный случай. В целом можно сказать, что в идиоматике со словом *начало* и соответствующим ему концептом не связано никакой устойчивой области цели.

Со словом *конец* в русском языке существует целый ряд идиом: *не найти концов*; *прятать концы в воду*; *отдать концы*; *пропасть с концами (куда-л.)*; *концы с концами не сходятся (у кого-л.)*: *еле сводить концы с концами*; *конца не видно (чему-л.)*; *нет конца-краю*; *нет ни конца, ни края*; *без конца и края*; *во все концы света*; *из конца в конец*; *трясти концом*; *конец света* (с вариациями *наступает конец света*; *край света пришел*); *конец концов уже подкрался* (авторский эвфемизм Юза Алешковского). Кроме того, имеются и коллокации типа *ему пришел конец* (*Вдруг разглядел в полумраке белую с синими цветами фарфоровую вазу, стоявшую на полу. Она звала его. Схватил стеклянно-скользкое тело, поднял над головой — и Краснову пришел бы конец, но <...>* (В. Дудинцев. «Белые одежды»)). В некоторых из этих выражений метафорическое переосмысление отсутствует, следовательно, их не имеет смысла здесь рассматривать. Другие выражения обнаруживают определенные метафорические переинтерпретации. На переосмыслении КОНЦА как объекта (или его части), расположенного в

пространстве, в значении 'следов некоторой деятельности' основаны идиомы *не найти концов, прятать концы в воду*. Близка к этой интерпретации идиома *пропасть с концами (куда-л.)*. В идиомах *концы с концами не сходятся (у кого-л.)*, *еле сводить концы с концами* КОНЦЫ воспринимаются как края какого-то объекта, которые в нормальном случае должны совпадать. Иными словами, здесь, как и выше, мы встречаемся с пространственной интерпретацией. Однако в данном случае трудно приписать слову *концы* какой-то компонент актуального значения, то есть семантическая членимость у этих идиом отсутствует. Идиома *палка о двух концах*, наоборот, позволяет интерпретировать слово *концы* как один из аспектов рассмотрения некоторой проблемы.

В отличие от предшествующих случаев в идиомах *конца не видно (чему-л.)*; *нет конца-краю*; *нет ни конца, ни края*; *без конца и края*; *во все концы света*; *из конца в конец* КОНЕЦ — это не часть объекта (ср. конец веревки, палки и т. п.), а часть пространства. Именно это пространственное прочтение слова *конец* («конец как граница») и сохраняется в актуальном значении идиомы. Следовательно, метафорическая переинтерпретация здесь отсутствует.

3. Заключение. Рассмотренный материал показывает, что выделяются общие и специфичные для понятий НАЧАЛА и КОНЦА метафорические модели. Второе направление исследований не дало никаких значимых результатов, что объясняется высокой абстрактностью анализируемых концептов. Иными словами, *начало* и *конец* практически не выступают как источники метафорической интерпретации.

Проведенное исследование является частью более общей исследовательской программы, центральная задача которой представляет собой исчисление всех возможных концептов-источников для обозначения определенных целевых концептов и наоборот. Только при достаточно полном описании всей идиоматики по предложенной технологии можно сделать значимые выводы об устройстве наивного сознания, оперирующего культурно обусловленными категориями.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов, Добровольский 1996 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиомы и идиоматичность // Вопросы языкознания. 1996. № 5.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
- Lakoff, Johnson 1999 — Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. New York, 1999.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Тема настоящей статьи — слова со значением результата. Мы рассмотрим три вопроса: 1) место концепта «результат» во фрагменте русской лексики, описывающей причинно-следственные отношения; 2) русские слова со значением результата и смысловые различия между ними; 3) изменения в данном фрагменте языковой системы, произошедшие за последние 200 лет.

Фрагмент лексики, описывающий причинно-следственные отношения, чрезвычайно важен для языка. Однако его исследование сталкивается с целым рядом трудностей. Во-первых, соответствующие слова близки к логическим понятиям, и часто бывает трудно разграничить логический смысл 'импликация' и значение отдельных лексем естественного языка. Во-вторых, описываемые слова близки к примитивам, что вызывает трудности метаязыкового характера: в языке нет более простых слов для объяснения данных.

1. Причинно-следственная и телеологическая стратегии

В словарях *результат* часто толкуется через *следствие*. Между тем каждый из этих концептов занимает свое особое и очень важное место в языковой картине мира, и различия между ними чрезвычайно глубоки. Однако определить эти различия не так просто. *Результат* и *следствие* взаимозаменяемы в огромном числе контекстов типа *Наводнение — результат <следствие> таяния снегов*. Чем же они отличаются?

Первое, что бросается в глаза, — более непосредственная связь с исходной ситуацией у *результата*, чем у *следствия*. Естественно звучит: *Этот перелом не может быть результатом паде-*

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 99-04-00420а), а также РФФИ (проект № 00-15-98866).

В статье обобщаются результаты работы авторов над синонимическими рядами РЕЗУЛЬТАТ и СЛЕДСТВИЕ для третьего выпуска Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Эти словарные описания обсуждались на рабочих семинарах Отдела теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю. Д. Апресяна. Авторы благодарят руководителя семинара и всех его участников за ценные замечания, высказанные при обсуждении.

ния: *травма получена в результате удара тупым предметом; Ваш артроз — следствие давнего перелома*. Однако если поменять *результат* и *следствие* местами, обе фразы становятся неестественными. Впрочем, бывает *прямое следствие* и *отдаленный результат*.

Кроме того, *следствие* может существовать одновременно с первоначальным положением дел, в то время как *результат* должен за ним следовать. Поэтому только *следствие* возможно, если речь идет о взаимосвязи между двумя свойствами. Ср.: *Его терпимость — следствие глубокого знания человеческой природы; Невозможность употребления данного глагола в этом контексте — это следствие его фактивности* при абсолютно невозможном в подобных контекстах *результат*.

Основное же различие между словами *следствие* и *результат* лежит в области целеполагания.

Слово *следствие* (так же, как и его синоним *последствие*) связывается прежде всего с описанием процессов, которые не поддаются контролю со стороны субъекта. В прототипическом случае оба слова используются применительно к природным явлениям; ср.: *Последствия землетрясения были катастрофическими*. Когда эти слова относятся к человеческой деятельности, они указывают на то, что субъект не контролирует или не полностью контролирует ситуацию. Поэтому приемлемо *Эта трещина — следствие недобросовестной работы строителей*, но плохо **Новая клумба — следствие наших совместных усилий; *Ее красота — следствие работы бригады визажистов*.

В отличие от этих слов, слово *результат* ориентировано в первую очередь на описание целенаправленной деятельности человека, Ср. правильное *Новая клумба — результат наших совместных усилий* и *Ее красота — результат работы бригады визажистов*. Тем не менее слово *результат* свободно используется и тогда, когда речь идет о ситуациях, не контролируемых человеком, в том числе о природных процессах. Ср.: *Капитан Горталов — доказывал редактору, что протуберанцы являются результатом падения твердых тел на солнце и расплескивания его массы* (М. Горький. «Жизнь Климата Самгина»).

Следствием фундаментального противопоставления результата и следствия по признаку целенаправленности является и следующее ограничение синтагматического характера. Естественны пара *причина — следствие* и пара *цель — результат*, но гораздо менее естественно соединение в одном предложении причины с результатом и тем более цели со следствием.

Вообще пары *причина — следствие* и *цель — результат* противопоставлены друг другу как манифестации двух стратегий концептуализации отношений между двумя ситуациями. Они, однако, во многом несимметричны. Пожалуй, можно сказать, что для языка важны в первую очередь *причина* и *результат*, а *цель* и *следствие* — вторичные понятия¹.

Сам по себе вопрос о соотношении причины и цели достаточно сложен. В работе [Рахилина 1989, 51] говорится, что вопросительные слова *зачем* и *почему*, в сущности, квазисинонимы и различаются только исходным предположением вопроса: «...вопрос со словом *зачем* может задаваться говорящим, только если он считает, что ситуация, о которой задается вопрос, — управляема. Если это не так, то должен быть задан вопрос со словом *почему*. Сказанное означает, что если (при условии, что к данному предикату возможны оба типа вопросов) задан вопрос со словом *зачем*, то слушающий понимает, что ситуация представляется говорящему управляемой. Напротив, если при тех же условиях из двух вариантов вопроса об оправдании выбран вариант с *почему*, то слушающий понимает, что говорящий оценивает ситуацию как неуправляемую (ср. противопоставления типа: *Почему вы смеетесь?* — *Зачем вы смеетесь?*; *Почему вы так громко говорите?* — *Зачем вы так громко говорите?*)».

Такая интерпретация не объясняет, однако, противопоставлений типа: *Почему ты так поступил?* — *Зачем ты так поступил?* Они явным образом не могут различаться представлением об управляемости: предикат *поступить* не может указывать на неконтролируемое действие. Просто спрашивающего интересуют в этих случаях разные вещи. В случае с *почему* ожидается ретроспективное объяснение, так сказать, историческое: из каких составляющих сложилась эта ситуация, какие этапы к ней привели — не важно, в какой степени субъект контролировал ситуацию на каждом этапе пути². А в случае с *зачем* ожидается проспективное и идеальное объяснение: поступок сам рассматривается как часть пути к какой-то предвосхищаемой ситуации, и спрашивающий хочет установить его место.

Исходное предположение *зачем*-вопроса состоит не только и, может быть, не столько в том, что данная ситуация контролирует-

¹ О словах *следствие* и *последствие* см. подробнее в работе: [Богуславская, Левонтина 2001].

² Значимость причинно-следственной стратегии в объяснении целенаправленной деятельности человека демонстрирует теория *unintended consequences* К. Поппера.

ся субъектом, но и в том, что данное действие, деятельность и т. п. не самодостаточны, не замкнуты в себе, а занимают какое-то место в иерархии, и значит, их существование оправданно. Поэтому становится понятным стремление человека распространить сферу *зачем-вопросов* и на мироздание: сама их возможность действует успокаивающе.

Целенаправленная деятельность является основой процессов, приводящих к определенному результату. И естественно, что концепт «результат» в гораздо большей степени, чем «цель», применим к описанию природы и вообще естественных процессов: в цели слишком много личного³.

Это концептуальное различие должно найти свое отражение в толкованиях слов *результат* и *следствие*. Мы не можем, однако, в каком-либо виде вводить идею целеполагания в толкование слова *результат*, потому что такое толкование противоречило бы реальным употреблением этого слова. Напротив того, в толковании слова *следствие* уместно указать на отсутствие целеполагания. В этом случае толкование будет объяснять неправильность примеров типа **Ее красота — следствие работы визажистов*.

Таким образом, создается парадоксальная ситуация. Как было сказано выше, результат в прототипическом случае связан с целенаправленной деятельностью. Само понятие цели представляет собой сложный смысл, в который идея причины входит дважды: при целенаправленной деятельности, с одной стороны, человек готов совершить определенные действия, потому что считает, что они приведут к желаемому результату, с другой стороны, желаемый результат достигается, потому что совершаются определенные действия. Ср. толкование Ю. Д. Апресяна: «Цель — это то, что некто хочет (содержание чьего-л. желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» [Апресян 1974, 129]. Ср. также толкование этой лексики в работе [Жолковский 1964, 69].

Поэтому, казалось бы, толкование слова *результат*, ориентированного в прототипическом случае на целенаправленную деятельность, должно быть более сложным, чем у слова *следствие*, которое с целенаправленной деятельностью не связано. Между тем дело обстоит как раз наоборот.

³ Ср. в этой связи: «Так же как для природы характерна категория причины, для человека характерна категория цели, но с тем различием, что причина ассоциируется с ненормативными явлениями и отрицательной оценкой, а цели — с положительными событиями и позитивной оценкой» [Арутюнова 1992, 14].

Слова, выражающие концепты «результат» и «следствие» (*результат, итог, исход, плод; следствие, последствие*) не должны толковаться друг через друга, а должны получить независимые толкования. В этих толкованиях, разумеется, будет много общего. Все эти понятия предполагают, что имеют место две так или иначе связанные друг с другом ситуации: исходная и итоговая. Различия в характере связи между этими двумя ситуациями определяют различия в толковании указанных лексем.

Предлагаются толкования следующего типа:

X — результат Y-a = 'X начал иметь место, потому что ранее имела место ситуация Y или какая-то ее фаза';

X — следствие Y-a = 'X имеет место, потому что имеет или ранее имела место ситуация Y; наличие X-a не являлось целью субъекта ситуации Y'.

Отношение к идее целенаправленности — это важнейший признак, различающий слова русского языка, описывающие причинно-следственные отношения. Для слов *причина* и *из-за* характерно наличие такого же ограничения, как и для слова *следствие*. Ср. неудачное высказывание **Причина ее красоты — работа визажистов*; **Она хорошо выглядит из-за работы визажистов* (см. о причинных предлогах [Левонтина 1997: 144–152]). Свободен от этого ограничения причинный союз *потому что*; ср.: *Она хорошо выглядит, потому что над ней поработали визажисты*. Поэтому никак нельзя считать, что слова *причина* и *потому что* различаются только синтаксически. Если значение *потому что* близко к логическому понятию причины, то само русское слово *причина* отягощено дополнительным смысловым компонентом. Между прочим, этот факт является аргументом в пользу того, чтобы считать семантическим примитивом союз *потому что*, а не существительное *причина* и не предлог *из-за* и т. п.⁴ По тем же соображениям мы используем именно союз *потому что* в толкованиях слов *результат* и *следствие*.

Причинно-следственная и целевая лексика сокровенным образом связана с понятиями начала и конца. Причина естественно ассоциируется с началом, а цель — с концом. При этом если при-

⁴ В работе [Вежбицка 1999, 683–684] приводится список семантических примитивов, среди которых упоминается, в частности, единица ПОТОМУ ЧТО/ИЗ-ЗА. По нашему мнению, *из-за* содержит дополнительный семантический компонент 'следствие является незапланированным и скорее нежелательным'. Ср. неправильное **Он поступил в институт из-за того, что много занимался при нормальном* Он провалился на экзаменах *из-за того, что мало занимался*. Отметим, что *потому что* одинаково приемлемо в обоих контекстах.

чина — начало, то в качестве конца выступает *следствие*. А вот в паре *цель — результат* ни один из членов не воплощает идею начала. *Результат* мыслится как конец, а *цель* совмещает в себе идею конца как планируемого результата и начала как побуждающего к действию мотива.

2. Слова, выражающие концепт «результат»

Для выражения идеи результата русский, как, впрочем, и многие другие языки, использует несколько продуктивных метафор. Образованные таким образом лексемы в той или иной степени сохраняют семантические различия, мотивированные их внутренней формой. Сама эта внутренняя форма ощущается в разной степени у разных слов и в разные периоды развития языка. Наиболее типичны, пожалуй, три метафоры:

- органическая: *плод*, ср. также англ. *fruit*;
- динамическая: *выход* (*продукции*), *исход* (*операции*);
- акциональная: *действие* (*лекарства*), *эффект*;
- счетная: *итог*, *результат*; ср. также нем. *Bilanz* ⁵.

Мы не сможем здесь подробно рассмотреть все слова, выражающие идею результата. Так, *продукт*, *результат* (в математическом, спортивном и метрологическом значениях), *выход*, *исход* останутся за пределами рассмотрения. См. об этих словах [Богуславская, Левонтина, в печати]. Некоторые из них очень интересны, но имеют более узкое значение. Так, *исход* всегда предполагает ситуацию борьбы, противостояния, выбора; ср.: *исход матча*, *исход операции*. В этих случаях предполагаются два основных варианта развития событий: жизнь или смерть, победа или поражение; удача или неудача. Например, *исход матча* — означает ответ на вопрос, кто выиграл, в то время как *итог матча* — какой счет, а *результат матча* — возможно, еще то, что, например, уменьшились шансы выйти в финал и т. п.

Основные слова современного русского языка, выражающие концепт «результат», — *результат*, *итог* и *плод*. Семантические различия между ними лишь в незначительной степени мотивированы их внутренней формой.

⁵ Наличие здесь счетной метафоры не случайно. Она производна, по-видимому, от счетной метафоры, используемой для описания ментальных состояний, и поддерживается в русском языке тем, что один из основных глаголов мнения — *считать*.

Главным стало самое новое слово, вошедшее в русский язык в начале XIX в., — *результат*. Это слово наиболее употребительное, оно имеет самое общее значение и широкую сочетаемость.

Для описания семантических противопоставлений между словами *результат*, *итог* и *плод* существенны три семантических признака.

Во-первых, *результат* — это объективный факт, положение дел, возникающее в любой причинно-следственной цепи, в том числе природной. При целенаправленной деятельности *результат* может быть как запланированным, так и незапланированным. Ср.: *Демагогические приемы в политике, даже если и приносят кратковременный результат, неизменно кончаются одним и тем же: разочарованием и усилившимся скептицизмом масс* (Уппсальский корпус) и *С тяжелым сердцем я должен признаться, что все мои усилия пропали даром и даже, к моему ужасу, дали обратный результат* (М. Булгаков. «Театральный роман»); *И чем ближе он подвигался к ней, тем больше чувствовал Алпатыч, что неблагоразумный поступок его может произвести хорошие результаты* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

Однако в экзистенциальных конструкциях, которые характерны для слова *результат* и в которых он не может быть заменен ни на один из своих синонимов, *результат* понимается исключительно как достижение основной цели ситуации Y; ср.: *есть результат, нет результата, без результата, дать результат*. По контрасту с ним существительное *плод* в экзистенциальных контекстах, и в особенности в контекстах отрицательно-экзистенциальных, не употребляется; ср.: *Уже есть первые плоды этих усилий; *Плодов нет*.

Существительное *результат* употребляется в случае, когда ситуация Y уже завершилась; ср.: *Его хромота — результат травмы*. При этом *результат* более свободно, чем его синонимы, употребляется и в том случае, когда ситуация Y еще не завершилась; ср.: *Работа только началась, но уже есть первые результаты; Одним из важных результатов --- развития когнитивной науки является идея неразрывной взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти, и процессов, определяющих производство и понимание языковых сообщений* (Уппсальский корпус).

Важной особенностью существительного *результат* является его способность употребляться в случае, когда между завершением ситуации Y и наступлением ситуации X имеется большой временной зазор. Ср.: *Головные боли в подростковом возрасте час-*

то являются результатом родовой травмы. Очень показательно в этом смысле характерное для этого слова противопоставление непосредственных и отдаленных результатов.

В-третьих, существительное *результат* естественно употребляется как ретроспективно, так и проспективно: *Ее неопытность в таком сложном, ответственном деле может привести к самым плачевным результатам* (А. П. Чехов. «Жена»); *Результатом должна стать большая направленность девушек на женский стереотип поведения — замужество, рождение и воспитание ребенка, забота о муже, о доме* (Уппсальский корпус); *будущие <ожидаемые, желаемые> результаты*.

Слово *итог* также имеет ряд ярких особенностей. Во-первых, *итог* по сравнению с *результатом* — это нечто более окончательное; ср. прилагательное *итоговый*: *Мы с тобой вместе слишком много лет, — сказал он четко, будто формулируя итог, — и уже не имеем права врать друг другу* (Ю. Визбор. «Завтрак с видом на Эльбрус»). *Итог* сохраняет при этом метафору суммы нескольких разных вещей, ср. неправильное **Итог броска* (надо *результат броска*), **итог попытки* при естественном *итог деятельности*, *итог многочисленных попыток*. По этой причине *итог* обычно предполагает, что ситуация уже завершилась или, во всяком случае, развилась достаточно, чтобы можно было судить о том, каков будет ее окончательный результат. Ср.: *Жатва позволяет подвести первые итоги* (Уппсальский корпус) [такое высказывание едва ли может быть сделано в самом начале жатвы]; *Настала пора спокойного осмысления полученных результатов, планирования будущих исследований, но не подведения даже предварительных итогов* (Уппсальский корпус).

При этом значительный временной зазор между завершением ситуации и *итогом* обычно не предполагается; ср. сомнительное *?отдаленные итоги*. Нельзя также *подвести итоги эпохе*, которая давно закончилась. Ср.: *Предстоит проанализировать принципиальные итоги трех лет жизни и работы в условиях перестройки, и особенно первых месяцев действия Закона о предпринимательстве* (Уппсальский корпус).

Итог обычно употребляется ретроспективно; ср.: *Черепков сослался на итоги референдума еще 1991 г., когда горожане одобрили упразднение районов* («Русская мысль», 14.03.97); *Вечером Чубиков и его помощник — возвращались к себе домой; они сидели в шарабане и подводили в своих головах итоги минувшего дня* (А. П. Чехов. «Шведская спичка»). Проспективное употребление для этого слова возможно, но крайне нехарактерно; ср. еще при-

емлемое *Переговоры* продолжаются. Каковы же будут итоги?; и сомнительное? *Итог переговоров* пока неясен — они еще не закончились.

Кроме того — и это, пожалуй, самое главное — *итог* указывает не просто на новое положение дел, а на сочетание самого события и интерпретации, вывода: Он <...> ум имел систематический, память огромную, а ведь это-то и действует на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть неверные, да итоги! Совершенно добросовестный человек на это не годится (И. С. Тургенев. «Рудин»). Здесь говорится о *неверных итогах* по аналогии с сочетанием *неверные выводы*.

Название повести Трифонова «Предварительные итоги» выражает ту мысль, что герой не только механически суммирует то, чего он достиг или не достиг в жизни, но и осмысливает, оценивает свою жизнь. В отличие от *предварительных итогов*, *предварительные результаты* — то, что нужно еще перепроверять.

Переводить название повести Трифонова, например, на английский нужно словом *results* (результаты), однако при этом часть смысла теряется: *preliminary results* — это нечто более объективное, чем *предварительные итоги*⁶. В этом специфика *итога* — это одновременно и ментальный объект (как *вывод*), и объективная реальность, как *результат*. Приведем еще один пример на эту тему: *Как и положено пьющему в одиночестве мужчине, я думал о собственной жизни, о жизни вообще, о женщинах брошенных и еще нет, о профессии и своем в ней месте, о безусловно скорой смерти, о пьянстве, о поражении как итоге всего* (А. Кабаков. «Последний герой»). Здесь хорошо видно, что имеется в виду и не результат, и не вывод, а нечто среднее.

Весьма характерно название журнала и информационно-аналитической телепрограммы «Итоги». Оно противопоставлено таким названиям, которые подчеркивают информационный характер издания или передачи: *Новости за неделю*, *Newsweek*, различным «обзорам», «обозрениям», «панорамам» «калейдоскопам». Название «Итоги», однако, предполагает также, что содержание не сводится только к «анализу», который не претендует на новизну фактов. Это слово позволяет выразить примерно то, что в свое время вкладывалось в название одной из рубрик «Голоса Америки» — «События и размышления». Можно даже сказать, что название «Итоги» приглашает рассматривать жизнь как некий гиперпроцесс, который к чему-то ведет.

⁶ В этом отношении немецкое *Bilanz* гораздо ближе к русскому *итог*.

Значение существительного *плод* существенно зависит от его внутренней формы, то есть предопределяется лежащей в его основе растительной метафорой. Оно обычно используется для описания деятельности или процессов, которые развиваются закономерно и заканчиваются так, как ожидалось; ср.: *Дэн Сяопин действительно был реформатором, и плоды его политики продолжают удивлять экономистов и притягивать предпринимателей* («Русская мысль», 26.02.97); *Записки Максудова представляют собою плод его фантазии, и фантазии, увы, больной* (М. Булгаков. «Театральный роман»). При этом, даже когда речь идет о деятельности, *плод* указывает на то, что итоговое положение дел не полностью контролируется субъектом, а отчасти определяется общими закономерностями. Поэтому хорошо *его усилия принесли желаемые плоды*, но неправильно **Он добился желаемых плодов*. Естественно *Он стремился получить новые результаты*, но невозможно *Он стремился получить новые плоды*.

Слово *плод*, в отличие от слов *результат* и *итог*, используется для описания не только деятельности как таковой, но и таких явлений жизни общества, как цивилизация, культура и др., а также сфер человеческой деятельности; ср.: *Плоды просвещения; В конце XX в. не существует иного способа сохранения плодов цивилизации и приобретения новых, кроме сотрудничества всех стран* (Уппсальский корпус); *В конечном итоге полученные результаты дойдут до каждого, и плодами космонавтики будут пользоваться все* (Уппсальский корпус). В последнем примере обращает на себя внимание следующее. Вместо процесса здесь непроцессуальная сущность, что совершенно невозможно для слов *результат* и *итог* (ср. неправильное **результаты космонавтики, *итоги космонавтики*). Это также связано с лежащей в основе слова *плод* органической метафорой, предполагающей производящий предмет.

Подобно слову *результат*, существительное *плод* естественно используется при описании незавершенной ситуации; ср.: *Она всю себя без остатка посвятила этой деятельности и была счастлива, когда замечала, что ее усилия не пропадают даром, начинают приносить плоды* (В. Катаев. «Фиалка»).

Существительное *плод* используется тогда, когда деятельность или процесс развиваются успешно и возникает нечто новое; ср.: *Материальные плоды человеческих усилий неминуемо становятся объектом рыночной торговли* (С. Довлатов. «Ремесло»); *А коли так — к чему мне беспокоиться о том, чтобы плоды моего труда не расхищались?* (Л. Витгенштейн. «Культура и ценность»).

Пер. М. Козловой). Поэтому невозможно использовать слово *плод* в ситуации, когда ничего нового в результате некоторой деятельности или процесса не создается. Ср. неестественное **И вот плоды наблюдений: в 1984 г. качественное состояние вод Волги на всем ее протяжении не претерпело никаких изменений и стабилизировалось при нормальном И вот основные итоги: в 1984 г. качественное состояние вод Волги на всем ее протяжении не претерпело никаких изменений и стабилизировалось* (Уппсальский корпус).

В связи с этим существительное *плод* обычно указывает на желательное завершение описываемой ситуации; ср.: *Мишу каждый вечер ждал обильный ужин — плод коллективных усилий милых пенсионерок* (А. Маринина. «Мужские игры»). В сохранившихся в современном языке клишированных словосочетаниях типа *отравленные <горькие> плоды* отчетливо ощущается метафора.

3. Изменения языковой системы

Семантическое поле результата в русском языке начала XIX в. выглядело совершенно иначе, хотя сам состав слов, выражающих идею результата, с тех пор изменился не сильно. Слово *результат* практически отсутствовало, а *плод*, напротив, выполнял роль основного носителя данного концепта. Так, в Словаре языка Пушкина *плод* в нужном значении встречается 39 раз, а на слово *результат* имеется только один не вполне ясный пример: *Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости* (А. С. Пушкин. <Начало статьи о В. Гюго>). Слова *итог* в нужном значении вообще нет, есть лишь *итога* в бухгалтерском контексте. В «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенному», изданном в 1809 г., мы читаем: «Итогъ — слово приказное, означает перечь. *Подвести итоги*». См. также [Виноградов 1994, 825]⁷.

⁷ Смысловые изменения затронули также и слова *следствие* и *последствие*. Важное различие между ними в современном языке состоит в расстановке смысловых акцентов. Оба слова указывают на второй член причинно-следственного отношения. Однако слово *следствие* помещает в фокус внимания причинную связь между двумя ситуациями, в то время как для слова *последствие* на первый план выходит итоговая ситуация сама по себе. При этом противопоставление слов *следствие* и *последствие* по признаку смыслового акцента и соответствующее ему распределение синтаксических функций произошло за последние столетия. В XIX в., особенно в первой его половине, слово *следствие* широко употреб-

Бросается в глаза, что в современном языке слова *результат* и *итог* стали чрезвычайно употребительными, а слово *плод*, напротив, утратило свои позиции. Можно сказать, что за последние 200 лет органическая метафора была почти вытеснена, в частности — метафорой счетной. Слова, представляющие динамическую метафору (*исход, выход*), были и остаются на периферии.

Когда слово из редкого становится употребительным или, наоборот, выходит из употребления, это обычно сопровождается изменениями в его семантике, которые носят закономерный характер. Одинаково интересны с этой точки зрения и семантические процессы, сопровождающие экспансию слова, и те явления, которые наблюдаются при вытеснении слова на периферию.

В XIX в. слово *плод* употреблялось значительно шире, вместо тогда еще не существовавшего *итога* и почти не существовавшего *результата*. Можно предположить, что при этом его внутренняя форма ощущалась как стертая, а стилистически предложения с ним были абсолютно нейтральны. Употребления, которые сейчас кажутся несколько странными, поскольку они вступают в противоречие с органической метафорой, 200 лет назад звучали, по-видимому, естественно. Ср.: *Вот плоды беспутного поведения, — подумал Платонов* (Н. В. Гоголь. «Мертвые души»); *Вот злонравия достойные плоды!* (Д. И. Фонвизин. «Недоросль»); *Остались мне одни страданья — плоды сердечной пустоты* (А. С. Пушкин. «Я пережил свои желанья...»); *Для чего он все это делает и кто воспользуется плодами его суесть?* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы»).

Интересно отметить, что, если рассматривать отдельные примеры со словом *результат*, взятые из литературы XIX в., семантические различия с современным словоупотреблением не бросаются в глаза. Если, однако, систематически рассмотреть представительную выборку примеров, то становится заметно, что слово *результат* использовалось сначала почти исключительно в контексте целенаправленной деятельности. Ср.: *При таком согласии во взгляде влюбленных они нашли случай друг с другом объясниться, и результатом их переговоров у Казимиры явилось решение попросить у Бодростина тысячу рублей займа без посредства Кишенского* (Н. С. Лесков. «На ножах»); *Если маленькие причины имеют иногда большие последствия, то и наоборот:*

лялось и в тех контекстах, где сейчас нужно употребить слово *последствие*. Ср.: *Летописец повествует о следствиях кончины Олеговой* (Н. М. Карамзин. «История государства Российского»); *Впрочем, это место летописи нуждается еще в другом объяснении: почему Ярослав так испугался следствий своего поступка с новгородцами?* (С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен»).

большие явления имеют, между прочим, самые миниатюрные результаты (А. Ф. Писемский. «Взбаламученное море»); Он охотно тратил деньги, но ни полезного, ни приятного результата от этих трат ни для кого никогда не происходило (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы»). В то же время для современного языка этот контекст не является даже преобладающим. Ср.: *Это <катастрофа> не случайность, а результат нынешней политики центральной власти* («Русская мысль», 26.02.97); *Ничего особенного не произошло в результате этого столкновения: прошло полгода, книга была признана плохой и забыта* (В. Каверин. «Кусок стекла»); *В результате спасся единственный человек* (С. Довлатов. «Соло на ундервуде»).

Особенно интересно развитие слова *итог*. В более ранних примерах очень ясно видно, что речь идет о живой метафоре; ср.: *Религия сделалась предметом совершенно посторонним; нравственность заключилась в подведении исправных итогов; умственные занятия — изыскание средств обманывать без потери кредита; поэзия — баланс прихода-расходной книги* (В. Ф. Одоевский. «Город без имени»). В современном языке употребление слова *итог* отнюдь не ограничивается сферой, определяемой метафорой. Ср.: *Книга представляет собой итог, и притом важнейший, многолетней работы автора на поприще исследования биографии и творчества Марины Цветаевой, публикации ее произведений* («Русская мысль», 26.02.97); *В конечном итоге все многообразие этих сложных связей устойчиво поддерживает трофическую (пищевую) цепь* (Уппсальский корпус).

Итак, почти на наших глазах произошел передел семантического поля 'результат'. Слова *результат* и *итог* решительно потеснили *плод*, разделив между собой сферы влияния. *Плод* же, вытесненный со своих позиций, вернулся на исходную — к той метафоре, которая изначально лежала в его основе.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Арутюнова 1992 — *Арутюнова Н. Д.* Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Богуславская, Левонтина 2001 — *Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б.* Задумаемся о последствиях // Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001. Т. 1.
- Богуславская, Левонтина (в печати) — *Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б.* Словарная статья РЕЗУЛЬТАТ 1, ИТОГ 2, ПЛОД 3, ИСХОД 1 //

Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна). Вып. 3. В печати.

Вежбицка 1999 — Вежбицка А. Немецкие «культурные сценарии»: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Виноградов 1994 — Виноградов В. В. История слов. М., 1994.

Жолковский 1964 — Жолковский А. К. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.

Левонтина 1996 — Левонтина И. Б. Целесообразность без цели // ВЯ. 1996. № 1.

Левонтина 1997 — Левонтина И. Б. Словарная статья из-за 4, из 8, от 6... // Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна). М., 1997. Вып. 1.

Рахилина 1989 — Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском языке // ВЯ. 1989. № 6.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1809.

Уппсальский корпус — газетные и журнальные тексты из Машинного корпуса к Частотному словарю современного русского языка / Ред. Л. Лёнгрен. Uppsala, 1993.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦА

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!

А. Блок

Слова *конец* и *край* в стихах Блока могут быть восприняты как синонимы. Они связаны, например, через слово *оконечность*, которое своей формой сближается с первым из них, а смыслом — со вторым. Синонимы представляют собой различное в общем, так что в поэтическом творчестве может иметь место либо сближение их в абсолютные синонимы и выражение А. Блока может интерпретироваться как частая в поэзии усилительная тавтология, либо противопоставление их значений, вплоть до превращения их в антонимы, что также несет в себе большой стилистический эффект. Своеобразное переплетение синонимизации и дифференциации двух слов обнаруживается в выражении *конца-краю не видно*, которое, как свидетельствует МАС, может употребляться и в пространственном значении (о чем-либо далеко простирающемся) и во временном (о чем-либо долго длящемся).

По-видимому, у Блока эти два слова дифференцируются, подчеркивается, что первое имеет временной, а второе — пространственный характер, то есть «весна всегда и повсюду».

Мы рассмотрим семантическое поле «конец» в аспекте формы и содержания. Анализ семантического поля включает две процедуры: выявление взаимодействия данного поля с соседними полями и определение внутренних оппозиций, образующих структуру данного поля. Обе задачи решаются путем сравнения элементов поля внутри данного языка и их сопоставления с аналогичными фактами других языков (в нашем случае сравниваются русский и французский языки).

Как видно уже из блоковских двух строк, ближайшим «соседом» слова *конец* является слово *край*, и основное различие между ними состоит, как было отмечено, в том, что первое показывает предел во временном аспекте, а второе — в пространственном. Во французском языке им соответствуют слова *fin* и *bout*, но, разумеется, не в таких же границах. С одной стороны, многие пространственные обозначения берет на себя слово *bord* 'край' — ближайший синоним слова *bout*, с другой — у французского *fin*, которое первоначально (еще в латинском языке) значило 'межа,

граница поля, предел', через значение 'окончание явления во времени' развилось значение 'цель', а также вследствие семантического расширения — 'последняя часть чего-либо', 'точка, у которой что-либо останавливается'. В истории этимона лат. *finis* — фр. *fin* пространственное и временное значения постоянно переплетались, способствуя возникновению значения 'цель'. Семантическое развитие в направлении «место» → «время» → «абстрактное отношение» (причина, следствие, цель, противопоставление и т. п.) — частое явление в различных языках, и оно наблюдается в эволюции значений многих предлогов, союзов, наречий и других слов. Понятие пространства оказывается первичным, оно осознается наиболее простым способом (достаточно в пределах данной ситуации простого движения головы и глаз), тогда как для осознания времени необходима смена ситуаций, а для абстрактных понятий — сопоставление ситуаций, в том числе и виртуальных.

Значение «конец» несомненно принадлежит к семантическим примитивам. В общих чертах смысловые соотношения основных русских и французских слов со значением «конец» могут быть представлены следующим образом:

пространство	время	цель
край	конец	цель
bord	bout	fin

Мы рассмотрим семантическое поле «конца» в плане выражения и в плане содержания. Что касается плана выражения, то значение «конец», «кончить» в обоих языках выражается лексическими, словообразовательными, фразеологическими и грамматическими средствами, к которым могут добавляться и интонационные.

Среди глаголов идентификационным термином является, разумеется, глагол *кончать* (*finir*). Наибольшую чистоту значения он сохраняет при употреблении с инфинитивом (*кончить читать*) или процессным существительным (*кончить чтение, игру, работу*). Это объясняется тем, что в подобной синтагме значение действия как такового выражено зависимым словом, так что глагол *кончить* выражает свое основное — фазовое — значение и ничего больше, тогда как в других контекстах он реализует фазовое значение «конец» и обозначение самого действия. Особенно это заметно при анафорическом употреблении глагола *кончить*, когда он заменяет все сочетание, поскольку

вещественный глагол или соотносимое с ним имя опускаются ввиду ясности ситуации или контекста.

Например, учитель говорит ученикам, пишущим контрольную работу: *Кто закончил, кладите работы на стол и выходите*. Здесь *закончил* означает 'закончил контрольную работу'. Словари приводят множество синонимов глагола *кончатъ*: *завершить, прекратить, останавливать, исчерпывать* и др.

У многих глаголов понятие «кончать» передается префиксами, среди которых наиболее употребительными являются *от-*, *до-*, *вы-*: *договорить, отсидеть* (три года), *высушить* (с оттенком «полностью»), *прочитать*. Иногда эти образования вполне прозрачны, мотивированны: *доработать*, иногда же их семантическая структура непрозрачна, идиоматична: *заправить машину* (ср. *править*). В ряде случаев образуются глаголы с инкорпорированными (включенными) актантами, в которых основа указывает на объект действия: *отобедать* (= закончить обед).

Фразеология широко используется для выражения завершения действия: *довести до конца, ставить точку, подводить черту, песенка спета! кончен бал!* Даже приведенные примеры показывают, что фразеологизмы образуются от слов, связанных с понятием «конец»: *положить предел чему-л., приходить к концу, довести до конца*, либо представляют собой переосмысление, семантическое расширение выражений, обозначающих завершающий этап какого-либо конкретного дела: *поставить точку, перевернуть страницу, прийти к развязке, песенка спета, ему пришел мат*; фр. *tenir à bon port* 'благополучно прибыть в порт', *tirer le rideau* 'закрыть занавес'.

Грамматические средства выражения завершенности занимают большое место в системе обоих языков. В русском языке это прежде всего глагольный вид, во французском — выражающие ограниченное во времени действие глагольные формы *passé simple* и *passé composé*: *Она спела песню* Elle a chanté (chanta) sa chanson. Следует заметить, однако, что полного параллелизма между двумя языками нет: в русском языке выражается прежде всего идея внутренней завершенности действия, достижения искомого результата, тогда как во французском — понятие о внешней его завершенности — об ограниченности времени, отведенного на его осуществление.

Завершение какого-либо действия, состояния имеет большое значение в жизни людей. В процессе общения приходится нередко требовать окончания дела или речи либо отмечать за-

вершение дела. По-видимому, одной из универсалий является наличие в языках специальных средств, выполняющих эту задачу. Нередко они принимают форму междометий, речевых рефлексов, в том числе и фразорефлексов. Эти фатические элементы нередко отличаются от иных речений специфической интонацией. Например: *хватит!* (= кончай!); *довольно!*; *баста!*; *капут!*; *стоп!*; *готово!* *вот и вся недолга!* *вот и все!*; *дело в шляпе* и т. п. Французские примеры: *ferme-la!*; *c'est assez!*; *halte-lá!*, etc.

По форме выражающие конец терминативные слова делятся на общие и специальные. К общим относятся слова, обозначающие конец в общем плане, широкозначные слова, способные соединяться со многими субъектами и объектами: *кончить*, *завершить* и др. Специальные слова соотносятся с определенными субъектами или объектами; например, конец существования: *человек умирает*, *дерево сохнет*, *змея подыхает*, *вода иссякла*, *испарилась*, *время истекло*, *дождь перестал*, *огонь погас*, *опасность миновала*, *пора прошла*, *вода выпита*; конец созидания: *построить дом*, *написать письмо*; конец уничтожения: *снести дом*, *убить человека*, *вывести тараканов*, *отменить закон*; конец реализации: *прочитать письмо*, *спеть песню*; заключительная часть чего-л.: *развязка* (сюжета), *кода* (музыка), *финиш*, *финал* (спорт), *заккрытие* (заседания), *эндшпиль* (шахматы), фр. *réoraison* (заключительная часть речи), и т. п.

Рассмотрим основные оппозиции внутри общего понятия «конец, кончить».

1. Причина конца. Разные факторы определяют конец действия, явлений с одной стороны и объектов — с другой.

Конец действия, процесса наступает в силу трех причин:

а) исчерпано время, отведенное на данное действие: *поработать часок*, *проработать два часа* (это касается преимущественно курсивных глаголов);

б) достигнута цель действия: *решить задачу*, *прочитать книгу*. Достижение внутреннего предела действия выражается терминативными глаголами.

в) исчерпан сам предмет, о котором идет речь: *истребить дичь*, *вычерпать воду из колодца*, *вода испарилась*.

2. Интенция/спонтанность. Актив/пассив. Многие терминативные процессы и явления различаются по тому, происходят ли они сами по себе или под воздействием внешней силы. Основным носителем такой силы является живое существо,

прежде всего человек. Любое действие живого существа начинается с интенции — желания, потребности осуществить это действие. Конец представляет собой желаемый или необходимый результат действия, то есть цель. В линии цель — действие — конец (результат) происходит психологическое оборачивание, взаимопроникновение конца и цели, во французском языке *fin* «конец» стало обозначать и цель. Действия могут быть целенаправленными, исходящими от одушевленного существа, и спонтанными, вызываемыми внутренними процессами, происходящими в объектах окружающего мира и не связанные с чьими-либо намерениями и волей. Ср.: *Воду вычерпали, выпили* (результат намеренного действия одушевленных субъектов) и *Вода иссякла, испарилась, вытекла* (действие происходит без умышленного воздействия людей или животных, как бы само по себе, под влиянием внутренних или окружающих факторов). Однако в языке факты действительности нередко группируются иначе, чем в объективном мире, в силу специфики человеческого мышления и языка. Некоторые явления природы, обладающие способностью перемещать предметы или уничтожать их, приравниваются к одушевленным существам, так что с ними могут использоваться антропоморфные глаголы. Таковы, например, наименования стихий (буря, ветер, дождь, волна). Ср.: *Ветер гонит тучи и Пастух гонит коров, Рабочие снесли дом и Река снесла плотину*. Действие неодушевленного субъекта оформляется так же, как и одушевленного, — глаголом в активном залоге. Поэтому с лингвистической точки зрения в данном случае целесообразно различать активный и пассивный процесс. Они различаются морфологически (*кончат работу / работа кончается, прекратить шум / шум прекратился*), словами разных основ (*забивать скот / скот падает, исчезнуть / уничтожить, он погиб / его убили*), различными глаголами-операторами в устойчивых выражениях (*идти к концу / вести к концу, дойти до конца / довести до конца*).

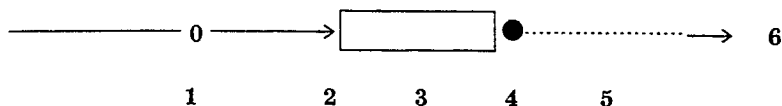
3. Качественная оценка. Любые действия могут сопровождаться качественной или эмоциональной оценкой. Отметим три варианта:

а) подчеркивание положительного результата, реализации интенции: *добиться, выиграть партию, довести до конца*;

б) резкость действия: *покончить, порвать с ..., прекратить, бросить* (дело), *пресечь, положить конец чему-л., пресечь в корне, стереть в порошок, стереть с лица земли, вытравить*;

в) совершенство: *завершить, «вылизать», преуспеть*.

4. Конец и линия движения. Явление, обозначаемое словом *конец*, *кончить*, не всегда ассоциируется с финальной точкой линии, *pes plus ultra*. В целом движение можно представить себе следующим образом:

1. Временный конец, *перерыв: прервать, временно оставить*.

2. Движение к концу (в положительном и отрицательном смысле): *упадок, клониться к упадку, видеть конец, видеть свет в конце туннеля*.

3. Завершающий этап. Слово *конец* обозначает не только финальную точку, но расширительно и некоторый заключительный этап пути. Выше мы встречались с некоторыми подобными номинациями. Так, эпилог, развязка в книге или эндшпиль в игре представляют собой не точку, а отрезок пути. Например, эпилог — это заключительная часть текста, а подлинным концом книг является слово *The End*, *Конец*. Кода — это не последняя нота в музыкальном опусе, а заключительная часть его. В шахматах концом является не эндшпиль, а мат или соглашение о ничьей. В забеге французы называют *peloton de queue* отставшую группу бегунов, тогда как самый последний метафорически называется «красный фонарь» (последний вагон поезда сзади украшен красным фонарем). Десерт — заключительный «этап» обеда, а не собственно конец его. Сумерки — заключительный этап дня.

4. Конец в точном смысле слова это, например, не упадок империи (это — заключительный этап), а развал ее. Это смерть.

5. Процесс продолжается дольше, чем нужно. Это отрицание конца. Неосуществление желательного конца выражается такими словами, как *нескончаемый, бесконечный, конца и краю нет*.

6. После конца прежнего явления наступает новое. Конец войны означает мир.

«НОВОЕ» И «СТАРОЕ» В ИХ ОТНОШЕНИИ К «НАЧАЛУ»

Понятие «начала» сводимо, как известно, к представлению о наличии некоторого состояния в указанный момент и об отсутствии его до этого момента: *Работа началась в 8 часов* = «в 8 был процесс работы, которого не было до 8». Обратим внимание на то, что второй компонент («не было ранее») образует в данном толковании пресуппозицию, поскольку он не затрагивается при изменении модальности. Так, в отрицательном варианте *В 8 часов работа еще не началась* сохраняется истинность утверждения о том, что ранее 8 часов процесса не было. Толкование «конца» состояния содержит те же компоненты, но с «обратной» последовательностью: *Работа закончилась в 8* = «в 8 не было процесса работы, который был до этого» (ср. «переставать» как «начинать не...» в [Апресян 1995, 47]). Второй компонент здесь снова образует пресуппозицию: в отрицательном варианте *В 8 работа еще не закончилась* сохраняется истинность утверждения «до 8 часов процесс имел место».

Учет соотношения «новой», утверждаемой информации (рема) и «старой», пресуппозитивной (тема) важен для описания ряда эффектов, возникающих при функционировании семантемы «начало». Один из них — роль этой семантемы в оппозиции совершенного и несовершенного вида парных глаголов, т. е. глаголов, включающих в свое значение компонент «начала» [Wierzbicka 1968; Гловинская 1982]. В предложении с глаголом СВ *Пришел ли Петр?* противопоставлены асертивная часть «находится ли Петр здесь сейчас?» и пресуппозиция «не находился здесь до указанного момента». Это противопоставление («ранее не было — теперь есть»), на наш взгляд, и создает представление о наступлении иного состояния, т. е. о начинательном или результативном характере действия, свойственном значению СВ.

Обратим при этом внимание на то, что момент, с которым соотносится начало состояния («сейчас»), является в этом случае вполне определенным (в «артиклевом» смысле), т. е. высказывание с глаголом СВ всегда опирается на пресуппозицию наличия некоторого, как бы уже заранее выделенного момента.

Предложению с глаголом НСВ *Приходил ли сегодня Петр?* можно дать следующее толкование: «Был ли в течение сегодняшнего дня такой момент, в который бы Петр здесь находился, при

том чтобы он не находился здесь ранее указанного момента?». В этом случае собственно вопрос касается сообщения о существовании момента, с которым могло бы быть соотнесено начало состояния («был ли момент, когда...?»), тогда как сама семантика «начало состояния» стоит вне ассертивной части (вне вопросительной модальности) и не образует пресуппозицию, т. е. имеет чисто «диктальный», лишенный какой-либо модальности характер.

Иначе говоря, здесь нет утверждений о существовании состояния в какой-то (определенный) момент и об отсутствии этого состояния ранее, поскольку в предложении с НСВ не содержится пресуппозиции о наличии определенного, заранее выделенного момента, с которым бы сопоставлялись эти два состояния. Действительно, для высказываний с глаголом НСВ в общефактическом значении характерны лишь неопределенные временные указатели типа *когда-нибудь, однажды, хоть раз, иногда* и т. п. Вследствие этого не создается и представления о переходе от несуществования к существованию, т. е. о начале (или конце) состояния, как в случае с глаголом СВ.

Подчеркнем, что дело здесь не в особенностях вопросительной модальности в приведенном примере: утвердительный и отрицательный варианты *Петр сегодня приходил/не приходил* также сообщают лишь о том, был или не был такой момент, когда бы Петр здесь находился, так чтобы до этого момента Петра здесь не было. Иными словами, в ассертивную часть (рему) в них все так же попадает сообщение о существовании момента, тогда как семантика «начало» опять-таки имеет диктальный, лишенный модальности статус [Гуревич 1989].

Таким образом, для реализации «начинательности» в содержании совершенного вида важно не просто наличие в глагольном значении семантемы «начало», а определенное соотношение этой семантемы с модальной и пресуппозитивной рамками высказывания, т. е. с ремой (новая, утверждаемая в данный момент информация) и темой (старая информация, повторяемая в виде пресуппозиции как заранее известная). При этом важно также, что представление о переходе к иному состоянию, свойственное всякому глаголу СВ (в том числе и самому глаголу СВ *начаться*), возникает лишь при определенности, предварительной выделенности того момента, с которым соотносится начало (или конец) состояния, т. е. при наличии старой (пресуппозитивной) информации о существовании такого момента. Там же, где сообщение о существовании некоторого момента является собственно «новым» (ремой), глагол с семантическим компонентом «начало» может

выступать лишь в форме НСВ (общефактическом: *Начинал ли...? Приезжал ли...? Рождался ли...?*): в таком высказывании нет ни утверждения о существовании состояния в указанный момент, ни пресуппозиции об отсутствии этого состояния ранее.

Как видим, семантика «начала» (и, соответственно, семантика глагольного вида) не может быть описана без обращения к целому ряду центральных языковых явлений, таких как модальность (ассертивный, пресуппозитивный или диктальный статус компонентов значения), актуальное членение (противопоставление «нового» и «старого»), определенность — неопределенность (в отношении момента, с которым сопоставляется начало состояния), т. е. опять-таки «новизна» или «известность» соответствующей информации. Из сказанного следует, что актуальное членение (противопоставление новой и старой информации, ассерции и пресуппозиции) не является лишь чем-то добавочным, возникающим при функционировании высказывания и как бы накладывающимся на элемент системы языка: оно представляет собой неотъемлемый элемент самой семантической системы языка — в частности, элемент лексической семантики глагола и, соответственно, грамматической семантики глагольного вида.

Если говорить о роли «старого» и «нового» в более широком плане, то следует отметить обязательное наличие обоих этих противопоставленных компонентов в любом высказывании, т. е. принципиальную невозможность существования предложений чисто рематических, содержащих только «новое» без повторения в них «старой» информации. Действительно, даже ничего не утверждающее и заполненное лишь неопределенностью высказывание типа *Было ли когда-нибудь где-нибудь какое-нибудь событие?* несомненно скрывает в себе некоторые пресуппозитивные утверждения (тематические вкрапления). В частности, прошедшее время глагола указывает на предшествование моменту речи и, следовательно, включает в качестве пресуппозиции существование самого этого момента, а значит и существование акта речи, говорящего субъекта и того места, в котором он находится в данный момент. Неопределенное местоимение *где-нибудь* означает «в какой-либо из точек того пространства, которое окружает говорящего», т. е. снова содержит пресуппозицию о существовании такого пространства (т. е. о существовании нашего мира, в который включен говорящий и место его нахождения в момент речи). Эти невербализованные (не выраженные отдельными словами), но бесспорно как-то выраженные повторы ранее известной информации несомненно содержат скрытые анафорические семантемы, т. е. сооб-

щают об определенности (дейктичности) соответствующих «участников ситуации»: «тот, кто говорит», «тот момент, когда это говорится», «то место, где находится говорящий», «то пространство, внутри которого он находится» и т. п.

Из того факта, что нельзя обнаружить высказываний, не содержащих такого рода пресуппозиций, в общефилософском плане следует, что, произнося что-либо, говорящий обязательно исходит из предварительного признания (в качестве истины) существования как самого себя, так и мира, который его окружает. В этом смысле из скрыто выраженного в любом высказывании утверждения *Я говорю* (= *мыслью*) несомненно следует утверждение *Я существую*. Однако то, что Декарт рассматривал как «следствие» («следовательно, я существую»), по-видимому, является не результатом логического вывода, а напротив — исходной посылкой (скрыто выраженной пресуппозицией [Гуревич 1998]).

Из того, что любой акт речи (мысли) содержит (в виде пресуппозиции) сообщение о существовании мира и о существовании говорящего (мыслящего) субъекта, следует, что мы не можем описывать мир иначе, как предварительно выделив себя из мира, противопоставив «Я» всему, что «Я» познает (описывает в процессе речи), и включив эту информацию в содержание всякого высказывания. Возможно, именно эта особенность нашего мышления и отражена в кантовском представлении о заранее заданных, априорно присущих нашему мышлению категориях: мы действительно не можем создать чисто объективную картину мира (описать «вещь саму по себе»), а неизбежно (хотя и в скрытом виде) дополняем эту картину априорными (пресуппозитивными) утверждениями о существовании акта познания, о существовании познающего/говорящего субъекта («себя»), а также о существовании времени и пространства, координаты которых задаются элементами этого акта («вещь для нас», т. е. вещь обязательно в некотором ее отношении к человеку).

В логическом плане, кроме того, описанные особенности устройства нашей речи обнаруживают парадокс «курицы и яйца»: если любое высказывание может быть произнесено лишь при опоре на какое-то предшествующее высказывание, повторяемое в виде пресуппозиции, это значит, что никакого рода высказывание не может быть принято за «первичное», не опирающееся на нечто ранее произнесенное. Иными словами, в последовательной цепочке предложений, превращающей «новую» информацию в «старую», не может существовать никакого «начального» звена. Здесь мы снова сталкиваемся с понятием «начало» и обнаружива-

ем его причастность к парадоксам в соотношении понятий «новое» и «старое». Эти три важнейших понятия, как видим, пока еще остаются теоретически недостаточно осмысленными.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Избранные труды / Лексическая семантика. М., 1995. Т. 1.
- Гловинская 1982 — *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гуревич 1989 — *Гуревич В.В.* Модальность, истинностное значение, референция // Вопросы языкознания. 1989. № 6.
- Гуревич 1998 — *Гуревич В.В.* О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1.
- Wierzbicka 1968 — *Wierzbicka A.* On the semantics of the verbal aspect in Polish // To Honour Roman Jakobson. 1968. V. 33.

О. П. ЕРМАКОВА

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ЭНАНТИОСЕМИЯ КАК РЕГУЛЯРНОЕ ЯВЛЕНИЕ?
ВСПОМИНАЯ ОБЩУЮ ЭТИМОЛОГИЮ
НАЧАЛА И КОНЦА

Общая этимология слов *начало* и *конец* — классический случай энантиосемии в диахронии. Как расходились значения этих слов — рассматривалось уже не раз. В то же время некоторые производные от *начало* и *конец* обнаруживают семантическую близость своих производящих. Так, при видимой антонимии слов *безначальный* и *бесконечный* они оказываются синонимами: оба имеют значение 'вечный'. Ср.: «Смело верь тому, что вечно, *безначально, бесконечно*» (Лермонтов). Но в большинстве производных у этих слов и разные значения, и разные коннотации. В диахронии можно наблюдать, как соединяются в слове и как расходятся антонимические значения. Чаще всего наблюдается тенденция к вытеснению одного из значений другим. Так происходит, например, со словом *бесценный*. Во время сосуществования в этом слове значений 'имеющий очень высокую цену' и 'не имеющий никакой цены' это был пример полной энантиосемии. Однако второе значение в настоящее время архаизировалось (что отмечено в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова).

Возможно, об энантиосемии в русском языке и нельзя говорить как о явлении устойчивом, системном, наблюдающемся в синхронии? Думаю, что это не так. Но прежде чем перейти к рассмотрению типов энантиосемии, замечу, что регулярным является сочетание в слове разного рода противоположностей и, следовательно, само понятие энантиосемии можно определять и более широко и более узко.

Если говорить о полной энантиосемии, т. е. о совмещении в слове явно антонимических значений, то она наблюдается прежде всего в сфере оценки и порождается иронией. Некоторые лингвисты энантиосемией (или антифразой) обозначают иронию. Так, III. Балли пишет: «Экспрессивный язык часто выражает какое-нибудь понятие противоположным понятием; в таком случае мы имеем дело с иронией или антифразой» (разрядка автора) [Балли 1955, 191–192].

О способности иронии выражать прямо противоположные оценки, тем самым порождать антонимические значения у предикатов писали и исследователи иронии и исследователи категории оценки (см.: [Балли 1955; Вольф 1985; Kaufer 1986; Kerbrat-Orecchioni 1986; Ермакова 1997 и др.]).

Чтобы говорить об энантиосемии как о явлении лексики, надо располагать лексикализованной иронией, и желательно закрепленной лексикографически.

Слов, в которых толковые словари отмечают регулярно сосуществующие прямые и «перевернутые» оценки, немного, хотя в естественной речи их не так уж мало. Назову некоторые примеры словарной энантиосемии, порожденные иронией, отмеченные словарями.

1. Прямая и перевернутая оценка (и со знаком +, и со знаком -) у прилагательных и существительных: *хорош, мило, весело, веселенький, прелесть, прелести* и нек. др. Ср.:

«Терзать тебя, страдать самой; Как это *весело* и *мило*» (Лермонтов); «— Прекрасно! *Мило!* — начал муж, кланяясь и расставляя руки. — Поздравляю! *Мило* и *великолепно!* — С вашей стороны тоже *мило* подслушивать! — пробормотала Анна Семеновна, стараясь оправиться» (Чехов); «Но вскоре потом, ни жива, ни мертва, я *прелесть* телеги узнала» (Некрасов).

Иллюстрации прямой оценки не приводятся, поскольку очевидны.

2. Субстантивная метафора нередко совмещает в себе оценку плюс и оценку минус. Одна из них, как правило, порождается иронией. Словари отмечают это явление довольно скупое, и прежде всего метафоры общеоценочного значения: *перл, сокровище, золото* 1) 'о ком, чем-либо, обладающем выдающимися достоинствами' и 2) 'о ком, чем-либо, выдающемся своими пороками'. Ср. употребление этих слов с перевернутой оценкой:

«Бежит по аллее бедный финик, словно опшаренный, без оглядки. Чай, воображает, что я с ним из-за такого *сокровища*, как ты, стреляться буду» (Чехов). Нужно было злему року навязать мне на шею это *сокровище!* (Чехов); «Полюбуйтесь, добрые люди, на *сокровище*: налил глаза спьяну, с Иван Федотычем поругался» (Эртель); «Надо радоваться, что может освободиться от такого *золота*» (Л. Толстой).

Но в естественной речи с разной степенью употребительности встречаются метафоры и частно-оценочного значения со знаком плюс и со знаком минус (на основе иронии): *лев* — о трусе, *ры-*

царь — о человеке, лишенном галантности, *монах*, *аскет* — о распутнике и т. п. Ср.:

«А у меня на девок волчий интерес, люблю это дело, как паук... А комиссар меня не любит, хотя по натуре он *монах* не хуже меня» (В. Гроссман).

Здесь не требуется иронической интонации, хотя нужен контекст, но это обычно и для прямой метафоры.

Такого рода перевернутая метафора отмечается в словарях неcodифицированной лексики. Ср., например, в словаре Елистратова: *сливки* — 'отбросы общества'.

3. Известно, что в русском языке некоторые бранные слова могут употребляться для выражения одобрения, восхищения, что отмечается словарями: *каналья*, *шельма*, *мерзавец*, *негодяй*, *черт* и др. Ср.:

«В театре одна актриса так, *каналья*, пела, как канарейка» (Гоголь); «А видал Дуняшку? *Шельма* девчонка! — Ужо, погоди, после обеда я позову ее...» (Чехов); «И как это он, *мерзавец*, все так ловко делает! Руки золотые у *подлеца*!» (Писемский).

Употребление общеотрицательных оценочных слов для выражения восхищения совсем не связано с иронией. Здесь наблюдается вычеркивание содержательных сем, объединяет две противоположные оценки в слове только высокая степень и той и другой оценки. Это вовсе не значит, что оценки со знаком минус не могут употребляться иронически, но, как правило, в таких случаях оценка сохраняет знак минус: ироническим употреблением говорящий либо понижает степень отрицательного признака, либо, наоборот, повышает: *Злодей! Изверг!* (о коте, который, играя, оцарапал хозяина); Это сулит *некоторые неприятности* в дальнейшем (о возможной потере семьи, свободы и всего имущества) (см.: [Ермакова 1999]).

Такое ироническое употребление не порождает энантиосемии и не фиксируется лексикографами.

Таким образом, полная энантиосемия существует в сфере оценки и прежде всего выражается иронией, хотя может наблюдаться и вне иронии.

Некоторые типы антонимов не могут сосуществовать в пределах одного слова и, следовательно, не образуют случаев энантиосемии. Это касается, в частности, антонимов, обозначающих противоположенные действия: *приехать* — *уехать*; *поднять* — *опустить*; *включить* — *выключить* и т. п.

Ироническое употребление каждой из этих пар не приводит к появлению антонимического значения. В таких случаях наблюдается ирония «отрицания факта, названного словом». Ср., например, следующий диалог:

— Ну, что, он *приехал*? — Как же! *Приехал*! Так он и поедет сюда!

Здесь ироническое *приехал* вовсе не значит 'уехал', ирония лишь отрицает факт приезда.

Но в русском языке есть случаи, когда отглагольные имена орудий, помещений и лиц названы по одному действию, а в семантической структуре значения слова присутствует и противонаправленное действие: *выключатель* — он же и *включатель*, *подъемник* — поднимает и опускает, *отверткой* отворачивают и заворачивают; *раздевалка* — 'помещение, где раздеваются и одеваются', *вход* часто (хотя и не всегда) и *выход*, *грузчик* — 'тот, кто грузит и разгружает', *взлетная полоса* — она же и *посадочная*, как и наоборот, и т. д.

Эти случаи можно назвать скрытой энантиосемией.

Наряду с полной в русском языке представлены разные виды частичной энантиосемии.

Источником ее нередко бывает «вливание» в состав литературного языка разного рода неcodифицированной лексики: освоение семантических жаргонизмов, семантического просторечия. Реже, на наш взгляд, наблюдается освоение антонимичных значений у заимствованных слов.

В этой статье я не предполагаю дать исчерпывающую классификацию частичной энантиосемии в русском языке (да и вряд ли возможно это сделать в связи с различным пониманием самого явления), выделю лишь некоторые ее виды: энантиосемия, основанная на противоположности актантов у разных значений одного слова, на противоположности коннотаций и противонаправленности прагматических компонентов.

Актантная энантиосемия

В пределах одного слова могут совмещаться наименования лица как субъекта и как объекта одного и того же действия, ср.: *отказник* — 'тот, кто отказался от чего-либо' (например, от службы в армии) и 'тот, кому отказали в чем-либо' (в советское время — в выезде за границу); 'тот, кто отказался от своего ребенка' — 'ребенок, от которого отказались родители'; *тюремщик* — 'тот, кто сторожит в тюрьме, надзирает за заключенными', 'тот, за кем надзирают, заключенный' (или бывший заключенный, как, впрочем, и бывший надзиратель).

Второе значение пришло из просторечия: *баловень* — 'тот, кто балует кого-либо' (устар.), 'тот, кого балуют'. В разговорной речи шутливо употребляются слова *двоечник*, *двоечница* по отношению к преподавателю школы или вуза — 'тот, кто ставит много двоек учащимся'.

С актантной энантиосемией сближаются некоторые глагольные конверсивы типа *занять* — 'взять в долг' и 'дать в долг' (просторечное). Столкновение этих значений наблюдается в языке художественной литературы в качестве сигналов принадлежности собеседников к различным социальным сферам. Ср.:

«Мы с мужем можем *занять* вам денег ('одолжить'. — О.Е.). — Не надо, — отвечает конструктор. — Я бы с удовольствием у вас *занял*, но мне не хочется возиться с этой музыкой» (Сапа Соколов. «Школа для дураков»).

Антонимическое употребление *занять* обычно характерно для жителей юга России. Возможно, оно пришло через украинский язык под влиянием польского, в котором *pożyczyć* имеет значения 'ссудить, дать займы' и 'занять, взять займы'. В отличие от *занять*, которое литературно говорящие люди не употребляют в значении 'дать займы', глагол *одолжить*, несмотря на предостережение словарей (предостережение касается значения 'взять в долг'), употребляется, по нашим наблюдениям, многими носителями литературного языка и в значении 'дать в долг', и в значении 'взять в долг'.

III. Балли приводит пример совмещения в слове *loyer* конверсивов 'сдавать внаем' и 'брать внаем' (квартиру), называя эти значения антонимами [Балли 1955: 191–192]. Он также приводит пример соединения в слове *l'hôte* значений 'гость' и 'хозяин' [там же, 191], что не свойственно русскому языку.

Основательное исследование энантиосемии в разных языках может дать интересные выводы относительно совмещения разных типов антонимических значений в пределах одного слова.

Коннотативная энантиосемия

Примерами такой энантиосемии могут быть значения слов *собачник* и *кошатник*: 'тот, кто любит (и обычно держит у себя)' и 'тот, кто ловит и убивает с целью использовать шкуру'. Объединение значений возникло в результате повторной реализации словообразовательной модели.

Сюда же можно отнести употребление слова *волки* в газетной речи: «Это нелюди, *волки* (о бандитах)» (МК. 24.X.99); «...войсковые *волки*, готовые уничтожить любого бандита» (КП. 187, 99).

Ср. также *сумасшедшая* слава и *сумасшедшие* цены; *крутые* парни и *крутая* тачка (машина) (жаргонизмы).

Энантисемия, основанная на разнонаправленности прагматических компонентов

Одной из тенденций в лексической семантике последних десятилетий является объединение в значении одного слова разнонаправленных прагматических компонентов. Это наблюдается в жаргонизмах, освоенных литературным языком, и в словах литературного языка, освоенных жаргоном. Примеров много. Приведу лишь наиболее частотные. *Засветиться* — 'быть замеченным где-то' — 'действие, результата которого избегают, он нежелателен' и 'результат, к которому стремятся'; *светит* — 'грозит что-то плохое' или 'предстоит что-то хорошее'; *клиент* — 'лицо, интересы которого защищают' и 'лицо, на интересы которого покушаются' (нередко даже на жизнь); *контролировать, курировать* — 'действия, направленные на соблюдение законности' и 'действия противозаконные, преступные', ср.: *контролировать (курировать) какой-то участок* значит 'не допускать там правонарушений' и 'заниматься рэкетом'; *крыша* — 'то, что защищает от преступников' и 'то, что служит прикрытием преступной деятельности'; *законник* — 'блюститель закона' и 'вор в законе'. Ср.:

Засветиться:

...Они больше всего усилий прилагали к тому, чтобы не «засветиться» («Сегодня», 1996); Тех, кто неосторожно «засветился», полиция выслала (ТВ, 1997); Это люди, для которых главное — еще раз *засветиться* на политической сцене («Мир новостей». 20.11.99); Первую ночь в новом доме Хиллари провела одна. Чтобы «засветиться» перед журналистами, как пишет журнал «Тайм» (КП. 15.01.2000).

Светит:

Им *светят* слишком большие барыши, чтобы отказываться от предложения («Сегодня». 2.09.99); Когда Володе Першилину «засветило» поехать в Штаты на целых полгода, он, понятное дело, обрадовался» (КП. 13.03.99); Сколько *светит* горе-террористу? (КП. 29.11.99); ...Ему *светит* 15 лет тюрьмы (КП. 29.12.99); Что нам *светит* в декабре? Куда мы идем? Что будет в декабре? И в июне тоже? (КП. 4.12.99).

Ср. более раннее жарг.-просторечное — 'казаться или быть привлекательным': *Это дело мне не светит*. И более распро-

страненное безличное: *Ему (мне) не светит* — 'ничего не выйдет', 'нечего рассчитывать': А тот, кто раньше с нею был, сказал мне, чтоб я уходил... что мне *не светит*... (Высоцкий).

Клиент:

На допросах она [содержательница борделя] не сдала ни одного из своих знаменитых *клиентов* (КП. 28.09.99); Дело в том, что манипуляторы и их «*клиенты*» находятся в неравных условиях (КП. 23.06.99).

Крыша:

Олег Каратаев обеспечивал «*крышу*» начинающим бизнесменам («Мир новостей». 27.03.99); Дородный и добродушный Олег (то ли хозяин заправки, то ли ее «*крыша*») показал, куда надо и как нажимать (КП. 31.07.99); Вторая категория депутатов — «*крутые*». Они, как правило, не в ладах с законом. Для них корочка помощника депутата — своеобразная «*крыша*» (КП. 9.06.99).

Контролировать:

Киллер заявил, что за убийство Анненкова ему обещали 75 тысяч долларов, причем посредником выступал некий чеченец, в свое время *контролировавший* часть гостиницы «Украина» (МК в Нижнем Новгороде. 23–30.12.99); Колун *контролировал* большую часть города: рестораны, казино, вокзалы, универмаги (Е. Сухов. «Я — вор в законе»).

Законник:

В России новый главный *законник* (Т. Куликов. сменивший министра юстиции Ковалева. — О. Е.) (МК. 1.08.97); Демин уже поклялся влиятельным персонам, что сделает все возможное и невозможное. В награду ему обещан пост первого *законника* страны (МК. 6.04.99); ...сын Амираана приехал на сходку (воров) короноваться в *законники*.

Глаголы, обозначающие действия, равно ориентированные на желательный и нежелательный результат или объект, наблюдаются в литературном языке и без влияния жаргона. Ср.: *обещать повышение зарплаты и повышение цен; грозит наводнение — грозит успех; позаботиться о том, чтобы не случилось плохо — позаботиться о том, чтобы не было хорошего*.

Как правило, частое употребление подобного рода слов приводит к расширению значения: действие ориентируется на актант любой оценки, и первоначальная ирония перестает ощущаться.

Таким образом, энантиосемия в русском языке представлена разными видами соединения противоположностей в слове. Как это часто бывает в языке, в области энантиосемии действуют две

противоположных тенденции: к вытеснению антонимичного значения из семантической структуры слова и к соединению разного рода семантических противоречий на основе иронии или проникновения значений из других сфер языка.

Даже на основе сделанных наблюдений можно прийти к выводу, что разные виды энантиосемии следует считать регулярным явлением в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вольф 1985 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Словарь московского арго. М., 1994.
- Ермакова 1997 — *Ермакова О. П.* Об иронии и метафоре // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997.
- Ермакова 1999 — *Ермакова О. П.* Типы вербализованной иронии в разных сферах русского языка // Язык. Культура. Гуманитарное знание. М., 1999.
- Kaufert 1986 — *Kaufert D. S.* Ironia, forma interpretacyjna i teoria znaczenia // *Pamiętnik Literacki* LXXVII. 1986. Z. 1.
- Kerbrat-Orecchioni 1986 — *Kerbrat-Orecchioni C.* Ironia jako trop // *Pamiętnik Literacki* LXXVII. 1986. Z. 1.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ (ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'НАЧАТЬСЯ'/'КОНЧИТЬСЯ')

1. Не фазовые, а фазово-бытийные

Понятия «начала» и «конца» наиболее естественным образом применимы к интервалам, а также к тому, что «расположено» на интервалах (к содержанию интервалов), — ситуациям. Применительно к объектам речь может идти о начале и конце интервала существования. Интервал ситуации тоже является интервалом ее существования, поскольку ситуация существует (имеет место) на некотором интервале (бывают еще нелокализованные ситуации, но о них мы говорить не будем). В данной работе речь пойдет о ситуациях и других непредметных объектах, существующих во времени, и об обозначениях начала и конца существования таких ситуаций и объектов.

Начало и конец ситуации могут пониматься как крайние точки занимаемого ею интервала и прилегающие к ним отрезки, а также та часть содержания ситуации, которая реализуется на этих отрезках, ср.: *В начале своего выступления он сказал...; Собрание началось с исполнения гимна* (таким же образом устроены семиотические объекты, разворачивающиеся во времени, — тексты, фильмы и т. п., ср.: *Сказка начинается отлучкой; В конце романа герои находят друг друга*)¹.

С другой стороны, начало и конец могут пониматься как события ('начаться'/'кончиться'). Здесь речь пойдет только об этом, событийном, смысле начала и конца. Мы рассмотрим: 1) особенности выражения этих смыслов разными фазовыми глаголами и 2) процессы образования фазовых значений у глаголов, которые исходно не являются фазовыми.

СОБЫТИЕ, изменение мира, которое обозначается глаголами *начаться* и *кончиться* (и их семантическими аналогами — *возникнуть*, *исчезнуть* и др.), состоит в том, что некоторая ситуация Р в более ранний момент $t-1$ не имела места, а в более поздний момент $t-2$ имеет место, или наоборот. То есть *начаться* и

кончиться являются модификаторами другого — бытийного — предиката 'существовать', 'иметь место', который, тем самым, является ядерным, основным:

Р началось = Р начало иметь место ($= \text{не-}P \rightarrow P$);

Р закончилось = Р перестало иметь место ($= P \rightarrow \text{не-}P$).

В семантическом языке смыслы 'начать'/'перестать' существуют, так сказать, в чистом виде (отдельно от смысла 'существовать (иметь место)', поэтому они могут применяться, вообще говоря, к чему угодно — ко всему, что имеет интервал существования и, тем самым, начало и конец.

В естественном языке этим двум смыслам тоже могли бы соответствовать две языковые единицы — два глагола. В действительности, однако, глаголов со значением 'начаться'/'кончиться' гораздо больше, и даже самые нейтральные и универсальные из них — *начаться* и *кончиться* — не могут применяться к чему угодно (к любым ситуациям), а имеют определенную — пусть и достаточно широкую, но не «абсолютную» — сочетаемость.

Это означает, что в их смысл входит что-то еще, что они включают какие-то характеристики тех ситуаций, к которым применяются, какую-то информацию о способе и особенностях СУЩЕСТВОВАНИЯ этих ситуаций — именно поэтому они НЕ могут применяться К ЛЮБЫМ ситуациям. С точки зрения языка (и человека) разные ситуации (как и разные объекты) существуют по-разному, и предикаты этих ситуаций — не только собственно бытийные, но и фазовые — отражают эти различия.

Применительно к фазовым глаголам это означает следующее.

- Так называемые фазовые глаголы не являются чисто фазовыми, т. е. не обозначают смыслов 'начаться'/'кончиться' в чистом виде, — а являются фазово-бытийными, поскольку содержат информацию об особенностях существования, протекания ситуаций.
- Семантические характеристики ситуаций, входящие в смысл фазово-бытийных глаголов, формируют их — ограниченную и мотивированную — сочетаемость с существительными-обозначениями ситуаций.
- Изучение этой сочетаемости позволит ответить на следующие вопросы:

1) какие типы ситуаций, с точки зрения особенностей их существования, выделяются в языке — в том числе с помощью фазово-бытийных глаголов;

2) какие особенности существования (протекания, реализации) этих ситуаций являются важными, выделенными и выразимыми для языка и, тем самым, для говорящих.

В настоящей статье, разумеется, не содержится полных и исчерпывающих ответов на эти вопросы, в ней лишь намечаются некоторые семантические подходы к изучению так называемых полуслужебных (полузнаменательных) глаголов (в другой терминологии — лексических функций) со значением 'начаться'/'кончиться' и приводятся некоторые иллюстрации к двум сформулированным тезисам-вопросам.

2. Семантические аспекты лексических функций

Смыслы 'начаться'/'кончиться' являются настолько абстрактными, что могли бы выражаться грамматически (и они действительно иногда выражаются морфемами). Но даже если они выражаются лексически — глаголами, — такие глаголы все равно рассматриваются как полуграмматические, лексически неполноценные единицы. В традиционных грамматиках они называются полузнаменательными (полуслужебными). В модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» такая лексика описывается в терминах лексических функций (ср.: [Мельчук 1974/1999; Mel'čuk 1998]).

В модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» предполагается, что смыслы 'начать иметь место'/'перестать иметь место' являются лексическими функциями, т.е. параметрами, которые при каждом слове (имеющем такой параметр) выражаются идиоматично, немотивированно. Значение лексической функции — это «фразеологически связанное выражение», которое «выбирается по ключевому слову» [Мельчук 1974/1999, 80], например: INCEP (*война*) \rightarrow *разражаться, начинаться*; (дружба) \rightarrow *завязываться*; Fin (*боль*) \rightarrow *проходить, утихать, стихать*; отпускать [там же, 96]. В словарях такие выражения должны просто перечисляться, задаваться списком, а носители языка и тем более иностранцы, должны их запоминать.

Поскольку модель «Смысл \Leftrightarrow Текст» создавалась для решения определенных лингвистических задач, в этой модели, по-видимому, является оптимальным именно такой способ подачи лексических функций (они должны быть собраны в одном месте — при ключевом слове, чтобы к ним могли обращаться правила, в частности — при машинном переводе, ср.: [Цинман, Иомдин 1997]). Впрочем, даже сторонники этого подхода ставят вопрос о том,

чтобы выявить какие-то семантические закономерности сочетания глаголов группы INCER, FIN с существительными. В работе [Ройтер 1998] выделены классы существительных — действия (*опрос, разговор, шум*), мероприятия (*урок, концерт*), состояния, ментальные явления и др. — и поставлена задача «выявления правил предпочтительного выбора того или иного фазового глагола для выражения стандартного смысла ('начало', 'конец', 'продолжение') при определенном классе существительных» [Ройтер 1998, 64]. В действительности, эти правила как раз и сводятся к указанию того, с каким классом (или классами) существительных сочетается данный фазовый глагол. Тем не менее это весьма симптоматичный шаг в сторону семантического подхода: само выделение классов существительных (а это не произвольные списки ситуаций и существительных, а именно семантические классы), которые предпочтительно выбирают тот, а не другой фазовый глагол, имплицитно подразумевает наличие у этого глагола каких-то семантических требований (сочетаемостных ограничений), а у существительных — семантических признаков (компонентов), удовлетворяющих этим требованиям.

Другой — противоположный — подход представлен концепцией А. Вежбицкой, которая считает, что в языке все или почти все мотивировано и надо пытаться эту мотивированность обнаружить и объяснить.

Что касается сферы лексических функций в целом, в том числе так называемых полуслужебных глаголов, то здесь вряд ли можно рассчитывать на достижение столь радикальных результатов. Существует много коллокаций (вроде *оказать помощь, принять решение, задать трепку, принести извинения, отдать почести, нанести визит* и т. п.), которые надо запоминать, даже если выбор глагола (исторически) можно объяснить (то есть можно объяснить, почему этот глагол подходит, но нельзя объяснить, почему выбран именно он, а не другой, тоже подходящий).

Однако с фазово-бытийными глаголами ситуация существенно иная. Конечно, здесь есть определенная зона практически полностью лексикализованной сочетаемости, но есть и «живые» (не омертвевшие) участки этой подсистемы лексических функций, где сохраняются вполне ощутимые семантические противопоставления и семантические ограничения, и глаголы, относящиеся к этим участкам, выбираются не автоматически, а семантически: они имеют семантически мотивированную сочетаемость.

Мы будем различать исходные, нейтральные фазово-бытийные глаголы, которые назовем основными (*начаться/кончиться*;

возникнуть/появиться/исчезнуть), и вторичные — «отмеченные», метафорические (*вспыхнул спор, интерес угас*).

В связи с ними возникают две разные проблемы:

- для основных — как они распределяются, т. е. какие типы непредметных объектов они выделяют и обслуживают;
- для отмеченных — как возникают их метафорические значения (т. е. какие глаголы являются поставщиками фазово-бытийных смыслов, как обычные глаголы превращаются в фазово-бытийные) и для чего они используются (т. е. какие особенности исходных ситуаций оказываются нужными языку (и говорящим) в процессе метафоризации).

3. Основные фазово-бытийные глаголы

Можно выделить две группы основных фазово-бытийных глаголов: *начаться/кончиться* и *возникнуть/появиться/исчезнуть*. Они имеют разную — но при этом семантически мотивированную — сочетаемость и «присоединяются» к разным классам непредметных сущностей. Поскольку они являются модификаторами предиката существования, это означает, что само существование этих непредметных «объектов» мыслится по-разному, что они имеют, с точки зрения языка, разные типы, разные способы существования.

Начаться/кончиться применимы к событиям (ситуациям), которые происходят во времени и в физическом пространстве и имеют протяженность, т. е. занимают определенный интервал. Их можно условно назвать темпоральными ситуациями:

началась (кончилась) война/драка/паника/предвыборная кампания/эпидемия гриппа/передача/конференция/операция/забастовка;

начался (кончился) урок/концерт/доклад/инструктаж/приступ;

началось (кончилось) наступление/восстание/собрание/выступление/строительство/хождение по кабинетам;

начались (кончились) волнения/переговоры/поиски.

Эти ситуации не просто занимают интервал — они требуют какого-то времени для реализации, поскольку они «разворачиваются» во времени, существуют пофазно. Причем на каждом

отрезке занимаемого ими интервала существует какая-то определенная фаза данной ситуации — тем самым ни в какой момент ситуация не существует «целиком». Конечно, существуют и «точечные» события, у которых фазы практически невыделимы (*произошел взрыв, состоялся пуск*), а кроме того, протяженные события могут мыслиться как целое: *произошла драка, состоялся концерт* (это просто иной аспектуальный тип представления таких событий).

С другой стороны, есть много явлений, которые нельзя отнести к предметам или ситуациям в обычном смысле слова. Это различные ментальные «объекты», состояния, установки (*мысль, идея, уверенность*), эмоциональные состояния, модальные отношения (необходимость, возможность) и мн. др. Их можно условно назвать информационными объектами и ситуациями.

Они существуют не так, как предметы или темпоральные ситуации. Во-первых, они существуют в информационном пространстве человека. Во-вторых, у них нет фаз и частей — они существуют сразу и целиком, т. е. в любой момент времени существует «вся» информационная ситуация. В каком-то смысле они «длятся» во времени — благодаря тому, что человек их «поддерживает» в актуальном состоянии: он о них думает. Во всяком случае, про них тоже можно сказать, что они существуют временно, а значит, могут начать и перестать существовать. К этим информационным объектам применяются предикаты *возникнуть/появиться-исчезнуть*.

Здесь можно выделить по крайней мере два больших класса:

— ментальные объекты:

возникла (появилась) надежда/догадка/уверенность/идея/мысль/ необходимость еще раз все проверить/проблема; возникли подозрения/сомнения/опасения;

— интерпретации:

возникла опасность/угроза/напряженность/неувязка; возникло напряжение; возникли трудности/неприятности/трения/осложнения; появилась отчужденность.

Совершенно не случайно связанные с существованием информационных объектов предикаты набираются из парадигмы восприятия. Человек не знает, откуда берутся мысли, догадки, подозрения и т. п., как они существуют. Для него они начинают существовать, когда он с ними «сталкивается», когда он их осоз-

нает, когда они актуализуются, возникают перед внутренним (мысленным) взором, входят в поле сознания — подобно зрительным образам объектов, входящих в зону восприятия.

В связи с информационными объектами и ситуациями возникает множество проблем, которые мы здесь можем лишь обозначить:

- далеко не ко всем информационным ситуациям вообще применима идея возникновения/исчезновения: *‘возникли последствия’*; **возник результат*;
- по отношению к информационным объектам и ситуациям предикат ‘кончиться’ не всегда симметричен предикату ‘начаться’ и вообще не всегда применим, ср.: *У нас возникла идея...* — *?исчезла идея*;
- очень нестандартно ведут себя названия чувств (собственно эмоций и других состояний, имеющих эмоциональную составляющую).

Все это лишний раз говорит о том, что информационные объекты существуют не так, как темпоральные.

Тем не менее между миром темпоральных и информационных объектов существует определенная цепочка переходов, связующих звеньев — во всяком случае, по данным языка.

Например, интерпретации (*угроза*, *неприятность* и т. п.) — это вещь в принципе двуслойная: есть какие-то реально существующие и известные человеку события, признаки и т. д., и есть их оценка, квалификация как опасности, угрозы, неприятностей, трудностей и т. п. Такие слова могут как выражать собственно интерпретацию, так и обозначать ее денотативный субстрат, поэтому они сочетаются с обоими типами фазово-бытийных предикатов:

возникли трудности — интерпретация некоторого положения дел;

начались трудности — само это положение дел, занимающее интервал.

Информационные предикаты могут иногда применяться и к темпоральным объектам, которые в таком случае мыслятся как существующие не пофазно, а «целиком» — подобно информационным объектам: *возник спор*, *возникла пауза*, *возникла паника* (здесь есть, конечно, еще и очевидная связь с неконтролируемостью, которую мы сейчас не обсуждаем. Отметим только, что неконтролируемые ситуации — *трудности*, *неприятности*, *паника* и т. п. — могут как начинаться, так и возникать).

Замечание о специализированных фазово-бытийных предикатах

Кроме основных, существуют еще семантически специализированные, но тоже неметафорические фазово-бытийные предикаты вроде *завершиться* или *наступить/настать*, которые тоже ни в коем случае не являются семантически вырожденными, формальными, полностью грамматикализированными, а имеют вполне отчетливые и поддающиеся формулировке сочетаемостные ограничения. Например, *наступить/настать* в первую очередь относятся к временным интервалам и датам (*наступила весна; наступил Новый год; наступило утро, настало время сделать Р; настали тяжелые времена*), и человек, в отличие от машины, использует, разумеется, это общее семантическое правило, а не запоминает отдельные коллокации (*наступил понедельник; наступил вторник* и т. д.).

Конечно, содержание этого правила более сложное, чем просто указание на интервалы и даты, — хотя бы потому, что в контексте *наступить* встречаются события: *Завтра наступит похмелье*. В предварительном плане можно сформулировать следующее уточнение этого правила. В контексте *наступить* интервалы мыслятся как части некоторой последовательности, занимающие определенное место в этой последовательности. В таком же ключе мыслятся ситуации, занимающие эти интервалы, — как запланированные или заранее известные, ожидаемые, следующие за другими в некоторой объемлющей последовательности, причем, как правило, эти ситуации являются закономерным результатом, естественным завершением определенного (поступательного!) хода развития событий, отражают определенную логику такого развития: *наступил день свадьбы; наступила минута расставания; рано или поздно наступит расплата; после необходимых порывов наступает отрезвление; не говорят ?Наступит война, но можно сказать После войны наступит (всегда наступает) мир; наступит старость, но не наступит молодость*.

4. Метафорические значения

Метафорические обозначения начала/конца ситуации, как правило, можно заменить на основные, нейтральные. В этом смысле они являются избыточными, дополнительными.

В связи с метафорическими обозначениями возникают два вопроса:

1. Какие глаголы являются поставщиками фазово-бытийных метафорических значений и как из исходного значения выделяются фазово-бытийные смыслы 'начаться/кончиться'.

2. Каковы семантические мотивировки при переносе исходного предиката на новую ситуацию, т. е. ради чего используется это вторичное обозначение, какие особенности существования ситуаций хочет выделить и подчеркнуть человек с помощью соответствующих метафор.

1. Наиболее подходящим семантическим материалом для образования фазово-бытийных метафор являются глаголы, в исходном значении которых уже заложена семантика 'начало/конец процесса' или 'существования объекта', ср.: *загореться* — 'начать гореть'; *растаять/разбиться/рухнуть/лопнуть* — 'перестать существовать (в первоначальном виде)'. Чтобы использовать их для обозначения начала/конца других ситуаций, необходимо избавиться от денотативного содержания исходной ситуации, точнее — метафорически переосмыслить его.

Конечно, не все такие глаголы одинаково предрасположены к фазово-бытийной трансформации. Сравним наиболее активно использующиеся в процессах метафоризации предикаты огня и звука.

Предикатов огня мало — прежде всего это *гореть* (и более изобразительный *пылать*). *Загореться/зажечься/вспыхнуть* и *потухнуть/погаснуть* значат просто 'начать/перестать иметь место' (об огне или о свете). И их легко приспособить для выражения фазово-бытийной функции: 'начать/перестать иметь место (о чем-то таком, что похоже на огонь)'.

Глаголов звучания много: *звучать, шуметь, звенеть, скрипеть* и т. д. При этом начинательные глаголы *зашуметь/зазвенеть* значат 'начать шуметь', 'начать звенеть' и т. п., а не просто 'начать иметь место (о звуке)'. Т. е. они относятся к конкретным типам звучания. Поэтому их труднее приспособить для выражения начала звука как такового, а значит, и использовать для обозначения ситуаций, которые моделируются через их звуковую составляющую — через наличие звука вообще, а не через конкретный звук (если существование ситуации косвенно представлено через сопровождающий ее конкретный звук, ср.: *шумит карнавал*, тогда возможно использование начинательного *зашумел карнавал*, как, впрочем, и финитивного *отшумел карнавал*. Показательно, однако, что это метонимическое представление, которое не требует такого обобщения, как метафорическое).

Что же касается глаголов прекращения звучания, то они не содержат конкретной характеристики звука: *стихнуть/утихнуть/заглохнуть* значат просто 'перестать иметь место (о звуке)' (или 'перестать восприниматься, быть слышимым и тем самым пе-

рестать иметь место в пространстве наблюдателя'), и это облегчает образование у них собственно фазового значения.

2. Можно было бы ожидать, что разные типы событий — темпоральные и информационные — будут притягивать разные типы метафорических характеристик начала и конца.

Действительно, у информационных объектов есть набор метафорических предикатов, которые никогда не применяются к ситуациям: это глаголы, которые исходно относятся к предметной сфере — предметам, веществам и живым существам:

Родилась надежда/уверенность; Умерла последняя надежда; Последние надежды растаяли; Всякое неприятное чувство к незнакомому мальчишке в нас мгновенно испарилось; Неприятное впечатление/напряжение (вдруг/мало-помалу) рассеялось; Последние сомнения/опасения рассеялись; Надежды/ планы рухнули/рассыпались; Терпение лопнуло.

Это говорит о том, что такого рода ментальные объекты и состояния концептуализованы именно как особого рода «объекты» или даже живые существа («агенты» информационного мира), а не как ситуации. Но у них есть и другой тип концептуализации — событийный, о чем свидетельствует их сочетаемость с предикатами процессов — огня и звука.

Метафоры огня и звука (*вспыхнуть/загореться/зажечься; угаснуть/погаснуть/потухнуть; утихнуть/стихнуть*) применимы как к темпоральным ситуациям, так и к информационным ситуациям и объектам. Они используются в тех случаях, когда течение (существование) ситуации мыслится как независимое от воли человека, неподвластное ему и не контролируемое им.

ОГОНЬ (свет)

Вспыхнуть/загореться/зажечься

Вот несколько типов ситуаций, которые характеризуются этими предикатами.

а) Хорошо выделяемый семантический класс ситуаций, у которых начало моделируется предикатами горения, — эмоции. Имена чувств вообще «притягивают» предикаты огня и света: чувства вспыхивают, загораются, пылают, накаляются, остывают, тлеют, теплятся, охлаждаются, гаснут, — поскольку чувства (особенно сильные чувства — страсти) концептуализованы как огонь, пожар и вообще в терминах тепла/света — холода/тьмы. То же относится к знакам внешнего проявления чувств (взгляды загораются, вспыхивают, светятся (надеждой), гаснут и т. д.; лицо может вспыхнуть).

Вспыхивают (загораются) такие чувства и состояния, которые имеют «высокий градус» и малоконтролируемы: *вспыхнула любовь/ненависть/злорада; вспышка гнева; Этот взрыв веселья погас так же внезапно, как и вспыхнул; В твоей душе загорится вдохновение; В нем загорелась вдруг сильная, ровная и глубокая страсть.*

При этом для *вспыхнуть*, в отличие от *загореться* и *зажечься*, важна еще внезапность.

б) Неуправляемые, стихийные ситуации с участием многих людей: *вспыхнула ссора/паника; вспыхнули волнения/беспорядки; вспыхнула эпидемия;*

в) Взаимные (особенно речевые) действия с недоброжелательными интенциями:

вспыхнуть: спор/перебранка/перепалка;

загореться: спор/перебранка/перепалка/дискуссия/бой.

В производных значениях этих глаголов выделяются две принципиальные части: «несущий» каркас, абстрактная семантическая схема 'начать иметь место' и ее семантическое наполнение. Основными здесь являются признаки:

- неконтролируемость, неуправляемость, стихийность, неподвластность человеку;
- высокая степень интенсивности, напряженности (ср. выделяемый в МАС у *загореться* 5 компонент 'начаться с большой силой'), высокий внутренний «накал», возбуждение участников. Эта идея вообще широко используется в метафорах, связанных с огнем, пламенем, высокой температурой (ср.: *накал страстей, накал борьбы, обстановка накаляется, пламя страсти, пожар страстей, огонь желаний, задать жару* и т. п.);
- внезапность, неожиданность.

Именно ради этих признаков используются предикаты огня (*загореться, зажечься, вспыхнуть*), а не другие начинательные глаголы. Они же отличают метафорические обозначения начала от «нейтральных» *начаться, возникнуть* (ср.: *началась паника* vs. *вспыхнула паника, возник спор* vs. *загорелся спор*).

Угаснуть, погаснуть, потухнуть

также относятся в первую очередь к чувствам и внутренним состояниям человека:

Любовь моя угаснет вместе со мною; Порыв к творчеству может так же легко угаснуть, как он и возник, если оставить его без пищи; Взрыв веселья погас так же внезапно, как и вспыхнул; Интерес угас; Вера угасла; Силы угасли.

Другой важный контекст — мысль, которая концептуализована не как огонь, а как вспышка света в сознании:

Вспыхнула мысль о жене и тут же погасла; Мишке вспомнилась мать, но мысль о ней тут же потухла.

Наконец, эти предикаты могут относиться к самой жизни — «интервалу» существования человека:

Жизнь угасла; Жизнь этого простого, благородного существа так, как текла, тихо и ясно, так и потухла.

ЗВУК

Природные процессы и явления:

Метель стихла; ветер/дождь стих; ветер утих; буря утихла.

Ситуации, сопровождаемые «шумом»:

Споры утихли; Дискуссия еще продолжалась (тлела) некоторое время, но потом окончательно заглохла.

Физиологические состояния и проявления:

Кашель утих; боль утихла.

Здесь, как и у предикатов горения, обнаруживается семантическое соответствие между источником и «мишенью» метафорического переноса: существование таких ситуаций, как ветер или дискуссия, сопровождается — физическими или метафорическими — звуками; соответственно, когда они прекращаются, сопровождающие их звуки тоже исчезают. Природные ситуации типа дождя, метели, ветра и т. д. связаны с движением и потому имеют звуковую составляющую. Шум, сопровождающий течение таких ситуаций, как дискуссии и (общественные) споры, — это не физический, а метафорический шум: эти ситуации имеют резонанс (ср.: *громкий скандал*; впрочем, обычный спор тоже сопровождается звуками, но в этом случае *спор утих* значит, скорее, 'перестал быть слышимым — и поэтому, скорее всего, прекратился'. Здесь явно присутствует внешний наблюдатель: человек, который присутствует при споре, а не слышит его за стеной, вряд ли скажет *Спор утих*). Что касается боли, то боль подобна звуку в том отношении, что она, как и звук, отвлекает, беспокоит человека, заставляет «прислушиваться» к своему телу, и ее прекращение ассоциируется с наступлением тишины.

«ОБРЫВ»

Есть еще одна важная метафора, как бы симметричная вне-запному, неожиданному началу ситуации, — это метафора обрыва, искусственного, «насильственного» прекращения ситуации:

песня/связь/передача/жизнь оборвалась

— не просто прекратилась (перестала иметь место), а посередине, не достигнув естественного или запланированного конца.

Хотя *оборваться* — это предикат предмета, а не процесса, в языке очень многие процессы и отношения концептуализованы как нить и связь (ср.: *связующая нить*), поэтому естественно, что предикаты нити и связи наследуются этими процессами и отношениями (ср. также *порвать со сценой*; и начинательные — *завязать разговор/переписку; завязалась дружба/беседа*).

5. Заключение

Из рассмотренного материала напрашивается очевидный вывод.

В принципе в большинстве рассмотренных случаев можно сказать *начаться/кончиться* или *возникнуть/исчезнуть*, однако выбираются специальные глаголы, чтобы высветить какие-то специальные признаки ситуации.

Для чего человек использует дополнительные, отмеченные, метафорические предикаты (при наличии нейтральных)? Прежде всего в языке отмечаются неконтролируемые, неожиданные, незапланированные ситуации (неконтролируемость вообще имеет самые разные языковые проявления, что не раз отмечалось исследователями, ср., например: [Вежбицкая 1996]). Это имеет психологическое и, если угодно, когнитивное объяснение.

Контролируемые ситуации, у которых начало и конец заранее известны и зависят от человека, как правило, имеют тривиальные фазово-бытийные обозначения: *переговоры начались/переговоры идут (проходят)/переговоры закончились (завершились)*; *урок (спектакль) начался/идет/закончился*; *соревнования (выборы) начались/проходят/закончились* и т. д. Конечно, тривиальные фазово-бытийные предикаты могут иметь и неконтролируемые ситуации: *Холода/морозы начались уже в ноябре*. Но обычно такие ситуации имеют еще и нетривиальные предикаты, ср.: *Ударили морозы*.

Неконтролируемые же события заметны, «отмечены», выделены из общего потока «нейтральных», предсказуемых и ожидаемых жизненных ситуаций. Поскольку такие события не планируются и не ожидаются, происходят независимо от воли человека, их

наступление всегда значимо, оно бросается в глаза, привлекает внимание и порождает соответствующие языковые «отклики». Такие события **ДЕЙСТВУЮТ** на человека, заставляют реагировать, требуют осмысления и особого, специального обозначения.

Показательно, что если контролируемая ситуация протекает «по плану», то ее ход обозначается тривиальными предикатами: *Дискуссия началась/закончилась*; если же она возникает неожиданно, в ее ходе есть какие-то не управляемые человеком особенности, то появляются нетривиальные (метафорические) характеристики: *Дискуссия вспыхнула/разгорелась/заглохла*.

Таким образом, как основные, так и значительная часть вторичных фазово-бытийных глаголов имеют семантически мотивированную сочетаемость, которая, несмотря на служебный характер такого рода лексики, вполне заслуживает того, чтобы стать предметом специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежицкая 1996 — Вежицкая А. Русский язык // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Мельчук 1974/1999 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974 (страницы даются по 2-му изд. — М., 1999).
- Ройтер 1998 — Reuther T. О сочетаемости фазовых глаголов с существительными в чешском и русском языках // Issues of valency and meaning. Prague, 1998.
- Цинман, Иомдин 1997 — Цинман Л. Л., Иомдин Л. Л. Лексические функции и машинный перевод // Труды международного семинара «Диалог'97» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1997.
- Mel'čuk 1998 — Mel'čuk I. Collocations and Lexical Functions // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / Ed. A. P. Cowie. Oxford, 1998.

СЕМАНТИКА 'КОНЦА' У ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

В истории русского языка, как и в современном языке, для поля «конец» в качестве основных организующих понятий можно рассматривать следующие: конец бытия, прекращение/завершение движения, конец протяженности предмета в пространстве, окончание какого-л. периода времени и завершение деятельности (человека).

Такие общие понятия, как «конец бытия» и «завершение деятельности», включают в себя ряд частных. Первое предполагает конец биологического существования; конец существования предмета, явления, состояния, а также завершение какого-л. процесса, действия; прекращение существования в одном качестве, завершающееся переходом во что-л. иное; исчерпанность, использование в каком-л. объеме, размере, в том числе до конца. Завершение человеческой деятельности представляется как собственно прекращение какого-л. действия (*кончить писать*) и как завершение деятельности с тем или иным результатом (*закончить статью*).

Помимо этого конец может быть как активным, так и пассивным. Конец бытия и прекращение/завершение движения или обусловлены внешним воздействием (*убить, остановить*), когда конец предстает как пассивный, или возникают сами по себе (*умереть, остановиться*), что соответствует активному концу. Для прочих понятий характеристика с точки зрения активности/пассивности не является актуальной.

В результате семантическое поле «конца» в истории русского языка может быть представлено в следующем виде:

I. Конец бытия

1. Конец биологического существования:

а) пассивный: вершнѣти, гоуѣти, заразити, коньчати, предавити, переморити, перестрелати, премѣнитѣти, оубити...;

б) активный: изыти, исходити, коньчати, коньчатисѧ, миноуѣти, миноуѣтисѧ, отонѣти, отъходити, пропасти, погнѣноуѣти, погоуѣнитисѧ, полечи, почити, прѣнтѣти, премѣнитисѧ, прѣходити, раздрѣшитисѧ, разнѣруѣти...;

2. Прекращение существования предметов, явлений, состояний, процессов:

а) пассивное: гоуѣти, отърѣзати, отърѣшити, переводити, повершити, премѣнити, преминовати, преставати, престѣчи, престѣкати, раздрѣшити, раздроушати, раздроушити, разроушити, разорити, рассыпати...;

б) активное: гибноути/гибноути, гоуѣтисѧ, коньчатисѧ, миноути, миноутисѧ, миновати, миноватисѧ, опоустѣти, отълетѣти, отонти, отъпасти, отърѣзатисѧ, отъстоупити, отъятисѧ, оставитисѧ, перенятисѧ, перестати, погибноути, погрязноути, полечи, преклонитисѧ, преминоути, преминоутисѧ, премолкнути, преставати, престати, престѣчисѧ, престѣкатисѧ, пронти, разрѣшитисѧ...;

3. Прекращение существования, завершающееся переходом во что-л. иное: выити, выходить, доходить, переменитисѧ, премѣнити, премѣнитисѧ, премѣноватисѧ, премѣнатисѧ, преобличеватисѧ, преобразитисѧ, препадати, препасти, приходить, пронзыти, расходитисѧ, съвершатисѧ...;

4. Исчерпанность, использование чего-л. до конца: выити, исходити, коньчатисѧ, миноутисѧ, отонти, престати, перемежитисѧ, походити, расходитисѧ...

II. Прекращение/завершение движения

а) пассивное: остановить, перѣати, постановити...;

б) активное: постановитисѧ, стати...

III. Окончание периода времени, истечение времени

выити, коньчати, исполнитисѧ, коньчатисѧ, миноути, миноутисѧ, миновати, миноватисѧ, отонти, отъстоупити, преклонитисѧ, пронти, проходити...

IV. Конец протяженности в пространстве

коньчатисѧ, съвершатисѧ, съвершитисѧ...

V. Завершение деятельности (человека)

1. Прекращение действия: коньчати, коньчатисѧ, остати, остатисѧ, оставлати, остропати, отъстоупити, преставати, перестати, преставати, престати, прекратити, прекращати, премолкнути, премолчати, престаноути, съвершати, съвершити, съвершитисѧ...

2. Завершение деятельности с определенным результатом: коньчати, коньчатисѧ, съвершити.

Данный перечень глаголов, принадлежавших полю 'конец', не является исчерпывающим, однако количество приведенных слов в целом отражает соотношение глаголов в группах. При этом одна и та же лексема (см. коньчати, коньчатиса, преставати, съвершитиса) может передавать разные реализации смысла 'конец' и оказывается в нескольких группах.

Только у некоторых глаголов семантика 'конца' является первичной или представляет древнейшее значение (вершити, коньчати, коньчатиса)¹. У ряда глаголов такая семантика является вторичной, и ее развитие прослеживается в семантической структуре глаголов в древне- и/или старорусском языке (см. миноути, миновати, гибноути/гибноути, гоуенти).

Самую большую группу составляют префиксальные производные, у которых семантика 'конца' представляет основное (и часто единственное) значение или также является вторичной, производной. Примером последнего типа служат глаголы прекратити ('сократить', на основе чего развивается смысл конца, завершения, реализующийся в значении 'прекратить, закончить, окончить') и полечи ('лечь, улечься', откуда конец бытия как биологического существования, то есть 'погибнуть, пасть на поле боя', а на его основе — прекращение существования предметов, явлений, состояний, процессов, которое реализуется в значении 'прекратиться, окончиться').

Среди глаголов с основным/единственным значением, передающим семантику «конца», большое количество лексем с префиксом *отъ-*, который в сочетании с глаголами, обозначающими конкретные действия, передавал завершение этого действия (отъбѣлити 'закончить белить', отъсвятити 'закончить святить' и др.). То же относится к производным глаголам с префиксом *пере-* (переварити 'уничтожить кипятком', переорати 'вспахивая, уничтожить границу земельного владения' и др.).

Вторичной семантика «конца» оказывается у глаголов движения. Среди них всего несколько корневых, бесприставочных (миноути, миноутиса, миновати, миноватиса, гибноути/гибноути, гоуенти)²; остальные — префиксальные производные от *ити* и *ходити* и — очень немного — от других глаголов движения.

¹ Древнерусский глагол *коньчати* является продолжением праславянского слова, которое восходит (через ряд ступеней) к и.-е. корню **kep-* 'рождаться, прорасти, начинаться' [7, 6–8; 6, 195–196; 4, 109]. В древнерусском языке, как и в старославянском, у слова представлена уже семантика «конца».

² В истории русского языка исходная идея движения еще фиксируется у глагола *гыбатиса* 'двигаться, шевелиться': *врън юго гыбасте и съхжастеса* (Житие Нифонта XIII в.) [1, 618]. О родстве русских *гнуть* и *гибнуть* см.: [5, 166, 188, 216–219; 2, 404].

Можно предположить, что для глаголов движения развитие в семантической структуре смысла «конец» (как и смысла «начало») является одним из типологических направлений семантического развития. Типология развития в наиболее общем виде была, по-видимому, следующей: движение мимо чего-л., сквозь, через что-л. или завершение движения, откуда по ассоциации со временем развивается семантика истечения времени, окончания какого-л. периода. По ассоциации прекращения существования, исчезновения с истечением времени или непосредственно с завершением движения глаголы данной группы стали обозначать конец бытия.

В результате такого семантического развития глаголы движения стали передавать следующие понятия (см. приведенную выше структуру поля «конец»):

- активный конец биологического существования: изыти, исходити, отонти, отъходити, минути, минути́ся, пренти, преходити;
- активное прекращение существования предметов, явлений, состояний, процессов: изыти, минути, минути́ся, миновати, миновати́ся, отонти, отълетѣти, отъстоупити, отъходити, побѣгнути, пренти, пронти, разыти́ся, расходити́ся;
- прекращение существования, завершающееся переходом во что-л. иное: выити, выходити, доходити, приходити, пронзыти, разыти́ся;
- исчерпанность, использование чего-л. до конца: выити, исходити, отонти, походити, расходити́ся;
- окончание периода времени, истечение времени: выити, изыти, исходити, донти, минути, минути́ся, миновати, миновати́ся, отонти, отъстоупити, пренти, преходити, пронти.

Представляющие бесприставочную группу глаголы минути, минути́ся, миновати, миновати́ся были унаследованы из праславянского лексического фонда [8, 31, 51–53]. В русских памятниках письменности три из них фиксируются уже в XI в., а один — миновати́ся — лишь в XIV в. Наблюдается тенденция к преимущественному употреблению в древнерусском языке (XI–XIV вв.) глагола минути, а в старорусском (XV–XVII вв.) и позднее — глагола миновати.

Для семантического развития глаголов минути и миновати в истории русского языка главной стала идея движения мимо чего-л., минуя что-л., которая реализуется в первичном и основном значении 'пройти/проходить, проехать/проезжать, проплыть/плыть,

оставляя что-л. в стороне или позади'. Дальнейшее развитие семантики шло в нескольких направлениях. Одно из них представлено довольно большим количеством переносных значений, когда глаголы обозначают действия, в той или иной степени ассоциирующиеся с исходной идеей движения мимо: 'избежать чего-л., избавиться от чего-л.', 'обойтись без чего-л., выйти из положения' и др.

Другое направление, представленное в русской письменности относительно слабо, развивается на основе связи движения с пространством и реализуется в значении, передававшем линейную протяженность — 'протянуться далее (или ниже) чего-л.'.

Третье направление представляет семантику «конца»: на основе понятийной связи движения со временем развилось значение 'истечь, окончиться', которое, в свою очередь, стало базовым для обозначения конца бытия по ассоциации окончания, завершения временного периода с прекращением существования.

Значение 'истечь, окончиться' у глагола *минути* фиксируется с XI в. и сохраняется до настоящего времени; у *минувати* оно фиксируется в русской письменности чуть позднее — в XII в. — и также известно в русском языке конца XX столетия³. При этом примеры употребления в этом значении последнего глагола до XVIII в. единичны в соответствии с общей частотностью слова.

В семантической структуре глаголов *минути*с_я и *минувати*с_я в памятниках русской письменности направление, передававшее пространственную протяженность, не было представлено. Основной для них стала семантика «конца», поскольку исходное значение движения у этих глаголов в процессе языкового развития было утрачено (у *минути*с_я оно фиксируется еще в XVI в., у *минувати*с_я как значение 'идти, проходить' — в XIV в.). Оба глагола передавали как окончание периода времени, так и конец бытия.

Субъектом при глаголе *минути* в значении 'истечь, окончиться' являются различные временные отрезки (*час, год, день* и др.), обычно в конкретном количественном исчислении: а какъ четыре часа минеть, и въ началѣ пятого часа тогда всякими товары и харчемъ торговать (АИ, т. 4, 28, 1647 г.). Другая разновидность субъекта — существительные *срок, время, пора*. Два первых в литературных источниках обычно сопровождаются неконкретной характеристикой *много, много / мал, мало*, а в некоторых случаях возможно

³ На основе этого значения как его сужение развивается еще одно — 'исполниться'; субъектом также является время, но уже как возраст человека. У *минути* значение фиксируется в XII–XX вв.; у *минувати*, по-видимому, лишь в XIX в.

употребление только субстантивированного *много / мало* (мало минувши, зажгоша турки около Азова камышиникъ — История об Азовском взятии, 162, XVII в.). Существительные *время* и *пора* в русской деловой письменности имеют определения, характеризующие их с точки зрения основной — сельскохозяйственной — деятельности человека (*семенная пора, пашенное время* и др.): уже минула *сѣменная пора* (Материалы для истории колонизации, 13, 1639 г.). Возможна и контаминация разных типов субъектов: Въ прошломъ тому ужъ нѣсколько лѣтъ минуло времени (там же, 112, 1681 г.).

При менее употребительном в памятниках древне- и старорусской письменности глаголе *миновати* такое разнообразие субъектов не представлено; засвидетельствованы *лета* (XII в.), *век* (XIV в.), *срок* (XVIII в.).

Значение 'истечь, окончиться' у *минути* фиксируется, как кажется, в XVII в., а у *миновати* — в XVI в. Поскольку частотность этих глаголов в русской письменности была такой же, как у их соответствий без *-ся*, разнообразие субъектов отмечено при более употребительном глаголе *минути*. Они составляют уже названные выше группы, при этом существительные *время* и *пора* имеют более разнообразные характеристики с точки зрения деятельности человека: *осадное, пашенное, сенокосное время; деловая, лыжная, пашенная пора*.

На примере субъектов этой группы виден переход от значения 'истечь, окончиться' к значению 'перестать существовать, завершиться', базирующийся на ассоциативной связи понятий и смене субъекта, которым становится предмет в широком смысле. Ср. *минет/минется пашенное время* (XVII в.) — *минет/минется полевая работа* (I четв. XVIII в.), *минет/минется лыжная пора* (XVII в.) — *минет/минется санный путь* (XVII в.).

Если при обозначении конца какого-л. временного периода ситуация в исторический период в целом не отличалась от современного русского языка, то при передаче конца бытия, которое реализуется в значениях 'умереть/умирать', 'завершиться/завершаться' и 'перестать/переставать существовать', весьма существенные различия наблюдаются в группах возможных субъектов. В памятниках русской письменности в этом плане наибольшее разнообразие демонстрируют глаголы *минути* и *миновати*, к которым довольно близок *минути*. Общее направление развития заключается в постепенном сокращении как возможных групп субъектов, так и их конкретного набора в группах.

Самыми малочисленными в памятниках русской письменности оказываются субъекты — конкретные предметы, включая оружие,

небо, землю (*нѣбонъ земля минеть* — Мерило Праведное, л. 67, XIV в.), и люди/животные (*горлицы свиргъ минеть* (с). *ѣнго не пшметъ* — там же, л. 32). Появление субъекта-человека следует считать, по-видимому, вторичным, возникшим на базе субъекта-предмета. За пределами русской письменности, в более позднее время, подобные субъекты сохранялись в народно-поэтическом творчестве: когда злато, *гдѣ-ка серебро минуицься* (Арх. былины, 311). В современном русском литературном языке обе группы не сохранились.

Самыми многочисленными оказываются группы субъектов-существительных, обозначающих какое-л. действие или процесс (*война, служба, промысел, сейм, падеж (скота), ярмарка, очная ставка, трапеза* и др.), а также чувство или состояние человека (*гнев, кручина, обморок, болезнь, опьянение, перемирие* и др.): а какъ *ѹ васъ ярманка минуѣтца*, и онъ бы *ѹ васъ былъ въ монастырѣ* по прежнему (ААЭ, т. 4, 42, 1648 г.); а какъ минется ярманка (ДАИ, т. 4, 142, 1658 г.); нынѣ де они *ѹ Короля на соймѣ*, а соймъ минется послѣ сроку Мартынова дни (АИ, т. 4, 309–310, 1661 г.); какъ тон слюде промыслъ минетца (СГКЭ, т. 2, 543, 1688 г.); животину покупать на дворы, какъ гораздо падежъ минетца (ДТП, т. 1, 1126, 1665 г.); а ка(ѣ) стѡ(ѣ) ѡнде(т) и пиръ минетъ, ино сѣды... собрати (Домострой, гл. 17 (53), XVI в.); минѣла баше сар'ры женскоѡ вещь (Быт. XVIII, 11; Геннадиевская Библия 1499 г.); а се де жары велики; а какъ де жары минуѣтца (Посольство Вражского, 18, 1611 г.); то розыскное дѣло минеца (Воронежские акты, 182, 1700 г.).

Внутри названных групп существительных можно выделить особую подгруппу субъектов, имеющих отношение к движению/перемещению. Употребляемые при них прилагательные характеризуют движение с точки зрения среды, транспортного средства, времени осуществления. Это существительные *путь (водный, водяной, зимний), ход (морской), приход (корабельный)*: а водяной, *государь, пѹтъ миновался* (Псковские акты, 445, 1665 г.); *мягкую рѹхлядь привезтъ на Верхотурье*, какъ *зимней пѹтъ минетъ* (ДАИ, т. 5, 430, 1669 г.); *морской ходъ ѹже минуѣлся*, а насъ *шахъ задержалъ* не малое время, а *зимней пѹтъ влжеетъ* (Посольство Бяратинского, 468, 1619 г.).

Еще одну группу субъектов, утраченную в процессе языкового развития, составляли абстрактные понятия, довольно разнородные по характеру (чаще всего *слава*, а также *грех, вести* и некоторые другие): *вса(к) во грѣ(х')* въ крат'цѣ свершаетъ(ѣ) и *вор'зо минуѣтца* (Измарагд, л. 34 об., XIV в., список XVI в.); и *бытъ имъ въ Красноярскомъ погодно*, до *тѣхъ мѣстъ*, какъ *воинскіе вѣсти минуѣтца* (ДАИ, т. 8, 149, 1678 г.).

У глагола *миноѹти* в XVII–XVIII вв. в Лечебниках фиксируется значение ‘перестать болеть, пройти’. Оно развилось при замене субъекта, которым первоначально была болезнь, на другой субъект — больной орган: *аще человека ѹтроба держитъ, вынять из ряца потрохъ... изсѹшитъ и принимать в чемъ нигѹдъ, ѹтроба минетъ* (Лечебник № 1, гл. 48, список 1763 г.); *взяти кропѹ і варити в воде приложити на ранѹ минетъ* (Лечебник № 2, гл. 57, конец XVII в.). В процессе языкового развития у *миноѹти* это значение не сохранилось, закрепившись за другой лексемой — *пройти*.

В истории русского языка было известно небольшое количество производных от рассматриваемых глаголов: *изминоѹти, изминоѹтиса, оминоѹти, переминоватиса, поминоѹти, поминоѹтиса, поминноватиса, преминоѹти, преминоѹтиса, преминовати, преминоватиса*. У большинства из них была засвидетельствована семантика «конца»: *переминоватиса, поминоѹти, поминоѹтиса, поминноватиса, преминоѹти, преминоѹтиса, преминовати, преминоватиса*. В процессе языкового развития были утрачены не только реализующие эту семантику значения, но и большинство самих глаголов.

Судьба префиксальных производных от *ити* и *ходити* в русском языке оказалась иной. Семантика «конца» в письменных источниках была засвидетельствована у целого ряда таких лексем⁴ (*выити, донти, изйти, отонти, пренти, пронти, разытиса, пронзыти; выхѹдити, дохѹдити, исхѹдити, отъхѹдити, похѹдити, прехѹдити, прихѹдити, прохѹдити, расхѹдитиса*), тогда как в семантической структуре исходных глаголов она по вполне понятным причинам отсутствовала.

Как и у глаголов *миноѹти, минѹтиса, миновати, миноватиса*, у префиксальных производных от *ити* и *ходити* семантика «конца» реализовалась как ряд частных значений с соответствующими субъектами. Значение ‘умереть/умирать’ (в соответствии с видом глагола) передавало конец биологического существования, а значение ‘истечь, окончиться’ — окончание какого-л. периода времени; прекращение существования предмета, явления, понятия, чувства реализовалось как значение ‘перестать/переставать существовать’, а завершение процесса или действия — как ‘завершиться/завершаться’. По сравнению с рассмотренными бесприставочными глаголами новым для префиксальных производных от *ити* и *ходити* была реализация семантики «конца» как перехода из одного состояния в другое, т. е. прекращение

⁴ У части других префиксальных производных от этих же слов фиксируется семантика «начала» (*възйти, въсхѹдити, занти, нанти, нахѹдити, понти, принти, прихѹдити, просхѹдити*); у некоторых глаголов — оба смысла, «начало» и «конец» (*выити, изити, донти, пронти, пронзыти, похѹдити*).

существования, завершающееся переходом во что-л. иное (ср. глагол *перейти* в современном русском языке). При этом, по-видимому, имело место совмещение смыслов «конец» и «начало». Впрочем, данное понятие находилось на периферии поля «конец» и не получило большого распространения. Конкретная реализация понятия у глаголов была различной — от общего значения 'получиться' у *выйти* до частного 'созреть, давать урожай' у *доходить*: ис тѣхъ дровъ уголя вышло четыре четверти (Воронежские акты, 78, 1698 г.); хлѣбъ у насъ по три годы не доходилъ, ржа давила и червь ѣлъ (ДАИ, т. 10, 205, 1682 г.).

Другое новое по сравнению с группой *минути* понятие, также находящееся на периферии поля «конец», — исчерпанность, использование в каком-л. размере, объеме, в том числе до конца, когда предмета (чаще всего речь идет о деньгах) больше нет в наличии. Это понятие реализуется в двух значениях, причем возможно безличное употребление глагола: 'израсходоваться, истратиться' (а по 200 руб. исходитъ на дрова — Писцовые книги, т. 1, 922, 1593 г.) и 'иссякнуть' (на тѣхъ доменныхъ мѣстахъ желѣзная руда вышла вся и лѣтъ всякой выстѣченъ весь — ДАИ, т. 7, 229, 1677 г.).

У разных производных от *ити* и *ходить* в семантической структуре оказались представлены различные понятия, передававшие семантику «конца» (см. таблицу).

	окончание периода времени	завершение процесса, действия	прекраще- ние суще- ствования; субъект — предмет, явление, понятие	конец био- логическо- го сущест- вования; субъект — человек	переход из одного состояния в другое; субъект — предмет	исчерпан- ность, использо- вание до конца; субъект — предмет
выйти	+				+	+
дойти	+					
изйти	+		+	+		
отойти	+	+	+	+		+
прейти	+	+	+	+		
пройти	+	+	+			+
разытиса		+	+		(+)	
прозыти					+	
выходити					+	
доходити					(+)	
исходити	+			+		+
отъходити		+	+	+		
походити						+
преходити	+			+		
приходити					+	
проходити	+					
расходитиса		+	+			+

Имевшаяся семантическая избыточность (на фоне того, что некоторые значения были слабо представлены) в дальнейшем в процессе языкового развития была устранена. Ср., например, обозначение окончания временного периода в современном русском языке.

Другой тип изменений, как и у глаголов группы *миноути*, заключался в сокращении круга возможных субъектов, что происходило, например, у глагола *пронти*. В числе его субъектов в русских памятниках письменности были существительные с конкретным значением (типа *земля, небо*). На фоне их постепенной утраты происходило включение в число субъектов отвлеченных существительных, прежде всего обозначавших чувства и состояния (*боль, болезнь, любовь, ненависть* и др.), которые прежде выступали при глаголах группы *миноути*.

Мотивировка семантики «конца» у префиксальных производных от *ити* и *хóдити* частично совпадала с глаголами группы *миноути*, т. е. по ассоциации завершения движения/перемещения со временем развивается обозначение окончания временного периода, которое становится базовым для формирования некоторых других значений с общим смыслом «конец» ('перестать/переставать существовать', 'завершиться/завершаться'). Если у производных от *ити* последовательность была именно такой (ср. наличие передающих течение времени значений уже у самого глагола *ити*), то у производных от *хóдити* такая ступень могла отсутствовать. Значение 'умереть/умирать' развилось как переносное непосредственно к основному значению, обозначавшему движение. Мотивировка значения 'израсходоваться, истратиться' была, по-видимому, следующей: по ассоциации движения человека и предмета появилось значение 'двигаться, перемещаться' с субъектом-предметом; на его основе при актуализации конечного пункта развилось значение 'предназначаться кому-л., поступать в чье-л. распоряжение' и далее уже 'израсходоваться, истратиться' (см. глаголы *выити, нсхóдити*). Ступень, обозначавшая предназначенность, может отсутствовать (см. глаголы *отóити, похóдити*).

У префиксальных производных от других глаголов движения в русской письменности семантика «конца» была представлена реже, чем в современном русском языке⁵. О последнем см.: [3, 151].

В истории русского языка отсутствует эмоционально-экспрессивное значение глаголов с префиксом *про-* или *у-* (*время/лето пролетело, пронеслось, промчалось, унеслось*), которое появилось уже в современном русском языке. Раньше прочих префиксальных

⁵ У некоторых глаголов, например у *излѣзти*, фиксируется смысл 'начало'.

глаголов в этот процесс был вовлечен прелѣтати (см. ниже), из бесприставочных — вѣѣжати: у него значение 'быстро проходить, протекать (о времени)' фиксируется с XVIII в. Развитие разветвленной семантической структуры вообще и семантики «конца» в частности прежде всего происходило у глаголов с общей идеей движения, тогда как у лексем, обозначающих конкретные способы передвижения, этот процесс начался позднее и был более длительным.

У префиксальных производных от других глаголов движения семантика «конца» была не только слабо засвидетельствована, но и отмечалась спорадически, т. е. у лексем фиксируются лишь отдельные значения из целого ряда возможных. У отъѣздити и прелѣтати соответственно были значения 'истечь, окончиться' и 'быстро пройти, протечь': вѣѣнцемъ такимъ не ѣздило время (Правила, 192, XV в.); ночь в борзости прелѣтает (Карион Истомина, л. 18 об., 1694 г., список XVII–XVIII вв.). В процессе языкового развития второй глагол был утрачен, а у первого семантика «конца» сохранилась, но значение и субъект стали иными: отступила боль, мысль [3, 151].

У того же глагола отъѣздити в русской письменности представлено значение 'перестать делать что-л.', которое является уникальным среди реализаций семантики «конца» у глаголов движения, однако представлено у других глаголов (преставати, престати и др.): аще мужъ... такова скверны не отступитъ (Книги законные, 83, XII–XIII вв., список XV в.).

Таким образом, семантика «конца» у глаголов движения представляет типологическое направление семантического развития. Она редко фиксируется у бесприставочных глаголов; обычно ее появление было обусловлено значением приставок. Первоначально условием для ее развития была также идея движения как такового, не подразумевающего конкретные способы перемещения. Этот барьер был преодолен, по сути, уже в современном русском языке. В процессе языкового развития изменения коснулись также субъектов, среди которых сократился круг собственно предметов и увеличилось количество слов, обозначающих чувства и состояния человека.

ИСТОЧНИКИ

ААЭ — Акты, собранные Археографическою экспедициею. СПб., 1836. Т. 1–4.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.

Арх. былины — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. 3. Мезень. СПб., 1910.

- Воронежские акты — Воронежские Петровские акты / Собирал и ред. Ф. К. Яворский. Воронеж, 1872.
- Геннадиевская Библия — Книги Ветхого и Нового Завета, писаны при дворе архиеп. Геннадия. Ркп. ГИМ. Син. № 915.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846–1872. Т. 1–12.
- Домострой — Домострой по списку ОИДР // Чтения ОИДР. 1881. Кн. 2.
- ДТП — Дела Тайного приказа. Т. 1–4 // Русская историческая библиотека. СПб., 1907; Л., 1926. Т. 21–23, 38.
- Измарагд — Измарагд. Ркп. БАН, 13.2.7.
- История об Азовском взятии — Орлов А. История об Азовском взятии и осадном сидении от турецкого царя Брагима донских казаков... лета 7135 года // Русский филологический вестник. 1906. Т. LVI, № 3–4.
- Карион Истомина — Карион Истомина. Полис си есть град царства. Ркп. ГИМ. Чуд. № 302.
- Книги законные — Книги законные, содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы... // Сборник ОРЯС. СПб., 1885. Т. 38.
- Лечебник № 1 — Лечебник. Ркп. Пушкинского дома, собр. В. Н. Перетца, № 367.
- Лечебник № 2 — Лечебник. Ркп. Пушкинского дома, собр. В. Н. Перетца, № 217.
- Материалы для истории колонизации — Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886.
- Мерило Праведное — Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961.
- Писцовые книги — Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872–1877. Т. 1–2.
- Посольство Бяратинского — Посольство князя Михаила Петровича Бяратинского // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1898. Т. 3.
- Посольство Вражского — Черновой статейный список посольства Прокофья Вражского к нагайскому князю Иштереку // Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4.
- Правила — Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения ОИДР. 1912. Кн. 3.
- Псковские акты — Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. 6.
- СГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922; Л., 1929. Т. 1–2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.

3. *Шведова Н. Ю.* Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989.
4. *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1977. Вып. 4.
5. *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1980. Вып. 7.
6. *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1983. Вып. 10.
7. *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1984. Вып. 11.
8. *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1992. Вып. 19.

НАЧАЛО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ И КОНЕЦ КАК ИСПОЛНЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРО- И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА)

В текстах первых славянских и русских памятников лексемы начала и конца предъявляют те же значения, что и в современном русском языке: и начало, и конец — грань чего-либо мыслимого в пространственном, временном или абстрактном плане. «Грань» не обязательно точка и не обязательно мала, она может быть растянутой как угодно широко. Важно, что понятие начала включает в себя мысль о перспективе, предполагает продолжение; в понятии конца значимо отсечена перспектива, значимо задана последняя точка.

При всей известной опасности осовременить семантику древнего слова, историческая семантика тем не менее вынуждена отталкиваться от современных представлений — хотя бы для того, чтобы на фоне и по контрасту с более известным подойти к историческому материалу с привлечением методов этимологии, контекстной догадки, переводных эквивалентов и исторических словарей, которые, используя контекстную догадку и переводные эквиваленты, предоставляют материал памятников в систематизированном виде.

Понятия начала и конца — атрибуты такой общей категории человеческой жизни и мышления, как движение. Начало и конец — две грани, отмечающие отрезок движения-процесса (что верно и для отрезков протяженных в пространстве предметов). Грань отделяет процесс от «ничего»: у начала нет ничего до, у конца — нет ничего после; но и первая и вторая грань неотделимы от процесса, находящегося внутри этих двух граней. Грань мыслится вместе с начатым/оконченным процессом. С началом связано будущее, то, что начато, с концом — прошлое, то, что окончилось. От первой, начальной, исходной, левой (по графическому представлению в нашей культуре) грани отталкивается, берет импульс, начинается движение. Второй, конечной, последней, завершающей, правой гранью оно оканчивается, завершается. Для исторической лексики, как и для современного русского языка, требование назвать то, что начинается и что кончается, является обязательным и выражается в сильной валентности лексем начала и конца.

Различие между именем и глаголом, между процессом, исполняемым деятелем, и процессом, который протекает сам собой, между совершенным и несовершенным видом дает семантические добавки к стержневому значению.

Производные и.-е. корня *чен/кон* специализировались в славянских языках как «начало» и «конец»; у того и другого развилось множество дериватов, в том числе с ушедшим на задний план первичным значением (*закон, ставить на кон*). Сущ. *начало* — производное от производного же переходного глагола *начати*; *конец* связано с безаффиксным сущ. *кон*, сохранившимся в русском языке только в нескольких словах. Глагол *конати* (*доконать*, укр. *виконати, перекопати, виконавець*) связан с сущ. *кон*, глагол *кончити/кончати* — с *конец*.

Корень *кон*, согласно ЭССЯ [ЭССЯ 1974–1999], исходно значил «предел» без детализации направления. О том, что первоначально в *кон*-не различались «начало» и «конец», мыслится любой предел чего-либо протяженного, свидетельствует употребление лексемы *konъ* в сербохорватском. По Фасмеру [Фасмер 1986], *od kона до кона* = «от начала до конца». В русских говорах (куйб., киров., сарат., петерб.) *кон* = «начало». Сема 'начало' видна в прил. *исконный*. В произведении А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом» (1996, с. 27) употреблено (отсутствующее даже в словаре В. И. Даля) прил. *доконный*:

«Не скажу, что такой точно план, но верная догадка-предчувствие у меня в том и была: к этому мужику Ивану Денисовичу не могут остаться равнодушны верхний мужик Александр Твардовский и верховой мужик Никита Хрущев. Так и сбылось: даже не поэзия и даже не политика решили судьбу моего рассказа, а вот эта его *доконная* мужицкая суть, столько у нас осмеянная, потоптанная и охаянная с Великого Перелома, да и поранее».

Славянские языки сохраняют свидетельства того, что и сущ. *конец*, будучи исторически старше *начала*, имело значение любого конца. В словен., чеш., н.-луж. *konec* = «конец» и «начало». Лексема *konec* закрепились в значении «начало» в говорах словен., чеш.: *od kона* = «сначала». Это значение засвидетельствовано также и в самых различных русских говорах (арх., вологод., костром., рязан., калуж.): *кон'ец* = «начало». В тех слав. языках, где порядок концов лексически не различается, в новое время применяются описательные выражения: «первый конец» и «второй конец». Так обстоит дело в польском. Отмеченное во всех современных и исторических словарях рус. *конец* = «край», не различающее начала и конца, в отношении к «полю», «лесу» и под.,

по-видимому, наследие того времени, когда конец не был противопоставлен началу.

В старославянских и, далее, в церковнославянских и древнерусских текстах есть свидетельства того, что и начало, и конец выходят за пределы этимологически заданного и современным языком удостоверяемого значения «начальный импульс» и «последняя точка» чего-либо длящегося. Речь идет о таких употреблениях, когда к элементу грани процесса присоединяется сам процесс: слово *начало* А приобретает значение «начальный импульс плюс само А», *конец* А мыслится как «последняя точка в А плюс само А». Есть и такие употребления, когда в лексемах *начало* и *конец* не просматривается опорная сема 'начало' и 'конец', а на первом плане находится компонент 'процесс А'. Для славянского языкового мышления как будто нехарактерен семантический мост от исходного значения этих лексем к значению с охватом самого процесса, нет семантической мотивации: 'начало' → 'начало' + 'начавшийся процесс', 'конец' → 'конец' + 'закончившийся процесс'. Анализу подобных контекстов посвящено дальнейшее изложение.

Начало в значении «продолжение начатого»

Сущ. *начало*, согласно историческим словарям, это «начало», а также «импульс, вина, причина, образец, основа, платформа». Это понятное семантическое развитие, давшее, например, совр. *начала* (науки). Сущ. *начало* в данном морфологическом оформлении иных значений, помимо своего прямого, не имеет.

Иное дело сущ. *начатѣкъ* — отглагольная основа с суф. (т)ѣкъ. Кроме узнаваемого значения «начало», оно отмечено в значении «поступок». В старославянском поступке-начатке чувствуется импульс, заданный значением основы, привкус образца, но это уже не сам импульс, не сам образец, тем более не грань: егда нечае і. остаті зълаго *начатка* того. не послуша (Клоц глаг. XI в., цит. по: [СтСл 1994, 358]). Так переведено греч. сущ. ἐπιχειρησις «приступ, попытка, нападение, начинание, занятие» (от перех. гл. ἐπιχειρέω букв. «налагать руку», далее «начинать», образно-метафорическое «нападать»). В греч. основе сема 'начало' является производной, в славянском же *начатѣкъ* она основная, а 'дело' — приобретенная. В славянском *начатѣкъ* можно видеть импликацию: «начать» значит «начав, сделать».

Сущ. *начатик*, кроме собственно «начало», может иметь значение «начало с продолжением», «новое дело», значение, близкое совр. *начинание*. В [СтСл, 357] оно толкуется как «поступок, на-

чинание» с иллюстрацией из Супр 559: прославивъ ба. стави са. отъ начати. иже бѣ отъмыштеньк помыслилъ (греч. нет). В Житии Андрея Юродивого в сущ. начатьк (перевод ἐγχεῖρημα (греч.) «приступление к делу, начатие, предприятие») неотделимы «начало» и «дело»: нѣс кмѹ сѣ на пользу. остана начати кго. покажи же кмѹ дѣло. како кстѣ [Молдован 2000, 238].

Сущ. начинаник отмечено в качестве переводного эквивалента греч. ἐπιτήδευμα, в котором нет ни малейшего намека на 'начало': это греч. сущ. слепилось из служебных и местоименных элементов и значит «занятие, ремесло». В Пс 105.39: любѣ створиши въ начинанихъ своихъ (Синайская псалтирь XI в., цит. по: [СтСл, 357]). Так и в [Острож 1988]: и соблюдиша в начинанихъ своихъ. В синодальном переводе Библии: «блудодействовали поступками своими» = by their deeds [Holy Bible 1991]. В этом библейском контексте старославянское начинаник выходит за пределы значения, подчеркнутого материальной формой и отсутствующего в греческом слове. Слово дожило до наших дней и употребляется в канцелярском стиле в значении «новое дело», синонимично более употребительному инициатива.

Сущ. оучинаник¹ — вторичное отглагольное образование, отмеченное в соответствии с тем же ἐπιτήδευμα в значении определенно «дело», например, Пс 76.13: і поучѣ са во вѣсѣхъ дѣлѣхъ твоихъ. і на оучинанихъ (= [Септ 1979] ἐν τοῖς ἐπιτηδεύματιν) твоихъ поглагоумѣ са. Острож: и в начинанихъ твоихъ. Синодальный перевод: «Буду вникать во все дела Твои, размышлять о великих Твоих деяниях». Так и в английском переводе: I will meditate on all your works and consider all your mighty deeds.

В глаголе начинати словарь СтСл отмечает два значения: буквальное соответствие ἀρχω «начинать» и соответствие ἐπιχειρεω «пробовать, пытаться». Этот слав. глагол, в отличие от сущ., не выходит за рамки значения «начало».

Но в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (далее — Срезн) для этого глагола отмечено значение «побеждать, господствовать» в пер. XI в. из Григория Назианзина: не Персомъ съдолѣвающе (хρατούντες), ни Бкѹѣы начинающе (χειρούμενοι — прич. от χειρόομαι «властвовать, побеждать, убивать» из пер-

¹ Есть и другие производные основы чн-/чин-: оучиник (людской), XV в. (по словарию Срезневского); сущ. вѣчало по значению примерно равно сущ. начало и в переводных памятниках соответствует ἀρχ- ἡγός «служащий причиной, началом», у Платона «первое, главное начало»: спасеник вѣчало (Супр. 313,11). Гл. вѣчати = ἀρχω в медии и ἔφαρχω в ст.-сл. евангелиях. Мф 6.24, Мф 18.17, Лк 16.13: о цркви неродити вѣчнеть. По Архангельскому ев. Лк 13.25: тѣщи вѣчнѣтъ въ двери (Арх 660б.г).

вич. «прибирать к рукам»), ни одна никакая же страны иноязычны по-требляющие. Сейчас трудно представить такое развитие значения от исходной семы 'начало' (хотя в совр. *кончить* такое развитие произошло). Был ли в славянском глаголе начинать семантический путь от 'начинать' к 'убить'? Почему глагол *χειροδομαι* переведен славянским начинать? В семантике *χειροδομαι* такой семантический путь есть. От «прибирать к рукам» (≈ «начинать») греч. глагол идет к более детализированному «прибирать к рукам имущество, страну и жизнь противника на войне». В слав. глаголе такой путь не мыслится. Переводчик передал в своем начинающе едва брезжащее в *χειροδμενοι* 'начало'. Слав. слово отразило в своем материальном виде второстепенную сему переводимого слова, переводчик как бы выбрал «не то» значение переводимого слова. Данный перевод представляет собой не просто семантическую кальку (при семантическом калькировании переводчик, как правило, ловится на крючок доминирующего значения), но более изощренное калькирование: ведь сема 'начало' в глаголе *χειροδομαι* не выражена явно (ср. выше: отглагольное приставочное сущ. *ἐπιχειρησις* переводилось *начатье*). Средневековый русский книжник видел в глагольной основе *нача-*, *начина-* одновременно «начинать» и «убивать», как и носители греческого языка в своем глаголе. Богатое значение вместились в семантически бедную основу.

СлРЯ XI–XVII вв. отмечает немотивированные значения не только в переводных, но и в оригинальных русских памятниках. Гл. *начати* отмечен в значении «поднять руку на кого-л., напасть, поразить» (Сказ. о Борисе и Глебе 6624 г.), близком к рассмотренному; *начинати* — в значении «раздирать, разрывать», *начинаник* — в значении «занятие, ремесло» (Мерило Праведное XIV в.), а также «нарушение неприкосновенности». Путь от семантически бедного «начать» к конкретному «напасть» и «поразить, убить» не удостоверяется достаточным материалом. Остается думать, что такое употребление — наследие переводных текстов. Редкое и периферийное семантическое явление пробилось в современный язык в сущ. *начинание*.

Отсутствие семы 'начало' в основе *начал-* наблюдается в ст.-слав. сущ. *начальникъ* (как и в его современном наследнике), хотя, казалось бы, звуковая оболочка слова принуждает к актуализации этой семы. Ожидаемое значение «положивший начало, зачинатель» отмечено в выражении «начальник зла» — эпоним дьявола² XI в. [СтСл, 357] в соответствии с композитом *ἀρχέλαος*. Есть

² В качестве ошибки перевода вместо «начальник зла» на месте *ἀρχέλαος* отмечено *сѣтарън зѣлодѣи* [СтСл, 240] — так в орбиту славянского перевода втянуто еще одно значение корня *ἀρχ-*. Переводчик Хроники Георгия Амартола (ХГА)

также спасения начальник — Христос [СлРЯ]. Вместе с тем слово употреблялось в значении, близком совр. *начальник* «глава, руководитель»; оно появляется в качестве переводного эквивалента композита $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\gamma\acute{o}\varsigma$, у которого первая основа $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ = «власть». *Начальник* А — это «тот, кто над А, пока есть А». Семы 'начинатель' как будто нет, начальник не имеет отношения к началу дела — в отличие от более позднего *зачинатель* А = «автор А». Роль *зачинателя* дела оканчивается после того, как дело началось; роль *начальника* длится, пока есть дело. У начальника есть время, у зачинателя его нет. Исходная сема 'начинатель', умершая в слове *начальник*, сохранилась в совр. *родоначальник*. Начальник начальствует, делает дело длящееся; родоначальник, наоборот, положил начало, дал импульс тому, что продолжается без него.

Какой семантический процесс разделил почти альтернативные значения «зачинатель» и «руководитель» в старославянской и древнерусской лексеме *начальникъ*? Возможно, ответ следует искать в различии соответствующих греч. композитов. Первая часть обоих композитов, $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ -, имеет значения: $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ -1 «начало», $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ -2 «начальство, власть». Два и более значения в древнегреческом слове — не то же самое, что два альтернативных значения в современном русском языке. Как пишет И. М. Дьяконов, «...о полисемии древнего слова... можно говорить только относительно современных языковых систем; для древнего человека, например, латинское *dominium* с полисемическим значением *власть, владение, господство, собственность, суверенитет* — моносемично, ибо, с его точки зрения, „власть, владение, господство, собственность, суверенитет“ — просто одно и то же» [Дьяконов 1980, 193].

Средневековые византийские авторы видели в своем $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ все его значения, как и в любом другом многозначном слове; средневековый славянский книжник, бывший в греческом языке как у себя дома, видимо, тоже.

в XI в. не распознал общего места святоотеческой литературы (вместо «начальник зла» у него получилось *изначала злыи*) и прибавил: *дьяволъ* (Врем, И91). Наречие *изначала*, как и *исконн*, несет понятие о времени до начала и после начала, то есть без начала, вне начала, всегда, где парализуется само начало как таковое. В переводе получилось предположение о дьяволе, существующем изначально, что противоречит православному вероучению. Зло изначально — это признание того, что у зла есть сущность, согласно манихейскому «анти-богу». Манихеи представляют вселенную ничейной зоной между Богом добрым и богом злым. Дуалистические элементы всегда пытались проникнуть в христианство, особенно в монашескую жизнь, и наш переводчик дал пример этого. Для отцов церкви зло — недостаток, порок, несовершенство, не природа, а то, чего природе недостает, чтобы быть совершенной [Лосский 1991, 250].

Можно думать, что начало как перевод $\alpha\rho\chi\acute{\eta}$ -2 «власть», содержит в себе оба значения, и «начало» (как базовое значение греч. основы $\alpha\rho\chi\acute{\eta}$), и «власть» (как производное значение основы $\alpha\rho\chi\acute{\eta}$). Иначе говоря, может быть, основа $\alpha\rho\chi$ - передала свою амбивалентность славянскому нача-. В $\alpha\rho\chi$ - это связанные между собой представления, в славянском — нет; славянский книжник видел в начинати и «начинать», и «властвовать» лишь настолько, насколько он был погружен в греческий язык.

Коньць как завершение и исполнение

Лексема *конец*, как и бессуффиксная *кон*, в отношении протяженных пространственных предметов употребляется в значении «край», «граница», «веревка отмеренной длины», в отношении непространственных — в значении «уничтожение» и «смерть». В словарях отмечено также значение «полностью, в высшей степени».

Первообразный гл. *конати* (совр. рус. *доконать*) дал в украинском языке производные, которые иллюстрируют расширение значения. Глаголы *виконати*, *переконати* значат не просто последнюю грань дела, но само дело.

Глагол *кончити/кончати/кончавати* не включает ничего, кроме идеи конца, последней грани А, за которой нет А. Тем не менее понятие конца — одно из самых весомых и значимых для человека. Оно участвует в онтологических, логических, богословских умозрительных построениях, нагружено психологически, включает ностальгические и трагические обертоны. Начало, даже чего-нибудь очень плохого, таит в себе выход. У конца же нет будущего. В отношении человеческой жизни *конец* однозначно приобретает значение «смерть», становится метафорическим синонимом к прямому *смерть*. В средневековом языке, кроме сущ. *коньчина*, в качестве носителя метафоры конца жизни человека выступает также сущ. *вкончаньк*: *вкончаньк айтамъ* (Врем, И307₁₂). Средневековое *коньчина* отличается от материально равного ему современного *кончина* своими системными связями: сущ. *коньчина* = «смерть» поддерживалось живым соотношением с глаголом *кончати* с_л = «умереть»: *егда с_л конча б_лж_ни_н о_уже за_оутрени_н наставши* (Жит. Андрея Юрод. цит. по: [Молдован 2000, 131]). Кроме того, сущ. *коньчина* имело более широкую сочетаемость: *како х_оцетъ б_ыти коньчина мира сего* (там же, 403).

В семантическом развитии глагола *кончити* к «уничтожить», «убить» (совр. разг. *кончить*, *прикончить* человека) нет выхода семантики слова за рамки доминирующей в нем семы конечной грани.

Семантически неожиданный результат наблюдается там, где лексика конца употребляется для перевода не только производных от *τέλος*, *τελέω* собст. «оканчивать», но и *πληρόω* собст. «наполнять, исполнять», далее «совершать». Эти греческие слова в значительной степени синонимичны, но к соприкосновению значений они идут от разных семантических начал. Оба глагола переходные, каузативные; среди значений глагола *τελέω* словари ставят первым «оканчивать», далее «исполнять», «совершать»; у глагола *πληρόω* исходным значением является конкретное «делать полным, наполнять», далее переносные «исполнять», «совершать» и «оканчивать» — по метафорическому переносу от конкретного к общему.

На славянской почве в качестве синонимов нейтрального коньчтити «достичь последней грани» выступают тоже отыменные и тоже каузативные глаголы-метафоры *испълнити* и *сѣврѣшити*, означающие последнюю точку в движении к концу, но с метафорической прибавкой, подсказываемой корнем: *сѣврѣшити* А — это такой конец А, когда в движении достигнут верх, то есть лучшее, совершенное; *испълнити* — это такой конец, когда выполнено все дело без остатка посредством достижения края вместилища (для сыпучих или жидких тел), то есть тоже достигнут верх.

В старославянских и церковнославянских текстах обращает на себя внимание употребление лексемы *конѣц*- там, где сейчас мы употребили бы конкретные виды окончания/завершения процессов. Что касается коньчтити, то — с учетом контекстов, семантики греч. слова, синонимических замен в параллельных местах различных списков одного текста — можно видеть в этом славянском слове дополнительные обертоны: «кончить, доведя до полноты и верха»³. В старом глаголе коньчтити был более на поверхности сам процесс. Конец мыслился с оглядкой на середину.

Внутренняя форма лексемы *конец* в современном русском если не исчерпывает ее семантику, то по крайней мере доминирует в ней. Однако давление внутренней формы на семантику слова совсем не обязательное правило. Не было оно обязательным и в древности, что особенно хорошо видно по переводным эквивалентам. Слово для перевода могло быть выбрано как этикетка, условный носитель всего богатого смысла, содержащегося в переводимом слове.

В параллельных местах старых евангелий отмечаются по спискам варианты коньчтити/испълнити/сѣврѣшити, без видимого пред-

³ Как и сейчас: *законченный тупица* не тот, кто перестал быть тупицей, а как раз «совершенный, полный тупица» — доказательство сохранения в лексеме *конец* сем полноты и совершенства.

почтения какого-либо из них. Все три глагола выступают как переводные эквиваленты греческих глаголов τελέω и πληρώω.

Несколько примеров для τελέω.

В прощальной беседе Иисус говорит (Ин 17.4): дѣло съвършихъ еже далъ еси мнѣ да сътворихъ (Зогр, Мар, Ас по СтСл; Острож) / съкончахъ (Сав) = «Я совершил (τελείωσας) дело, которое Ты поручил Мне сделать»⁴.

Мф 11.1: «И когда окончил (ἐτέλεσεν) Иисус наставления двенадцати ученикам Своим, перешел оттуда учить и проповедовать в городах их». В Мар, Ас по СтСл; в Острож съвършиши, в Зогр съконча.

Близость понятий полноты и совершенства хорошо видна в тексте Послания апостола Павла (1Кор 13. 9–10) в фигуре противопоставления: по Острож: ѿ части (ἐκ μέρους) прѣрѣствуемъ, егдаже прѣидетъ съвършеное (τὸ τέλειον), тогда еже ѿ части (ἐκ μέρους) оупразнитса. Здесь противопоставлены 'не-полнота', букв. 'частичность'⁵ и 'совершенство' и, далее, 'частичность' (ѿ части) — 'полнота' — 'совершенство' (сов. вид гл. оупразнитса), как и в: 1Кор 13.12: ннѣ разѣмѣю ѿ части (ἐκ μέρους), тогдаже познаю (ἐλεγχώσθην)...

Отыменный глагол съвършити хранит в себе смысл достижения вершины, несет положительные коннотации. В приведенном примере контекст не подчеркивает вершинности деяний, подерживается только общая высокая тональность.

Понятие «совершенства» (ἡ τελειότης) превосходной жизни по Богу» в слав. переводе ХГА передано лексикой конца: нбо и гѣ богатѣю (вар. богатомъ) кончиною (вар. кончинъ) и ѿ бѣ оукромнок житѣк сему нвѣ вину показа [И241.] «Ведь и Господь богатому причину совершенства (τὴν τελειότηα [В346₂₀]) этой превосходной жизни по Богу ясно показал». Можно считать, что кончина здесь впитала в себя положительные коннотации греч. слова.

Лексемой конца передан процесс совершенствования знания и благочестия: изиска нъ прѣкы и пѣсни и прочаю, имже кѣзни и благочѣкъмъ въоупѣ множаютьса и скончаваютъ = «но взыскают (речей) пророков, и песней и прочего, чем знание и благочестие умножается и совершенствуется» [И231₁₁]. Христиане стремятся не только пройти дело знания и благочестия до конца, но улучшить его — так в исходном греческом тексте, так и в слав. переводе.

⁴ В синод. переводе *исполнить*, что свидетельствует о широком синонимическом круге глаголов для понятия конца.

⁵ В синод. переводе так и передано: *то, что отчасти*. С. С. Аверинцев подчеркивает фигуру противопоставления лексемой 'неполноты': *то, что неполно* [Аверинцев 1997, 170].

Сема 'вершинность' хорошо видна в именных образованиях съвершенъ, свершеньк, характеризующих Бога, а также человека, жизненный путь которого мыслится в свете христианской идеи как восхождение к Богу⁶: $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \eta\hat{\epsilon}\varsigma$ [сана] того и свершеньк (τελειότης) полоучити, имже вбразоуь преже кончинъ (вар. при скончании, прекончаніи, прикончании, прикончити) и свершенья (вар. пресвершеньи) наоучи $\eta\hat{\epsilon}$ [И241₇] «так что невозможно это достоинство и совершенство (τελειότης) получить, кроме как способом, которому превосходный (ὁ ὑπερτελής) и совершенный (καὶ πρωτέλειος [B347₂]) научил Господь». Греч. эпитет ὑπερτελής (→ прекончаніи) получил значение «превосходный» по семантическому пути, приемлемому и в русском языке: перешедший за предел, превзошедший, сделавший больше, чем ожидалось по норме. Эта идея удачно передана слав. прекончаніи. Второй греч. эпитет, πρωτέλειος, букв. «тот, что перед концом», переносно «начало, прелюдия» (всего) [Вейсман 1991, 1091], как именование Бога, «начало всего», здесь оказался синонимом однокоренного с ним первого эпитета. В славянской паре сведены как синонимы прилагательные прекончаніи и пресвершеньи — и это служит указанием на близость их значений.

Евангельское «Иисус возлюбил людей до конца» (Ин 13.1: до конца = εἰς τέλος возлюбѣ), по Острож и древним евангелиям: Зо҃гр, Ма҃р, Са҃в) обычно толкуется «полностью, в высшей степени». 'Полнота' во фразе до конца — это память обо всем процессе любви, доведенном до последнего предела.

Несколько примеров для $\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\varsigma$.

Лк 9.31 (по Срезн): навлѣшасѣ въ славѣ гл҃аста же исходѣ кѣ, нже хотѣаше коньчати (Септ $\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\upsilon\nu$) въ нерѣсалимѣ; Острож: хоташе скончати. Синод. перевод: надлежало совершить.

Лексема коньчати, коньчити для перевода $\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\varsigma$ с его идеей полноты варьирует с лексемой исполнити в параллельных местах ряда старославянских памятников:

Мф 3.15: подобно естъ намѣ испѣлнити (Септ $\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\varsigma\alpha\iota$) всѣх правдѣ (Ас, Са҃в, Острож) / съкончати (Зо҃гр).

прѣжде кмоу испѣлнѣвъ всѣ тѣгда раздрѣши (Супр 416, 27) — съкончавъ (Клоц глаг. XI в.).

Вариативность 'конец'/'исполнение' обнаруживается не только в параллельных местах различных списков евангелий, но и в переводческой практике, отраженной в неканонических произ-

⁶ Восхождение к Богу есть исполнение и завершение в кенозисе [Лосский 1991, 270], так что охватывается и понятие исчерпанности.

ведениях. Во Временнике Георгия Монаха (слав. переводе ХГА) $\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\omega$ в разных местах переведено то с акцентом на конец, то с акцентом на полноту:

$\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \tau\acute{\omega}\nu\ldots\ \acute{\alpha}\pi\omicron\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\sigma\epsilon\omega\nu$ [B88₁₆] «об исполнении» (жеребья, выпавшего душе в аду) → ω скончании [И78₁₇].

$\pi\epsilon\lambda\lambda\eta\rho\omega\tau\alpha\ \epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma\ldots\ \acute{\epsilon}\tau\epsilon\ \omicron'$ [B277₁₈] → тогда бо исполниса въ конец ω плѣнении гнѣва лѣ δ [И193₁₉]. Здесь смысл глагола поддержан и усилен наречным выражением, создавшим плеоназм.

В свою очередь, взаимозаменяемы испѣненъ и свѣршенъ, несущие семантику верха и совершенства. Так, в Мф 5.48 (цит по: [СтСл 267]): испѣненъ (Сав) — свѣршенъ (Зогр, Мар, Ас). Достижение верха в движении к конечной грани — положительная характеристика.

Таким образом, три смысловых пучка греч. $\tau\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\omega$ и $\pi\lambda\eta\rho\acute{o}\omega$ передаются тремя славянскими основами. Наличие в основе коньц- элементов полноты и совершенства завершаемого процесса, по-видимому, обнаруживает в средневековой лексеме конца более богатое содержание, чем простая констатация конечной грани процесса.

Экскурс в историческую семантику завершим проблематичным материалом: глагол с основой коньц- лишен значения «конец».

Бог говорит (Быт 18.21): «Сойду посмотрю, по крику ли их, доходящему до Меня, поступают или нет, узнаю» (синод. перевод). В Острож сѣшѣ оубо да виждѹ, аще по воплю ѿ, приходящѹ кѹ мнѣ. кончаѹсѣ (Септ $\sigma\upsilon\nu\tau\epsilon\lambda\omicron\upsilon\acute{o}\upsilon\tau\alpha\iota$, англ. *have done*) или ни, да разѹмѣю. Место цитируется в ХГА, в славянском переводе которой на линии бесприставочной основы кончаѹсѣ выступает приставочная: сѣшѣдѹ оѹзрю, по кричанию нѹхъ, приходящю кѹ мнѣ скончаѹютсясѣ (вар. сконьчаѹютсясѣ) аще ли, да оѹвѣдѣ [И254₁₄], [B367₁₀ = Септ]. Приставочный гл. скончаѹютсясѣ похож на кальку, а простая поморфемная калька мало дает для анализа интересного здесь семантического пути. Можно думать, что глагол с основой коньц- был для переводчика одним из синонимичных средств выражения в обобщенном виде действия, идущего к завершению.

Обобщенное значение «выполнение» в ряде производных от кон- сохранилось в укр. *виконати*, *виконання* «выполнение», *виконавець* «исполнитель». В деятельности того, кого называют по-русски исполнитель, не предполагается конец-завершение, и в украинском имени деятеля *виконавець*, при наличии основы кон-, нет семы «конец» — как в рассмотренном выше *начальник* не предполагается инициатор.

Итак, в старославянских, церковнославянских и древнерусских памятниках лексемы начала и конца употреблялись в рас-

ширительном значении, в расширении на процесс внутри рамок начала и конца. Распирение вовне в лексике начала и конца не отражено. Это дело философии и религии, для которых важен вопрос, что было, когда ничего не было, и что будет после конца света. Для богословской мысли вопрос вопросов — что было до начала, что будет после конца тварного мира. Христианский подход к этому вопросу предопределил своеобразие употреблений лексики начала и конца в церковнославянских текстах, там, где речь идет о бесконечности Бога и бренности мира. В применении к тварному миру начало находится вне времени, отцы церкви и последующие богословы уподобляют его именно математической точке. Вот очень характерное разъяснение Василия Великого: «Как начало пути еще не путь, как начало дома еще не дом, так и начало времени — еще не время, ни даже малейшая часть времени» (цит. по: [Лосский 1991, 231]).

Конец тварного мира не предвидится, ибо восстание в конце времен будет и телесное, и духовное. Понятие конца в его апокалиптическом аспекте исполнено христианского жизнеутверждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1997 — Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
- Вейсман 1991 — Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., репринт V-го изд. 1899 г., 1991.
- Врем — Временник Георгия Монаха, славянский перевод ХГА по изд.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1.
- Дьяконов 1980 — Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1980.
- Лосский 1991 — Лосский В. Н. Очерки мистического богословия восточной церкви. М., 1991.
- Молдован 2000 — Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Острож 1998 — Острожская Библия. Библія свѣтъ книгъ ветхого и новаго заветѣ по гъзъку словенскѣ. Острог, 1581. Фототипическое переизд. М., 1988.
- Септ — Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 1979.
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1996. Вып. 1–23.
- СтСл — Старославянский словарь (По рукописям X–XI веков) / Ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка и Э. М. Благова. М., 1994. Сохраняем сохранные названия ст.-сл. памятников по этому словарю.

- Фасмер 1986 — *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О. Н. Трубачева. Под ред. Б. А. Ларина. Изд. второе, стереотипное. М., 1986. В 4-х т.
- ХГА — Хроника Георгия Монаха (Амартола) по изд.: *Georgii monachi Chronicon*, ed. Carolus de Boor. Leipzig, 1904. Vol. 1–2. Переизд.: *Ed. stereotypa ed. anni 1904. Corr. cur. Peter Wirth. Stuttgart. Teubner*, 1978. Vol. 1–2. При цитировании указ. номер страницы с литерой Б.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–1999. Вып. 1–26.
- Holy Bible 1991 — *The Holy Bible. New International Version* / London; Sydney; Auckland; Toronto. Seventeenth impression, 1991.

КОНЦЕПТЫ «НАЧАЛО» И «КОНЕЦ»: ТОЖДЕСТВО, АНТОНИМИЯ, АСИММЕТРИЧНОСТЬ

1. «Начало» и «конец» являются конструктами обыденного сознания. Содержание, которое в разных языках связывается со словами с семантикой 'начало' и 'конец', принадлежит двум когнитивным уровням: уровню языковых значений и уровню концептов (как единиц обыденного сознания), но не уровню понятий (как единиц научного знания). В объективном мире не существует начала и конца: существуют рождение и смерть, возникновение и исчезновение, создание и уничтожение, существуют рассвет и закат, исток и устье, берег и опушка, порог и околица, существуют вход и выход, но не начало и конец. Однако в сознании человека достаточно рано, во всяком случае до распада индоевропейского праязыка, возникла необходимость в концептах «начало» и «конец» — в качестве пары пространственно-временных координат бытия, допускающих количественную оценку. Концепты «начало» и «конец» формировались в результате широких обобщений и высокого абстрагирования.

В ряду конструктов обыденного сознания оппозиция 'начало' и 'конец' является, по-видимому, исторически первой системой координат, сложившейся в индоевропейской древности одновременно с первыми представлениями о количествах, первыми счетными словами, а также оппозициями 'правый' — 'левый' и 'верх' — 'низ', но раньше, чем была выработана первая система географических координат («страны света» — 'восток', 'запад', 'север', 'юг'). Позже сознание выработало такие конструкты, как календарь, как система географических и астрономических координат (широта и долгота, параллели и меридианы географической сетки). Последний конструкт является плодом уже не обыденного, но профессионального сознания — знаменитого картографа XVI в. Меркатора.

В научных картинах мира (т. е. в естественнонаучной и математической терминологии) не существует категорий «начало» и «конец». В аналитической геометрии есть термин *начало координат*, предложенный только в XVII в. для обозначения точки О (по первой букве лат. *origo* — 'происхождение, род, первоисточник, начало') и определяемый даже не как 'точка отсчета в той или иной системе координат', но как точка пересечения двух перпендикулярных прямых линий. В математике есть термин *начальное условие*, который определяется как «состояние процесса в какой-либо момент, при -

нятый за начальный» (Математический энциклопедический словарь. М., 1988. С. 396. Выделено мной. — Н. М.). Прилагательное *конечный* (в математических терминах *конечное число*, *конечная математика*, *конечная игра* и др.) противопоставляется не *начальному*, но бесконечному, недискретному, неопределенному. Таким образом, емкие и абстрактные конструкты 'начало' и 'конец' являются объектом исключительно гуманитарного знания — лингвистики и анализа обыденного сознания.

Между словами со значениями 'начало' и 'конец' существуют прочные, разнородные и асимметричные взаимоотношения, порожденные стихией семантических процессов, равнодушных к логическим запретам и к тому, что «знает о мире наука». Исходным и более широким членом данной оппозиции является концепт «конец». Аналитическая мысль «разводит» 'конец на шкале' и 'конец в цикле', 'конец как рождение' (т. е. как 'начало') и 'конец как ??преддверие небытия??', «взвешивает» амбивалентность в аксиологии первого и последнего, конца и начала, нового и старого (см.: [Арутюнова 1998]). Наблюдаемая семантическая реальность, при достаточно предсказуемых интенциях повседневного общения (которое определяют, говоря словами поэта, «все наши глупости и мелкие злодейства»), бесконечно разнообразна, вариативна и при этом бесхитростна и по большому счету правдива. В ней есть правда о человеке: пусть и не полная, но это приоритетная правда самопознания.

Аналитические модели семантических отношений иногда оказываются в большой мере ненаблюдаемыми конструктами, моделями определенных глубинных семантических сущностей (прототипических схем, семантических инвариантов и т. п.), которые отличаются от наблюдаемых проявлений языкового и обыденного сознания. Так, в ряду разных типов антонимии Ю. Д. Апресян называет тип 'начинать' — 'переставать', «представленный в русском языке необычайно богато», и относит к нему, среди прочих, глаголы *начинать* — *переставать* [Апресян 1974, 288–289]. Между тем эмпирические данные о языковом сознании (в частности, ассоциативные словари русского языка) дают иную картину: на стимул *начать* самой частой реакцией является слово *кончить* (153 из 600), еще 35 реакций — *кончать*, 3 — *окончить* и 1 — *закончить*, а слова *перестать* не оказалось [Леонтьев 1977, 122]¹.

¹ При анализе ассоциаций слов, связанных с концептами 'начало' и 'конец', оказалось невозможным обратиться к новейшему ассоциативному словарю русского языка [Караулов и др. 1994], поскольку в словарной статье НАЧАЛА (именно в такой форме) учтены всего 97 реакций.

По-видимому, *начать-перестать* и *начать-кончить* — это разные виды антонимии. При этом в зависимости от частеречной принадлежности слов, в которых манифестированы те или иные концепты, они (концепты) предстают по-разному. Так, при стимуле-субstantиве оппозиция 'начало' и 'конец' оказалась в большей мере поляризованной (почти половину реакций к слову *начало* составил антоним *конец*), в то время как на глагольный стимул *начать* антонимических реакций было меньше 30%.

В оппозиции концептов «начало» и «конец» и лексики, в которой частично представлены данные концепты, существенны три линии взаимоотношений: 1) глубинное тождество начала и конца; 2) их антонимия и симметрия; 3) их асимметричность.

2. Глубинное тождество начала и конца проявляется ярче всего в этимологии, именно в наличии общих этимонов (мотивировок) при образовании некоторых слов с противоположными значениями (см. раздел 2.1. — таблицу).

2.1. Примеры слов, связанных с концептами «начало» и «конец» и мотивированных общими (или сходными) этимонами:

Примеры слов с соответствующими этимонами (иллюстративный материал ограничен)			
№	Этимоны	Концепт «начало»	Концепт «конец»
1	'рождаться, прорастать'	и.-е. * <i>ken</i> : ст.-слав. <i>начати</i> , родств. греч. <i>καινος</i> 'новый', лат. <i>recens</i> 'новый, недавний', возможно (?), также и англ. <i>begin</i> , нем. <i>beginnen</i> 'начинать' [Buck 1949, 977]	и.-е. * <i>ken</i> , ст.-слав. <i>коньчати</i> [ЭССЯ, IV, 109]
2	'быть, идти первым, впереди, предшествовать'	тохарск. А: <i>pārvat</i> — 'старейший', тохарск. В — <i>pārwesse</i> 'первый' [Фасмер III, 235]; греч. <i>αρχω</i> — 'идти впереди, предшествовать; начинать'; греч. <i>πρo</i> — 'прежде, перед, впереди', сравн. степень <i>πρoτeρoι</i> — 'первый, прежний; первоначальный, первичный, предшествующий'; лат. <i>prior</i> — 'первый, передний; <i>principium</i> — 'начало; элемент, стихия'; 'основоположник, создатель'	греч. <i>αρχαιος</i> — первоначальный, древний, старинный; устарелый, прежний; лат. <i>prior</i> — [компаратив к арх. <i>pri=prae</i> 'впереди, вперед'] 'прежний, предыдущий; умерший, истекший'; англ. <i>end</i> , нем. <i>Ende</i> родств. греч. <i>αντι</i> , лат. <i>ante</i> 'перед, до, прежде' [Skeat 1961, 194; Kluge 1975, 165]
3	'освящать, совершать обряд; посвящать, вводить'	греч. <i>καινω</i> — 'освящать; делать или вводить новое; изменять, преобразовывать'; лат. <i>auspiciu</i> — 'ауспиций, наблюдение за полетом вещей'	греч. <i>τελος</i> — 'приношение, жертва, посвящение (особенно в мистерии); таинство, священнодействие; конец, окончание,

	в культовые таинства'	птиц (или за их криком, клевом и т. д.)...; (pl.) 'начало'; лат. <i>initio</i> — начинать; посвящать, вводить в культовые таинства (мистерии); ерб.-хрв. <i>крснути</i> 'развиваться, вырастать, начинаться' [ЭСЛ XIII, 75]; рус. <i>С богом!</i> 'иди, начинай'; <i>крещение</i> 'первое испытание на каком-л. поприще'	исполнение'; рус. <i>окстись</i> (из <i>перекрестись</i>) в значении 'хватит, перестань'; рус. <i>поставить крест</i> на ком-л.
4	'голова'	греч. κεφαλή — 'голова, глава'; о неодушевленных — 'край, конец, вершина, верх'; лат. <i>caput</i> — 'голова; верхняя часть; начало'	греч. κεφαλή — 'голова, глава'; 'источник (реки)'; лат. <i>caput</i> — 'голова; край, конец'
5	'вставать, восходить, подниматься'	лат. <i>oriri</i> — 'восходить, появляться; брать начало'; англ. <i>rise</i> — 'начинаться' (<i>the river rises in the marshes</i> — 'река начинается в болотах'); 'воскресать (из мертвых)'	англ. <i>rise</i> — 'закрываться, прекращать работу' (о съезде, сессии и т. п.)
6	'цель'	франц. <i>debute</i> — 'первое выступление, дебют, начало' (из франц. <i>de</i> 'от, из' + <i>but</i> 'мишень, цель, намерение, конец')	греч. τελεωω — 'приводить к цели, приводить в исполнение, оканчивать'
7	'завязать'	рус. <i>завязь</i> — 'возникновение, образование плода', <i>завязка</i> 'начало, исходный пункт каких-либо событий, действий', <i>завязать</i> — 'установить, начать (какие-л. отношения, связи, взаимные действия)'	рус. <i>завязать</i> — 'покончить с чем-либо'; <i>под завязку</i> — 'до предела'

2.2. Во-вторых, тождество конца и начала проявляется в энантиосемии, наблюдаемой прежде всего в этимологии и истории слов данного поля, но отчасти также и в современных языках. Так, *заключать сообщение* означает 'заканчивать сообщение', но *заключать договор* — это 'начинать договорные отношения, вступить в соглашение'; ср. аналогичную энантиосемию в англ. *conclude (a treaty)* 'заключать (договор)', нем. *eine Ehe schliessen* 'вступить в брак'. Субстантив *исход* означает 'окончание, завершение, конец' (*ждем исхода дела*), но уже не имеет, как было в старославянском, значения 'исходный пункт, начало', однако это значение еще есть у глагола *исходить*, правда применительно к процессам преимущественно не физическим, но информационным (ср. *исходное положение, исходные принципы*).

В разных языках указанная энантиосемия присутствует в разной мере. В русском языке на протяжении XIX–XX вв. она была в значительной мере преодолена. Еще В. И. Даль считал ее вполне естественной² и указывал на совмещение антонимических смыслов в словах *конец*, *кон* (*кон* — ‘начало, предел, межа’ и ‘рубеж, конец’ [Даль II, 154]). Однако в современном словаре (МАС) в статьях *конец* и *кон* значение ‘начало’ не отмечено. По-видимому, указанная энантиосемия преодолевалась под влиянием возрастающей частотности употребления лексем *начало* и *конец* в их темпоральных значениях.

2.3. В-третьих, тождество рассматриваемых концептов сказывается в нейтрализации их различий, что приводит к совпадению ‘начала’ и ‘конца’ в более широком концепте «конец». Дело в том, что в реальности (т. е. в обиходном сознании) ‘начало’ и ‘конец’ далеко не всегда составляют пару: с точки зрения говорящих, у множества предметов (вытянутых в длину, продолговатых) есть конец, иногда два конца, но нет начала, поэтому обе его оконечности называются словом *конец*. Острые стрелы мыслилось как ‘передний конец’ (отсюда *наконечник*), но не как ‘начало’. У пера (писчего), карандаша есть *заостренный, заточенный конец* и *тупой или не отточенный конец*, но не ‘конец’ и ‘начало’; у кия *тупой* и *острый концы*; у двухцветных карандашей бывает *красный конец* и *синий конец*, но не *начало*. Такое видение закрепилось во множестве клише: *концы с концами не сходятся, в оба конца, палка о двух концах, из конца в конец, с другого конца* и др.; ср. также приводимую В. И. Далем докучливую сказку: *Жил-был журавль, да овца, накосили они стожек сенца, не сказать ли опять с конца?* и пословицы: *Концы с концами, а середка пуста; Концы рубить — только коротить* [Даль II, 150–151]; *Концы рубить — только снасть изводить, а все концам быть* [Даль 1861–1862, 500].

3. Антонимия и симметрия концептов «начало» и «конец» проявляются в силе антонимического противопоставления. По данным для русского языка [Леонтьев 1977], слова *начало* и *конец* выступают как яркие антонимы (на стимул *начало* антонимические реакции составили 44%), иначе говоря, *начало* и *конец* противопоставлены сильнее, чем *хороший* и *плохой* (30%), *война* и *мир* (26%), *чистый* и *грязный* (17%).

Антонимия и симметрия концептов ‘начало’ и ‘конец’ коррелируют с представлением о целостном. Согласно Аристотелю и здраво-

² «В пространстве или в размерах предмета *начало* и *конец* одно и то же, потому что всякий край предмета, условно, может быть принят за *начало* и за *конец* его» [Даль II, 150].

му смыслу, «целое есть то, что имеет начало, середину и конец» [Аристотель 1957, 62]. Оппозиция слов со значениями 'начало' и 'конец', именно как пара слов, как бином, служит для эмпатического и нередко экспрессивно-образного обозначения целостного (внутренне единого и мыслимого в полном составе, без изъятия). Ср. клише: *Ни начать ни кончать пришло* — 'худо, беда' [Даль II, 495]; *от А до Я, альфа и омега, и в хвост и в гриву, с головы до пят, денно и ночью, с утра до вечера, от зари до зари* и т. п. В таких случаях концепты симметричны, но они не находятся в рематическом центре высказывания: *С Бога начинай, и Господом кончай!* По мере переноса внимания именно на 'начало' и 'конец' усиливается их асимметричность: *С Бога начинай, а руками кончай!* [Даль II, 495].

4. Асимметричность концептов «начало» и «конец» превалирует над их симметрией. В обыденном сознании и в языках асимметрия начала и конца проявляется в ряде отношений: 1) в различиях в составе и семантике этимонов соответствующих слов; 2) в их частотности; 3) в разном направлении семантического развития анализируемых слов; 4) в количестве дериватов от слов со значением 'начало' и 'конец', что определяет степень сложности соответствующих словообразовательных и фразеологических гнезд; 5) в стереотипах народного сознания, согласно которым «вклад в общее дело», в целое у начала и у конца различны.

4.1. У слов со значением 'конец' шире и разнообразнее состав этимонов, чем у слов со значением 'начало', что показано в таблицах 4.1.a. и 4.1.b.

Таблица 4.1.a.

Этимоны слов, представляющих концепт «начало»

№	Этимоны	Иллюстративный материал
1	'бросать вниз, ставить внизу, в основание'	греч. <i>καταβάλλω</i> — 'сбрасывать вниз, опускать, полагать, ставить; полагать основание или начало, начинать'; в Новом Завете <i>καταβολή</i> — 'основание, сотворение, начало'
2	'входить, вступать'	лат. <i>in-eo, inire</i> — 'входить, вступать; приступать, начинать'
3	'прыгнуть, броситься, вскочить'	лат. <i>in-gredior</i> — 'вступать, входить, бросаться, нападать; приступать, начинать'; англ. <i>start</i> , в др.-англ. — 'прыгнуть, погнаться, броситься, вскочить' [Skeat 1961, 599]
4	'открыть'	рус. <i>открыть торговлю, собрание, сезон</i> ; англ. <i>open</i> — 'начинать(ся)': <i>to open the ball, open the debate</i>

Примечание: Для полноты обзора мотиваций слов со значением 'начало' к данному перечню этимонов следует добавить этимоны концепта «начало», представленные в таблице 2.1.

Таблица 4.1.b.

Этимоны слов, представляющих концепт «конец»

№	Этимоны	Иллюстративный материал
1	‘выходить откуда-л.; исход, конец’	греч. <i>εξῆσσις</i> — ‘выход из чего-л., исход, конец’, ст.-слав. <i>исходъ</i> ‘уход, конец’
2	‘край, оконечность тела или чего-л.’	греч. <i>ακρος</i> — ‘верх, край, оконечность’; <i>ακροτης</i> — ‘край, оконечность, вершина, вообще все крайнее, в т. ч. в дериватах со значением ‘оконечности ногтей, копыт; оконечности тела (руки, ноги, нос, уши); оконечность или вершина горы; мыс, нос корабля; крыша, фронтон’
3	‘межа, граница (на земле), межевой знак, предел’; ‘установить такой знак’	лат. <i>finis</i> — ‘предел, граница, рубеж; край; заключение, окончание; конец, цель, назначение, намерение, исход; кончина, смерть’; лат. <i>terminus</i> — ‘пограничный камень, межевой знак; (pl.) границы, пределы; конечная цель’; рус. <i>подвести черту, поставить точку</i> ; нем. <i>einen strich drunter machen</i> — ‘подвести черту, покончить с чем-л.’
4	‘замыкать, запирать, закрывать’	лат. <i>concludo</i> — ‘заключать, заканчивать’; англ. <i>conclude</i> — ‘заканчивать(ся)’; антонимия: рус. <i>расколоться</i> ‘начать сообщать информацию’
5	‘полнота, обилие’	греч. <i>πληρωμα</i> — ‘полнота, обилие, множество; наполнение, завершение; исполнение’ (в Новом Завете); греч. <i>τελειωω</i> — ‘совершать, исполнять, приводить в исполнение, оканчивать’; лат. <i>impleo</i> — ‘кончить, довершить; прожить, закончить’; англ. <i>fulfil</i> — ‘выполнять, осуществлять, завершать’; нем. <i>stopfen</i> — ‘затыкать, забивать; штопать, чинить (белье); набивать трубку; фаршировать, начинать; останавливать, прекращать’
6	‘определять конечный результат’	рус. <i>итоговый</i> ‘заключительный, завершающий’ [МАС], англ. <i>to sum up</i> — ‘подводить итог, резюмировать, заканчивать’
7	‘развязать’, ‘отсоединить’	рус. <i>развязать, развязка, отключиться, вырубиться</i> ; англ. <i>switch off</i> — ‘выключать, разъединять, давать отбой, кончать’
8	‘следовать, происходить в результате’	греч. <i>τελειωω</i> — ‘приводить к цели, приводить в исполнение; оканчивать’; англ. <i>result</i> — ‘следовать, иметь результатом; кончатся’
9	‘умереть, смерть’	рус. <i>умереть</i> — ‘исчезнуть, кончиться’ (ср. <i>это чувство еще не умерло</i>); англ. <i>to die</i> — ‘умереть; кончатся, исчезать’

Примечание: Для полноты обзора мотиваций слов со значением ‘конец’ к данному перечню этимонов следует добавить этимоны концепта «конец», представленные в таблице 2.1.

4.2. Субстантивы со значением ‘конец’ более частотны, чем слова со значением ‘начало’. В любом языке количество слов со значением ‘конец’ превышает число слов со значением ‘начало’. Это видно по длине синонимических рядов и количеству пери-

фраз у заглавных антонимов. Одно локальное свидетельство: в «Словаре сленга» Т. Г. Никитиной в «Указателе синонимических рядов» есть статья *Крах*, включающая, кроме заглавной, 7 экспрессивных лексем: *абзац, вилы, кончитя, облом, опланыки, па-лево, чума* [МолСл, 556], при этом для концепта «начало» аналогичный синонимический ряд в словаре отсутствует.

Различия в частотности субстантивов со значением 'конец' и 'начало' в ряде языков можно видеть в таблице 4.2.

Таблица 4.2.

Частотность лексем со значением 'конец' и 'начало'

№	Лексикографические источники	Суммарные частоты лексем	
		Концепт «начало»	Концепт «конец»
1.	Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.).	начало 29	конец > 400
2.	Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.).	начинати 21 начати > 200	коньчати 35 коньчавати 3
3.	Частотный словарь русского языка [Засорина 1977]	начало 302	конец 591
4.	Частотный словарь русского языка [Засорина 1977]	начинать(ся), начать(ся) [4 лексемы] — 1452	кончать(ся), кончить(ся) [4 лексемы] — 273
5.	ЧСЕМ 1976. Мастацкая проза	пачатак < 31	канец 101
6.	ЧСЕМ 1979. Публіцыстыка	пачатак 99	канец 97
7.	ЧСЕМ 1982. Вусная народная творчасць	пачатак 146	канец 317
8.	ЧСЕМ 1989. Гутарковая мова	пачатак 125	канец 305
9.	ЧСЕМ 1992. Пазэія	пачатак 47	канец 85

Данные частотных словарей указывают на наличие тенденции к уменьшению асимметрии концептов 'начало' и 'конец': резкий (в десятки раз) перевес 'конца' по сравнению с 'началом', имевший место в старославянском, существенно уменьшился в современном русском, не достигая даже двукратной величины. Судя по данным белорусских частотных словарей (дифференцированных в соответствии с жанрово-стилистическими разновидностями текстов), можно думать, что частотность слова *пачатак* растет прежде всего в публицистике, т. е. в сфере, которая (наряду с философией и наукой) более других нуждается в выражении абстрактных и общих значений (о чем ниже).

Что касается глаголов, представляющих анализируемые концепты, то соотношение их частот иное, чем в сфере субстантивов: глаголы со значением 'начинать' более частотны, чем глаголы со значением 'кончать', что связано с широким использованием глаголов 'начинать' в функции вспомогательного или полувспомогательного глагола в составе глагольного сказуемого (*начну читать*). Как известно, в некоторых языках сочетания глагола с семантикой 'начинать' с инфинитивом или причастием грамматикализировались, образовав модель описательного будущего времени (ст.-слав. *начыѣтъ оучити*, немецк. *ich werde gehen* — буквально 'стану идти').

4.3. В древнегреческом, латыни, славянских языках, английском, немецком слово со значением 'конец' более многозначно, чем слово со значением 'начало'. Филиация новых значений у слов со значением 'конец' происходила главным образом на метонимической основе: *конец* как 'предел, граница' и *конец* как 'нечто отграниченное, полученное путем разделения, размежевания, резания': ср., *конец* в значении 'путь, расстояние между двумя точками' (*оба конца за день пройдеши*); *конец* в значении 'веревка или канат для причала судов' (*причальный конец*); *концы* (мн. ч.) в значении 'обрезки ткани, веревок, употребляемые как обтирочный материал'.

Вместе с тем заметно, что в современном языке количество значений у слова *конец* сокращается (в сравнении с XIX в.). Так, у Гоголя, Достоевского, Лескова *конец* метонимически бывало обстоятельством цели — в вопросах *На какой конец?* ('Для чего, почему, с какой целью'): *На какой конец я все это делал?* (пример из [Федоров I, 249]; см. также [Молотков, 203]). Однако в современном языке данная конструкция фразеологизировалась и устарела. Ср. также фразеологизацию сочетаний *на худой конец* (где *конец* метонимически означает 'случай'), *во все концы* ('во все стороны'), *по всем концам* ('повсюду'), *с другого конца* ('иначе, по-другому'). Устарело также метонимическое употребление слова *конец* в значении 'кусок, отрез ткани' (то же, что *штука* 'условная единица в торговле': *Ты знаешь польского сукна конца, Который у меня так долго залежался* (И. Крылов; пример из [МАС II, 88])).

Слова со значением 'конец' входят в состав большего числа фразеологизмов и паремий; у них шире круг дериватов, среди которых есть и оценочные слова (*кончик, конечик*). Сферы применения слов со значением 'конец' более разнообразны, чем слов со значением 'начало'. У слов со значением 'конец' больше конкретных значений; у обозначений начала — абстрактных и общих значений, в том числе философских и проповеднических. Нача-

ла — это первоэлементы; фундаментальные единицы; концы — веревки, канаты, отрезки ткани. С концептом 'начало' связано представление о высшем, о власти. Вся русская фразеология со словом *начало* имеет отношение не к 'началу (физическому)', но к власти: *под начало попасть, под началом быть* и др. (Ср. у Даля: *Кого в начало, кого и под начало.*) Рус. *начало* — 'то, что порождает, вызывает что-л., источник, основная причина чего-л.' *организующее начало, болезнетворные начала, героические начала* (в характере); 'основа, сущность чего-л., проявляющаяся в наиболее характерных признаках, чертах' (*волевое начало*). В русском слове *конец* есть вполне конкретные значения (в том числе в двух сериях сложных слов вроде *пятиконечный* и *остроконечный*).

Характерна асимметрия тавтологичных клише: *Начало начал* — 'самое главное'; *в конце концов* — только эмфатический синоним к выражению значения 'наконец, в самом последнем итоге'; *начало жизни* — оптимистическая патетика, *конец жизни* — эвфемизм (смерти). Ср. также асимметрию значений слов *бесконечность* ('отсутствие начала и конца, границы, предела') и *безначалие* ('отсутствие власти, руководства') [МАС].

Начало и конец различны с точки зрения наблюдаемости — ненаблюдаемости. Начало часто недоступно наблюдению, в начале есть тайна, между тем как конец — зрим. Поэтому вполне обычны сочетания *кончик носа, кончики пальцев, на кончике пера, кончик ножа*, но со словом *начало* таких же обычных полуклише нет. Поскольку *конец* наблюдаем, то он может стать подтверждением, доказательством, что отразилось в производном слове *конечно* 'верно, точно'.

4.4. В обыденном сознании у начала и конца асимметричный онтологический статус. В некоторых делах, согласно стереотипам народного сознания, начало как бы больше самого себя: в нем видится основа целого (*Почин всего дороже, Почином торг стойт* [Даль 1861–1862, 495]) или его самая трудная часть (*Лиха беда начало*), оно приравнивается половине целого (*Доброе начало полдела откачало*, англ. *Well begun is half done*). Пословицы, в которых конец соответствует началу (*Каково начало, таков и конец, Путному началу благой конец*, польск. *Co ma zły początek, zły koniec weźtie* 'Что плохо начинается, то плохо и кончается'), более многочисленны и носят более общий характер, в то время как несоответствие начала и конца (*Начал за здравие, а кончил за упокой*) осознается как неудача конкретного человека, а не общее правило.

Впрочем, зависимости между началом и концом иногда видятся более сложными: как умножение усилий (*Не круто начинай, а кру-*

то кончай, немецк. *Es liegt nicht am Anfangen, sondern wohl am Enden* 'Не так важно начало, как конец'); как труд и награда (карельск. *Начало трудным бывает, конец работу украшает* [Пермяков 1979, 277], польск. *Im jest początek trudniejszy, tym postępek fortunniejszy* 'Чем трудней начало, тем дело удачней'); как плохое (сосредоточенное вначале) и менее плохое (как бы искупленное) в конце (польск. *Mile złego początku, lecz koniec żalospny* 'Лучше плохое начало, чем печальный конец', туркменск. *Лучше благополучный конец, чем хорошее начало* [Пермяков 1979, 277]). Согласно Екклесиасту (7, 8), *Конец дела лучше начала его*, а по русской пословице и начало и конец требуют усилий, но разных: *Начало трудно, а конец мудрен* [Даль II, 150].

5. Заключение

5.1. Тождество начала и конца (их единство, слитность, неразличение) лежит в прошлом — в этимологии и ранней истории концептов 'начало' и 'конец', но не в современном сознании.

5.2. В истории обыденного сознания уменьшается асимметрия концептов 'начало' и 'конец', что связано с возрастанием значимости данной оппозиции в сфере времени, которое в современной обыденной жизни постоянно и все более часто и точно измеряется (ср. заурядность и точность повторяемых радиообъявлений: *в начале каждого часа — новости; в конце каждого часа — музыка* и т. п.).

5.3. В отличие от древнегреческого языка и латыни, в которых 'конец в пространстве' (греч. *αχρος*, лат. *extremum*) и 'конец во времени' (греч. *τελος*, лат. *finis*) обозначались разными словами, в современных французском, немецком, английском, в славянских языках 'конец в пространстве' и 'конец во времени' обозначены одним основным словом. Представляется, что обозначение некоторой крайней точки раздельно для пространства и для времени — это архаическая черта сознания; не случайно в древнегреческом и латыни указанная разделенность сложилась для более раннего концепта 'конец', но не для более позднего концепта 'начало'. В постантичных (народных) языках сознание обобщило концепты 'конец в пространстве' и 'конец во времени', сведя их в одно слово.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Аристотель 1957 — *Аристотель.* Об искусстве поэзии. М., 1957.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* О новом, первом и последнем // *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.

- Даль 1861–1862 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978 [факсимиле издания 1880–1882 гг.].
- Засорина 1977 — Частотный словарь русского языка: Около 40000 слов / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- Караулов и др. 1994 — Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1994.
- Леонтьев 1977 — Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.
- МАС — Словарь русского языка: В 4-х томах / 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- МолСл. — *Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. СПб., 1998.
- Пермяков 1979 — *Пермяков Г. Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979.
- СтСлав — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлина, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Федоров — Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX в.: В двух томах / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1991.
- ЧСБМ 1976 — *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы: Мастацкая проза. Мінск, 1976.
- ЧСБМ 1979 — *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы: Публіцыстыка. Мінск, 1979.
- ЧСБМ 1982 — *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы: Вусная народная творчасць. Мінск, 1982.
- ЧСБМ 1989 — *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы: Гутарковая мова. Мінск, 1989.
- ЧСБМ 1992 — *Мажэйка Н. С., Супрун А. Я.* Частотны слоўнік беларускай мовы: Паэзія. Мінск, 1992.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–25. М., 1974–1999 [издание продолжается].
- Buck 1949 — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949.
- Kluge — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Unveränderte Auflage. Berlin; New York, 1975.
- Skeat 1961 — *Skeat W. W.* An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1961.

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

1. Английское *come* в сопоставлении с русскими *идти* и *прийти*

Семантика глаголов движения — это обширная область¹, из которой мы коснемся лишь нескольких моментов, существенных для понимания природы полисемии.

Значение движения часто, и скорее всего справедливо, рассматривают как прототипическое для глагола вообще: для движения обязательна динамичность, т. е. развитие во времени. В [Wierzbicka 1996] движение рассматривается как семантический примитив, несводимый к изменению места. Дело в том, что в ситуации движения существенно не только место, но и время: движение предполагает не момент, а обязательно период времени, оно разворачивается на временном интервале. (В [Goddard 1998, 202] развивается мысль, что именно за счет этого преодолевается парадокс Зенона, состоящий в том, что если движущееся тело в каждый момент находится в некоторой точке, то нет такого момента, когда оно движется.) Глаголы, которые представляют ситуацию движения как нечто происшедшее в момент времени, уже тем самым описывают не движение, а нечто иное. Так что моментальный глагол, типа *прибыть*, *отбыть*, — это деструкция идеи движения.

В этой связи обратимся к глаголу *прийти*, таящему в себе загадку, которую загадал еще Ю. С. Маслов в 1948 г., обратив внимание на то, что глагол *прийти* (наряду с рядом других приставочных глаголов, но нам достаточно одного примера²) не допус-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-04-00294а) и РФФИ (проект № 01-06-80419).

¹ Из огромной литературы, посвященной глаголам движения, для нас существенно описание глаголов движения в рамках модели «Лексикограф» в работе [Розина 1998].

² О различии между глаголами с приставкой *при-*, типа *приходить*, моментальными, и с приставкой *под-*, типа *подходить*, имеющими актуальное значение в НСВ, см. в [Апресян 1988, 57–78]. Впрочем, глаголы с *под-* неоднородны: в контексте *поезд подходит к станции* нормальное актуальное значение, а глаголы *подбежать*, *подскочить* практически моментальные.

кает понимания своего НСВ *приходить* в значении актуально протекающей деятельности/процесса.

Простую разгадку дает понятие акцента, или фокуса внимания. В семантике *прийти* в фокусе Конечная точка; тем самым глагол *прийти* описывает не движение, а наступление состояния, когда движущийся объект находится/начал находиться в конечной точке своего движения. НСВ в значении актуальной деятельности требует акцента на «срединной» временной точке описываемой глаголом ситуации. Например, у *спуститься* есть НСВ актуальной деятельности *спускаться*, поскольку этот глагол допускает фокусировку внимания, в том числе на такой стадии ситуации, когда движение уже имеет место, но конечное состояние еще не наступило. Между тем семантика глагола *прийти* таке смещение фокуса внимания исключает.

Разумеется, наше решение приемлемо в рамках семантической концепции, которая не обрекает себя на слишком бедный семантический язык и допускает не только компоненты семантического разложения, но и параметры — в частности такие, как фокус внимания.

Это объяснение может показаться неокончательным: почему *прийти* не допускает смещения фокуса, а, скажем, *подойти* допускает (*подошел-подходит*)? В принципе на такие вопросы не всегда есть ответ. Так, различие между глаголами *выбрать* и *предпочесть* почти полностью сводится к тому, что *выбрать* допускает перенос фокуса внимания на деятельность, а *предпочесть* — нет:

выбрал, выбирает ≠ предпочел, предпочитает.

В случае *прийти*, однако, ответ на этот вопрос есть, и мы изложим его в конце раздела 2.2.

Слово «фокус» иногда употребляется, так сказать, не терминологически, но в нужном нам смысле. Так, Годдар [Goddard 1998, 204] пишет об английском *go* 'идти', что оно «seems more focused on leaving or „moving on“ than on the possibility of arriving anywhere». Речь идет о том, что из полного сценария, который был бы естествен для ситуации перемещения, семантика глагола *go* выделяет некую часть, оставляя все остальные в тени. И именно в этом мы видим специфику глагола *прийти*: оставляя основной компонент «полного сценария» ситуации перемещения в тени, он тем самым категорически недоступен для воздействия семантических операторов типа имперфективации.

Если так, то отсутствие НСВ со значением актуальной деятельности у *прийти* объясняется так же, как у *выиграть*, *достичь*

и других глаголов достижения (в [Падучева 1996, 110] обосновано включение глаголов типа *прийти* и достижения в единый класс глаголов с акцентом на результате, т. е. с фиксированным фокусом внимания). Для глагола *уйти* факт отсутствия у парного НСВ *уходить* актуального значения, быть может, не столь очевиден, но тоже имеет место.

Глаголы *прийти*, *уйти* интересны не только своей видовой спецификой, но и тем, какие требования они предъявляют к участникам-ориентирам — Исходной и Конечной точке. Это последнее и сближает их с английскими *come* и *go*.

Дейктичности английских *come* и *go* посвящены известные работы Филлмора (в частности, [Fillmore 1971]), которые фактически положили начало массивному изучению дейксиса в 80-е и 90-е гг. Филлмор отмечает следующее различие между *come* и *go*: если при глаголе *come* указано время, то это время прибытия; между тем у *go* обстоятельство времени фиксирует время отправления, ср. (1a) и (1б):

- (1) a. When did he come? 'Когда он пришел?'
 б. When did he go? 'Когда он ушел?'

Сравнение *come* с русским *прийти* обнаруживает целый ряд различий. В [Апресян 1986, 5–33] было показано, что *прийти* не дейктично в том же смысле, что *come*. Попытаемся, однако, обратить внимание не только на различия, но и на сходства.

Различия между *come* и *прийти* видны прежде всего в контексте обстоятельства места. Для *come* прямое указание места, при самой естественной интерпретации, означает присутствие в нем говорящего:

- (2) John is coming to the shop to-morrow \supset 'я буду там, т. е. в магазине'.

Между тем для русского *прийти* это вовсе не обязательно; делая высказывание (3), я никак не имею в виду, что сам буду у Марии:

- (3) Завтра Джон придет к Марии.

Вообще, в простом случае *John came*, букв. 'Джон пришел', значит 'Джон пришел ко мне', так что вне специального контекста *John came to him* 'Джон пришел к нему' аномально.

Есть, правда, более сложные правила интерпретации — они могут «спасти» аномальные на первый взгляд употребления, т. е. употребления, нарушающие правило, которое демонстрируется примером (2).

1. Одним из них является правило дейктической проекции — так можно коротко, используя термин, введенный Лайон-

зом [Lyons 1978, 579], назвать такое правило интерпретации, когда вместо ориентации на говорящего возникает ориентация на адресата (см. о дейктической проекции подробно и с примерами из русского языка в [Падучева 1996, 260]): если ориентация на говорящего невозможна, дейктический элемент может переориентироваться на слушающего. Тогда

(4) *John is coming to the shop to-morrow* \supset 'ты будешь там'.

2. Другая возможная стратегия — ориентация на то, что Ю. Д. Апресян называет «личной сферой говорящего» (в терминологии Филлмора — «home based factor»). Так, в (5) следствия 'я буду там' и 'ты будешь там', которые слушатель выводит, интерпретируя соответственно примеры (2) и (4), очевидным образом блокируются; (5) приемлемо, если магазин как-то связан с говорящими «вообще»:

(5) *It's a pity John is coming to the shop to-morrow when neither of us shall be there*
'Жаль, что Джон придет в магазин завтра, когда никого из нас там не будет'.

3. В повествовательном тексте, т. е. в нарративном режиме, ориентация на говорящего может быть заменена ориентацией на литературного героя (в [Падучева 1996, 268] такой сдвиг значения назван нарративной проекцией):

(6) *The thief came into her bedroom* 'Вор вошел в ее спальню'.

В [Goddard 1998, 208] к этим трем возможностям непрямой интерпретации *come* добавляется четвертая, не предусмотренная Филлмором, — обстоятельство может задавать место ожидаемого присутствия говорящего или адресата, хотя бы ожидания и не сбылись:

(7) *She came to the corner as we'd arranged, but I'd got stuck into the traffic and didn't make it*
'Она пришла на условленное место, но я застрял в пробке и не смог туда попасть'.

Возникает вопрос, в какой мере такие правила проекции носят общий характер. В самом деле, проекции могут быть возможны для одних слов и невозможны для других. Так, Лайонз обращает внимание на то, что дейктическую проекцию допускает *come*, но не допускают *here* и *now*. Этот упрек, однако, легко отводится: возможность участвовать в тех или иных проекциях сама по себе входит в лексическую семантику слова. Так, нарративная проекция

возможна для русских *здесь* и *сейчас* (равно как и для англ. *here* и *now*) и невозможна для *вон* и *вот* [Падучева 1996, 260]. Как отразить такие различия в толкованиях слов — это отдельный вопрос.

Итак, англ. *come* требует дейктичности от обстоятельства Конечной точки. У русского *прийти* это свойство проявляется в слабой степени, ср.:

- (7) а. Ты *придешь* завтра к Ивановым? [скорее всего, 'я буду там'];
 б. Ты *пойдешь* завтра к Ивановым? [нет такой импликации];
 (7'') Ваня завтра не *придет* в школу [скорее всего, 'в мою школу'].

Сходство русского *прийти* с англ. *come* можно видеть в другом — в том, что оба фиксируют положение Наблюдателя в конечном пункте траектории движения. Тогда описанное выше различие можно свести к тому, что *come*, в своем первичном значении, требует, чтобы в роли Наблюдателя выступал говорящий, а русское *прийти* этого условия не ставит; ср. пример, приведенный, с другой трактовкой, в [Апресян 1986]:

- (8) Они уже две недели путешествуют по Кавказу, и вчера *пришли* в Терск.

Кто является Наблюдателем у *прийти* в (8), мы увидим позднее.

Теперь об *идти* и *go* (которые, как и в случае *прийти* и *come*, словарь рассматривает как переводные эквиваленты). Здесь разница гораздо больше. Английский глагол, как показывает анализ Филлмора, тоже дейктичен — он помещает Наблюдателя в начальную точку траектории движения, т. е. должен сопоставляться скорее с русским *уйти*. Между тем русское *идти* никак не фиксирует в своей семантике положения Наблюдателя и при отсутствии показателя Исходной/Конечной точки совместимо с любым. Присутствие Наблюдателя в той или иной точке траектории движения может вытекать из контекста, и семантика глагола *идти* не противоречит ни одному из них:

- (9) Немедленно выключи телевизор и иди к себе в комнату. — *Иду*. [= 'ухожу'; Наблюдатель в Начальной точке];
 (10) — Кто-то *идет*. — К нам? — Нет, кажется, мимо. [Наблюдатель может быть и в Конечной и в Срединной точке траектории.]

2. Непроизводные и приставочные глаголы движения

Итак, мы представили дейктичность английского *come* как наличие в его семантике встроенного Наблюдателя-Говорящего (который должен находиться в Конечной точке, что требует дейк-

тичности обстоятельства Конечной точки) и именно этим объяснили невозможное в речевом режиме **I came to him*.

Русское *прийти* в этом смысле недейктивно. Однако можно говорить о его дейктивности в другом смысле — глаголу *прийти* свойственна дейктическая интерпретация нуля: отсутствие предложной группы, выражающей Конечную точку, интерпретируется как сигнал того, что Конечная точка задана местонахождением Наблюдателя: *Иван пришел* = 'Иван пришел сюда'.

Дейктивность этого рода известна у глаголов других классов. Например, у *иметься* часто остается невыраженным участник Обладатель; при этом понимание однозначно: *имеется* означает, грубо говоря, 'имеется у меня/у нас'. Глаголы движения дают более сложную картину, но возможность дейктической интерпретации нуля при глаголах прибытия несомненна.

В принципе, есть следующие возможности интерпретации предложения с синтаксически не выраженным семантически обязательным участником.

- 1) Анафорический нуль: *Ты видел этот фильм, а я не видел Ø; Я вхожу в комнату — на полу [Ø = 'этой комнаты'] лежит раскрытая книга*.
- 2) Дейктический нуль, т. е. отсылка к Наблюдателю: *Иван приехал Ø = 'сюда, т. е. там, где я нахожусь'; На дороге показался Ø всадник = 'в моем поле зрения'*.
- 3) Квантификация (обычно в модальном контексте): *Чувствуется Ø рука мастера ≈ 'любой может почувствовать'*.
- 4) Инкорпорирование участника (английский термин, употребляемый, видимо, в том же значении — Unspecified Object deletion [Levin 1993, 26]): *Я поел Ø = 'съел нечто, что едят'*.

Сочетаемость с направлятельными ПГ и интерпретация нуля различны у непроизводных и приставочных глаголов. Дело в том, что интерпретация нуля зависит от наличия у того же глагола участников-ориентиров, а они имеют у непроизводных и приставочных глаголов разный синтаксический статус. Нас будут интересовать приставки, выражающие направление движения — «Куда?» или «Откуда?» — и соответствующие участники-ориентиры. От многочисленных других аспектов семантики направленного движения — от существования других участников, таких как Путь (*обошел вокруг дома*), от различия между движением к границе объекта и внутрь, между собственно пространственным ориентиром и целью и проч. — мы отвлекаемся. Рассматриваются только непереходные глаголы.

2.1. Непроизводные глаголы

Бесприставочные глаголы движения, как правило, имеют валентности Начальной и Конечной точки (ср. [Ферм 1990, 46; Всеволодова, Мадаени 1998 и др.]), но обе валентности — и «Откуда?» и «Куда?» — необязательные; например, *идти* можно в равной мере откуда-то, куда-то и не важно откуда и куда:

- (1) Мама идет с рынка; Шел отряд по берегу, Шел издалека.
- (2) Иди в школу.
- (3) Мимо идет пьяный; По мосту идет Иван.

Ясно, однако, что направление «Куда?» для *идти*, как и для других глаголов движения, коммуникативно более значимо, так что эта валентность гораздо чаще оказывается выраженной. Это вытекает из (и является языковым отражением) общей асимметрии направления «вперед–назад», обсуждаемой в [Lyons 1978, 691]. Направленное движение — это всегда движение вперед³. У человека есть перед и зад (лицо и спина), основные органы восприятия направлены вперед — человек движется туда, куда он смотрит. Кроме того, Конечная точка может выражать Цель движения целеполагающего субъекта, и тогда это обязательный участник. Так что Конечная точка как основной ориентир движения вытекает из природы человека. Между тем существование Начальной точки обосновано скорее логически — если X стал находиться в Y-е, значит он был в не-Y-е. Присутствие этого участника в концепте ситуации зависит от специального условия — наличия соответствующей ПГ в предложении или компонента в семантике глагола.

В соответствии с общим определением [Падучева 1999], у бесприставочного глагола и Конечная, и Исходная точки имеют статус сирконстанта — в том смысле, что при интерпретации предложения они не включаются в концепт ситуации, порождаемый данным глаголом, если соответствующая ПГ отсутствует в предложении: сирконстантные участники не могут «подразумеваться»⁴.

Позиция Наблюдателя у бесприставочного глагола, как уже говорилось, не фиксирована: все возможности реализуются. Мы

³ Оно может обозначаться даже глаголами движения, в семантике которых фиксировано направление 'назад': как сказано у Бродского, «Я пыхчусь всегда вперед».

⁴ В [Goddard 1998, 204] принято другое решение — у *go* 'идти' различается три разных значения, каждое со своим набором участников, так что *went from A to B* требует отдельного толкования, поскольку нет композиционного правила сложения смыслов, которое обслуживало бы это сочетание.

возьмем в качестве примера опять-таки глагол *идти*. Варианты следующие.

1. Если у *идти* нет в предложении никаких ПГ, фиксирующих крайние точки, то Наблюдатель может находиться в любой из крайних точек пути, а также и в середине. Позиция Наблюдателя не фиксирована (а именно она определяет дейктическую интерпретацию нуля). Конечно, чаще всего фраза типа *Автобус идет* будет понята как 'идет сюда', но это вытекает из прагматического контекста фразы, а не из ее смысла.

Направление движения вообще может быть неизвестным или множественным; так, в (4) *идут* = 'идут в разные стороны':

- (4) Люди *идут* на работу, торопятся; по воде *идут* круги [= 'расходятся'];
И про тебя, душа моя, *идут* кой-какие толки [= 'распространяются'],
которые не вполне доходят до меня (П.)

2. Если у *идти* заполнена валентность Конечной точки, то Наблюдатель может находиться в Исходной; тем самым Исходная точка будет фиксирована дейктически.

При глаголе в императиве Исходная точка фиксируется речевым актом как общая для говорящего и адресата: *Иди же к Невским берегам* = 'иди отсюда, т. е. из места, где находимся и я и ты'. Заметим, что здесь *иди* ≈ 'пойди'. У *идти* (как и у *ехать*) форма буд. времени НСВ **буду идти* почти не имеет в русском языке естественных контекстов употребления. В других формах Наблюдатель может быть в других точках (или вообще не участвовать в интерпретации высказывания):

Я встретил его, когда он *шел* к врачу.

3. Если заполнена валентность Исходной точки, то Наблюдатель может находиться в Конечной: *Мама идет с рынка*, скорее всего, 'идет сюда'; *От камина идет жар* = 'идет сюда'. Однако в *Я иду от мамы* Конечная точка не задана.

4. Если заполнены обе валентности, Наблюдатель склонен расположиться посредине траектории (впрочем, роль Наблюдателя здесь минимальна):

Из Нью-Йорка в Лиссабон *Шел* корабль в сильный шторм (из песенки).

Итак, необязательный ориентир бесприставочных глаголов участвует в их интерпретации следующим образом: если обстоятельство (недейктическое) присутствует в предложении, оно исключает нахождение Наблюдателя в этой точке. Наблюдатель как бы достраивает концепт ситуации движения до полного — имеющего начало и конец, но лексически он не фиксирован.

2.2. Приставочные глаголы движения

2.2.1. Участники

У приставочных глаголов картина иная: приставка меняет смысл глагола, создавая обязательную «направительную» валентность. Можно сказать, что приставка вносит определенность акцента — фиксирует акцент на одном из ориентиров, чего не было у исходного глагола. В результате интерпретация нуля, определяемая позицией Наблюдателя, как мы увидим, для некоторых приставочных глаголов фиксирована самим глаголом.

Результатом присоединения направительной приставки является то, что один из двух участников («Куда?» или «Откуда?») становится обязательным. Возникает два класса глаголов:

- лативные глаголы, с обязательным участником «Куда?»;
- элативные глаголы, фиксирующие параметр «Откуда?».

К лативным приставкам относятся: *в-* (*войти в дом*), *вз-* (*взойти на вершину*), *до-* (*дойти до порога*), *за-1* (*зайти за кустик*), *за-2* (*зайти к приятелю*), *на-* (*на меня нашло уныние*), *под-* (*подойти к столу*), *при-* (*прийти к другу*).

К элативным — *вы-* (*выйти*), *от-* (*отойти от края*), *с-* (*сойди с лыжни*)⁵, *у-* (*уйти из дома*).

Не фиксируют направление (и далее не рассматриваются) такие приставки, как *о-/об-*, *пере-* и *про-*, у которых ориентир выражен прямым дополнением.

Приставку *по-* (*пойти в магазин*) обычно не относят к пространственным; однако она выражает начинательность и, косвенным образом, Исходную точку: *Сейчас пойду* значит, скорее всего, «пойду отсюда».

Возникает вопрос, в какой мере участник Конечная точка, который у лативных глаголов обязателен, исключает участника Исходная точка; и наоборот, как участник Исходная точка у элативного глагола влияет на валентность Конечной точки. Здесь имеется несимметричность, которая была обнаружена, в предварительной форме, еще в работе [Апресян 1965, 51–66]. С учетом материала из [Ферм 1990], вырисовывается следующая картина.

Участник Исходная точка у элативных глаголов не препятствует наличию при глаголе предложной группы, выражающей Конечную точку:

⁵ Не важно, вниз или в сторону, см.: [Розина 1998].

вышел во двор, отошел к стене, сойди к нам, уйти в горы / ушел к другой.

Что же касается лативных глаголов, с их обязательной валентностью на Конечную точку, то у них Исходный пункт хотя и не исключен, но безусловно затруднен. Свободно сочетаются с Исходной точкой только глаголы на *при-* (ср. *пришел из Алабамы*) и, существенно хуже, на *в-*.

Вовсе исключен участник Исходная точка для глаголов с приставками *за-*1, *вз-*, *на-* и *под-*; например: **зашла за кустик с тропинки* (*за-*1 — это *за-* в значении обходного движения).

Там, где сочетание возможно, оно обычно имеет непрямую интерпретацию; так, в (1) *с юга* обозначает не Исходный пункт, а подступы к Конечному:

- (1) подойти к городу *с юга*.

Две валентности при одном глаголе, Начальной и Конечной точки, вообще заполняются довольно редко. Одно из возможных объяснений состоит в том, что это дает двойную ориентацию, которая имплицитно перемещающегося Наблюдателя:

- (2) пошла *из комнаты в кухню*.

Фраза (3) выглядит как построенная неудачно:

- (3) В это время *из зала в гостиную* вошла незнакомая Ларе девушка (Пастернак. «Доктор Живаго»).

Но в контексте «елки у Свентицких», где герои все время переходят из зала в гостиную или обратно, она уместна: Лара, которая находится в этот момент на границе этих двух пространств, вполне подходит на роль Наблюдателя.

И все-таки почему *выйти* + *в* лучше, чем *войти* + *из*? Видимо, элативному глаголу легче «принять в себя» коммуникативно важную для любого движения семантику Конечной точки, чем лативному добавить участника, который к собственной, естественной, направленности вперед добавит ретроспективу — заведомо несущественную, поскольку если бы она была по существу, то говорящий выбрал бы элативный глагол⁶. Можно думать, что Конечная точка для элативного глагола — это актант, а Исходная точка для лативного — сирконстант.

⁶ Невозможность двойной ориентации — на Начало и Конец состояния — рассматривается в связи с семантикой частицы *еще* в [Падучева 2002].

2.2.2. Интерпретация нуля

Теперь про интерпретацию нуля, которую мы хотели бы связать с позицией Наблюдателя.

В статье [Pанёвова 1994] рассматривается оригинальный тест, позволяющий различить необязательных участников (сирконстантов) и обязательных, но «опущенных» (deleted). Ср. примеры (1) и (2):

- (1) А. Он приехал на поезде.
Б. Когда он приехал?
А. Не знаю.

- (2) А. Он приехал на поезде.
Б. Куда он приехал?
А. Не знаю.

Ответ «Не знаю» на вопрос «Когда?» допустим, а на вопрос «Куда?» — нет. Тест очень остроумный. Мы дадим объяснение тому, как он работает, отличное от предлагаемого Ярмилой Панёвовой.

В диалоге (1) и вопрос «Когда?» и ответ законные, а участник время необязательный, сирконстант. Что же касается диалога (2), то вопрос собеседника Б, казалось бы, свидетельствует всего лишь о коммуникативной неудаче А: поскольку Конечный пункт здесь обязательный участник, он должен быть выражен, чтобы высказывание имело смысл. Однако когда мы слышим ответ А, то разverzается бездна: оказывается, что А сам не понимает, что он сказал — высказывание со словом *приехал* бессмысленно, если говорящий не знает, куда приехал его герой. Между тем фраза *Он приехал на поезде* имеет вполне определенный смысл: отсутствие актанта означает дейктическое (или, возможно, анафорическое) связывание переменной «Куда?»: *приехал* и в (1) и (2) = 'приехал сюда'.

Можно думать, именно дейксис является причиной того, что ответ «Не знаю» может быть так катастрофически неуместен, как в примере (2). Рассмотрим два других примера.

Пример 1. Место — безусловно обязательный актант глагола *прибывать*: прибывают всегда к чему-то; однако в контексте примера (3) ответ «Не знаю» на вопрос «Где?» вполне уместен — ответ обязан знать Коля, а не говорящий:

- (3) Коля, наконец, прибил вешалку.

Пример 2. Место объекта, в соответствии с анализом из [Wierzbicka 1980], — это актант глагола *видеть*. Однако тест на «Не знаю» даст противоречивый ответ — диалог (4а), аномальный, отнесет Место к актантам, а диалог (4б) — к сирконстантам:

- (4) а. — Я вижу огонек. — Где? — *Не знаю.
 б. — Он видел огонек. — Где? — Не знаю.

Очевидно, дело в том, что тест диагностирует не актантность, а возможность дейктического заполнения валентности Место в том или ином контексте.

Вернемся теперь к направительным глаголам движения.

Все элативы при абсолютивном употреблении допускают дейктическое связывание переменной Исходной точки «Откуда?»:

- (5) *я выйду* = 'отсюда'; *я отойду* = 'отсюда'; *я уйду* = 'отсюда'; *я сойду* = 'отсюда'.

То же в прош. времени 3 лица и в императиве:

- (6) *он вышел* = 'отсюда'; *он отошел* = 'отсюда'; *он ушел* = 'отсюда'; *он сошел* = 'отсюда';
 (7) *выйди* = 'отсюда'; *отойди* = 'отсюда'; *уйди* = 'отсюда'.

Так, *Сойди сейчас же!* (обращенное к ребенку, забравшемуся на лестницу) означает 'сойди сверху', а не 'сойди ко мне'⁷.

С глаголом *пойти*, который мы отнесли к элативным, не так чисто: конечно, *пойди!* значит скорее 'пойди отсюда <куда-то>', чем 'пойди сюда'. Однако у *пойти* обязательная синтаксическая валентность на Конечную точку, препятствующая абсолютивному употреблению.

Казалось бы, лативные глаголы при абсолютивном употреблении должны допускать дейктическое связывание переменной Конечной точки «Куда?»; это так и есть в примерах (8)–(11):

- (8) *войди* = 'войди сюда',
 (9) *подойди* = 'подойди сюда',
 (10) *приходи* = 'приходи сюда' / 'ко мне',
 (11) *зайди* = 'зайди сюда' (за-2).

Но это отнюдь не общее правило. Многие лативные глаголы не допускают «опущения» своего обязательного участника «Куда?», т. е. дейктическое связывание этой переменной должно быть выражено эксплицитно, местоимением:

- (12) нельзя сказать *дойди* вместо *дойди до меня*.

Наблюдатель не может мыслиться в Конечной точке, так что дейктическая интерпретация исключена.

⁷ В 1 и 2 лице наст. и прош. времени интерпретация может быть неоднозначна: что значит «Я вышел»?

Что касается *дойти*, то пример (12) демонстрирует запрет на дейктически фиксированную Начальную точку в императиве, а императив, как мы видели, акцентирует Начальную точку. В производных значениях дейктическое понимание возможно: *пакет дошел* = 'дошел до меня'. Характерная смена ориентации происходит в вопросе: *Ваня дошел?* = 'до тебя'.

Глагол *зайти* (с *за-1*) обозначает движение в место, отделенное преградой; Наблюдатель остается по эту сторону от преграды, а не в Конечной точке, так что *зайти за дом* — это *зайти туда*, а не *сюда*.

При не абсолютном употреблении картина более пестрая. У элативного глагола участник Исходная точка не препятствует дейктическому связыванию своей переменной Конечной точки:

Однажды в студеную зимнюю пору я *из лесу* вышел [= 'вышел сюда'; нарративный дейксис].

Однако *Отошел от края, ушел из дома* не значит 'отошел / ушел сюда'.

У лативного глагола *дойти*, при наличии участника Исходная точка, участник Конечная точка не может быть понят как «опущенный», т. е. связанный дейктически. В (13а) нельзя опустить *до Москвы* в надежде на дейктическое понимание — его не возникнет, и сочетание будет просто аномальным, см. (13б):

(13) а. Он *дошел от Казани до Москвы*;

б. *Он *дошел от Казани*.

А для *прийти* не так: *Я пришел из Алабамы* = 'сюда'.

Итак, можно сформулировать следующие общие закономерности.

Для непроизводных и приставочных глаголов принципиально разная стратегия интерпретации синтаксического нуля. У непроизводных глаголов Наблюдатель с большей вероятностью сживается с тем участником, который остается невыраженным — в (14а) это Исходная точка, в (14б) — Конечная:

(14) а. идет в школу ⊃ 'отсюда';

б. идет из школы ⊃ 'сюда'.

А у приставочных, при абсолютном употреблении, — с обязательно. Так что у элативного глагола, с обязательной валентностью Исходной точки, нуль значит 'отсюда', пример (15), а у лативного (если валентность Конечной точки не является для него обязательной, как для *дойти* или *зайти* с *за-1*) — 'сюда', пример (16).

(15) *я выйду* \supset 'отсюда';

(16) *войди* \supset 'сюда'; вошла женщина \supset 'сюда'.

В роли Наблюдателя может выступать не только Говорящий (с его нарративными заместителями), но и сам движущийся субъект.

Особый интерес представляют глаголы с приставкой *при-*. Они склонны к употреблению без обстоятельства Конечной точки (*Пришел невод с одною тиной*) и в этом контексте, как мы видели, дейктичны.

Обратимся теперь к контексту недейктического обстоятельства. Глагол *прийти* обозначает запланированное перемещение. Поэтому Наблюдатель не обязательно должен быть лицом внешним по отношению к перемещению: он может совпадать с перемещающимся Субъектом, для которого пребывание в Конечной точке составляет цель (он в данном случае выступает и как Субъект Сознания, см. [Падучева 1996, 263]). Согласно [Ферм 1990, 80] *прийти* отличается от *войти* намерением Субъекта остаться в Конечной точке некоторое время. Это дает объяснение примеру (8) из Раздела 1: здесь участник Конечная точка у *прийти* выражен и недейктический (*в Терскол*), а Наблюдателем является сам движущийся Субъект. *Пришел* с опущенным обстоятельством Конечной точки значит 'пришел сюда', а с выраженным недейктическим — 'пришел, куда хотел'.

Впрочем, есть и другая возможность интерпретации *прийти* в контексте недейктического обстоятельства — место может быть переосмыслено как принадлежащее к личной сфере говорящего, см. примеры (7') и (7'').

В [Рахилина 2001, 309] было обращено внимание на то, что *идет*, в абсолютном употреблении, чаще всего понимается в значении 'идет сюда', и на этом основании предлагалось даже объяснение отсутствия актуального значения у *приходить* как системно обусловленного: *приходит* должно было бы значить 'идет сюда', но в этом значении «нет необходимости», поскольку оно уже выражается глаголом *идет*. Наш анализ показывает, однако, что оба факта — преимущественно лативное понимание глагола *идти* и отсутствие актуального значения у *приходить* — не являются словарной особенностью этих глаголов, а имеют простое объяснение и без обращения к структуралистскому «принципу системного вытеснения». В самом деле, для *идти*, как для многих других глаголов движения, валентность Конечной точки является коммуникативно более важной (асимметрия, отмеченная Лайонзом); именно поэтому мы чаще встречаемся с участни-

ком Конечная точка (как бы он ни был выражен, с помощью предложной группы или дейктически), чем Исходная. А *приходить*, как и другие глаголы с приставкой *при-*, имеет несдвигаемый акцент на конечном состоянии, который не способен переходить на ведущий к нему процесс.

Теперь очевидно, что между аномальным аспектуальным поведением *прийти*, обсуждавшимся в разделе 1, и его квазидейктичностью есть связь. В семантику глагола *прийти* входит Наблюдатель. Он фигурирует только в стативном компоненте; отсюда смещение семантического акцента на состояние; динамический компонент оказывается не в фокусе и потому не может составить сферу действия для оператора имперфективации*.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1965 — *Апресян Ю. Д.* Опыт описания значений глагола по их синтаксическим признакам (типам управления) // ВЯ. 1965. № 5.
- Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.
- Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.
- Кустова 1999 — *Кустова Г. И.* Семантические модели производных значений глаголов перемещения // НТИ. Сер. 2. 1999. № 5.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* Принцип композиционности в неформальной семантике // ВЯ. 1999. № 5.
- Падучева 2002 — *Падучева Е. В.* Начинательность в семантике русских глаголов совершенного вида / Die Welt der Slaven. 2002. Bd. XLVII, 2.
- Рахилина 2001 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2001.
- Розина 1998 — *Розина Р. И.* Концептуальные структуры и языковые механизмы порождения значений (регулярная многозначность глаголов удаления вниз) // Язык, культура и гуманитарное знание. Сб. к 100-летию Г. О. Винокура. М., 1998.
- Ферм 1990 — *Ферм Л.* Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке // Acta universitatis upsaliensis. Studia slavica upsaliensia. Уппсала, 1990.

* Автор выражает благодарность Барбаре Парти за проверку и обсуждение английских примеров, а также Р. И. Розиной и Н. М. Якубовой за вдумчивое и критическое прочтение текста.

- Fillmore 1983 — *Fillmore Ch. J.* How to know whether you're coming or going // *Essays on Deixis* / Ed. G. Rauh. Tübingen: Narr, 1983.
- Goddard 1998 — *Goddard C.* Semantic analysis: a practical introduction. Oxford Univ. Press, 1998.
- Goldberg 1995 — *Goldberg A. E.* A construction grammar approach to argument structure. Chicago; London, 1995.
- Levin 1993 — *Levin B.* English verb classes and alternations. Chicago; London, 1993.
- Lyons 1978 — *Lyons J.* Semantics. London etc. 1978. Vol. I, II.
- Panevova 1994 — *Panevova J.* Valency frames and the meaning of the sentence // Ph. A. Luelsdorff (ed.) *The Prague school of structural and functional linguistics*. Amsterdam, 1994.
- Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A.* *Lingua mentalis*. Sydney, etc., 1980.
- Wierzbicka 1996 — *Wierzbicka A.* *Semantics. Primes and universals*. Oxford; New York, 1996.

О ВОЗМОЖНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ РУССКИХ ФРАЗОВЫХ ЧАСТИЦ *УЖЕ* И *ЕЩЕ*

Есть такие языковые явления, которые в лингвистической литературе пользуются особым вниманием исследователей. К таковым следует отнести фразовые частицы *уже* и *еще* и их эквиваленты в других языках. Следует сказать, что они, как и большинство других «грамматически» ориентированных слов, практически не поддаются толкованию. При семантическом анализе с грамматическими словами невозможно обращаться так, как со словами, принадлежащими к трем главным частям речи (существительным, глаголам, прилагательным); грамматические слова не допускают применения к себе так называемых сентенциальных форм, поскольку их семантические актанты зачастую не способны непосредственно подчиняться аргументам; поэтому нередко входом толкования для таких слов служит не сентенциальная форма, а предикатная запись в духе формализма математической логики. По отношению к таким словам нельзя применять и «правило субституции», состоящее в возможности замены данной единицы ее семантическим представлением при сохранении смысла исходного выражения, поскольку, если даже для грамматического слова предложено некоторое толкование, непонятно, как его «встраивать» в синтаксическую структуру исходного выражения (подробнее см.: [Перцов 2001, 57–61]). По отношению к грамматическим словам недостаточность современных семантических метаязыков становится наиболее ощутимой.

Поэтому мне представляется, что многочисленные опыты описания семантики частиц (и прочих лексем, принадлежащих к служебным частям речи) называть «толкованиями» в собственном смысле слова, как этот термин трактуется, скажем, в теории «Смысл — Текст» или в Московской семантической школе, неправомерно. Речь может идти лишь о нащупывании некоего общего смысла, который привносит в высказывание та или иная частица в том или ином употреблении. При этом следует по возможности учитывать широкий спектр употреблений частицы, с установкой на выявление общности, присущей разным употреблениям (даже если такая общность не выявляется, думается, презумпция ее существования методологически плодотворна).

О парадоксальном употреблении частицы *уже* писал И. М. Богуславский [Богуславский 1996, ч. II, гл. 5], постулировавший для

нее две семантические валентности: ситуация — Р, временной ориентир — t. И. М. Богуславский предпринял попытку «возвести» ряд употреблений *уже* «к единому семантическому источнику» (см. его таблицы 1 и 2 на с. 237 и 253 и заключительный абзац на с. 254), в основном опираясь на разнообразную «игру» сфер действия этой частицы. «Сложное внутреннее устройство получающихся обобщенных объектов», предлагаемое Богуславским, не позволяет (по крайней мере автору этих строк) воспринять единство многообразных употреблений частицы *уже*¹. В настоящей работе предпринимается попытка наметить более прозрачные формулировки для инвариантов двух русских фразовых частиц. При этом автор отдает себе отчет в том, что эти формулировки носят в высшей степени предварительный характер и настоящая работа не претендует на исчерпывающий охват реального поведения *уже* и *еще*. Можно сказать, что это попытка сквозь туман на дальних подступах к «башням» инвариантов разглядеть их контуры, но при этом максимально ясно, без опоры на сложные понятия современного семантического аппарата, описать эти последние. Я построю изложение в виде эвристического «нащупывания» инвариантов, последовательно рассматривая пример за примером, предлагая предварительные формулировки инвариантов, а затем тестируя их на последующих примерах. (Другие опыты поисков лексических инвариантов, предпринятые автором, см. в: [Перцов 2001, 35–44].)

Начнем с анализа ситуации употребления простых фраз:

- (1) (a) *Папа уже спит* ~ (b) *Папа еще спит*

Произнесение (1a) уместно, например, в том случае, когда сон папы начался относительно недавно, когда папа лег спать лишь несколько минут назад, а для текущего момента естественно было бы ожидать, что папа не спит; скажем, фраза произносится в девять часов вечера, когда взрослые люди спать обычно не ложатся. Ситуация «Папа спит» оценивается с ориентации на ее начало, на тот момент, предшествующий текущему моменту, когда этой ситуации не было — «Папа не спал».

В отличие от (1a), произнесение (1b) может быть уместно в том случае, когда сон папы продолжается уже довольно долго, а в текущий момент естественно ожидать его скорого пробуждения; скажем, фраза произносится в десять часов утра, когда для боль-

¹ При этом я убежден в том, что за всеми многообразными употреблениями *уже* стоит единство, которое пока не поддается экспликации средствами современной семантики.

шинства взрослых людей ночной сон давно позади. Ситуация «Папа спит» оценивается в данном случае с ориентацией на ее возможное скорое окончание, на тот момент, следующий за текущим, когда этой ситуации не будет — «Папа не будет спать».

В рассмотренной паре примеров — с глаголом в наст. времени — текущий момент ситуации может быть отождествлен с моментом речи; при переводе глагола в прошедшее [примеры (2)] или будущее [примеры (3)] время текущий момент ситуации смещается, соответственно, в прошлое или будущее, однако в (2а) и в (3а) сохраняется ориентация ситуации «сон папы» относительно ее начала, а в (2b) и в (3b) — относительно ее окончания:

(2) (а) *Папа уже спал* ~ (b) *Папа еще спал*

(3) (а) *Папа уже будет спать* ~ (b) *Папа еще будет спать*

Возникает соблазн сформулировать следующие семантические инварианты этих двух частиц с противоположно ориентированной семантикой:

уже ориентировано на начало ситуации, на некую точку отсчета, предшествующую текущему моменту, на такое положение дел, когда ситуация не имела места

еще ориентировано на окончание ситуации, на некую точку отсчета, следующую за текущим моментом, на такое положение дел, когда ситуация не будет иметь места

В обоих случаях частица освещает ситуацию с точки зрения несуществования этой последней, которое в случае *уже* подается ретроспективно, а в случае *еще* — проспективно.

Предложенное описание отличается от описания И. М. Богуславского [Богуславский 1996, 235] (и некоторых других упоминаемых им исследователей): «*Уже* вносит, говоря огрубленно, значение типа 'раньше (чем ожидалось)', а *еще* — значение типа 'позже (чем ожидалось)'». Однако, по моему разумению, между этими описаниями расхождения нет: вводимые Богуславским ожидания коррелируют с указанной выше ориентацией ситуации, модифицируемой фразовыми частицами. А именно: ориентация на начало ситуации коррелирует с ее относительно ранним развитием, а ориентация на окончание ситуации — с ее относительно поздним развитием.

Предложенные формулировки наделены только на временные прилагательные употребления частиц. Рассмотрим другую пару примеров:

- (4) (а) Дети поняли решение отца уже по его взгляду - (б) Дети поняли решение отца еще по его взгляду

Можно предположить наличие некоей иерархической совокупности явлений, по которым дети могли распознать решение отца; скажем, кроме взгляда отца, к такой совокупности могли бы относиться его поза, или его походка (если он ходил по комнате), или общая обстановка в комнате, или манера разговора (если он в это время с кем-то беседовал), и т. п. В случае (4а) взгляд отца оценивается как нечто находящееся близко к «слабому» полюсу такой иерархии: одного лишь взгляда отца было достаточно, чтобы дети могли понять его решение, и не требовалось никаких других, более «сильных» признаков, превосходящих «взгляд» в такой воображаемой иерархии. В (4а) частица *уже* как раз и ориентирует ситуацию относительно «слабого» полюса иерархии — ее «начала», подобно тому как в (1а) она ориентировала ситуацию относительно ее временного начала. Что же касается (4б), здесь можно предположить, что дети и по некоторым другим признакам уже распознали решение отца, а его взгляд лишь подтвердил для них это решение; частица *еще* как бы присоединяет «взгляд отца» к ряду уже воспринятых детьми признаков, добавляет его к «концу» этого ряда — подобно тому как в (1б) она ориентирует ситуацию относительно его временного конца.

Итак, можно попытаться очертить инварианты рассматриваемых частиц более абстрактным образом, не ограничивая себя рассмотрением лишь временной оси развития ситуации, а постулируя некую абстрактную ориентированную «шкалу»². Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

	УЖЕ	ЕЩЕ
Ориентация	<===	===>
Ситуация	-----	-----
Шкала	----->	----->

Попробуем приложить намеченную схему инвариантов рассматриваемых частиц к реальным примерам их употребления.

² Ср. у И. М. Богуславского: «Общим для всех трех слов [*уже, еще и только*] является то, что они принадлежат к классу шкалярных слов, то есть имплицитно некоторую шкалу, на которой локализованы те или иные элементы, представленные в предложении» [Богуславский 1996, 235].

- (5) (a) *Они встретились уже в саду* ~
 (b) *Они встретились еще в саду*

В (5a) на шкале совокупности возможных мест их встреч сад оценивается как лежащий близко к ее «слабому» полюсу — «началу», а в (5b) сад «добавляется» к совокупности других мест, где они встречались, в качестве завершающего, «конечного» пункта.

- (6) (a) *Они работали вместе уже пять лет* ~ (b) *Они работали вместе еще пять лет*

Здесь шкала задается временной осью развития ситуации. В (6a) их совместная работа ориентирована относительно ее начала и продолжительность этой работы равна пяти годам, а в (6b) ситуация «Они работали вместе пять лет» добавляется «справа» на временной оси к их предшествующей совместной работе, и общая продолжительность последней превышает пять лет (это так называемое «аддитивное» *еще*: [Богуславский 1996, 258 сл.]).

- (7) (a) *Вера поет уже громче* ~ (b) *Вера поет еще громче*

В (7a) предполагается некое предшествующее пение (скорее всего самой Веры, но это не обязательно), которое было достаточно тихим, а в текущий момент Вера поет достаточно громко; текущее пение Веры сопоставляется с предшествующим пением по шкале громкости. В (7b) также можно усмотреть сопоставление двух ситуаций пения, причем и предшествующее, и текущее пение оба достаточно громки, однако текущее пение Веры превышает по шкале громкости предшествующее пение, «добавляет» нечто к нему на этой шкале. В (7a) пение Веры ориентировано на предшествующее пение и на «тихий» полюс упомянутой шкалы, т. е. на ее «начало», а в (7b) — на ее «громкий» полюс, т. е. на «конец» шкалы.

Аналогичным образом можно объяснить употребления *еще* при сравнительной степени с явно выраженным вторым членом сравнения, например:

- (8) *Пирог с черникой еще вкуснее, чем с яблоками*

— оба пирога вкусны, но на шкале «вкусности» черничный пирог ближе к ее положительному («правому») полюсу, чем яблочный.

- (9) *Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя составляет долгое, иногда и вечное воспоминание* (Пушкин).

Данная цитата, описывающая жизнь уездной барышни, как бы задает некую иерархическую «шкалу» явлений, вносящих в эту жизнь разнообразие: «звон колокольчика» < «поездка в ближний город» < «посещение гостя»; звон колокольчика обладает весьма низкой «силой» на этой шкале, располагается близко к ее «слабому» краю, т. е. к «началу».

(10) *По сравнению с нашим, ваш двор еще чистый*

Оба двора оцениваются по шкале «чистоты», однако эта шкала ориентирована в данном случае не в «естественном» направлении — от отрицательного полюса к положительному, а наоборот — в сторону «грязности». Предполагается, что достаточно добавить к состоянию второго двора немного отрицательных свойств, чтобы он утратил право называться «чистым».

(11) *Помнишь, высокий такой, еще на заводе у нас работал?*

Предполагается шкала, на которой располагаются возможные сведения об обсуждаемом лице; на «слабом» полюсе шкалы располагается отсутствие сведений, а прочие сведения «ранжируются» по степени содержательности. Рост человека оценивается в данном случае как менее содержательная информация, чем факт его деятельности на заводе. Кроме того, последний факт добавляется к тому, что уже сообщено.

(12) *Почта идет во вторник, а сегодня только еще суббота* (Пушкин).

Текущий день данного высказывания оценивается с точки зрения его соотношенности с одним из последующих дней, т. е. ситуация ориентирована проспективно, как в обычных случаях временных употреблений *еще*, — ср. примеры (1) выше.

(13) *Еще амуры, черти, змеи / На сцене скажут и шумят, / Еще усталые лакеи / На шубах у подъезда спят; / Еще не перестали топтать, / Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать; / <...> / А уж Онегин вышел вон; / Домой одеться едет он* (Пушкин).

Здесь мы видим типовое соотношение ситуаций, описываемых частицами *еще* и *уже*: ситуация P_1 с *еще* (складывающаяся из «подситуаций», выраженных предложениями в составе сложносочиненного) ориентирована проспективно на ее предполагаемое окончание (завершение спектакля), а ситуация P_2 с *уже*, обозначенная в данном случае перфективным глаголом *вышел*, представляет собой некоторое цельное событие, по времени содержащееся в P_1 . Частица *уже* в данном случае задает «точечную» ори-

ентацию ситуации, в которой начало как бы слито с концом. *Уже* координирует здесь с совершенным видом глагола, сопоставляя наличие некоего события с предшествующим «несуществованием» данного события.

Картина, нарисованная в последнем примере, переносит нас к русской старине, к 20-м гг. XIX столетия, когда создавался «Евгений Онегин». Автору хотелось бы познакомить читателя со скромным текстом, созданным в то же время и имеющим прямое отношение к теме настоящей работы. Речь пойдет о небольшой статье Михаила Петровича Погодина, название которой говорит само за себя: «Объ употребленіи нарѣчій. *Уже* и *Еще*» [Погодин 1826]. Я прочел статью Погодина уже после того, как предлагаемая в настоящей работе схема инвариантов для *уже* и *еще* сформировалась, и с удовольствием увидел, что, по существу, 175 лет назад замечательный русский писатель, историк, журналист и филолог заметил то же самое. Я подозреваю, что мало освоенное отечественной русистикой филологическое наследие отечественной словесности первых десятилетий позапрошлого века таит в себе еще многое, что предвосхищает позднейшие мысли, высказанные в нашей лингвистике.

Думается, нет нужды подробно пересказывать рассуждения Погодина в связи с данным предметом, а лучше привести достаточно представительные цитаты. Задумавшись над наречиями *еще* и *уже* и начав толковать примеры, которые, по словам Погодина, «взросились въ головѣ моей», автор приходит к таким заключениям:

«*Рейнъ замерзаетъ уже*. Нарѣчіе *уже* означает, что прежде Рейнъ не замерзалъ. *Рейнъ замерзаетъ еще*: нарѣчіе *еще* означает, что послѣ Рейнъ вероятно не будетъ замерзатъ. И такъ — *уже* употребляется въ семъ случаѣ для означенія, что дѣйствія, выражаемаго глаголомъ, не было до того времени, о коемъ идетъ рѣчь, а будетъ послѣ; *еще* для означенія, что дѣйствія не будетъ послѣ того времени, о коемъ идетъ рѣчь, а было прежде» (с. 174).

«<...> нарѣчіе *уже* означаетъ дѣйствие (многократное), съ извѣстной эпохи начинающееся и продолжающееся; нарѣчіе *еще* — дѣйствие, извѣстною эпохою прекращающееся» (с. 175).

«*Я пишу уже письмо*, значить, что я началъ писать письмо. *Я пишу еще письмо*, значить, что я оканчиваю оное. И такъ *уже* перед глаголомъ показываетъ, что дѣйствие (положительное или отрицательное) только что началось (начинается или начнется); а *еще* — что дѣйствие (п. и о.) только что окончилось (оканчивается или окончится). — Подъ это правило подходить всѣ мои примѣры. *Начало* включаетъ всякое предшествующее дѣйствие, а *окончание* — всякое

послѣдующее. <...> Уже такъ относится къ предшествующему времени, какъ *еще* къ послѣдующему» (с. 175–176).

Однако, установив данную закономерность, автор честно признается в том, что она не охватывает всего привлеченного им языкового материала:

«Съ торжествомъ развернулъ я первую тетрадь моихъ сочиненій, попавшуюся мнѣ подъ руки, и началъ пересчитывать ее съ намереніемъ исправить ошибки по найденному правилу. Вдругъ на второй страницѣ читаю: *еще* Іоаннъ Ексархъ Болгарскій думалъ о Грамматикѣ. Такъ можно сказать, — видель я ясно, — и между тѣмъ здѣсь нарѣчіе *еще* не показываетъ, чтобъ дѣйствіе прекращалось, а на оборотъ: думали и послѣ Іоанна о Грамматикѣ. Я сталъ разсматривать это новое предложеніе, и заметилъ, что *еще* стоитъ не передъ глаголомъ, а передъ именемъ (вообще передъ словомъ, опредѣляющимъ именно то или другое время) и означаетъ отдаленность времени. *Еще* Іоаннъ Болгарскій (въ 9 столѣтіи — вотъ какъ давно!) думалъ о Грамматикѣ. — Я обратился къ *уже*, и нашель, что оно, на оборотъ, означаетъ близость времени. *Уже* при Петрѣ (т. е. недавно) начали у насъ брить бороды. — Должно прибавить замечаніе, что в послѣднихъ примѣрахъ удареніе дѣлается на слово, коимъ опредѣляется время, а въ тѣхъ на глаголь» (с. 176–177).

Автору настоящей работы, как и М. П. Погодину, торжествовать пока нет оснований: отнюдь не все примеры употреблений *уже* и *еще*, рассмотренные в работах моих предшественников и в словарях, непринужденно объясняются предложенными выше формулировками инвариантов. В частности, меня также озадачивают примеры употребления этих частиц при обстоятельствах времени. Мне остается надеяться, что нечто верное в моих формулировках все же ухвачено и что они могут быть скорректированы (обобщены) таким образом, чтобы покрыть весь спектр употреблений двух загадочных и неуловимых фразовых частиц.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславский 1996 — Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Перцов 2001 — Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Погодин 1826 — Погодин М. П. Объ употребленіи нарѣчій. *Уже* и *Еще* // Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть шестая. М., 1826. С. 169–182.

КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО? СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ОСТАНОВКИ И ПОНЯТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КЛАССА

В данной статье рассматривается семантика и регулярная многозначность ряда близких по значению глаголов: *задержать, застопорить, затормозить, осадить, остановить, поймать, перехватить, придержать, сдержать, удержать*. Условно их можно назвать глаголами остановки: все они описывают ситуацию с двумя активными участниками, один из которых перемещался или хотел перемещаться, а второй воспрепятствовал его перемещению. Возникает вопрос, достаточно ли этой семантической общности для того, чтобы считать эти глаголы одним лексическим классом.

Понятие лексического класса используется в «Русском семантическом словаре» [Шведова 1998] для противопоставления объединений слов, обладающих одновременно и общностью денотации, и общими языковыми свойствами, идеографическим объединениям слов, но принципы выявления лексических классов не разработаны. В первой части данной статьи предлагается процедура объединения глаголов в лексические классы, которая затем применяется к рассматриваемому списку, в результате чего он разбивается на подгруппы. Заключительная часть работы посвящена проверке правильности полученного разбиения списка. Используя такое свойство слов одного лексического класса, как регулярная многозначность, мы показываем, что для глаголов каждой из выявленных подгрупп характерна своя модель регулярной многозначности.

1. Лексический класс

Из ряда близких по характеру объединений слов — лексический класс, лексико-семантическая группа, семантический класс, семантическое поле, тематический класс (синонимы: онтологический класс, таксономический класс, тематическая группа) — лучше всего определен семантический класс. Семантический класс — это «лингвистическое» объединение слов. Основой для объединения

слов в семантический класс может быть любой лингвистически интересный [Булыгина 1982, 11], или нетривиальный [Апресян 1995, 28–34] семантический признак, т. е. семантический признак, повторяющийся у многих слов и обязательно имеющий языковое выражение в каких-либо их свойствах — в морфологических особенностях, аспектуальном поведении, сочетаемости и т. п.

Самые нечеткие из приведенного ряда типы объединений — тематический класс и семантическое поле. Тематические классы — это «нелингвистические» объединения слов, отражающие представления человека об устройстве реального мира (ср.: [Гак 1998, 32–33]). Традиционно тематическим классом называют объединение слов на основании общности родового значения [Ахманова 1969, 402] или на основании предметно-логической общности [Шмелев 1973, 103–104], игнорирующее какие-либо свойства слов. Примеры таких классов — названия частей тела, названия минералов, растений, рыб, глаголы движения, глаголы речи и т. п. Семантическое поле отличается от тематического класса только тем, что оно не ограничено словами одной части речи. Примеры семантических полей — поле еды, включающее как названия блюд, так и глаголы, описывающие процесс поглощения пищи, и прилагательные, характеризующие вкусовые ощущения; поле радости и т. п.

Объединения слов в тематические классы возникали, с одной стороны, в результате интереса к возможностям различного выражения одной и той же идеи, носившего чисто практический характер¹, а с другой — к соотношению языка и культуры². Тематические классы были бы совершенно безразличны современной лексической семантике, если бы не одна их особенность: во многих случаях у слов одного тематического класса удается обнаружить ряд общих свойств — сочетаемость, деривационный потенциал, общие модели регулярной многозначности [Шмелев 1973; Падучева 1998]. Поэтому тематические классы представляют собой исходный материал лингвистического анализа как множество слов, которые потенциально обладают общими свойствами. В свое время попытка противопоставить тематические классы слов с установленными общими свойствами тематическим классам, которые представлялись (иногда в силу их неисследованности) чисто идеографическими объединениями слов, вышла в использовании по отношению к первым термина «лек-

¹ Именно практическими соображениями руководствовались создатели известных тезаурусов — П. Роже [Roget 1952] (первое издание 1852 г.) и Ф. Дорнзайф [Dornseiff 1959].

² См. об этом, например: [Гак 1977, 7].

сико-семантическая группа» [Шмелев 1973, 104]. Впоследствии термин «лексико-семантическая группа» стал употребляться недифференцированно как синоним терминов «тематический класс» и «семантическое поле» [Кузнецов 1999], и вместо него был предложен термин «лексический класс» [Шведова 1998].

Из числа общих свойств слов одного лексического класса самое важное — регулярная многозначность. Дело в том, что источником регулярной многозначности могут быть концептуальные структуры, т. е. те связи, которые существуют в сознании человека между различными ситуациями реального мира и отражаются в полисемии слов, в своих основных значениях описывающих одну из таких ситуаций [Розина 1999, 161–162]. Это свойство можно использовать как диагностическое при проверке правильности объединения слов в лексический класс.

Формальной процедуры объединения слов в лексические классы не существует. Попытка использовать для объединения глаголов в лексические классы метод ступенчатой идентификации, т. е. метод последовательного замещения каждого рассматривания глагола глаголом с более общим значением и приведения таким образом групп глаголов к общему идентификатору, была сделана Э. В. Кузнецовой и привела к созданию словаря лексико-семантических групп русских глаголов [Кузнецова и др. 1988], но правильность разбиения словника в этом словаре никогда не верифицировалась обращением к каким-либо свойствам глаголов. Современные исследования разбиения слов на лексические классы с помощью ступенчатой декомпозиции представлены работами Л. Миньоранса и П. Фабер (например: [Mignorance 1984; Faber, Mairal 1998]). С другой стороны, опыт обращения к свойствам глаголов — их синтаксическим характеристикам — при анализе их разбиения на классы представлен работой Ю. Д. Апресяна [Апресян 1967], см. также: [Levin 1998].

Вопрос об отнесении глаголов к лексическому классу можно решить иначе, обращаясь к толкованию глаголов и последовательно применяя ряд параметров. На самой верхней ступени классификации важно, какое событие, происшедшее в реальном мире, описывает глагол. Событие определяется переходом от исходной ситуации к конечной — например, событие, которое описывает глагол *прийти* в предложении *В тот день Николай пришел домой очень поздно*, складывается из ситуации 'до t X не был в Y-е' и 'в t X находится в Y-е', и тем самым глагол *прийти* попадает в тематический класс глаголов перемещения наряду с другими глаголами, описывающими события такой же структуры; а событие, которое описывает глагол *получить* в предложении *Настя полу-*

чила письмо, складывается из ситуаций 'до t у X-а не было Y-а' и 'в t у X-а есть Y', и тем самым глагол *получить* попадает в класс глаголов обладания. В толковании глагола исходная ситуация соответствует пресуппозиции, а конечная — одному из компонентов ассерции, результату. Исходная ситуация может быть тождественна конечной, и тогда событие является нулевым, но это не мешает отнесению глагола к тематическому классу — например, глагол *стоять* в предложении *Второй стол был пуст, и на нем стоял телефон* (Стругацкие) описывает нулевое событие, так как его исходная ситуация ('до t X находился на Y-е') тождественна конечной ('в t X находится на Y-е'), и *стоять* принадлежит тематическому классу глаголов положения в пространстве.

Второй параметр лексической классификации глаголов — то, с помощью какого набора переменных (участников) глагол описывает событие. Например, событие, складывающееся из двух состояний 'до t X не существовал' / 'в t X начал существовать', может описываться с помощью разного набора участников, и в зависимости от этого глагол относится к классу глаголов существования (*Появилась* рецензия на новую постановку «Горя от ума») или к классу глаголов создания (Елена Ямпольская *написала* рецензию на новую постановку «Горя от ума»).

Следующий параметр классификации — это способ перехода от исходной ситуации к конечной. Глаголы *наполнить* и *залить* в предложениях *Шофер наполнил бак бензином* и *Шофер залил бак бензином* описывают одно и то же событие структуры 'до t в X-е не было Y-а', 'в t в X-е есть Y' с одним и тем же набором участников и попадают в один и тот же тематический класс глаголов перемещения Объекта, но глагол *наполнить* никак не специфицирует способа перехода от исходной ситуации к конечной, в то время, как *залить* указывает его (Субъект лил Y-а).

Ниже мы продемонстрируем возможность применения этих принципов к анализу глаголов, условно названных нами глаголами остановки, а затем проверим, характерна ли для глаголов, входящих в одну группу, одна и та же модель регулярной многозначности.

2. Глаголы остановки — один лексический класс или несколько?

2.1. Общие характеристики глаголов остановки

Перемещение может быть прекращено самим Субъектом движения в результате того, что он достиг своей цели — Конечной точки движения, как в примере (1):

- (1) Когда мы расплатились, оделись внизу и вышли, доктор дошел со мной до угла Арбата, и мы *приостановились*, чтобы проститься (Бунин).

В то же время прекращение перемещения может быть принудительным, как в примере (2), где лошадь останавливается, потому что ее вынуждает седок:

- (2) Он *остановил* лошадь, бросил поводья, вынул ноги из стремян и слез с лошади (Упсальский корпус).

В ситуации принудительного прекращения перемещения два участника, один из которых перемещается, а второй препятствует его перемещению. Этим участником может быть человек, как в (2), или предмет/масса, как в (3):

- (3) ...под навес крыльца уже нанесло целый сугроб, он *споткнулся* в нем и набрал целые рукава снега, дальше был сущий ад, белое несущееся бешенство (Бунин).

Если участник, препятствующий перемещению, — человек, его роль — Агенс, и он получает в предложении статус Субъекта, в то время как перемещающийся участник получает роль Пациенса и выражен Объектом, ср. (2). Если же движению препятствует предмет или масса, им приписывается роль Инструмента-Места и периферийная позиция, а перемещающийся участник выражен Субъектом, ср. (3).

В центре внимания в данной статье — глаголы вынужденного прекращения перемещения с Пациентом-человеком, толкование которых огрубленно можно представить следующим образом:

У перемещался/хотел перемещаться <презумпция>

X совершил действие: воздействовал на Y-а <ассерция>

Результат | началось и имеет место состояние: Y не перемещается

Данные глаголы близки по своей семантике к группе имплицативных глаголов [Карттунен 1985] устранения преграды: *впустить*, *допустить*, *пропустить*, *подпустить*, которую мы рассматривали в связи с другой проблемой в [Розина 2000]. Сходство между ними заключается в том, что компонент толкования, описывающий действие перемещающегося участника, и у тех и у других глаголов является подчиненным — он зависит от действий первого участника, ср.:

- а) X *впустил* Y-а в Z \supset Y переместился в Z
X *не выпустил* Y-а в Z \supset Y не переместился в Z;

- б) *Х остановил Y* - а \supset Y не перемещается
Х не остановил Y - а \supset Y перемещается

Именно поэтому перемещающийся участник у глаголов обеих групп занимает подчиненную позицию Объекта, а главную позицию Субъекта и роль Агенса получает тот участник, который контролирует перемещение.

Различие же между этими глаголами состоит в том, что у глаголов устранения преграды первый участник лишь контролирует, но никак не каузирует действия второго участника, в то время как у глаголов вынужденного прекращения перемещения этот участник является каузатором.

Попытаемся теперь применить к данному списку глаголов предложенную процедуру выявления лексических классов.

2.2. Подгруппы глаголов остановки

Центральный глагол рассматриваемого списка — *остановить*. Событие, которое он описывает в своем основном значении (2), складывается из двух ситуаций: исходной — ‘Y³ перемещался’, и конечной — ‘Y не перемещается’. Этот же тип события описывают глаголы *задержать* (4) и *затормозить* (5):

- (4) Хозяин метался от одного гостя к другому, пытаясь *задержать* бегущих и успокоить их поспешными заверениями, что это так, пустяк, маленький обморок с одним господином из Сан-Франциско... но никто его не слушал (Бунин).
- (5) Римлянин, который вел автобус, *тормозил* время от времени, чтобы пропустить римлян, неторопливо переходивших улицы Рима (Уппсальский корпус).

Событие, которое описывает глагол *удержать* в примере (6), отличается от события, которое описывает глагол *остановить*, характером исходной и конечной ситуаций. Исходной ситуацией для того чтобы *удержать* может быть не только перемещение одного из участников, но и просто желание перемещаться, а конечная ситуация состоит в том, что, несмотря на вмешательство Субъекта, второй участник продолжает хотеть перемещаться, ср.:

- (6) а. Она опять хотела встать. Я опять *удержал* ее (Бунин).
 б. Петр Петрович напросился на оборонные работы, а вместе с ним отправился и Дар: никакими уговорами, никакими строгостями не могли *удержать* его (Лидин).

³ Здесь и далее индекс Y всюду используется для обозначения Объекта, а X — Субъекта.

Это отличие связано с тем, что у глагола *удержать* значение остановки — не основное, а производное; в своем исходном значении он описывает сопротивление Субъекта давлению тяжелого предмета, которое не прекращается и после вмешательства Субъекта, ср.:

- (7) Он показался на последней ступеньке, вдруг качнулся и рухнул на руки Мышлаевскому. Мышлаевский привял его и еле *удержал* (Булгаков).

Тому же типу, что *удержать*, с точки зрения описываемого события принадлежат глаголы *придержать* и *сдержать*. У этих двух глаголов значение остановки движущегося Объекта тоже производное, а в своих основных значениях они описывают сопротивление Субъекта натиску или давлению массы, ср.:

- (8) Прибыткин... не смог *сдержать* напора воды (МАС).
 (9) [Молодой человек] *придержал* рукой картуз, чуть не слетевший от ветра (Гоголь).

В производном значении остановки и *придержать*, и *сдержать* также предполагают, что Субъект противодействует давлению Объекта, который хочет перемещаться или продолжать перемещение, ср.:

- (10) Долохов *придержал* лошадь и поехал шагом (Толстой).
 (11) Как только кучер *сдержал* перед подъездом взмыленного Барса, она поспешно вышла из саней (Куприн, МАС).

Иными словами, событие, которое описывают глаголы *удержать* и *сдержать*, определяется следующей формулой: исходная ситуация — 'Y перемещался или хотел перемещаться'; конечная ситуация — 'Y не перемещается; Y хочет перемещаться'.

Глаголы *поймать* и *перехватить* представляют совершенно иной тип. Они описывают два события — событие, происшедшее с Объектом ('до t Y перемещался', 'в t Y не перемещается'), и событие, происшедшее с Субъектом ('до t у X-а не было Y-а', 'в t у X-а в руках есть Y'), ср.:

- (12) — Три, четыре! — *поймал* из воздуха колоду карт, стасовал ее и лентой пустил коту. Кот ленту *перехватил* и пустил ее обратно (Булгаков).

Тем самым эти глаголы попадают в два класса — глаголов перемещения и глаголов обладания.

Итак, с точки зрения того, какие события описывают рассматриваемые глаголы, в списке можно выделить три группы: группу 'остановить', группу 'сдержать' и группу 'поймать'. Внутри группы 'ос-

тановить' глаголы различаются с точки зрения количества участников ситуации и способа перехода от исходной ситуации к конечной. В отличие от *остановить* и *задержать*, глагол *затормозить* описывает ситуацию, в которой есть еще один участник — Инструмент, и специфицирует способ перехода — Субъект воздействует на Объект с помощью Инструмента, тормоза. Глагол *осадить* не вошел ни в один из выделенных подклассов. Событие, которое он описывает, складывается из ситуаций 'до t Y перемещался; тело Y-а находилось в горизонтальном положении' и 'в t Y не перемещается; тело Y-а находится в вертикальном положении', ср.:

- (13) Поравнявшись с Андреем Ивановичем, она сразу *осадила* свою лошадь, и та остановилась, нетерпеливо перебирая ногами (Куприн).

2.3. Производные значения

В этой части статьи мы проверим правильность разбиения рассматриваемого списка глаголов на группы. Если глаголы в группе представляют собой лексический класс, для них должна быть характерна одна и та же модель регулярной многозначности.

У двух глаголов из группы 'остановить' — *остановить* и *задержать* — есть производные значения фиксации инструмента восприятия, взгляда⁴, ср.:

- (14) Он *остановил* взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце (Булгаков).

- (15) Здесь гость не только метнул свой взгляд на прокуратора, но даже немного *задержал* его (Булгаков).

У третьего глагола из данной группы, *затормозить*, нет подобного производного значения, но, как мы показали, этот глагол стоит особняком, поскольку в отличие от *остановить* и *задержать* он специфицирует способ перехода от исходной ситуации к конечной.

У глаголов другой группы, *перехватить* и *поймать*, также есть производные значения из области зрительного восприятия, но совсем другого характера, чем у *остановить* и *задержать*. Если *остановить* и *задержать* описывают фиксацию органов восприятия, направленных от Субъекта, то *перехватить* и *поймать* описывают восприятие того, что направлено к Субъекту, ср.:

⁴ Ср. МАС: Задержать, сосредоточить, направить на кого-, что-л. (взор, взгляд, внимание, мысль и т. п.). О том, что взгляд (взор) в наивной картине мира является инструментом восприятия см.: [Урысон 1995].

(16) Наташа широко раскрытыми глазами, как будто она хотела *перехватить* всякий устремленный на нее взгляд, беспокойно оглядывалась на всех (Толстой).

(17) Мисс Пратт, которую я однажды в воскресенье заметил завтракающей с какими-то дамами у Вальтона, *поймала* издалека мой взгляд (Набоков).

Производные значения глаголов *сдержать* и *удержать* совсем другого рода, чем у первых двух групп. Они описывают подавление эмоций или их внешнего проявления, ср. (18) и (19):

(18) а. Он, *сдержав* радость, ответил с притворной небрежностью (Белов).

б. «Он изучает меня», — подумала Маргарита и усилием воли постаралась *сдержать* дрожь в ногах (Булгаков).

(19) а. — Зюечка, — начал он, не в силах от душевной измученности *удержать* в себе болезненное умиление (Бунин).

б. дед Глушков чуть слезу *удержал* (Упсальский корпус).

Производные значения глаголов *сдержать* и *удержать* изображают эмоции и их внешние проявления (слезы, смех) как бы рвущимися изнутри человека наружу и тем самым сохраняют существенную для противопоставления этих глаголов другим глаголам рассматриваемого списка особенность описываемого ими события: 'X испытывает давление Y-а'.

Таким образом, мы показали, что каждой из выделенных групп глаголов соответствует своя модель регулярной многозначности, а значит, эти группы действительно представляют собой лексические классы. Помимо регулярной многозначности, у слов каждого из данных классов могут обнаруживаться и другие общие свойства, вытекающие из общности их лексических значений (например, только глаголы класса 'удерживать' имеют актуально-длительное значение несовершенного вида), но описание этих свойств не входит в задачи данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1977.

Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «смысл — текст» // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Ахманова 1969 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Гак 1977 — Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак 1998 — Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
- Карттунен 1985 — Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Кузнецов 1999 — Кузнецов А. М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1999.
- Кузнецова и др. 1988 — Кузнецова Э. В., Бабенко Н. А., Боровикова Н. А. и др. Лексико-семантические группы русских глаголов. Словарь-справочник. Свердловск, 1988.
- Падучева 1998 — Падучева Е. В. О парадигме регулярной многозначности (на примере глаголов звука) // НТИ. Сер. 2. 1998. № 4.
- Падучева 1999 — Падучева Е. В. Семантика глаголов выбора // Известия АН. Сер. Литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5–6.
- Розина 2000 — Розина Р. И. Устранение преграды (Семантика и аспектуальное поведение группы русских глаголов) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Розина 1999 — Розина Р. И. Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык, культура, гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Урысон 1995 — Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» // Вопросы языкознания. М., 1995. № 3.
- Шведова 1998 — Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. М., 1998.
- Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Dornseiff 1959 — Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 1959.
- Faber, Mairal 1998 — Faber P., Mairal Uson R. Methodological criteria for the elaboration of a functional-lexematic grammar of the semantic domain of cognitive verbs // The structure of the lexicon in Functional Grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- Levin 1998 — Levin B. English verb classes and alternations: a preliminary investigation. Chicago; London, 1998.
- Mignorance 1995 — Mignorance Martin L. Lexical logic and structural semantics: methodological underpinnings in the structuring of a lexical database for natural language processing // Panorama der lexikalischen Semantik. Tübingen, 1995.
- Roget 1952 — Roget P. M. Everyman's thesaurus of English words and phrases. London; New York, 1952.

К ТИПОЛОГИИ ФАЗОВЫХ КОМПОНЕНТОВ, КОННОТАЦИЙ И АССОЦИАЦИЙ РУССКИХ ЛЕКСЕМ

В работе обсуждается инвентарь и распределение тех фазовых компонентов, коннотаций и ассоциаций, которые можно выделить непосредственно на русской лексике, на словаре.

Попытаемся рассмотреть фазовые свойства лексем на словарном материале двух типов. С одной стороны, на общелексическом словаре в целом, чтобы по возможности выявить круг и внутреннюю логику фазовых отношений; при этом будем опираться на словник Русско-французского учебного словаря [Зализняк 1978], содержащий представительный и в то же время обозримый массив. С другой стороны, посмотрим, какие регулярные фазовые отношения отмечаются в рамках отдельного, релевантного по фазовым свойствам тематического класса, а именно класса речевых актов, также взятого в объеме этого словаря.

Вначале сделаем уточнения преимущественно терминологического характера, нужные для дальнейшего изложения.

Прежде всего в данной работе из фазовых (фазисных) отношений мы коснемся только 'начал' и 'концов'; другие фазы и «фазовые оттенки» различных процессов и иных сущностей: 'продолжение', 'повтор', 'цикл', 'устойчивое состояние', 'развитие' и тому подобное — остаются вне рассмотрения.

Далее. Под фазовыми отношениями (или проявлениями) в лексике мы будем понимать совокупность четырех языковых явлений.

Во-первых, те «ядерные» фазовые смыслы, которые обозначаются немногочисленными чисто фазовыми словами: *начать*, *перестать* и др. В таких словах довлеет единственный, собственно начинательный (или противоположный ему) компонент, и этим они близки к семантическим примитивам. (В строгом смысле, однако, эти слова примитивами не являются; для них возможно построение толкований, основанных на более «примитивной» идее смены состояний в разные моменты времени. Вид толкований может быть примерно следующим: '*начать* / X (приступить к действию X) = сделать так, чтобы действие X имело место в мо-

мент t_0 и в течение некоторого времени t ($t > t_0$), при том, что в течение некоторого времени t ($t < t_0$), X не имело места'.)

Во-вторых, к фазовым проявлениям мы относим компоненты 'конца' либо 'начала' в семантической структуре лексем, не являющихся однокомпонентными: *заголовок* (размещается в начале текста), *восток* (начало «наивной» солнечной траектории) и т. п.

В-третьих, привычные фазовые коннотации, например коннотации старости, увядания, т. е. 'конца', в словах *морицина* или *седой*. У этих слов обычно толкуется предметная, а не возрастная сторона значения (*морицина* = 'складка, бороздка на коже лица' [Евгеньева 1985]), а идея старости переходит к коннотации.

И, наконец, в-четвертых, различные свободные фазовые ассоциации, например ассоциация конца, предельной степени признака в классическом Magn-прилагательном *жгучий* (брюнет).

Коннотации и ассоциации близки. Скажем, в [Апресян 1997] они вообще определяются как синонимы, как «образные представления, которые связываются в сознании носителей языка с объектом, обозначенным данной лексемой, но не входят непосредственно в ее значение» (с. XXI). Представляется, все же, что при изучении такого многопланового и метафоричного явления, как фазовость, границу (пусть и пунктирную) между коннотацией и ассоциацией в принципе полезно обозначить — по степени близости фазовой составляющей к лексическому значению и вытекающей отсюда привычности нашего сознания к соотношению лексической единицы с определенным фазовым полюсом. Коннотация ближе к значению, чем ассоциация; она свяжется с началом или концом у большего количества носителей языка. Ассоциация более периферийна, метафорична и может быть индивидуальной; так, не каждый информант усматривает идею конца в эмотивных представителях лексической функции Magn (типа *жгучий*, *баснословный* и т. п.), или, например, кто-то видит в *философии* скорее мировоззренческий базис, «начало наук», а кто-то — своего рода венец, результат обобщения, итог.

Границы между компонентом и коннотацией также в определенной мере условны; при лексикографической работе часто бывает неясно, следует ли включать смысловой оттенок в толкование. Фазовый компонент может содержаться в значении не непосредственно (см. выше определение из [Апресян 1997]), а в завуалированном виде, например через какие-то промежуточные шаги, через тезаурус: *кинжал* — холодное оружие, т. е. орудие убийства и, стало быть, каузатор физического 'конца' для человека. Фазовое отношение может вытекать из энциклопедических свойств

лексемы, например, *январь* соотносится с началом года не столько по лексическому значению (хотя и толкуется обычно в словарях как 'первый месяц'), сколько по онтологической условности (ведь в некоторых календарных системах год начинается в другое время).

Кроме того, фазовый компонент может оказаться вне коммуникативного акцента, и тогда он может формально опускаться в толковании. Для иллюстрации последнего явления можно сравнить, например, толкования в [Евгеньева 1985] лексем *сценарий 1* (кинематографический) и *пьеса 1* (театральная): 'сценарий 1 = литературно-драматическое произведение..., на основе которого создается фильм'; 'пьеса 1 = драматическое произведение для театрального представления'. То есть для *сценария* предикат *быть* (*лежать*) *в основе* (и значит, служить началом) включен в толкование, а для *пьесы*, по-видимому, важнее художественный аспект, и предикат *быть в основе* заменяется на более слабый в смысле фазовости смысловой элемент 'цель' (чему соответствует предлог *для*); фазовость в данном случае скорее будет отнесена к коннотации.

Во многих случаях семантические компоненты (в т. ч. фазовые) наблюдаются в значении лексемы не явно, бинарно (наличие/отсутствие) и тем самым как бы дискретно, а скорее континуально, размыто, проявляясь в отдельных аспектах ситуаций, связанных с описываемой лексемой; дискретизация происходит в процессе составления толкований, когда лексикограф, исходя из определенных критериев и сообразуясь с интуицией, решает, какие компоненты и части ситуации с необходимостью должны быть отражены в толковательном описании, а какие в нем проигнорированы, отнесены к «миру», к энциклопедии, или, например, к грамматике.

Итак, фазовыми отношениями мы назовем всю совокупность ядерных фазовых смыслов, компонентов, коннотаций и ассоциаций вместе с промежуточными областями. При этом все же будем иметь в виду, что эти составляющие образуют иерархию по степени близости к лексическому значению и по степени преобладания в нем.

Перейдем теперь к конкретным фазовым отношениям.

Ни в коей мере не претендуя на полноту, приведем (очень схематично, насколько позволяет объем статьи) некоторые примеры оппозиций 'начала-конца', просматривающихся на словнике [Зализняк 1978]. Всего в данном массиве можно выделить несколько десятков (не менее четырех) лексических групп (или классов) с определенным типом фазовых отношений. Пополнение множества отношений и классов возможно главным образом за счет ассоциаций, индивидуальных у разных носителей языка. Разумеется,

деление лексики на группы является условным, группы могут укрупняться или дробиться, их инварианты могут быть уточнены. Прежде всего хотелось проиллюстрировать разнообразие фазовых оппозиций и, так сказать, густоту, с которой лексика «усеяна» этими отношениями.

Рассматривая группы, тяготеющие к определенным семантическим полям, внутри этих полей будем в целом придерживаться направления от компонентов к ассоциациям, от буквального к метафоре. Для ряда приведенных ниже оппозиций слова, преимущественно тяготеющие к началу, помечены буквой 'Н', а ассоциированные с концом — буквой 'К'.

Итак, кроме группы «чистых» фазовых переходов: *начать*, *кончить* и др., можно отметить близкие к ней группы со следующими фазовыми инвариантами:

- «отсутствие конца» — *бесконечный, вечный, бессмертный* и т. п.;
- «необратимость конечного состояния»: *вдребезги, безвыходный, бесплодный, бесследно* и т. п.;
- идея начала в креативных словах: *Бог, автор, изготовить* и т. п.;
- компонент *CausLiqu* — идея конца в словах с конкретной семантикой уничтожения: *убрать (мусор), стереть (с доски)*, в том числе делиберативах: *сломать (дверцу), разбить (чашку)* и т. п.

В рамках семантического поля 'живое' можно указать, например, группу слов с семантикой рождения и гибели: *бутон* (Н), *зародыш* (Н), *убийца* (К), *завянуть* (К), *гниль* (К) и т. п. В этом поле выделяется группа, отражающая «фазы жизненного цикла»; сюда относится параметрическая лексика с компонентом «возраст»: *юный* (Н) vs. *пожилой* (К) и т. п.; слова со «встроенным» значением данного параметра *школьник* (Н), *ветеран* (К), *дед 2* (в значении «старик» — К) и т. п.; различные коннотации детства и старости: *колыбельная* (Н), *морщина* (К) и т. п. Для «возрастной» лексики характерно эксплицитное наложение двух шкал — фазовой и количественной, когда 'мало' связано с началом, а 'много' — с концом. Еще примеры 'концов' в рамках данного поля — слова с инвариантом «тяжелые болезни, ущерб здоровью»: *калека, инвалид* (оба — К) и др.

Среди 'начал-концов' других бытийных сущностей прежде всего назовем группы поля времени:

- «начала-концы временных циклов» — пары *восток — запад*, *весна — осень*, *понедельник — суббота* и т. п.;
- «смена поколений»: *дед 1 — внук* и т. п.;

- «начало времен» — *давно, архаичный, античный*. Любопытно, что некоторые примеры в поле времени фазово двойственны: *архаичный* — это и такой, который существовал давно (Н), и такой, который «доживает свой век» (К), *весна*, как и *понедельник*, — всего лишь условные 'начала' года/недели; примеры фазовой неоднозначности встретятся и далее.

Отметим также группы с компонентами

- «начала знаний»: *азы, аксиома, арифметика* (как начало математики), *гипотеза*;
- «начала-концы текстов (документов)»: *введение* (Н), *последствие* (К) и др.;
- «структурная первооснова»: *анатомия, базис, атом, буква, фундамент, «кирпичик», «винтик»* и т. п. (все Н по этой реляции);
- «вещественная первооснова»: *сырье, материал*.

В поле общественных отношений отмечается социальная и профессиональная иерархия по типу 'снизу-вверх' (низ — начало), которая аналогична знаменитой метафоре 'хорошо-много-верх' vs. 'плохо-мало-низ'; статус субъекта повышается с течением жизни: *академик* (К), *виртуоз* (К), *мастер* (К), *опытный* (К) против *подмастерья* (Н), «*чайника*» (Н) и т. п. Концы могут быть предельными, если достигнута верхняя ступень условной иерархии (*академик*), и непредельными (*мастер* — мастерству в норме нет предела).

Напротив, 'сверху-вниз' ориентирована социальная иерархия, связанная с идеей власти или собственности (верх-начало): *начальник* (Н), *командир* (Н), *рядовой* (К), *руководить* (Агенс — Н), *нищий* (К) и т. п. Эта иерархия любопытна своими аксиологическими аспектами. 'Низ-конец' бывает либо равным, аксиологически более или менее нейтральным (*генерал* vs *рядовой* (в армии)), либо отрицательным по оценке (например, в паре *принц* и *нищий*; *нищий* (в социальном плане) — всегда плохо). Встречаются также контексты, в которых оценкой «плохо» маркирован 'верх-начало': *верхушка* (властная) vs *народ*; *рыба гниет с головы* и т. п.

В «социальном» поле можно также отметить слова, связанные с началами-концами различных «гражданских» состояний и процессов: *аттестат* (К), *диплом* (К), *военнопленный* (конец участия в боевых действиях) и др.

Важная фазовая оппозиция, широко представленная в глагольной и отглагольной лексике, — это «инициальность vs. реактивность» роли, выполняемой референтом слова; ср. пары: *агрес-*

сор-защитник, истец-ответчик, вдох-выдох и т. п. Некто действует первым, а некто реагирует на это действие (*агрессор-защитник*), или, другой вариант, некто совершает парное, упорядоченное действие (*вдох-выдох*).

Заметим, что реактивный глагол (типа *реагировать, радоваться, завидовать* и др.) вместе со своим участником 'причина/мотивировка' или инициальный глагол (типа *учиться, замышлять* и др.) со своим участником 'цель' сам в некотором смысле образует фазовую пару. Так, если для выражения *учиться плавать* умение плавать — 'конец', то «неумение» и учеба соотносятся с 'началом'. Аналогично реактивный предикат и его 'причина' (*радоваться — солнышку*) тоже могут концептуализовываться как разнесенные по фазе (как бы «сначала увидел солнышко, а потом уже порадовался»). То есть данная фазовая оппозиция просматривается не только на парах предикатов (*вдох-выдох* и др.), но и на паре 'предикат + участник'. К реактивности такого сорта тяготеют, в частности, предикаты AntiBon с валентностью на причину: *беднеть (вследствие реформ), беспокоиться (из-за здоровья)* и др.

Следует отметить и важный класс пространственных 'концов': *кончик (ножа), острие, край, угол* и т. п.; зачастую они связаны с идеей пути: *преграда (К), баррикада (К), дверь (Н-К)* и т. д.

Своеобразная ассоциация начала-конца наблюдается у слов, имеющих пространственные валентности на начальную и конечную точки: *сбоку → от дороги (Н), письмо → на старый адрес (К)* и т. п. Начала-концы входят в обозначаемую словом ситуацию (либо фрагмент ситуации), трансформируясь по метафорическим путям от буквальным пространственным ориентиров в иные сферы — в Источник (*узнал от соседа*), Причину, Цель (*билет на концерт*), в Адресата (*подарил другу*) и т. п., см. ниже параллель между пространственными актантами и «коммуникантными» актантами глагола речи.

Особое место занимает фазовость морфологических и грамматических явлений, которая исследовалась во многих лингвистических работах:

- фазовость приставок (смешанная), например, у *в-* тяготение к началу, к лексической функции CausInser (*ввернуть (лампочку, слово)*), у *про-* — тяготение к концу (*прозевать (удачу)*) и т. п., см., напр.: [Кронгауз 1998];
- частичечная фазовость глагола — каузация смены состояний как фундаментальная черта глагольной лексики: *жениться (конец «холостой» жизни, начало «женатой»)*, *вникнуть (начать понимать)* и т. п.;

- фазовость глагольного вида, 'конечность' СВ для «нормальных» процессных глаголов: *сохнуть* (Н?) → *высохнуть* (К) и др., см., напр., [Падучева 1996];
- «результат обработки» — фазовый «след» страдательного СВ-причастия: *воспитанный* (К), *проверенный* (К) и т. п., и другие связанные с грамматикой явления.

Можно усмотреть фазовость не только в морфо-грамматических значениях, но и — ассоциативно — в естественном направлении словарной деривации: от *белый* к *белизна*, от *белый* к *белеть* и т. п.

Из свободных лексических фазовых ассоциаций наряду с упомянутой уже ассоциацией конца у функции Magn и близкой к этой функции группой показателей полноты признака/действия (*досыта*, *досуха*, *всласть*, *слишком* (все — К), *слегка* (Н) и т. п.) отметим ассоциацию 'начала' со сферой говорящего; начало — это родное, близкое: *печка* (Н) (*плясать от печки*), *гнездо* (Н), *дом* (Н), *чужой* (по этой ассоциации — К) и т. п. Возможен и другой фазовый «разворот» — сначала нечто было чужим, а затем становится «своим», и эта идея реализуется, например, в глаголах *освоить*, *породниться* и др.

Укажем также фазовые ассоциации

- «ретроспекция» — взгляд, обращенный к началу: *автобиография* (Содержание — Н), *вспоминать* (Содержание — Н), *история* (как наука) и т. п.;
- «проникновение вглубь»; здесь «работает» метафора 'начало — поверхность, конец — глубина': *поверхностные* vs *глубокие знания*;
- «чистота — начало, грязь — конец»: *чистый* (*начать жизнь с чистого листа*), *белоснежный* (Н), *непорочный* (Н), *мусор* (К), *отходы* (К) и т. п.;
- «кумулятивность», подведение итогов, математическая обработка числовых величин и пр.: *валовой* (К), *сумма* (результат сложения — К) и др.

Представляется интересной еще одна опосредованная фазовая соотнесенность — аксиологическая: определенный круг нравственных оценок, по-видимому, больше отрицательных, как бы впечатывается пожизненно в некое невидимое «досье» человека: *подлец*, *негодяй*, *злодей* неискоренимы (по крайней мере, с точки зрения языка) и потому ассоциированы с 'концом'. Так, можно сказать, имея в виду, увы, не пожизненную характеристику: *Он в*

молодости был красавец, но гораздо хуже было бы сказать: *‘Он в молодости был подлец’*.

Как показывают приведенные примеры, идеи конца и начала проступают при анализе разных свойств слова — собственно семантических (в т. ч. выявляющихся при компонентном анализе), валентностных, энциклопедических, этимологических, аспектуальных.

Фазовые отношения могут быть двухполюсными, когда в лексике отчетливо и антонимично выражены начало и конец, и однополюсными, дефектными по одному из полюсов, с неопределенным началом или концом. Так, в случае с *Март* не всегда онтологически, а следовательно, и лексически определено начало; в самом деле, что служит началом того признака, *Март* от которого — *жгучий* (брюнет) — *нежгучий брюнет, шатен, блондин*? Или, например, у процесса познания имеется начало (чему соответствуют слова *азы, аксиома*), но этот процесс, по крайней мере в широком, философском понимании, рассматривается как не достигающий конца, асимптотический.

Однополюсные случаи можно рассматривать как своего рода дихотомии типа ‘начало — и все остальное’ или ‘все остальное — и конец’, когда недостающий полюс «берется» не из лексики, а скорее из диалектики, в силу априорной парности начал и концов как философских категорий, как обрамляющих некое конечное.

Очевидно, что слово (лексема) может одновременно занимать разные позиции на разных фазовых шкалах; например, со словом *аспирант* соотносятся одновременно начало (на параметрической возрастной шкале: речь идет о молодом человеке) и двойкий по фазисности социальный статус (завершающая ступень образования vs. начало научной деятельности). Вообще фазовая двойственность широко представлена в языке; так, двойственны в данном отношении некоторые «крайние» пространственные объекты: *дверь* (это и вход, и выход), *берег* (место отплытия и место причала) и др.

Глагол *бороться*, например, концептуализуется как инициальный или как реактивный в зависимости от роли участника ситуации: *бороться против ч.-л.* (в частности, *против принятия нового трудового законодательства*) — в таком контексте глагол воспринимается как реактивный, *бороться за ч.-л.* (*за права работников бюджетной сферы*) — он скорее инициален. (Но поскольку причина и цель в ситуации борьбы часто антонимичны (в широком смысле), то начала и концы здесь в какой-то мере сходятся.)

Двойственны, к примеру, и переходные глаголы, выражающие смысл *CausLiqu* — *губить*, *гноить* и т. п.: с одной стороны, они обозначают конец своего пациенса (или ущерб ему), с другой стороны, как носители каузальности, они обозначают некое новое (пусть и отрицательное) состояние.

Многообразие подобных коннотаций и ассоциаций обуславливается тем, что фазовость «навешивается» на другие стороны действительности, отраженные в языке. Начало и конец имеет практически все сущее, и множественность типов отношений получается за счет концептуализованных и закрепленных в лексике «векторных сумм» фазовости и других разнообразных содержательных моментов.

Разумеется, не вся лексика фазовая, даже если учитывать весьма далекие ассоциации. По-видимому, свободны от таких отношений многие натуральные классы и артефакты (*медведь*, *смородина*, *шкаф*) [хотя есть и исключения: *подснежник* (цветет первым — Н) и др.]; не просматривается фазовых отношений в названиях многих областей деятельности: *информатика*, *балет* и др. (примеры фазовых исключений — изначально креативные *строительство* и *проектирование*); не ощущается фазовости у большинства прилагательных: *четкий*, *железный*, *твердый* и др.; фазово нейтральна основная масса «невозрастной» параметрической лексики: *высота*, *широкий*, *холод* и другие слова и классы.

Остановимся теперь кратко на фазовых проявлениях, наблюдаемых в классе речевых актов (РА).

Этот глагольный класс, ставший объектом многих лингвистических исследований (среди крупных работ необходимо указать прежде всего [Вежбицка 1987] и [Гловинская 1993]), представлен и в лексикографической информационной системе «Лексикограф» [Кустова, Падучева 1994], базирующейся на словнике [Зализняк 1978].

Фазовость, понимаемую прямо или метафорически, можно проследить на уровне актантной структуры, аспектуальных характеристик, приставочных и собственно лексических значений глаголов речевой деятельности. Соответственно из тех типов фазовых отношений, что были выделены ранее при сплошном просмотре словаря, применительно к классу РА мы отметим четыре; они представлены регулярно и достаточно массово в данном тематическом классе. Посмотрим, как эти отношения «работают» с речевыми глаголами.

1. Глаголы речи в некотором отношении близки к тем словам, которые имеют актанты исходной или конечной точки в пространстве. В самом деле, РА *исходит* от Говорящего (Агенса) и

направляется Адресату. Эти два естественных участника речевой ситуации могут интерпретироваться как ее своеобразные начальная и конечная точки (разумеется, взятые по определенной шкале), и вся речевая ситуация со всеми своими параметрами может рассматриваться как кортеж, включающий эти метафорические фазовые аргументы.

2. На аспектуальном уровне наблюдается два характерных варианта распределения ролей начала и конца между совершенным и несовершенным видом.

Вариант А. Если РА представляет собой действие, прототипически разворачивающееся во времени и имеющее продолжительность: *рассказать, изложить, отругать, уговорить* и др. (в том числе действие неоднородное, гетерогенное, предполагающее диалог, словесное сопротивление Адресата и т. п.), то его результат, выражаемый с помощью СВ, ассоциируется с 'концом' (имеется в виду конец ситуации говорения), а процессная развертка, которая выражается актуально-длительным значением НСВ, тяготеет к 'началу'. Т. о., у СВ и НСВ таких речевых действий наблюдаются стандартные видовые фазовые роли.

Вариант Б. Если же РА в прототипическом употреблении мыслится как моментальный (а таковых большинство): *сказать, приказать, обзавестись, извиниться* и т. п., то НСВ наст. врем. обычно обозначает перфектное состояние (см., напр., [Падучева 1996]) и фазовые роли видовых значений меняются местами: СВ соотносится с началом, а перфектный НСВ — с итогом, с некоторым сложившимся в результате совершения РА положением вещей. Так, смысл предложения *Иван сказал, что Р*, произнесенного в некоторый момент t_0 (в «начале»), в некоторый другой момент $t > t_0$ (в «конце») может быть выражен предложением *Иван говорит, что Р*.

Правда, в случае Б. подразумеваются фазы уже другой ситуации, не собственно ситуации говорения, как в случае с актуально-длительным значением НСВ, а ситуации более объемлющей и продолжительной: ее начало — сам момент совершения РА, а конец может быть двух типов. Он может быть определенным (по времени) — если ситуация, описанная при помощи РА, актуальна ограниченное время; так, высказывание *Иван обещал (обещает) приехать в пятницу* актуально, скорее всего, до пятницы, если обещание выполнено (если оно не выполнено, то актуальность может сохраняться некоторое, но ограниченное время и после). Конец может быть и неопределенным: *Иван сказал (говорит), что у России особый путь* — временной предел актуальности данного высказывания неясен.

В целом РА, совершаемые «с дальней целью» и направленные на совершение неких действий (говорящим либо адресатом), типа *обязаться, приказывать* и др., тяготеют к ограниченности перфектного состояния, а, скажем, информативные РА — ‘сообщения’ (типа *заявить, возвестить* и др.) — к неопределенности соответствующего интервала времени. Правда, эта тенденция не является жесткой и определенность/неопределенность ‘конца’ зависит от более детального содержания РА. Заметим, что и сам конкретный вид РА — это в существенной мере интерпретация его содержания: *сказал, что уволит* = пригрозил; *сказал, что Иван молодец* = похвалил; *сказал, чтобы Иван пришел* = позвал (пригласил) и т. п. На основе подобных интерпретаций содержания родового действия (*сказал/говорит*), собственно, и выстраивается формат толкований РА, см., напр., [Вежбицка, 1987].

Конечно, градация на моментальное vs длительное (и вытекающие из нее фазовые роли) касается прежде всего исходных употреблений РА (т. е. прототипов) и не закреплена за всеми контекстами. Так, возможно перфектное употребление и у процессных, «актуально-длительных» глаголов: *Он рассказывает (пишет, общается), что Р* (значит, когда-то рассказал), а актуально-длительное употребление возможно и у моментальных РА: *Что Петя делает? — Он там за Васю извиняется*. Соответственным образом в этих случаях выстраивается и фазовая соотносительность видовых значений.

Фазовые проявления РА могут быть довольно изощренными, распределенными весьма причудливо, например, когда глагол имеет форму расширительного настоящего: *Он все уговаривает меня перейти на другую работу* (но я пока не принял решения). В описываемой ситуации несколько ‘начал’ и ‘концов’. «Глобальным» началом может считаться начало первого из повторяющихся актов «уговаривания», причем каждый из таких актов имеет свои «локальные» начала и концы. Предварительное «глобальное» окончание — это акт выражения согласия адресатом; совсем уже полное глобальное окончание — переход на другую работу или отказ от этого. Само же настоящее время (*все уговаривает*), находясь в ‘середине’, все же, на наш взгляд, тяготеет к концу (мол, пора принимать решение).

3. Свою лепту в семантику глаголов речи вносит приставочное значение, которое зачастую является фазовым: *Отговорила роща золотая...* (С. А. Есенин). Вообще многие глаголы речи, особенно коренные славянские, этимологически отприставочны: *до|казать, при|казать, пере|сказать, у|говорить, при|говорить, под|говорить*

и т. д. В строгом смысле это уже не приставки; семантика лексемы отличается от *сказать* больше, чем на абстрактное общелексическое значение приставки. Но эти приставочные «следы» в той или иной мере наследуют смысловые компоненты, в т. ч. и фазовость исходных приставок. Например, у конатива *договориться 1* (с к.-л. сделать ч.-л.) с помощью морфа *до-* выражена идея 'конца' — достижения результата.

Интересна наблюдаемая у РА фазовая полисемия (более того, антонимия) приставок и их следов. Например, двояко поведение «чистой» приставки *за-* в предложениях *Ребенок заговорил в полтора года* (Н) и *Я вас совсем заговорил* (К). Ср. также неоднозначность приставочного следа *вы-* в примерах: *Как сердцу высказать себя?* (Ф. И. Тютчев), где *вы-* воспринимается скорее как начальное, креативное (высказать себя — т. е. найти либо породить вербальную форму), и *вы-* скорее конечное, связанное с идеей избавления от душевного груза: *Я все ему высказал*. (Данные случаи фазовой полисемии можно сопоставить с другими типами «квазиантонимической» полисемии, например отмеченными у слов *показаться* (было — не было), *мимо* (близко-далеко) в работе [Зализняк Анна 1996]).

Отприставочная фазовость может конкурировать с фазовой направленностью других составляющих значения: тот же глагол *договориться 1* — инициальный по своему лексическому значению, он как бы располагается в начале ситуации, в конце которой — действие, которое совершают по договоренности; с другой стороны, приставочный след «обеспечивает» конативность и тем самым итоговость данного глагола.

4. Тут уместно перейти к рассмотрению фазовой оппозиции «инициальность vs. реактивность» в классе РА, последней из рассматриваемых в данной работе. Признаки инициальности-реактивности можно выделить у значительного круга глаголов. Инициальные РА в исходных употреблении — это обычно полностью агентивные, целеполагающие действия, которые направлены на порождение некоторой новой ситуации — на диалог, на получение информации, на совершение адресатом некоторых действий, на изменение статуса пациенса и т. п.: *спросить о ч.-л.*, *благословить на ч.-л.*, *назвать (сына Петром)* и др. Реактивные РА, наоборот, совершаются, так сказать, в порядке отклика на ситуацию, возникшую к моменту речи: *ответить (на вопрос)*, *извиниться (за опоздание)* и др. Они имеют место как бы лишь наполовину по воле Агенса, а наполовину — в силу обстоятельств. Даже у нейтральных, казалось бы, чисто информационных РА *сказать*, со-

общить, известить в определенном ракурсе «проглядывает» инициальность — ведь наиболее общей целью прототипического *сказать Р Адресату* является каузация Говорящим ситуации 'Адресат знает Р' (и в нейтральной ситуации Говорящий информирует Адресата по своей инициативе). Правда, неконкретизированная инициальность легко гасится контекстом: *сказал в ответ*.

Пример относительно нейтрального по этой оппозиции глагола — глагол *выразиться*: *Как выразился известный политик, хотели как лучше, а получилось как всегда*. Этот глагол нейтрален по инициальности, но у него имеется другой фазовый, а именно креативный, текстопорождающий компонент значения [Семенова в печ.].

Разумеется, лексика данного класса многомерна, в т. ч. и по фазовости; так, в инициальном глаголе *благословить* есть и оттенок реактивности — ведь благословения, как правило, спрашивают, и, стало быть, в норме оно является ответом. Глагол *назвать* (дать имя) имеет валентность на мотивировку (*назвать в честь деда*); такой участник придает ситуации элемент реагирования. *Требуют*, как правило, то, чего нет в момент речи, и в этом смысле ситуация требования — тоже реакция на отсутствие. Фазово неоднозначен, например, глагол *жаловаться* (*на соседа*), похожий этим на глагол *бороться* (см. выше) — это одновременно и реакция на неприятную ситуацию, и стремление избавиться от нее (или наказать обидчика). Однако, при всей неоднозначности фазовых ассоциаций для конкретных глагольных лексем, на концептуальном уровне противопоставление инициального и реактивного налицо, и оно довольно массовое.

Это противопоставление в определенной мере отражается в толковательных формулах БД «Лексикограф». В экспозиционной (т. е. относящейся ко времени до момента речи) части толкования реактивного РА в общих чертах описывается (внешняя) ситуация, каузирующая этот акт. Напротив, экспозиция глагола, тяготеющего к инициальности, как правило, более «идеологична»; в ней довлеют пропозиции, описывающие эпистемическое и волитивное состояние Агенса (Агенса *сказал* / Р Адресату, потому что считал, что Адресат не знает Р, и хотел, чтобы Адресат знал Р), а прототипически иницируемая речевым действием ситуация — 'итог' (Агенса *приказал* → Адресат выполнил, Агенса *попросил* → Адресат, возможно, выполнил и т. п.) обычно отражается в импликатурах.

Конечно, указанными отношениями не исчерпываются фазовые свойства речевых глаголов; можно отметить и другие момен-

ты, например двойственную фазовость семантики отрицания у глаголов *отменить*, *отвергнуть*, *отказать* и т. п. (*отменить встречу* — конец намеченному плану встретиться и начало новой ситуации «встречи не будет») или фазовый ритуал в глаголах *поздороваться* — *попрощаться*.

В целом в лексической семантике отмечается значительное многообразие, метафоричность, неоднозначность и даже определенная противоречивость фазовых отношений, по природе своей тесно связанных с фундаментальными онтологическими и гносеологическими категориями, такими как время, пространство, часть-целое (проявляется при дроблении действительности), взаимодействие, информация, коммуникация.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1997 — *Апресян Ю. Д.* и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.
- Вежбицка 1987 — *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs. A semantic Dictionary. Sydney etc., 1987.
- Гловинская 1993 — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Евгеньева 1985 — Словарь русского языка / Ред. А. П. Евгеньева. В 4-х т. М., 1985.
- Зализняк 1978 — *Зализняк А. А.* Краткий русско-французский учебный словарь. Ок. 13500 слов. М., 1978.
- Зализняк Анна 1996 — *Зализняк Анна А.* О коммуникативной структуре многозначных слов // Коммуникативная организация высказывания. Тезисы конференции. М., 1996.
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кустова, Падучева 1994 — *Кустова Г. И., Падучева Е. В.* Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- Семенова в печ. — *Семенова С. Ю.* Порождение текста как выход из хаоса (в печати).

Н. Ф. СПИРИДОНОВА

ОТ НАЧАЛА К КОНЦУ:
СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПОСЛЕДНИЙ

— Почему ты не был на последнем партсобрании?

— Я не знал, что оно последнее.

Старый анекдот

Известно, что время является грамматической категорией глагола. В этом смысле глагольная лексема обязательно характеризует отношение описываемой ситуации Р к моменту речи (предшествование, одновременность, следование). Что же касается имени, прежде всего имени существительного, то его временные показатели устроены совершенно так же: они ориентируют событие, свойство и под. относительно некоторой временной точки. Так, «прошедшее время глагола и слово *бывший* свидетельствуют о том, что событие, обладание свойством и т. д. предшествовало точке отсчета» [Кронгауз 1989, 5]. Помимо прилагательного *бывший* такими «временными показателями» имени могут служить *прежний, былой, теперешний, будущий* и под., которые были подробно рассмотрены в [Булыгина, Шмелев 1997; Кронгауз 1989; Яковлева 1994].

Все перечисленные лексические единицы являются дейктическими элементами языка (см.: [Падучева 1996, 245]), поскольку идентифицируют объект через отношение к контексту речевого акта, а именно ориентированы относительно точки отсчета. Последняя может быть связана с моментом речи или с моментом, о котором идет речь: ср. *нынешний директор*, т. е. тот, кто является директором в данный момент (в том числе в момент речи). Однако некоторые слова допускают как бы двойную ориентацию — их семантика связана не с точкой отсчета, а с моментом, предшествующим ей или следующим за ней. Это верно для временных показателей типа *бывший X* и *прежний X* — они описывают объект, который обладал свойством, позволяющим ему называться *X*, в момент, предшествующий точке отсчета.

Это же противопоставление описано в [Кронгауз 1989], где все временные операторы разбиваются на два класса — индексы и вре-

менные модификаторы — в зависимости от участия в механизме установления временной точки отсчета. Так, слова типа *нынешний*, которые служат для установления такой точки, называются индексами, а *будущий* и под. указывают на временное смещение относительно уже установленной точки и относятся к классу временных модификаторов, см.: [там же, 9].

По-видимому, обе эти функции совмещает в себе слово *последний*, которое и составляет объект нашего анализа. Оно не просто задает шкалу с точкой отсчета в виде момента речи или положения говорящего. В сферу его действия попадает также оценка временного или пространственного отношения описываемой точки к началу координат.

Во многом мы будем опираться на результаты, полученные Н. Д. Арутюновой (см. [Арутюнова 1997]), однако нас в большей степени будет интересовать весь комплекс значений этого прилагательного, а также частные семантические эффекты его сочетаемости с разными классами имен существительных.

Общие замечания

Прежде всего *последний* описывает не единичный предмет, но мыслимый в ряду себе подобных, ср. невозможность сочетаний прилагательного с уникальными объектами типа *солнце*, *луна*. Другими словами, *последний* сочетается только с теми именами, чьи денотаты образуют ряд, последовательность.

Чаще всего этот ряд организуется во времени. Точкой отсчета на этой временной оси служит момент речи (о связи *последнего* с моментом 'Теперь' см. работу Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1997, 179]). В переносных употреблениях прилагательного эта последовательность объектов получает пространственные координаты и ориентирована от точки нахождения наблюдателя — говорящего. Таким образом, прилагательное *последний* задает шкалу для каждого имени объекта: одни упорядочиваются на ней по времени, другие — по удаленности от говорящего, третьи — по качественным характеристикам.

Временные употребления

Последний 1 — на данный момент

Обратимся к примерам: *Последнее крупное наводнение в Санкт-Петербурге было в 1924 году; Последнюю атаку отбили с трудом; Последняя ссора между ними случилась из-за сущего*

пустяка; *Последний* свой орден он получил за защиту Белого Дома в 1991 году. Ср. также: *последние* известия ('только что полученные'), *последний* номер газеты ('следующий номер еще не вышел') и *последнее* слово моды/техники ('«сказанное» недавно').

В каждом из примеров прилагательное описывает ряд X-ов, из которых один, а именно он характеризуется как *последний*, является ближайшим к моменту речи, т. е. последним на данный момент. Все эти употребления можно объединить следующим толкованием:

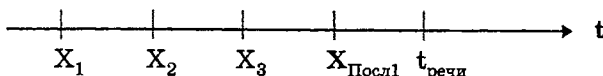
'X-ов уже было несколько' — презумпция

'этот X ближайший к моменту речи' — ассерция

'не исключается возможность дальнейшего повторения X-а'.

Это толкование можно изобразить графически.

Схема 1.

В этом значении прилагательное сочетается преимущественно с названиями повторяющихся событий (*ссора, арест, поражение*) либо с именами процессов, которые, будучи помещенными в план прошедшего времени, утрачивают в своем значении компонент длительности и мыслятся точно, например: *На последнем чемпионате Европы по легкой атлетике было установлено небывалое количество мировых рекордов; Последнее расследование показало всю несостоятельность наших финансовых органов*. Эта сочетаемость вполне естественна: многие явления нашей жизни повторяются с разной степенью периодичности. Так, Олимпийские игры проводятся раз в 4 года, семинар «Логический анализ языка» устраивается раз в месяц, а уроки в школе идут каждый день. Прилагательное *последний* формирует и поддерживает эту последовательность событий, соотнося ее с настоящим моментом.

Как правило, в предложении эксплицитно выражено только одно — заключительное — звено этой цепи событий, факт существования всех остальных звеньев скрыт в семантике прилагательного. Но оказывается, что *последний* может оперировать не только в пределах одного предложения, но также выходит на уровень более крупных синтаксических единиц (абзац, текст). Функция этого определения остается прежней: указать, который из ряда упомянутых ранее в тексте объектов, событий, явлений

и под. является ближайшим к «прочитываемому» моменту, и тем самым установить соответствие. Иначе говоря, *последний* выполняет роль анафорического местоимения, иногда заменяя собой одиночное существительное, а иногда и всю именную группу. Но при этом отсылка идет к определенному референту — упомянутому позднее других, т. е. тому, который находится ближе всего к концу предыдущего предложения (абзаца). Вот некоторые примеры:

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами...
(Пушкин) —

так начинается глава XI повести «Дубровский». *Последние происшествия* (а именно внезапное появление Дубровского в имении) — те, о которых было рассказано в конце главы VIII и о которых читатель только что узнал.

— *Однако ж, Пульхерия Александровна, — горячился в бешенстве Лужин, — вы связали меня данным словом, от которого теперь отрекаетесь... и наконец... наконец, я вовлечен был, так сказать, через то в издержки...*

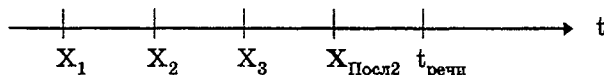
Эта последняя претензия до того была в характере Петра Петровича, что Раскольников... вдруг не выдержал и — расхохотался (Достоевский).

Под *последней претензией*, очевидно, понимаются (упомянутые П. П. Лужиным в последнюю очередь) денежные расходы, которые он вынужден был на себя взять для устройства своей свадьбы с Дуней и которые немедля превратились в «издержки» в момент, когда свадьба оказалась расстроеной.

Последний 2 — предыдущий

Рассмотрим другой случай, близкий предыдущему: пусть момент речи совпадает с последним событием ($t_{\text{речи}} = X_{\text{Посл1}}$). В этом случае последним будет X, ближайший к этой точке и находящийся до нее (слева на временной оси):

Схема 2.

Другими словами, *последний* отсылает к аналогичному предыдущему событию, и само прилагательное близко по значению к слову *предыдущий*. Обратимся к примерам: *На последнем семинаре/уроке/лекции мы говорили о строении атома* (разговор на

следующем занятии); *Вы опять не выучили слова, Вы же обещали мне на последней репетиции* (обращение режиссера к актеру на следующей репетиции); *В своем последнем письме я, кажется, писал Вам об этом* (напишет автор в своем следующем письме); *Со времени последней нашей встречи прошло два года* — так могут сказать друг другу встретившиеся вновь после долгого перерыва (либо в телефонном разговоре, что в данном случае синонимично личной встрече). Ср. также пример из «Преступления и наказания» Достоевского (сцена очередного свидания Раскольникова и Порфирия Петровича):

«Что же это он, за свою прежнюю казенщину принимается, что ли!» — с отвращением подумалось Раскольникову. Вся недавняя сцена последнего их свидания внезапно ему припомнилась, и тогдашнее чувство волною прихлынуло к его сердцу.

Итак, момент речи совпадает с некоторым процессом, аналогичным предыдущему, о котором идет речь (*заседание, собрание, съемка фильма, урок*), поэтому прилагательное *последний* достаточно свободно сочетается с названиями таких регулярно повторяющихся процессов.

Но оказывается, что в этом контексте могут употребляться и некоторые названия «сменных» должностей типа *директор, министр*¹. Этот класс интересен тем, что в разные моменты времени у данных существительных могут быть разные референты, которые сменяют друг друга по мере прохождения ими «жизненного цикла». При этом должность, например, президента существует постоянно и никогда не пустует², поэтому в сферу действия оператора *последний* попадает не сама должность, а референт соответствующего имени.

Действительно, из предложения *Мой последний шеф был очень порядочным человеком* следует тот факт, что у говорящего на момент речи другой шеф, нежели тот, о котором идет речь. Но если мы переведем предложение в план настоящего (*Мой последний шеф очень порядочный человек*), то *последний* автоматически «переключается» на человека, занимающего этот пост ныне. Почему? Ведь и та и другая «кандидатуры» начальника в равной степени являются ближайшими к говорящему.

¹ Этому и другим классам именной аспектуальной классификации посвящена работа [Рахилина 2000, 207].

² В исключительных случаях вместо президента назначается исполняющий его обязанности (так называемый и.о. президента).

По-видимому, основным показателем здесь служит все же время глагола. Если мы обратимся к схеме 2, то увидим, что $X_{\text{Посл2}}$ является точкой, расположенной левее момента речи, т. е. раньше момента наступления другого (следующего) события (который с моментом речи совпадает), а именно появления нового начальства. Употребление прошедшего времени предполагает смену референтов $X_{\text{Посл2}}$. В ситуации настоящего времени $X_{\text{Посл2}}$, который заступил на свой пост явно до момента речи, сохраняет эту позицию и в момент говорения. Смены начальства не произошло, поэтому в сочетании *последний шеф* прилагательное синонимично *нынешний*.

Последний 3 — абсолютный конец

Последний X обозначает такой объект ряда, за которым ничего не следует, т. е. не существует такого Y-а, подобного X-у, который значился бы в этом ряду следующим за X-ом: *последний курс института, последний луч солнца, последний день Помпеи, дочитать до последней страницы, остался последний кадр, последние зубы выпали, в последний раз повторяю, последнее слово подсудимого, последняя фаза луны; Последние динозавры вымерли миллионы лет назад; Последний русский профессор эмигрировал в Америку и т. д.*

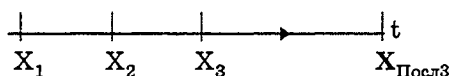
Таким образом, ряд объектов заканчивается X-ом, и X является его концом. Отсюда следует невозможность сочетания *последний* (в указанном значении) с названиями таких объектов, последовательность которых не имеет конца, ср., например: **наступил последний вторник, *закончился последний чемпионат* и пр. (см. также сноску 3).

Этот случай употребления прилагательного можно толковать следующим образом:

‘X-ов уже было несколько’ — презумпция

‘исключается возможность дальнейшего повторения X-а’ — ассерция.

Схема 3.

Отметим, что в любом случае этот ряд организуется во времени: X — последний в ряду каких-то объектов, и это значит, что после него (т. е. в будущем) не остается ни одного другого X-а. Действительно, если в доме погасло *последнее окно*, то не оста-

лось больше горящих окон, которые смогут погаснуть позже; если *последний автобус* уже ушел, то вряд ли удастся дожидаться следующего, более позднего по времени (разумеется, в пределах текущих суток³). В строчках Бродского

*Дворец пустеет. Гаснут этажи /
Один, другой и, наконец, последний —*

мы проинтерпретируем сочетание *последний этаж* не как 'самый верхний', а как 'погасший позже других'. На этой временной оси нет точек отсчета и любых других ориентиров, *последний* обозначает здесь абсолютный конец ряда.

Отступление

о сочетаемости *последнего* с названиями периодов времени

Как показала в своем исследовании Е. В. Рахилина (см.: [Рахилина 2000, 78]), контекст творительного падежа позволяет все названия отрезков времени разделить на два больших класса. В первый попадают единицы, обозначающие непрерывный и довольно длительный период времени (*год, век, час, неделя, месяц*), ко второму относятся дискретные отрезки времени (*момент, минута, ночь, вечер*), которые не складываются в единый длительный временной промежуток.

Интересным образом эта классификация оказывается релевантной и для сочетаемости названий временных периодов с прилагательным *последний*. Вроде бы все они свободно допускают такие сочетания: *наступил последний день нашего пребывания на острове, настал мой последний час, пошла последняя минута*, но все же можно обнаружить некоторые запреты.

Так, представители второго класса допускают употребление с прилагательным предлога *в*: *успел на поезд в последнюю минуту / в последний момент, успел дописать статью в последнюю ночь / *в последний час* (при возможном за последний час).

С другой стороны, сочетание «длящихся» промежутков времени с прилагательным *последний* обозначает период времени, непосредственно предшествующий теперешнему (ср. *последний 2*): *последний*

³ Последнее замечание весьма существенно. Ср.: Семинары Н.Д. Арутюновой *проходят каждую последнюю пятницу месяца*. Очевидно, что *последняя пятница месяца* не является абсолютно последней и будет повторена, но уже в другом месяце. Поэтому будем считать, что прилагательное относится к именной группе *пятница месяца* (определенного), в этом случае *последний* употребляется в своем третьем значении. Ср. также невозможность сочетания прилагательного в этом значении с именами непрерывно повторяющихся явлений **последний вторник*.

*год/месяц, она провела в очередях за лекарствами, последний час / *последний вечер он говорил по телефону (= 'в течение всего часа').* Ср. также излюбленное многими, но не соответствующее нормам русского языка **последнюю ночь я плохо спал / *в последнюю ночь я плохо спал*, поскольку глагол описывает длительную ситуацию, а обстоятельство времени обозначает точечный момент.

Подобные сочетания с именами первой группы (*последняя ночь, последний день*) требуют обязательного указания на ориентир, относительно которого этот момент является последним: *последняя ночь перед Рождеством, последний день каникул, последний вечер накануне отъезда*. Ср. аномалию *?последний час перед отъездом они провели за чашкой чая*, которая тут же снимается, как только мы опускаем обстоятельство времени.

Таким образом, эти группы имен противопоставлены не только по типу обозначаемого временного отрезка, но и по типу дейктических характеристик: *час, неделя, год*, в отличие от дискретных отрезков времени (*момент, вечер, минута*), ориентированы на текущий момент.

Метафора

Последний имеет достаточно широкую сочетаемость и за пределами предметной лексики. Рассмотрим примеры употреблений *последнего* с названиями веществ и некоторых человеческих качеств. Все они принадлежат к разряду неисчисляемых имен. Однако в контексте прилагательного *последний* происходит как бы деление соответствующих объектов на части или, точнее, порции «вещества», которые расходятся в единицу времени. Последняя порция — остаток, после использования которого веществу, продукту, чувству и т. п. приходит «конец» — они исчезают полностью: *последняя мука, последний табак; Последнее вино допили вчера; Последний кислород уже подходил к концу; Последнее золото добыли здесь еще в прошлом веке; из последних сил; потеть последнее терпение*.

В сочетании с именами событий человеческой жизни, выстроенных в хронологическом порядке, *последний* обозначает конец этой цепочки, а значит, и последнее событие перед смертью: *последняя воля* (предсмертная), *последняя любовь, последнее прощание* и *последние почести*, которые совершаются как часть похоронного обряда, *проводить в последний путь*⁴. Ср. также при-

⁴ Это значение прилагательного описано в [Арутюнова 1997] как 'вывод, итог, заключение'.

мер из «Доктора Живаго»: *Миша рассматривал небольшой набор уральских минералов в деревянном ящичке — последний подарок покойного*. Очевидно, денотат этой дескрипции завершает собой целый ряд приношений, сделанных дарителем еще при жизни. Этот подарок действительно оказался предсмертным — спустя некоторое время герой кончает жизнь самоубийством.

Что же касается названий свойств и человеческих состояний, то с оператором *последний* могут сочетаться лишь те, которые предполагают цепь качественных изменений, каждое из которых оценивается как промежуточная стадия. *Последний* в этом смысле обозначает 'окончательный', который не будет изменяться в дальнейшем:

Какая же будет ваша последняя цена? — сказал наконец Собакевич (Гоголь);

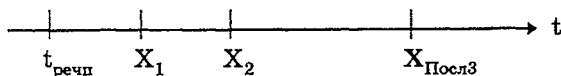
Опускаем весь тот процесс, посредством которого он дошел до последнего решения; мы и без того слишком забежали вперед... (Достоевский)⁵.

Ср. также несколько устаревшее употребление из Достоевского: *Мармеладов был в последней агонии* (т. е. в последней стадии).

Еще о временных употреблениях *последнего*

Во всех предыдущих схемах в фокус нашего внимания попадала временная ось до момента говорения, т. е. отсчет времени шел от прошлого к настоящему, а будущее оставалось как бы за кадром. Но при этом возможен и такой случай, когда начало координат совпадает с моментом речи, а временная ось направлена правее, т. е. в будущее. Хронология событий ведется от момента речи, поэтому самое последнее из них будет самым далеким, наступит через самый большой промежуток времени. Ср.:

Схема 4.

Разумеется, все случаи такого употребления должны относиться к плану будущего: *На последнем семинаре/уроке/лекции мы поговорим о строении атома. В последний день четверти у 5-х классов будет 3 урока.*

⁵ Прилагательное в этом примере может иметь и анафорическую интерпретацию (см. выше).

Пространственные употребления

О языковой и шире — онтологической связи концептов «время» и «пространство» существует множество литературы, см. прежде всего работу Е. С. Яковлевой [Яковлева 1994]: обе системы, временная и пространственная, дейктивны, т. е. ориентированы на говорящего; метафора 'пространство' → 'время' реализуется в великом множестве языковых примеров; многие временные показатели исконно служили пространственными обозначениями (например, латинская приставка *pro-*). Прилагательное *последний* (этимологически связанное со словом *след*) тоже стоит на стыке этих онтологических категорий, одновременно укладываясь в рамки временной и пространственной семантики.

Если временная шкала, на которой расположены объекты, направлена из прошлого в будущее, а говорящий занимает на ней место в соответствии с моментом речи, то пространственная упорядоченность объектов строится по принципу ближе/дальше от места нахождения говорящего. *Последний* задает такую последовательность, в которой начальный элемент — первый — расположен ближе всего к говорящему, а соответственно завершающий этот ряд объект находится на максимальном расстоянии от него — этот смысл и составляет семантику прилагательного.

Пространственные употребления прилагательного *последний* близки к значению 'абсолютного конца' (см. выше *последний* 3): *живет на последнем этаже* (= 'на самом верхнем', т. е. наиболее удаленном от точки отсчета), *стоял на последней ступеньке* — в зависимости от точки наблюдения либо самая верхняя, либо самая нижняя, но при этом максимально удаленная от говорящего.

Отметим, что расстояние между объектом и говорящим вычисляется не только по вертикали (как разница уровней). Оно может оцениваться как результат физического или умозрительного движения от начальной точки, где находится наблюдатель, вдаль: *сидеть за последней партией, последняя дверь направо, последний подъезд*. Приведем еще несколько примеров из литературы:

Дом, в котором жили Антиповы, находился в части города, противоположной пристани. Дом был последним на улице. За ним начиналось поле (Пастернак);

Ступайте туда, к письмоводителю, — сказал писец и ткнул вперед пальцем, показывая на самую последнюю комнату (Достоевский).

Как мы показали, вне зависимости от горизонтальной или вертикальной ориентации движения последний объект максимально удален от говорящего. Естественным образом, точка, наиболее

удаленная от говорящего, кажется ему самой маленькой и незаметной. Ср. употребление диминутивов в сочетании с *последний*:

Он перевертел все, до последней нитки и лоскутка, и, не доверяя себе, повторил осмотр раза три. Но не было ничего, кажется, никаких следов... (Достоевский);

Николай Иванович, видный в луне до последней пуговицы на серой жилетке, до последнего волоска в светлой бороде клинышком, вдруг усмехнулся дикой усмешкой, поднялся со скамейки... (Булгаков).

Метафора

Отметим и другие семантические следствия для прилагательного *последний*. Значительная удаленность говорящего от объекта не позволяет достигать (физически или умозрительно) объекта наблюдения за короткое время, до него добираются в самую последнюю (!) очередь. Отсюда следует, что подобный объект не представляет ценности для человека, является чем-то незначительным и даже плохим.

Важно, что эти смысловые компоненты никак не смешиваются в семантике прилагательного (как это делается, например, в МАС), и мы рассмотрим их отдельно.

Смысл 'незначительный' не несет никакой отрицательной оценки и указывает лишь на то, что на шкале значимости определяемый объект занимает крайнюю позицию со знаком минус. Такими объектами могут быть названия лиц по профессии, предполагающими строгую иерархию, а именно самые младшие чины: *самый последний матрос/чиновник знает, как угодить начальству* (ср. **самый последний генерал/председатель/маршал*).

Отрицательный компонент появляется в значении прилагательного в сочетании со словами оценочной семантики. Это могут быть либо названия «нехороших» людей: *последний трус / хам / невежа / болтун / *красавец / *добряк*, либо слова самого общего значения, способные принимать определения со знаком плюс и минус: *плакать — последнее дело, ругаться последними словами*. Ср. также несколько устаревшее:

...Ведь не вытерпела Катерина Ивановна: за неделю еще с хозяйкой, с Амалией Федоровной, последним образом (т.е. самым худшим. — Н.С.) перессорились, а тут на чашку кофею позвала (Достоевский).

Итак, в фокус прилагательного *последний* попадает расстояние, дистанция между определяемым объектом и точкой отсчета. Оно может быть минимальным, если шкала, на которой располо-

жены объекты, ориентирована по направлению к говорящему и он является ее символическим концом. Эта удаленность от говорящего может быть максимальной, если позиция наблюдателя совпадает с началом шкалы, а *последний* находится на противоположном ее конце. Наконец, прилагательное может обозначать абсолютный конец объекта, его ресурсов, жизни и прочих характеристик (не случайно именно это значение дает самую богатую метафору). Таким образом, *последний* предстает как временной оператор с достаточно общим, но при этом единственным значением, которое модифицируется в конкретных контекстных употреблениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1997 — Арутюнова Н.Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка: язык и время. М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация времени (Парадоксы темпоральной ориентации) // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Кронгауз 1989 — Кронгауз М.А. Время как семантическая характеристика имени // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
- Падучева 1996 — Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Рахилина 2000 — Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Яковлева 1994 — Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

А. Д. ШМЕЛЕВ

ИЗ ПУНКТА А В ПУНКТ В

Предварительные замечания

В основу данной статьи положены никогда не публиковавшиеся (если не считать краткой заметки [Шмелев 1988]) результаты, полученные в рамках дипломной работы автора, выполненной в 1979 г. Работа называлась «Семантическое взаимодействие глаголов движения с обстоятельствами места и времени» и была посвящена описанию сочетаемости глаголов движения с пространственными ориентирами и темпоральными конкретизаторами. Многие из того, на что тогда было затрачено более всего усилий (в первую очередь — поиск способов формального представления обнаруженных закономерностей), сейчас, по-видимому, утратило почти всякий интерес. Однако некоторые из сделанных в той работе наблюдений, как кажется, соответствуют проблематике, которая уже в течение некоторого времени обсуждается на конференциях по «Логическому анализу языка». Это касается классификации темпоральных конкретизаторов (тема «Язык и время»), типологии пространственных ориентиров (тема «Языки пространств») и описания способов перемещения, как они представлены в русском языке (тема «Языки динамического мира»). Но, пожалуй, еще в большей степени вопросы, затронутые в той давней работе, связаны с проблематикой начала и конца. Ведь перемещение состоит в том, что в некоторый момент, когда перемещение начинается, объект находится в одном месте («начальной точке»), а в некоторый более поздний момент, когда перемещение заканчивается, он находится в некотором другом месте («конечной точке»). Иными словами, любое перемещение — это перемещение «откуда-то» «куда-то»: оно образуется переходом из исходного пункта в пространстве (в котором объект находился в начальный момент времени) в конечный пункт (в который объект попадает в конечный момент времени).

Однако концептуализация «начальной» и «конечной» точки перемещения оказывается неодинаковой при разных типах перемещения. Выяснению того, как концептуализуется исходный и конечный пункт перемещения в русском языке, и посвящена настоящая заметка¹.

¹ За время, прошедшее с 1979 г., был опубликован ряд работ, посвященных смежным проблемам. В первую очередь можно упомянуть диссертацию Людми-

Основные понятия

Ключевым для последующего изложения является понятие коммуникативно обязательной валентности. Валентность считается коммуникативно обязательной, если она непременно должна быть заполнена при всяком употреблении соответствующей единицы — либо эксплицитно, либо ее заполнение должно выводиться из контекста или ситуации². Так, глагол *приехать* имеет семантические валентности, соответствующие вопросам «кто?», «откуда?», «куда?» и «на чем?»; при этом валентности «кто?» и «куда?» являются коммуникативно обязательными (сказав: *Петя приехал*, — можно ответить «не знаю» на вопрос «откуда?», но не на вопрос «куда?»).

Важно отметить, что понятие коммуникативно обязательной валентности не совпадает ни с понятием семантически обязательной валентности, ни с понятием синтаксически обязательной валентности, используемыми в работах представителей Московской семантической школы. Так, все упомянутые выше четыре валентности глагола *приехать* являются семантически обязательными — в том смысле, что, не обращаясь к ним, едва ли возможно истолковать этот глагол. С другой стороны, синтаксически обязательной является лишь валентность «кто?», поскольку лишь при ее внешней невыраженности соответствующее предложение оказывается синтаксически неполным. Мы видим, что список коммуникативно обязательных валентностей («кто?» и «куда?») этого глагола не совпадает ни со списком его семантически обязательных валентностей (включающим по меньшей мере валентности «кто?», «откуда?», «куда?» и «на чем?»), ни со списком син-

лы Ферм [1990], посвященную сочетаемости приставочных глаголов движения с предложно-падежными конструкциями со значением направления, а также ряд статей Е. В. Рахилиной и Т. А. Майсак [Рахилина 1998; Майсак 1999; Майсак, Рахилина 1999]. Однако, как кажется, несмотря на некоторые переклички, основные идеи, высказанные в упомянутых работах, не дублируют и не опровергают выводов, которые делаются в настоящей заметке.

² Понятие коммуникативно обязательной валентности близко понятию облигаторного дополнения, используемого в работах представителей Пражской школы функциональной грамматики (чтобы подчеркнуть эту близость, в работе [Шмелев 1998] использовался термин «облигаторная валентность»). Ср. метод диалогового типа, описанный Я. Паневовай, которая предлагает использовать следующий тест на облигаторность дополнения: «If A uses a sentence and B asks him a wh-question concerning the participant P, A's answer might be *I don't know* (without disturbing the dialogue) if and only if the participant P is not semantically obligatory in S» [Panevová 1978, 229].

таксически обязательных валентностей (состоящим всего из одного элемента — «кто?»).

Именно коммуникативно обязательные валентности определяют коммуникативную ориентацию используемого в высказывании глагола движения. В частности, выделяются глаголы, имеющие коммуникативно обязательную валентность, соответствующую исходному пункту движения («откуда?»), и глаголы, имеющие коммуникативно обязательную валентность, соответствующую конечному пункту движения («куда?»)³. При этом особый интерес представляют случаи, когда наличие коммуникативно обязательной валентности определяется приставкой, посредством которой образован глагол движения. Рассмотрев приставочные словообразовательные типы, задающие коммуникативно обязательную валентность «откуда?» (аблативные модели), и приставочные словообразовательные типы, задающие коммуникативно обязательную валентность «куда?» (аллативные модели)⁴, мы можем установить, какие типы начальных и конечных пунктов перемещения язык счел достаточно значимыми для того, чтобы иметь для них специальные словообразовательные модели (основное внимание будет уделено глаголам, мотивированным бесприставочными глаголами движения, т. е. тем, в которых значение движения и указание на способ перемещения задается производящим глаголом).

³ Так, В. Беранова (см.: [Beranová 1978]), проанализировав ряд современных текстов (всего около 350 стр.) и рассмотрев все случаи употребления в них глаголов *вернуться, войти, выйти, подойти, попасть, прийти, пройти и уйти* в связи с предшествующим контекстом, пришла к выводу, что среди них есть как глаголы с облигаторным дополнением «откуда?» (напр., *уйти*), так и глаголы с облигаторным дополнением «куда?» (напр., *вернуться, войти, подойти, попасть, прийти*).

⁴ Термины «аблативные» и «аллативные» глаголы движения используются в работе [Ферм 1990]. Иногда говорят также о глаголах, ориентированных на исходный пункт, и глаголах, ориентированных на пункт назначения (ср. [Fillmore 1966]), или о глаголах отправления и глаголах прибытия (ср., напр., [Майсак, Рахилина 1999]). Не вдаваясь в детали того, как соотносится содержание этих терминов в упомянутых работах, отметим, что при наиболее естественном понимании обозначения «пункт назначения» и «пункт прибытия» — это не одно и то же. Так, в предложении *Автомобиль выехал из гаража на улицу* валентность «куда?» скорее соответствует «пункту прибытия», а в предложении *Петя выехал из Москвы в Петербург* — «пункту назначения». Именно так термины «пункт назначения» и «пункт прибытия» используются в настоящей заметке: если при заполненной валентности «куда?» и глаголе в форме сов. вида предполагается достижение конечного пункта, то валентность «куда?» соответствует «пункту прибытия»; в противном случае она соответствует «пункту назначения».

Аблативные модели (коммуникативно обязательная валентность «откуда?»)

Съехать <с горы>, сойти, слезть и др.

Глаголы этой модели могут быть использованы в тех случаях, когда исходный пункт концептуализуется как расположенный поверх чего-либо: *съехать, скатиться с горы; сойти с пьедестала; слезть с дерева; свести ребенка с третьего этажа; Одеяло сползло на пол.* Движение, обозначаемое этими глаголами, как правило, направлено вниз: если говорят, что кто-то *слез по лестнице с крыши*, мы можем представить себе пожарную лестницу или стремянку, по которой человек может спускаться на землю, но не веревочную лестницу, спущенную с вертолета (по которой человек поднимался бы). Впрочем, в некоторых случаях глаголы данной модели могут указывать и на горизонтальное движение (*Машина съехала [с дороги] на обочину*).

Факультативная валентность «куда?» соответствует здесь «пункту прибытия». Переориентация относительно исходного пункта понимается как осуществляемая постепенно — поэтому имперфективные корреляты глаголов данной модели могут иметь процессное значение (*осторожно ступая, сходил на землю; медленно слезает с дерева*).

Развитием модели является описание ситуаций, когда в фокус внимания попадает не столько перемещение как таковое, сколько удаление объекта с места, на котором он должен находиться: *сойти с дистанции; стащить <с кого-л.> одеяло; Стой и не сходи с места; У него [с головы] слетела шляпа.* В этом случае указание на конечный пункт перемещения оказывается нерелевантным, так что валентность «куда?» подавляется.

Отъехать, отойти, отползти

Глаголы данной модели указывают на перемещение от исходного пункта на некоторое расстояние; сам исходный пункт при этом концептуализуется как некий ориентир, точка отсчета, от которой расстояние измеряется. У глаголов данной модели наряду с валентностью «куда?» (*отошел в угол, в сторонку*) имеется факультативная валентность, соответствующая расстоянию, на которое объект удаляется от ориентира (*отъехать от города на двадцать пять километров; отполз на несколько шагов*); при этом, как правило, невозможна одновременная реализация обеих указанных валентностей.

Имперфективные корреляты глаголов данной модели также могут иметь процессное значение (*медленно отползал в сторону*).

Иными словами, переориентация относительно исходного пункта и здесь понимается как осуществляемая постепенно. Разумеется, по общему правилу о несовместимости процессного значения и количественной определенности (**пил два стакана молока*) употребление глагола в процессном значении невозможно при наличии количественного определителя, отвечающего на вопрос «на какое расстояние?».

От глаголов данного класса следует отличать глаголы *отвезти*, *отвести*, *отнести*, означающие 'доставить' (*отвезти вещи на дачу*, *отнести статью редактору*; ср. *отвел ребенка подальше от открытого люка* vs. *отвел ребенка в детский сад*). Для них невозможно эксплицитное заполнение валентности «откуда?» и синтаксически обязательной является валентность «куда?».

Уехать

Для глаголов данной модели исходный пункт концептуализуется как некоторая область, за пределы которой удаляется объект, становясь тем самым недостижимым: *уйти из дома*; *уехать [из СССР] в Израиль*. О человеке, отсутствующем на рабочем месте, можно сказать *Он ушел* и *Он вышел* — во втором случае предполагается, что он скоро придет, тогда как в первом едва ли есть надежда его дожидаться (ср. характерную надпись советского времени *Ушла на базу*).

Некоторые глаголы данного класса (в первую очередь *уйти* и *убежать*) имеют другое, близкое значение (также предполагающее удаление за пределы области досягаемости), в котором вместо валентности «откуда?» имеется валентность «от кого/чего?»: *убежать от преследователей*; *уйти от греха подальше*; *Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, <...> от тебя, волк, и подавно уйду*; *Женищина плачет: муж ушел [от нее] к другой* (Б. Окуджава)⁵. Ср. различное понимание конструкции *уйти от Марьи Ивановны* в высказываниях *Она ушла от Марьи Ивановны* («откуда?») и *Одиннадцатом часу* и *От Марьи Ивановны* («от кого?») *ушел муж*. Как это часто бывает при полисемии, возможно и диффузное употребление — ср. глаголы *уезжать* и *улетать* в «Песне исхода» А. Галича:

⁵ При этом валентность «от кого/чего?» может получать эксплицитное заполнение, если речь идет о намеренном удалении за пределы досягаемости; в противном случае возможно лишь имплицитное заполнение валентности. Так, в песне Б. Окуджавы «Голубой шарик» говорится: *Девочка плачет: шарик улетел*; но едва ли можно было бы сказать *Шарик улетел от девочки*.

Уезжаете?! Уезжайте [из СССР, т. е. откуда?] —
За таможи и облака.

<...>

Уезжаете [из СССР]?! Воля ваша!

<...>

И от этих усатых шатий,

От анкет и ночных тревог [от чего?]

Уезжаете?! Уезжайте,

Улетайте [из СССР] — и дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде

От вразправдашних мерзлых зон [от чего?].

Ср. также: *Не прощаясь с вами, уползаю вдаль* (С. Николаев) — «отсюда» или «от вас»?

Валентность «куда?» у глаголов данного класса соответствует «пункту назначения». Иными словами, выйдя за пределы области досягаемости, соответствующей исходному пункту, объект еще не попадает в конечный пункт. Отсюда возможная неоднозначность: высказывание *Он уехал в Хельсинки на три дня* может означать как то, что субъект будет отсутствовать в исходном пункте три дня, так и то, что он пробудет в Хельсинки три дня (а в исходном пункте, вероятно, будет отсутствовать несколько дольше) — конкретизатор «намеченного срока» может относиться как к коммуникативно обязательному исходному пункту (заполненному конситуативно), так и к «пункту назначения» (заполненному эксплицитно). Ср. высказывания *Он уехал из Москвы на три дня* и *Он поехал в Хельсинки на три дня*. В первом не заполнена валентность «пункта назначения», так что временной конкретизатор может относиться только к исходному пункту — высказывание означает, что субъект будет отсутствовать в Москве три дня, а сколько он пробудет в пункте назначения, остается неизвестным. Во втором высказывании не заполнена валентность исходного пункта и временной конкретизатор может относиться только к «пункту назначения», так что ясно, что субъект планирует побыть в Хельсинки три дня.

Для имперфективных коррелятов глаголов рассматриваемого класса возможность употребления в процессном значении затруднена. Это не случайно. Дело в том, что в основе концептуализации перемещения, задаваемой этими глаголами, лежит мысленное соположение двух ситуаций: исходной, когда объект находится в области досягаемости, и последующей, когда можно констатировать, что он вышел за ее пределы, и тем самым мы имеем дело с событием, а не с процессом. Однако, вводя фигуру наблюдателя,

все же можно сконструировать предложения, в которых имперфективный глагол движения с приставкой *у-* понимался бы в процессном значении, напр.: *Он уходил все дальше и дальше; Она смотрела, как шарик медленно улетал вдаль.*

Стоит упомянуть также глаголы *увести, угнать, утащить* в значении 'украсть'. У этих глаголов есть валентности «откуда?» и «у кого?», но ни та, ни другая валентность не является коммуникативно обязательной, и потому эти глаголы (в указанном значении) не принадлежат рассматриваемому классу.

Являются ли аблативными глаголы типа выехать?

Глаголы с приставкой *вы-* (типа *выехать*) составляют отдельную проблему. Для этих глаголов вполне возможны употребления, в которых валентность «откуда?» не заполняется ни синтаксически, ни конситуативно, напр.: *Можешь выйти на площадь / В тот назначенный час?* (А. Галич). Поэтому безоговорочное отнесение этих глаголов к классу аблативных едва ли возможно⁶.

Существуют различные подходы к описанию структуры валентностей этих глаголов. Один из них состоит в том, чтобы выделять у таких глаголов по два значения, для одного из которых коммуникативно обязательной оказывается валентность «откуда?», а для другого — «куда?». Такой подход принят, напр., в работе [Beranová 1978] для глагола *выйти*. Но помимо трудностей, связанных с разграничением данных значений в случаях, когда заполненной (эксплицитно или конситуативно) оказывается как валентность «откуда?», так и валентность «куда?»⁷, обнаруживается, что в ряде случаев обе валентности оказываются незаполненными, ср.: *Я с теми, кто вышел строить и мечь* (Маяковский); *Вышел зайчик погулять*. Тем самым, если мы не хотим выделять у рассматриваемых глаголов еще и третье значение, мы вынуждены отказаться от последовательного разграничения двух указанных выше значений, сведя их к одному и признав, что у данных глаголов вообще нет коммуникативно обязательных ва-

⁶ Более того, в ряде случаев они очевидным образом сближаются с аллативными глаголами. Так, в примере *Сраженье приняло пробоину / И выкатилось на равнину, / Как входит море в край застроенный, / С разбега проломив плотину* (Пастернак) показательна сопоставленность глаголов *выкатиться* и *входить*.

⁷ Разграничение указанных двух значений, проводимое большинством толковых словарей русского языка, критикуется с точки зрения «принципа совместности» Ю. Д. Апресяном [1967, 109–110]. Трудности такого рода отмечает и В. Беранова, указывающая, что в ряде случаев анализ оказывается не вполне ясным [Beranová 1978, 258].

лентностей (разумеется, кроме валентности субъекта, а также валентности объекта для глаголов каузируемого движения).

Общая идея движения, описываемого глаголами данного класса, состоит в том, что объект перемещается из более закрытого пространства в более открытое⁸. Речь может идти о том, что конечный пункт в принципе более доступен наблюдению (как у Блока: *Выхожу я в путь, открытый взорам*), доступен взгляду наблюдателя (*Из-за угла выехал автомобиль*), сам позволяет лучше видеть (*вывести* <заблудившегося человека> *на правильный путь*), или же о том, что исходный пункт концептуализуется как замкнутое пространство, за пределы которого перемещается объект (при том, что с объективно-материальной точки зрения конечный пункт может быть еще более закрытым, ср.: *вышел из комнаты в коридор*).

Валентность «куда?» у глаголов данного класса соответствует «пункту прибытия»: покинув более закрытое пространство, объект тем самым оказывается в более открытом. Перемещение из более закрытого пространства в более открытое может совершаться постепенно, и, соответственно, имперфективные корреляты глаголов данного класса способны к процессному употреблению, ср.: *Из мертвой главы гробовая змия / Шипя между тем выполняла* (Пушкин).

Аллативные модели

(коммуникативно обязательная валентность «куда?»)

Въехать, подъехать, приехать

Глаголы типа *въехать* могут быть использованы в тех случаях, когда конечный пункт концептуализуется как закрытое пространство: *войти и ввести ребенка в комнату; влезть под стол; Автомобиль въехал [с улицы] во двор*. Для их имперфективных коррелятов возможно процессное употребление: *Автомобиль медленно въезжал во двор*.

От данной модели следует отличать группу глаголов с приставкой *в-* (*вбежать, везти, ввести, вкатить(ся), влезть, вползти, втащить(ся), въехать*), указывающих на движение вверх (*влезть на гору*), т. е. на то, что конечный пункт перемещения находится выше, чем исходный пункт. Эти глаголы используются вместо своих

⁸ Ср. формулировку Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995, 494]: «А вышел из В в С = 'существо А, идя, переместилось из замкнутого пространства В в более открытое пространство С'».

малоупотребительных аналогов, образованных при помощи приставки *вз-*. В тех же случаях, когда глагол с приставкой *вз-* употребителен, соответствующий глагол с приставкой *в-* не используется в значении движения вверх: *взойти* (не **войти*) *на гору*; *взлететь* (не **влететь*) *под потолок*; *всплыть* (не **вплыть*) *на поверхность*.

Глаголы типа *подъехать* используются в тех случаях, когда конечный пункт концептуализуется как некий ориентир, к которому приближается объект: *подойти к доске объявлений*; *подвести к зеркалу Федю Баратова*; *Мы подъезжаем к конечной станции*. У глаголов данной группы не выражается валентность «откуда?» и имеется дополнительная факультативная валентность «на какое расстояние?» (*подойти* <к чему-л.> *вплотную*; *подъехать на расстояние 3 км*). Для имперфективных коррелятов этих глаголов возможно процессное употребление: *Он подходил все ближе и ближе*.

Глаголы типа *приехать* являются максимально нейтральными аллативными глаголами. Они указывают на то, что объект переместился в конечный пункт, и могут использоваться безотносительно к тому, каков этот конечный пункт. По существу речь идет о контрасте между двумя ситуациями: предшествующей, когда объект еще не прибыл в пункт назначения, и последующей, когда он туда уже прибыл. Для этих глаголов нередко реализуется факультативная валентность исходного пункта (*приехал из другого города*), подчеркивающая контраст между пребыванием в исходном и конечном пункте.

Как известно, процессное употребление для имперфективных коррелятов глаголов данной модели абсолютно исключено, и это не случайно. Яркий событийный компонент, в основе которого лежит контраст между двумя ситуациями, не позволяет мыслить переход от одной ситуации к другой как длящийся во времени.

Заехать

Для глаголов движения с приставкой *за-* конечный пункт может концептуализоваться различным образом.

Во-первых, он может мыслиться как находящийся по другую сторону некоторого препятствия, отделяющего его от исходного пункта: *заплыть за ограничительную линию*; *Шарик закатился за шкаф*; *Телега заехала за угол*. Для указания на конечный пункт такого рода используется предложно-падежная конструкция *за* + вин. пад.

Во-вторых, он может мыслиться как находящийся в некотором труднодоступном месте, откуда может быть нелегко *выбраться* или извлечь объект: *залезть под стол, на дерево*; *Мы заехали в*

незнакомое место; Шарик закатился под шкаф; «Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал. / «Туда, куда нужно!» — Сусанин сказал (Рылеев). Для каузативных глаголов речь может идти и о том, что само перемещение осуществляется с трудом, требует усилий (*загнуть овец в сарай, занести мебель в квартиру, за-тащить доски в чулан*).

В-третьих, речь может идти об окказиональном конечном пункте, куда объект попадает в известном смысле случайно: *заехать по дороге; В комнату залетела птица, муха, заползла змея; Шел мимо — дай, думаю, зайду*. Специфика этого понимания хорошо видна из следующего сопоставления: *Приходите к нам (завтра вечером)* — приглашение, обязывающее гостей, если они его приняли, прийти в назначенное время, а хозяев подготовиться к приему; *Заходите к нам (как-нибудь)* — ни к чему не обязывает ни гостей, ни хозяев⁹.

Впрочем, границы между первыми двумя типами концептуализации несколько условны. Скажем, в высказывании *Шарик закатился за шкаф* конечный пункт можно понимать не только как находящийся по другую сторону некоторого препятствия, но и как труднодоступное место, откуда шарик трудно извлечь (по аналогии с *Шарик закатился под шкаф*).

При любом понимании глаголы движения с приставкой *за-* не предполагают упоминания исходного пункта. Процессное значение естественным образом возникает у имперфективных коррелятов каузативов, указывающих на то, что перемещение требует усилий (*долго и мучительно затаскивали мебель в квартиру; Пока он загонял овец в сарай...*), и не исключено для имперфективных коррелятов глаголов, указывающих на перемещение по другую сторону препятствия или попадание в труднодоступное место (*Шарик медленно закатывался за/под шкаф*). Однако оно невозможно для имперфективных коррелятов глаголов, содержащих интерпретационный компонент ('трудно выбраться', 'случайно попал'), оценивающий перемещение уже после того, как оно произошло.

Можно ли считать аллативными глаголы типа *доехать*?

Может возникнуть мысль, что к аллативным глаголам перемещения следует причислить и глаголы типа *доехать* <до че-

⁹ Подробнее этот тип употребления глаголов движения с приставкой *за-* анализируется в нашей совместной (пока не опубликованной) работе с Анной А. Зализняк, посвященной русской языковой картине мира, рассматриваемой через призму семантики префиксов.

го-л.>. Однако они отличаются от собственно аллативных глаголов по целому ряду параметров.

Прежде всего можно заметить, что эти глаголы имеют не валентность «куда?», а валентность «докуда?» (говорят не *куда доехал?*, а *докуда* или *до чего доехал?*). Она заполняется только именными группами с предлогом *до*, которые не способны заполнять валентность «куда?» у других глаголов, даже у бесприставочных (все прочие способы заполнения валентности «куда?», возможные для приставочных глаголов, оказываются возможными и для бесприставочных)¹⁰.

Структура значения глаголов данного класса совсем иная, нежели у аллативных глаголов: они включают пресуппозицию, состоящую в том, что имело место движение соответствующего типа (иными словами, *Х доехал* <до чего-л.> содержит пресуппозицию *Х ехал*). Поэтому семантический эффект при их сочетании с отрицанием не такой, как у аллативных глаголов. Если сочетание отрицания с аллативным глаголом совершенного вида сообщает, что объект не переместился в конечный пункт, но ничего не сообщает о том, имело ли место вообще соответствующее движение (если говорится *Х не приехал*, может остаться неясным, *поехал* ли *Х*), то сочетание отрицания с глаголом рассматриваемого класса сохраняет, как и положено, пресуппозицию 'имело место движение соответствующего типа' (если говорится *Х не доехал*, это означает, что *Х ехал*). Поскольку в ассертивном компоненте глаголов данного класса не содержится указание на перемещение, неудивительно, что у них нет валентности, заполняемой исходным пунктом движения¹¹.

¹⁰ Не являются контрпримерами высказывания типа *Вы едете до ближайшего перекрестка и там поворачиваете направо*. В них бесприставочный глагол выступает в качестве «незаконного» субститута приставочного глагола, и более аккуратный *modus dicendi* должен был бы звучать *Вы доезжаете до ближайшего перекрестка и там поворачиваете направо* (о «незаконных» субститутах см. [Зализняк, Шмелев 2000, 50–51; 2001]). Правда, возможны употребления типа *Вы едете* [*≈* 'планируете доехать'] *до Ниццы?* — *Нет, только до Генуи* (пример указан Анной А. Зализняк).

¹¹ Сказанному не противоречит возможность вопросов типа *Как доехать до Теплового Стана из центра?* Дело в том, что в такого рода высказываниях мы фактически имеем дело с контаминацией двух конструкций: приведенный вопрос сводим к вопросу *Как доехать до Теплового Стана, если ехать из центра?* Такое совмещение возможно, в частности, потому, что компонент 'ехать' входит в семантическое представление глагола *доехать* в качестве составной части пресуппозитивного компонента — 'некто едет (в Теплый Стан из Центра)'. Показательно, что в таких вопросах может появляться и валентность «куда?» (вместо

Все названные особенности набора валентностей глаголов рассматриваемого класса объясняют специфику их грамматического и, в частности, аспектуального поведения: их имперфективные корреляты не способны иметь актуально-длительного (**сейчас он доезжает до...*) и вообще процессного значения (**три дня доезжал до...*). Действительно, эти глаголы могут быть употреблены только *post factum*, когда пункт, соответствующий валентности «докуда?», уже достигнут. Названное свойство сближает рассматриваемые глаголы с глаголами, образованными при помощи приставки *при-*; однако, в отличие от глаголов с *при-*, для глаголов с *до-* возможно сочетание с темпоральным конкретизатором, включающим предлог *за-* (можно сказать *доехал за три дня*, имея в виду 'ехал три дня и к концу третьего дня доехал').

Заключительные замечания

Итак, приставочные глаголы движения, задающие особый способ концептуализации начального или конечного пункта перемещения, как правило, предусматривают соответствующую коммуникативно обязательную валентность. Это и понятно. Говорить об особенностях концептуализации начального или конечного пункта перемещения есть основания только в том случае, если этот начальный или конечный пункт каким-то образом представлен в коммуникативной ситуации¹². Лишь кажущееся исключение из указанной закономерности составляют глаголы, образованные посредством приставки *вы-*. Отсутствие у них как коммуникативно обязательной валентности «куда?», так и коммуникативно обязательной валентности «откуда?» связано с тем, что они задают особый способ концептуализации не для начального или конечного пункта перемещения как такового, а для их соотношения: начальный пункт мыслится как более закрытый по сравнению с конечным пунктом.

«законной» валентности «достигаемого пункта», заполняемой посредством именной группы с предлогом *до*). Так, можно спросить *Как к вам доехать из центра?*, используя валентности, «наследуемые» от пресуппозиции 'некто к вам едет из Центра' (ср. также *За сколько времени можно доехать от меня до тебя?*).

¹² Это соответствует общей интуиции, сформулированной А. Голдберг в докладе, посвященном реализации аргументов глагола, на 2-й ежегодной конференции Славянской когнитивной лингвистической ассоциации в октябре 2001 г.: «The participants that are highly relevant to a verb's meaning are likely to be the ones that are relevant or important to the discourse, since this particular verb was chosen from among alternatives».

Важно отметить, что указание на соответствующий способ концептуализации содержится именно в приставочном глаголе, образованном по определенной модели. Так, в цитированном выше вопросе *Куда ты завел нас?*, обращенном к Ивану Сусанину, смысл 'место, из которого трудно выбраться' задается не вопросительным словом *куда*, а глаголом *завести*; в вопросе *Куда ты нас привел?*, возможно, также звучало бы недовольство, но идея 'трудно выбраться' в нем бы не содержалась¹³.

В целом мы видим, что в сфере коммуникативно обязательных валентностей русских приставочных глаголов исходный пункт движения представлен существенно менее разнообразно, нежели конечный пункт. Выделяются всего три типа исходных пунктов, задающих коммуникативно обязательные валентности: поверхность, ориентир для измерения расстояния, область досягаемости. Разнообразных конечных пунктов существенно больше: закрытое пространство, ориентир для приближения, место по другую сторону препятствия, труднодоступное место, окказиональный конечный пункт и, наконец (для глаголов с приставкой *при-*), обобщенно понимаемый конечный пункт.

Как кажется, приведенные данные подтверждают высказанную Т. А. Майсаком [1999] (со ссылкой на [Ферм 1990, 53–55]) мысль о том, что в русском языке проявляется асимметрия начальной и конечной точек движения, причем конечная точка оказывается коммуникативно более значимой.

* * *

Я пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность Анне А. Зализняк, с которой мне посчастливилось обсуждать семантику ряда русских приставочных словообразовательных моделей глаголов движения. Эти обсуждения не только доставляли мне подлинное наслаждение, но и были чрезвычайно поучительны.

¹³ Показательно полностью различное понимание близких по смыслу выражений *туда*, *куда нужно* в диалоге «старого ляха» с Сусаниным (*Куда ты завел нас? — Туда, куда нужно*) и *куда надо* в высказывании Михаила Горбачева (в передаче газеты «Известия», 2001, 1 октября): *Я думаю, с Путиным у нас есть шанс реализовать страну. За год с небольшим он сделал то, чего не смог сделать я. Он и выведет Россию куда надо*. Ясно, что это различие обусловлено различными свойствами глаголов *завести* и *вывести*. Ср. также советское выражение *отвести куда следует* (имеются в виду органы госбезопасности) — глагол *отвести* в значении 'доставить', как и другие глаголы этой модели, подчеркивает несамостоятельность объекта, каузируемого быть доставленным в пункт назначения.

Я также благодарен всем принявшим участие в дискуссии по поводу моего доклада на конференции по Логическому анализу языка в июне 2000 г., в первую очередь — Е. В. Рахилиной и Т. Ройтеру. В результате этой дискуссии оказалось возможно уточнить формулировки более чем двадцатилетней давности.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк, Шмелев 2001 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Типы видовой связи // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001.
- Майсак 1999 — *Майсак Т. А.* Асимметрия валентностей у глаголов движения: «русский вариант» // Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Таруса, 1999.
- Майсак, Рахилина 1999 — *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Рахилина 1998 — *Рахилина Е. В.* ИДТИ или ПРИХОДИТЬ? // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1998.
- Ферм 1990 — *Ферм Л.* Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Acta Univ. Ups.: Studia Slavica Upsaliensia 27. Uppsala, 1990.
- Шмелев 1988 — *Шмелев А. Д.* Семантическое взаимодействие глаголов движения с темпоральными конкретизаторами // Материалы шестой республиканской конференции молодых лингвистов. Ереван, 1988.
- Шмелев 1998 — *Шмелев А. Д.* Типы «невыраженных валентностей» // Семиотика и информатика. Вып. 36. Москва, 1998.
- Beranová 1978 — *Beranová V.* К валентности русских глаголов движения // Prague Studies in Mathematical Linguistics. 1978.
- Fillmore 1966 — *Fillmore C.* Deictic categories in the semantics of *come* // Foundations of Language. 1966. 2.
- Panevová 1978 — *Panevová J.* Inner Participants and Free Adverbials // Prague Studies in Mathematical Linguistics. 1978.

В. И. ГАВРИЛОВА

СЕМАНТИКА 'НАЧАЛА' В СПЕКТРЕ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ *ОТКРЫТЬ/ОТКРЫТЬСЯ,* *РАСКРЫТЬ/РАСКРЫТЬСЯ*

Вступительные замечания

Дихотомия «видимое физическое пространство» — «умозрительное смысловое пространство» пронизывает бытие каждого человека. И поскольку явления как пространства, видимого глазами, так и пространства, зримого только умом, с неизбежностью получают оформление в текстах, написанных на естественном языке, то существование такой дихотомии имеет не только религиозно-философский, но и языковой аспект. При этом естественному языку свойственно использовать одни и те же глагольные лексемы как для обозначения явлений видимого физического мира, так и явлений умозрительного смыслового духовного мира. Продемонстрируем это на примере глаголов *открыть/открыться*.

Во-первых, глаголы *открыть/открыться*¹ могут быть использованы для обозначения процессов, событий и состояний, имеющих место в постигаемом с помощью пяти чувств (зрения, слуха, вкуса, обоняния, и осязания) физическом пространстве, например:

- (1) *В городе открываются две новые школы.*
- (2) *Телеканалы открывают новый сезон.*

Во-вторых, эти глаголы могут быть использованы для обозначения процессов, событий и состояний, развертывающихся в умопостигаемом метафизическом пространстве, например:

- (3) *Сущность языка — в той мере, в какой она вообще может открыться — открывается не инструментальному, а философскому взгляду.*

¹ В данной работе обозначения, подобные *открыть/открыться*, употребляются для краткости вместо обозначений «предикативные формы, образованные от инфинитивов *открыть / открыться / открывать / открываться / быть открытым*».

- (4) *Да, Православие действительно считает, что Бог не перестал открывать людям свою волю после того, как последний апостол поставил последнюю точку в своей жизни.*

Современная русистика в основном оперирует примерами, взятыми из художественной и публицистической литературы. Примеры из научных текстов привлекаются недостаточно широко, и практически за пределами лингвистических исследований оказывается словоупотребление, свойственное христианской, в частности православной литературе, описывающей умопостигаемый духовный мир, понимаемый в соответствии с православными догматами. Поэтому назрела настоятельная необходимость проведения исследований языковых средств, используемых для описания явлений умопостигаемого метафизического пространства.

Большое внимание выражению в языке абстрактных понятий, являющихся реалиями метафизического умопостигаемого мира, уделяется в исследованиях, посвященных абстрактным именам существительным и языковой метафоре [Успенский 1979; Перцова 1990; Теория метафоры 1990; Чернейко 1997]. Но в этой литературе основное внимание уделяется преобразованию значения и смысла имен существительных; а глаголы и имена прилагательные при этом упоминаются лишь как «транспортное средство» метафорических переносов.

Между тем, чтобы быть последовательными, надо учитывать наличие дихотомии «видимое физическое пространство» — «умозрительное смысловое пространство» и при описании глаголов, поскольку «отбор конкретных (физических и механических) признаков и действий для характеристики разных типов непредметных сущностей и наблюдаемых явлений обнаруживает их специфику и дает ключ к пониманию их природы» [Арутюнова 1998, 363]. На необходимость проведения такого рода исследований в свое время указывал Д. Н. Шмелев: «Использование глаголов с конкретными значениями для обозначения более отвлеченных действий — явление настолько распространенное в языке, что, конечно, неоднократно отмечалось исследователями, которые определяли его как „языковую метафору“. Следует заметить, однако, что семантическая природа различных метафорических переносов, в общем, не исследована» [Шмелев 1973, 231].

Для решения задачи, обозначенной Д. Н. Шмелевым, представляется необходимым введение разделения значений глаголов на абстрактные и конкретные значения. При этом конкретными следует считать те значения глагола, которые проявляются при на-

зывании этими глаголами явлений видимого физического пространства, а абстрактными — те значения, которые проявляются при назывании этими глаголами явлений умопостигаемого метафизического пространства.

В то же время нам представляется правомерной постановка вопроса: *следует ли интерпретировать как метафорический перенос соотношение абстрактных и конкретных значений одного и того же глагола?* Ведь именно за счет глагола происходит метафорическое сближение абстрактного имени с конкретным именем, допускающим сочетание с этим же глаголом, поэтому и может быть подвергнуто сомнению приобретение самим глаголом нового метафорического значения при его употреблении в качестве предиката при этом абстрактном имени. Поскольку глагол в сочетании с абстрактным именем сохраняет основной костяк значения, присущего ему в сочетании с конкретным именем, по существу, именно буквальное прочтение (а не какое-либо преобразование этого буквального прочтения языковой метафорой) глагольных словоформ в устойчивых сочетаниях с абстрактными именами позволяет исследователям выявить «вещные коннотации» обозначаемых этими именами абстрактных сущностей [Успенский 1979; Перцова 1990, 97].

Проблемы метафоризации в связи с сочетаемостью абстрактных имен с глагольными предикатами различной семантики рассматриваются в монографии Л. О. Чернейко, которая считает, что «из сочетаемости абстрактного имени с описательным глаголом выводится имплицитный образ абстрактного имени, обусловивший его сочетаемость. Этот образ — гештальт. Гештальты могут быть повторяющимися и уникальными. Повторяющиеся гештальты через глубинные связи абстрактного имени с вещным миром раскрывают связи абстрактных имен между собой. Так можно *потерять нить мысли*, а не *идеи*, поскольку у идеи совсем другая форма... И как это ни парадоксально, мерой содержания абстрактного имени выступают имена предметов...: *коррупцией* *повязаны*, *мысли путаются*, *сомнения рассеиваются*, *воспоминания всплывают*» [Чернейко 1997, 202]. «Абстрактные имена как языковая, универсальная форма бытия элементов невидимого духовного интеллигибельного мира обрастает „плотью“ — результатом проекции бестелесных сущностей на предметы видимого мира, составляющие повседневный опыт личности» [там же, 7].

Сопоставим примеры (5) и (6):

(5) *У больного, наконец, открылись глаза.*

(6) *У меня, наконец, открылись глаза на все происходящее.*

В примере (5) сказуемое *открылись* имеет конкретное значение, поскольку описывается событие, которое происходит в физическом вещном трехмерном пространстве. В то время как в примере (6) сказуемое *открылись* имеет абстрактное значение, поскольку этот предикат обозначает событие, которое происходит в метафизическом смысловом пространстве. Существительное *глаза* в примере (6) также имеет не конкретное, а абстрактное значение и обозначает не телесные, а духовные очи.

Итак, в примере (5) глагол *открыться* употребляется для описания ситуации снятия преграды в физическом пространстве², а в примере (6) глагол *открыться* употребляется для описания снятия преграды в ситуации проникновения в недоступные участки метафизического смыслового пространства. При этом и в (5) и в (6) глагол *открыться* обозначает снятие (ликвидацию) преграды. Когнитивный характер абстрактного значения этого глагола в примере (6), как нам представляется, обусловлен изменением характеристик пространства, в котором происходит обозначаемая этим глаголом ситуация. Абстрактное значение этого глагола развертывается в таком пространстве, в котором преграда делает до времени недоступным именно смысл, значение, информацию, которые в момент снятия преграды становятся доступными человеческому разуму и начинают существовать в сознании человека в форме новых знаний об устройстве мира.

Процесс открывания в реальном протяженном пространстве почти всегда³ носит обратимый характер, например:

- (7) *Когда человек моргает, то глаза у него то открываются, то закрываются;*
(8) *Окно закрылось, но вскоре снова открылось.*

Встречающиеся в составе этих конструкций глаголы-сказуемые *открываются* и *закрываются*, *открылось* и *закрылось* можно считать условно антонимическими.

В то же время процесс открывания в метафизическом смысловом пространстве является когнитивным процессом и носит необратимый характер. Поэтому у глаголов *открыть/открыться* в конструкции (9) отсутствуют условно антонимические корреляты

² В нашей работе [Гаврилова 2000] основное внимание было уделено описанию контекстов, в которых эти глаголы описывают конкретные действия.

³ Исключениями являются маргинальные случаи, когда у скончавшегося человека кто-то из окружающих его тело закрывает глаза. На такие случаи мы указывали в нашей работе [Гаврилова 2000, 163].

закрывать/закраться, обозначающие процесс, обратный процессу открывания. Нельзя сказать: (9) **У меня, наконец, закрылись глаза на все происходящее*. Правда, употребив форму несовершенного вида, можно сказать: (10) *Я буду закрывать глаза на все происходящее*, но в (10) глагол *закрывать* будет иметь значение притворства и сокрытия факта обладания знанием, а не значение исчезновения знания. Знание исчезнуть не может⁴. Предикаты *открыть/открыться* с когнитивным значением не входят в вышеописанную семантическую корреляцию с предикатами *закрывать/закраться*.

Абстрактный характер как подлежащего *глаза*, так и сказуемого *открылись* в (6) обусловлен синтаксически, а именно введением в конструкцию обязательного дополнения, обозначающего познающего субъекта. В примере (6) познающий субъект выступает в форме родительного падежа с предлогом *у*. Таким же способом оформлена словоформа с ролью познающего субъекта в примере из Книги Бытия (Быт 3:7), в котором описываются последствия грехопадения Адама и Евы:

(11) *И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что они наги.*

Имеющее место в примере (11) соседство и сочинительная связь сказуемых *открылись* и *узнали* подтверждает когнитивный характер значения глагола *открыться*.

Другим способом оформления познающего субъекта в конструкциях с абстрактным значением глагола *открыться* является дательный падеж без предлога, например:

(12) *Христос родился! Источник Света, Силы и Разума! И открылась Им на земле Вечность: другая жизнь кроме жизни земной; другие блага кроме благ временных; другой Бог кроме богов века сего.*

По сути, разделение значений на абстрактные и конкретные принято группой исследователей в коллективной монографии

⁴ Именно о противопоставлении типа «необратимый характер процессов умопостигаемого метафизического смыслового мира ↔ обратимый характер процессов постигаемого чувствами физического вещественного мира» идет речь в известной русской пословице, в которой и обратимый конкретный и необратимый абстрактный процессы выражаются одной и той же предикативной формой глагола *вылетит*: *Слово не воробей. Вылетит — не поймашь*. Как не может исчезнуть, «закраться» однажды появившееся знание, так и вылетевшее слово вылетело навсегда, у него в безначальном и бесконечном умопостигаемом пространстве нет исходной точки, в которую можно было бы вернуться. В то время как вылетевший воробей может вернуться в исходную позицию, а реальные, физические очи могут то открываться, то закрываться.

[Корреляционная типология 1999, 9], в которой предлагается подразделять глагольные значения на три семантических класса:

1) *энергетические глаголы*, которые «отображают различные физические состояния и преобразования материальной энергии», например: *падать, сгибаться, гореть, болеть*;

2) *информационные глаголы*, которые обозначают различные способы отображения и переработки информации, например: *видеть, знать, любить, хотеть, сказать, обозначать*;

3) *онтологические глаголы*, которые в зависимости от контекста могут реализовать то энергетическое, то информационное значения, например: *построить дом — построить научную теорию; улучшить систему водоснабжения — улучшить доклад*.

Нам представляется, что энергетическими являются глаголы с конкретным значением, информационными — глаголы с абстрактным значением, а онтологическими — глаголы, совмещающие конкретное и абстрактное значения. В свете всего вышесказанного глаголы *открыть/открыться* следует отнести к онтологическому типу. И если вернуться к примерам, приведенным в самом начале нашей работы, то как конкретные и энергетические должны быть охарактеризованы значения глаголов-сказуемых в примерах (1) и (2) и как абстрактные информационные — значения в примерах (3) и (4). Энергетическое значение предикат *открылись* имеет в примере (5), а в примере (6) реализовано его информационное значение.

Предложениям с конкретными и энергетическими значениями глагола *открыться* соответствуют разные синтаксические модели предложений, в которых в качестве сказуемых выступают словоформы парного переходного глагола *открыть*:

(5пер) Больной, наконец, открыл глаза.

(6кауз) Я, наконец, открыл ему глаза на все происходящее.

Глагол *открыть (глаза)* с энергетическим значением реализует собственно переходное значение: открывание субъектом своих собственных глаз. В то же время глагол *открыть (глаза)* с информационным значением должен управлять одновременно дополнением *глаза* в винительном падеже и дополнением в дательном падеже (одушевленным существительным). Таким образом, *открыть глаза* с информационным значением употребляется для обозначения каузации открывания духовных очей, т. е. каузации появления нового знания у другого человека.

Настоящая работа посвящена исследованию оформления идеи начала с помощью глаголов *открыть/открыться, раскрыть/рас-*

крыться как в конкретном энергетическом, так и в абстрактном информационном (когнитивном) значениях.

1. Семантика начала в энергетических значениях глагола *открыть/открыться*

В русской лексикографической практике, в частности в Словаре русского языка С.И.Ожегова, зафиксирована следующая возможность выражения семантики начала с помощью глагола *открыть*:

ОТКРЫТЬ 8. Положить начало каким-нибудь действиям, деятельности. ...*Открыть заседание. Открыть торговлю. Открыть счет. Открыть огонь* (начать стрелять)⁵.

Что касается парного возвратного глагола, то словарь С.И.Ожегова самостоятельного толкования не приводит, а делает отсылку к соответствующему толкованию глагола *открыть*:

ОТКРЫТЬСЯ 1. Стать открытым (см. *открыть* в 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 9 знач.).

В коллективной монографии «Введение в общую аспектологию» в пробных словарных статьях глаголов *открыть* и *открыться* вышеприведенные значения обозначены, соответственно, как «сделать функционирующим (*открыть торговлю, выставку, воздушное сообщение, контрольно-пропускной пункт, новое направление в науке*)» и начать функционировать (*открылась выставка*)» [Зализняк и Шмелев 2000, 102].

Необходимо отметить, что существует два вида ситуаций начала функционирования: во-первых, начало функционирования может выражаться как с помощью глаголов *открыть/открыться*, так и с помощью глаголов *начать/начаться*; во-вторых, ситуации, в которых описание начала функционирования не может быть выражено с помощью глаголов *начать/начаться*, и единственным способом описания начала развертывания ситуации яв-

⁵ Переход от исходного основного значения глагола *открыть/открыться* к вышеприведенному значению (8) осуществляется с помощью очевидных для всех метонимических и метафорических переносов, о которых можно составить представление по сжатой характеристике, которую Д. С. Шмелев дает аналогичным переносам у глагола *закрывать*: «Слово *закрывать* в результате употребления в таких сочетаниях как *Магазин закрыт. Закрывать границу* и, наконец, с дальнейшей метафоризацией — *закрывать собрание* и т. п., приобрело самостоятельное значение, определяемое в словарях как «прекратить, положить конец ведению, действию, деятельности чего-нибудь». Обобщение этого значения сделало возможным употребление слова в сочетании со словами *дело, жалоба* и т. п.» [Шмелев 1973, 185].

ляется использование глаголов *открыть/открыться*. Например, безупречны как фразовые единства *открылось собрание*, *открылся кинофестиваль*, так и фразы *началось собрание*, *начался кинофестиваль*, но хотя фразы *открылась выставка* и *открылся театр* являются абсолютно безупречными, нельзя сказать **начался театр* и **началась выставка*⁶.

Прежде всего необходимо показать, что объявленному выше запрету на фразовое единство **начался театр* никак не противоречит полноправное существование в русском языке крылатого выражения (13) *Театр начинается с вешалки*, ибо в **начался театр* запрещено употребление глагола *начаться* для обозначения начала во времени, а в известном афоризме имеется в виду скорее пространственное начало.

Проведем сравнительный анализ значений, передаваемых предложением (13) и предложением (14):

(14) *В Москве сегодня открывается новый театр.*

В этих двух предложениях слово *театр* предстает в двух разных значениях. В примере (13) он выступает как объект трехмерного пространства, одной из составляющих которого является вешалка, в то время как в примере (14) наличие театра как объекта трехмерного пространства уходит в презумпцию, а акцент делается на театр как определенным образом функционирующий во времени общественный институт.

Высказывание (13) можно проинтерпретировать следующим образом: 'Театр понимается как трехмерный пространственный объект сложной структуры. Каждая из составляющих этой структуры определенным образом функционально нагружена. Для благоприятного воздействия театра на зрителя необходимо, чтобы все составляющие надлежащим образом выполнили свои функции, в частности свою лепту должна внести вешалка, которая первая лежит на пути всякого человека, пришедшего в театр'. Таким образом, в основе значения глагола-предиката *начинается* в примере (13) лежит идея пространственного начала, осложненного идеей функционирования.

Высказывание (14) можно проинтерпретировать следующим образом: 'Театр понимается как определенным образом функционирующий во времени (действующий) общественный институт.

⁶ В данной работе мы не принимаем во внимание то обстоятельство, что «конкретные имена обретают позиционное событийное значение при элиминировании «пропозиционального компонента» (*Началась школа*)» [Чернейко 1997, 108].

Для того чтобы театр как общественный институт начал функционировать, должна быть проделана большая работа для обеспечения этого функционирования (обеспечение помещения, кадрового состава и т. п.). Эти предварительные условия выполнены, и сегодня театр начинает выполнять предписанные ему как общественному институту функции'.

Таким образом, глагол-предикат *открывается* в примере (14) имеет в своем составе компонент со значением начала существования во времени. Но начало существования театра подразумевается уже при создании предварительных условий функционирования театра, и глагол-предикат *открывается* в примере (14) обозначает не то начало, которое закладывается при создании предварительных условий возможности работы театра, а начало существования работающего театра.

По-видимому, именно поэтому для описания начала работы общественных институтов, нуждающихся в предварительном создании материальной базы, употребляется глагол *открыться*, а употребление глагола *начаться* запрещено. Так, мы говорим: *открылся новый магазин, открылась новая школа, открылся новый музей, открылась новая экспозиция*, но нельзя сказать: **начался новый магазин, *началась новая школа, *начался новый музей, *началась новая экспозиция*.

Для обозначения начала работы таких временных общественных объединений, для функционирования которых не требуется создания основательной материальной базы, употребляется как глагол *открыться*, так и глагол *начаться*. Например, допустимо употребление и *открылся симпозиум, и начался симпозиум; и открылась конференция, и началась конференция; и открылось заседание, и началось заседание; и открылся показ фильмов Василия Шукшина, и начался показ фильмов Василия Шукшина*.

Справедливость вышеприведенной аргументации подтверждается примером, который встретился нам в журнале, издаваемом пятидесятниками:

- (15) *Недавно один пастор начал церковь в своем городе. В будние дни он объезжает расположенные поблизости деревни, проповедуя и посещая новообращенных. Он уже начал четыре церкви в этих деревнях и планирует начать еще две.*

Для упомянутой секты единственным предварительным условием возникновения новой церкви является наличие проповедника со Священным Писанием в руках, поэтому стало возможным словосочетание *начать церковь*, абсолютно неприменимое к

описанию начала существования, например, православной или католической церкви.

Специального упоминания требуют примеры, в которых предикативные формы глагола *открыться* употребляются для обозначения начала движения на транспортных магистралях, что может выражаться также и с помощью глагола *начаться*. Стилистическая безупречность употребления одного из этих двух глаголов определяется особенностями ситуации начала движения. Речь в данном случае о стилистической безупречности фразы, так как фраза с конкурирующим глаголом является понятной, но стилистически неудачной, мы и обозначили пометой^{2*}.

Так, если речь идет либо о начале движения по вновь созданной магистрали, либо о возобновлении движения после ремонтных работ или реконструкции дороги, т. е. если начало движения по дороге предполагает создание материальных предпосылок возможности движения, то предпочтение отдается глаголам *открыться/открываться*, например:

- (16) *Вот-вот в Москве откроется автомобильное движение на первом участке Кутузовской транспортной развязки третьего столичного кольца.*
- (17) ^{2*}*Вот-вот в Москве начнется автомобильное движение на первом участке Кутузовской транспортной развязки третьего столичного кольца.*
- (18) *С 1 декабря движение автотранспорта откроется и непосредственно в тоннелях под Кутузовским проспектом, и по верхнему ярусу нового двухэтажного моста через Москву-реку.*
- (19) ^{2*}*С 1 декабря движение автотранспорта начнется и непосредственно в тоннелях под Кутузовским проспектом, и по верхнему ярусу нового двухэтажного моста через Москву-реку.*

В то же время, когда речь идет о начале движения, которое имеет спонтанный характер и не связано с созданием какого-либо материального базиса, стилистически безупречными оказываются именно глаголы *начаться/начинаться*:

- (20) *После восьми вечера начинается интенсивное движение по новому мосту через Москву-реку.*
- (21) ^{2*}*После восьми вечера открывается интенсивное движение по новому мосту через Москву-реку.*

Значение предикативных форм глаголов *открыть/открыться*, передающих идею открытия движения, приобретает модальный от-

тенок «разрешения», поскольку завершение создания материальных предпосылок открытия движения нередко оформляется соответствующим законодательным актом. Особенно сильно модальный оттенок проявляется в предложениях с глаголами-сказуемыми, выраженными предикативными формами причастия *открыт*⁷:

- (22) *С 1 декабря открыто движение автотранспорта по верхнему ярусу нового двухэтажного моста через Москву-реку.*

Дальнейшее развитие этого значения приводит к тому, что предикативные формы причастия *открыт* и полной формы причастия *открытый* начинают выражать чистую модальность:

- (23) *Космическое пространство и небесные тела открыты для исследования и использования всеми государствами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства и в соответствии с международным правом, при свободном доступе во все районы небесных тел; и свободны для научных исследований. Это означает признание космоса территорией общего пользования (res communis).*

- (24) *Наше агентство осуществляет перевозки пассажиров и грузов по дорогам, открытым для международного автомобильного сообщения.*

Такое же чисто модальное значение, как нам представляется, мы имеем в атрибутивной форме этого причастия в употребленном в дипломатии термине *открытое небо*. Этот термин обозначает такие расположенные над территорией какого-либо государства участки воздушного пространства, в которых авиатранспорту другого государства предоставлено право беспрепятственных перелетов.

2. Выражение когнитивного значения с помощью глаголов *открыть/открыться* и *раскрыть/раскрыться*

Как мы продемонстрировали в разделе «Вступительные замечания», информационное значение глаголов *открыть/открыться* имеет когнитивный характер. А именно когнитивное значение рассматриваемых глаголов состоит в том, что они обозначают на-

⁷ Передать идею начала движения, употребив в качестве сказуемого предикативную форму краткого страдательного причастия от глагола *начать*, нельзя:
*После восьми вечера будет начато интенсивное движение по мосту через Москву-реку.

чала существования, возникновение у субъекта знания объективно существующей ситуации, возможно уже давно известной другим субъектам, т. е. когнитивное значение в данном случае имеет в своем составе сему начинательности.

Когнитивное значение глаголов *открыть/открыться* может быть также определено как начало существования знаний об открывшихся (познанных) закономерностях физического или метафизического мира, макрокосма, в качестве события во внутреннем мире отдельной личности, микрокосме. При этом возможно употребление этих глаголов для обозначения пополнения мира личности как новыми научными фактами, так и фактами поэтического, художественного переосмысления действительности:

(25) Он

Перед нами

Открывает душу.

А может быть, и новые моря,

И новую, неведомую сушу,

И глубь, и высь...

Как открывает новую планету

Среди небесной бездны астроном,

Так открывать приходится поэту

Весь этот мир (Л. Мартынов. «Поэт»)⁸

(26) Для меня вдруг открылся Моцарт.

Исследуемые глаголы могут употребляться и для описания ситуации расширения внутреннего мира личности за счет поступления новой информации и в повседневных бытовых ситуациях:

(27) Вы откроете в себе новую жизненную энергию, о которой и не догадывались, несмотря на старательное употребление минеральной воды.

(28) Я с удовольствием и великим удовлетворением открыл высокие качества сухой фасоли.

В предыдущем разделе мы демонстрировали, что в конкретных значениях глаголов *открыть/открыться* содержится представление о том, что открываемый объект является существующей в пространстве и времени реалией. Это представление в абст-

⁸ Д. Н. Шмелев комментирует этот пример следующим образом: «Л. Мартынов в стихотворении, говоря о поэтическом открытии мира, использует различные значения глагола *открыть*» [Шмелев 1973, 99].

рактном значении этих глаголов реализуется в представлении о том, что открываемое явление в умопостигаемом мире извечно, но *сокрыто, скрыто* от познающего субъекта. Другими словами, мир от начала наделен Богом определенными закономерностями и свойствами, которые остаются для человека до времени *сокрытыми, сокровенными*. В актах *открытия* и *откровения* снимается преграда, ранее мешавшая видеть всегда существовавшие, но *скрытые, сокровенные* реалии духовного смыслового пространства, знание этих закономерностей становится достоянием человека, входят в его внутренний мир. Поэтому при употреблении глаголов *открыть/открыться* в когнитивном информационном значении этим глаголам в каком-то смысле противостоит предикат *скрыть/быть сокрытым*:

- (29) *Мы имели бы ясные и отчетливые идеи вещей, если бы они не скрывали от нас тайну своей сущности (эйдоса).*
- (30) *В Священном писании есть места, смысл которых утаен, скрыт от нас.*
- (31) *Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии. Равным образом и добрые дела явны; а если не таковы, скрыться не могут (1Тим 5:24–25).*

Напомним, что глаголам *открыть/открыться* в энергетическом конкретном значении противостоят глаголы *закрывать/закраться*⁹.

По мере развития истории знание свойств и закономерностей мирового устройства становится достоянием человечества. Момент обретения этих знаний об устройстве тварного мира по-русски принято называть ОТКРЫТИЕМ. Так, например, В. И. Вернадский говорит об *открытии огня, открытии способов передвижения по воде, открытии книгопечатания, открытии явлений, связанных с атомом* [Вернадский 1977].

Открытия даются человеку, прилагающему свой труд для углубления человеческого понимания законов построения тварного мира, например:

- (32) *Имена, обслуживающие эти сферы духа, осваиваются личностью через постижение их смысла. Сущность, стоящая за ними, никогда сознанию окончательно не открывается, но к созерцанию ее оно всегда будет стремиться*¹⁰.

⁹ См. примеры (7)–(10) и наши комментарии к ним.

¹⁰ Примеры (32)–(38) взяты из монографии [Чернейко 1997].

- (33) Понимание сущности умопостигаемого явления открылось человеку в результате «повседневного опыта», стихийного, а не целенаправленного постижения действительности.
- (34) При этом содержание научного понятия расширяется за счет включения тех свойств, которые открылись научному знанию.
- (35) Невидимая сторона мира может раскрыться человеку через этот данный ему природой естественный канал [интуицию] связи с нею.
- (36) «Языковое знание»... раскрывает те представления о времени, судьбе, совести, власти, свободе, мысли и подобном, которые сложились в культуре и отражены в языке через несвободную сочетаемость имен время, судьба, совесть, власть, свобода, мысль.
- (37) Проекции умопостигаемой (абстрактной) сущности на эмпирически постигаемые (видимые) явления раскрываются через глагольную сочетаемость абстрактного имени.
- (38) Только в имени своем действительность открывает себя всякому разумному оку (А. Ф. Лосев).

Духовные законы существуют и остаются неизменными от начала творения и до века. Для каждой человеческой личности законы духовного мира являются *сокровенными*, они до времени от него *сокрыты*. Верующему человеку законы построения духовного мира *открываются, раскрываются* в свой срок и по мере его духовного возрастания в зависимости от внутреннего делания, духовной работы человека по выполнению данных Богом заповедей. Можно сказать, что при этом факты духовного макрокосма становятся фактами духовного мира отдельной личности, или фактами микрокосма личности. Духовное пространство само по себе, если рассматривать его в отрыве от человека, бесконечно и статично. Динамика духовного пространства проявляется в том, что человек постигает его, получая от Бога ОТКРОВЕНИЕ. Преимущественно значение получения сокровенных духовных знаний выражается возвратными глаголами. В тех случаях, когда это значение выражается переходными глаголами, в качестве подлежащего может выступать существительное Бог или его синонимы:

- (39) В историческом процессе христианские догматы не изменяются, а *раскрываются*.
- (40) В меру внутреннего очищения *раскрывается* Евангелие.
- (41) Поступим так, как учит нас великий Златоуст: понятное — запомни, непонятное же и неясное — многократно прочти, если же и при ча-

стном чтении не сможешь уразуметь — ступай к учителю. И Бог, видя, что ты имеешь такое усердие, откроет тебе все.

- (42) *Святым своим угодникам Бог открывал завесу Тайн Судеб Своих относительно будущего целых государств и народов.*
- (43) *Надеюсь, что за эти годы он вырос духовно и Господь открыл ему то, что в 1959 году он не понимал.*
- (44) *Священное Писание — истина максимально приближенная к современной жизни, где через описание событий и людей для многих открываются свои собственные черты характера.*

Приведем примеры исследуемых глаголов, взятые из синодального перевода Нового Завета и Псалтыри:

- (45) *День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание (Пс 18:3).*
- (46) *да откроются помышления многих сердец (Лк 2: 35).*
- (47) *И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них (Ин 17:26).*
- (48) *избавляя тебя от народа Иудейского и язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу (Деян 26:17–18).*
- (49) *Возлюбленные! Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть (1Ин 3:2).*
- (50) *Если же наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? (Рим 3:5).*
- (51) *А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух всё проникает и глубины Божии (1Кор 2:10).*
- (52) *Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей (2Кор 4:10–11).*
- (53) *Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели (2Фес 2:3).*

В заключение приведем слова из сочинения аввы Евагрия: «Ведение, приводящее к нам извне, пытается представить материальные [вещи] посредством логосов [их]; ведение ж, рожденное благодатью Божией, представляет вещи непосредственному узрению мысли, и ум, взирая на них, воспринимает их логосы» [Умо-

зритель 1994, 113]. В синодальном переводе Библии употребляются как глаголы *узнавать/узнать*, так и глаголы *открываться/открыться* в когнитивном значении. Предварительный анализ материалов, представленных в «Полной симфонии на канонические книги Священного Писания» позволяет высказать предположение, что в Священном Писании в тех случаях, когда нужно выразить идею ведения, рожденного благодатью Божией, отдается предпочтение глаголам *открываться/открыться* в когнитивном значении.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- Вернадский 1977 — Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977.
- Гаврилова 2000 — Гаврилова В. И. Сознательные действия, стихийные процессы и ситуация создания и снятия преград // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Корреляционная типология 1999 — Корреляционная типология глагольных систем индоевропейских и иноструктурных языков. Смоленск, 1999.
- Зализняк и Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Ожегов 1972 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972.
- Перцова 1990 — Перцова Н. Н. К понятию «вещной коннотации» // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Полная симфония на канонические книги Священного Писания. СПб., 1998.
- Теория метафоры 1990 — Кассирер Э., Якобсон Р., Ричардс А. и др. Теория метафоры. М., 1990.
- Умозритель 1994 — Умозритель, или к тому, кто удостоился ведения // Творения аввы Евагрия. М., 1994.
- Успенский 1979 — Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11.
- Чернейко 1997 — Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

СЕМАНТИКА 'НАЧАЛА' С АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В аспектологии концепты НАЧАЛА и КОНЦА часто используются в качестве инструментов описания, а содержание самих этих понятий предполагается очевидным и не требующим дальнейшего анализа. Направление нашего исследования в некотором смысле противоположно. В данной статье мы рассмотрим аспектуальные свойства некоторых русских глаголов, значение которых связано с идеей начала, с целью извлечь некоторую содержательную информацию о способе концептуализации НАЧАЛА в русской языковой картине мира.

О сложности концептуализации НАЧАЛА и КОНЦА в русском языке свидетельствует неоднозначность самих существительных *начало* и *конец*.

Так, выражение *конец цитаты* имеет, строго говоря, два значения. В первом значении, «точечном» (в котором это выражение является устойчивым словосочетанием), оно используется в устной речи для того, чтобы отделить приведенную цитату от последующего текста. Здесь слово *конец* соотносимо с событием (цитирование кончилось) и обозначает некоторую точку. С другой стороны, свободное словосочетание *конец цитаты* может обозначать последнюю часть текста цитаты (такое значение можно назвать «дуративным»), ср.: *Конец цитаты он произнес так тихо, что ничего нельзя было разобрать*. Та же двусмысленность присутствует в выражениях *конец фильма*, *конец шахматной партии*, *конец прекрасной эпохи*, *конец рабочего дня* и др. (ср.: *Конец рабочего дня у них в 18.00* и *Конец рабочего дня был посвящен обсуждению планов дальнейшей работы*).

Аналогичная двусмысленность может возникать в выражениях со словом *начало*. Ср.: *Начало рабочего дня у нас в 10 утра* и *Начало рабочего дня у нас обычно проходит в нервной обстановке*.

При «точечном» понимании можно утверждать, что выражения *конец двадцатого века* и *начало двадцать первого века* указывают на один и тот же момент времени, когда один век сменяется другим. При «дуративном» понимании эти два выражения указывают на

разные периоды времени, следующие друг за другом: *конец двадцатого века* — это последние годы двадцатого века, а *начало двадцатого века* — это начальные годы двадцатого.

Несколько забегая вперед, заметим, что различием между «точечным» и «дуративным» пониманием множество аспектологических релевантных вариаций концептов НАЧАЛА и КОНЦА не исчерпывается. В настоящей статье мы рассмотрим ряд нетривиальных аспектологических фактов, проливающих свет на устройство концепта НАЧАЛА в русском языке.

Устройство русской аспектуальной системы таково, что между глаголами совершенного и несовершенного вида имеется асимметрия, которая проявляется, в частности, в следующем. При наличии обширного класса глаголов *imperfectiva tantum* (*знать, принадлежать, состоять, гореть, знобить* и т. д.), для которых отсутствие перфективного коррелята обусловлено их семантикой (т. е. отсутствием у них событийного значения, см. [Зализняк, Шмелев 2000, 46]), всякий глагол сов. вида в норме имеет имперфективный коррелят или таковой может быть при необходимости создан в речи (см.: [там же, 83–85]). Исключением из этого правила являются два класса глаголов: глаголы инхоативного и делимитативного способа действия, т. е. глаголы с приставкой *за-* в «начинательном» значении (типа *зашуметь, заблестеть*) и глаголы с приставкой *по-*, указывающей на порцию процесса (типа *погулять, почитать*). Как оказывается, эта исключительность данных двух классов глаголов вполне закономерна и определяется их местом в аспектуальной системе русского языка.

Глаголы инхоативного способа действия и несобственно-инхоативные глаголы

Рассмотрим глаголы инхоативного способа действия (или инхоативные глаголы). Их следует отличать от несобственно-инхоативных глаголов, которые, как инно инхоативные глаголы, образуются при помощи приставки *за-* в «начинательном» значении, но обладают несколько иными семантическими и аспектуальными свойствами.

Инхоативный способ действия образуется от глаголов, описывающих гомогенные процессы. Он представлен глаголами, обозначающими звуки (*зашуметь, загрохотать, зазвенеть, захрюкать, зашипеть, засвистеть, зашептать, забарабанишь*), запахи (*запахнуть, zavонять*), внутренние состояния, концептуализуемые как процессы, и их проявления (*заволновать*

ся, *забеспокоиться, засомневаться, засмущаться, заулыбаться, закапризничать*), разнонаправленные движения (*заходить, забегать, залетать*), некоторые другие однородные действия (*зашагать, запрыгать, задвигаться, заплясать, задышать, засуетиться, заполыхать*) и т. п.

Отметим, что инхоативные глаголы обозначают либо нечто, воспринимаемое органами чувств извне, либо ощущаемое изнутри. Тем самым употреблением инхоативного глагола всегда предполагается наличие воспринимающего субъекта (наблюдателя). Событие, обозначаемое глаголами инхоативного способа действия, сводится к тому, что в некоторый момент наблюдения соответствующая ситуация не имела места, а в некоторый последующий момент наблюдения уже имеет место. Никакого «настоящего» события, которое послужило бы началом данной ситуации, не предполагается, и в этом смысле такое начало можно считать «условным».

Глаголы, от которых образуется инхоативный способ действия, должны описывать относительно «простые» ситуации — такие, которые могут быть идентифицированы на небольшом отрезке своего протекания. Так, можно сказать (1), но не (2):

(1) ...В этот момент *зазвонил* телефон...

(2) *Она *зазвонила* по телефону.

Дело в том, что действие *звонить по телефону*, в отличие от просто *звонить*, не является гомогенным: оно складывается из последовательности разнородных действий, объединенных некоторой целью и через нее осмысляемых (интерпретируемых).

Важным свойством инхоативных глаголов является возможность их замены, с определенным смысловым сдвигом, на сочетание *стать* с инфинитивом соответствующего бесприставочного глагола (ср. *Кошка замурлыкала — Кошка стала мурлыкать*). Это объясняется семантическими причинами (см. ниже).

Как уже говорилось, инхоативные глаголы не входят в видовые пары; однако соответствующие бесприставочные глаголы иногда могут выступать как их «незаконные» видовые корреляты (см.: [Зализняк, Шмелев 2001]), например:

(3) а. Включили мотор, и машина *заработала*.

б. Включают мотор, и машина *работает*.

(4) а. Тут он вскочил и нервно *заходил* по комнате, а она подошла к нему и положила руку на плечо...

б. Тут он вскакивает и нервно *ходит* по комнате, а она подходит к нему и кладет руку на плечо...

При этом происходит утрата семантического компонента начинательности. Возникновение подобной видовой корреляции возможно только в контексте перечисления последовательности действий, где смысл «начала» наводится контекстом (как уже говорилось, инхоативный способ действия образуется от обозначений однородных ситуаций, равных себе на протяжении всего времени своего существования, так что они могут быть сразу идентифицированы). Подобные корреляции все же не порождают подлинно видовых пар, о чем свидетельствует, например, отсутствие сочетаемости со словом *внезапно* в контексте настоящего исторического: **Машина внезапно работает*. Дело в том, что сочетаемость со словом *внезапно* может рассматриваться как своего рода дополнение к тесту Маслова, поскольку *внезапными* могут быть только события (ср. *Он внезапно уезжает*), но не процессы и состояния (см.: [Булыгина, Шмелев 1998]).

К инхоативным глаголам, о которых шла речь выше, примыкает несколько классов несобственно-инхоативных глаголов, обладающих близкими, но не тождественными свойствами.

Прежде всего начинательное *за-* с разной степенью свободы может присоединяться к глаголам, обозначающим узуальные действия, ср.: *закурить* ('стать курящим'), *заговорить* <по-французски> ('научиться говорить по-французски'), *заиграть* <на бирже>, *запечь* <пироги> и т. п. Гомогенность ситуации обеспечивается здесь тем, что речь идет о повторяющихся одинаковых действиях. Глаголы данного класса можно назвать инхоативно-узуальными. В отличие от инхоативных глаголов, они могут иметь имперфективные корреляты — ср.:

- (5) Он несколько раз бросал курить, но каждый раз через два месяца снова *закуривал*.
- (6) Приезжая в любую страну, он через полгода *заговаривает* на новом языке.

Но в тех случаях, когда инхоативно-узуальный глагол оказывается на периферии нормы, тем более затрудненным оказывается образование от него вторично имперфектива: ??*Многие женщины, выходя замуж, запекают пироги и заваривают борщи*.

Сюда относится также группа парно-инхоативных глаголов (*заболеть, зацвести, закурить*¹, *заговорить, запеть, заго-*

¹ Речь идет о начале процесса, ограниченном своим объектом (одна сигарета); как уже было сказано, глагол *закурить* имеет, кроме того, собственно инхоативное значение, соотносимое с узуальным значением глагола *курить* (ср.: *Он два месяца не курил, а сейчас снова закурил*).

реться, закипеть, заинтересоваться), имеющих, в отличие от инхоативных глаголов, соотносительные формы несов. вида (*заболеть, зацветать, закуривать, заговаривать, запевать, загораться, закипать, заинтересовываться*). При этом соответствующие глаголы несов. вида имеют нетривиальное значение, а именно значение процесса прохождения начальной фазы (отличной от срединной). Так, *закуривать* значит зажигать сигарету и делать первую затяжку, словом *зацветать* обозначают период, когда на дереве начинают распускаться цветы (т. е. распускаются один за другим); глагол *заболеть* указывает на постепенное появление все большего количества (или все более явных) признаков болезни и т. д. Именно существование такой начальной (подготовительной) фазы и отличает парно-инхоативные глаголы от собственно инхоативных.

При этом особенность события, обозначаемого перфективными членами данных пар, состоит в его нечеткой временной локализации: пока длится процесс прохождения начальной фазы (обозначаемый имперфективным членом пары), остается неясным, произойдет ли событие вот-вот или оно уже произошло. Так, когда *зацветает* яблоня, непонятно, в какой момент можно сказать, что она уже *зацвела* (соответственно — в какой момент человек *заболел* или *закурил*, чайник *закипел* и т. д.)². Иными словами, характерная особенность парно-инхоативных глаголов состоит в том, что начальной точки для соответствующих процессов или состояний как бы вовсе не существует, она заменена размытой начальной фазой с неясными границами. Видовые пары с описанным семантическим соотношением между глаголом сов. и несов. вида мы называем инхоативными (см. [Зализняк, Шмелев 2000, 60])³. Поскольку данное семантическое соотношение характерно

² Аналогичным образом устроен глагол *забродить* (о варенье, вине и т. д.). Переходу в состояние брожения предшествует некая подготовительная фаза, да и сама точка перехода имеет не вполне ясную локализацию. Его видовой коррелят *забраживать*, имеющий нетривиальное значение прохождения этой подготовительной фазы, в современном языке малоупотребителен.

³ К инхоативным относятся также пары *начаться — начинаться, стать — становиться* <каким-то> и некоторые другие пары со значением начала действия. Здесь уместно вспомнить описание пары *начаться — начинаться*, предложенное Ю. Д. Апресяном [Апресян 1995, 58]:

Начался дождь \equiv 'В момент t_1 дождь не имел места; в момент t_2 дождь имел место; t_2 позже, чем t_1 '

Начинался дождь \equiv 'В момент t_1 дождь не имел места; в более поздние моменты t_2, t_3, \dots, t_{n-1} имели место явления p_2, p_3, \dots, p_{n-1} , такие, что каждое p_{i+1} имело больше общих свойств с дождем, чем p_i ; если процесс развивался нормально, то в момент t_n имел место дождь'.

именно и только для глаголов начинания, оно обнаруживает специфическую семантику данного класса глаголов.

Итак, собственно инхоативные глаголы с приставкой *за-* (т. е. глаголы инхоативного способа действия типа *заходить* <по комнате>) образуются от обозначения собственно неопредельных (т. е. однородных, монотонных, не имеющих не только внутреннего предела, но и внутри себя однородных) процессов. Эти процессы обладают, в частности, такими свойствами, как наблюдаемость и «простота», отсутствие интерпретативного компонента, ср. пример (2). Наблюдая такой процесс, мы не знаем, в какой его стадии — начальной или конечной — мы находимся. По существу у таких процессов их наличие просто противопоставлено их отсутствию. До какого-то момента ситуация не имела места, после этого момента — имеет место; собственно инхоативные глаголы, строго говоря, больше ничего и не обозначают.

Иное дело — парно-инхоативные глаголы (типа *закурить* — *закуривать* <сигарету>). Для того чтобы закурить сигарету, нужно произвести некоторые специальные действия, не тождественные тому, которое обозначается словом *курить* (зажечь спичку, поднести ее к сигарете, дождаться, пока она загорится и т. д.), т. е. *закурить* — это не просто *начать курить*. Таким образом, у этого процесса имеется выделенная начальная фаза ⁴.

Отдельный класс составляют глаголы, которые обозначают скорее не начальный отрезок действия, а действие целиком (*закричать*, *засмеяться*). Назовем их инхоативно-тотальными. Здесь не происходит фиксации на процессе как чем-то длящемся, и тем самым значение процессности почти исчезает. Как и собственно инхоативные, эти глаголы вступают в незаконную видовую связь с соответствующими бесприставочными глаголами. При этом, поскольку значение процессности у них ослаблено, семантический сдвиг при использовании незаконного коррелята оказывается минимальным — что сближает соответствующие пары с «законными» видовыми парами. Это сходство проявляется, в частности, в сочетаемости имперфективных членов этих пар с наречием *внезапно* (ср. *И тут она внезапно смеется*) — в отличие от собственно инхоативных глаголов, для бесприставочных коррелятов которых такая сочетаемость исключена (ср. **Машина внезапно работает*).

⁴ Заметим, что у такого рода процессов может вычленяться и конечная фаза, завершающая процесс: когда человек *болеет*, можно ожидать, что он выздоровеет, когда яблоня *цветет* — что она отцветет и т. п.

Заметим, что глаголы *заплакать*, *зарыдаться* относятся к собственно инхоативным — в отличие от глаголов *засмеяться*, *захотать*. Это связано с различной концептуализацией смеха и плача. Когда человек плачет, предполагается, что данный процесс будет продолжаться — например, пока его не утешат. Наоборот, когда человек смеется, нормально предполагается, что смех прекратится «сам собою». Тем самым *заплакать* означает примерно 'начать плакать', тогда как *засмеяться* — нечто вроде 'произвести акт смеха'.

Выделяется, кроме того, группа глаголов, обозначающих начало некоторого актуального состояния. Их можно назвать инхоативно-стативными. Сюда относятся, с одной стороны, глаголы, обозначающие различные внутренние состояния человека (*захотеть*, *загордиться* от абсолютивного *гордиться* 'вести себя надменно', *затосковать*, *загрустить*), а с другой — зрительно воспринимаемые цвет и свет (*забелеть*, *зазеленеть*, *заверкать*, *замелькать*). Инхоативно-стативные глаголы, в отличие от собственно инхоативных глаголов, не заменяются на конструкции *стать* + Inf.: *захотел* не значит *стал хотеть*, *забелел* — это не *стал белеть*, *загрустил* значит не *стал грустить*, а 'пришел в состояние грусти'. Эти глаголы являются непарными, но могут вступать в незаконную связь с соответствующими бесприставочными глаголами, ср.:

(7) Он упал, *захотел* подняться и почувствовал, что не может.

(8) Он падает, *хочет* подняться и чувствует, что не может.

Глаголы еще одного класса (*заржаветь*, *заплесневеть*, *зачерстветь*) обозначают переход в новое состояние как результат некоторого внутреннего процесса в объекте. Будем называть эти глаголы инхоативно-результативными. Они образуют видовые пары с соответствующими бесприставочными глаголами (ср. *Хлеб заплесневел* — *У тебя хлеб каждый раз плесневеет, его приходится выбрасывать*) и включают в свое значение идею завершения процесса «накопления» некоторого свойства, сближаясь в этом отношении с такими глаголами, как *захмелеть* 'постепенно стать хмельным', имеющими значение постепенного приобретения некоторого свойства.

Многие инхоативно-результативные глаголы представляют собою глаголы порчи. Речь идет о тех видах порчи, при которых появление первых ее признаков уже означает, что объект в каком-то смысле испорчен в целом. Если на хлебе появилась плесень, мы говорим, что хлеб *заплесневел*, и это означает не только

то, что он начал плесневеть, но и одновременно, что он стал заплесневевшим (т. е. испорченным, непригодным к употреблению) — хотя он и дальше может продолжать плесневеть.

Особое место занимают глаголы *загулять* и *запить*, выражающие сложную идею, включающую идею начала определенного состояния (соответственно *загуля* и *запой*), возникшего в результате перехода некоторой качественной границы в совершении соответствующих действий (человек в течение какого-то времени *гулял* или *пил* и наконец пустился во все тяжкие). В семантике этих глаголов содержится также заключенная в приставке *за-* идея отклонения от правильного пути и желания скрыться [Зализняк 1995] и связанного с этим своего рода эскапизма (ср. выражения *уйти в загул* и *уйти в запой*). О глаголе *загулять* см. также: [Левонтина, Шмелев 1999]⁵.

Итак, с аспектологической точки зрения глаголы с «начинательным» *за-* делятся на следующие классы:

1) Собственно инхоативные (*заходить* <по комнате>, *засветить*, *заволноваться*) и инхоативно-стативные глаголы (*загрузить*, *затосковать*), не имеющие видового коррелята; здесь могут появляться «незаконные» видовые корреляции с соответствующим бесприставочным глаголом.

2) Инхоативно-тотальные глаголы (*закричать*, *засмеяться*), вступающие в устойчивую «незаконную» видовую связь с соответствующими бесприставочными глаголами.

3) Инхоативно-результативные глаголы, образующие видовые пары с исходными бесприставочными глаголами (*заржаветь* — *ржаветь*, *заплесневеть* — *плесневеть*, *черстветь* — *зачерстветь*).

4) Парно-инхоативные глаголы, от которых образуются вторичные имперфективы, составляющие с исходным глаголом сов. вида инхоативную видовую пару (*зацвести* — *зацветать*, *заболеть* — *заболевать*, *закипеть* — *закипать*).

5) Инхоативно-узуальные глаголы, которые могут иметь тривиальные имперфективные корреляты (*закурить* 'стать курящим' — *закуривать*).

На основании анализа аспектуальных свойств рассмотренных классов глаголов с приставкой *за-* можно выделить следующие способы концептуализации идеи НАЧАЛА в русском языке:

⁵ Данная модель не ограничивается указанными двумя глаголами. Так, у Даля в аналогичном значении упоминается глагол *забродить* (*Сказывали, приказчик забродил у него рублей на тысячу*).

1. «Условное» начало: *встал и заходил по комнате; заработал мотор, закрапал дождь*. Этот тип начала представлен глаголами инхоативного способа действия и инхоативно-стативными глаголами (*загрузить*).

2. «Начало, смыкающееся с концом». Здесь возможны два варианта:

- (а) Начало действия равнозначно его осуществлению (*закричать, засмеяться*).
- (б) Появление первых признаков некоторого состояния равнозначно переходу в это состояние (*заржаветь, заплесневеть*).

3. «Размытое начало»: пока длится процесс прохождения начальной фазы, остается неясным, произойдет ли событие вот-вот или оно уже произошло. Этот тип начала представлен парно-инхоативными глаголами (*заболевать, зацветать*).

Инхоативные глаголы и сочетания *стать* с инфинитивом

Наряду с инхоативным способом действия в русском языке существуют сочетания *стать* с инфинитивом несов. вида и *начать* с инфинитивом несов. вида, выражающие идею начала. Глагол *начать* является фазовым глаголом в собственном смысле слова (подробнее см.: [Падучева 2001]). С точки зрения концептуализации, отраженной в русской аспектуальной системе (т. е. противопоставления «событие» — «процесс» — «состояние»), глагол *начать* в сочетании с инфинитивом обозначает подлинное событие, состоящее в том, что начался (и ожидается, что будет продолжаться) соответствующий процесс; в ситуации обязательной имперфективации (см.: [Зализняк, Шмелев 2001]) он заменяется на свой имперфективный коррелят *начинать* (ср. *И тут она начала хохотать...* — *И тут она начинает хохотать...*). В противоположность этому собственно инхоативные глаголы и сочетание *стать* с инфинитивом обозначают не событие, а процесс, вставленный в некоторые рамки: они указывают на то, что некоторый процесс ранее не имел места, а начиная с некоторого момента имеет. В ситуации обязательной имперфективации вместо собственно инхоативных глаголов, как уже говорилось, используется исходный глагол несов. вида (бесприставочный); аналогично — в случае сочетания *стать* с инфинитивом, ср.:

- (9) ...Доктор, проснувшись в хорошем настроении, выглянул в окно и позвал: «Арктур!» — что тогда *стал выделять* этот пес!

- (10) ...Если доктор, проснувшись в хорошем настроении, выглядывал в окно и звал: «Арктур!» — что тогда *выделял* этот пес! (Ю. Казаков. «Арктур — гончий пес»).

Конструкции *начать* + Inf. отличаются от конструкций *стать* + Inf. и инхоативных глаголов и в ряде других отношений (на чем мы сейчас не будем останавливаться). Наоборот, конструкция *стать* + Inf. и инхоативные глаголы обнаруживают между собою много общего. Как уже говорилось, собственно инхоативный глагол всегда может быть заменен на сочетание *стать* + Inf. (ср. *Он заходил по комнате — Он стал ходить по комнате; Она заволновалась — Она стала волноваться*). Однако обратное неверно: сочетание *стать* + Inf. не всегда можно заменить инхоативным глаголом (ср. *Стало темнеть; Он стал забывать дни рождения своих друзей*). Тем самым между этими двумя конструкциями имеются определенные семантические различия. Остановимся на них подробнее.

Выделяются три типа контекстов, в которых может употребляться конструкция *стать* + Inf. и ее замена на инхоативный глагол невозможна или затруднена.

Во-первых, это описание изменений состояния: *Стало светать, темнеть, смеркаться; Шар стал увеличиваться в размерах; Температура стала понижаться*.

Во-вторых, описание сложных или гетерогенных действий: *Я сел в уголок и стал не спеша потягивать легкое, белогривое пиво, чуть отдававшее металлом* (В. Набоков); *Сел он утром на кровать, / Стал рубашку надевать. / В рукава просунул руки, / Оказалось, это брюки* (С. Маршак)⁶.

В-третьих, описание узуальных действий или неактуальных занятий: *стал по субботам ходить в баню, стал писать диссертацию*. В этом случае иногда возможно (с определенным сдвигом в значении) употребление инхоативно-узуальных глаголов: *Выйдя замуж, она заварила борщи*.

Теперь попробуем сформулировать различие между концептуализацией начала, заключенной в инхоативном глаголе, с одной стороны, и в конструкции *стать* + Inf. — с другой. Как уже говорилось, образование инхоативного глагола с приставкой *за-* возможно только в том случае, когда исходный глагол обозначает гомогенный процесс, сразу однозначно идентифицируемый в мо-

⁶ Заметим, что при обозначении «простых» действий конструкция *стать* + Inf., наоборот, неуместна: когда мы слышим фразу *Он стал надевать рубашку*, мы уже ожидаем, что дальше возникнут какие-то сложности.

мент наблюдения. Инхоативный глагол делает акцент на контрасте между ситуацией, когда процесс не имел места, и ситуацией, когда процесс имеет место (ср.: [Fici, Paillard 1998]). Напротив того, конструкция *стать* + Inf. помещает в фокус сам процесс, который при этом не обязательно должен быть гомогенным и требует некоторого более или менее продолжительного периода наблюдения для своей идентификации. Это различие сохраняется и в тех случаях, когда возможно употребление обеих конструкций. Ср.:

- (11) Он *заходил* по комнате.
(12) Движенья нет, сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и *стал* пред ним *ходить*.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый (Пушкин).

В первом случае в фокусе нашего внимания оказывается резкий переход от отсутствия хождения к его наличию. Во втором в центре внимания находится сам процесс хождения (служащий в данном случае аргументом в философском споре). Заметим также, что для инхоативных глаголов, но не для конструкций *стать* + Inf. характерна сочетаемость с «точечными» временными детерминантами (напр.: *И тут он запрыгал от радости, И в этот момент мотор наконец заработал*), так как резкое начало процесса, выражаемое инхоативными глаголами, может быть привязано к определенной временной точке. В целом можно сказать, что в силу указанного выше различия в концептуализации начала, по мере того как процесс обрастает подробностями и обстоятельствами, касающимися способа его протекания, увеличивается вероятность использования конструкции *стать* + Inf. и, соответственно, уменьшается вероятность образования инхоативного глагола — ср.: *Он запрыгал* (²*стал прыгать*) *от радости*, но: *От радости он стал прыгать* (²*запрыгал*) *до потолка, громко хохоча и ударяя себя по ляжкам*. Кроме того, в тех случаях, когда возможна и та и другая конструкция, между ними часто возникает еще одно различие: инхоативный глагол всегда обозначает актуальный процесс, а *стать* + Inf. имеет тенденцию к неактуальному пониманию. Так, *заволновалась* означает 'внезапно началось волнение', а *стала волноваться* имеет два понимания: либо обозначает приобретение склонности волноваться (напр.: *Теперь она стала волноваться, когда сын поздно возвращается домой*), либо указывает на ментальное состояние ('начала думать, что произошло что-то плохое', напр.: *Тебя так долго не было — я уже стала волноваться*).

В некоторых случаях конструкция *стать* + Inf. без обстоятельств, уточняющих какие-то аспекты протекания действия, вообще невозможна или требует мощной контекстной поддержки. Таково, напр., сочетание **стал спать*. Это сочетание вообще не может обозначать начала актуального действия (по-видимому, в силу того, что это действие не требует длительного наблюдения для своей идентификации). Но и для обозначения узувального действия требуется добавление разного рода обстоятельств, напр.: *стал плохо спать, стал спать после обеда, стал спать с открытой форточкой* и т. п. В отсутствие обстоятельств сочетание *стал спать* может появиться разве что в контексте обсуждения проблемы бессонницы (*Долгое время не спал по ночам, а теперь начал принимать снотворное и стал спать*).

До сих пор речь шла о конструкции *стать* + Inf. в одном из возможных типов употребления, а именно в предложениях, содержащих утверждения об имевших место фактах. Имеется другой тип употребления, в котором та же конструкция обнаруживает несколько иные свойства. Его можно назвать неутвердительным. Это предложения с отрицанием (*Он не стал обедать; Я не стану с ним разговаривать*), в том числе с экспрессивно-ироническим выражением отрицания (*Стану я его слушать!*), вопросы (*Он станет есть этот суп?*), условные предложения (*Если он станет тебе угрожать, не пугайся*) и т. п. В этом типе употребления имеется в виду не начало действия, а все действие в целом; в фокусе внимания находится не протекание действия, а вопрос о том, имеет оно место или нет. Поэтому можно сказать: *Я не стала читать эту книгу — начала, но она мне не понравилась, и я бросила* (т. е. *стала* здесь не означает 'начала', а скорее означает 'начала и кончила'). Аналогичным образом в предложении *Он пришел домой и сразу стал звонить по телефону* выражение *стал звонить* близко по смыслу к 'начал звонить' (ср. *стала кушать* в примере (13)), а предложение *Он не стал звонить* значит скорее просто 'не позвонил (хотя, возможно, собирался)'. *Не стану...* означает почти то же, что *Не буду...*, но содержит чуть больший акцент на том, что действие предполагалось; ср.:

- (13) *...*Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!*
Подумала — и стала кушать (Пушкин).
- (14) *Я с тобой не стану пить вино...* (Ахматова).
- (15) *Мы не станем больше пить,
Станем денежки копить...* (городской фольклор).

Почему инхоативные глаголы не имеют видовых коррелятов?

Изложенные факты и соображения подводят нас к следующему выводу, важному с точки зрения аспектологической теории. Он состоит в том, что отсутствие имперфективного коррелята у инхоативных глаголов и глагола *стать* в конструкции с инфинитивом (а также у делимитативных глаголов, которые мы здесь специально не рассматриваем) не случайно и обусловлено тем, что все эти глаголы не обозначают подлинных событий; они лишь используются для того, чтобы представить процесс как событие, включить его в событийную цепочку. При этом если процесс полностью включен в эту цепочку (т. е. следующее событие наступило, когда соответствующая «порция» процесса уже закончилась), для его обозначения используется глагол делимитативного способа действия, а если следующее событие произошло, пока процесс еще продолжался, используется глагол инхоативного способа действия или конструкция *стать* + Inf. — ср., с одной стороны, *погулял и сел работать*, а с другой — *В этот момент дождь забарабанил по крыше, и раздались удары грома; Он стал волноваться и позвонил жене*. При необходимости замены на несов. вид инхоативные и делимитативные глаголы просто заменяются на соответствующие бесприставочные, в результате чего возникают несобственно-видовые корреляты, ср. (16), а также примеры (3) и (4) выше:

(16) а. Он пришел с работы, полчаса *погулял* (*почитал газету*) и лег спать.

б. Каждый день он приходит с работы, полчаса *гуляет* (*читает газету*) и ложится спать.

Итак, событие, следующее за собственно инхоативным глаголом, происходит внутри обозначаемого этим глаголом процесса. Соответственно, в тексте глагол сов. вида, следующий за инхоативным, обозначает событие, произошедшее внутри того временного интервала, когда процесс еще продолжается. Так, в (17), где употреблен собственно инхоативный глагол, скорее всего, имеется в виду, что она говорила сквозь слезы, т. е. следующее событие произошло на фоне предшествующего процесса — ср. (18), где употреблен подлинно событийный (инхоативно-тотальный) глагол, и более вероятно, что речь идет о последовательности событий (начала говорить, когда кончила смеяться):

(17) Она *заплакала* и сказала...

(18) Она *засмеялась* и сказала...

В силу этого при повествовании в настоящем историческом может возникать неоднозначность: глагол несов. вида может скрывать за собою как подлинное, так и мнимое событие. Ср.:

(19) Они *целуются*, и тут входит муж...

Это предложение может быть понято двояким образом в соответствии с тем, какой глагол был бы употреблен при повествовании в прошедшем времени: *поцеловались* или *стали целоваться*. В первом случае предложение (19) описывает последовательность событий, во втором — ситуацию, когда событие (вошел муж) произошло на фоне процесса (они целовались).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М., 1995. Т. II.
- Булыгина, Шмелев 1998 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Неожиданности в русской языковой картине мира // *Полубтропов. М.*, 1998.
- Зализняк 1995 — *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*. 1995.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк, Шмелев 2001 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Типы видовой связи // *Труды международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Аксаково, 2001. Т. 1.
- Левонтина, Шмелев 1999 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* На своих двоих: лексика пешего перемещения // *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Дубна, 1999.
- Падучева 2001 — *Падучева Е. В.* Фазовые глаголы и семантика начинательности // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* 2001. Т. 60. № 4.
- Fici, Paillard 1998 — *Fici G., Paillard D.* L'inchoation: entre préverbes et auxiliaires // *Le langage et l'homme*. XXXIII, 1. Louvain, 1998.

ФАЗЫ ДЕЙСТВИЯ И МЕТОНИМИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ЗНАЧЕНИИ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ

Фазы динамической ситуации и русский глагольный вид

В ходе своего осуществления предельное целенаправленное действие проходит не менее четырех последовательных этапов: 1) перспективную фазу, которая включает соответствующее ментальное состояние субъекта (желания, цели, намерения) и необходимые подготовительные действия; 2) динамическую фазу (т. е. собственно действие), в рамках которой можно различать: 2а) деятельность, направленную на осуществление этой цели, и 2б) достижение предела (цели); 3) последующее итоговое состояние [ван Дейк 1975, 286–290; Кибрик 1992, 137]. Сходные компоненты выделяют и в описаниях значения глаголов действия [Wierzbicka 1988, 243; Падучева 1996, 111–113]. У других вариантов «изменения» отдельные фазы могут модифицироваться или вообще отсутствовать [Акимова 1993, 77–80; Шатуновский 1996, 310–317].

Фазы действия соотнесены с глагольным видом. Так, в тройках глаголов *вставать* — *встать* — *стоять*, *сидиться* — *сесть* — *сидеть*, *засыпать* — *заснуть* — *спать*, которые Ю. С. Степанов приводит в качестве иллюстрации «основной модели» балто-славянского вида [Степанов 1989, 181], смена ситуаций (достижение внутреннего или внешнего предела) обозначается глаголами СВ, а предшествующие и последующие фазы — глаголами НСВ. В соответствии с терминологией, использованной в [Князев 1997б, 192–197], можно сказать, что СВ в этом случае выражает комплетивное значение, а глаголы НСВ — либо первично-инкомплетивное значение (ср. *встает*), либо вторично-инкомплетивное (ср. *стоит*). Особое положение занимают конструкции с причастиями на -н, -т типа *Дверь была закрыта*, совмещающие комплетивное значение с вторично-инкомплетивным [Князев 1989, 83–89].

Основное отклонение от этой закономерности составляют режимы повествования, ограничивающие употребление СВ: настоящее историческое и прошедшее многократное, в которых русский язык — независимо от достигнутой или недостигнутой предела — использует почти исключительно формы НСВ. Характер протекания действия (фаза его реализации) в обоих случаях определяется по косвенным

признакам: исходя из предельности/непредельности глагола, наличия аспектуально значимых дополнений или обстоятельств, временной или каузальной связи между действиями, причем достаточно четко. Не случайно выбор между НСВ и СВ, необходимый при преобразовании настоящего исторического в прошедшее время, а прошедшего многократного — в однократное, обычно не вызывает особых затруднений (ср., впрочем, [Шатуновский 1999, 238–239]):

- (1) *Чанг жадно начинает (> СВ начал) лакать, А капитан закуривает (> СВ закурил) и снова ложится (> СВ лег) <...>. Уже слышен отдаленный гул трамвая, уже льется (> НСВ лилось / СВ полилось) далеко внизу, на улице, непрерывное цоканье копыт по мостовой, но выходить еще рано. И капитан лежит (> НСВ лежал) и курит (> НСВ курил). Кончив лакать, ложится (> СВ лег) и Чанг (И. Бунин. «Сны Чанга»);*
- (2) *Вспомнив про многое и сообразив, Ольга Ивановна одевалась (> СВ оделась) и в сильном волнении ехала (> СВ поехала) в мастерскую к Рябовскому. Она заставляла (> СВ застала) его веселым и восхищенным своею в самом деле великолепной картиной; он прыгал (> НСВ прыгал), дурачился (> НСВ дурачился) и на серьезные вопросы отвечал (> НСВ отвечал) шутками. Ольга Ивановна ревновала (> НСВ ревновала) Рябовского к картине и ненавидела (> НСВ ненавидела) ее, но из вежливости простаивала (> СВ простояла) перед картиной молча минут пять (А. Чехов. «Попрыгунья»).*

Другой осложняющий фактор — возможность использования одной и той же видо-временной формы для обозначения различных фаз ситуации вследствие метонимического сдвига. Такого рода сдвиг может быть перспективным, предвосхищающим дальнейшее развитие событий; ср. высказывания типа *Мы пропали!*; *Мы погибли!*, в которых действие в будущем представлено как бы уже осуществившимся, либо ретроспективным, когда обозначающее «отстает» во времени от обозначаемого; ср. распространенное использование форм перфекта для обозначения последующего состояния типа англ. *I have got* 'я получил' вместо *I have* 'я имею'.

Ниже с этой точки зрения рассматриваются три группы видо-временных форм русского языка: прошедшее время СВ, настоящее время и конструкции с причастиями на -н, -т.

Прошедшее время СВ

Комплетивность (достигнутость внутреннего или внешнего предела) предполагает взгляд на ситуацию извне, «со стороны». Поэтому формы прошедшего времени СВ сочетаются только с

объемлющими показателями времени, для которых «нормой является внешняя позиция наблюдателя/говорящего» [Падучева 1996, 169]. При этом показатель времени либо задает интервал, соответствующий длительности всей динамической фазы ситуации, которая может быть очень значительной, ср. пример (3), либо указывает на ее начальную точку, ср. пример (4):

- (3) *Не следует забывать, что именно в средние века зародились европейские нации и сформировались современные нации, сложились языки, на которых мы до сих пор говорим* (А. Гуревич. «Категории средневековой культуры»);
- (4) *Когда мы вышли на бережную, Нева поразила меня своей небывалой огромностью* (В. Шефнер. «Имя для птицы»).

Как известно, если значение глагола СВ предполагает достижение результата и в контексте нет прямых указаний на его устранение, формы прошедшего времени СВ предполагают сохранение итогового состояния в момент наблюдения. На этом основывается возможность употреблять эти формы и в таких случаях, когда в описываемый момент налицо лишь сам этот результат:

- (5) *Отец встретил меня в Балтийском порту. Мы не виделись больше двух лет. Он обрадовался, сказал, что я очень вырос. <...> Отец похудел, потемнел, в усах стала заметна седина* (В. Каверин. «Освещенные окна»);
- (6) — *Где же мост? — спросил встревоженно Зуев. Его или смыло или затопило, и вода уже шла над ним толщей в полтора-два метра* (К. Паустовский. «Ночь в октябре»).

Перфектные употребления форм СВ нередко интерпретируются как обозначающие состояние [Рассудова 1968, 24; Прокопович 1982, 58] и, таким образом, в них усматривается проспективный сдвиг от завершенного действия к последующему состоянию. Тем не менее, хотя говорящий видит только результат действия, он обозначает его по контрасту с известным ему предшествующим положением дел: в (5) это внешность героев в момент предыдущей встречи два года назад, а в (6) — знание того, что на этом месте раньше был мост. Можно, следовательно, говорить, что и в этих примерах ассертивным компонентом значения глагола СВ остается обозначение динамической фазы.

На это же указывают и другие особенности функционирования глаголов СВ. С одной стороны, они и в перфектном употреблении совместимы с инклюзивными обстоятельствами типа *за день*, что исключено для статических предикатов:

- (7) *В бледном свете зари стояла в кадке маленькая береза, и я вдруг заметил: почти вся она за ночь пожелтела* (К. Паустовский. «Мещерская сторона»).

С другой стороны, итоговое последующее состояние, имплицуруемое глаголами СВ, недоступно для обстоятельств длительности и времени. Изредка встречающиеся отступления от этой закономерности резко отклоняются от литературной нормы:

- (8) *Долгие годы после независимости от Великобритании (в августе 1957 года) страна как бы застыла на одной точке* («Правда». 10.8.1986);
- (9) *А. Александровский установил: берега рек и склоны оврагов на кануне битвы густо поросли деревьями и кустарниками* («Известия». 29.8.1984).

Таким образом, у глаголов СВ итоговое состояние не отделено от действия, результатом которого оно является. Проблему в этой связи составляет лишь способность некоторых глаголов СВ обозначать пространственное расположение неподвижных географических объектов, не предполагающее предшествующего их перемещения:

- (10) *Между Калимантаном и Филиппинским архипелагом в виде длинного языка протянулась полоса шельфа, окружающая остров Палаван* (А. Кондратов. «Следы — на шельфе»).

Такие употребления глаголов СВ характеризуются ощутимой метафоричностью и семантически немотивированной лексической избирательностью. То же относится и к аналогичным употреблениям глаголов НСВ и причастий на -н, -т; в примерах (10), (11) нельзя употребить причастие *протянута*, а в примере (12), наоборот, нельзя заменить причастие на -н, -т другими глагольными формами:

- (11) *Сухопутная цепочка, или цепочка очень близко расположенных островов, протягивается на восток вплоть до Тимора* (А. Кондратов. «Следы — на шельфе»);
- (12) *Населенные пункты сплошь и рядом были разбросаны среди лесов редкими оазисами, поодаль один от другого* (А. Гуревич. «Категории средневековой культуры»).

Перспективное использование форм прошедшего времени СВ также лексически очень ограничено. К нему можно отнести употребления прошедшего СВ в побудительном значении, а так-

же в значении близкого или неизбежного будущего (см. о нем [Гловинская 1989, 93–96]):

- (13) [Тайсия Петровна]. *Надо, что поделаешь. Пойди, пойдй.* [Анна Степановна]. *Да там дела на две минуты — все на выход, и все. Пошли-ка.* [Нина]. *<...> Пошли, тетя Аня. Я только куртку надену. <...> Счастливо, я пошла. А ты, Коля, поезжай в общежитие* (Л. Петрушевская. «Уроки музыки»).

Настоящее время

Общепринятой интерпретации категориального значения форм настоящего времени — обозначение ситуации, имеющей место в момент речи, — соответствуют различные виды «интратерминального» представления действия или состояния, когда момент речи фиксирует серединную фазу ситуации, а ее начальная и конечная точки остаются вне поля зрения [Князев 1997а, 131–138]. Как писал Э. Кошмидер, называя в ответе на вопрос *Что это ты делаешь?* действие, в процессе осуществления которого находимся в момент речи, мы тем самым констатируем, что только что были и в дальнейшем будем им заняты. Этим же приемом он пользуется и для истолкования форм настоящего времени НСВ, обозначающих повторяющиеся ситуации. Так, предложение *Там страшная эпидемия, люди умирают сотнями* он интерпретирует следующим образом: «Много людей уже умерло, и много, несомненно, еще умрет» [Кошмидер 1962, 129–144].

Вместе с тем характерной особенностью форм настоящего времени является многообразие «смещенных» употреблений, ретроспективных и проспективных.

Ретроспективные употребления выступают в трех основных разновидностях:

а) «настоящее интерпретационное», квалифицирующее некоторое частное событие прошлого как проявление определенного типа поведения субъекта действия [Гловинская 1989, 113–114; Апресян 1995, 231–232; Падучева 1996, 149–151]; это является одной из основных функций форм 2-го лица в утвердительных высказываниях [Каминская, Князев 1996, 60–62]:

- (14) [Серебряков] *Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам, должно быть, противно на меня смотреть.* [Елена Андреевна] *Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто мы все виноваты, что ты стар* (А. Чехов. «Дядя Ваня»);

(15) *Служащий возмутился еще больше и крикнул: «Извольте немедленно пропустить Ленина!» Вдруг Ленин говорит: «Не надо ему приказывать, и тем более не надо кричать. Часовой поступает совершенно правильно»* (М. Зощенко. «Рассказы о Ленине»);

б) «настоящее перфектное», когда «состояние, обозначаемое глаголом НСВ, осмысливается как следствие того перехода, который обозначается глаголом СВ, так что НСВ и СВ описывают с разных точек зрения одну и ту же ситуацию» [Падучева 1996, 95];

(16) [Таисия Петровна] *Без нас ты бы мигом пропал. [Николай] Вот тут ты ошибаешься. Я не пропаду никогда и нигде* (Л. Петрушевская. «Уроки музыки»);

(17) [Соня]. *Папа, ты сам приказал послать за доктором Астровым, а когда он приехал, ты отказываешься принять его. Это не деликатно. Только напрасно побеспокоили человека* (А. Чехов. «Дядя Ваня»);

в) расчлененные перформативные высказывания с модальными глаголами типа *Хочу вас попросить; Хочу извиниться перед вами*, посредством которых говорящий, сообщая лишь о намерении выполнить некоторое речевое действие (и тем самым относя его осуществление в будущее), фактически его уже выполняет.

Перспективные употребления форм настоящего времени («настоящее вместо будущего») используются для обозначения предстоящих действий, которые при несовпадении субъекта будущего действия и субъекта волеизъявления трансформируются в значение побудительности:

(18) [Граня]. *Я сейчас иду в больницу... на три денька. Может, раньше вернуться, постараюсь* (Л. Петрушевская. «Уроки музыки»);

(19) [Василиса] *Ты кто такой? [Лука] Проходящий... странствующий. [Василиса] Ночуешь или жить? [Лука] Погляжу там* (М. Горький. «На дне»);

(20) *Потом он сформулировал мое задание: — «Едешь в Калифорнию. Участвуешь в симпозиуме „Новая Россия“. Записываешь на пленку все самое интересное. Берешь интервью у самых знаменитых диссидентов. Дополняешь все это собственными размышлениями, которые можно почерпнуть у Шрагина, Турчина или Буковского. И в результате готовишь четыре передачи, каждая минут на двадцать»* (С. Довлатов. «Филиал»).

Примечательно, что даже в сочетании с дейктическими показателями времени типа *сейчас* или *сегодня* формы настоящего времени остаются неоднозначными. Обозначаемая ими ситуация,

единичная или узуальная, может включать момент речи, как в примерах (21), (22), предшествовать ему, как в примере (23), или следовать за ним, как в примере (24):

- (21) *Сейчас партизан Шенгелия находится в следственном изоляторе, куда, согласно официальной версии, он явился добровольно («Эксперт». 18.9.2000);*
- (22) *Главная задача — научиться заранее предупреждать население Земли о магнитных бурях. Сейчас это удастся сделать только за 20–40 минут до того, как ускоренные космические частицы ворвутся в земную атмосферу («Известия». 26.9.2000);*
- (23) *Сегодня я сижу да читаю Пушкина. <...> Помнится, «Цыгане» мне попались (И. Тургенев. «Отцы и дети»);*
- (24) [Елена Андреевна]. *Иван Петрович, вы здесь? Мы сейчас уезжаем... (А. Чехов. «Дядя Ваня»).*

Причастия на -н, -т

Предикативные конструкции с причастиями на -н, -т, образуемыми преимущественно от глаголов СВ, в двух отношениях отличаются от исходных глаголов. Во-первых, они характеризуются специфической системой временных форм, в которой одной форме прошедшего времени на -л *прочитал* соответствуют две конструкции с причастиями на -н, -т: *прочитан* и *был прочитан*. Во-вторых, в любой временной форме им свойственна особого рода аспектуальная неоднозначность: в одних случаях они выражают событийное акционально-перфективное значение, ср. примеры (25а), (26а); в других — выступают в функции результата, когда обозначается статическая ситуация, которая обычно (но не всегда) обусловлена предшествующим сознательным действием или спонтанным изменением [Князев 1989, 82–106], ср. примеры (25b) и (26b):

- (25) а. *Свет только что включен;* б. *Свет все еще выключен;*
- (26) а. *Свет был сразу же выключен;* б. *Свет был всю ночь выключен.*

В своей совокупности эти конструкции могут соответствовать всем участкам считающегося универсальным эволюционного пути от результата к акциональному перфекту и далее к неперфективному нарративному претериту [Недялков, Яхонтов 1983, 12–13, 26–30; Маслов 1984, 33; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994, 54–87].

Перфект на *-н, -т* (акциональные конструкции с нулевым вспомогательным глаголом) «выражает законченность действия в прошлом при наличии результата в настоящее время» [Кузнецов 1950, 105]. План настоящего времени для перфекта на *-н, -т* может задаваться по-разному: в примере (27) — это момент произнесения высказывания; в примере (28) — момент речи, мысли или чувства, содержание которых раскрывается в придаточном предложении; в примере (29) — текущее настоящее время персонажа; в примере (30) — настоящее время автора:

- (27) *Вот т-точно такую, — он поднял и показал лопатку, — нам приказано отыскать в этой роще* (В. Богомолов. «Момент истины»);
- (28) *И Степаныч не успокоился, пока не выяснил, кому принадлежал дворец, кем и когда построен* (М. Рощин. «Река»);
- (29) *Латынь не преподается, но Борода по-прежнему ходит в гимназию. <...> Бороде обещан другой предмет, а пока он сидит в учительской и читает* (В. Каверин. «Освещенные окна»);
- (30) *Изучение коры, устилающей дно океанов, начато совсем недавно* (А. Кондратов. «Следы на шельфе»).

В отличие от английского Present Perfect, русский пассивный перфект совместим с обстоятельствами времени, выражающими отнесенность действия к прошлому. При этом явно прослеживается связь между типом перфектного значения и положением обстоятельства времени в линейной структуре предложения. Начальная позиция обстоятельств времени характерна для сообщений о новостях, как в примере (31), а рематическая позиция обстоятельства времени типична для результативного перфекта, как в примере (32):

- (31) *21 мая на заседании краевой избирательной комиссии принято решение удовлетворить просьбу гражданки Поповой* («Известия» 22.5.1999);
- (32) *Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф сделан ровно сто лет назад. Каково? А?* (А. Чехов. «Вишневый сад»).

Одной из важнейших особенностей перфекта, отличающих его от других форм прошедшего времени, считается неспособность обозначать последовательность событий: «именно изоляция данного действия из цепи окружающих его действий создает возможность связи между выполненным действием и текущим моментом» [Иванова 1961, 121]. Перфект на *-н, -т* в целом вполне

удовлетворяет этим требованиям. Для обозначения отдельных эпизодов в цепи событий, как правило, используется акциональный претерит на *-н*, *-т*, который в этом случае нельзя заменить перфектом:

- (33) *Сперва полк стоял под Варшавой, потом был переброшен (*переброшен) на Западный фронт* (В. Каверин. «Освещенные окна»).

Вместе с тем отдельные типы употреблений перфекта на *-н*, *-т* в большей или меньшей степени приближаются к обозначению последовательности действий. Такими свойствами перфект на *-н*, *-т* характеризуется, в частности, в контексте повествовательного настоящего исторического, как в примере (34), и настоящего «биографического», как в примере (35):

- (34) *И вот этот самый Александр II уже в своей столице Санкт-Петербурге едет из дворца на развод караула. На обратном пути <...> под его карету брошена бомба. Взрыв. Убито и ранено несколько казаков императорского конвоя и кое-кто из прохожих. Но судьба еще хранит императора. <...> Но в этот самый момент под его ноги брошена вторая бомба. Он падает* (В. Катаев. «Кладбище в Скулянах»);

- (35) *В 1980 году умирает Владимир Высоцкий, и театр ставит спектакль, посвященный памяти артиста. Власти его запрещают. Запрещена и следующая (1982 г.) постановка Юрия Любимова — пушкинский «Борис Годунов». В 1983 году запрещены репетиции инсценировки булгаковского «Театрального романа». В марте 1984 года Юрий Петрович Любимов освобожден от должности художественного руководителя театра. 11 июля 1984 года <...> его лишают советского гражданства («Известия». 14.9.2000).*

Что же касается стальных причастий на *-н*, *-т* в конструкциях с нулевым вспомогательным глаголом, то они совместимы с недейктивными обстоятельствами времени лишь в том случае, если обозначаемая ситуация может быть переосмыслена как регулярно воспроизводимая. Таким образом, статическая ситуация продолжает сохранять отнесенность к настоящему времени, но только в «сверхдлинном» временном интервале, а настоящий момент выделяет серединную фазу в серии повторений однотипных ситуаций:

- (36) *Зимой Сморгонь занесена глубокими снегами, летом — сплошь лиловая* (В. Катаев. «Кладбище в Скулянах»);
- (37) *Ночью в теплушке темно, двери и окна закрыты* (Б. Пильняк. «Голый год»).

В этом отношении статальные причастия на *-н*, *-т* подобны формам настоящего времени других статических предикатов, в частности адъективным, у которых запрет на сочетаемость с обстоятельствами времени, указывающими на прошлое (ср. недопустимость **Вчера я болен*), может сниматься при их итеративном осмыслении:

- (38) *Скучна мне оттепель: вонь, грязь — весной я болен* (А. Пушкин. «Осень»).

Из рассматриваемых здесь четырех разновидностей конструкций с причастиями на *-н*, *-т* претеритальные акциональные конструкции наиболее близки по своим видо-временным свойствам к прошедшему времени СВ. В обоих случаях показатели времени либо задают объемлющий временной интервал, как в примерах (3) и (39), либо обозначают непосредственно предшествующее действие, как в примерах (4) и (40), причем претерит на *-н*, *-т* также в большинстве случаев не предполагает аннулирования результата обозначаемого действия:

- (39) *Обширный полуостров, существовавший во времена античности, был отрезан от материка в эпоху средневековья и превратился в остров Зюдштранд* (А. Кондратов. «Следы — на шельфе»);
 (40) *Механические часы были установлены в европейских городах тогда, когда нужда в знании точного времени была осознана влиятельными социальными группами* (А. Гуревич. «Категории средневековой культуры»).

Для статальных конструкций характерны иные временные соотношения с обстоятельствами времени. Чаще всего последние в этом случае выделяют один из срединных моментов существования данной статической ситуации, как в примерах (41), (42), который в контексте устойчивых состояний может, по прагматическим соображениям, сдвигаться к конечной точке, как в примере (43):

- (41) *Когда на другой день после обеда я зашел к Волчаниновым, стеклянная дверь в сад была открыта настежь* (А. Чехов. «Дом с мезонином»);
 (42) *В момент нападения Мищенко был одет в шинель с полевыми майорскими погонами* (В. Богомолов. «Момент истины»);
 (43) *Еще в начале пятидесятых годов 85 процентов водораздела было покрыто лесами, сейчас — только 25* («Литературная газета». 26.9.1986).

Эти различия между статальными и акциональными претеритальными конструкциями с причастиями на *-н, -т* особенно заметны в потенциально неоднозначных предложениях:

- (44) *Только что все было неразрывно связано, приковано друг к другу* (В. Каверин. «Освещенные окна») — при акциональном осмыслении: 'до сих пор не было связано и только что стало'; а при статальном: 'до сих пор было связано и только что перестало';
- (45) *По мысли Шренка, когда-то в глубокой древности почти вся Азия была населена палеоазиатами* (А. Кондратов. «Следы — на шельфе») — при акциональном осмыслении: 'когда-то населили и продолжают населять'; а при статальном: 'когда-то населяли, но теперь уже нет'.

* * *

Итак, среди рассмотренных выше видо-временных форм наибольшим многообразием метонимических сдвигов отличается настоящее время, а семантически наиболее однородным оказывается прошедшее СВ. При этом для обеих этих форм возможны и ретроспективные, и проспективные метонимические сдвиги по временной оси, тогда как для причастий на *-н, -т* характерна однонаправленность сдвига, который диахронически является проспективным: от результирующего состояния — к вызвавшему его действию, а по отношению к исходным глаголам СВ — ретроспективным: от действия — к последующему состоянию.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова 1993 — Акимова Т. Г. Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке // Вопросы языкознания. 1993. № 1.
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Избранные работы. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Гловинская 1989 — Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
- ван Дейк 1975 — ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1975.
- Иванова 1961 — Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.
- Каминская, Князев 1996 — Каминская Т. Л., Князев Ю. П. Семантические особенности утвердительных повествовательных предложений

- с формами второго лица // Язык. Культура. Когнитивные науки. М., 1996.
- Кибрик 1992 — *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Князев 1989 — *Князев Ю. П.* Конструкции с русскими причастиями на -н, -т в семантической классификации предикатов // Вопросы языкознания. 1989. № 6.
- Князев 1997а — *Князев Ю. П.* Настоящее время: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Князев 1997б — *Князев Ю. П.* Параметры для типологии вида и русский вид // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1997.
- Кошмидер 1962 — *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Кузнецов 1950 — *Кузнецов П. С.* К вопросу о сказуемости употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. // Труды Ин-та русского языка. 1950. Т. 2.
- Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по русской аспектологии. Л., 1984.
- Недялков, Яхонтов 1983 — *Недялков В. П., Яхонтов С. Е.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Прокопович 1982 — *Прокопович Е. Н.* Глагол в предложении. М., 1982.
- Рассудова 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Степанов 1989 — *Степанов Ю. С.* Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.
- Шатуновский 1999 — *Шатуновский И. Б.* Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar. Chicago; London, 1994.
- Wierzbicka 1988 — *Wierzbicka A.* The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1988.

КОНФЛИКТ НАЧАЛА И КОНЦА

1.0. Немалая часть лингвистических исследований направлена на изучение того, что естественно сочетается друг с другом и что не противоречит языковым законам. На описание положительных данных приходится львиная доля лингвистических исследований. Это и понятно: легче описать то, что закономерно укладывается в существующие рамки, чем то, что конфликтует с другими элементами системы. Нам кажется, что язык настолько изучен с точки зрения закономерных явлений, что настало время основательно заняться исследованием внутриязыковых конфликтов¹. Такой подход можно было бы назвать лингвистической конфликтологией, важную часть которой составляла бы грамматическая конфликтология².

1.1. Существуют два типа конфликтов — структурный и рецептивный. Структурный (интраязыковой) конфликт — это напряжение между языковыми элементами. В рамках структурного конфликта можно выделить интра-, интер- и экстракатегориальный конфликт. Интракатегориальный конфликт — столкновение единиц одной и той же субкатегории (например, глаголов совершенного и несовершенного вида типа *Я буду *прочитать*). Интеркатегориальный конфликт — напряжение между единицами различных гипокатегорий (например, причастия и настоящего времени — *Книга *была читаема*). Экстракатегориальный конфликт — столкновение гиперкатегориальных единиц (скажем, существительного и глагола — *Я *знаю знание*). Рецептивный (познавательный, гносеологический) конфликт возникает в процессе восприятия языкового выражения. Он выступает в двух разновидностях: как однокодовый и разнокодовый. Первый возникает в рамках одного языка (например, родного), второй возникает между двумя или более языками (например, родного и иностран-

¹ Конфликт (лат. *conflictus* 'столкновение') является формой столкновения, разногласия, спора, напряжения, коллизии, сопротивления. Данное понятие выражается различными словами, прежде всего с корнем *конфликт-*: *конфликт, конфликтный, конфликтовать, конфликтующий*.

² Уже существует дисциплина под названием конфликтология, а специалисты по конфликтам называются конфликтологами. В рамках языкознания говорят об этнической конфликтологии, и как единица выделяется конфликттема в противоположность гармонеме [Сорокин 1994].

ного). Его можно назвать интерязыковым. Иногда в одном языке существует гармоничное соотношение элементов, а в другом — гармония нарушается и превращается в дисгармонию. Пример разнокодового столкновения дают сложные количественные числительные. Так, в славянских языках числительное открывают десятки (*двадцать три*), а в немецком — простые числа *dreiundzwanzig* (23), буквально 'три и двадцать'. Единственное исключение в системе славянских языков образует словенский, в котором порядок совпадает с немецким: *tri in dvadeset* (23). При перцептивном конфликте часто возникает обманутое ожидание. Оно появляется, если слово начинается элементом одной части речи, но неожиданно заканчивается элементом другой части речи. Языковые конфликты могут иметь разные виды: конфликт старого и нового, родного и иноязычного, предметного и признакового, активного и пассивного и т. д.

1.2. В глагольной системе конфликтные отношения настолько выражены, что можно говорить об отдельной дисциплине — вербоконфликтологии. Так как она охватывает широкий круг явлений, мы рассмотрим лишь один аспект, а именно конфликтность начала и конца. Точнее, мы попробуем разобраться в вопросе, насколько первый элемент (глагольный или неглагольный) влияет на появление другого (глагольного) и как они гармонируют друг с другом.

2.0. Теоретически перед глаголом может оказаться любая часть речи: глагол, существительное, прилагательное, местоимение, числительное, наречие, предлог, частица, междометие. Но на практике реализуются лишь некоторые из этих возможностей. Для глагола существует обязательное формальное условие: он должен кончатся глагольным маркером — окончанием (-ть, -чь, -и), перед которым может находиться другой аффикс, например суффикс (-ва-, -ива-, -ну- и т. п.).

3.0. Существуют четыре возможности возникновения межчастеречной конфликтности. В трех из них сочетаются гомогенные конститuentы (элементы одной части речи, например глагола) и гетерогенные (элементы различных частей речи, например прилагательного и глагола): 1) глагол + неглагол → глагол, 2) неглагол + глагол → глагол, 3) глагол + глагол → глагол. 4) Четвертая корреляция относится к случаям, когда глагол может иметь более чем два частеречных сегмента.

3.1. Комбинация «глагол + неглагол → глагол» представляет собой бивербальную номинацию, возникшую в результате объе-

динения двух глаголов в один. Она ведет к первому серьезному конфликту: начальный глагол — это структура, вообще говоря, не расположенная к тому, чтобы за ней следовал другой глагол. Такой конфликт настолько существен, что во многих языках неизвестны случаи, чтобы глагол А сочетался с глаголом Б с образованием глагола В. Точнее, бивербы или бивербальные композиты (составные, сложные глаголы, глаголы, состоящие из двух глаголов, т. е. глагольных основ) в некоторых языках вообще отсутствуют, в других же — они очень распространены. В некоторых из них удвоение глаголов служит важным деривационным приемом. Самую многочисленную группу языков с бивербами составляют тюркские языки, в которых сложный глагол, как правило, представляет собой сочетание деепричастий или причастий со вспомогательными глаголами. Сложными словами, в том числе и глаголами, чрезвычайно изобилуют пермские языки. Такие глаголы развились в алтайских языках и широко представлены в хинди. В монгольских языках встречаются парные глаголы. В японском языке сложение основ широко используется при образовании глаголов³. Из индоевропейских языков особого внимания заслуживает немецкий язык. В нем существуют бивербы (двухкомпонентные глаголы — *zusammengesetzten Verben*) типа *bestehen bleiben* 'сохраняться, оставаться', *bleiben lassen* 'оставлять, бросать, не делать', *fahren lassen* 'отказываться, оставлять; упускать', *fallen lassen* 'отказаться', *flöten gehen* 'пропасть, пойти прахом; сломаться, разбиться', *gefangen halten* (первая глагольная форма — причастие) 'задержать', *gefangen nehmen* (первая глагольная форма является причастием) 'брать, захватывать в плен; арестовать, задержать', перен. 'пленять, схватить, задерживать', *gehen lassen* 'оставлять в покое', *sich gehen lassen* 'распускаться, давать себе волю, не сдерживать себя; не следить за собой (за своей внешностью)', *haften bleiben* 'приставать, прилипать; оставаться в памяти, запоминаться', *hängen bleiben* 'повиснуть, зацепиться; застрять; остаться на второй год', *hängen lassen* 'оставить (висеть)', *kennen lernen* '(по)знакомиться; узнавать', *kleben bleiben* 'прилипнуть; застрять', *liegen bleiben* '(продолжать) лежать; оставаться; оставаться неоконченным', *lieben lernen* 'полюбить', *liegen lassen* 'оставлять, забывать; оставлять незавершенным', *ruhen lassen* 'временно прекращать, приостанавливать', *schätzen lernen* 'оценить, проникнуться уважением', *sitzen bleiben* 'оставаться на второй год (в классе); не выйти замуж, ос-

³ См. [Тошович 2000].

таться старой дево́й', *sitzen lassen* 'бросить, покинуть; заставлять ждать, подвести, пообещать и не прийти; оставить на второй год (в классе)', *spazieren fahren* 'кататься, ехать (на прогулку), проехать, прокатиться', *spazieren gehen* 'гулять, прогуливаться', *stecken bleiben* 'застрять', *stecken lassen* 'оставить (торчать) (ключ в замке и т. п.)', *stehen bleiben* 'останавливаться', *stehen lassen* 'оставить (на месте)', *stehen lassen* 'забыть (оставить)', *stiften gehen* 'учредить (музеи, премию и т. п.), основать', *trocken legen* 'осушать (болото), перепеленать (ребенка)', *trocken reiben* 'насухо вытереть', *trocken sitzen* 'сидеть без вина', *verloren gehen* (первая глагольная форма причастие) 'пропадать'⁴. Их первым компонентом является глагол полного лексического значения, а в качестве второго — выступают глаголы *lassen*, *bleiben*, *gehen*, *lernen*, *halten*, *fahren*, *legen*, *nehmen*, *reiben*, *sitzen*. Они расщепляются в презенсе, претерите и императиве. До недавнего времени их писали слитно (*stehenbleiben*), но новые правила правописания рекомендуют раздельное написание.

3.2. В славянских языках соединение двух глаголов в один вызывает системный и непреодолимый конфликт, который препятствует созданию бивербов (нам неизвестны случаи, когда один славянский глагол состоит из двух глаголов, двух глагольных корней), поэтому в этих языках можно говорить лишь об устойчивых комбинациях глаголов, которые определенным образом сближаются с настоящими сложными глаголами. Факт, что ни в одном славянском языке не зарегистрированы бивербы, заставил нас искать случаи, которые были бы близкими к бивербам. Примеры, которые мы нашли, можно разделить на три типа: (1) аналитические грамматические формы, какими являются сложное будущее время (*буду читать*), повелительное наклонение (*пусть читает*), сослагательное наклонение (*читал бы*); (2) синонимические (тавтологические) повторы, парные сочетания, парные слова, которые удваиваются в целях усиления и которые пишутся по-разному (отдельно или через дефис) — *жить да быть*, *жить не тужить*, *жить поживать*, *пить попивать*, *чесать прочесывать*, *говорить поговаривать*, *носить не сносить*, *тащить не притащить*, *звать величать*, *смотреть глядеть*, *просить молить*, *читать не читал*, *горит не горит*, *жду, не дождусь*, *журят бранят*, *идут да идут*, *пьет не напьется*, *тянет потянет*, *жили-были*, *живало бывало*, *бывало-живало*, *почивали-спали*, *выходила-выбегала*, *глядели-смотрели*, *летели и ле-*

⁴ Толкования немецких слов в данном тексте даются по [МультиЛекс 1988].

тели, думал-думал, смотрел-смотрел, искал-искал, ел и не ел, женись да женись, дело делать, видать виды, отдать дань, валом валить; (3) сочетания типа бросить курить, начать читать, перестать плакать, в которых первый глагол (бросить, начать, перестать) часто десемантизирован, обладает ослабленным семантическим значением или имеет широкий круг значений.

3.3. Комбинация «глагол + неглагол» ведет к образованию неглагола, например, когда первым конституентом является императив, а вторым — существительное (*держи морда, перекажи поле, сорви голову* и т. п.)⁵. Так возникают сложные существительные.

3.4. Комбинация «неглагол + глагол» порождает единственные сложные глаголы в русском языке: а) при помощи компонента *полу-* в значении 'не полностью, не до конца, наполовину совершать (совершить) действие, названное мотивирующим (опорным) глаголом': *полузакрывать, полулежать, полудеть, полусидеть* и т. д., б) при помощи местоименного прилагательного *сам* в качестве первого компонента в значении 'самопроизвольно или самостоятельно совершать (совершить) действие, названное мотивирующим (опорным) глаголом', например: *самовоспроизводиться, самоопределиться, самоочищаться* и т. п.⁶, в) использованием основ существительного или прилагательного: *видоизменить, злоупотребить, плодоносить, трудоустроить* [ГАН 1980: I, 391]. Надо подчеркнуть, что нет автоматизма в реализации формулы «неглагол + глагол → глагол». Об этом свидетельствует форма *Айболит*, состоящая из междометия *ай* и формы настоящего времени *болит* и обозначающая человека, который лечит животных (имя героя сказки К. И. Чуковского).

3.5. Конец глагола может вызывать рецептивный разнокодовый конфликт. Так, в русском языке возвратная частица *-ся* находится в постпозиции, но не отделяется от глагола. В сербохорватском языке, наоборот, возвратная частица является подвижной, блуждающей, и занимает разные места в предложении, например: *Dobar čovjek se lako prepozna, Dobar se čovjek lako prepozna, Dobar čovjek lako se prepozna, Prepozna se lako dobar čovjek*. Грамматики утверждают, что частица *se* никогда не может стоять в начале предложения, но такие примеры все-таки существуют: — *Noćeš li doći?* — *Se raz'te*. 'Ты придешь? — Разумеется'. Для иностранцев сербохорватская частица *se* является

⁵ Более подробно об этих образованиях см.: [Тошович 2000].

⁶ В [Рус. орф. сл. 1999] мы насчитали 33 таких глагола. Их опорными компонентами являются глаголы с постфиксом *-ся*.

одним из самых конфликтных элементов в глагольной системе. И немецкое возвратное местоимение *sich*, которое используется как эквивалент русской возвратной частице *-ся*, вызывает немалый конфликт, так как оно изменяется по лицам: *sich erholen* 'отдыхать; поправляться, приходить в себя, оправляться (от испуга и т. п.)': *ich erhole mich, wir erholen uns, du erholst dich, ihr erhalt euch, er, sie, es erholt sich, sie erholen sich*. Кроме того, немецким глаголам иногда не соответствует русский возвратный глагол типа *lernen* — *учиться*, *lachen* — *смеяться*, *baden* — *купаться* (подобная ситуация наблюдается и в русско-сербохорватских корреляциях *стучаться* — *kucati*, *состоять* — *sastojati se* и т. д. В простых предложениях местоимение *sich* стоит после глагола *Der Junge interessiert sich für Sport*. В вопросительных предложениях *sich* используется перед подлежащим, выраженным существительным (*Interessiert sich der Junge für Sport?*), но после подлежащего, выраженного местоимением: *Interessiert er sich für Sport?*

4.0. Глагол вступает в самые различные корреляции с другими частями речи. Но одна из них является в языке господствующей — это противопоставление глагола и существительного. Глагол и существительное отличаются друг от друга многими признаками (семантическими, морфологическими, синтаксическими). Основное различие состоит в том, что существительное является носителем дискретности (прерывности), в то время как глагол выражает непрерывность. Процесс деривации протекает в обоих направлениях: (1) глагол → существительное (*разрешить* — *разрешение*), (2) существительное → глагол (*коса* — *косить*). В начальной позиции может выступать: а) в глаголах сам глагол (в немецком языке *könnenlernen*) и существительное (в русском *пылесосить*), б) в существительных само существительное (*рыболов*) и глагол (*держиморда*). В обоих случаях начало является факультивным. Конец же имеет облигаторный характер — слово должно заканчиваться номинативным элементом (если речь идет о существительных) и глагольным (в случае глагола). Исключений немного. Прежде всего это субстантивовербальные омонимы, которых в русском языке мало (*знать, стать, пасть, печь*), а в немецком — много (*leben* 'жить' — *das Leben* 'жизнь', *trinken* 'пить' — *das Trinken* 'питье', *wissen* 'знать' — *das Wissen* 'знание').

Существительные могут иметь глагольный элемент, не ассоциируемый непосредственно с какой-либо глагольной формой, а также глагольный элемент, подобный императиву. Примерами

с неимперативной частью являются антропонимы *Скалозуб*, *Щелконогов*, фитоним *мухомор* (гриб), названия ветров *золотоноша*, *волкоед*, *снегоед* и т. п. Что касается императивов (императивных глагольных форм, императивных имен), они представляют собой окаменевшие императивные предложения и встречаются во многих языках, ср. в русском *Гуляйполе* (город), *гуляй-поле* (о смуте, мятеже), *Держиморда* (литературный персонаж), *держиморда* 'грубый, деспотичный человек', в немецком *das Rührmich-nichtan* бот. 'недотрога обыкновенная', *der Springinsfeld* 'ветрогон, шалун', в сербохорватском *visibaba* 'подснежник', *Popivoda*, *Pletikosa*.

4.1. Превращение существительных, обозначающих конкретные предметы, в «предметные» глаголы, является нормальным приемом, который не вызывает системной конфликтности: глагол и существительное гармонично сочетаются друг с другом. Поэтому таких субстантивов довольно много, например: *застолбить*, *колбасить*, *меблировать*, *миндальничать*, *мостить*, *оболванить*, *одеколонить*, *пеленать*, *петушиться*, *пружинить*, *пулять*, *пылесосить*, *раскошелиться*, *самоварничать*, *футболивать*, *чайничать*, *чебурахнуть/ся*, *шерстить*. Конфликт возникает на межъязыковом уровне, на котором очень часто эти глаголы теряют предметность. Скажем, в переводе с сербохорватского на русский она нейтрализуется у более чем 700 глаголов, ср.: *čeličiti* 'закалять', перен. 'закалять, укреплять', *dlakaviti (se)* 'покрываться шерстью, обрастать волосами (на теле)', *drvariti* 'рубить дрова (в лесу), торговать дровами', *depariti* 'воровать', *gajtaniti* 'обшивать шнуром, тесьмой, галунами; нашивать шнуры, тесьму, галуны (на платье)', *kamenovati* 'забрасывать камнями', *ojagnjiti* 'принести ягнят, окотиться', *ojužiti* 'потеплеть (о погоде)', *okišati se* безл. 'стать дождливой (о погоде)', *pesničati* 'бить кулаками', *poseljačiti se* 'стать крестьянином, омужиться', *ptičariti* 'заниматься ловлей птиц, торговать птицами', *puškarati* 'простреливать, расстреливать', *pčelariti* 'заниматься пчеловодством, бортничать', *rebriti* 'ходить, идти боком, вышивать косым швом', *rebriti se* 'важничать, куражиться, зазнаваться', *sokoliti (se)* 'подбадривать, бодрить', *usidriti* 'бросить якорь, поставить судно на якорь', *zadjevojičiti se* 'стать девушкой', *zamrežiti* 'покрыть сеткой, паутиной'⁷. Для некоторых сербохорватских глаголов трудно найти соответствующий русский эквивалент, например: *srbovati* 'жить, как серб; вести себя, как настоящий, заправский серб'.

⁷ Русские эквиваленты в данном тексте приводятся по [Толстой 1970].

Межъязыковая конфликтность (столкновение ментальностей, склада мышления) особенно проявляется в случаях, когда глагол открывается существительным, выражающим характеристику данной ментальности (русской, немецкой, сербохорватской...), ее доминанту и т. п. Например, сербохорватское существительное *rakija* 'водка' можно превратить в глагол *rakijati* и получить значение 'попивать, пить водку (ракию)'. В русском языке такой прием является конфликтным (нельзя на основе существительного *водка* образовать соответствующий глагол), и поэтому предметность здесь не преломляется в глагольность. И наоборот, в немецком языке слово *der Schnaps* 'водка, шнапс' трансформируется в глагол: *schnäpse(n), schnapsen* 'пить водку (шнапс)'. Для сербов, хорватов и бошняков (боснийских мусульман) характерно, что они пьют много кофе, и не случайно, что в их языке (языках) часто используется соответствующий глагол: *kafenisati* (преимущественно у сербов), *kavenisati* (преимущественно у хорватов) и *kahvenisati* (преимущественно у бошняков). Русские меньше пьют кофе, из-за чего в доступных нам словарях отсутствует глагол *кофейничать* (хотя он встречается в разговорной речи). Но зато русские любят пить чай⁸, и в их языке развился ряд «чайных» глаголов: *чайничать* 'пить чай, проводить время за чаепитием', *чайёвничать* 'проводить время за чаепитием', *самоварничать*, 'пить чай, сидя у самовара, за самоваром', которых нет в сербохорватском языке. Немцы и австрийцы пьют и чай, и кофе, но последний напиток, согласно статистике, пользуется большей популярностью, поэтому в немецком языке развился ряд субстантивов с существительным *der Kaffe* и соответствующим глаголом или глагольным корнем: *die Kaffeefahrt* 'послеобеденная прогулка, экскурсия (на автобусе, пароходе) с питьем кофе', *der Kaffeeanbau* 'разведение кофе, выращивание кофейного дерева', *der Kaffeeklatsch* 'сплетни', *das Kaffeekränzchen* 'встреча приятельниц (за чашкой кофе)', неообр. 'сборище кумушек'. Сочетание *Tee* + глагол также не является конфликтным, так как можно привести ряд примеров типа *das Teetrinken* 'чаепитие', *der Teeanbau* 'чаеводство', *die Teepflückmaschine* 'чаесборочная машина'. В соответствии с господством того или другого напитка (кофе или чая) в этих трех социокультурных средах развились субстантивовые *чаепитие*, *kafenisanje/kavenisanje/kahvenisanje*, *Teetrinken*. И еще одна особенность: русский субстантив *само-*

⁸ Некоторые такое пристрастие называют *чаеманией* (Наталья Арсеньева. Московский комсомолец, 8.2.2001, с. 7).

вар теряет в немецком эквиваленте глагольность: *die Teemaschine* (в самом русском языке можно встретить выражение *машина для приготовления чая*⁹), а в сербохорватском русское слово *самовар* принято без изменений (самовары появились в XVIII в. и считаются русским изобретением).

По сравнению с русским и сербохорватским своеобразие немецкого языка составляют предметные глаголы с приставкой *be-*, при переводе которых теряется исконная предметность: *behausen* 'приютить', *beherzigen* 'принимать к сердцу; принимать во внимание', *bekleiden, bekleidet sein* книжн. 'быть одетым во что-л.', *bekohlen* 'заготавливать уголь; загружать (засыпать) уголь', *belagern* 'осаждать', *benageln* 'подбивать гвоздями (обувь), приколачивать гвоздями', *bepflanzen* 'засаживать, обсаживать (растениями)', *bepflastern* 'мостить (улицу), накладывать (наклеивать) пластырь, (сильно) обстреливать', *beräumen* 'расчищать (строительную площадку и т. п.)', *beregnet* 'дождевать, орошать дождеванием', *bereifen* 'надевать шины, набивать облучи', *beschildern* 'оборудовать дорожными знаками (указателями) (улицу, дорогу), снабжать табличками (например, растения в ботаническом саду)', *beschneien* 'покрывать (заносить) снегом', *betatschen* фам. '(грубо) ощупывать, лапать', *bezetteln* 'наклеивать ярлыки (этикетки)' и т. п. Для некоторых немецких предметных глаголов нет эквивалентов в русском языке, а есть в сербохорватском: таким является глагол *zuckern* 'посыпать сахаром, подслащивать; класть сахар (в пищу)' — сербохорв. *(za)šećeriti*. Эти три языка создают и другие типы конфликтности, например трехнаправленную, когда однокоренные глаголы имеют различные значения, ср. сербохорватские глаголы *školovati se, školati se* ('давать образование, обучать'), немецкий глагол *beschulen* ('обеспечивать школами, проводить занятия') и русский глагол *школить* ('внушать кому-н. строгие правила поведения, муштровывать').

4.2. Бывают случаи, когда существительное, у которого соответствующий глагол, вообще говоря, отсутствует (точнее, его не принято образовывать), все-таки вторгается в сферу глагола, глаголизируется, получает формальный вербальный элемент и превращается в настоящий глагол. Поэтому такие образования мы называем фантомными глаголами, или вербофантомами. В восприятии таких глаголов возникает познавательный конфликт, вызванный столкновением предметности, которую выражает корневая морфема существительного, и глагольности (признако-

⁹ Московский комсомолец, 8.2.2001, с. 7.

ности), которую передает аффиксальный маркер. Типичным примером является рекламное новообразование: Не тормози. *Сникерсни!* Первую часть (основу) формы *сникерсни* составляет существительное, вторую — глагольный суффикс *-н-* и окончание *-и*. В данном слове предметность приобретает значение процесса, но сама при этом не исчезает, а преломляется в глагольности. Словоформа *сникерсни* несет два типа информации — своего рода начальный и конечный. Первый соотносится с предметом, т. е. осуществляется таксономизация (выделение в группе подобных предметов — сладких батончиков) и идентификация ('это сникерс'). Список фантомных глаголов можно продолжить: *памперснуть* (Не тормози — *памперсни!* (<http://www.anekdot.ru/an/an9901/x990110.html>)), *канарить* (*Канарь!* — в телевизионной рекламе; от *Канарские острова*), *придачить*, *приавтомобилить* (Я его и придел, и прибул, и «придачил», и «приавтомобилил» (Аргументы и факты, 7.11.2000, с. 3).

5.0. Имена прилагательные и гармонируют, и конфликтуют с глаголами. Существуют слова, которые обладают свойствами обеих частей речи и которые мы называем адъектовербами. Их объединяет то, что они выражают признак. В категорию адъектовербов входят разряды имен прилагательных, имеющие глагольный характер (интравербы), и разряды глаголов, имеющих адъективный характер (экстравербы). Число прилагательных, мотивированных глаголами, довольно велико: одни из них имеют суффикс *-л-* (*умелый, спелый, усталый, гнилой, позеленелый, отсталый, былой, застоялый*), другие *-т-* (*битый*), третьи *-н-* (*завидный*) или же другой формант (*раздаточный, съедобный, танцевальный, очаровательный, болтливый*). Конфликт возникает, если прилагательное предшествует глаголу и в результате создается адъектоверб. Поэтому в русском языке таких примеров мало, а в немецком, наоборот, много: *offen bleiben* 'оставаться открытым (о двери и т. п.)', 'оставаться открытым, нерешенным (о вопросе)', *offen lassen* 'оставлять открытым (окно и т. п.)', *offen stehen* 'быть открытым (об окне и т. п.)', *nahe bringen* 'познакомить; сблизить', *nahe gehen* 'близко затрагивать, близко касаться', *nahe legen* 'напрашиваться (о сравнении, мысли и т. п.)', *nahe liegen* 'напрашиваться (о сравнении, мысли и т. п.)', *näher kommen* 'сближаться, вступать в (более тесный) контакт, приближаться, быть сходным'. Раньше такие адъектовербы писали вместе, но новые правила правописания рекомендуют раздельное написание. Конфликт также возникает, если мы хотим начать адъектоверб сравнительной или превосходной степенью прилагательного.

У нас есть лишь один такой пример — сербохорватский суперлативный глагол *najvoljeti* 'любить больше всего, больше всех' ¹⁰.

6.0. Местоимение с трудом поддается глаголизации. В начальной позиции могут быть личные местоимения *ты* и *вы*: *тыкать* (прост. 'обращаться на «ты», быть на «ты»'), *выкать* (прост. 'обращаться на «вы», быть на «вы»'), а также определительное местоимение *сам* (см. 3.4). В немецком языке существуют подобные примеры: *duzen* 'обращаться на «ты», быть на «ты»', *siezen* 'обращаться на «вы», быть на «вы»'. Такая же ситуация и в сербохорватском: *tikati* 'обращаться на «ты», быть на «ты»', *vikati* 'обращаться на «вы», быть на «вы»'. В русском языке мы не нашли примеров, когда притяжательное или определительное местоимение открывало бы глагол, но такие примеры существуют в сербохорватском, ср.: *svojatati* 'присваивать, присвоить', *svaštari* 'продавать всякую всячину, быть мастером на все руки, заниматься всякими делами' (*svašta* — местоимение со значением 'все что угодно, всякая всячина') ¹¹.

7.0. Большой конфликт наблюдается в оглаголивании числительных. Глагол и числительное являются семантически несовместимыми частями речи, так как глагол выражает качество, а числительное — количество. Но количество в принципе тоже является признаком, поэтому между глаголами и числительными все-таки можно найти точки соприкосновения. На этой основе возникает нумеровербал — грамматическая корреляция, состоящая из совместимой связи глагола и числительного. Нумеральных глаголов очень мало, и они никогда не выражают уменьшение, а только увеличение, разделение или соединение: 1. Разделять на столько единиц, сколько названо мотивирующим числительным: *двоить* — разделять надвое, ср. также *троить*, *четверить*. Тип проявляет продуктивность в образованиях от числительных первого десятка: Этот кусок придется не двоить, а *пятерить* или *шестерить* (устар.). 2. Соединить в группы, состоящие из столько единиц, сколько названо мотивирующим числительным: *сдвоить*, *строить*, *счетверить*, *спятерить*, *шестерить* (соединить

¹⁰ Об этом глаголе см. [Тошović 1995, 346].

¹¹ Нам кажется, что существительные легче, чем глаголы, могут интегрироваться с местоимениями (ср. *отсебятина* 'собственные слова, вставляемые в чужую речь при ее передаче, а также поступки, совершаемые самовольно, вопреки тому, что приказано, предписано': Нести *отсебятину*).

в группы, состоящие из столькох единиц, сколько названо мотивирующим числительным), 3. Увеличить во столько раз, сколько названо мотивирующим числительным: *удесятерить* [ГАН 1980, I, 336].

В русском языке мы не нашли примеров, когда глагол открывается числительным *один* (но зато в немецком языке их довольно много: *einführen, einfahren, einsteigen* и т. п.; в настоящее время *ein-* считается приставкой). Существуют глаголы, в основе которых находится корень *перв-* (*первенствовать* 'быть первым, обладать первенством') и иноязычный корень *уни-* (*унифицировать* 'привести/приводить к единообразию'). Числительным *два* открываются глаголы *двоить* ('раздваивать, разделять надвое, вторично вспахивать'), *двоиться* ('раздваиваться, разделяться надвое, казаться двойным, как бы удваиваться', 1 и 2 л. не употр.), *сдвоить*, *удвоиться* ('увеличиться, усилиться вдвое'), *двоедушничать* ('увеличить, усилить вдвое'), *двурушничать* ('быть двурушником, поступать как двурушник'). Существует и глагол с иноязычной морфемой *дубл-*: *дублировать, сдублировать, продублировать*. Числительное *три* появляется в глаголах *троить* ('соединить вместе три части, три предмета'), *троиться* ('разделяться натрое', 'казаться тройным'), *трезвонить* ('звонить в три колокола, а также вообще в несколько колоколов'), *утроить* ('увеличить, усилить втрое, в несколько раз'), *утроиться* ('увеличиться, усилиться втрое, в несколько раз'). Остальные числительные оглаголиваются реже. Числительным *четыре* открываются глаголы *четвертовать* (в старину 'казнить отсечением рук, ног и головы') и *учетверить*. Числительное *пять* образует глаголы *пятерить, упятерить*. Числительное *шесть* входит в состав единичных глаголов: *шестерить, ушестерить*. Примеров с числительными *семь, восемь и девять* мы не нашли. С числительного *десять* начинается глагол *удесятерить*.

В других языках наблюдается подобная же ситуация. Так, в сербохорватском языке следующие числительные инициализируют глаголы: *bipolarizirati, duplicirati, unificirati, triplirati, dvoumiti se, devetiti se, udvostručiti, utrostručiti, učetvorostiručiti, upetostručiti, udesetorostručiti, desetkovati, podvostručiti, prvačiti, dvojiti, dvojačiti, trećačiti*. В немецком языке такими являются: *unifizieren, dublieren, verdoppeln, verdreifachen, vierteilen, verzehnfachen, zweifeln*.

8.0. Глаголы и наречия вступают в различные синтаксические и деривационные связи. Глагол является самостоятельной частью речи, а наречие — зависимой; в предложении глагол открывает

место для других частей речи, в то время как для наречия место открывают другие части речи — глагол (читать *быстро*) или прилагательное (*очень* добрый человек). Их объединяет семантика выражения признака. Но глагол выражает признак самостоятельно, а наречие — нет. Оно, как правило, указывает на признак признака, точнее, в сочетании с глаголом или прилагательным наречие выражает степень признака. В ограниченных случаях может возникнуть адвербовербал — совместимая корреляция глагола и наречия.

Наречия активно вступают в синтаксическую связь с глаголом, но зато почти не оглаголиваются. Здесь можно привести лишь (просторечный) глагол: *иначе*. Существуют наречия, образованные от глаголов при помощи различных суффиксов: *-мя* (*стоймя, торчмя, лежмя*), *-ом/-ком* (*мельком, кувырком, волоком, дыбом, катом, насыпом, поедом, наездом, слыхом, проездом, битком, ходуном*) или другим способом (*ощупью, насыпью, настороже, урывками*).

В немецком языке глагол и наречие не конфликтуют так сильно, как в русском языке, поэтому адвербовербов больше, чем в русском: *nach legen* ('подкладывать, прибавлять, подбавлять' — дрова, уголь в огонь), *genau genotmen* 'строго говоря, собственно говоря, в сущности' (по новому правописанию они пишутся раздельно). В сербохорватском языке своеобразным является наречие, образованное от двух императивов: *dajbudi* (устар. 'по крайней мере, хотя бы, по меньшей мере').

9.0. Предлог не сочетается синтаксически с глаголом, но глагольные приставки фактически являются предлогами, и их можно назвать связанными, несвободными, предлогами. На межъязыковом уровне появляются разные виды конфликтности. Так, своеобразие немецкого языка составляют глаголы с отделяемыми компонентами (*Verben mit trennbaren Präfixen, trennbare Halbpräfixen*): *ab-, an-, auf-, aus-, bei-, da(r)-, ein-, empor-, fort-, her-, hervor-, los-, mit-, nieder-, weg-, weiter-, wieder-, zu-* и т. д. (неотделяемыми приставками являются *be-, emp-, ent- ge-, er-, ent-, emp-, miß-, ver-, wider-, zer-* и др.). Отделяемые компоненты появляются в формах презенса, претерита и императива после глагола (*aufmachen* — *machte auf*), в формах причастия 2 предшествуют элементу *ge-* (*aufgemacht*). Если глагол стоит не в конце предложения, то отделяемый компонент занимает конечное положение в предложении: *Setzen Sie fort!* 'Продолжайте!', *Rufen Sie bitte an!* 'Позвоните, пожалуйста!'. Приставка отделяется в

презенте и претерите и стоит в конце: *Sie treten im Konzert auf* 'Они выступают на концерте'. У носителей славянских языков немецкие отделяемые компоненты вызывают большой рецептивный конфликт и воспринимаются как странное явление.

Блуждающие глагольные компоненты встречаются и в других языках (например, возвратная частица *se* в сербохорватском языке).

10.0. Конфликтной является глаголизация союза, поэтому такие примеры найти трудно. Один мы обнаружили в сербохорватском языке: *dakati* 'использовать конструкцию *da* + настоящее время' (Ноћу *da* čitam).

11.0. В объединении с глаголом частицы ведут себя по-разному. Одни из них стоят перед глаголом (*не* понимать, *да* здравствует, *давай* напишем, *пусть* напишет, *пускай* напишет, *бывало* идешь и думаешь, *смотри* не упади), другие заканчивают глагол (*давайте*, *скажи-ка*, *понимать-то*), третьи используются после глагола (*написать же*, *прочитал бы*, *прочитал ли*, *я хотел было*).

12.0. Между глаголами и междометиями, на первый взгляд, нет ничего общего. Однако эти две части речи сближает апеллятивная функция (носителем которой в глагольной системе является в первую очередь повелительное наклонение). Они могут создать интегральную форму — экскламоверб. Эти части речи вступают в двойную корреляцию. С одной стороны, междометия пополняются глаголами (*постой*, *погоди*, *давай*), с другой — многие глаголы начинаются с междометия (*а*кать, *а*хать, *ау*кать, *ау*каться, *бах*нуть, *бах*нуться, *баю*кать, *бря*кать, *бря*каться, *бух*нуть, *гав*кать, *гу*кать, *ку*ковать, *кудах*тать, *ку*карекать, *мяу*кать, *ну*кать, *о*кать, *сю*сюкать, *тпру*кать, *лю*люкать, *у*ска-кать, *фук*нуть, *хихи*кать, *шушу*каться, *цы*кать и т. п.). Рецептивный конфликт вызывает усечение глаголов и превращение их в формы, которые мы называем аористоидами (в литературе встречаются названия: глагольные усеченные формы, междометные глаголы, глагольные междометия, сказуемостные междометия, глагольно-междометные формы, междометие-глагол, глагол-междометие, формы ультрамгновенного вида, глагольные частицы, прошедшее время мгновенно-произвольного действия): *бах*, *верть*, *глядь*, *морг*, *нырь*, *ляп*, *прыг*, *скок*, *стук*, *толк*, *трах*, *тресь*, *тык*, *тяп*, *хап*, *хвать*, *хлесть*, *шмыг*. Они обозначают частые, резкие или стремительные движения. Конфликт состоит в том, что в них есть начало, а конец — отсутствует, поэтому такие фор-

мы можно назвать незавершенными. Аористовербы иногда удваиваются: *цап-царап, трюх-трюх, тяп да ляп, хруп-хруп*.

13.0. Особый случай образует двойной ложный императив (двойной псевдоимператив) типа *шалтай-болтай* 'без всякого дела, цели, занятия', *шалай-валяй* 'кое-как, небрежно, плохо' (Уроки делает *шалай-валяй*), а также двойной псевдоперфект *трали-вали* 'ерунда, пустяки, пустая болтовня'. Их конфликтность состоит в (1) сочетаемости неглагольных элементов, вызывающих ассоциации с глагольностью, (2) семантизации, указывающей на субстантивность, и (3) затруднении частеречной идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

- ГАН 1980 — Русская грамматика. В 2-х т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н. Ю. Шведова М., 1980.
- МультиЛекс 1998 — Русско-немецкий, немецко-русский электронный словарь МультиЛекс (MultiLex)–2. М., 1998.
- Ожегов/Шведова 1998 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Сорокин 1994 — Сорокин Ю. А. Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- Рус. орф. сл. 1999 — Русский орфографический словарь / Отв. ред. В. В. Лопатин М., 1999.
- Толстой 1970 — Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1970.
- Тошович 2000 — Тошович Б. Глагольность ономастических композитов // *Słowiańskie composita antroponimiczne*. Lublin, 2000. S. 271–289.
- Tošović 1995 — Tošović Branko. Stilistika glagola. Wuppertal, 1995.

О СОВМЕСТИМОСТИ НАЧАЛ И КОНЦОВ, ИЛИ СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРИСТАВКИ *ВЫ-* И ПРЕДЛОГА *В*

В современной лингвистике широко используется метод реконструкции семантики языковых единиц через исследование их сочетаемости. При этом задача, которая стоит перед лингвистом, заключается в объяснении существующих запретов и предпочтений сочетаний данного слова с типичными для данного класса слов контекстами. Так, в литературе по аспектологии широко представлены исследования сочетаний глагола с наречными модификаторами или, напротив, сочетаний данного наречия с различными глагольными лексемами; семантика существительных исследуется путем анализа языкового поведения данного существительного в контексте прилагательных и т. п.

В недавнее время внимание исследователей привлекли также факты, ставящие проблему объяснения не только совместимости/несовместимости в одном предложении, скажем, глагола и его контекста, но и «сочетаемости» глагольных модификаторов между собой. Так, в работе [Падучева 1999] приводятся следующие примеры:

- (1) а. *Окно было открыто пятнадцать минут*;
б. *Окно было открыто час назад*;
в. **Окно было открыто час назад пятнадцать минут*.

Сочетание темпоральных модификаторов *час назад* и *пятнадцать минут*, по отдельности допустимых в данном глагольном контексте, приводит к аномальности фразы ¹.

Аналогичные проблемы встают и при взаимодействии таких глагольных контекстов, как приставки и наречия. Например, приставка *по-* и наречие *неотлучно* по отдельности допустимы в контексте глагола *стоять*, ср.:

Работа выполнена при финансовой поддержке INTAS (проект INTAS-96-0085) и РФФИ (проект № 01-06-80419).

¹ Запрет объясняется тем, что обстоятельство времени *час назад* актуализует в семантике глагола событийный компонент, а обстоятельство длительности *пятнадцать минут* требует акцента на состоянии, — эти две актуализации исключают одна другую [Падучева 1999, 20].

(2) а. *Постой у телефона!*

б. *Стой неотлучно у телефона!* —

тогда как фраза

в. ^{??} *Постой неотлучно у телефона!*

оказывается некорректной ².

Подобные факты требуют выявления правил взаимодействия значений адвербиальных единиц — наречий и наречных выражений, приставок, предлогов (а не только выявления семантических ограничений на заполнение семантических валентностей адвербиала).

В данной работе нас будет интересовать «сочетаемость» глагольной приставки *вы-* и предлога *в*, вводящего существительное в винительном падеже.

* * *

Приставка *вы-* и предлог *в* выражают, казалось бы, противоположную направленность движения. Так, в случае приставки *вы-* путь обычно начинается в более замкнутом пространстве и ведет в более открытое пространство, ср. *выйти из комнаты* ³. В случае же предлога *в*, напротив, «концом» пути оказывается более замкнутое пространство, ср. *идти в комнату*. Но несмотря на это, приставка *вы-* и предлог *в* часто встречаются в одной фразе, сочетаются друг с другом, ср. *выехать в Неаполь, выстрелить в дерево, высадить рассаду в грунт*. Конфликта направлений, задаваемых *вы-* и *в*, при этом не происходит, потому что имя, вводимое предлогом, в контексте приставки *вы-* осмысливается как направление, цель или назначение «пути», задаваемого приставкой. Иными словами, отрезок пути, задаваемый предлогом *в*, как бы «сопрягается» с *ВЫ-* «путем», продолжает *ВЫ-* «путь», интерпретируется как направление или как конечная область, цель, назначение *ВЫ-* «пути».

² Дело, по всей видимости, в том, что приставка *по-* предполагает временную неопределенность, как бы необязательность действия *V* в данный период, что не совместимо со смыслом наречия *неотлучно* (*неотлучно* употребляется, когда субъект находится рядом с таким объектом, который требует приложения сил, каких-то услуг со стороны субъекта, ср. *неотлучно был рядом с больным, но ?неотлучно был рядом с деревом* — для допустимости этого предложения нужен очень сильный прагматический контекст, задающий необходимость для субъекта находиться рядом с деревом; подробнее см. [Филипенко 1994]).

³ Ср. описание значения глагола *выйти* в [Апресян 1995, 491].

Ниже будут рассмотрены закономерности сочетаемости приставки *вы-* и предлога *в*. При этом темпоральные употребления предлога, типа *в пятницу, в середине дня*, учитываться не будут.

Глаголы с приставкой *вы-* могут описывать ситуации трех родов:

1) ситуации реального движения, когда объект *Tr* (траектор) движется в физическом пространстве (*domain*)⁴, ср. *выехать*; «путь» при этом составляют точки пространства, упорядоченные по времени их прохождения субъектом движения (ср., например, [Langacker 1987]);

2) ситуации метафорического движения, когда меняются состояния траектора во времени, ср. *выйти в отставку*⁵;

3) ситуации виртуального, умозрительного движения, типа *Окна выходят в сад* — здесь глагол вводит в статическую ситуацию «окна выходят в сад» перспективу, направленную по линии движения из внутреннего пространства во внешнее, и виртуальный «путь» образуют точки пространства, упорядоченные данным направлением⁶.

Рассмотрим последовательно закономерности сочетаемости *вы-* и *в* при обозначении указанных трех типов ситуаций.

1. Сочетаемость *вы-* и *в* в ситуациях реального движения

Употребления *в*, связанные с реальным ВЫ-«путем» (когда объект движется в физическом пространстве), как уже было сказано, вводят имя, задающее направление и/или конечную область (цель), а также назначение движения. Так, предложение

(3) *Коммивояжер выехал в Неаполь*

описывает движение траектора — коммивояжера — в направлении Неаполя и с целью достичь Неаполя. Аналогичные примеры реального движения в определенном направлении, с определен-

⁴ О терминах когнитивной семантики «траектор», «*domain*» см., например, [Филипенко 2000].

⁵ Ср. описание приставки *вы-* [Свецинская 1997], где рассматриваются два основных типа употребления данной приставки — с глаголами, описывающими перемещение объекта в пространстве, и с глаголами, обозначающими изменение объекта.

⁶ Подробнее о данных видах «пути» и языковых средствах их выражения см. [Филипенко 2000а].

ной целью или назначением — это ситуации, описываемые выражениями *выступить в поход, выйти в сени/в круг, солдаты высыпали в поле* и др. Сюда же относятся выражения, в которых траектор играет роль пациенса, — это ситуации каузации движения, типа *вытащить/выкинуть/выбросить/вынести/выставить мебель во двор, вытеснить/выгнать/выставить кого-л. в соседнюю комнату, выслать деньги/осужденного в Томск, высадить рассаду в грунт* и проч. Траектор может и не иметь поверхностного выражения, как в сочетании *выстрелить из пистолета в дерево*, где перемещающийся объект — ‘пуля’ — не назван.

Замечание. Обычно специфика ВЫ-«пути» (по сравнению с другими перемещениями) определяется в литературе как движение объекта из одного пространства в другое, внешнее и вторичное по отношению к первому пространству, причем эти пространства являются смежными и разделены границей (реальной или абстрактной), см. [Свединская 1997, 150]. Отсюда невозможность выражений **выйти с улицы во двор/со двора в дом* и под. [там же] — поскольку они предполагают движение из более открытого пространства в более замкнутое. Ниже мы не рассматриваем подобные запреты на сочетаемость *вы-* и *в* (когда вводимое предлогом *в* имя нельзя осмыслить в данном контексте как обозначающее более «внешнее» пространство по отношению к тому пространству, откуда берет свое начало ВЫ-«путь») — запрет на подобные логически противоречивые выражения, так сказать, тривиален.

Заметим только, что допустимость сочетания *вы-* глагола, обозначающего реальное движение, и предложной группы *в + У* (в В. п.) всегда свидетельствует о существовании более «замкнутого» в сравнении с ‘У’ пространства, ср. предложение *Дорожка вывела нас в лес*, имплицитное существование более закрытого в сравнении с лесом пространства (скажем, лабиринт, пещера и т. п.). С другой стороны, «открытость» У-пространства может быть чисто психологической (а не реальной, физической открытостью), ср. допустимые сочетания *выйти в тамбур <из вагона>, выглянуть в коридор <из зала>, вытеснить кого-л. в соседнюю комнату* и под. (при крайней сомнительности *??выйти в лифт* (о человеке) — поскольку трудно представить в каком-либо отношении более «закрытое» в сравнении с лифтом пространство).

Не рассматривается и проблема концептуализации языком имен пространств — скажем, почему по-русски нельзя сказать **выйти в улицу*, тогда как во французском языке в данном случае используется предлог *dans* ‘в’ (*sortir dans la rue*); при этом русск. *выйти в переулок* является допустимым. Данная проблема, как представляется,

касается прежде всего собственно предлога *в*, а не его взаимодействия с приставкой *вы-*.

Допустимость сочетания *вы-* и *в* в одном предложении зависит от того, насколько легко ВЫ-«путь» осмысливается как имеющий определенное направление и/или цель (конечную область движения), а также назначение. Например, выражение *вылить воду в бочку* очень естественно, так как ВЫ-движение массы легко помыслить как перемещение ее в некоторое вместилище (ср. также *выгрузить грузы в сарай, выбросить/выложить мусор в корзину для бумаг* и т. д.). Опять-таки допустимо сочетание *выписать слова в тетрадь*, поскольку ситуация 'выписать слова' также предполагает «движение» слов в определенную область пространства (ср. аномальное сочетание **вычеркнуть слова в тетрадь*, когда в результате метафорического ВЫ-движения слова перестают существовать; подробнее см. раздел 2).

В ситуациях, описываемых выражениями типа *вызвать врача/выписать газету в школу*, движение траектора отнесено к будущему: в данных ситуациях объекту приписывается статус «объект каузирован двигаться в будущем...».

В выражениях типа *выглянуть в окно, вылезти в дыру, выскользнуть в лазейку* предлог *в* вводит имя, обозначающее «проем». Окно, дыра, лазейка — это не цель или назначение ВЫ-«пути», в этом случае ВЫ-«путь» мыслится как проходящий сквозь или через данный проем — и тем самым имеющий соответствующее направление. Иными словами, имена проемов задают направление ВЫ-«пути».

Во многих случаях присоединение к *вы-* глаголу предложной группы заставляет осмыслять ситуацию, описываемую в предложении, как имеющую цель/направление, — хотя вне контекста предлога *в* такого компонента смысла в значении глагола нет⁷, ср. *выселить кого-л. в ближайший район, выписать кого-л. из больницы в санаторий, выдохнуть воздух в окно* и проч.

Однако подобное «расширение» ситуации за счет смысла предложной конструкции возможно не всегда. Рассмотрим пределы сочетаемости приставки *вы-* и предлога *в*.

Присоединение предложной группы оказывается недопустимым, если ВЫ-«путь» нельзя помыслить как имеющий цель/назначение или ведущий в определенном направлении. Такими ВЫ-«пу-

⁷ Проблема семантического взаимодействия глагола и нестандартного глагольного контекста подробно обсуждается, например, в грамматике конструкций [Goldberg 1995], см. также [Филипенко 1997].

тями», во-первых, являются ситуации неуправляемого движения траектора. Так, не говорят **выронить ложку в тарелку*, **выбивать пыль/ковёр в окно* (траектором в данном случае является пыль), **кровь выступила в марлю*, **вода уже вытеснила газ в...*, нельзя **выпустить птицу на свободу в Рим*, потому что полет птицы не контролируется, — в то время как сочетание *меня выпустили в театр* вполне допустимо, поскольку направление движения человека, в отличие от птицы, может быть управляемым, и т. п. Ср. также предложение

(4) *Солнце выглянуло из-за туч*,

описывающее неуправляемое ВЫ-движение, — поэтому сочетание *??солнце выглянуло в...* оказывается аномальным. Надо заметить, что движущимся объектом в ситуации 'солнце выглянуло из-за туч' в действительности являются скорее тучи, но язык «видит» данную ситуацию как перемещение именно солнца — из «замкнутого» пространства (границы которого задают тучи) в более открытое.

Во-вторых, не определяются предлогом *в* также и действия, в которых важен прежде всего сам факт перемещения траектора из начальной области ВЫ-«пути»; акцент падает на прекращение нахождения траектора в замкнутом пространстве, траектор, так сказать, перемещается *«наружу»* — это существенно, а куда дальше он перемещается, это уже уточнить при соответствующем глаголе нельзя. Так, мы не говорим **вырвать зуб в банку*, **вытащить гвоздь в коробку*, **вытащить у Пети кошелек в портфель*, **вынуть платок в сумку*, нельзя **выправить из хомута гриву в...*, **высунуть язык в...*, **выдвинуть ящик в...* и проч. Тот же запрет действует, когда ВЫ-движение выделяет траектор из некоторого множества, ср. **выбрать конфетку <из вазы> в пакет* и под.

Вообще говоря, названные ВЫ-«пути» в реальной жизни зачастую могут иметь «продолжение» в некоторую конечную область — так, можно *вынуть платок из шляпы и положить его в сумку*, но сказать **выньте платок из шляпы в сумку* нельзя, потому что у глаголов, подобным *вынуть*, конечная область движения лексикографически фиксирована, значение этого параметра, так сказать, «зашиито» в семантике глагола — вынимаем, вытаскиваем, высовываем мы всегда что-то из вместилища «наружу».

Особый случай представляет собой так называемое рефлексивное движение (термин когнитивной семантики) — когда происходит движение не траектора относительно некоторого ориентира, а движение частей траектора относительно друг друга, про-

исходит «выход» траектора из собственных границ и/или «расширение» его до максимальной формы, ср. *река вышла из берегов, лава выплеснулась наружу*⁸. Предлог *в* может употребляться в данном случае, но при этом предложная группа обязательно обозначает ось измерения, а не конечную область движения — поскольку конечной областью рефлексивного движения оказывается сам объект, и существенными для данного «движения» оказываются оси координат объекта, ср. *вытянитесь в длину, город вырос в вышину*⁹ и под.; когда же выбор оси невозможен (он заранее задан), сочетание оказывается недопустимым, ср. **выпрямиться в..., *выпрямить кочергу/спину в...*

Итак, сочетаемость *вы-* и *в* при обозначении ситуаций реального движения зависит от семантической структуры глагола, но в целом она чрезвычайно частотна. Совсем иная картина наблюдается в случае ситуаций метафорического движения.

2. Сочетаемость *вы-* и *в* в ситуациях метафорического движения

В данном разделе рассматриваются случаи, когда *вы-*глагол описывает метафорическое движение, то есть изменение состояний «траектора» во времени, ср. *выбрать Петю в мэры, выйти в отставку* и др.

Остановимся сначала на некоторых семантических особенностях таких глаголов. Рассмотрим следующие примеры:

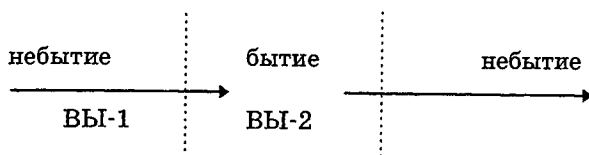
- (5) а. *В декабре у Ильи вышла книжка.*
б. *Деньги все вышли.*
- (6) а. *Фермеры выводили цыплят.*
б. *Выводим любые пятна.*
- (7) а. *Скоро из земли вылезли первые ростки.*
б. *У него вылезли все волосы.*
- (8) а. *вырезать надпись, выколоть узор.*
б. *вырезать опухоль, выколоть глаз* (выражения (8) взяты из [Свецинская 1997, 160]).

Поведение *вы-*глаголов в этих примерах, на первый взгляд, парадоксально: если примеры а. описывают ситуацию появления в мире объекта, то в примерах б. те же глаголы обозначают си-

⁸ Подробнее о понятии «рефлексивное движение» см., например, [Lindner 1982].

⁹ В данном случае, строго говоря, выражение описывает метафорическое, а не физическое ВЫ-движение.

туацию исчезновения, прекращения существования объекта. Антонимичность, однако, здесь чисто внешняя — антонимический эффект получается в результате разницы в «точке отсчета» ВЫ-«путей», обозначенных в этих предложениях: первый ВЫ-«путь» кодирует переход из небытия в бытие, а второй — не обратный переход, а переход из бытия в, так сказать, небытие после жизни¹⁰, ср. рисунок с двумя соответствующими границами¹¹.

Оказывается, что подавляющее большинство *вы*-глаголов, описывающих изменение состояния объекта во времени, не допускают при себе предложной группы с предлогом *в*. Например, в предложении

(9) *У Лены вышла книга*

описывается переход книги из состояния «не существует в печатном виде» в состояние «существует в печатном виде». При этом

(9') **У Лены вышла книга в столицу*

мы не говорим. Аналогичным образом, нельзя сказать **выпал снег во двор*, **он выдумал эту историю в класс*, **выпустил продукцию в город* и т. д. Дело в том, что целью, конечным пунктом метафорического ВЫ-движения является конечное состояние объекта, обычно фиксированное уже в самом *вы*-глаголе. Иными словами, конечное состояние траектора в этих случаях — это и есть конечная область метафорического ВЫ-движения, «наращивать» же ВЫ-«путь» за счет еще какой-либо иной конечной области, вводимой предлогом *в*, обычно оказывается неестественным, невозможным.

¹⁰ «Путь», обратный к ВЫ-2, кодируется при помощи приставки *воз-*, ср. *возродиться*, *воскреснуть*.

¹¹ Аналогичные наблюдения над поведением английской глагольной частицы *out* см. в [Lindner 1982], где анализируются примеры типа *The stars are out* ('видимы') *and the lights are out* ('невидимы') 'Появились звезды, и огни погасли'. Ср. также употребление близких по смыслу приставок *вы-* и *от-*, которые могут образовывать с глаголами как синонимичные (*Он вышел/отошел*), так и антонимичные (*вымазать/отмазать*) пары.

Показательно сравнение следующих двух предложений:

- (10) *Он вывел цыплят во двор* (в значении «каузировал перемещение») и
 (10') **Он вывел (= 'вырастил') цыплят во двор*.

Первое предложение описывает реальное движение, в нем предлогная группа оказывается вполне уместной; когда же глагол *вывести* обозначает переход объекта из состояния «не существует» в состояние «существует», присоединение предложной группы невозможно.

Ниже приводятся многочисленные примеры недопустимости сочетания *вы-*глагола, обозначающего метафорическое движение, с предлогом *в*, ср. ситуации перехода объекта (= траектора)

- из состояния «не существует» в состояние «существует»: **выбить профиль в медаль*, **день выдался теплый в...* и проч.; сюда же относится обширная группа глаголов порождения текста, ср. **выговаривать <р> в...*, **вынести приговор в...*, **выговорил мне за этот поступок в...*, **высказал мнение в...*, **выразил соболезнование/неудовольствие в...*, **выложил новости в...* и под.; ср. также выражения **выудить факт из памяти в...*, **вычитывать в «Войне и мире» в...*, описывающие ситуацию «выхода» траектора из зоны недоступного сознанию субъекта в зону доступного для него;
- из состояния «существует» в состояние «не существует»: **вывести клопов в комнату*, **вычеркнуть из памяти это событие/это слово в тексте в...*, **вытереть пыль в марлю*, **вырубить липу в...* и др.; ср. также выражения **выпасть из памяти в...*, **выпустить из внимания/из поля зрения в...*, описывающие выход траектора из области того, что доступно сознанию субъекта, выражения **вычестъ пята/штраф из зарплаты в*, описывающие рефлексивное ВЫ-движение, а именно уменьшение объекта за счет «выхода» из него его части;
- из активного состояния в пассивное: **выбиться из сил в...*, **выдохнуться в...*, **выбыл из игры в...*, **вышел из употребления в...*, **вывел из строя приемник в...*, **вывихнул ногу в...*, **выключил свет в...* и др.; ср. также выражения **выбил кого-л. из колеи в...*, **вывел ее из терпения в...*, описывающие выход траектора из хорошего эмоционального состояния;
- из «плохого» состояния в хорошее или нейтральное: **выпутаться из беды в...*, **выйти/вывести кого-л. из затруднения в...*, **выбраться из этой ситуации в...*, **выручить кого-л. из*

*беды в..., *выправить положение/работу цеха/корректуру* ¹² *в... и др.*; ср. также выражения **выдержал вес/давление/роль в..., *вынес этот удар в...,* описывающие выход траектора из состояния тяжелого внешнего давления в состояние, где этого давления уже нет;

- в предельное для данного процесса состояние: **высохнуть в..., *выкупать ребенка в..., *вытереться полотенцем в..., *вычислить время солнечного затмения в...;*
- из состояния невыделенности среди некоторого множества объектов в состояние выделенности: **выделить часть текста в..., *мне выделили комнату в..., *она всегда выделяла Петрова в...,*

а также другие ситуации изменения состояния объекта.

Между тем есть три небольшие группы примеров, когда предлог *в* все-таки употребляется при *вы-*глаголах, обозначающих изменение состояния объекта.

Во-первых, это очень естественный случай, когда предлог *в* вводит имя конечного состояния, в которое переходит объект, ср. *выйти в люди/в отставку, выпасть в осадок* ¹³, *выбрать Петю в судьи, выдвинуть Петю в кандидаты на пост президента*. Во всех этих примерах предложная группа задает конечное состояние объекта, указывает, «куда», так сказать, перешел объект.

Так, мы можем сказать *выдвинуть Петю в кандидаты на пост президента*, потому что предложная группа здесь описывает конечное состояние объекта «Петя предложен в качестве кандидата на пост президента». Допустимо *выдвинуть кандидатуру Пети*, но не **выдвинуть кандидатуру Пети в президенты*, потому что конечное состояние ВЫ-движения 'выдвинуть кандида-

¹² Интересно, что одна и та же реальная ситуация правки корректуры может кодироваться как *вы-*глаголом, так и глаголом с приставкой *в-*, ср. *выправить корректуру* и *внести исправления в корректуру*. При этом каждая из приставок концептуализирует данную ситуацию по-своему: *вы-*глагол подчеркивает в ней выход объекта (корректуры) из плохого состояния (когда в ней есть ошибки) в лучшее состояние, тогда как *в-*глагол в первую очередь подчеркивает («профилирует») помещение некоторой информации (= исправлений) внутрь текста корректуры. Ср. в связи с этим анализ выражений *fill in the card* и *fill out the card* в [Lindner 1982] — оба эти выражения, несмотря на, казалось бы, антонимичность *in* и *out*, переводятся как 'заполнить карточку'.

¹³ Соответствующая ситуация включает не только изменение состояния траектора (то есть метафорическое движение), но и движение траектора в физическом пространстве.

туру X-а' — это «X предложен в качестве кандидата (на некоторый пост)», данное состояние задается не предложной группой, а объектом глагола, наращение же метафорического ВЫ-движения за счет состояния, описываемого предложной группой *в президенты*, оказывается недопустимым.

В выражениях *выпустить книгу в жизнь/в мир/в свет* предлог *в* вводит имя мира, в который является объект, то есть предложная группа опять же описывает конечное состояние объекта — книга переходит в состояние «существовать в этом мире». «Мир» оказывается конечной областью ВЫ-движения.

В выражениях *вылиться в крепкую дружбу/в сплошные неприятности, выродиться в пустые формальности* описываются качественные изменения объекта, и предложная группа задает оценку объекта в результате изменения, то есть опять-таки характеризует конечное состояние объекта.

В сочетаниях *выступить в мою защиту/поддержку* предлог вводит некоторую оценку, интерпретацию текста, порождаемого в ходе ситуации 'выступить', вводит описание цели, назначения этого текста.

Во-вторых, некоторые ситуации перехода объекта в новое состояние допускают дальнейшее, так сказать, «наращение» ВЫ-«пути», когда помимо перехода объекта в новое состояние происходит физическое перемещение объекта в некоторую область пространства. Так, ситуации, описываемые выражениями *выйти замуж в Ригу, выдвинуть предложение в президиум*, предполагают перемещение объекта в место, обозначенное предложной группой; сами же по себе ситуации 'выйти замуж', 'выдвинуть предложение' такого компонента не содержат. Таким образом, этот случай аналогичен ситуациям реального ВЫ-движения, типа *выписать из больницы в санаторий, выдохнуть воздух в окно*, см. раздел 1.

В-третьих, в выражениях *выиграть в карты/рулетку/преферанс три рубля* предложная группа описывает способ, которым были получены деньги, то есть уточняет вид ВЫ-движения, в некотором смысле компенсируя отсутствие в русском языке глаголов типа **выпреферансить, *выкартить*. На наш взгляд, этот случай во многом аналогичен примерам типа *вылезти в окно, выскользнуть в лазейку*, так как предложные группы *в карты, в рулетку, в преферанс* описывают способ, так сказать задают направление, на котором достигается конечное состояние «три рубля выиграны субъектом».

Итак, предложная группа при *вы-*глаголе, обозначающем метафорическое движение, либо описывает конечное состояние тра-

ектора, либо так или иначе характеризует цель или направление ВЫ-движения. Рассмотрим теперь немногочисленные случаи, когда *вы-*глагол описывает статическое положение дел, когда «путь» мыслится лишь умозрительно, а реального движения или изменения траектора во времени не происходит.

3. Сочетаемость *вы-* и *в* в ситуациях виртуального движения

Виртуальное движение имеет место в статических ситуациях типа *окна выходят в сад, майка вылезает из-под рубашки* или *карниз выступает над желобом*. Мы не говорим **майка вылезает из-под рубашки в брюки* или **карниз выступает над желобом в сад*, потому что в статических ситуациях *вылезать, выступать* важны не возможное «наращение» ВЫ-«пути» или направление этого пути, а соотношение объекта и другого объекта, относительно которого ориентирован ВЫ-«путь» (в данных случаях соотношение майки и рубашки, карниза и желоба). Иными словами, предлог *в* при ВЫ-глаголе, описывающем статическое положение дел, как правило, не употребляется. Естественное исключение здесь составляет случай

(11) *Окна выходят в сад,*

где предложная группа является обязательным актантом и описывает направление ВЫ-«пути» — без нее ВЫ-«путь» оказывается недоопределенным, предложение **Окна выходят* аномально (окна всегда выходят куда-нибудь). Поскольку глагол *выходить* вводит в описываемую им статическую ситуацию перспективу, направленную по линии движения из внутреннего пространства во внешнее, то предложения, противоречащие такой перспективе, оказываются невозможными. Так, плохо сказать

(11)^{??} *Окна выходят в кабинет/столовую/детскую* (и проч. случаи, когда предлог вводит имена внутренних помещений),

можно сказать

(12) *Дверь выходит во двор,*

но вряд ли допустимо предложение

(12)^{??} *Дверь выходит во внутренние комнаты* (надо сказать *ведет*).

Статическое положение дел описывает также глагол *выглядеть* (*хорошо/счастливо/плохо*). Данный глагол вводит оценку

внешнего вида объекта. Ситуация 'выглядеть' не может иметь определенного направления, ср. аномальное сочетание **выглядит в...*

И последний пример, на котором мы хотели бы остановиться, — это *выступает будто пава/с важным видом*. Как было отмечено в [Левонтина, Шмелев 1999, 277], глагол *выступать* указывает исключительно на определенный характер движения, его пластику и при нем едва ли возможно указание на направление, ср. **выступали в сторону главной площади/в сцену/в зал, *выступали к театру*. На наш взгляд, ВБ-«путем» здесь является не столько физическое перемещение объекта в пространстве (этот элемент, как представляется, задает глагольная основа), сколько выделенность субъекта по отношению к некоторому фону (ср. *выступить на концерте/на собрании*), ориентированность ситуации на внешнее восприятие ее наблюдателем (подобная перспектива и задает виртуальный ВБ-«путь»). Предлог *в* при этом невозможен — в силу невозможности «наращения» подобного «пути».

* * *

Наблюдения над сочетаемостью приставки *вы-* и предлога *в* приводят к следующим выводам.

«Костяк», основу ситуации, описываемой сочетанием *вы-* и *в*, задает приставка, смысл же, вводимый предложной группой, должен определенным образом «подстраиваться» под эту модель.

Сочетаемость приставки и предлога регулируется действием семантических факторов. При этом в целом реальные ВБ-«пути» гораздо свободнее, чем метафорические или виртуальные, соединяются со значением, задаваемым предлогом *в* (и вводимым им существительным).

Выявления правил взаимодействия значений глагольных модификаторов требуют не только сочетания глагольной приставки и предлога, но и сочетания других адвербиальных элементов в предложении — например, приставок и наречий. Так, во многих работах по аспектологии отмечается несочетаемость наречия *долго* с глаголами совершенного вида, иллюстрируемая примерами типа **долго написал письмо*. Однако при глаголах с приставкой *про-* данное наречие оказывается вполне приемлемым, ср. *долго проговорил со мною по телефону, долго провозился с мотором*. Другой пример — наречие *быстро*, рассматриваемое в работе [Богуславский, Иомдин 1999]. В частности, в данной работе говорится о прозрачности для значения скорости 'быстро' значений начинательности и терминативности (ср. *кто-то быстро и пре-*

возможно застучал в окно, он заговорил быстро и отчетливо, она проговорила это быстро и с твердостью) и непрозрачности этого значения, скажем, для делимитативного и кумулятивного значения (ср. **побегай быстро* 'побегай с большой скоростью', **летчик быстро* ('с большой скоростью') *налетал два миллиона километров*). Легко видеть, что указанные «прозрачность» и «непрозрачность» есть в первую очередь способ констатировать факт, с одной стороны, совместимости в одной фразе значений 'быстро' и 'за-'/'по-' и, с другой стороны, несовместимости в одной фразе значений 'быстро' и 'по-' (в делимитативном варианте значения) / 'на-'. Эти и подобные факты нуждаются в объяснении.

Отдельная интересная задача, по всей видимости, — это проследить, каким образом те или иные адвербиальные значения выражаются в различных языках (и попытаться найти здесь некоторые закономерности). Например, английские сочетания *look over the article* 'просмотреть, пробежать глазами статью' и *overlook a mistake* 'просмотреть, пропустить ошибку' содержат *over* — предлог и глагольную приставку, русский же язык в обоих случаях использует приставку (*про-*) и не использует предлог ¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Богуславский, Иомдин 1999 — *Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* Семантика быстроты // Вопросы языкознания. 1999. № 6.
- Левонтина, Шмелев 1999 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания. № 5. 1999.
- Свецинская 1997 — *Свецинская И.* Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Филипенко 1994 — *Филипенко М. В.* Логико-семантическое представление наречий. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Филипенко 1997 — *Филипенко М. В.* Об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании (к анализу адвербиалов — определителей «процесса») // Вопросы языкознания. 1997. № 5.

¹⁴ Автор пользуется случаем выразить благодарность А. А. Зализняк и Е. В. Рахилиной за замечания к первоначальным вариантам данной статьи.

- Филипенко 2000 — *Филипенко М. В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Филипенко 2000а — *Филипенко М. В.* Следы «пути» в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Goldberg 1995 — *Goldberg A.* Construction grammar. Chicago, 1995.
- Langacker 1987 — *Langacker R. W.* Foundations of cognitive grammar. Stanford, 1987.
- Lindner 1982 — *Lindner S.* What Goes Up Doesn't Necessarily Come Down: The Ins and Outs of Opposites // Papers from the Eighteenth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society, 1982. P. 305–323. (Перевод на русский язык см. в сборнике «Исследования по семантике предлогов». М., 2000.)

НЕСОВЕРШЕННЫЙ VS. СОВЕРШЕННЫЙ ВИД В ИМПЕРАТИВЕ (К ПРОБЛЕМЕ НАЧАЛА)

1. Предварительные замечания

Невидимым началом действия может быть самостоятельно возникший в уме (душе) субъекта действия волевой импульс, «выбор» совершить данное действие. В начале действия также может быть слово — словесное побуждение к данному действию со стороны другого субъекта. Однако и в этом случае словесное побуждение, исключая магическое и гипнотическое побуждение, порождает действие только во взаимодействии с волей субъекта действия. Это взаимодействие может быть разных типов, и важнейшую роль в индикации и осуществлении такого взаимодействия играют в русском языке формы вида.

2. Исходные положения

В настоящее время стало почти общепризнанным, что семантическое противопоставление СВ и НСВ (во всех значениях; оговорки должны быть сделаны только для динамического (повествовательного) и общефактического значений НСВ (подробнее см.: [Шатуновский 1996, 321–333, 335–337; Шатуновский 1999])) сводится к противопоставлению неопределенно длящейся (по обе стороны момента речи или, в прошедшем и будущем времени, какого-то другого момента, рассматриваемого как точка референции глагольного значения) однородной ситуации, обозначаемой НСВ¹ (схематически: '...Р...')², «событию», конституируемому сменой различных ситуаций, переходом (в смысле совершившегося факта, а не процесса) от одной ситуации к другой, обозначаемого СВ; см., напр.: [Forsyth 1970; Богуславский 1972; Барентсен 1973; Барентсен 1995; Dahl 1974; Сильницкий 1983;

¹ Неопределенно повторяющееся, неограниченно-кратное действие: *Вася ходит в школу / спит каждый день после обеда / пишет детективные рассказы* — во вполне ясном смысле также представляет собой на некотором более высоком уровне абстракции однородную, неопределенно простирающуюся по обе стороны момента речи или другого момента, выбранного как точка отсчета, ситуацию (см. [Шатуновский 1996, 317–318]).

² Многоточия здесь и далее символизируют неопределенную длительность (границы в значении не указаны) одной и той же ситуации (действия, процесса).

Шатуновский 1996; Кошелев 1988; Падучева 1996; Зализняк, Шмелев 2000]. Глаголы СВ могут обозначать самые различные типы «цепочек» сменяющих друг друга ситуаций. Это может быть переход от наличия какого-то состояния, признака или действия к его отсутствию: *Х забыл Y* = 'X помнит Y \rightarrow X не помнит Y'; *Х разлюбил Y* = 'X любит Y \rightarrow X не любит Y' (схематически: 'P \rightarrow не P'); переход от отсутствия P к его наличию: *Х увидел Y* = 'X не видит Y \rightarrow X видит Y'; *Х узнал, что Y* = 'X не знает, что Y \rightarrow X знает, что Y'; *Х полюбил Y* = 'X не любит Y \rightarrow X любит Y'; *Х запел* = 'X не поет \rightarrow X поет'; *Х пошел* и т. д. (начинательные глаголы, схематически: 'не P \rightarrow P'); это может быть состоящая из трех ситуаций цепочка, в которой исходная и конечная ситуации характеризуются отсутствием наличного в серединной ситуации P: *поспал, посидел, поговорил* и т. д. (глаголы ограничительного способа действия, 'не P \rightarrow P \rightarrow не P'); в чрезвычайно распространенной цепочке типа 'не P \rightarrow P \rightarrow Q' конечная ситуация не повторяет исходную, но характеризуется наличием какого-то нового свойства, признака, состояния: *Снег растаял; Вася похудел* и т. д.; в особенно важных для жизни, языка и настоящей статьи глаголах действия, направленных на достижение определенного результата, конечная ситуация Q характеризуется достижением этого результата: *Х выкопал яму/написал письмо* 'Письма/ямы не было; X писал/копал; (в результате этого) письмо/яма есть' (см. подробнее: [Шатуновский 1996]). Императив в подавляющем большинстве употреблений по своей семантической сути соответствует инварианту СВ, поскольку первичное, нейтральное побуждение является, по очевидным прагматическим причинам, побуждением *изменить* тем или иным образом существующее положение вещей. Поэтому основное, актуально-длительное значение НСВ в своем буквальном, беспримесном виде не имеет в императиве резонанса для существования: нет смысла побуждать адресата к действию, которое он и так делает в момент речи. Это приводит к модификации исходного противопоставления СВ и НСВ. При этом трансформация касается именно НСВ, поскольку его значение противоречит грамматическому контексту; что же касается СВ, то он в императиве сохраняет свое инвариантное значение [Падучева 1996, 66]. Трансформированное, новое значение НСВ, разумеется, не является абсолютно новым; оно мотивировано старым, базовым значением, приспособляющимся к новым контекстуальным условиям, так что какие-то его компоненты остаются, а какие-то по необходимости, под давлением грамматического контекста, изменяются.

Противопоставление СВ и НСВ в императиве, а точнее, формируемых этими формами побудительных высказываний, касается всех основных аспектов содержания этих высказываний. Высказывания с СВ и НСВ отличаются друг от друга с точки зрения (а) собственно семантической, номинативной — высказывания с СВ и НСВ описывают различные типы диктальных (в смысле Ш. Балли [Балли 1955]) ситуаций, точнее, поскольку речь идет об изменении, «цепочек» ситуаций; (б) иллокутивной — высказывания с СВ и НСВ выражают разные типы побуждения; (в) коммуникативной — высказывания с СВ и НСВ отличаются по характеру актуального членения.

3. Семантическое противопоставление

Как было отмечено выше, императив СВ просто сохраняет значение, которое он имеет в индикативе, обозначая те же типы событий: *Поспи! Посиди! Отдохни!* [Фамусов Чацкому:] *...А, главное, поди-тка, послужи* (Грибоедов. «Горе от ума») — побуждение к переходу от не Р к Р и затем опять к не Р; *Пойди туда, не знаю куда* — побуждение к переходу от не Р к Р и затем совершению Р (без указания на завершение Р), схематически: 'не Р → Р...'; *Напиши ему письмо; Выкопай яму* — перейди от не Р к Р (начни делать Р) и делай его, пока не достигнешь результата Q (яма выкопана, есть, письмо написано), схематически: 'не Р → Р → Q'; и т. д.

В то же время императив НСВ, поворачиваясь, используя образ из [Киселева, Пайар 1988], в разных ситуациях употребления разными «гранями», распадается на несколько типов.

(1). Тип 1 (*Пишите!*) возникает из актуально-длительного значения в результате его «переноса» в императив и характеризуется наибольшим своеобразием и наибольшим семантическим «сдвигом». Употребляя актуально-длительный НСВ в форме императива, говорящий (далее Г) побуждает адресата (далее А) к актуальному осуществлению того действия, которое обозначает НСВ в своем актуально-длительном значении. Но поскольку действие переносится по отношению к моменту речи в будущее, а в момент речи оно, в самом типичном и распространенном по очевидным прагматическим причинам случае, не имеет места, то для того, чтобы осуществлять действие, его нужно начать. Отсюда прагматически возникает компонент 'начало', наличие которого в значении НСВ императива неоднократно отмечалось исследователями: «...Значение [выражаемого НСВ побуждения] может быть раскрыто как значение побуждения к началу действия» [Рассудова 1968, 103]; «НСВ в императиве означает побуждение на а-

чать действие. Точнее говоря, эта форма сосредоточивает внимание на начальной фазе действия» [Падучева 1996, 68]; «...Побуждение начать действие... является, безусловно, основным значением формы НСВ императива» [Бенаккьо 1993, 18]. Заметим, однако, что эти формулировки не совсем точны. Скорее внимание в таких случаях как раз не на начале, а на самом действии в его неопределенной протяженности. Так, *Кушайте, дедушка!* (пример из [Падучева 1996, 70]); *Пишите: в ответ на ваше письмо от...; Где вы были вчера, отвечайте!* и т. д. и т. п. не значат 'начинайте кушать, писать, отвечать', ср. аномальность **Начинайте писать: в ответ на...; *Где вы были вчера, начинайте отвечать!* и отличие значения в *Начинайте кушать без меня!*, предполагающее 'а продолжать будете со мной', где речь идет именно о начале действия. Это вполне согласуется с прагматическими требованиями к побуждению — Г нужно, чтобы А совершал действие, а не только его начал, и с происхождением императива НСВ из актуально-длительного значения, не имеющего ни начала, ни конца, которое дает в императиве '...делай...'. Это значение в ситуации, когда действие не имеет места, достраивается до '[начинай и] делай...' ³. Таким образом, исходное актуально-длительное '...Р...' прагматически ограничивается, обозначается «предел» с одной стороны, а именно со стороны начала; с другой стороны, со стороны потенциального конца, сохраняется исконная неопределенная длительность актуально-длительного НСВ, давая следующее значение этого типа: '[не Р] → Р...'. Императив НСВ в этих употреблениях совпадает по своей итоговой семантике с одним из типов СВ, а именно глаголов со значением ингрессивной начинательности типа *пошел*, где глагол обозначает начало и неопределенное продолжение начатого действия: *Удовлетворенный Остап, хлопая шнурками по ковру, медленно пошел назад* (Ильф и Петров), где *хлопая* и *медленно* относятся не к компоненту 'начало', а к продолжающемуся действию 'идти' [Барентсен 1995, 10]. Поэтому императив НСВ в этих употреблениях конкурирует с ингрессивными глаголами СВ: *пойди ≈ иди* [Падучева 1996, 70]. Таким образом, с семантической точки зрения императив НСВ выступает как один из способов действия СВ, компенсируя малую продуктивность начинательного СВ, и противопоставлен другим глаголам СВ по характеру этого способа. Наиболее существенным здесь является то, что СВ (в его ограничительной, пердуративной, результативной разновидностях) может выражать побуждение к

³ Квадратные скобки символизируют выводной характер компонента.

осуществлению всей цепочки в целом (начало действия, его совершение и окончание) и, в частности, к достижению результата, тогда как НСВ ограничивается срединной неопределенно-длительной фазой собственно действия. Ср.: *Спой мне песню, как си-ница тихо за морем жила* (Пушкин. «Зимний вечер»); *Спой, светик, не стыдись!* и *Пой!*; *Напои и Жажда, пой! Голод, насыть!* (Маяковский. «150 000 000»); *Что, свинья, не спится? На, погреб!* (из анекдота) и *Греби* и т. д. Это различие особенно существенно в тех случаях, когда достижение результата не контролируется или не полностью контролируется А-ом: *Лови, держи, хватай, вяжи!* (С. Маршак. «Петрушка-иностранец»); *Все кричат: «Лови, лови, да дави ее, дави...»* (Пушкин. «Сказка о царе Салтане») — ²*Поймай ее!*; *Спасайтесь!* — **Спаситесь!*

Действие, обозначаемое императивом НСВ, может, впрочем, контекстуально ограничиваться пределом и со стороны конца, в результате чего возникает значение типа: '[не Р] — Р — [не Р]'. Для этого требуются эксплицитные лексические или лексико-синтаксические показатели окончания действия: *Садись и читай от сих до сих*; *Копай канаву от забора до обеда* (из анекдота); *Звоните и уходите отсюда* (пример из [Падучева 1996]). И даже если таких показателей нет, на определенном подразумеваемом уровне часто ясно, что действие, к которому побуждает императив НСВ, не будет продолжаться неопределенно долго, но так или иначе достигнет предела и с «правой» стороны [там же, 69]: оно или достигнет результата и тем самым исчерпает себя — в этом случае императив НСВ прагматически эквивалентен императиву результативного СВ: *Читай!* (указывая на абзац в тексте) ≈ *Прочитай этот абзац!*, или просто прекратится, продлившись некоторое время, — в этом случае НСВ эквивалентен ограничительному СВ: *Читай!* ≈ *Почитай!*

Аналогичной «гранью» могут «поворачиваться» в императиве и неактуальные НСВ континуального (постоянно-непрерывного) действия (состояния): *Люби меня, детка, пока я на воле; Береги сестру!* (примеры из [там же, 68]) и НСВ повторяющегося (неограниченно-кратного) действия: сказанное при расставании *Пиши мне!* = 'пиши мне в будущем периодически', при этом первое письмо будет началом регулярного действия; аналогичным образом рекомендации врача *Делайте по утрам зарядку, пейте на ночь томатный сок* и т. п. являются побуждением [начать и] совершать регулярно эти действия в будущем.

(2). Тип 2 соотносится с настоящим актуально-динамическим (событийным) НСВ (различные разновидности которого называ-

ют настоящим репортажным, настоящим автокомментария, настоящим сценических ремарок и т. д.). Высказывание с динамическим НСВ описывает событие, происходящее во время произнесения самого этого высказывания, при том условии, что скорость «происхождения» этого события примерно совпадает со скоростью движения момента речи и поэтому оно «одновременно» на всем протяжении его произнесения моменту речи (подробнее см.: [Шатуновский 1996, 335–336; Шатуновский 1999]): *Входит. Садится. Стреляет* и т. п. → *Входи! Стреляй! Садитесь!* и т. д. Императивные формы этих глаголов образуют тип, наиболее близкий СВ, в силу того, что и в исходном значении они обозначают событие, цепочку сменяющих друг друга ситуаций. Поэтому здесь не происходит никакой выводной «достройки» значения до требуемого ситуацией побуждения. С чисто семантической точки зрения соотносительные СВ и НСВ этого типа — синонимы: *Сядьте!* — *Садитесь!*; *Возьмите!* — *Берите!*; *Входите!* — *Войдите!*; *Открой!* — *Открывай!* Может быть, потому, что язык не любит синонимии, эти формы иногда размежевываются по значению: *Встань!* — просто 'перейди в вертикальное положение', *Вставай!* — 'просыпайся или, шире, очнись', в ситуации, когда человек не спит, но находится в состоянии беспамятства, полного или частичного; перестань спать или отдыхать лежа — и встань'.

(3). Побуждение типа 3 имеет вторичный характер: оно предполагает, что действие или (а) уже осуществляется, или (б) будет осуществляться независимо от данного побуждения, и поэтому побуждает не собственно к исполнению действия, а к исполнению его определенным образом [Храковский 1988, 282; Бенаккьо 1993, 17].

(а). Действие уже осуществляется, Г побуждает А внести коррективы в его осуществление: *Вы сегодня очень тихо поете. Прошу вас, пойте громче; Говорите громче, пожалуйста, а то здесь не слышно* [Храковский 1988, 282–283; Бенаккьо 1993, 17]. (По другому параметру эта группа относится также к типу (4), см. ниже.)

(б). Действие еще не осуществляется, но принято к осуществлению А в результате первичного побуждения; Г побуждает А производить это действие определенным образом: *Откройте дверь! Только открывайте медленно: она скрипит; Напишите ему о том, что случилось! Только пишите подробно, как следует* (примеры из [Бенаккьо 1993, 17]); *Сейчас посмотришь в глазок. Только смотри внимательно* (М. Колосов; пример из [Храковский 1988, 282]; [Фамусов слуге:] *Достань-ка календарь; читай не так, как пономарь; а с чувством, с толком, с расстановкой* (Грибоедов. «Горе от ума»).

Заметим, что как в случае (а), так и в случае (б) представление об «образе действия», к которому побуждается А, может выражаться не зависимыми от глагола словами, как в примерах выше, но быть встроено в значение самого глагола: [дьячок Вонмигласов побуждает фельдшера Курятина внести коррективы в действие удаления зуба:] *Не тяни только долго, а дергай. Ты не тяни, а дергай... Сразу!* (Чехов. «Хирургия»).

Значение типа (3) имеют и императивы НСВ повторяющегося действия: *Пишите* [в дальнейшем] *мне по новому адресу* и т. п.

(4). Тип 4 образуют употребления, наиболее близкие к исходному актуально-длительному НСВ, со значением побуждения к продолжению происходящего в момент речи действия. Поскольку, как говорилось выше, такое побуждение в чистом виде бессмысленно, оно разными способами конкретизируется, давая два основных подтипа. Подтип (а) — побуждение к возобновлению прерванного действия: *Что же вы остановились? Читайте, мы вас слушаем* [Храковский 1988, 279]; *Что же вы остановились? Пишите!* (пример из [Бенакьо 1993, 17]); *Пилите, пилите, — пролепетал Паниковский* [Балаганову, который перестал пилить гири] (И. Ильф и Е. Петров. «Золотой теленок»). Подтип (б) — побуждение, направленное на предотвращение перерыва в действии или его прекращения, когда этого можно ожидать. Например: начальник, которого положено приветствовать вставанием, войдя в комнату, говорит сидящим подчиненным: *Сидите, сидите!*; автоответчик позвонившему по занятому номеру: *Ждите ответа!*; *Держи меня, соломинка, держи!* (из песни А. Пугачевой). При этом граница между (а) и (б) размыта, поскольку действие может быть, так сказать, «приостановлено» (см. пример выше из чеховской «Хирургии»), перерыв в нем может только «наметиться», причем в большей или в меньшей степени.

Аналогичным образом может быть размыта граница между другими семантическими типами НСВ, например, (1) и (2): *Наливайте! Открывай! Поднимай!*; (1) и (4): *Молчите! Летите, голуби, летите!* (из песни); *Ну, целуй меня, целуй...* (С. Есенин); *Жарь, жги, режь, рушь!* (В. Маяковский. «150 000 000») и т. д., что еще раз показывает слабо грамматикализованный и в значительной степени ситуативно-контекстуальный характер этих различий. Особенно часто стирается граница между началом и продолжением в случае императивов НСВ повторяющегося (неограниченно-кратного) действия, обращенного к неопределенному множеству адресатов (что типично для разного рода рекламных побуждений и политических призывов); так, *С работы и на ра-*

боту летайте самолетами Аэрофлота! (А. Вознесенский) понимается как побуждение для тех, кто уже летает, продолжать летать, а для тех, кто не летает, начать летать. (В чистом виде побуждение типа 4 для НСВ повторяющегося действия нехарактерно.)

НСВ повторяющегося действия может также употребляться в особом, свойственном только ему значении, которое можно назвать «дистрибутивным побуждением». Так, *Вступайте в ряды Партии труда!* есть обращенное к множеству адресатов побуждение вступить в данную партию — естественно, для каждого только один раз. Впрочем, в большинстве случаев это значение сливается с перечисленными выше в едином употреблении, прочитывающемся для каждого вида адресатов по-своему: *Покупайте сигареты «Прима»!* — для кого-то это побуждение начать постоянно покупать, для кого-то продолжать покупать, а для кого-то — купить один раз.

4. Характер побуждения

Важнейшее различие между СВ и НСВ в императиве касается характера побуждения и относится к взаимодействию побуждения Г с волей А. (Подчеркнем, что это различие относится только к противопоставлению актуального императива НСВ и императива СВ, поскольку императив НСВ повторяющегося действия не конкурирует и поэтому не размежевывается с императивом СВ.) Невидимое подлинное начало действия (= контролируемого действия, т. е. такого, которое происходит по воле, по выбору субъекта) — это, по самому определению действия, выбор субъекта совершить его⁴. Побуждение может по-разному соотноситься с

⁴ Термин «выбор» имеет достаточно условный характер. Выбор в полном смысле, в прототипическом случае имеет место там, где субъект (его воля) выбирает среди полноценных (позитивных) альтернатив (например, пойти в кино или пойти в цирк). Здесь же часто альтернатива сводится к осуществлению действия или его неосуществлению (пойти в кино или не пойти?). Это тоже в каком-то смысле выбор, но не в самом прототипическом. Здесь имеет место что-то вроде возникновения намерения, интенции делать Р, но, поскольку намерение обычно далеко отстоит от осуществления Р, и это слово не совсем подходит. Часто точнее всего говорить о возникновении волевого импульса к совершению действия, которое в типичном случае непосредственно переходит в само действие и является его неотъемлемой частью (см. [Шатуновский 1996, 301–302]). Поскольку в обычном языке нет слова, которое бы обозначало то, что в данном случае нужно, мы будем употреблять слова *выбор*, *выбрать*, имея в виду не только собственно выбор одной из ряда позитивных альтернатив, но также возникновение / наличие волевого импульса-намерения делать/сделать Р, противопоставленное отсутствию такого импульса.

потенциальным действием А как субъекта предполагаемого действия. (1). Побуждение может предварять выбор и каузировать его. В этом случае Г посредством побудительного высказывания каузирует А выбрать Р и делать (осуществлять) его. (2). Побуждение может следовать за выбором А, попадая в промежуток между ментальным этапом действия — выбором волей действия (возникновением ментального импульса к его осуществлению) и непосредственным его осуществлением. В этом случае, в ситуации, когда выбор уже сделан, но осуществление действия по тем или иным причинам «отложено», Г посредством побудительного высказывания каузирует А делать Р, каузирует при помощи своего высказывания осуществление выбранного действия. И если семантически императивные формы СВ и НСВ вступают в конкуренцию друг с другом, обозначая в основной массе употреблений одинаковые или совпадающие частично, но прагматически эквивалентные цепочки ситуаций, то в отношении характера побуждения императивные формы СВ и НСВ четко противопоставлены друг другу. Императив СВ выражает побуждение 1 типа: Г каузирует А выбрать Р и осуществить его, императив НСВ — побуждение 2 типа: в ситуации, когда выбор сделан, Г своим высказыванием каузирует А осуществить (осуществлять) (уже выбранное им) Р. И это относится ко всем — подчеркнем это! — случаям употребления императива, без каких-либо исключений. Это различие ярко проявляется в том, что задача императивного высказывания с СВ выполнена и в тех случаях, когда А только выбрал Р (= согласился и т. п. выполнить Р), к которому его побуждают ([Шаронов 1991, 11]; см. цитату ниже); разумеется, Г удовлетворяется таким согласием только потому, что оно должно повлечь в будущем осуществление Р, однако на момент речи имеет место только выбор, осуществление еще впереди: *Узнай ты про Машутку, а? Христа ради! — Ладно, — сказал Илья* (Горький; пример из [там же, 11]). В то же время в высказываниях с НСВ, каузирующих реализацию Р, такое невозможно, ср.: *Открывай дверь!* — **Ладно* [и ничего не делает].

Описанное различие очевидно вытекает из исходного противопоставления СВ и актуального (актуально-длительного и актуально-динамического) НСВ. Как отмечалось, СВ обозначает всю образующую событие цепочку сменяющих друг друга ситуаций⁵, в том числе и выбор субъекта действия произвести его

⁵ Ср. традиционные и частично правильные (для основной массы глаголов) определения СВ как вида, обозначающего действие в его целостности: «...СВ... обозначает действие, а точнее, ситуацию, взятую целиком от начала до конца»

(без невидимого ментального этапа выбора действие не полно!). В то же время актуальный НСВ, обозначая действие, уже происходящее в момент речи (или в какой-то другой момент времени, выбранный в качестве точки отсчета), действие в процессе его совершения, развертывания, не включает момент выбора в свое значение, предполагает, что выбор был уже сделан до того периода (момента) времени, в который происходит описываемое им действие. В любой из разновидностей НСВ императива, описанных выше, сохраняется хотя бы «минимум» исходного актуального НСВ, а именно, что выбор был уже до побуждения с помощью НСВ сделан и не входит в значение самого НСВ. В одном случае это побуждение к продолжению совершаемого и, следовательно, уже выбранного действия, в другом — побуждение к коррективам в способе осуществления того или иного осуществляемого и, следовательно, уже выбранного действия и, наконец, побуждение к осуществлению еще не начатого физически, но уже выбранного, «намеченного» и в этом смысле начатого действия.

Отметим, что подобное расширение употребления актуального НСВ свойственно не только императивным формам. Идея, что субъект действия находится в промежутке между выбором Р и его осуществлением, определяет употребление формы актуального настоящего НСВ в значении непосредственно предстоящего действия: *Всё, ухожу, ухожу!* — с таким же неопределенно-размытым значением, как и в НСВ императива: то ли действие ухода уже начато, то ли вот-вот начнется (ср. компонент 'немедленно', отмечаемый в значении императивных форм О. П. Рассудовой [Рассудова 1968] и Е. В. Падучевой [Падучева 1996]) и в значении будущего запланированного действия: *Я завтра еду в Киев*. Аналогичное значение выражают и формы настоящего времени в английском языке — Present Continuous и Present Simple (с некоторыми различиями между ними).

Так или иначе, в том или ином виде, с одной стороны или с другой, в том или ином объеме, с той или иной степенью обобщенности, описанное выше главное различие между видами в императиве «чувствовалось» и отмечалось исследователями. Так, О. П. Рассудова пишет: «В предложении с глаголом несовершенного вида подразуме-

[Храковский 1988, 283]. Разумеется, это относится только к глаголам таких способов действия, которые обозначают ситуацию от начала до конца, т. е. исключая глаголы начинательного и завершительного способов действия (*закурить* — *докурить*).

вается, что данное действие должно быть совершено, и это известно говорящему и слушающему» [Рассудова 1968, 104]. С другой стороны, но, правда, только частично, для части употреблений, и в несколько туманном виде эта особенность «схватывается» указаниями на то, что действие, к которому побуждает императив НСВ, вытекает из ситуации, обусловлено ситуацией, вытекает из контекста [там же, 107; Падучева 1996, 71–75]. В работе В. С. Храковского «господствующая закономерность», регулирующая употребление видов в императиве, формулируется следующим образом: «Если исполнитель не ожидает конкретной прескрипции и не готов к ее исполнению, то употребляется форма СВ, а если ожидает и готов ее исполнить, то употребляется форма НСВ» [Храковский 1988, 277]. И. А. Шаронов разделяет побудительные высказывания на 2 типа — информативно-побудительные, с императивом СВ, и сигнально-побудительные, в которых выступает императив НСВ. В информативно-побудительных высказываниях «говорящий исходит из того, что слушающему неизвестна необходимость, желательность для говорящего совершения действия, и он добивается, чтобы слушающий получил информацию и выразил намерение совершить/совершил действие» [Шаронов 1991, 11]. Сигнально-побудительный тип «обусловлен предположением говорящего о наличии у слушающего информации о необходимости/целесообразности совершения данного действия. Такие предложения представляют собой просто сигнал к действию, подразумеваемому ситуацией» [там же, 11].

Как было отмечено выше, императив НСВ «вклинивается» между выбором Р и его осуществлением в ситуации, когда имеет место промедление с осуществлением действия. (Отсюда частое употребление слова *немедленно* в императивах НСВ: *Немедленно садись делать уроки!*). Императивные высказывания с НСВ могут быть распределены по различным типам в зависимости от причин «промедления» с осуществлением выбранного действия и вытекающих из этого коммуникативно-прагматических особенностей самих этих высказываний. Ниже будут описаны основные из них. Заметим предварительно, что в некоторых императивных ситуациях, а именно в тех, где ситуация однозначно говорит о том, что выбор сделан, может быть употреблен только НСВ, равно как в некоторых других — в тех случаях, когда совершенно ясно, что предварительного выбора нет, — только СВ. СВ абсолютно обязателен, если побуждение идет «против» первоначального выбора А, если оно должно «аннулировать» предварительный выбор, установку А против выполнения Р и сформировать у него вы-

бор, импульс делать Р⁶. В то же время в значительном числе случаев может быть употреблен как НСВ, так и СВ, но с изменением интерпретации ситуации и связанных с употреблением той или иной видовой формы коннотаций и имплицатур.

5. Реализативы

Первый из двух основных типов императивных высказываний с НСВ, объединяющий высказывания, которые просто и непосредственно побуждают к осуществлению, реализации предварительно выбранного А-ом действия, назовем, за неимением в обычном (и научном) языке подходящего слова (термина), уродливым именем **реализативы**. Специфическое побудительное значение реализативов обуславливает особенности коммуникативной перспективы (актуального членения) этих высказываний, так что особенности побуждения и коммуникативной структуры представляют собой здесь как бы две стороны одной медали, одного коммуникативно-семантического целого. А именно, поскольку А выбрал делать Р еще до побуждения, само Р, его содержание относится к известному, данному (ведь А не мог выбрать что-то, сам не зная что!); в коммуникативном фокусе (в реме) только побуждение к осуществлению действия⁷. Если Р совершенно очевидно и безусловно является новым, то высказывание с НСВ абсолютно аномально: *Скажите, пожалуйста, как проехать на Мясницкую улицу — *Говорите, пожалуйста, как проехать...; Догадайся, что со мной случилась беда. Приди, приди, приди!* (М. Булгаков. «Мас-

⁶ Сказанное касается не только стандартных ситуаций употребления императива, в которых А побуждается к совершению полностью контролируемого Р. С некоторым вполне мотивированным и предсказуемым сдвигом указанная закономерность проявляется и в случаях употребления императивных форм от глаголов, обозначающих не полностью, частично контролируемые или вообще не контролируемые А-ом Р, ср.: *Выздоровливайте! Поправляйтесь!* — пожелания, очевидно совпадающие с выбором А, который заведомо и до этих слов хочет и выбрал Р — только НСВ, и *Успокойся!* (**Успокаивайся!*) — говорится человеку, как раз не настроенному успокаиваться; ср. также: *Умри, коварная!* (реплика актера в театре, сопровождающая сцену «убийства» неверной возлюбленной) — А ни за что не выберет такое Р, только СВ.

⁷ Императивные высказывания этого типа подобны по своей коммуникативной структуре полным модальным вопросам Ш. Балли [Балли 1955] и общезерификативным высказываниям П. Адамца [Адамец 1966]: диктум, ситуация известна, в коммуникативном фокусе модус, с тем отличием, что модус здесь имеет не дескриптивный ('имеет место в действительности'), но прескриптивный характер — 'сделай так, чтобы это имело место в действительности'.

тер и Маргарита») — **Догадывайся...*, **приходи...*! В то же время в высказываниях с императивом СВ в коммуникативном фокусе новым может быть побуждение вместе с диктальным компонентом Р, = Г в одном высказывании и сообщает А, что ему нужно сделать, описывает Р, и побуждает его выбрать и осуществить это Р (см. пример выше)⁸, как, впрочем, и только побуждение; Р может быть известным и в императивах с СВ.

Отмеченная особенность также не осталась незамеченной в литературе. Так, туманное и широкое понятие обусловленности действия ситуацией может быть понято и, как видно из контекста, понимается в работе О. П. Рассудовой и как известность Р А-у. Например, в ситуации экзамена известно, что студент должен взять билет, поэтому, когда экзаменатор говорит ему: *Берите билет*, «императив не информирует второго участника, какое действие он должен совершить. Это ему известно, поскольку действие обусловлено ситуацией» [Рассудова 1968, 106]. «Если же экзаменатор хочет сообщить что-то неизвестное до тех пор студенту, назвать действие, не подразумевающееся данной ситуацией, он использует глагол совершенного вида. Например, ...*Ответьте сначала на второй вопрос, а потом вернемся к первому*» [там же, 107]. «...Основную функцию совершенного вида, — отмечает далее О. П. Рассудова, — можно назвать информирующей...» [там же, 131]. См. и ср. также приведенные выше описания значения противопоставления СВ и НСВ в императиве В. С. Храковского, где «ожидаемость» прескрипции очевидно = ее известности для А, и И. А. Шаронова, вслед за О. П. Рассудовой называющего императивные высказывания с СВ «информативно-побудительными» [Шаронов 1991, 11; Шаронов 1992, 87].

С известностью Р связана и та синтаксическая особенность высказываний с НСВ данного типа, что в них глагол НСВ может употребляться и часто употребляется без дополнения [Рассудова 1968, 105] и вообще актантов [Храковский 1988, 277]: для реализации коммуникативного задания нужен только модальный компонент 'побуждение', а он заключен в глагольной форме. Собственно, глагол, с точки зрения описания диктального Р, тоже не нужен и поэтому может также эллиптироваться; в этом случае на синтаксической поверхности остаются выражающие побуждение частицы: *Давай! Ну, давай! Ну!* — характерно, что глагол-части-

⁸ Эти высказывания аналогичны экзистенциально-информативным высказываниям в классификации Х. Мелига [Mehlig 1991; Мелиг 2000].

да именно в форме НСВ: *Ну-ну, — шептал Балаганов. — Давай, старик, давай!* (Ильф и Петров. «Золотой теленок»); [Ухудшанский:] *Работаете? Ну, ну!* (Там же) = *Ну, ну, работайте!*

Подчеркнем, что в связке «характер побуждения — актуальное членение» первичным, обуславливающим выбор вида является именно первое. Если Р является известным А, но он на момент побуждения не выбрал делать его, не принял его к исполнению, то употребляется СВ: *Расскажи, что там было! — Не хочу. — Ну пожалуйста, расскажи! / ...*рассказывай!; Убери / *Убирай игрушки, сколько раз тебе говорить!* и т. п.

Реализативы, в свою очередь, состоят из ряда (под)типов, основные из которых описываются ниже. Заметим, что (1) эти типы не образуют резко очерченных групп, но плавно «перетекают» друг в друга; (2) конкретные императивные высказывания могут относиться одновременно к нескольким типам.

5.1. Наиболее наглядно описанные выше особенности реализативов проявляются в одном из типов команд. Специфика команд как особого речевого акта состоит в редуцированности, отсутствии в том или ином смысле ментального этапа выбора Р [ср. Wierzbicka 1987, 39]. В случае команд с императивом НСВ правила совершения действия таковы, что, «выбрав» (в оговоренном выше специфическом смысле этого слова) в принципе делать действие вообще, А не должен (не может) осуществить его без команды Г, стоящего выше в какой-либо формальной или неформальной иерархии; команда побуждает А непосредственно к осуществлению Р, в ситуации, когда этап выбора (возникновения импульса, интенции делать) Р уже позади. Например: А прицелился, но не должен стрелять без команды и поэтому ждет ее: *Стреляй!*⁹. Команда с императивом СВ невозможна, поскольку противоречит сути команд, побуждающих непосредственно к осуществлению Р: **Выстрели!; Встань! Сядь! Ляг! Догони его!* и т. п. — это не команды.

Другой тип команд и близких к ним категорических приказов выражается инфинитивом, представляющим собой с функциональной точки зрения форму, промежуточную между императивами с СВ и НСВ в повелительном наклонении. С одной стороны, предполагается готовность А выполнить любое побуждение А «автоматически»

⁹ В случае команд наряду с НСВ часто употребляются в том же значении «глагольные междометия» типа: *Огонь! Ша-а-агом марш! Пли!* (из НСВ *Пали!*) и т. п.

или полуавтоматически, минуя этап сознательного выбора Р; с другой стороны, Р является новым для А: *Встать! Сесть! Лечь! Молчать! Догнать его! Схватить!*; [Городничий:] *Воротить, воротить его!* (Гоголь. «Ревизор»); [Марк Крысобою арестованному Иешуа:] *Римского прокуратора называть — ижемон* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). В командах, выражающих побуждение к продолжению действия, используется инфинитив НСВ: *Стоять! Сидеть!* и т. д. Характерно, что к животным, у которых не предполагается наличия самой способности сознательного выбора — воли, обращаются именно в форме инфинитива.

Другой любопытный гибридный тип императивных высказываний представляют команды типа *Напра-а-а — ву! Запе-е — вай! Шаг-о-ом — марш!* Подобные высказывания делятся (функционально и в произнесении) на 2 части: первая, произносимая протяжно, информирует о том, какое действие будет делаться; хотя эта первая часть и не является законченным высказыванием, этой незаконченной части достаточно для идентификации, опознания одной из нескольких возможных в данной ситуации команд, вторая, произносимая коротко и резко (...*ву!* и т. д.) — реализатив, подобный императиву НСВ, — команда к осуществлению действия (в случае коллективного А эти высказывания попадают также в группу сигналов, см. ниже).

5.2. Другим ярким типом реализативов являются «сигналы»¹⁰. Использование «сигналов» обусловлено практической необходимостью координировать и в частном случае синхронизировать действия различных участников, совместно выполняющих какую-либо деятельность. Для того чтобы выполнить задуманное Р, нужно действовать координированно (иногда — синхронно), а для этого кто-то должен подать сигнал к началу осуществления действия. Например, рабочий зажал клещами заготовку и дает сигнал напарнику с молотом: *Бей!*; или несколько человек ухватились за тяжелую плиту с тем, чтобы поднять ее: *Поднимай!* — командует один из них; *Ударили в смычки, дерут, а толку нет. «Стой, брат-*

¹⁰ Термин «сигнал» часто используется как некий «ярлык» для обозначения функции (значения) императива НСВ в целом: «Императив несовершенного вида дает как бы сигнал к наступлению... действия» [Рассудова 1968, 106]; «...Основную функцию... несовершенного вида [можно назвать] сигнализирющей» [там же, 131]; «...Форма НСВ просто сигнализирует о необходимости без какого-либо временного интервала, т. е. немедленно, приступить к выполнению действия» [Храковский 1988, 277]; «Сигнально-побудительный тип... Выражается в форме НСВ императива» [Шаронов 1991, 11]; «...Предложения с несов. видом представляют собой сигнал к действию» [Зализняк, Шмелев 2000, 39].

цы, стой! — кричит Мартышка. — *Погодите!*» (И. А. Крылов. «Квартет») — «команда-сигнал» синхронно прекратить игру; и т. д.

Как видно из примеров выше, функции команды и сигнала могут естественным образом совмещаться, давая, так сказать, сигнально-командное употребление НСВ: осуществление «намеченного» действия может по правилам данной деятельности требовать команды «вышестоящего» в какой-либо формальной или неформальной иерархии лица, но само это правило обслуживает утилитарную, практическую необходимость координации (синхронизации) действий различных участников.

5.3. Близкий к НСВ-командам случай — побуждение в стереотипных ситуациях типа «прием гостей», «на приеме у врача», «сдача экзамена» [Шаронов 1991, 11–12; Шаронов 1992, 91]. В этом случае действия заранее известны и, так сказать, запрограммированы, входят в «сценарий» деятельности; адресат выбирает, собирается совершить соответствующие действия, однако по правилам «сценария» на каждое такое действие требуется санкция (также своего рода «команда»), побуждение хозяина (врача, преподавателя): *Входите! Берите билет. Отвечайте на первый вопрос* и т. д.¹¹

5.4. Если Р, к которому побуждается А, явно в его интересах, а распоряжается «ресурсами», необходимыми для выполнения Р, Г, то побуждение принимает вид и может быть описано как речевой акт предложения. Подчеркнем, что в случае предложений, как и в случае других «запрограммированных» действий, возможен и императив СВ: *Возьмите билет! Выпейте чаю! Съешьте пирожок!* Предложение в форме НСВ имеет ритуальный, формальный характер, оно, так сказать, «не может не быть» и употребляется тогда, когда Г заведомо ясно, что А выбрал и собирается выполнить Р и он лишь ожидает от Г «формального», необходимого по правилам этикета предложения его совершить. Так, и вежливый гость, стоящий на пороге, и вежливый хозяин знают о тех предполагаемых сценарием «гостеприимства» действиях, которые гость пришел совершить, но для этого хозяин, согласно тому же сценарию, должен его к этому побудить: *Входите! Разде-*

¹¹ Любопытно, что в некоторых ситуациях вообще не получается «гладкого» предложения ни с одним из видов. Так, у нас в университете, по крайней мере у меня на экзамене, студенты, взяв билет, сообщают экзаменатору его номер. С одной стороны, это входит в сценарий нашего экзамена, с другой — это, конечно, не столь обязательно и общеизвестно, как то, что, придя на экзамен, студент первым делом берет билет, затем готовится к ответу и затем отвечает. Поэтому императив НСВ звучит плохо, но СВ, хотя и лучше, но тоже выглядит неуклюже: **Говорите* / **Скажите номер билета!*

вайтесь! Проходите в комнату! Садитесь! Пейте чай, берите печенье! и т. д.; [Фамусов приехавшему гостю Чацкому:] *А! Александр Андреич, просим, садитесь-ка* (Грибоедов. «Горе от ума»). Понятно, что такого рода предложения часто употребляются с НСВ: поскольку действие вообще-то в интересах А, это дает дополнительные основания Г-му предположить, что он его выбрал; с другой стороны, то, что по правилам этикета и социального взаимодействия, принятым в нашем обществе, Г должен предложить А выполнить то Р, ресурсами для выполнения которого он распоряжается и которое в интересах А, дает основания А заранее выбрать делать данное Р. Ср. пример из работы Е. В. Падучевой, где вся ситуация с НСВ предложения эксплицирована: *Что же ты не предложишь мне сесть? — Садись!* [Падучева 1996, 80], где из слов А ясно, что он заранее выбрал Р 'сесть' и рассчитывает, что по законам гостеприимства Г это ему предложит сделать, и только ждет формального побуждения-предложения. Этот «круг» взаимопонимания и взаимодействия может в том или ином пункте разрываться, и тогда появляется СВ. Так, если у Г есть сомнения в «настрое» визитера выполнять обычный сценарий, то СВ предпочтительнее: *Ну, куда вы спешите? Присядьте хоть на минутку, отдохните, выпейте чаю!* СВ обязателен, если побуждение должно преодолеть сопротивление А. Так, в известной басне настойчивый Демьян потчевал соседа Фоку именно при помощи императивов СВ: *Пожалуйста, покушай... Еще тарелочку, послушай... Ну скушай же еще тарелочку, мой милый!* (И. А. Крылов. «Демьянова уха»).

5.5. Весьма близки к предложениям так называемые пермиссивные побуждения [Шаронов 1991, 12; Храковский 1988, 285–288], = разрешения. Главное отличие разрешений от предложений в том, что А¹² делает предварительный запрос, запрашивает санкцию, разрешение Г на выполнение выбранного им Р (подробнее см. [Шатуновский 2000, 324]). Промедление с осуществлением выбранного А-ом Р проистекает здесь из того, что по правилам языковой игры разрешений А не имеет права (с)делать Р, если Г не разрешит ему это (с)делать. Однако, в отличие от предложений, разрешения в полном смысле (не этикетные разрешения), когда с равной вероятностью возможны и разрешение, и отказ в разрешении, требуют именно СВ (А не может «уже выбрать» Р, если он

¹² Мы сохраняем «жесткие» (наподобие X и Y) обозначения участников коммуникации по их роли в том речевом акте, который является предметом описания, с тем чтобы сохранить мотивированность этих обозначений и в то же время избежать выражений типа «будущий А, но в данный момент Г».

не знает, разрешит ли Г ему выбрать сделать Р): *Можно я схожу к Пете?* — *Сходи / ?Иди*. Разрешение выступает в форме НСВ, если не предполагается возможности отказа; такое разрешение носит, как и предложение НСВ выше, формальный, ритуальный или своего рода «сигнальный» характер, ≈ 'не наступило ли время, когда уже можно выполнить Р?' — 'наступило, поэтому делайте Р'; то, что вообще-то Р можно выполнить, — прагматическая пресуппозиция разрешения с НСВ. Замена СВ на НСВ влечет изменения в интерпретации ситуации, ср.: *Можно войти?* — *Входите!* / *Войдите!* Коннотации вежливости и радушия, связанные с НСВ, объясняются тем, что в этом случае Г выражает свою установку на то, что он и не мог отказать А-у в разрешении и это разрешение — простая формальность (≈ 'конечно, конечно, разумеется, входите!'). «Строгость» и официальность СВ проистекает из того, что Г, употребляя СВ, как бы дает понять А, что он не мог рассчитывать на то, что обязательно получит разрешение, и поэтому заранее выбрать Р, т. е. примерно такая импликация: 'разрешаю, но мог бы и не разрешить!', ср. аномальность: **Конечно, войдите, войдите!* Аналогично: *Можно я возьму твою ручку?* — *Бери/Возьми; Вы не будете возражать, если я открою окно?* — *Открывайте, открывайте!* (пример из [Рассудова 1968, 110]) vs **Открой-те* — холодный ответ, предполагающий возможность отказа, дисконсирует с подчеркнутой любезностью спрашивающего о разрешении и в этом смысле некооперативен (по [Грайс 1985]).

5.6. Императивы-разрешения постепенно, через ряд промежуточных типов, переходят в императивы «одобрения», «согласия» [Рассудова 1968, 110] и, далее, «безразличия», «непротивления» [Храковский 1988, 286; Падучева 1996, 80] намерению А совершить некоторое действие, которые являются вербальной реакцией уже не на запрос о разрешении, а просто на информирование о предполагаемом действии А. Ср. ряд: *Можно я схожу к Пете? Я схожу к Пете? Я хочу сходить к Пете; Я схожу к Пете*. Последние два высказывания в этом ряду могут быть поняты и как косвенный запрос, или, точнее, «полузапрос» о разрешении (≈ 'говорю на всякий случай, не будет ли у тебя каких-либо возражений') (это еще зависит от интонации), но могут быть поняты и просто как информирование собеседника о запланированном, намеченном действии, не требующее какой-либо реакции¹³. Тем не менее

¹³ При этом предпоследнее высказывание, включающее неуверенное *хочу*, стоит ближе к запросу о разрешении, а последнее — ближе к просто информированию и гораздо «косвеннее» как запрос о разрешении.

такая реакция может быть получена, если Г в принципе может каким-то образом, словом или делом (вос)препятствовать действию Р. Посредством ответного императивного высказывания Г одобряет совершение намеченного действия или просто соглашается с тем, чтобы оно было совершено: *Ну что ж, сходи*. Ср. замечание В. С. Храковского: «В этом случае пермиссивное высказывание выражает не столько разрешение, сколько попустительство или невмешательство в дела говорящего» [Храковский 1988, 286]. Поскольку в такого рода ситуациях нет «запрограммированности», конвенционализированности взаимодействия, обеспечивающей формальность, «ритуальность» побуждения к уже выбранному А-ом Р, в высказываниях «согласия», «непротивления» в стандартных случаях употребляется СВ: [Г предлагает А совершить некоторое действие, в ответ на это А:] *Я сначала чаю пополью. — Понейте, попейте! / *Пейте, пейте! / *Пейте!* Для употребления НСВ нужны особые условия, обеспечивающие «уже-выбранность» Р. Это, например, употребление императива в ситуациях, когда Г ясно, что А выбрал и будет делать Р, что бы ни сказал ему Г; своим высказыванием Г дает понять А-у, что он, поскольку Р уже выбрано и он ничего не может с этим поделать, не будет препятствовать осуществлению Р. По крайней мере, употребление НСВ влечет такую интерпретацию ситуации и связанные с нею коннотации. Характерным для таких высказываний является предваряющее собственно императивную часть высказывания *Ну, что же...* или в полной, эксплицитной форме *Ну что же с тобой поделаешь...: Я к Пете пойду/схожу. — Ну, что же с тобой поделаешь, иди*. Ср. также несколько сдвинутые в сторону от прототипа (вследствие «малоконтролируемости» Р и размытости побуждения между «начните» и «продолжайте») случаи императивов «согласия-непротивления»: *Думайте обо мне, что хотите; Считайте, что я лгу!* (т/ф «Подозрение»); *Что ж, веселитесь!* (Лермонтов. «Смерть поэта»), ≈ «поскольку я с этим все равно не могу ничего поделать, думайте... и т. п.» — **Подумайте обо мне, что хотите; *Посчитайте, что я лгу*. НСВ обязателен в императивах «риторического согласия/непротивления» (своего рода «императивы презрения»): *Я стрелять буду! — Стреляй!; Схластики! Я штрафовать вас буду! — Штрафуй...!* (примеры из [Падучева 1996, 80]); *...Я на вас докладную подам! — Ну и подавайте, — мрачно сказал Корнеев...* (А. и Б. Стругацкие; пример из [Храковский 1988, 286]). Р, о намерении совершить которое будущий А сообщает Г, явно направлено против Г; информирование об этом представляет собой прямую или завуалированную угрозу — перлокутивный

акт, цель которого воздействовать на поведение адресата, сообщая ему, что угрожающий выберет и сделает плохое для него Р, если он..., и не сделает..., если он... Если в случае выше Г выражает согласие на осуществление Р, потому что он не может воздействовать на выбор А, то здесь он выражает согласие на его осуществление, потому что он не хочет воздействовать на выбор А, примерно с такой мотивировкой: 'Что бы вы ни выбрали делать, я не хочу и поэтому не буду (хотя и мог бы) препятствовать осуществлению вашего выбора', откуда следуют импликатуры, «возбуждение» которых составляет подлинную цель такого «согласия»: 'я презираю все ваши возможные действия', 'ваши угрозы напрасны'. К этим случаям примыкают случаи, так сказать, «риторического предложения», в которых Г, зная или предполагая, что А может сделать выбор делать Р, которое против его, А, интересов, «предвосхищая» возможную угрозу, сам превентивно предлагает А выполнить это Р: *Не уйду. Делайте, что хотите. Зовите милиционера!* (пример из [Падучева 1996, 77]).

Заметим, что сходным образом в риторических побуждениях употребляется и СВ. Однако между СВ и НСВ наблюдается любопытное иллокутивное различие, соответствующее описанному выше общему распределению видов в императиве: если НСВ выражает пассивное «смирение» с выбором А по причине презрения к его предполагаемым действиям и тем самым игнорирование угрозы, то императив СВ активен и имплицитно контругрозу (которая часто и эксплицируется), выражая тем самым стремление Г воздействовать на сам выбор А делать Р и изменить, отменить его: *Ну, попробуй, тебе же хуже будет потом! Только тронь его! (Будешь иметь дело со мной!); Глаз подбит у негодяя и на лбу фонарь, но хрипит он, угрожая: «Ну, ещё ударь!»* (С. Маршак).

5.7. Обширной областью употреблений императива НСВ является вторичное побуждение [Шаронов 1991, 12]. Наличие, сформированность выбора (интенции) у А делать Р в этом случае проистекает из того, что А уже был успешно «побужден» делать Р, но почему-либо медлит с его выполнением. То, что А принял Р к исполнению, может быть ясно (а) из его вербальной реакции (А сказал: *Ладно/Хорошо/Сделаю* и т. п.), (б) его невербального поведения: [Римский сложил телеграммы в конверт и передал их Варенухе:] — *Сейчас же, Иван Савельевич, лично отвези. Пусть там разбирают.* — «А вот это действительно умно!» — подумал Варенуха и спрятал конверт в свой портфель [т. е. Варенуха принял поручение к исполнению. Через некоторое время, после разговоров, Римский, указывая на портфель:] — *Поезжай, Иван Са-*

вельевич, не медли (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита») ¹⁴ или (в) просто из того, что он не может не принять Р к исполнению: *Где тут Варьете? Сверхмолния вам. Распишитесь*. [Пораженные, Римский и Варенуха стоят, смотрят друг на друга] — *Граждане! — вдруг рассердилась женщина, — расписывайтесь, а потом уж будете молчать сколько угодно. Я ведь молнии разношу* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»); *Тебе поручили меня устроить? Устраивай* (Брагинский, Рязанов; пример из [Шаронов 1991, 12]); *Тебе было сказано/велено сделать это? Делай!* Иногда вторичное побуждение непосредственно следует за первичным, в рамках единого сложного побуждения: *Ну, как дела? Рассказывай!* (пример из [Рассудова 1968, 105]) — предваряющий императив вопрос уже является побуждением рассказать о том, как обстоят дела; аналогично: *...Майор, склонившись к уху Алевтина, шепотом спросил: Мне уйти? — Почему? Оставайтесь!* (В. Богомолов; пример из [Храковский 1988, 287]). Подчеркнем, что без предваряющего *Почему?* НСВ был бы аномален: *Мне уйти? — *Оставайтесь!* Риторический вопрос *Почему?*, не требующий и не получивший ответа, означает 'нет никаких причин для того, чтобы вы ушли' и предполагает, что в результате у подчиненного сформировался выбор делать Р; собственно императив НСВ побуждает к осуществлению выбранного Р. Ср. также вторичное побуждение в ситуации разрешения (согласия) на совершение Р: *Мне позвонить надо. — Ладно.* [Это уже согласие, и затем вторичное побуждение к осуществлению Р:] *Звоните и захо-*

¹⁴ Хотя по указаниям словарей форма *поезжай* (от неупотребляющегося глагола **поезжать*) соотносительна как с НСВ *ехать*, так и с начинательным СВ *поехать*, фактически она функционирует как НСВ, в тех же позициях, в тех же условиях (см. пример выше) и заменяется именно НСВ, если подставить другой глагол. Так, если употребить вместо *поезжай* глагол, имеющий обе императивные формы, СВ и НСВ, то надо употребить именно НСВ: *Вези / Неси (*Повези / *Понеси) телеграммы, не медли*, ср. также примеры из [СлРЯ 1981–1984]: *Поезжай скорее домой; Этою дорогой, ваше благородие, поезжайте!* (Л. Толстой) → *Иди / *Пойди скорее домой; Этою дорогой идите / *пойдите*. Заметим также, что отсутствие соотносительных парных форм в этом и в других случаях (*скачи* — **поскачи* и т. д.) не приводит к нейтрализации описываемых различий между императивом СВ и НСВ и не препятствует полноценному осуществлению каждым своих функций, поскольку всегда можно подобрать другую приставочную форму СВ или даже другой глагол, который при необходимости заполнит нишу. В этом случае вид функционирует как полностью классифицирующая (лексико-грамматическая) категория, подобно категории рода существительных. Так, вместо **Поезжай на курорт* можно сказать *Съезди на курорт*, вместо **Поскачи завтра в город, передай пакет Ивану* — просто *Отвези завтра в город пакет Ивану* и т. п.

дите отсюда (пример из [Падучева 1996, 69], трактовка наша. — И. Ш.); заметим, что без предварительного *Ладно* (или т. п.) НСВ и здесь был бы аномален.

Если адресата побуждали делать Р, но не «побудили», императив НСВ неуместен: *Открой окно! — Не открою! — Открой окно, говорю!* (¹*Открывай окно, говорю!*). В ситуации, когда ясно, что А не выбрал Р и повторное побуждение побуждает именно к выбору Р, употребляется только СВ, ср. пример Е. В. Падучевой: *Расскажи! — Да не стоит! — Нет, расскажи! / *... рассказывай!* [Падучева 1996, 73].

5.8. Другой важной областью функционирования НСВ-императива являются ситуации «утилитарного» побуждения. Сформированность у А выбора делать Р предопределяется здесь тем, что сделать Р в интересах А. Однако делать это полезное для А Р возможно или имеет смысл только при наличии определенных условий. Промедление с осуществлением выбранного Р объясняется тем, что А не знает, имеют ли эти условия место, или знает, что эти условия (еще) не имеют места. Г сообщает А, что эти условия имеют (или начали иметь) место, и в связи с этим побуждает его к осуществлению выбранного Р: *Суп готов. Снимай!; Хватит проветривать, закрывай окно!* (примеры из [Падучева 1996]); *Я вас слушаю, говорите! Уже 8 часов, вставай!; С войной покончили мы счеты, бери шинель, пошли домой!* (Б. Окуджава) = «война окончилась, поэтому бери шинель, пошли...»; *Тебе же надо было позвонить? Вот автомат, звони!* (пример из [там же, 79]) — утилитарное побуждение, совмещенное с напоминанием; [стук в дверь:] *Кто там? — Свои, открывай / ²открой!* (но: *Откройте, полиция!* — видимо, потому, что открыть дверь полиции не в интересах А). Заметим, что в побуждениях этого типа практически необходимо сообщение о наличии условий, делающих совершение Р уместным; ср. странность или грубость, резкость императива в диалоге: *Кто там? — ²Открывай!* Последнюю реплику отчасти спасает то, что своего рода суперсегментной утилитарной мотивировкой, ситуативным знаком наличия условий, позволяющих совершить действие открывания двери, может быть здесь просто «демонстрация голоса» в императиве, позволяющая сделать вывод, что это «свои»; коннотации грубости побуждения, неуважения к А проистекают из того, что Г считает излишним дополнительно объяснять А, почему он должен открыть дверь: «хватит для тебя и звука моего голоса». При этом порядок следования сообщения о наличии условий для осуществления Р (мотивировки побуждения) и собственно императива несуществен,

поскольку действие все равно начнет осуществляться только после «прослушивания» всей побудительной «цепочки». См. ниже примеры, где сначала идет побуждение, а затем его мотивировка: *Говорите, я вас слушаю!*; [А знает, что в 7 часов по телевизору должна начаться интересная передача] *Включайте телевизор, уже семь часов* (пример из [Рассудова 1968, 104]); [Лиза Молчалину и Софье:] *Да расходитесь. Утро. [...] Всё в доме поднялось* (Грибоедов. «Горе от ума»); *Дурак... Она тебя возненавидит. — Молчи, мать, всё будет в норме* [Падучева 1996, 68]. Заметим еще раз, что без *всё будет в норме* НСВ был бы неуместен, с другой стороны, при наличии мотивировки замена на СВ дает аномальный результат: **Замолчи, всё будет в норме*.

5.8.1. Мотивировка побуждения может опускаться и часто опускается в случае экстренного утилитарного побуждения (ср. [Шаронов 1991, 12]). Такое побуждение осуществляется в тех случаях, когда А-у грозит серьезная, часто смертельная и очень близкая (по времени) опасность и только немедленное осуществление им Р может помочь ему избежать ее. Например: *Пожар, спасайся!*; [неожиданно появляются полицейские, которые хотят арестовать А, заметивший их сочувствующий А-у Г:] *Полиция, беги!* или просто *Беги!*; [на голову адресата падает кирпич:] *Берегись!*; [над головой засвистели пули:] *Ложись!* и т. п. Экстренность и чрезвычайность ситуации приводит здесь к «сжатию» побуждения вследствие редукции или даже элиминации ментального этапа выбора действия. Как и в случае команд, побуждение здесь фактически «перескакивает» через этап ментального выбора Р к непосредственному его осуществлению, но по другим основаниям, с примерно такой мотивировкой: опасность, предотвратить которую должно Р, настолько близка, что нет времени решать, выбирать, делать или не делать Р (и тем более объяснять, почему Р нужно сделать и именно сейчас); Р настолько жизненно важно для А, что у него просто нет разумной альтернативы, поэтому выбирать и не из чего.

5.9. Другая типичная ситуация употребления НСВ-императива: выбрав в принципе делать Р, адресат колеблется, медлит, не может решиться начать осуществлять/осуществить действие, поскольку имеются противодействующие импульсы — моральные соображения, страх перед последствиями, смущение, простая нерешительность и т. п. Ср.: в «ситуациях, когда говорящий видит колебание своего собеседника, его нерешительность, неуверенность в том, стоит ли начинать ...действие», говорящий, «как бы „подталкивая“ его, ...употребляет глагол несовершенного вида»

[Рассудова 1968, 104–105]. Например, А выбрал цель, прицелился, но никак не может решиться выстрелить в человека: *Стреляй!; Прыгай!* — тому, кто собирается спрыгнуть с подножки набирающего ход поезда, но никак не может решиться; *Вставай!* — тому, кто никак не наберется духу вылезти из теплой постели; *Входите, не бойтесь! Берите, берите! Не тесняйтесь!* и т. д. Сюда примыкают случаи, когда Г и он же одновременно А, «подбадривая», побуждает к уже выбранному действию самого себя: *Выпрямляйся, барабанщик!* — повторил мне тот же голос. — *Выпрямляйся, пока не поздно!* (А. Гайдар. «Судьба барабанщика»). Как видно из примеров выше, НСВ-«подталкивания» может поддерживаться утилитарными, этическими и другими мотивировками, см. также: *Прыгай, а то будет поздно! Берите, у меня еще есть! Входите, я не кусаюсь!* и т. п.

5.10. Следующая и последняя группа в нашем списке реализативов — императивные высказывания типа *Ты почему до сих пор не спишь?! Уже 10 часов! Ложись немедленно спать!; Ты почему до сих пор в кровати?! Быстро вставай!; Ты что здесь делаешь? Уходи отсюда! / Убирайся! / Проваливай!* и т. п. Побуждение в этих случаях имеет резкий, настойчивый, категорический, иногда грубый характер. Может показаться, что эта группа не соответствует описанному выше общему правилу употребления императивов НСВ. Поскольку степень настойчивости и резкости побуждения прямо пропорциональна тому сопротивлению со стороны адресата, которое ему приходится преодолевать (ср. [Бенаккьо 1993, 21]), очевидно, что определенное, меньшее или большее, сопротивление побуждению со стороны А в виде большего или меньшего нежелания делать Р в этих случаях есть. Именно необходимость преодолеть это «нежелание» заставляет Г усиливать «побудительную силу» высказывания (посредством придания ему особой интонации и — часто — употребления эмоционально-экспрессивно окрашенных слов, типа *проваливай*, добавления интенсифицирующих, подкрепляющих побуждение слов и выражений — *немедленно, быстро, сию минуту, тебе говорят, кому говорят* и т. п.). Это, однако, только одна, очевидная сторона медали. Но есть и другая. Желание и выбор — это не одно и то же, выбор может определяться желанием, но может определяться и другими факторами и идти против желания субъекта. В данном случае выбор, импульс к выполнению Р предопределяется наличием деонтической (в широком смысле) необходимости для А делать Р: существует то или иное писаное или неписаное правило, норма, порядок, распоряжение, инструкция, закон и т. п., соглас-

но которому А в данном конкретном случае должен выполнить Р. Например, в 10 часов ребенок уже должен спать, а в 8 — быть на ногах, в каком-то помещении А не должен находиться вообще или без разрешения какого-либо ответственного лица или хозяина и т. д. и т. п. Конфликт между долгом сделать Р и склонностью не делать этого является типичным для деонтической необходимости [Арутюнова 1988, 33], ведь правила, нормы, законы для того и создаются, чтобы обеспечить в случае столкновения узколичных интересов и желаний и каких-то целей более высокого уровня выбор субъекта в пользу последних. В случае побуждения, имеющего в качестве своего источника деонтическую необходимость для А выполнить Р (такое побуждение называется и является требованием), в случае побуждения-требования сохраняется инвариантный принцип употребления НСВ: предполагается, что А понимает, осознает и в этом смысле выбрал, имеет импульс делать Р: он понимает, что нужно вставать, нужно делать уроки, и выбрал это делать, но оттягивает, откладывает непосредственное начало, «приступ» к этому действию, поскольку этому противодействуют другие желания и мотивы. Необходимость преодоления сопротивления А обуславливает то, что деонтический императив НСВ всегда подкрепляется, усиливается той или иной мотивировкой, являющейся одновременно косвенным побуждением к выбору Р, само требование в форме императива НСВ всегда имеет вторичный характер (поэтому деонтическое НСВ-побуждение входит одновременно в группу НСВ вторичного побуждения). Г сначала напоминает, констатирует и т. п. в той или иной форме, что А должен совершить некоторое Р (см. примеры выше), и затем тут же, принимая как данное (иногда демагогически), что уж после этого напоминания и т. п. выбор в пользу Р сделан, вторым, завершающим «ударом» побуждает А к осуществлению Р. Без такой подготовительной части императив НСВ аномален. В частности, совершенно нелепо употребление высказываний рассмотренного типа в абсолютном начале речевого контакта. Очень странно, неуместно, увидев человека, сказать ему, как бы ни с того ни с сего: *Убирайся отсюда! Садись немедленно делать уроки!* и т. п. Нет, такое побуждение должно быть подготовлено: *Ты что здесь делаешь?* (риторический вопрос, косвенное утверждение-побуждение: = 'Тебе здесь нечего делать', с возможной экспликацией вывода: *Тебе здесь нечего делать!* (поэтому) *Убирайся отсюда немедленно!*; *Ты почему до сих пор не в постели? Ложись немедленно спать!* (с возможной инверсией: *Вставай немедленно, уже 8 часов!*).

6. Указания

Второй из двух основных типов императивных высказываний с НСВ мы будем называть, используя имеющееся в русском языке дескриптивное слово (классификатор), в одном из значений весьма точно соответствующее описываемому типу речевых актов, **указания** («УКАЗАНИЕ, ...3. Совет, замечание, разъясняющие что-л., указывающие, как действовать» [СлРЯ 1981–1984]). Специфика указаний проявляется прежде всего в области актуального членения (коммуникативной перспективы): если в реализативах диктальная ситуация Р известна, относится к данному и в коммуникативном фокусе (в реме) только побуждение, то в указаниях диктальное описание Р в коммуникативном фокусе относится к новому (реме) полностью или частично; модальный компонент побуждения, напротив, относится к данному¹⁵. Указания также разделяются на ряд типов в соответствии с особенностями ситуаций их употребления.

6.1. (1). Первая разновидность первого типа — это указания в ситуациях, когда А уже был успешно побужден к совершению Р, но между моментом принятия Р к осуществлению (выбором А-а делать Р) и началом его осуществления есть некоторый временной промежуток, связанный с объективной необходимостью проделать некоторые подготовительные операции; в этот промежуток и вклинивается Г со своими дополнительными указаниями, касающимися способа осуществления действия: *Откройте дверь!* [А, приняв побуждение к исполнению, делает шаг к двери, протягивает руку к ручке — все это занимает какое-то время, в течение которого Г дает указание:] *Только открывайте осторожно: она скрипит!*; [Фамусов слуге:] *Достань-ка календарь; читай не так, как пономарь; а с чувством, с толком, с расстановкой* (Грибоедов. «Горе от ума») — побуждение достать календарь в данной ситуации равносильно побуждению «...и прочитай, что там написано»; однако перед тем как начать читать календарь, его нужно действительно достать и открыть; в это время Фамусов и описывает при помощи императива НСВ, каким образом нужно осуществлять чтение¹⁶; см. также другие примеры из раздела 3 (3) (6).

¹⁵ Автор благодарен М. Я. Гловинской за ценные замечания, касающиеся коммуникативных особенностей императивных высказываний этого типа.

¹⁶ Заметим, впрочем, что, поскольку побуждение собственно к действию *читать* эллиптировано, пример звучит не очень гладко, по крайней мере, на слух современного читателя.

(2). Другая ситуативная разновидность этого типа — это употребление НСВ-указаний в тех случаях, когда действие уже начато, но совершается, по мнению Г, не (совсем) так, как следует: *Читайте громче!*

Само действие (*читайте, открывайте* и т. д.) в этих высказываниях известно, в коммуникативном фокусе — слова (*медленно, громче* и т. п.) или семантические компоненты глагольного значения (например, в *Ты не тяни, а дергай... Сразу!* (Чехов. «Хирургия»)), обозначающие способ совершения этого действия. Побудительные предложения этого типа соответствуют частичным диктальным вопросам Ш. Балли [Балли 1955] и частноинформативным высказываниям П. Адамца [Адамец 1966] в области вопросов и повествовательных (дескриптивных) высказываний соответственно. Поэтому их можно назвать частноинформативными побудительными высказываниями, или **частноинформативными указаниями**.

6.2. Другой вариант промедления с осуществлением выбранного Р и «вклинивания» императива НСВ между выбором Р и его осуществлением имеет место в ситуациях, когда А в принципе выбрал делать «нечто» (у него возник импульс к действию), но не знает или не полностью знает, что именно, какое Р. Г в императивном высказывании сообщает ему, = указывает, что именно ему надо или можно делать. Данный тип указаний, в свою очередь, делится на 2 подтипа.

6.2.1. Диктальное содержание выбранного А-ом Р может быть ему частично известно и только частично неизвестно. А именно, известно, какое действие в целом будет осуществляться, неизвестным остается какой-то его аспект: актант, или сирконстант, или способ осуществления действия. Пока этот «пробел» не заполнен, осуществление действия не может начаться. Например, человеку ясно и он выбрал, что надо куда-то бежать, но он не знает, куда именно, он хочет сесть, но не знает, на какой стул, ему надо где-то переночевать, но он не знает, где это можно сделать, ему надо звонить администратору гостиницы, но номер телефона ему неизвестен, и т. д. и т. п. Компетентный в этом отношении или распоряжающийся теми или иными ресурсами, необходимыми для выполнения действия, Г в своем императивном высказывании сообщает ему недостающие детали, обеспечивая тем самым возможность приступить к осуществлению намеченного действия: *Садитесь вот сюда!*; *Оставайтесь ночевать у нас!* (указание-предложение); [Мартышка:] *Погодите! Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.* [Это уже косвенное побуждение

сесть по-другому. В предположении, что это побуждение принято другими участниками квартета, Мартышка объясняет, как именно нужно сесть.] *Ты с басом, Мишенька, садись против альта...* (И. А. Крылов. «Квартет»); *Причаливай вот тут!* (Л. Мартынов. «Переправа»); *Конем ходи!* — указание-подсказка; [Фамусов, после нескольких указаний записать в календаре то, да се, дает очередное указание слуге:] *Пиши: в четверг... я должен у вдовы, у докторши, крестить* (Грибоедов. «Горе от ума») — пока не сказано, что именно писать, начать писать, при всей очевидной известности и «выбранности» слугой этого действия, невозможно; аналогично: *Кричи: «Совершенно секретно!»* (к/ф «Волга-Волга»); *Вам надо искать невесту, достойную вас. Увы, я вам не пара.* [Отсюда уже вытекает, что А должен искать кого-то другого. Но кого? В последующем высказывании это сообщается в императиве.] *Ищите девушку!; Дачу отдадите Клаве, а квартиру себе берите* (2 последних примера из [Падучева 1996, 71], трактовка наша. — И. Ш.). Поскольку в коммуникативном фокусе — только один из аспектов Р, рассматриваемые высказывания относятся к **частноинформативным** указаниям, как и тип, описанный выше.

6.2.2. Следующий и последний из рассматриваемых в данной статье тип указаний соответствует общим диктальным вопросам Балли и **общеинформативным** высказываниям Адамца — поэтому такие указания можно назвать **общеинформативными** указаниями¹⁷. В случае **общеинформативных** указаний диктальное содержание Р в целом неизвестно А и поэтому целиком находится в коммуникативном фокусе императивного высказывания. Тем не менее в некотором смысле А и здесь «выбрал» делать — не конкретное Р, но «нечто», точнее «что-то» (тут ни одно из неопределенных местоимений в точности не подходит), но не знает, что именно надо в этом случае делать. В подобной ситуации А как бы, а иногда и буквально спрашивает у компетентного Г, что ему надо в данном случае делать; Г в императивном высказывании информирует его об этом, сопровождая эту информацию избыточным, «согласовательным» и поэтому относящимся к данному компонентом побуждения. Например: [*Что же (мне) делать?*] — *Выходи замуж / Бери коня. Скачи в район к телефону — кричи в ГПУ на Каспийское море / Садись сюда и читай вот этот рас-*

¹⁷ В более подробной классификации Х. Мелига (см.: [Mehlig 1991; Мелиг 2000]) императивным высказываниям данного типа соответствуют полные экспликативные высказывания.

сказ (примеры из [Падучева 1996, 71, 74]); [Г видит или представляет дело таким образом, что А понимает, что нужно что-то делать, но не знает, что именно, и ждет от него указаний:] *Так слушайся моего совета, дурья голова, разоружайся! Пиши: виноват во всем, но клянусь, что больше не повторится...* (Домбровский; пример из [Шаронов 1991, 12]; интерпретация наша. — И. Ш.); *Поплавский, — тихо прогнусил вошедший, — надеюсь, уже все понятно? — Поплавский кивнул головой. — Возвращайся немедленно в Киев, — продолжал Азazelло, — сиди там тише воды, ниже травы и ни о каких квартирах в Москве не мечтай, ясно?* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»); [авторитетный Г распоряжается на кухне, дает указания напарнику:] *Ты жарь картошку, а я пока буду делать салат.* Как видно из примеров, ситуация такого побуждения в большинстве случаев соответствует ситуации совета (Р в интересах А) или предложения (Р в интересах и Г, и А); отличие от СВ-советов и СВ-предложений в том, что в случае с СВ А может принять совет или предложение (выбрать следовать ему) или отклонить; здесь же еще до побуждения у А возник, есть импульс делать «нечто» и именно то, что скажет Г; поэтому отказа в случае НСВ не предполагается! Показательным является характер возможных в таких высказываниях «концевых» вопросов («tag-questions»), контролирующих успешность побуждения. Если в «полноформатном» СВ-побуждении, включающем побуждение к выбору Р, такой контроль осуществляется при помощи вопросов *ладно? хорошо? сделаешь?* и т. п. (*Отнеси это Ване, ладно?*), посредством которых проверяется, выбрал или не выбрал, = принял или не принял А к исполнению Р, то в информативных НСВ-указаниях контроль успешности побуждения осуществляется при помощи вопросов *ясно? понятно? понял?* и т. п. Как видно из этих вопросов, неуспех побуждения может быть в этих случаях связан только с тем, что А не понял и т. п. содержание Р, которое он должен выполнить; то, что он выбрал делать некоторое Р, является пресуппозицией, данным этих высказываний; последнее проявляется также в том, что на такое побуждение нельзя ответить *Ладно* и т. п.: [*Что же делать?*] — *Бегите к соседям и звоните в милицию!* — **Ладно.*

7. Поскольку выбор А делать нечто сам по себе недоступен непосредственному восприятию Г, в тех случаях, когда нет однозначного, недвусмысленного запроса об указании (совете и т. п.) со стороны А, интерпретация ситуации как предполагающей или не предполагающей сделанный А выбор и содержащей или не содержащей косвенный или имплицитный запрос об указании яв-

ляется в некоторых пределах продуктом «творческого» осмысления ситуации Г-им, восстанавливающим некоторые опущенные, по его мнению, имплицитные звенья дискурса. При этом он, естественно, может ошибаться в разные стороны или намеренно, демагогически интерпретировать ситуацию выгодным ему образом, навязывая А определенный курс действий. Ср. примеры Е. В. Падучевой [Падучева 1996, 79] (объяснения наши. — И.Ш.): А: *Вот — неизвестно что... что-то химическое.* Г: *Давай мне!* В данном случае высказывание А вполне естественно истолковать как содержащее имплицитную просьбу об указании: $\rightarrow \approx$ 'не знаю, что с этим делать', поэтому НСВ здесь вполне оправдан, и наоборот, СВ выглядел бы странно, немотивированно: ...*Дай мне!* Другая ситуация в следующем диалоге: Г: *У тебя есть деньги?* А: *Немного.* Г: *Неси, какие есть, я уезжаю.* Г демагогически или, по крайней мере, весьма произвольно интерпретирует ответ А на свою косвенную просьбу дать денег, если они есть у А, как согласие с оговоркой на ограниченность возможностей, что и позволяет ему использовать НСВ в значении побуждения — указания нести имеющиеся, несмотря на их малое количество, с добавочным разъяснением, почему он удовлетворяется такой суммой: ...*я уезжаю.* Употребление НСВ здесь тем не менее весьма «шероховато», натянуто, т. к. гораздо более естественно трактовать сообщение о наличии небольшой суммы денег как имеющее в фокусе не 'наличие', но 'малое количество' и поэтому как нейтральное сообщение или даже косвенный отказ.

8. Распоряжения

Общеинформативные указания представляют собой последний рубеж, на который отступает (или, с другой стороны, который занимает в своей экспансии) НСВ, сигнализирующий о том, что действие в каком-то, хотя бы самом минимальном смысле и степени началось. Выбор, импульс, «порыв» сделать что-то, хотя и неизвестно что, и представляет собой такой минимум, за которым начинается СВ. Пограничный с указаниями и очень близкий к ним тип императивных речевых актов с СВ можно назвать распоряжениями. В случае распоряжений А также заведомо «расположен», готов выполнять побуждения Г, поскольку последний стоит выше А в том или ином отношении (является начальником А, руководителем работ, в которых участвует А, и т. п.) и А должен по существующим в данной группе правилам выполнять в определенных пределах побуждения Г определенного типа. На-

пример: [хирург ассистенту:] *Дайте щипцы! Зажмите рану! Подайте тампон!*; [учитель ученикам]: *Возьмите ручки. Откройте тетради. Напишите сверху число*; [ведущий физзарядку]: *Поднимите руки вверх, разведите их в стороны, глубоко вздохните...;* [начальник подчиненному]: *Позвоните Ивану Ивановичу и скажите ему...; Отнесите это в комнату 225;* [Римский:] *Примите сверхмолнию* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита») и т. п. Здесь также нет вопроса, выполнит или не выполнит А действие Р, Г информирует его о диктальном содержании Р (= сообщает ему, что нужно сделать) и побуждает его сделать это. Различие между указаниями (с НСВ) и распоряжениями (с СВ) в следующем: в случае указаний импульс к действию принадлежит самому А, возникает до и независимо от побуждения Г, Г только «наполняет» его конкретным диктальным содержанием, так сказать, объясняет А, что делать. В случае распоряжений сам импульс к совершению действия, «выбор» его совершить появляется только после императивного высказывания. Хотя А заведомо готов, расположен выполнять побуждения А, но только если будут такие побуждения, сам он пассивен.

9. 'Немедленно'

Возвращаясь к рассмотрению общих принципов противопоставления СВ и НСВ в императиве, коснемся компонента 'немедленно', часто возникающего при употреблении НСВ-императива. По словам О. П. Рассудовой, «употребляя глаголы несовершенного вида, говорящий побуждает приступить к действию в момент речи» [Рассудова 1968, 103]; Е. В. Падучева рассматривает компонент 'немедленно' как один из трех отличительных семантических признаков НСВ-императива [Падучева 1996, 70–71]. Как представляется, смысл 'немедленно' недотягивает до статуса собственно семантического, обязательного компонента формы императива НСВ. Это своего рода «полусемантический» компонент, «неустойчивый семантический признак» [Зализняк 1992, 24], это одна из важных «граней», которой «оборачивается» во многих коммуникативных ситуациях общее иллюкутивное значение императива НСВ (ср. [РГ 1980, т. 1, § 1481], где наличие этого компонента связывается с контекстом). Понятно, что побуждение к осуществлению выбранного, но отложенного по каким-либо причинам действия есть в подавляющем большинстве случаев побуждение «перестать медлить» с его осуществлением, т. е. осуществить его немедленно. Поэтому всегда, если эксплицитно не ука-

зано иное и нет «противодействия» со стороны ситуации, контекста или семантики глагола, побуждение посредством актуального НСВ-императива понимается как побуждение немедленно приступить к осуществлению / осуществить действие¹⁸. Однако признак этот хотя и важный, но несущественный в том смысле, что, если ситуация, контекст или значение глагола таковы, что действие не может или не должно осуществляться немедленно, это не препятствует употреблению НСВ-императива. Например: *Можно я принесу (завтра) на урок ежа? — Приноси; Можно я приду к вам на лекцию? — Приходи; Передавайте привет Пете!* (подробнее об этих и подобных им глаголах см. ниже); см. также пример Е. В. Падучевой: [лодка находится в сарае, удаленном от говорящих. — Я могу взять ее?] — *Бери* [Падучева 1996, 71]; и т. п. Особенно часто этот компонент отсутствует в указаниях, поскольку резон указаний не собственно в побуждении, а в информировании А о том, каким образом, при каком условии, в какой ситуации и/или когда он должен или может осуществить то или иное выбранное им действие, и это может быть не немедленно, а в какой-то другой, содержащийся в указании момент: *Квартиру себе берите* [после смерти Г] (пример из [там же, 71]); *Как я махну рукой, стреляй! Стреляй по моей команде!*; *Как увидишь обувной, слезай* (к/ф «Я шагаю по Москве»); *Приезжаю завтра «Стрелой». Встречай (*встреть) в восемь часов двадцать минут на Московском вокзале* (пример из [Храковский 1988, 282])¹⁹.

10. Императивы общефактического типа

подавляющее большинство глаголов не способно иметь в отрицательном императиве общефактическое значение вследствие семантического противоречия между побуждением к немед-

¹⁸ Заметим, что императив СВ также может побуждать выбрать и осуществить или начать осуществлять действие немедленно: *Уберите сейчас же ваше золото, — сказал профессор* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»), ср. также не отличающиеся по этому параметру *Садись!* и *Сядь!*, *Встань!* и *Вставай!*, *Читай!* и *Почитай мне немного!* и т. д.

¹⁹ Как кажется, здесь также существенна «актуальная длительность» императива НСВ (ср.: *Ты что делаешь на вокзале? — Да вот, встречаю друга*). Моментальный СВ предполагает чрезвычайно затруднительную с точки зрения ее практического осуществления точность встречи двух лиц в указанный момент времени; длительный НСВ предполагает, что встречающий будет находиться на вокзале как до, так, скорее всего, и некоторое неопределенное время после указанного времени; определенным является только включенность момента '8.20' в этот неопределенный промежуток времени, занятый ожиданием встречи.

ленному осуществлению конкретного действия и общефактическим значением, специфику которого с референциальной стороны составляет неопределенность действия по времени и количеству ('по крайней мере один раз'), а с семантической — то, что глагол в этом значении обозначает законченный квант потенциально повторяющегося действия [Падучева 1996, 43–48; Шатуновский 1996, 322–324], что как раз и обеспечивает возможность референциальной неопределенности (только то, что числом хотя бы потенциально более одного, может быть неопределенным) [Шатуновский 1996, 322]: **Пиши ему как-нибудь письмо!* Однако некоторые группы глаголов и отдельные глаголы по своей семантике таковы, что, напротив, не могут употребляться в императиве без «приспособления» к ситуации императива таким образом, что это приводит к возникновению в императиве значения общефактического типа, которое может иметь среди прочих и собственно общефактическое употребление. Яркий пример такого приспособления представляют глаголы перемещения с приставкой *при-* (*прийти / приходиться, приехать / приезжать, принести / приносить* и т. д.) (ср. [Падучева 1996, 82]) и *под-* (*подойти / подходить, подъехать / подъезжать* и т. д.) в значении ≈ значению глаголов с приставкой *при-*: *Подъезжай к 7 часам к моему дому.* Специфика этих глаголов с дейктической семантикой заключается в том, что они обозначают событие появления в том месте, где находится Г, объекта, который до этого находился, естественно, в каком-то другом месте (прототипическое значение): *Петя приехал* — или появление объекта в каком-то месте, принятом за дейктическую точку отсчета, при том, что до этого он был не в том месте, где находится Г: *Петя приехал к Диме* (из того места, где Г не находится). Это значение противоречит ситуации императива, в которой А в норме находится в том же месте, что и Г (иначе как он его услышит?). Отсюда трудности с употреблением этих глаголов в императиве: **Приедь к нам завтра!* **Приедь к Пете и скажи ему...* ?*Приди к нам на ужин!*, аналогично в инфинитиве: **Приехать!* **Прийти к Пете!* и т. д. При этом как только ситуация видоизменяется так, что это противоречие снимается, императив делается нормальным ²⁰. Так, СВ в *Догадайся, что со мной случилась беда. Приди, приди, приди!* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита») уместен потому, что это своего рода заклинание, и хотя

²⁰ Исключение — всегда аномальное **приедь*, где накладываются и другие причины (*ехать* и его производные в норме вообще не употребляются в императиве: **едь, *поедь, *заедь* и т. д.).

А находится в другом месте, он должен магическим образом услышать призыв и переместиться из того места, где не находится Г, в то место, где он находится. Однако если «жесткий», маркированный, всегда неизменный в своем значении СВ должен ждать подходящей ситуации, то изменчивый, обладающий широким набором значений немаркированный НСВ сам приспосабливается к ситуации побуждения. Его значение преобразуется в реверсивный (двунаправленный) «квант», состоящий из противоположно направленных действий сначала перемещения из места, где находятся Г и А, и затем перемещение обратно в это место или в какое-то другое место, где будет находиться Г (в фокусе значения — 'движение в...'). Такое значение по типу совпадает с общефактическим значением этих глаголов с тем отличием, что если не в императиве общефактическое значение фиксирует реверсивный квант движения сначала в данный пункт и затем из него (*К тебе приходил Петя* = 'пришел [и ушел]', подробнее см. [Шатуновский 1996, 321–333]), то в императиве «квант» зеркально преобразуется: *Приходи...!* = '[уйди и] приди'. Такой согласованный с ситуацией императива двунаправленный НСВ этих глаголов широко употребляется в качестве реализативов и указаний. Примеры (двунаправленных) реализативов: *Можно я приду к вам на лекцию / завтра...?* — *Приходите* (**Придите* — если в случае других глаголов НСВ, как было отмечено выше, в ситуации разрешений конкурирует с СВ, то здесь СВ абсолютно неуместен, поскольку он не реверсивный); [Г и А свое свободное от работы время проводят за шахматами; в момент разговора они находятся в одном месте, скажем, встретились в коридоре или Г зашел к А; играют они обычно в комнате Г:] *Ты сейчас свободен? Приходи играть в шахматы!* Примеры указаний: *Когда к вам приехать?* — *Приезжайте завтра (часов в 7); Приходи / Подходи к двум к фонтану;* [Буфетчик:] *А ...если они опять, того...* [= Что же мне делать, если магические деньги опять превратятся в резаную бумагу?]*— Гм... — задумался артист, — ну, тогда приходите к нам опять* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»); *Хочешь большой, но чистой любви?* — *А кто же ее не хочет?* [= хочу, но что для этого мне надо сделать?]*— Приходи сегодня ночью на сеновал* (к/ф «Формула любви»). Законченность и потенциальная повторяемость двунаправленного кванта позволяет этим глаголам употребляться в императиве и собственно в общефактическом значении; так, сказанное при прощании приглашение: *Приходите / Приезжайте к нам!* не содержит указания на количество посещений (один раз или более) и их время.

Впрочем, технический прогресс меняет ситуацию, и в настоящее время можно побуждать находящегося на расстоянии и, следовательно, не в том месте, где находится Г, А-а при помощи телефона, радио и т. п. переместиться в то место, где находится Г, или в какое-то другое место. В результате описанное выше двунаправленное значение НСВ трансформируется в однонаправленное значение, соотносительное с обратным движением реверсивного кванта и сохраняющее ту его особенность, что обозначается все перемещение в целом, от начала до конца. Этим данное значение отличается, с одной стороны, от СВ этих глаголов, фиксирующих в своем значении только последний этап, переход от отсутствия объекта в данном месте к присутствию в нем, само действие перемещения остается в СВ за кадром, с другой стороны, от стандартных императивов НСВ других глаголов, не содержащих в значении указания на конечный «предел» действия. В этом значении и в этой «дистантной» коммуникативной ситуации такие глаголы широко употребляются как указания и реализативы, побуждающие, если не указано иное, к немедленному началу осуществления действия: [Г говорит с А по телефону:] *Ты сейчас свободен? Приходи играть в шахматы!; Приезжай сейчас к нам!; Сегодня я занят... Приходите / Подходите завтра часов в 11; Приходи / Подходи к 2 часам к почтамту; Можно я приду сейчас к вам? / завтра к вам на лекцию? — Приходи;* и т. п. Тем не менее, само слово *немедленно*, чересчур «точечное» по значению, плохо звучит в этих случаях, видимо, вследствие того, что в значении этих НСВ присутствует, выделен не только начальный, но и конечный момент движения, может быть, даже более сильно, в соответствии с исходным значением СВ (см. [Падучева 1996, 82]), поэтому сфера его действия раздваивается: то ли начинать немедленно, то ли оказаться немедленно в том пункте, где находится Г, но это невозможно. Более размытое и широкое *сейчас* употребляется здесь гораздо более свободно, поскольку может «охватить» все перемещение в целом, начало, середину и конец.

Сказанное выше приложимо и к глаголам *вернуться/возвратиться/возвращаться* — в ситуации, когда имеется в виду возвращение А в то место, где находятся А и Г. В этом случае и по тем же причинам не может быть употреблен СВ и широко употребляется двунаправленный НСВ общефактического типа: *Возвращайся сегодня же!; Возвращайся скорее!* (при уходе)²¹ / **Вернись*

²¹ Глагол *возвращаться* не может быть употреблен не в императиве в общефактическом значении: слишком сложное получается движение, которое на

скорее! Однако *вернуться* и т. д. не требуют, чтобы начало движения было обязательно не из того пункта, где находится Г, в этот пункт. Поэтому во всех других случаях СВ и НСВ употребляются без каких-либо ограничений в своих стандартных значениях: «*Вернись в Сорренто!*» (название песни); *Возвращайся немедленно в Киев*, — продолжал Азазелло, — *сиди там тише воды, ниже травы и ни о каких квартирах в Москве не мечтай, ясно?* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Несколько иная ситуация с глаголами *зайти/заходить, забежать/забегать, заехать/заезжать, заглянуть/заглядывать* и т. п. в значении «идя, по пути побывать где-л., посетить кого-, что-л., наведаться к кому-л., куда-л.» [СлРЯ 1981–1984]. Поскольку здесь не имеет места дейктическая закреплённость направления движения в то место, где находится Г (это не исключено, но не обязательно), эти глаголы свободно употребляются в СВ-императиве (кроме ²*заедь*): *На обратном пути зайди к Пете, возьми у него дрель / забеги в магазин, купи хлеба* и т. п. Однако в НСВ с этими глаголами происходят любопытные метаморфозы: *Заходите к нам (в гости)! Заглядывайте к нам!; Можно я зайду к вам на следующей неделе? — Заходите! / Конечно, заходите!; [продавец покупателю:] Заходите на следующей неделе, может быть, эту марку подвезут; [начальник посетителю:] Нет, сегодня я занят, заходите завтра!* и т. п. Во-первых, в отличие от СВ нельзя при помощи НСВ побуждать А «побывать» не у Г, а у какого-то другого лица: **На обратном пути заезжайте / забегайте / заходите к Пете (в гости / возьмите у него дрель); [Г, не имеющий никакого отношения к ЦУМу, своему другу:] *Заглядывай / Заходи завтра в ЦУМ, может быть, привезут эту марку; *Заходи к директору, может, он поможет* и т. п. Во-вторых, невозможно побуждение к немедленному осуществлению действия: **Немедленно заглядывайте к нам!* В-третьих, эти глаголы употребляются в НСВ исключительно собственнo в общефактическом значении, что подразумевает, кроме потенциальной повторяемости действия, его неопределённость по количеству ('по крайней мере один раз') и времени совершения. Первые две особенности с полной очевидностью вытекают из описанного выше инвариантного побуждения НСВ-императива. НСВ-императив употреб-

практике редко может иметь место: **Пока тебя не было, Петя возвращался домой*, что должно было бы означать: 'Петя ушел из дома и затем пришел обратно [собственно значение глагола], и затем снова ушел [имплицитруется общефактическим значением]'; **Ты уже возвращался домой?* = 'по крайней мере один раз ушел, пришел и опять ушел'.

ляется здесь, как и во всех других случаях, тогда, когда выбор А в пользу данного Р сделан: он намерен купить данный товар, но не знает, когда он будет в магазине, ему нужно и он намеревается поговорить с начальником, но не знает, когда тот примет его, он «выбрал» и хочет, как положено по ритуалу, посетить с визитом Г, но на это положено предварительно получить, также ритуальный, сигнал-приглашение Г. Но, естественно, Г может дать такой сигнал (разрешение, приглашение, «непротивление», совет и т. д.) только в тех случаях, когда он имеет на это право, когда он распоряжается необходимыми для Р ресурсами, например, является или хозяином, или начальником, или продавцом и т. д. Он не может санкционировать желающего посетить Петю А-а словами: *Заходи к Пете на неделе!*, если только Петя не находится в его полном подчинении. Далее, поскольку А находится в императивной ситуации в том же месте, что и Г, побуждать его немедленно оказаться в том же месте абсурдно-бессмысленно! Для того чтобы снова оказаться в этом месте, А должен сначала уйти из него, что дает, как и в случае глаголов с *при-*, реверсивный, двунаправленный квант ухода или т. п. и затем прихода или т. п., или, если Г побуждает А переместиться не в то место, где они сейчас находятся, а в какое-то другое место (например, Г, находясь с А дома у Б, приглашает его: *Заходите в гости!*), надо сначала дождаться, пока сам Г достигнет этого места (нельзя прийти к нему в гости, пока он сам не окажется дома). Наконец, если побуждение осуществляется на расстоянии по телефону, электронной почте и т. п., то и здесь сразу «начать заходить» невозможно, поскольку в игру вступает собственная семантика этих глаголов, согласно которой визит в то или иное место делается «заодно» с каким-то другим действием, так сказать, попутно, но не специально. Поэтому сначала надо дождаться, пока появится случай, возникнет оказия²².

²² Это обстоятельство, видимо, сыграло свою роль и в чрезвычайном распространении данных форм этих глаголов в функции приглашения в гости. Ср.: *Приезжайте / Приходите к нам!* и *Заезжайте / Заходите (как-нибудь) / Заглядывайте!* Первые опасны в том смысле, что могут быть поняты и как 'насовсем', вторые — только на время; первые предполагают, что А специально придет с визитом к Г, что накладывает на последнего повышенные обязательства по приему, вторые — что это будет делаться заодно, попутно и т. д. и тем самым не потребует особых усилий от А и тем самым какой-то особой компенсации этих усилий со стороны принимающей стороны — Г. С другой стороны, может быть, не стоит думать слишком плохо о гостеприимстве говорящих по-русски, ведь это можно объяснить и тем, что говорящие по-русски вообще любят делать все «заодно» [Левонтина, Шмелев 1996], и Г просто учитывает эту особенность; кроме того, *Заходите!* и т. п. гостеприимнее в том отношении, что более неопреде-

И это объясняет третью особенность этих императивов: неопределенность действия, к которому побуждается А (= 'один раз или несколько, в не определенное точно время' ← 'тогда, когда будет оказия, случай сделать это попутно с другим действием'²³). Как и в других случаях общефактического значения, контекстуально, ситуативно побуждение может ограничиваться до 'один раз' [Падучева 1996, 46; Шатуновский 1996, 325]: *Заходите в гости!* — неопределенно по времени и количеству; *Заходите на следующей неделе!* — скорее всего, один раз, но может быть, и несколько; *Заходите завтра!* — понимается как 'один раз', потому что А знает, что несколько раз на день в гости к одному человеку или к одному начальнику по делу не ходят, по крайней мере заранее это не предполагается. Что касается времени, то обстоятельства типа *на следующей неделе, завтра* оставляют достаточно простора для неопределенности, поскольку действие может совершаться в разные временные интервалы внутри этих промежутков; но если еще далее сузить временной интервал, так, чтобы места для временной неопределенности не оставалось, то высказывание делается аномальным: **Заходите к нам завтра в 6 часов!*, тем более **...15 минут!*.

В заключение рассмотрим пару *передавать/передать привет*. НСВ — *Передавайте Пете привет!* является реализативом: он употребляется в ситуации, когда А ожидает, что Г попросит его передать привет определенному лицу, поэтому содержание побуждения не является для него новым, и он заранее готов, выбрал передать привет, но для этого Г все-таки должен попросить его это сделать. Запрограммированность, ожидаемость передачи привета может проистекать (из всех перечисленных выше типов ситуаций употребления реализативов) только из того, что передача привета входит в обычный сценарий взаимодействия лиц, составляющих треугольник привета. Например, А знает, что Г и Пета — хорошие знакомые (родственники, сослуживцы и т. п.) и Г всегда при случае передает через А привет Пете. От типичных реализативов это НСВ-побуждение отличается тем, что не может быть осуществлено немедленно, поскольку, прежде чем передать привет, А должен добраться до его получателя. Дистантная передача привета является квантом потенциально повторяющегося

ленные по количеству и поэтому могут быть поняты и как содержащие приглашение к многократным визитам (= 'один раз, или несколько раз, или регулярно').

²³ СВ употребляется в ситуациях, когда такой случай наступил, или в условных конструкциях, в которых в качестве условия задано наступление такого случая: *Если будешь недалеко от..., зайди в...*

действия (привет можно передавать одному и тому же лицу сколько угодно раз и не получая его обратно, поэтому реверсивность здесь не нужна), к тому же передача приветов не привязывается к определенному моменту времени (по очевидным прагматическим причинам — время здесь просто безразлично; поэтому временная неопределенность свойственна и СВ: **Передайте / *Передавайте ему привет завтра в 6 часов!*), и поэтому императив НСВ также относится к общефактическому типу.

В случае СВ — *Передайте привет Коле!* — само содержание Р является или может являться для А новым, равно как и то, что Г побуждает А передать ему привет. Поэтому СВ-привет передается в ситуациях, когда А не знал, что Г знаком с Колей, или думал, что они враги, или просто раньше он никогда не передавал Коле привет, и т. п.

Разумеется, в известной мере СВ и НСВ конкурируют друг с другом в области приветов и могут заменять друг друга, но с изменением интерпретации ситуации. Так, я могу сказать своему американскому знакомому *Передайте от меня привет Джорджу Бушу!* или *Передавайте привет Джорджу Бушу!*, при этом первое может быть воспринято как глупое, но серьезное побуждение (например, я восхищаюсь мистером Бушем и мечтаю, чтобы он услышал обо мне), а второе — явно шутка, поскольку предполагает, что мы с Бушем давние знакомые, а это очевидно не так.

11. Императив и отрицание

В свете сказанного выше становятся абсолютно ясными причины, казалось бы, загадочного распределения НСВ и СВ в императиве с отрицанием, а именно: если в неотрицательных императивах, побуждающих к актуальному предстоящему действию, активно употребляются, часто конкурируя друг с другом, как СВ, так и НСВ²⁴, и более того, именно СВ, как было отмечено выше, наилучшим образом и в «полном формате» выражает побуждение к такому действию, то в отрицательных конструкциях (в повелительном наклонении и инфинитиве) в стандартных случаях собственно побуждения к несовершенному контролируемому субъектом действия выступает только НСВ, и притом только НСВ-реализативы, но не указания: *Не говорите! Не садитесь на этот стул!*

²⁴ В остальных перечисленных выше типах употребления НСВ нет конкуренции с СВ, а следовательно, и проблемы: НСВ употребляется как в позитивных, так и в негативных императивных конструкциях.

Не читай эту книгу; Всплывает лицо с закрытыми глазами, кто-то качает головой: нельзя, не бери. Отец, не бери! (Т. Толстая. «Спи спокойно, сынок»); *Не стреляйте!; Не трогайте!* [подозрительный предмет, которого А собирается коснуться]; [следователь Жеглов подозреваемому Груздеву, наклонившемуся за какой-то вещью:] *Не трогай!* (к/ф «Место встречи изменить нельзя»); *Не стрелять!* и т. д. Отрицание с СВ или аномально: **Не поднимитесь по этой лестнице! *Не встаньте! *Нельзя, не возьми! *Не встать!* (в значении 'продолжайте сидеть'); **Не тронуть!*, или формирует в повелительном наклонении (с ограниченной группой глаголов, обозначающих частично контролируемые ситуации) весьма нестандартное значение предостережения: *Смотрите не простудитесь! Не опоздайте! Не замерзните! Не заблудитесь! Не проговоритесь! По утрам, надев трусы, не забудьте про часы!* (А. Вознесенский) [Дурново 1922, 42; Храковский, Володин 1986, 150–151]. Отрицательные конструкции с инфинитивом отклоняются в другую сторону от стандартного побуждения, выражая значение объективной невозможности для любого субъекта сделать Р: *Р не сделать! = Нельзя, невозможно сделать Р: Народу набилось — не протолкнуться! Нет, никак не проехать здесь!* и т. п.

Абсолютная бессмысленность отрицательного СВ-императива (в стандартном смысле побуждения) очевидно проистекает из его общего значения: если А не выбрал делать Р (пресуппозиция употребления СВ императива до побуждения) и очень часто даже и не думает о Р (Р неизвестно ему), то зачем информировать его о Р и затем побуждать его не выбрать и не осуществить Р?! (Это даже гораздо более бессмысленно, чем убеждать человека, у которого нет ни гроша в кармане, не покупать шикарный автомобиль.) Таким побуждением, если бы оно было возможным, можно было бы добиться прямо противоположного эффекта, как в известной истории о короле, который никогда думать не думал о белых медведях, но когда его специально попросили не думать о них, белые медведи начали постоянно лезть ему в голову. И наоборот, сочетание отрицания с актуальным императивом НСВ (реализативом) по самой его семантической сути является осмысленным и возможным: А выбрал делать Р — это делает осмысленной попытку предотвратить его осуществление — и находится в промежутке между выбором и осуществлением — это дает возможность Г вклиниться в эту паузу со своим отрицательным императивом. Нечего и говорить (но мы все-таки скажем), что, например, *Не стреляй!* уместно только тогда, когда А поднял ружье или что-то подобное

и прицелился; если он сидит в кресле и читает газету, отрицательный императив так же неуместен, как и положительный. Неупотребительность отрицания в случае НСВ-указаний объясняется тем, что подобное высказывание заключало бы в себе внутреннее иллюкативное противоречие: Г указывает А-у, каким образом ему следует осуществить выбранное им действие, и одновременно побуждает его не осуществлять это действие; не говоря уже о том, что А «спрашивает» у Г, что ему делать, а не что ему не делать: **Не садитесь на этот стул!*; **Не читай «Войну и мир»!*; **Не причаливай вот тут!*; **Не скачи немедленно в город и не звони в милицию!* и т. п. В то же время в роли предостережения СВ осмыслен, а именно: *Не сделайте Р!* = 'я информирую (= предупреждаю) вас о том, что намеченное или уже проводимое вами действие (действия) (ясное из ситуации или контекста) может привести к не запланированным вами и нежелательным последствиям Р; я побуждаю вас усилить контроль над ситуацией с тем, чтобы не допустить этих последствий'.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамец 1966 — *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Барентсен 1973 — *Барентсен А.* 'Вид' и 'время' в предложениях, содержащих слово *пока* // Dutch contributions to the 7-th International Congress of Slavists. The Hague; Paris, 1973. P. 31–94.
- Барентсен 1995 — *Барентсен А.* Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995. С. 1–26.
- Бенаккьо 1993 — *Бенаккьо Р.* «Формы вежливости» и «вежливые формы» в русском императиве // Slavistische Beiträge. Band 305. Категория сказуемого в славянских языках: Модальность и актуализация. München, 1993. С. 15–28.
- Богуславский 1972 — *Богуславский А.* К вопросу о семантической стороне глагольных видов // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Językoznawstwo. Warszawa, 1972.
- Грайс 1985 — *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.

- Киселева, Пайар 1988 — Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1988.
- Дурново 1922 — *Дурново Н.* Повторительный курс грамматики русского языка. М., 1922. Вып. 1.
- Зализняк 1992 — *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Кошелев 1988 — *Кошелев А. Д.* О референциальном подходе к изучению семантики вида (опыт референциального описания видовых значений) // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 30–52.
- Левонтина, Шмелев 1996 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Русское «заодно» как выражение жизненной позиции // Русская речь. 1996. № 2.
- Мелиг 2000 — *Мелиг Х. Р.* О коммуникативной функции элементарных предикаций // Слово в тексте и словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Рассудова 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- РГ 1980 — Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
- Сильницкий 1983 — *Сильницкий Г. Г.* Структура глагольного значения и результатов // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 54–65.
- СлРЯ 1981–1984 — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. 1981–1984.
- Храковский 1988 — *Храковский В. С.* Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12. № 3. Р. 269–292.
- Храковский, Володин 1986 — *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- Шаронов 1991 — *Шаронов И. А.* Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Шаронов 1992 — *Шаронов И. А.* О толковании видовых форм русского побудительного императива // Russian Language Journal. 1992. XLVI. № 153–155. Р. 85–94.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и неререферентные слова. М., 1996.
- Шатуновский 1999 — *Шатуновский И. Б.* Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 233–243.

- Шатуновский 2000 — *Шатуновский И. Б.* Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 319–324.
- Dahl 1974 — *Dahl Ö.* Some suggestions for a logic of aspect // *Slavica gothoburgensia*. 1974. № 6. P. 21–35.
- Forsyth 1970 — *Forsyth J. A.* A grammar of aspect: Usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.
- Mehlig 1991 — *Mehlig H. R.* Экзистенциальные и экспликативные вопросы // *Russian Linguistics*. Vol. 15. 1991. С. 117–125.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney, etc., 1987.

С. В. Кодзасов

ФАЗОВАЯ СИМВОЛИКА ТОНА

Введение

Основные тональные движения (восходящее и нисходящее) обычно связывают с фазовыми характеристиками текста: восходящий тон указывает на незавершенность фразы или диалогического единства, а нисходящий — на их завершенность. Такое представление типично для лингвистов, не занимающихся специально интонацией. В частности, указывается на то, что тема повествовательного предложения имеет восходящий тон, а рема — нисходящий, причем тема нормально предшествует реме [Ковтунова 1976; Падучева 1985].

Более тонкую интерпретацию фазовых функций тона мы находим у профессиональных интологов. Так, Е. А. Брызгунова говорит об «ожидании продолжения» как об «архисеме» ИК-3 (восходящий тон): «...в вопросе это ожидание ответа, в повествовательном высказывании — это ожидание продолжения мысли говорящего, в просьбах ИК-3 выражает заинтересованность говорящего в выполнении действия слушающим, что включает неуверенность, ожидание реакции слушающего» [Брызгунова 1993]. Как видим, автор здесь мыслит «ожидание продолжения» не только в терминах наблюдаемого текста, но и в терминах сопутствующей ментальной деятельности собеседников¹.

Однако до сих пор функции тонов в русском языке не подвергались систематическому анализу. Это не значит, что работу в этой области нужно начинать с нуля. Если попытаться обобщить имеющиеся сведения, то функции фразовых тонов в самом общем

¹ Аналогичный подход при интерпретации функции восходящего тона в английском языке мы находим у известного британского интолога Э. Краттендена, который предлагает для нее абстрактный смысл *open*, указывающий на открытость, незавершенность текстовой ситуации, прежде всего ее ментального плана [Cruttenden 1986]. Сходные идеи выражены в нашей недавней работе [Кодзасов 1999].

виде можно сформулировать следующим образом: восходящий тон (/) символизирует начало, нисходящий тон (\) — конец, а ровный тон (=) — поддержание того состояния, которое достигнуто после начала. Кроме обозначения фаз как таковых, тоны указывают также на процессы, связанные с фазами: каузацию фазы и ожидание фазы.

Символическая связь фазы и тона особенно ясно видна в случае перлокутивных речевых актов типа команд: запуск действия огласуется восходящим тоном, его прекращение — нисходящим, а поддержание — ровным:

- (1) — *Шагом — ма/рш!; — Налево/!*
- (2) — *Сто\й!; — Отста\вить!*
- (3) — *Тя-я=немся-тя-я=немся, девочки!; — Бежи=м-бежи=м!*

Команды предполагают прямой результат в действительности: адресат механически подчиняется речевому воздействию. Только в таких высказываниях тон обусловлен онтологическими фазами управляемого действия. В других случаях он связан либо с фазовой структурой локутивного действия (теморематическая и линейная структура высказывания), либо с фазовой интерпретацией иллокутивно вынуждаемого действия, в последнем случае фазовая мотивация тона не столь наглядна².

Связь направления тона с фазовой характеристикой имеет, вероятно, фонетическую природу: немаркированная структура отрезка речи, как известно, имеет вид /=\ [Кривнова 1976]; видимо, ее следует считать прототипическим способом оформления локутивного действия. Однако не исключено влияние и концептуальных ассоциаций высокого с начальным и низкого с конечным, отражающих некоторые реальные связи. Как мы говорили, тональная схема /=\ принимается и как стандарт для оформления коммуникативной схемы повествовательного предложения: восходящий тон оформляет Тему, а нисходящий тон Рему (связующий ровный тон обычно не рассматривается). Однако высказываниям в реальном дискурсе такая схема часто не соответствует, она типична для повествовательных текстов, в которых совершаются лишь локутивные действия³.

В неповествовательных текстах, прежде всего диалогических, тональное оформление фразы предопределено в основном ее ил-

² Мы следуем здесь классификации речевых актов Дж. Л. Остина [Остин 1986].

³ См. различие *исторического повествования* (histoire) и *речи* (discours) у Э. Бенвениста [Бенвенист 1976].

локутивной характеристикой. В русском языке иллокутивный тон любого направления совмещен с рематическим акцентом, а тон темы обычно адаптируется к тону ремы (см. ниже). При этом рема может занимать любую позицию в предложении, поэтому тональные конфигурации могут быть весьма разнообразными.

Мы полагаем, что актуальное членение в текстах дискурсного типа (диалоги, обучающие тексты и др.) имеет иную функциональную природу, нежели в недискурсных (сугубо повествовательных). В высказываниях первого типа рема несет информацию, позволяющую формировать и перестраивать знания или программы поведения воспринимающего субъекта, тогда как тема имеет адресную функцию. В высказываниях второго типа актуальное членение задает «маршрут» прохождения ситуации [Апресян 1988], которая вводится в некоторую буферную зону памяти, не связанную непосредственно с когнитивными и поведенческими структурами. В первом случае интонация обслуживает в основном иллокутивные действия, тогда как локутивные огласовки играют вспомогательную роль. Во втором случае преобладают локутивные огласовки.

В настоящей статье будет рассмотрено использование тонов в диалогических репликах разных иллокутивных типов — они позволяют увидеть разнообразие семантической мотивации при выборе фазовой интерпретации речевого действия. Однако, завершая вводную часть, обратим внимание на то, что обычное описание интонации в повествовательной речи существенно упрощает реальную ситуацию. Проиллюстрируем это на фрагменте из рассказа Чехова «Ванька» (в одном из возможных нейтральных прочтений):

*Ванька Жуков, || девятилетний ма\льчик, | отданный три ме-
сяца тому назад в учење к сапожнику Аля\хину, || в ночь под Рож-
дество/ || не ложи\лся спа\ть. || Дожда\вшись, | когда хозяева и под-
мастерья ушли к зау\трени, || он доста\л из хозяйского шкафа пу-
зырек с черни\лами, | ру\чку с заржавленным пером || и, разложи\в
перед собой измятый лист бума\ги, | ста\л писа\ть.*

Как видим, тональное оформление задается в основном такими свойствами текста, как линейные позиции акцентированных слов в синтаксических группах и глубина паузального членения. Трудно соотнести тональные огласовки с коммуникативными составляющими, поскольку они имеют весьма сложную структуру и содержат несколько внутренних акцентов. Подчеркнем, что это отнюдь не самый сложный повествовательный текст.

Иллокуции и тон

После работы Дж. Р. Серля о классификации иллокуций [Серль 1986] общепринято рассмотрение иллокутивной характеристики высказывания как многокомпонентной сущности. Анализ тональных огласовок показывает справедливость этого подхода и невозможность предсказать тон на основе членения на «основные типы высказываний»: повествовательное, вопросительное и побудительное. Релевантными для тональной огласовки предложения (а она отражает фазовую интерпретацию иллокутивного действия) оказываются четыре характеристики из списка Серля. Перечислим их, несколько меняя формулировки автора:

- а) основная цель: сообщение/вопрос/побуждение;
- б) фаза дискурса: иницирующая реплика/реактивная реплика;
- в) иерархические отношения между партнерами: доминанция говорящего/доминанция слушающего/равенство партнеров;
- г) эпистемические оценки вводимой информации партнерами: ожидаемая/нейтральная/неожиданная.

Эксплицируем характер того процесса, который вынуждается диалогической репликой. Обычно ее целью является некоторая ментальная реакция партнера, за которой может последовать реакция поведенческая. В зависимости от типа цели это либо принятие адресатом релевантной информации, могущей повлиять на его установки, либо актуализация запрашиваемых сведений для последующей передачи, либо адаптация поведенческой задачи для последующего выполнения.

Как было сказано, тон ремы отнюдь не предопределяется основным типом высказывания, но существенно зависит от других иллокутивных компонентов. Выбор тона в целом определяется степенью контроля над осуществлением цели реплики: восходящий тон свидетельствует о малых возможностях говорящего (ментальный процесс запускается, но достижение конечной цели не контролируется), тогда как нисходящий тон указывает на большие возможности в достижении цели реплики (т. е. конца инициированного процесса). Веса факторов, определяющих начальную или конечную трактовку, связаны с базовой иллокутивной характеристикой реплики: в случае побуждений важны иерархические позиции партнеров по диалогу, в случае сообщений — эпистемические оценки, а для огласовки вопросов — оба этих параметра. Поэтому естественно рассмотреть основные типы высказываний отдельно. Начнем с побуждений, в которых мотивация различий тональных огласовок наиболее очевидна.

Побуждения

Функцией побудительного акта является введение поведенческой инструкции в память адресата. Можно выделить немало разновидностей побуждений [Храковский 1990], и это разнообразие в большой степени обусловлено различием в иерархическом статусе партнеров по общению. Чем выше позиция говорящего относительно слушающего, тем более вероятна нисходящая огласовка побуждения. Так, приказы никогда не огласуются восходящим тоном:

(4) — *Введи\те арестованного!*

(5) — *Убери ко\мнату!*

В таких случаях говорящий полностью контролирует развитие ситуации и задает ее по конечной фазе (принятие адресатом инструкции, предполагающее ее последующее выполнение). Сходным образом произносятся запреты — отрицательные приказы;

(6) — *Не де\лай этого!*

В то же время неоднократно отмечалось, что просьбы, подобно общим вопросам, огласуются восходящим тоном:

(7) — *Помоги/ мне, пожалуйста! (ср. — Ты мне не помо/жешь?)*

(8) — *Прошу тебя, не де/лай этого!*

Также и другие побуждения, осуществляемые в условиях зависимости говорящего от партнера, произносятся с восходящим тоном. Во всех случаях он означает инициацию процесса ввода поведенческого задания без уверенности в его успешном завершении. Таковы, в частности, предложения и советы:

(9) — *Попро/буйте этот пирог!*

(10) — *Дава/йте погуля\ем! (ср. — Погуля/ем?)*

(11) — *Я тебе советую согласи/ться.*

(12) — *Ваша киска купила бы ВИ/СКАС!*

Последняя рекламная фраза являет собой типичный пример косвенного совета.

Побуждения к интеллектуальной или эмоциональной активности обычно огласуются по началу, поскольку произвольный контроль здесь невозможен:

(13) — *Поду/май!*

(14) — *Не волну/йся!*

Однако попытки контролировать неуправляемые процессы возможны, тогда давление (обычно безрезультатное) на партнера маркируется нисходящим тоном и повышением дыхательной и артикуляционной напряженности.

Пожелания могут оформляться как восходящим, так и нисходящим тоном, однако в обоих случаях огласовки риторичны, поскольку эти фатические акты не предполагают принятия или непринятия слушающим поведенческой программы:

(15) — *Поправля\йся!* // — *Поправля\йся!*

(16) — *Желаю тебе разбогате\ть!* // — *Желаю тебе разбогате\ть!*

Очень характерны разные огласовки разрешений. Если ситуация общения формализована и разрешающий субъект наделен властными полномочиями, то реплика оформляется нисходящим тоном:

(17) А. — *Разрешите идти/?*

Б. — *Иди\те!*

В неформальном общении разрешение может быть огласовано и восходящим тоном — он показывает, что отвечающий отказывается от доминирующей позиции и перелагает решение на вопрошавшего:

(18) А. — *Можно я ее приглашу в гости?*

Б. — *Пригласи/, если хочешь.*

Последняя реплика сопровождается жестом «пожимания плечами».

Вопросы

Вопросы, как и побуждения, весьма разнообразны по своим пропозициональным и иллокутивным характеристикам. Мы рассмотрим здесь лишь самые употребительные типы.

Общий вопрос чаще всего используется грамматистами, пишущими об интонации, в качестве прототипического образца высказывания, имеющего восходящий тон ремы:

(19) — *Скажите, поезд уже при\был?*

Действительно, иллокутивные компоненты такого вопроса способствуют выбору восходящего тона: это иницилирующая реплика, вынуждаемая отсутствием у говорящего нужных сведений, причем ее автор вынужденно принимает позицию зависимости от

адресата. Примечательно, что использование такой формы устранения информационного дефицита вряд ли возможно в случае, когда носитель знания занимает существенно более низкую позицию на официальной иерархической лестнице. Так, запрос военачальника к подчиненному скорее будет иметь форму побуждения:

(20) — *Сообщите о прибытии поезда!*

Возможно и другое нарушение обычных иллокутивных условий общего вопроса: почти полная эпистемическая определенность ситуации. Таковы вопросы на подтверждение:

(21) — *Кто тебе это сказал? Ва\ня? Не т\ак ли?*

По тональной огласовке такой вопрос совпадает с утверждением, и лишь контекст позволяет правильно проинтерпретировать реплику. Однако такого рода вопросы довольно редки.

Вопросы с вопросительным словом («специальные») обнаруживают весьма разнообразные тональные контуры. По нашему мнению, ремой специальных вопросов является вопросительное местоимение, находящееся обычно в начале предложения, а новая тема помещается в конце. Как рема, так и новая тема несут тональные акценты, причем тематический акцент обычно нисходящий, тогда как тон ремы предопределяется ролевыми отношениями участников дискурса. Если спрашивающий не занимает доминирующей позиции, то используется восходящий тон:

(22) — *Скажите, когда/ прибывает поезд из Берли\на?*

Скользящие тоны соединены здесь ровным (он для простоты не показан в транскрипции), то есть используется так называемая «шляпная» конструкция: /=\.

Если же говорящий выступает с позиции «хозяина» ситуации, то на вопросительном слове используется нисходящий тон:

(23) — *Ты опять уходишь. Когда\ ты верне\шься?*

Здесь после начального падения следует ровный низкий тон, и второе падение происходит уже в низком регистре. В таких требовательных вопросах возможна также интенсификация произнесения акцентированных слогов [Брызгунова 1980].

Следует отметить, что когда вопрос с местоименным словом входит в состав цепочки реплик, часто используется специальный показатель текстовой связности (ожидания продолжения текста) — восходящий тон на конечном слоге реплики. Если этот слог несет акцент, то гласный становится двуморовым, что позволяет разместить на нем оба тона:

(24) А. — *Можно Ивана Ивановича?*

Б. — *Он только что ушел.*

А. — *А когда/ он приде\е/т?*

При безударности конечного гласного он несет лишь восходящий тон:

(25) — *А когда/он верне\тся/?*

Подчеркнем, что в данном случае конечный восходящий тон несет не иллюкутивную, а локутивную функцию, маркируя лишь фазу текста, но не фазовую интерпретацию дискурсивного действия. Иначе обстоит дело в случае нисходяще-восходящего тона в сопоставительных вопросах:

(26) А. — *Володя уже вернулс\я.*

Б. — *А Ко\ля/?*

Здесь вторая реплика восходит к более полной структуре, в которой восходящий тон имеет обычную для вопроса функцию:

(27) — *А Ко\ля верну\лся?*

Поясним, что тональная огласовка темы (*Ко\ля*) асемантична и выполняет чисто оформительские функции. Как правило, тон темы приспосабливается к тону ремы по принципу обратной адаптации: при восходящем тоне ремы используется нисходящий тон темы и наоборот. Приведем типичный пример:

(28) А. — *Ивано\ва мо/жно к телефону?*

Б. — *А Иван\ов заболе\л.*

В вопросах представлена и тональная конфигурация /=, она символизирует продолжение пребывания в состоянии неопределенности, отсутствие завершения возникшей проблемной ситуации. Таковы недоуменные вопросы и переспросы:

(29) — *Куда/= я ее положил?(М) Ума не приложу.*

(30) — *Куда-куда/= ты ее положил?(Б)*

Здесь буквы М (медленный) и Б (быстрый) указывают на маркированные темповые характеристики этих типов вопросов.

Сообщения

Мы объединяем непобудительные и невопросительные высказывания под условным ярлыком «сообщения». К их числу относятся как иницирующие, так и реактивные реплики. Первые

обычно используют нисходящий тон, тогда как огласовка вторых зависит от эпистемической оценки информации говорящим: низкая оценка способствует восходящему тону. Иллюстрацией может послужить такой обмен репликами:

- (31) А. — Мне сообщи/ли, что Иванов все-таки приезжа\ет.
Б. — Может, он и прие\дет. Но у меня уверенности не\т.
А. — Не сомнева\йся — прие\дет!

Однако восходящий тон может использоваться и не в ответных высказываниях, содержащих сообщение о проблемной ситуации:

- (32) — У него плохо с деньгами. Надо бы ему помо\чь. Только как это сделать?
(33) — Нужно было бы предложить ему уйти. Но вот согласи\тся ли он. Это еще вопрос.

Следует предупредить, что тональный акцент в таких случаях не вполне идентичен тону общего вопроса: при общности на-правления есть различие в интервале изменения и силе дыхательного толчка.

Восходящий тон может использоваться и в интродуктивных сообщениях, несущих неожиданную информацию как для говорящего, так и для его партнера:

- (34) — Ва\ня-то — поехал в Ту\рцию, можешь себе представить.

Обратим внимание на огласовку темы с -то — здесь использован восходяще-нисходящий тон, который выполняет функцию маркированной активизации фрагмента знаний, нуждающегося в изменениях. Эта тональная конфигурация ныне часто используется дикторами телевидения и при огласовке темы высказывания — как средство мобилизации внимания слушателя:

- (35) — Этот вопрос будет обсуждаться за\втра.

Тот же тон используется в восклицаниях типа:

- (36) — Бо\льно!; — Здо\рово!

Эта тональная фигура как бы склеивает фазы начала и конца и свидетельствует об отсутствии ментального процесса принятия сообщения.

Особого рассмотрения заслуживают ответы на вопросы. Здесь кроме немаркированных нисходящих тонов нередко встречаются и восходящие огласовки. Иногда они используются как своего

рода фигуры вежливости — говорящий как бы оправдывает незнание партнера неожиданностью информации:

(37) А. — *А где сейчас Ваня?*

Б. — *В кино/ пошел.*

Однако чаще такие огласовки используются в отрицательных ответах, инициирующих перестройку презумпций вопроса:

(38) А. — *Ты во вторник вернешься?*

Б. — *Нет, в сре/ду.*

(39) А. — *Ты к зубному когда собираешься?*

Б. — *А я не собира/юсь.*

(40) А. — *Он что ли не приехал?*

Б. — *Почему не приехал? Прие/хал.*

Фатические речевые акты

Влияние иллокутивного параметра фазы дискурса на выбор тона хорошо прослеживается в обращениях. Вступление в контакт, естественно, маркируется восходящим тоном: — *Але/на!* Если адресат задерживается с ответом, повторное обращение может быть огласовано сочетанием высокого ровного и нисходящего — ровный показывает продолжение апеллятивной ситуации, а нисходящий — попытку ее завершить: — *Ну, Але-е=\н!* Такова огласовка при недоминантной роли автора обращения. Если же он занимает более высокую иерархическую позицию, то используется нисходящий тон:

(41) — *Але\на! Что ты молчишь!*

Сходным образом оформляются реакции на телефонный звонок. Первый ответ имеет восходящий тон: — *Алло/!* Отсутствие ответа меняет роль говорящего — он переходит к нападению: — *Алло\!*

Фатические реплики поддержания контакта обычно огласованы сочетанием ровного низкого и восходящего тона:

(42) — *Ну-у=/...; — Та-ак=/...*

Приветствия при встрече также имеют предсказуемые огласовки:

(43) А. — *Здра/вствуйте!*

Б. — *Здра\вствуйте!*

В то же время реплики прощания могут иметь разные огласовки в зависимости от модальных установок участников:

(44) А. — До свида\ния! // — До свида/ния!

Б. — До свида\ния! // — До свида/ния!

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Типы коммуникативной информации для толкового словаря // *Язык: система и функции.* М., 1988.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Отношения времени во французском глаголе // *Э. Бенвенист. Общая лингвистика.* М., 1974.
- Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А.* Интонация // *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 1.
- Брызгунова 1993 — *Брызгунова Е. А.* Ответы на анкету «Об основах теории интонации» // *Проблемы фонетики.* М., 1993. Вып. 1.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // *Проблемы фонетики.* М., 1999. Вып. 3.
- Кривнова 1976 — *Кривнова О. Ф.* Составляющая несущего тона в мелодической кривой фразы // *Исследования по структурной и прикладной лингвистике.* М., 1976.
- Остин 1986 — *Остин Дж. Л.* Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1986. Вып. 17.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Серль 1986 — *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1986. Вып. 17.
- Храковский 1990 — *Храковский В. С.* Повелительность // *Темпоральность. Модальность.* Л., 1990.
- Cruttenden 1986 — *Cruttenden A.* Intonation. Cambridge, etc. 1986.

ИНТОНАЦИОННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ 'НАЧАЛА' И 'КОНЦА' В РУССКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

В русском языке просодические признаки тона, силы и количества не участвуют в конструировании и дифференциации звуковых сегментных единиц, а функционируют на супraseгментном уровне так, что длительность и сила реализуются преимущественно в словесной просодии, а тон выступает главным признаком во фразовой просодии (разумеется, при тесном переплетении всех трех признаков в силу их природы и при взаимодействии словесного ударения и интонации в речи). Мелодические компоненты доминируют в интонации и других языков — в интонации вообще, но в русском языке, будучи свободными от функционирования в звуке, морфеме и слове, они особенно значимы в синтагме и фразе.

Богатые возможности русской интонации, в том числе и для выражения семантики конца и начала, проявляются в формально-семантическом и структурно-семантическом планах, в синтагматике и парадигматике, в языковой системе и речевой деятельности. Это можно продемонстрировать на нескольких фрагментах, описанных ниже в духе фонологической теории интонации [Брызгунова 1980] как *иерархически организованной системы интонационных средств* (СЧ — *наличия и места синтагматического членения в высказывании*, ИК — *типа интонационной конструкции в синтагме — подсистемы интонационных единиц*, ИЦ — *места интонационного центра в синтагме*), функционирующей в тесной связи с лексико-грамматическим составом, синтаксической конструкцией и контекстно-ситуативными связями высказывания в тексте [Брызгунова 1979]. Таким образом, речь пойдет о значении звучащего высказывания, о реакции слушающего на его семантику, создаваемую в числе прочих и интонационными средствами.

Фрагмент 1. Интонационные средства выражения завершенности/незавершенности, представленные в виде синонимических рядов ИК (каждая ИК — это интонационный ряд модальных реализаций во главе с нейтральной, в которой то или иное значение не совмещено с эмоциональными и модальными оттенками. Ниже речь пойдет только о нейтральных реализациях ИК, которые более компактно показывают системные отношения единиц).

Значение завершенности/незавершенности высказывания (заметим сразу, что интонационно обозначается семантика именно конца / не конца, а не начала), по-видимому, в большинстве языков (по крайней мере индоевропейских, интонационных) выражается преимущественно средствами интонации: понижением и повышением тона. Однако, в отличие от ряда языков, русский язык располагает несколькими значимыми способами *повышения и понижения тона*, лежащими в основе разных ИК, которые при выражении завершенности и незавершенности могут вступать в синонимические отношения, образуя два синонимических ряда: 1) ИК-1//ИК-2 (завершенность) и 2) ИК-3//ИК-4//ИК-6 (незавершенность), например:

Великая русская река Во^{3,4,6}лга / пересекает почти всю европейскую часть России^{3,4,6;1,2} / и впадает в Каспийское мо¹⁽²⁾ре.

(Интонационной транскрипцией обозначены 30 из возможных вариантов прочтения: знак / — СЧ; цифрами через запятую показана одна из возможных синонимичных ИК, а в скобках — менее предпочтительная, менее вероятная в данной позиции ИК; тип ИК обозначен в ИЦ — после ударного гласного главного по смыслу слова).

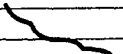

Члены синонимических рядов различаются функционально-стилистически и эмоционально-стилистически [Логинова 1995] и чаще всего (если высказывание не изолировано, а включено в текст) не взаимозаменяемы без ущерба для значения и восприятия текста. Значение *завершенности* выражает *слабые семантические связи* между синтагмами, семантическую самостоятельность и независимость синтагм (см. в примере СЧ между второй и третьей синтагмами); значение *незавершенности* определяет *более сильные связи*: сильное примыкание синтагм (с разной степенью силы в зависимости от выбора ИК — см. ту же позицию).

Известно, что в результате взаимодействия звуковых и грамматических средств *потенциальная* завершенность (обеспеченная полносоставностью предикативной конструкции) становится *реальной* только в соединении с интонационной завершенностью, и это может иметь место не только в конце, но и в середине высказывания, как в нашем примере [Шустикова 1981, 16]. Реализация тонального контура в этой позиции безразлична к семантике высказывания: в русском языке подлинное значение завершенности выражается глубоким падением тона; понижение же тона несколько ниже среднего, но недостаточно низко может ассоциироваться с незавершенностью, возможностью продолже-

ния речевого контекста, что подтверждает аудиторский анализ (например, в семантической модели перечисления или в ответных диалогических репликах). Это также сказывается на характере семантических связей между синтагмами (различие в степени примыкания при разном понижении тона в ИК-1 можно видеть и в нашем примере при последовательной реализации ИК-1 во второй и третьей синтагмах). В других языках такая вариативность низкого тона, по-видимому, менее значима, о чем свидетельствует интерференция при изучении русского языка как иностранного, а также речь эмигрантов [Васянина 1998].

Семантика завершенности, выраженная ИК-1, нейтральна стилистически и не вызывает ассоциаций с предшествующим и последующим контекстами, в отличие от синонимичной ей ИК-2, совмещающей значение завершенности с семантикой так называемого «логического ударения», или подчеркивания, выделения (последний термин представляется более удачным) — см. [Брызгунова 1980; Николаева 1982]. Поэтому ИК-1 чаще, чем ИК-2, употребляется в начале и конце абзаца как единицы текста.

С другой стороны, значение «акцентного выделения» (по Николаевой, далее: АВ), одним из способов выражения которого является ИК-2, вызывает большую эмоциональную экспрессивность и структурную слитность этой единицы, что определяет нерасчлененность рематической части высказывания с ИК-2, в отличие от ИК-1 (ср. в нашем примере вторую синтагму, произнесенную с ИК-1 и ИК-2). Степень слитности и контекстной обусловленности этих единиц отражается на их общем контуре. Постепенное снижение тона в ИК-1 с длинным предцентром (как в нашем примере) начинается уже на предцентре и плавно переходит в нисходящий тон ИЦ; волнообразный контур предцентра с легким повышением тона на ударном слоге каждого слова при общей нисходящей линии этих ритмических квазивершин способствует структурному расчленению, замедленности, некоторой ритмической выделенности каждого слова с постепенным ослаблением к концу синтагмы. Напротив, предцентр ИК-2 произносится практически ровно, быстро, с резким понижением тона в конце ИЦ и динамическим максимумом на ИЦ. Ср. контуры:

	ИК-1		ИК-2	
	ИНВАРИАНТ	РЕАЛИЗАЦИЯ	ИНВАРИАНТ	РЕАЛИЗАЦИЯ
ВЫСОКИЙ				
СРЕДНИЙ				
НИЗКИЙ				

В тематической части высказывания ИК-2 может образовать дополнительную просодическую вершину с семантикой АВ или расчленить высказывание на большее количество синтагм; например:

Он (Беликов) был замечателен те³м, / что всегда², / даже в очень хоро²шую пого³ду, / выходил в кало⁶шках ⊥ и с зо¹нтиком, / и непременно в теплом пальто² на вате. /.../ И древние языки³, которые он преподавал, / бы⁶ли для него, в сущности, ⊥ те же кало²ши ⊥ и зо⁶нтик, / куда он пря⁶тался ⊥ от действительной жи¹зни [(А. П. Чехов. «Человек в футляре».) В этом интонационном варианте текста знак ⊥ обозначает беспаузальное произнесение синтагм].

В связном тексте различие между ИК-1 и ИК-2 обусловлены жанровыми особенностями (ИК-1 используется при описании, повествовании о событии, герое, месте и времени действия и т. п.), степенью эмоциональной экспрессивности (маркирована ИК-2), обычностью, постоянством, повторяемостью описываемого (ИК-1) или однократностью, новизной, неожиданностью, введением нового героя, сменой действия и т. п. (ИК-2), особенностями лексики (эмоциональная лексика, слова с семами множественности, частотности, оценочности, высокой степени качества, экспрессивного отрицания или утверждения и т. п., а также с переносными значениями требуют ИК-2), порядком слов (инверсия часто вызывает ИК-2) и т. п.; например:

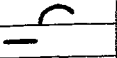
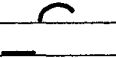
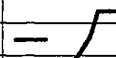
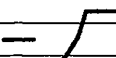
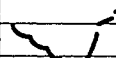
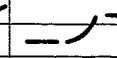
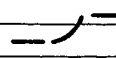
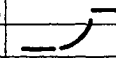

Германи трепетал, как ти²гр, ожидая назначенного времени. / В десять часов ве⁶чера / он уже стоял перед домом графи¹ни (А. С. Пушкин. «Пиковая дама»).

Ду²шно стало в сакле, / и я вышел на воздух освежи¹ться (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Стоит в поле теремо¹к. / Бежит мимо мы²шка-норушка (Русская сказка «Теремок»).

Таким образом, два интонационных синонима с общей семантикой завершенности (ИК-1 и ИК-2) достаточно различны и по значению, и по форме, и по употреблению.

Многообразие восходящих контуров при передаче семантики незавершенности иллюстрирует синонимический ряд ИК-3//ИК-4//ИК-6, где стилистически и эмоционально нейтральна ИК-6, а стилистически маркированы ИК-3 (преимущественно в разговорной речи) и ИК-4 (в книжной, официальной, деловой речи). Инвариантные контуры и их реализация в речи:

ИК-3			ИК-4			ИК-6		
								

В силу своей нейтральности ИК-6 указывает на более слабые синтаксические связи, на семантическую однородность соположенных синтагм и отсутствие выделенности, например, в моделях перечисления (об интонации предложений с перечислением, сопоставлением, противопоставлением, пояснением см. [Брызгунова 1979]):

Ко³мната, где лежал Илья Ильич, / с первого взгля⁶да / казалась прекрасно у²бранною. / Там стояло бюро⁶ красного дерева, / два ди-ва⁶на, обитые шелковой материею, / красивые ши¹рмы. / Были там шелковые занаве⁶ски, / ковры⁶, / несколько карти⁶н, / бро⁶нза, / фарфо⁶р, и множество красивых ме¹лочей (И. А. Гончаров. «Обломов»). (Члены перечисления в примерах выделены курсивом.)

Более сильные семантические связи, возможность АВ, наличие семантики противопоставления, сопоставления (далее в примерах выделено жирным курсивом) показывают маркированные члены синонимического ряда ИК-4 и ИК-3, особенно последняя (причем не только в разговорном стиле, но и в книжном, публицистическом, официальном и др.). Например:

Передаем прогноз пого¹ды. / Самым те⁴плым в нашей стране / будет сегодня де⁶нь / на **Черноморском побережье Кавка²за** / ... / Самая холо³дная погода / **в районах Яку¹тии**... (Новости по радио).

Семантические свойства разных ИК со значением незавершенности наиболее очевидны в бессоюзных конструкциях, где отсутствие лексико-грамматических средств связи (союзов) повышает смыслоразличительную роль интонации. Например:

Получу зарпла⁶ту, / куплю путе⁶вку, / поеду отдыха¹ть.
(Перечисление, сообщение.)

Получу зарпла³ту — / куплю путе⁶вку, / поеду отдыха¹ть.
(«Если = когда» получу, то куплю и поеду.)

Получу зарпла³ту, / куплю путе³вку — / поеду отдыха¹ть.
(«Если = когда» получу и если куплю, то поеду.)

Таким образом, в обоих синонимических рядах есть свои нейтральные члены (ИК-6 в незавершенности и ИК-1 в завершенности).

сти), стилистически немаркированные, — и маркированные, несущие семантику АВ (соответственно ИК-3 и ИК-2). Это может использоваться в тексте при разграничении моделей перечисления и сопоставления внутри одной синтаксической конструкции. Например (более подробный интонационный анализ текста опущен):

Везде² передо мной подвижные картины: /
 Зде³сь вижу / двух озе⁶р лазурные равнины,
 Где парус рыбака белеет иногда, /
 За ни³ми / ряд холмо⁶в / и ни⁶вы полосаты, /
 Вдали³ / рассыпанные ха⁶ты, /
 На влажных берегах бродящие стада⁶, /
 Ови⁶ны дымные / и ме¹льницы крылаты; /
 Везде² / следы дово⁶льства / и труда¹...

(А. С. Пушкин. «Деревня»)

Семантические возможности различных контуров ИК в позиции незавершенности ярко проявляются в художественном тексте, где взаимозаменяемость интонационных синонимов, как правило, невозможна ввиду художественно-образной, эстетической функции языковых средств. Например, в монологе Молчалина (А. С. Грибоедов. «Горе от ума») при перечислении возможна только ИК-4, рисующая образ героя как расчетливого карьериста:

Мне завещал оте^{1.2}ц: /
 Во-пе^{3.4.6}рвых, / угождать всем людям без изъя²тья — /
 Хозя⁴ину, где доведется жить, /
 Нача⁴льнику, с кем буду я служить, /
 Слуге⁴ его, который чистит платья, /
 Швейца⁴ру, / дво⁴рнику для избежания зла, /
 Соба¹ке дворника, / чтоб ла²скова была.

Итак, разнообразие способов интонационного выражения незавершенности и завершенности, составляющее, по-видимому, специфику русского языка, исключает использование «стрелок», прямых и косых линий в интонационной транскрипции (что принято в интонационной нотации при описании других языков), так как они не передают семантико-стилистического своеобразия русского высказывания и текста, а символы, изображающие детали русского интонационного контура, не входят в стандартный типографский и компьютерный набор знаков. Этим оправдано употребление цифр при обозначении типов ИК. Их условность и внешняя немотивированность сопоставимы с условностью букв.

Для обозначения модальных реализаций ИК с видоизменением мелодических и немелодических признаков разработана более детальная транскрипция [Брызгунова 1984; Русская грамматика 1980, 231–236].

Фрагмент 2. Различение семантически нейтральной и семантически экспрессивной синтагмы в зависимости от места ИЦ в конце/не в конце синтагмы или словосочетания.

Итак, от характеристики семантики синтагм в составе высказывания перейдем к структуре синтагмы как базовой единицы текста, содержащей предцентр, интонационный центр (ИЦ) и постцентр (при обязательности ИЦ и факультативности других частей).

Чрезвычайно велика роль ИЦ в выражении семантики синтагмы, высказывания и всего текста. ИЦ располагается на главном по смыслу слове синтагмы и поэтому, ввиду относительно свободного порядка слов в русском языке, может занимать разное положение в синтагме, являясь одним из средств актуального членения высказывания. Нейтральная, немаркированная позиция ИЦ связана с концом синтагмы — с последним ее словом. В этом случае выражаемое значение относится ко всей синтагме в целом, без выделения какого-либо слова; значение выражено эксплицитно, лексико-грамматически и не расчленено. Такую синтагму можно назвать **семантически нейтральной, немаркированной**. Вся информация в ней новая, рема — в конце. Вот пример таких синтагм в тексте-описании:

Я приближался к месту моего назначе¹ния. /.../ Все покрыто было сне¹гом. / Солнце сади¹лось. / Кибитка ехала по узкой доро¹ге. / Лошади бежали дру¹жно... (А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»).

Изменение актуального членения, как известно, может выражаться либо изменением порядка слов и постановкой слова-ремы в конец высказывания (синтаксический способ), либо перенесением ИЦ с конечного слова на слово-рему без изменения порядка слов (интонационный способ):

Он читает газе¹ту. Эта газета сего¹дняшняя. = Это сего¹дняшняя газета. Такие синтагмы можно назвать **семантически экспрессивными**: они выражают расчлененное значение с выделением определенного слова, со значением *«именно это, а не другое»*. Такое перемещение ИЦ часто встречается в речи и тексте (в том числе художественном), так как способствует семантической выразительности и ритмико-интонационному разнообразию текста. Например:

Это случилось о¹сенью. Серенькие ту¹чи покрывали небо. / Холодный ве¹тер дул с полей. / Я приехал в село при закате со¹лнца / и остановился у почтового до¹мика (А. С. Пушкин. «Станционный смотритель»).

Семантика текста соотносится с местом ИЦ: осень — это тучи и ветер (а не небо и поля). В связном тексте ИЦ выполняет текстообразующую функцию, обозначая смысловую канву текста: осенью — тучи — ветер — при закате солнца — у почтового домика. Положение ИЦ не в конце синтагмы маркировано.

Аналогичное явление наблюдается в словосочетании в составе синтагмы: неделимое словосочетание с нерасчлененной семантикой (что зависит от ситуации, контекста) имеет ИЦ на последнем слове, независимо от места главного по смыслу слова: Книга стоит двадцать пять рубле^{1,2}й (выделено главное по смыслу слово: здесь оно не в ИЦ). Перемещение ИЦ означает АВ главного слова: Книга стоит двадцать пять рублей (а не 20, 22, 30...). Или: Книга стоит два²дцать пять рублей (а не 5, 35, 45...). В вышеприведенном тексте таким неделимым словосочетанием, употребленным в немаркированной позиции, является «при закате со¹лнца», выражающее время суток.

Таким образом, конечное/неконечное расположение ИЦ в синтагме или словосочетании является текстообразующим фактором в русском языке.

Фрагмент 3. Интонационные средства делимитации русской речи (СЧ) и просодическое оформление структурных частей синтагмы: начальной (предцентра), конечной (постцентра) и центральной (ИЦ).

Интонационные средства выражения начинательности связаны с функцией членения речевого потока — обозначением границ между синтагмами как минимальными семантически и коммуникативно значимыми единицами высказывания и текста, а именно — начала новой синтагмы.

При членении потока речи *проявляется диалектическое единство начала и конца*: конец одной синтагмы переходит в начало другой, особенно если это происходит без остановки звучания, без реальной паузы. Интерес представляет просодическое оформление структурных частей синтагмы, а именно (что важно для делимитации речи) — начальной (предцентральной) и конечной (постцентральной).

Любая ИК (план выражения синтагмы) *начинается в области среднего тона*, тогда как постцентральная часть завершается в

высоком или низком тоне (см. выше схемы ИК). Перестройка среднего тона в высокий или низкий происходит в ИЦ, где и проявляется значение синтагмы. Поэтому тональный контур в ИЦ всегда модулирован (восходящий или нисходящий, причем и на восходящей и на нисходящей линии в русском языке парадигматически имеется несколько значимых тонов: 2 на нисходящей, 3–4 на восходящей, см. выше); в предцентре и постцентре контур может быть модулированным или ровным. Итак, обратим внимание на тон оформления начала и конца синтагмы.

Инварианты всех ИК характеризуются в предцентре средним тоном, в постцентре — низким (ИК-1, 2, 3, 5, 7) или высоким (ИК-4, 6). Видно, что средний тон может взять на себя функцию обозначения начала синтагмы (связанной с выражением нового понятия), т. е. места СЧ, и, следовательно, выполнения делимитативной функции: СЧ происходит там, где тональный контур переходит из области высокого/низкого регистров в область среднего регистра, т. е. происходит перепад тона с верхнего/низкого на средний. Такой перепад тона часто связывают с паузацией: различают реальные, эксплицитные паузы, выраженные временным перерывом, и имплицитные — без остановки звучания, но с перепадом тона. Таким образом, *реальная пауза — не обязательный компонент СЧ при обязательности тонального перепада.*

В реализации этот средний тон как показатель новой синтагмы редко бывает ровным средним и зависит от тонального оформления ИЦ: при нисходящем движении тона в ИЦ тон в предцентре начинается выше среднего и постепенно снижается к нижнему (в ИК-1, 4), и только в ИК-2 тон предцентра (выше среднего регистра) может быть действительно относительно ровным, к тому же в более быстром темпе (см. выше, фрагмент 1). При восходящем контуре ИЦ тон предцентра начинается ниже среднего (ИК-3, 5, 6, 7). Таким образом, *информация о значимом изменении тона в ИЦ содержится уже в начале синтагмы и проявляется в вариативности среднего тона*, что способствует быстрому осуществлению процесса коммуникации и используется, в частности, в обучении интонации русского языка как иностранного [Логинова 1981, 30–31].

Это соответствует данным физиологов об артикуляторной организации речи: артикуляционным органам из центральной нервной системы задается одновременно комплекс команд, необходимых для осуществления артикуляционной программы семантически значимых единиц: высказывания, синтагмы, слова; осуществляется команда последовательно (ввиду линейного ха-

рактера языка), *отсюда регрессивные ассимилятивные артикуляционные процессы* и на уровне звуковых единиц, и в просодическом плане.

Вариативность среднего тона как семантически значимого параметра затрудняет нерусских в восприятии и адекватном произнесении беспаузальной связной русской речи и в овладении техникой чтения, что является серьезным предметом обучения.

Фрагмент 4. Значимость конечной/неконечной позиции в функционировании интонационных средств (СЧ, типа ИК, места ИЦ). Этот фрагмент относится к парадигматическому плану языка, связан с выявлением языковых единиц, когда ярко проявляется связь интонации, лексики и грамматики.

Для установления статуса единицы важна *позиция ее употребления*. Например, комбинаторные и позиционные влияния на произношение русских гласных определяют их аллофоническое варьирование и позволяют говорить о сильной позиции гласных фонем (в частности передних) под ударением между твердыми согласными или в изолированном положении: *а, ад, сад* и т. п. Именно по сильным позициям и устанавливают состав фонем.

Соотнесенность ИК со значением тоже выделяется парадигматически в определенных позициях. *Один из общих факторов формирования значения звучащего высказывания с той или другой ИК — конечное/неконечное положение синтагмы с этой ИК в высказывании* (наряду с коммуникативным типом высказывания). Коммуникативный тип определяется именно по конечной синтагме, хотя определенная информация содержится и в предыдущих синтагмах в виде закономерностей синтагматической сочетаемости ИК (инвариантный, фонологический аспект) или видоизменений интонационных параметров в структурных частях синтагмы (ИК), о чем частично шла речь выше (вариативный, аллотонический аспект). Поэтому в ранее известной *интонологической концепции, представляющей интонацию как систему фразовых ударений*, именно интонацию последней синтагмы определяли как собственно фразовое ударение, указывающее на коммуникативный тип высказывания [Логинова 1977].

Итак, конечное/неконечное положение синтагмы с ИК во многих случаях соотносит высказывание с тем или иным коммуникативным типом.

а) Первая группа примеров:

— *вопрос и повествование при ИК-3* (без местоименного слова; ИЦ может быть на разных словах):

ИК-3 в конечной синтагме — общий вопрос: Твоя подружка придет завтра? (падение тона в постцентре); ИК-3 в неконечной синтагме — незавершенность в повествовании: Твоя подружка ⊥ придет за¹втра. — Перепад тона с низкого на средний.

- *вопрос и повествование при ИК-4* (с местоименным словом; ИЦ может быть на разных словах):

ИК-4 в конечной синтагме — вопрос с назидательным, менторским оттенком: Когда⁴ он вернет книгу? (Ответ: — Я не зна¹ю.) — Повышение тона в постцентре; ИК-4 в неконечной синтагме — незавершенность в повествовании: Когда⁴ он вернет книгу, ⊥ я не зна¹ю. — Перепад тона с высокого на средний.

- *вопрос и повествование при ИК-6* (с местоименным словом; ИЦ на местоименном слове):

ИК-6 в конечной синтагме — переспрос: Когда⁶ он вернет книгу? (Ответ: — Я не зна¹ю). — высокий тон в постцентре; ИК-6 в неконечной синтагме — незавершенность в повествовании: Когда⁶ он вернет книгу, ⊥ я не зна¹ю. — Перепад тона с высокого на средний.

- *восклицание (оценка) и повествование при ИК-6* (с местоименным словом; ИЦ не на местоименном слове):

ИК-6 в конечной синтагме — восклицание (оценка): Какая у него маши⁶на! (Контекст: Мечта²!); ИК-6 в неконечной синтагме — незавершенность в повествовании: Какая у него маши⁶на, ⊥ я не зна¹ю.

- *то же без местоименного слова:*

ИК-6 в конечной синтагме — восклицание (оценка): Маши⁶на у него дорогая!

ИК-6 в неконечной синтагме — незавершенность в повествовании:

Маши⁶на у него ⊥ дорога¹я. — Перепад тона с высокого на средний.

- *неполное вопросительно-побудительное предложение и повествование при ИК-4* (без местоименного слова):

ИК-4 в конечной синтагме — требование: Ваши докуме⁴нты? (Реакция, ответ: — Вот они. В порядке); ИК-4 в неконечной синтагме — незавершенность в повествовании: Ваши докуме⁴нты ⊥ в полном поря¹дке. — Перепад тона с высокого на средний.

Из этих примеров очевидно, что ИК-3, 4, 6 в конечной синтагме соотносят высказывание с *неповествовательными коммуникативными типами* (со значением вопросительности с раз-

ными оттенками вопроса или побудительности, оценки), а в *конечной синтагме* — с *незавершенностью повествования* (сообщения). Противопоставление повествовательных /неповествовательных коммуникативных типов высказывания — основное в синтаксическом плане, и ему соответствует противопоставление неконечной/конечной позиции синтагмы интонационными средствами.

Конечно, с логической точки зрения значения вопросительности и незавершенности имеют много общего: и то и другое высказывание требует завершения в виде ответа или окончания сообщения (и здесь тоже сказывается диалектическое единство конца/не конца), однако ситуация здесь разная, разное количество говорящих.

Вышеприведенные примеры показывают роль СЧ при тождестве других интонационных средств (одинаковый тип ИК и место ИЦ) и лексико-грамматического состава.

б) Вторая группа примеров показывает роль ИЦ в *конечной/неконечной позиции в синтагме* при обращении, побуждении (просьбе), местоименном вопросе, — т. е. в *неповествовательных коммуникативных типах высказываний*. Речь пойдет о *синонимии ИК-2//ИК-3*, где разница между двумя типами ИК связана со стилистическими различиями: нейтральные или категорические высказывания с ИК-2 и вежливые, мягкие с ИК-3. Ср.:

Ива⁽²⁾н Петро²вич, /принеси⁽²⁾те, пожалуйста, отчет о рабо²те!

Ива³н Петрович, /принеси³те, пожалуйста, отчет о работе!

Молодо⁽²⁾й челове²к, /ка⁽²⁾к мне пройти на Арба²т?

Молодо³й человек, /ка³к мне пройти на Арбат?

Бу⁽²⁾дьте добры², ⊥ скажи²те, пожа⁽²⁾луйста, ⊥ где⁽²⁾ остановка авто²буса?

Бу³дьте добры, ⊥ скажи³те, пожалуйста, ⊥ где³ остановка автобуса?

В данных примерах с ИК-2 возможна синонимия ИЦ в каждой синтагме: перемещение ИЦ с конца синтагмы в неконечную позицию не изменяет значения высказывания (что возможно только при ИК-2, да и то с учетом семантических связей лексики в системе языка). В скобках отмечена вариативность центра.

При использовании синонимичной ИК-3 в тех же конструкциях меняется общая стилистическая тональность высказываний в сторону мягкой, вежливой. В этом случае проявляется *синонимия типов ИК* (конечно, с различиями между синонимами), но *отсутствует синонимия ИЦ при смене ИК*: ИЦ находится *только в неконечной позиции в синтагме с ИК-3* (соответственно, на глаголе в повелительной форме, на вопросительном слове или начальном слове в не-

делимом словосочетании). Причина очевидна: ИЦ в конце синтагмы с ИК-3 придавало бы высказыванию значение вопросительности, что разрушило бы данное высказывание.

На всех этих примерах видна самостоятельность каждого интонационного средства (СЧ, типа ИК, места ИЦ) в системном, парадигматическом плане и значимость ИЦ в конечной/неконечной позиции синтагмы и высказывания.

Вот эти фрагменты русской интонационной системы показывают возможность *интонационного выражения конца и начала* и в парадигматике, и в синтагматике. Вместе с тем очевидно, что полифункциональные интонационные средства русского языка *устраняют потенциальную многозначность* лексико-грамматического состава написанного предложения и текста и демонстрируют *связь звукового и грамматического строя языка*.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова 1969 — *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1969 и сл. издания.
- Брызгунова 1979 — *Брызгунова Е. А.* Смысловое взаимодействие предложений // Синтаксис текста. М., 1979.
- Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 96–122.
- Брызгунова 1984 — *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
- Васянина 1998 — *Васянина Е. Ю.* Русская звучащая речь в США. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Логинова 1977 — *Логинова И. М.* Типы ударений в связи с ритмико-интонационным членением потока речи // Преподавание русского языка нерусским на филологическом факультете. М., 1977. С. 94–111.
- Логинова 1981 — *Логинова И. М.* Развитие навыков интонирования и техники чтения. Учебное пособие по русской фонетике для иностранных студентов-филологов I курса. М., 1981.
- Логинова 1995 — *Логинова И. М.* Русская интонация в семантико-стилистическом аспекте // Русский язык за рубежом. 1995. № 1.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. М., 1980. Т. II.
- Шустикова 1981 — *Шустикова Т. В.* Синтагматическое членение повествовательного предложения в русском языке (интонационно-синтаксический и коммуникативный анализ). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК ЗНАКИ НАЧАЛА И КОНЦА СИТУАЦИИ

Темпоральные частицы *еще, пока, уже* встречаются в тексте, в речи практически на каждом шагу. В то же время далеко не всегда бывает просто объяснить, дать семантическое обоснование каждому конкретному употреблению частицы. Специфика значения темпоральных частиц состоит в том, что они описывают ту или иную ситуацию с учетом динамики ее развития. *Еще и пока* описывают некоторую ситуацию как временную, нестабильную. *Уже*, наоборот, описывает новое положение дел с учетом того, что ему непосредственно предшествовало [Труб 1997]. При этом выделяется четыре основные канонические структуры, состоящие из двух пар структур, члены которых соотнесены друг с другом:

- (1) *еще Р*, в перспективе соотнесенная со структурой (2) *уже не Р*;
(3) *еще не Р*, в перспективе соотнесенная со структурой (4) *уже Р*.

Конструкции *еще Р, уже Р* отражают существование реальной ситуации, т. е. описывают конкретное «вещественное» содержание — *Р*. А *еще не Р, уже не Р* соответствуют некоторому абстрактному параметру ‘не *Р*’, который допускает (хотя и не обязательно) ту или иную конкретизацию.

В простейших случаях семантической интерпретации поверхностные структуры *еще Р, еще не Р, уже Р, уже не Р* однозначно соответствуют «одноименной» канонической структуре. Например, *он еще спит* соотносится с канонической структурой *еще Р*, *он уже не спит* — с *уже не Р*, *он еще не спит* — с *еще не Р*, а *он уже спит* — с *уже Р*. Однако такое идеальное соответствие поверхностных и канонических структур реально встречается не так уж часто. Это несоответствие и является источником многочисленных несовпадений между поверхностной и глубинной структурой.

1. Далеко не каждый предикат, обозначающий ситуацию *Р*, способен фигурировать во всех канонических структурах. Так, фраза *Он уже умер*, внешне совпадающая с канонической структурой *уже Р*, на глубинном уровне (с учетом значения *умирать*), конечно же, соотносится со структурой *уже не Р*, т. е. ‘уже не жив’. Аналогично *он еще не умер* соотносится с глубинной структурой *еще Р* (‘еще жив’).

Предикаты, именующие стадию необратимых изменений как одного из уникальных последовательных этапов существования одушевленного (неодушевленного) объекта, вещества, обычно способны фигурировать только в двух соотносенных структурах: *он еще не старик — уже старик; молоко еще не кислое — уже кислое; сыр еще не испорченный — уже испорченный; мясо еще не протухшее — уже протухшее; пальтишко еще не поношенное — уже поношенное*. Но никак не: **он еще старик — *уже не старик; *молоко еще кислое — *уже не кислое; *сыр еще испорченный — *уже не испорченный; *мясо еще протухшее — *уже не протухшее; *пальтишко еще поношенное — *уже не поношенное*.

В этом плане представляют интерес и обозначения времен года, употребление которых в канонических структурах также не всегда свободно. Выделяется два типа обозначений — номинации базовых противоположных периодов (*зима — лето*) и номинации переходных периодов (*весна, осень*). Обозначения базовых периодов практически свободно употребляются во всех позициях соотносенных структур: *еще не зима (не лето) — уже зима (лето); еще зима (лето) — уже не зима (не лето)*. В то же время употребление наименований переходных периодов оказывается проблематичным в структурах *еще P — уже не P*, которые в этих случаях должны обозначать соответственно конец переходного периода или начало базового: *еще не весна (не осень) — уже весна (осень)*, но **еще весна (осень) — *уже не весна (не осень)*. Для того чтобы подобные употребления были приемлемы, необходим дополнительный контекст (чаще всего ситуация контраста) — ср., например, *Еще весна, а жарко*. (На эту особенность функционирования частиц внимание автора обратили Т. Ройтер и Т. Е. Янко.)

Следует также помнить, что частицы легко допускают в свою сферу действия такие формы, как *начинать, продолжать, переставать*, смысл которых то ли плеонастически дублирует смысл частицы, то ли дополняет его до смысла той или иной канонической структуры. Ср.: *он уже начал кашлять = он уже кашляет; он уже перестал кашлять = он уже не кашляет; он еще продолжает кашлять = он еще кашляет; он еще не начал писать = он еще не пишет*. Ср. также пушкинский пример, приводимый Н. В. Перцовым: *Еще не перестали топать, Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать... = еще топают, сморкаются, кашляют, шикают...*

Глубинная структура предложения с частицей строится на базе той или иной канонической конструкции, которой в действительности соответствует поверхностное употребление частицы, и

отражает реальное соотношение элементов поверхностной структуры с данной канонической конструкцией.

2. Нормативное употребление конструкции *еще не Р* обычно предполагает, что в прагматическую презумпцию высказывания входит уверенное ожидание наступления Р. Рассмотрим в этой связи следующие примеры неаддитивного употребления *еще*:

(1) *Ему еще предстоит оформить визу; Вам еще предстоит узнать, как прекрасна Земля* (фрагмент из песни «Здравствуйте, дети»). Показательно, что здесь в состав новой (сообщаемой) информации входит сама идея ожидания Р (оформления визы, общения к красоте природы). Ассертивный характер этой информации естественно вытекает из значения предиката *предстоит*, из которого, в частности, следует и то, что Р еще не произошло. Специфика подобных высказываний состоит в том, что в них подчеркивается важность того факта, что Р еще не имеет места, говорящий обращает на это особое внимание слушающего, побуждая его сделать из этого выводы. Другое важное свойство подобных оборотов (*Х еще должен сделать Р / Х-у еще предстоит сделать Р*) состоит в том, что они являются таким идиоматичным средством выражения структуры *еще не Р*, в котором на поверхностном уровне отсутствует отрицание.

Иногда конструкция *еще не Р* «не уместается» в рамках одного предложения и требует более широкого контекста. Ср. пример мини-диалога, приведенного в [Труб 1997]:

(2) *Уже Харьков? — Нет, еще Люботин* = 'Еще не Харьков, а Люботин', где во второй реплике содержится конкретизация (Люботин) компонента «не Р» (не Харьков). Аналогичное явление можно усмотреть и в следующей последовательности предложений: *Заглянем в период, когда семиотика еще робко стучится в храм Науки. Лишь после она становится там полноправной хозяйкой* (Г. Г. Почепцов). Данную последовательность можно переформулировать в виде (3), где ее логическая структура становится более прозрачной:

(3) *Заглянем в период, когда семиотика еще не стала полноправной хозяйкой в храме Науки, а (только) робко стучится в него*. Таким образом, в первом предложении исходной последовательности содержится компонент Q 'робко стучится в храм Науки', конкретизирующий параметр 'не Р' ('не стала полноправной хозяйкой в храме Науки') в конструкции *еще не Р, а Q*. Компонент же Р (...становится там полноправной хозяйкой) указывается во втором предложении. Ср. также:

(4) *Почта идет во вторник, а сегодня только еще суббота* (А. С. Пушкин) = '...а сегодня еще не вторник, а только суббота'.

3. Как известно, функция отрицания как истинностной оценки некоторой пропозиции *P* состоит в опровержении так или иначе актуализованной идеи о *P*. Конструкция *уже не P* представляет собой такой вид отрицания, которое опровергает идею сохранения (продолжения) прежней, т. е. реально имевшей место ситуации. Существенно, что данная структура может использоваться и тогда, когда у слушающего в момент речевого акта не актуализована презумпция временности ситуации *P*, ср.: *Он уже не майор, а подполковник*, т. е. переход вида 'еще майор \Rightarrow уже не майор' воспринимается слушающим как неожиданный.

Нередко случается, что структура *уже P* на глубинном уровне соотносится со структурой *уже не P*. В подобных ситуациях *P* обычно указывает на событие, входящее в достаточно очевидную номенклатуру изменений, которые происходят в процессе нормативной эволюции соответствующего объекта (например, то, что обычно происходит с человеком в течение его жизни). При этом конструкция *уже P* не обязательно предполагает, что внимание слушающего было сфокусировано именно на той ситуации или сфере бытия («не *P*»), которая подверглась изменению. Ср.:

(5) *Он уже студент; Он уже женат* = 'Он уже не такой, как раньше, а именно — студент (женат)'.

Важно подчеркнуть, что подобная интерпретация обязательно предполагает, что событие *P* входит в номенклатуру достаточно очевидных изменений. В противном случае фраза становится или неправильной, или требует переосмысления, ср.: *Он уже сидит в тюрьме*, которое нормативно должно опираться на прагматическую презумпцию, что он совершил нечто, влекущее уголовную ответственность.

В других случаях имеется в виду, что в качестве исходного состояния рассматривается не неизменное положение дел, а динамический процесс усиления или спада некоторой тенденции. При этом ожидаемое изменение, естественно, входит в состав актуализованной прагматической презумпции:

(6) *Немцы уже в Киеве (Холера уже в Очакове...)* = '...т. е. уже не там, где можно было ожидать дальнейшего продвижения немцев (распространения холеры), а (намного) дальше — в Киеве (Очакове)'.

(7) *Их уже осталось двое* = 'Они уже не в том количестве, в котором были раньше, а (только) вдвоем'.

Данный пример показывает, что имя ситуации, динамика развития которой маркируется частицей, совсем не обязательно совпадает с лексической единицей, с которой она синтаксически

связана. В сферу действия частицы попадает изменение количественного параметра, который может быть эксплицирован только внутри толкования единицы, фигурирующей на поверхности (здесь — *оставаться*).

Возможны и другие примеры соотнесения поверхностных структур *уже не Р*, *уже Р* с глубинной *'уже не Р'*. Так, у слушающего может быть актуализовано предварительное представление об исходном состоянии дел именно в той сфере, изменение которой маркируется частицей, хотя и не было презумпции ожидания этих изменений. При этом у него может вообще отсутствовать представление о закономерности перехода от *Р* к «не *Р*», не говоря уже о том, что подобная смена ситуаций иногда носит незаконномерный, случайный характер:

(8) *Позовите Иванова. — Он здесь уже не работает.*

Глубинная конструкция *'уже не Р'* может «маскироваться» и другими идиоматичными средствами:

(9) *Творческий путь Эминеску пришелся на время, когда романтическое искусство уже уступило место новым направлениям* (т. е. «когда было уже не романтическое искусство»). Здесь также указывается характер прежней ситуации *Р* (романтическое искусство) и никак не конкретизируется новая ситуация «не *Р*», уклончиво обозначенная «родовым» словосочетанием *новые направления*.

Ср. также фрагмент баллады Томского из оперы Чайковского «Пиковая дама», где поверхностное *уже Р* в действительности соотносится с глубинным *'уже не Р'*:

(10) *И когда красавица снова явилась, увы, без гроша в кармане... она уже знала три карты...* (т. е. ее неведение сменилось знанием = «...Она уже не «не знает», а знает»). В то же время раньше нельзя было сказать, что графиня еще не знает три карты, т. е. что следовало ожидать закономерного перехода от незнания к знанию. Ведь было совершенно неочевидно, что графиня решится выведать тайну трех карт ценой randevu, данного графу Сен Жермену. Теперь же, «с позиции» нового знания, предшествующее состояние в (10), как и в (8–9), может быть охарактеризовано только с помощью прошедшего времени: *еще работал здесь, было еще романтическое искусство, еще не знала трех карт*.

Ср. и упрощенную модификацию примера из [Богуславский 1996], где констатируется «происшествие» (ср. [Падучева 1999]) в ментальной сфере субъекта:

(11) *Он уже понял, что едет зря.* Здесь имеется в виду, что ментальное состояние субъекта относительно актуальной для него проблемы уже не то, что было раньше. Он стал носителем од-

нозначного истинного мнения о том, что едет зря, хотя ранее, скорее всего, не сомневался в успехе поездки или был, как минимум, не уверен в ее бесполезности — иначе он ее бы просто не предпринял. Естественно, что подобные «ментальные результаты» нормативно не могут ожидаться, планироваться заранее и гарантированно достигаться. Поэтому ранее субъект не мог сказать о себе: *Я еще не понимаю (не понял), что еду зря*. С позиции же вновь обретенного знания он может теперь сказать о предшествующей ситуации (Тогда) *я еще не понимал, что еду зря* или *Тогда я еще не понял, что еду зря*.

Пример (12), также соотносимый со структурой *уже не Р*, опирается на презумпцию неуверенного ожидания повторения новых ситуаций, однотипных той, которая имела место ранее:

(12) *Хрущев почувствовал, что нанес очень сильный удар, и новых уже (больше) не последовало* (А. Аджубей о выступлении Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС). В (12) имеется в виду, что выступление Хрущева было воспринято окружающими как сильный удар, который давал основания полагать (не исключать), что с его стороны возможны и новые удары. Такое неуверенное ожидание не может быть выражено с помощью частицы *еще* — здесь было бы неправильно (неправомерно) сказать **Новых ударов еще не нанес*. Данный этап (этап неуверенного ожидания) мог бы быть адекватно описан с помощью частицы *пока*, одно из значений которой (*пока не 2 Р* — ср. [Труб 1997, 221]) предусматривает, что говорящий не исключает возможности реализации Р (здесь — нанесения новых ударов). При этом в коммуникативный фокус (12), выраженный структурой *уже не Р*, входит указание на то, что данное предположение оказалось неверным.

Прагматическая презумпция в следующем примере:

(13) *Контрольных уже (больше) не будет*

предусматривает, что до сих пор имела место некоторая макроситуация М, состоящая из ряда последовательно распределенных во времени однотипных ситуаций в виде множества контрольных работ. Ассертивную же часть (13) образует указание на то, что в настоящее время данная макроситуация М перестала иметь место.

В других случаях *уже* используется для маркирования различий между разными однотипными ситуациями. При этом в сферу действия частицы попадает не предикат, а его актанты или сир-константы. Сопоставляемые ситуации обязательно имеют те или иные точки соприкосновения и обозначаются одним и тем же предикатом. Их участником является один и тот же объект в одной и той же актантной роли, причем каждая ситуация описыва-

ется как бы «с точки зрения» данного участника. Существенно, что вторая ситуация, маркируемая частицей, имеет место после первой. Ведь *уже* всегда указывает на положение дел, последующее относительно ситуации, с которой оно сопоставлено. При этом обычно опровергается идея о том, что те или иные параметры описываемой ситуации совпадают с соответствующими параметрами предшествующей:

(14) *На этот раз мы ехали уже в купейном вагоне;*

(15) *Далее вы будете лечиться в поликлинике и уже там продлевать больничный;*

(16) *Семен Владимирович вернулся из Германии в Москву уже со второй женой Евгенией Степановной Лихолатовой.*

Как видим, в данных примерах речь идет о разных поездках одной и той же группы лиц, о процессах лечения одного и того же лица в разных учреждениях, о разных браках Семена Владимировича. Семантическое представление подобных высказываний строится с учетом следующих принципов:

1) сведения об особенностях исходной ситуации предполагаются известными из предшествующего контекста и образуют прагматическую презумпцию, которая служит толчком к предположению, что эти же особенности будут характеризовать и новую, описываемую ситуацию;

2) синтаксическая сфера действия частицы должна совпадать с ее семантической сферой действия, что не всегда соблюдается на поверхностном уровне, где синтаксический сдвиг частицы может служить единственным формальным различителем синонимичных предложений [Богуславский 1985], ср.: *...мы уже ехали в купейном вагоне — ...мы ехали уже в купейном вагоне;*

3) отмечается, что новая ситуация характеризуется другими особенностями. Это достигается тем, что в коммуникативном фокусе оказывается структура '*уже не Р*', где в качестве *Р* выступает предикация отождествления. Таким образом, глубинная структура строится на базе отрицания предикации отождествления (т. е. замены прежней ремы данной предикации на новую). При этом в качестве противопоставительной части отрицания, конкретизирующей опровергаемую альтернативу (в качестве т. н. «финишной информации» — ср. [Труб 1990]) используется компонент, который на поверхности фигурирует в семантической сфере действия *уже*. Рассмотрим приведенные выше примеры.

(14) = '**Презумпция:** Как известно, ранее мы ехали в плацкартном вагоне. Поэтому можно было допустить, что и на этот раз мы будем ехать в плацкартном вагоне. **Ассерция:** Вагон, в кото-

ром мы ехали на этот раз, был уже не плацкартный, а купейный'. Как видим, в данном примере поверхностный компонент *уже Р* (...ехали уже в купейном вагоне) в действительности соответствует структуре '*уже не Р, а Q*', построенной на базе канонической структуры '*уже не Р*'. При этом поверхностный компонент *в купейном вагоне* соотносится с элементом Q, конкретизирующим вид 'не Р'.

(15) = 'Презумпция: Известно, что адресат обращения (=слушающий) до сих пор лечился в больнице. Ассерция: ...продлите больничный, когда будете лечиться уже не здесь (в больнице), а в поликлинике (местом продления больничного будет уже не больница, а поликлиника)'.

(16) = 'Презумпция: Как известно, Семен Владимирович был женат на Нине Максимовне. Ассерция: ...Жена, с которой Семен Владимирович вернулся из Германии, была уже не Нина Максимовна, а Евгения Степановна Лихолатова'.

В предельном случае участниками сопоставляемых ситуаций могут быть говорящий и слушающий. Тогда частица *уже* маркирует различия между однотипными объектами, последовательно рассматриваемыми обоими коммуникантами. При этом отражается метатекстовый переход от обсуждения определенных свойств одной единицы к обсуждению сопоставимых свойств другой единицы:

(17) *Вторая дамба будет защищать село уже от днепровского паводка* = 'Вторая дамба будет защищать село уже не от того паводка, о котором шла речь раньше, а от паводка на Днестре'.

(18) *Это уже тема другого исследования* = 'Тема, к которой относится данное исследование, тождественна уже не той теме, к которой относится исследование, рассматриваемое нами до сих пор, а другой (теме)'. Как видим, в данном случае высказывание ограничивается указанием на нетождественность тем, но конкретизации альтернативы (уточнения, к какой другой теме относится данное исследование) не происходит. Это же касается следующего примера, где каноническая структура '*уже не Р*' получает эксплицитное выражение. Зато в нем указывается характер объектов («чисто синтаксические элементы»), которые ранее находились в поле зрения обоих коммуникантов:

(19) *Однако все эти добавочные образования уже не являются чисто синтаксическими элементами*.

4. В примерах типа (5) часто может заполняться и темпоральная валентность (ТВ) частицы, употребленная не в функции вре-

менной координаты (ср. [Богуславский 1996]), а в функции обстоятельства длительности [Падучева 1997] нового состояния:

(20) *Он уже три года студент* = 'Он уже не такой, как раньше, а именно — студент. Это длится 3 года'.

(21) *Она уже три года (как) замужем* = 'Она уже не та, что была раньше, а именно — замужем. На данный момент срок ее замужества составляет три года'.

В примерах типа (22) *уже* в ответной реплике (при нейтральной интонации) относится не к ассерции, а входит в состав прагматической презумпции. Ассертивную часть образует только указание на срок длительности нового состояния:

(22) *А давно (сколько) она замужем (он работает)? — Уже три года* = 'Презумпция: Она уже не та, что раньше, а именно — замужем. Ассерция: На данный момент срок ее замужества составляет три года'.

Такую же («симметричную») функцию длительности выполняет ТВ в конструкциях еще *Р*. В таких случаях она указывает на срок, в течение которого будет сохраняться предшествующее состояние (*Р* или «не *Р*»):

(23) *А мне сидеть еще четыре года;*

(24) *До Киева еще четыре часа.*

Показательно, что ТВ в этой функции не может употребляться с частицей *пока*, семантика которой предполагает, что говорящему неизвестен точный срок чередования текущей нестабильной ситуации [Труб 1997]: ¹*А мне сидеть пока четыре года;* ²*До Киева пока четыре часа.*

В других случаях в сферу действия *уже*, наоборот, входит темпоральный показатель. При этом описываемая ситуация *Р*, будучи ассертивной, не входит в состав возможных ожиданий слушающего (25), либо входит в состав прагматической презумпции (26):

(25) *Он уже полчаса моется* = 'Он моется. Это длится полчаса, т. е. уже долго'.

(26) *Вы моетесь уже полчаса* = 'Презумпция: Слушающий моется. Ассерция: Это длится полчаса, т. е. уже (давно) превысило временной «норматив» для водной процедуры'.

5. Особый тип семантической интерпретации предполагается в случаях, которые вслед за И. М. Богуславским [Богуславский 1996] можно трактовать как «внешнее отрицание». При этом предложение с темпоральной частицей интерпретируется как отрицание другого предложения, обязательно содержащего противоположную соотносительную частицу: *еще Р* = 'не (уже не) *Р*'; *уже Р* = 'не (еще не) *Р*'. Правомерно выделить по крайней мере два основ-

ных типа подобных высказываний, различающихся степенью категоричности опровергаемых пропозиций:

а) Предложение опровергает актуализованную уверенность слушающего (или по крайней мере его высоковероятное мнение) относительно стадии развития той или иной ситуации. Ср. пример (27), рассмотренный ранее (в связи с проблемой конкуренции видов) в [Падучева 1993]:

(27) *Обратитесь к Понтюхиной — Я к ней уже обращался (обратился) = '...То, что еще не обращался (не обратился), неверно'.* Здесь ответная реплика указывает на ложность презумпции первой реплики — ведь если говорящий советует слушающему обратиться к Понтюхиной, то, следовательно, уверен, что тот еще не обращался. (При этом противопоставление форм НСВ/СВ маркирует соответственно бесполезность и, наоборот, эффективность совета.)

(28) *Еще можно предотвратить глобальную катастрофу = 'То, что уже нельзя (невозможно) предотвратить глобальную катастрофу, неверно'.*

(29) *Он еще на что-то надеется = 'То, что он уже не надеется (утратил надежду), неверно', где еще употребляется как средство опровержения уверенности или закономерного высоковероятного мнения слушающего вида 'уже не Р' (уже нельзя предотвратить глобальную катастрофу, уже не надеется).*

б) Предложение строится как опровержение мнения, которого до текущего момента у слушающего, скорее всего, вообще не было. Тем самым оно возникает в его сознании уже в ходе восприятия самого высказывания. При этом для обозначения ситуации Р обычно используется форма НСВ глагола в общефактическом экзистенциальном значении [Падучева 1993]. Прототипическим средством выражения подобных значений служит предикат *приходилось (доводилось)*:

(30) *Такого вы еще не пробовали = 'Возможно, вы полагаете, что то, что я вам предлагаю, вы раньше (уже) пробовали. Это неверно'.*

Противоположное значение описывается при помощи соотносительной конструкции *уже Р*:

(31) *Ранее мне уже приходилось давать интервью этой телекомпании = 'Возможно (не исключено), вы полагаете, что ранее я (еще) не давал интервью этой телекомпании. Это неверно'.*

В подобных случаях цель высказывания состоит в том, чтобы указать, что ситуации, аналогичные той, которая имеет место или ожидается, ранее не имели места (ср. (30)) или, наоборот, имели место и ранее (ср. (31)).

В отличие от примеров первого типа, подобные высказывания, как представляется, должны трактоваться несколько иначе. Употребление конструкций *еще не Р, уже Р*, в которых для обозначения ситуации Р используется «общефактическая» форма глагола, предполагает, что данные поверхностные структуры — это идиоматичные средства выражения оператора отрицания идеи, мысли, которая, по мнению говорящего, может возникнуть у слушающего. При этом опровергаемая пропозиция должна, как мы видели, обязательно содержать частицу, соотносительную с частицей, которая используется в качестве «внешнего отрицания». Но если бы это было на самом деле так, то тогда следовало бы признать, что опровергаемое мнение также имеет статус опровержения. Ср.: *такого еще не было* = 'то, что такое уже было, неверно', где компонент 'такое уже было' в свою очередь является опровержением вида 'то, что такого еще не было, неверно', и так до бесконечности. Аналогично: *Такое уже было* = 'То, что такого еще не было, неверно', где 'такого еще не было' = 'то, что такое уже было, неверно'... Таким образом, в этом случае следовало бы признать, что подобные конструкции содержат циклическую цепочку вложенных друг в друга опровергающих пропозиций, что, конечно, не соответствует действительности. На самом деле в ассертивной части подобных семантических представлений статус опровержения (оператора отрицания) имеет только самое внешнее высказывание, а опровергаемая пропозиция должна описываться другой структурой, не содержащей соотносительной частицы:

(32) *Фактов, подобных Р, еще не бывало* = 'То, что факты, подобные Р, имели место ранее, неверно';

(33) *Факты, подобные Р, уже бывали* = 'То, что факты, подобные Р, ранее не имели места, неверно'.

В действительности семантические формулы подобных высказываний имеют более сложную структуру:

(32) *Еще не Р несов. прош.* = 'Презумпция: Имеет место или предстоит Р. Говорящий допускает, что в связи с Р у слушающего может возникнуть мнение о том, что факты, подобные Р, имели место и ранее. Ассерция: То, что факты, подобные Р, имели место ранее, неверно'.

(33) *Уже Р несов. прош.* = 'Презумпция: Имеет место или предстоит Р. Говорящий допускает, что в связи с Р у слушающего может возникнуть мнение о том, что факты, подобные Р, ранее не имели места. Ассерция: То, что факты, подобные Р, ранее не имели места, неверно'.

Как видим, достаточно сложные построения, образуемые толкованиями, на поверхностном уровне получают лаконичное идиоматичное выражение. Это достигается благодаря тому, что «под видом» отрицания одной идеи отрицается другая, более сложная идея. Формула 'То, что факты, подобные Р, имели место ранее, неверно' более лаконично выражается под видом отрицания идеи 'уже Р' — идеи о наступлении ранее ожидавшейся ситуации Р. А формула 'То, что факты, подобные Р, ранее не имели места, неверно' более лаконично выражается под видом отрицания идеи 'еще не Р' — идеи о «продолжении отсутствия» ожидающейся ситуации Р. Подобная «мистификация» маркируется именно тем, что для обозначения ситуации Р используется общефактическая форма глагола. Ср. в связи с этим противопоставление однотипных структур, отличающихся только временными глагольными формами:

(34а) Он уже пришел;

(34б) Он уже приходил.

Примеры типа (34а) отражают нормативное каноническое употребление конструкции *уже Р*, описывающей наступление события, ожидание которого актуализовано в прагматической презумпции. А в (34б) речь идет о том, что имело место событие, которое вполне может оказаться для слушающего неожиданным. Перфектная форма глагола в (34а) закономерно указывает на сохранение результата действия *прийти* (здесь — на то, что субъект продолжает находиться в конечной точке описываемого движения). В (34б) же, наоборот, реализуется двунаправленное значение глагола *приходить*, указывающее на несохранение результата действия.

Следует также попутно отметить, что канонические перфектные конструкции вида *уже Р сов. прош.* могут допускать по крайней мере две разные интерпретации. Они зависят от характера поверхностного обозначения ситуации Р (интродуктивного/неинтродуктивного). Неинтродуктивное обозначение, обычно несущее на себе следы разнообразных анафорических и компрессионных сокращений (ср., например, (34а), где не заполнена валентность конечной точки), указывает именно на ту ситуацию Р, которая является предметом ожиданий говорящего и слушающего. Ср. также:

(35) Его уже ввели в состав совета.

При этом основное фразовое ударение падает на предикат сказуемого. Если же поверхностное обозначение Р является интродуктивным (т. е. Р воспринимается как новая, впервые упоми-

наемая ситуация), то тип интерпретации видоизменяется. В подобных случаях соответствующее (интродуктивное) наименование в действительности указывает на некоторую ситуацию P_i , реализация которой свидетельствует о том, что ожидаемое положение вещей P начинает превращаться в реальность. Например, P_i может указывать на один из первых шагов в осуществлении некоторого известного обоим коммуникантам плана (замысла) P , не упоминаемого в предложении. При этом основное фразовое ударение падает не на предикат-сказуемое, а на один из его актантов:

(36) *Его уже ввели в состав координационного совета по проблеме «Кибернетика»* = 'Его ввели в состав координационного совета по проблеме «Кибернетика», т. е. план уже начал приводиться в исполнение'.

6. Представляют также интерес такие конструкции типа *уже не Р, еще Р*, в которых предикат P употреблен в будущем времени, ср.: *Она уже не придет; Она ещё придет*. В подобных случаях частица маркирует изменение не ситуации, а самого мнения о перспективах ее изменения или неизменности:

(37) *Она уже не придет* = 'То, что еще есть основания ожидать, что она придет, неверно'.

(38) *Она ещё придет* = 'То, что уже нет оснований ожидать, что она придет, неверно'.

(39) *Мы еще увидим небо в алмазах* = 'То, что уже нет оснований считать, что нас ждет что-то хорошее, неверно'.

Примеры вида (37) опираются на прагматическую презумпцию длительного ожидания P . Поэтому в более ранний момент ситуация могла быть охарактеризована как

(40) *Она до сих пор не приехала*.

(Обороты *до сих пор, все еще* констатируют, что, вопреки длительному, существенно больше нормы, ожиданию закономерного перехода к P или «не P », новая ситуация тем не менее не имеет места, хотя ее ожидание остается правомерным.) А в более поздний момент положение дел может быть прокомментировано как

(41) *Она так и не приехала*.

Другие важные аспекты исследования функционирования темпоральных частиц, заслуживающие отдельного рассмотрения, связаны с изучением контекстов, в которых темпоральная валентность частицы выступает в роли временной координаты. Однако и рассмотренного материала достаточно, чтобы убедиться в том, что предложения с темпоральными частицами представляют собой благодатное поле для исследования соотношения поверхностных и глубинных структур.

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский 1996 — *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Падучева 1993 — *Падучева Е. В.* О так называемой конкуренции совершенного и несовершенного вида // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 31. Wien 1993. S. 259–273.
- Падучева 1997 — *Падучева Е. В.* Давно и долго // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 253–266.
- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить* // Типология и теория языка (от описания к объяснению). К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 488–502.
- Труб 1990 — *Труб В. М.* К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастивного отрицания // Логический анализ языка. Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М., 1990. С. 194–204.
- Труб 1997 — *Труб В. М.* О семантической интерпретации высказываний с частицами *еще, пока, уже* // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 218–228.

СОЮЗ А КАК СИГНАЛ «ПОВОРОТА ПОВЕСТВОВАНИЯ»

Союз *а* — чисто русское словечко, не имеющее эквивалентов в европейских языках. Основные значения этого союза иллюстрируются следующими примерами, ср.:

- (1) *Такое несчастье (Р), а они улыбаются (Q);*
Петя двух слов связать не может (Р), а по литературе у него пять (Q);
Учится девочка в консерватории (Р), — а одета Бог знает как (Q)
(А. П. Чехов).
- (2) *Петя живет в Рязани (Р), а Леня — в Бостоне (Q);*
Жить в Москве так, как мы живем, ужасно (Р), а жить с Анной Захаровной я не имею средств (Q) (Дневник А. В. Якушкиной).

Примеры (1) указывают на несоответствие одной ситуации (Q) другой (Р). Так, ситуация 'люди улыбаются' не соответствует ситуации 'произошло несчастье'. Действительно, если произошло несчастье (Р), то обычно люди *не* улыбаются (не-Q). Это некоторое представление о норме, т. е. представление о жизни и мире, общее для говорящих на данном языке, а в данном случае — для людей вообще. Значит, ситуация (Q) не соответствует ситуации (Р), поскольку данное положение дел не соответствует представлению о норме. Лексему союза *а*, представленную в примерах (1), называют «а несоответствия». Она отчасти сближается с союзом *но*, ср.: *Такое несчастье, но они улыбаются*, а потому ее переводят как англ. *but*, франц. *mais*, нем. *aber*.

В примерах (2) ситуации Р и Q сопоставляются, сравниваются. Лексему союза *а*, представленную в этих примерах, называют «а сопоставления». При переводе ее заменяют самым «пустым» сочинительным союзом — англ. *and*, франц. *et*, нем. *und*.

Приведенные краткие характеристики далеко не исчерпывают специфику этих двух лексем союза *а*. Им посвящена богатая лингвистическая литература; ограничимся ссылкой на работы: [Левин 1970; Крейдлин, Падучева 1974а; 1974б; Санников 1982; Николаева 1997; Падучева 1997]. Однако для наших целей доста-

точно и такого, заведомо неполного описания основных значений союза *а*. Объектом нашего исследования является одно периферийное значение союза *а*, и нам важно отделить его от центральных.

Интересующая нас лексема союза *а* представлена в примерах:

- (3) *Катя разбирала этюд Шопена (Р), а он был непростым (Q). [И Катя подумала, что не нужно ей заниматься музыкой — лучше поступить в педучилище];*
- (4) *Вася разорвал новую куртку (Р), а куртка была дорогая (Q). [Вот мама и рассердилась, не дала денег на мороженое].*

Ясно, что в примерах (3) и (4) нет указания на несоответствие двух ситуаций друг другу или представлений о норме. Нет здесь и какого-либо сравнения ситуаций, подобного тому, что имеет место в примерах (2).

Обратим внимание на то, что в (3) союз *а* можно заменить на союз *и*, ср.:

- (3а) *Катя разбирала этюд Шопена (Р), и он был непростым (Q).*

В примере (4) такая замена нежелательна, ср.:

- (4а) [?]*Вася разорвал новую куртку (Р), и куртка была дорогая (Q).*

В чем здесь дело? Для того чтобы уловить специфику данного значения союза *а*, возьмем еще один пример, ср.:

- (5) *Катя разбирала новый этюд, и он казался ей очень трудным.*

Синтаксически и по смыслу этот пример очень похож на (3) и (3а), однако союз *а* сюда неподставим. Неудачно

- (5а) [?]*Катя разбирала новый этюд, а он <этот этюд> казался ей очень трудным.*

Естественно предположить, что на выбор союза как-то влияет смысл 'казаться'. Действительно, в примерах (3)–(3а) этого слова нет, и там возможны оба союза. Стоит убрать слово *казаться* из (5а), и получается нормальное высказывание, совершенно аналогичное примеру (3), ср.:

- (6) *Катя разбирала новый этюд, а он был очень трудным.*

Попытаемся сформулировать различие между (3) и (3а) так, чтобы стала ясна и причина сомнительности примеров (4а) и (5а).

В примере (3) — с союзом *а* — информация о том, что этюд был непростым, подается как совершенно объективная, не зависящая от восприятия данного конкретного субъекта (Кати). А фраза (3а),

точнее — ее вторая часть, вводимая союзом *и*, описывает не объективную трудность этюда, а только субъективное ощущение Кати, ее восприятие данной вещи. При этом в (3а) ничего не говорится о том, был ли этюд Шопена действительно трудным. Тем самым пример (3а), в отличие от (3б), выражает эмпатию говорящего к субъекту ситуации, и эта эмпатия в каком-то смысле скрывает реальное положение дел. Можно сказать, что в примере с *a* первое из сочиненных предложений повествует о Кате, а второе — об этюде Шопена, а в примере с *и* оба сочиненных предложения — о Кате.

Получается, что союз *и* сигнализирует о том, что второе из сочиненных предложений — на ту же тему, что и первое предложение, т. е. повествование «развивается по прямой». В определенном частном случае такое сохранение темы предполагает и выражение эмпатии к субъекту, о котором шла речь в первом из сочиненных предложений, и эта эмпатия может скрыть объективное положение дел.

Союз *а*, напротив, сигнализирует о том, что второе из сочиненных предложений начинает свою собственную тему. При этом первое предложение в этом контексте воспринимается как экспозиция, прелюдия к новой теме. Вся фраза с союзом *а* в данном его употреблении предполагает какое-то продолжение: такая фраза — в отличие от фразы с союзом *и* — не может заканчивать собой текст. Эта особенность союза *а* придает высказыванию особую неторопливость, создает ощущение размеренного повествования. Можно сказать, что союз *а* в данном употреблении — это сигнал о своего рода «повороте повествования».

Теперь можно сформулировать причину неудачности примеров (4а) и (5а).

В примере (4а) *Вася разорвал новую куртку (Р), и куртка была дорогая (Q)* сочиненные предложения *Р* и *Q* повествуют о разном. Предложение *Р* — на тему о Васе, а предложение *Q* — на тему о куртке. Семантика сочиненных предложений такова, что «эмпатичное» прочтение здесь невозможно: слово *дорогой* (в этом значении) всегда выражает объективную оценку, реальное положение дел, а не восприятие субъекта. Поэтому союз *и*, указывающий на продолжение начатой темы, здесь неуместен.

В примере (5а) *Катя разбирала новый этюд (Р), а он <этот этюд> казался ей очень трудным (Q)* не только первое, но и второе предложение повествует о Кате — поскольку в нем речь идет о том, что ей кажется. Семантика второго предложения не допускает никакого другого прочтения данного примера. Поэтому союз *а* здесь нехорош.

Приведем еще некоторые примеры с данными лексемами союзов *а* и *и*:

- (7) *Школа стояла на главной улице (Р), а улица эта соединяла город с вокзалом (Q). [И поэтому по ней два раза в день проходил автобус.]*

Сочиненные предложения повествуют о разном: предложение (Р) — о школе, а предложение (Q) — об улице.

- (8) *[Вечером она вспоминала детство.] Школа стояла на главной улице (Р), и учиться в ней было трудно (Q).*

Предложения Р и Q — на одну и ту же тему: о детстве героини повествования.

- (9) *Петя очень любил арбузы (Р), а в том году арбузы не уродились (Q) [и Петя решил заменить их грейпфрутами].*

Предложения Р и Q — о разном: первое предложение повествует о Пете, а второе — об арбузах.

- (10) *В молодости Петя очень любил море (Р), и море тогда было не таким, как теперь (Q).*

Сочиненные предложения — на одну и ту же тему: о молодости Пети.

- (11) *Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя (Р), / А лошадь на дыбы (Q) (А. С. Грибоедов).*

Сочиненные предложения — на разные темы: предложение Р — о Молчалине, предложение Q — о лошади.

Данные лексемы союзов *а* и *и* являются специфическими маркерами организации текста. Союз *и* можно назвать маркером «нормального развития повествования», а союз *а* — маркером «поворота повествования». Подобные лексические единицы А. Вежицкая назвала метатекстовыми — в отличие от большинства слов, они не описывают мир, а устанавливают определенные отношения между фрагментами текста [Вежицкая 1978].

В нашем случае этими фрагментами текста являются предложения в составе сложносочиненного предложения. Однако это необязательно — союзы *и* и *а* в рассматриваемом значении могут употребляться в абсолютном начале фразы. Ср.:

- (11а) *Катя разбирала эту. И <А> эту был очень трудным.*

Семантика союза от этого не меняется.

Заметим, что союз *и* может употребляться и в начале целого текста, создавая ощущение продолжения ранее начатой темы, при том что начало неизвестно адресату. Ср.:

(12) *И встретил Иаков в долине Рахиль* (А. Ахматова).

Союз *а* тоже возможен в абсолютном начале текста. Ср.:

(13) *А ты теперь тяжелый и унылый, / Отрекшийся от славы и мечты*
(А. Ахматова).

Мы, однако, усматриваем здесь модификацию данного значения союза *а*. Действительно, союз *а* маркирует здесь не «поворот повествования», а просто начало новой темы, никакой предтекст здесь не подразумевается. Ср. аналогичные примеры:

(14) *А в ненастные дни / Собирались они / Часто* (А. С. Пушкин);

(15) *А в книгах я последнюю страницу / Всегда любила больше всех других* (А. Ахматова).

Союз *а* как сигнал начала новой темы чрезвычайно характерен для разговорной речи¹, ср.:

(16) *А в Воркуте уже морозы, наверно;*

(17) *А у нас учительница заболела!*

Предложенная интерпретация союзов *а* и *и* в выбранных контекстах подтверждается анализом вопросительных и восклицательных высказываний.

Оба союза могут употребляться в начале вопроса, ср.:

(18) *И зачем он это сделал? VS. А зачем он это сделал?*

Союз *и* указывает здесь, что данный вопрос — «на ту же тему», что это тот же самый вопрос, который уже задавался говорящим. Отсюда — эффект усиительности, ощущение навязчивости, которое придает вопросу союз *и*. Благодаря союзу *и* такой вопрос требует особой просодии.

Что касается союза *а*, то он и в этом контексте сигнализирует о начале новой темы, благодаря чему создает впечатление «мягкого» начала. Начиная вопрос союзом *а*, говорящий дает понять адресату, что этот вопрос только теперь пришел ему в голову и интересуется его умеренно, а потому он и не настаивает на ответе, не давит на адресата. В разговорной речи инициальное *а* в вопросе почти обязательно. В противном случае вопрос производит впечатление слишком жесткого, даже грубого — как бы некой атаки на адресата². Ср.:

¹ См. об этом, в частности: [Касаткин, Касаткина 2000].

² Этот факт отмечался неоднократно, ср., в частности: [Fougeron 1991].

(19) *А зачем он это сделал?* VS. *Зачем он это сделал?*

(20) *А почему ты остался дома?* VS. *Почему ты остался дома?*

Из двух метатекстовых союзов — *а* и *и* — в восклицании возможно только *и* инициальное. Ср.:

(24) *И пел же он!*

Такое высказывание уместно только если говорящий уже знал, что певец, о котором идет речь, поет необыкновенно. Фраза воспринимается как продолжающая тему, начатую ранее — как будто говорящий уже восхищался этим необыкновенным певцом.

Экскурс в семантическую теорию. Мы убедились в том, что *и* и *а* в некоторых своих употреблениях маркируют способ развития повествования. Можно ли дать этим метатекстовым единицам толкование в обычном смысле слова?

На первый взгляд кажется, что — да. Во всяком случае, рассматриваемое употребление союза *и* как будто было истолковано А. Вежбицкой, причем действительно без привлечения чего-либо относящегося к области «грамматики текста», т. е. выходящего за пределы собственно семантики. В [Вежбицкая 1996] предлагается следующая экспликация союза *и* в контекстах типа *Пришел отец, и мать его увидела*:

‘Пришел отец.

Я хочу сказать что-то еще об этом:

Мать его увидела.’

Предлагаемая экспликация кажется совершенно прозрачной — она содержит анафорический элемент ‘это [this]’ и при этом не использует никаких сложных понятий вроде «на ту же тему». К чему, однако, отсылает данный анафорический элемент? О чем еще хочет сказать говорящий, сказав *Пришел отец*? Если понимать толкование А. Вежбицкой буквально (на что и рассчитаны семантические экспликации), то получится, что ‘об этом’ — это ‘о приходе отца’. Но такое понимание как минимум неточно. Ведь дальше говорится не о приходе отца, а о чем-то, что всего лишь связано с его приходом. Аналогичным образом устроено предложение *Школа стояла на главной улице, и учиться в ней было трудно*: говорящий хочет сказать что-то еще об этой школе в целом, а не о том, что она стояла на главной улице. Союз *и* в данном употреблении действительно содержит отсылку к предыдущему, однако это отсылка к теме, начатой предыдущим сочиняемым предложением.

Казалось бы, референциальная лакуна в экспликации А. Вежбицкой легко заполняется и описанное употребление союзов *и* и *а* толкуется так:

X, и *Y* [*Катя разбирала этюд, и этюд был очень трудным*] = «*X*; *Y*; *Y* на ту же тему, что *X*».

X, а *Y* [*Катя разбирала этюд, а этюд был очень трудным*] = «*X*; *Y*; *Y* на тему, отличную от темы *X*-а».

Рассмотрим, однако, компонент 'тема' этих экспликаций.

Говоря о метатекстовых *и* и *а*, мы употребляли слово «тема» в его общеязыковом смысле, ср.: *тема статьи* <*стихотворения, текста*>. Иными словами, мы рассматривали предложение как своего рода микротекст, который — подобно нормальному тексту — посвящен какой-то теме.

Очевидно, что тема микротекста-предложения, так же как и тема любого текста, может быть сформулирована более чем одним способом. Данное понятие относится не к семантике в строгом смысле слова, а к области понимания (текста или высказывания) и, скорее всего, не формализуемо. На наш взгляд, понятие «тема текста» гораздо богаче, нежели абстрактное, почти пустое, метатекстовое употребление союзов *а* и *и*. Поэтому мы не считаем данные выражения толкованиями.

Следует ли отсюда, что данные лексемы союзов *а* и *и* неразложимы и должны быть признаны семантическими примитивами?

Прежде всего, к семантическому примитиву предъявляются два логически независимых требования: а) нетолкуемость; б) участие в толковании других языковых единиц. Ясно, что данные лексемы союзов *а* и *и* не удовлетворяют требованию (б), а потому никак не могут претендовать на статус примитива.

Существование неразложимых лексем, не являющихся семантическими примитивами, было впервые обнаружено Ю. Д. Апресяном, описавшим синонимы, из которых один является примитивом, а другой незначительно от него отличается; ср.: *хотеть* — *желать, считать (что P)* — *думать (что P)*. В этих парах одна лексема (а именно первая) является примитивом. Вторая лексема очень близка своему синониму-примитиву и поэтому тоже неразложима. Однако она не может попасть в список примитивов хотя бы потому, что в нем запрещена синонимия. (Выбор одной из двух синонимичных лексем на роль примитива определяется рядом факторов. Так, лексема *желать*, в отличие от *хотеть*, стилистически отмечена, а *думать*, в отличие от *считать*, не является центральной лексемой в структуре многозначности данного слова.) Подробно об этом см. [Апресян 1995].

Ситуация с союзами *а* и *и* отличается от этой. Действительно, ни союз *а*, ни союз *и* в описанном значении не синонимичен никакому примитиву и все-таки нетолкуем.

Однако относительно небольшие смысловые различия могут существовать не только между синонимами, но и между «соседними» лексемами многозначного слова. Тем самым естественно ожидать, что явление, описанное Ю. Д. Апресяном в области синонимии, встретится и в области полисемии. Такая ситуация описана в [Урысон 2001]. В многозначном союзе *если* выделяется лексема-примитив «*если гипотезы*», ср.: *Если они успели на последнюю электричку, они уже дома*. Соседней лексемой в структуре многозначности союза *если* является лексема «*если умозаключения*», ср.: *Если они уже дома, (значит) они успели на последнюю электричку*. Лексема «*если умозаключения*», подобно лексеме «*если гипотезы*», нетолкуема, однако не является семантическим примитивом, поскольку не участвует в толковании никаких слов.

Существенно, что у союза *а* нет ни одной лексемы, которая участвовала бы в толкованиях других единиц естественного языка и претендовала бы на статус семантического примитива.

Заметим, что у союза *и* есть одна лексема, которая претендует на статус примитива. Она представлена в случаях типа *Ваня и Петя*. Эта лексема участвует в толковании некоторых языковых единиц, выступающих в форме множественного числа; ср.: *родители* = 'отец и мать', *руки* [ср.: *схватился обеими руками*] = 'правая рука и левая рука' и т. п.³ Можно было бы думать, что метатекстовая лексема *и* нетолкуема, поскольку близка к данной лексеме-примитиву. Однако метатекстовая лексема *и* и «*и объединения в множество*» достаточно далеки друг от друга, см. [Урысон 2000]. Поэтому нетолкуемость метатекстовой лексемы союза *и* не может быть объяснена просто близостью ее значения определенному семантическому примитиву.

Наличие таких нетолкуемых лексем, значение которых достаточно далеко от значения какого-либо примитива, в определенной степени размывает границу между привилегированной группой семантических примитивов и «обыкновенными» словами.

Из того, что данные лексемы *а* и *и* нельзя истолковать средствами естественного языка, не следует, что они являются некими «семантическими монолитами». Внутри них выделяются какие-то чрезвычайно мелкие элементы: в союзе *и* — нечто вроде «о том же самом», в союзе *а* — нечто вроде «о другом»⁴.

Существование таких мелких смысловых элементов внутри нетолкуемой лексемы, а именно — внутри примитива, было впер-

³ Благодарим за это замечание Ю. Д. Апресяна.

⁴ Этот элемент выделяется в *а* «поворота к новой теме», но не в *а* инициальном.

вые обнаружено Ю. Д. Апресяном, продемонстрировавшим, что в семантике примитива 'хотеть' выделяются компоненты, отличающие его от его ближайшего синонима 'желать'. Ю. Д. Апресян назвал такие мелкие элементы семантическими кварками, см. [Апресян 1995]. Союзы *а* и *и* еще раз убеждают в принципиальной членимости нетолкуемых лексем. Необходимость выделения кварков в значении нетолкуемых метатекстовых лексем *а* и *и* диктуется и задачей описания полисемии — в противном случае разные употребления одного многозначного слова придется признать никак не связанными друг с другом, между ними не удастся установить никаких семантических «мостов».

Тот факт, что данные лексемы союзов *и* и *а* нельзя истолковывать как обычные лексические единицы, не вызывает удивления. Союзы предназначены прежде всего для соединения предложений, а значит, для организации текста. Естественно ожидать, что у союза найдется какое-то употребление, в котором он представляет собой единицу с абстрактной функцией разметки текста. Текст, будучи в высшей степени сложным объектом, предполагает определенный тип организации (в частности, определенную структуру повествования), который, в свою очередь, связан с определенной «стратегией понимания», не ограничивающейся семантическим анализом предложений, входящих в текст. Одна из логически возможных абстрактных функций союза — разметка повествования, маркировка того или иного типа текста. Именно такую функцию и выполняют данные лексемы союзов *и* и *а*. При этом они настолько выхолощены, что оказываются нетолкуемыми.

Нам пока неизвестны никакие другие лексемы, описание которых требует обращения к области понимания текста. Тем не менее можно указать «ближайших соседей» метатекстовых употреблений союзов *и* и *а*. Это, во-первых, союз *а* в значении, представленном во фразах типа *Иванов в командировке, а Петров болен*. По существу, союз *а* указывает здесь на несовпадение тем, а также рем сочиненных предложений (см. об этом [Крейдлин, Падучева 1974а; 1974б]). Во-вторых, это некоторые лексемы местоимения *сам*; ср.: *Звезды тихо погасли в небе. Само небо посветлело и сузилось*. Слово *сам* указывает здесь на то, что темой высказывания становится объект, упомянутый в предыдущей фразе (подробно об этом см. [Урысон 1995]). Однако для описания семантики данной лексемы союза *а* и данной лексемы местоимения *сам* достаточно оперировать понятиями теморематической структуры высказывания. Что касается рассмотренных употреблений союзов *и* и *а*, то для их экспликации требуются принципиально новые понятия.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // *Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.* М., 1995.
- Вежицкая 1978 — *Вежицкая А.* Метатекст в тексте // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста.* М., 1978.
- Вежицкая 1996 — *Вежицкая А.* The semantics of logical concepts // *Московский лингвистический журнал.* М., 1996. Т. 2.
- Касаткин, Касаткина 2000 — *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Некоторые текстовые коннекторы в региональных и социальных разновидностях русского языка (*а, но, ну*) // *Русский язык сегодня. Вып. 1.* М., 2000.
- Крейдлин, Падучева 1974а — *Крейдлин Е. Г., Падучева Е. В.* Значение и синтаксические свойства союза *а* // *НТИ. Сер. 2.* 1974. № 9.
- Крейдлин, Падучева 1974б — *Крейдлин Е. Г., Падучева Е. В.* Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // *НТИ. Сер. 2.* 1974. № 10.
- Левин 1970 — *Левин Ю. И.* Об одной группе союзов русского языка // *Машинный перевод и прикладная лингвистика.* М., 1970. Вып. 13.
- Николаева 1997 — *Николаева Т. М.* Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // *Славянские сочинительные союзы.* М., 1997.
- Падучева 1997 — *Падучева Е. В.* Эгоцентрическая семантика союзов А и НО // *Славянские сочинительные союзы.* М., 1997.
- Санников 1982 — *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1982.
- Урысон 1995 — *Урысон Е. В.* Словарная статья местоимения САМ: проблемы описания лексической многозначности // *Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики.* М., 1995.
- Урысон 2000 — *Урысон Е. В.* Русский союз и частица И: структура значения // *ВЯ. 2000.* № 3.
- Урысон 2001 — *Урысон Е. В.* Союз *если* и семантические примитивы // *ВЯ. 2001.* № 4.
- Fougeron 1991 — *Fougeron I.* La conjonction adversative A en russe contemporaine et son rôle dans l'organisation du texte // *BSL. Vol. 86. Fasc 1.* 1991.

Б. С. Шварцкопф (1923–2001)

Борису Самойловичу Шварцкопфу не суждено было увидеть напечатанной эту статью. Он скончался 8 ноября 2001 г. Перу Б. С. Шварцкопфа принадлежит свыше 150 работ, основная часть которых посвящена проблемам культуры русской речи.

Участник Великой Отечественной войны, на фронтах которой он боролся вплоть до Дня победы, Борис Самойлович только в 1950 г. окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и поступил на работу в Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, где до конца своих дней трудился в секторе культуры речи. Борис Самойлович был не просто сотрудник этого сектора. Вместе с С. И. Ожеговым, который организовал сектор культуры русской речи и стал его первым руководителем, Б. С. Шварцкопф активно участвовал в становлении и развитии культуры речи как особой научной дисциплины. Принципиально важными для развития этой области лингвистики были его главы в программной для сектора книге «Актуальные проблемы культуры русской речи» (М., 1970) о теории нормы, о норме во фразеологии. Б. С. Шварцкопф одним из первых обратил внимание на важность изучения оценок речи самими носителями языка. Итог своих размышлений Б. С. Шварцкопф подвел в главе «Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи» в другой программной работе сектора, «Культура речи и эффективность общения» (М., 1996). Немало сделал Б. С. Шварцкопф и для исследования культуры речи в коммуникативном аспекте, определяющем основы правильного построения текстов. В центре его внимания был официально-деловой язык, которому посвящена специальная глава в той же книге, а позднее написан соответствующий раздел в учебном пособии для вузов «Культура русской речи» (М., 1998). В последние годы Б. С. Шварцкопф активно занимался проблемами русской пунктуации. Результатом исследований в этой области стала его книга «Современная русская пунктуация: система и ее функционирование» (М., 1988), на основе которой была защищена докторская диссертация. Эта книга сделала Б. С. Шварцкопфа ведущим специалистом в данном разделе правописания.

Борис Самойлович был обаятелен и артистичен. Общение с ним всегда доставляло удовольствие. Он прекрасно играл на фортепиано и охотно брал на себя музыкальное оформление праздничных концертов и капустников. Имя Бориса Самойловича Шварцкопфа надолго сохранится в памяти его многочисленных читателей и друзей, которым он всегда был открыт для самого широкого общения.

Е. Н. Ширяев

Б. С. ШВАРЦКОПФ

ОППОЗИЦИЯ «НАЧАЛО—КОНЕЦ» В ПУНКТУАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Тема сообщения: как работает оппозиция «начало—конец» в пунктуационной системе современного русского языка?

I. Русской письменной речи свойственна асимметрия пунктуационной фиксации начала и конца предложения (как основной синтаксической единицы приложения пунктуации). Это диктуется наличием специализированных конечных знаков препинания (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие «обрыва») — и, напротив, отсутствием специализированного знака для позиции начала предложения. И означает это наличие обязательного конечного знака после последнего слова предложения, а начало предложения фиксируется столь же обязательным — но не пунктуационным, а орфографическим — средством: прописным написанием первого слова предложения. Эти два разнородных графических средства фиксируют в письменном тексте левую и правую границы предложения [Щерба 1983, 128, 131], его графическую рамку.

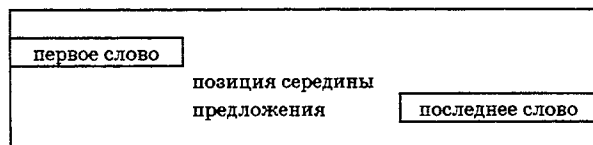
II. Как характеризуются в плане оппозиции «начало—конец» различные знаки препинания? Это становится ясным при их анализе как членов пунктуационной системы.

В основу представлений о системном устройстве пунктуации положены два дифференциальных признака пунктуационного знака: первый — функция пунктуационного знака, то есть присущий ему способ членения письменного текста (*разделение и выделение*); второй признак — позиция употребления знака в пространстве предложения (*начало — середина — конец*). А основная форма организации знаков препинания — их класс, образуемый комбинацией этих двух дифференциальных признаков. При этом от функции знака зависит позиция употребления последнего в предложении [Шварцкопф 1988].

Разделительные (одиночные) знаки препинания занимают одну — постоянную — позицию в предложении: класс разделительных конечных знаков фиксирует правую границу предложения, то есть занимает позицию конца — после последнего слова предложения (*точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие «обрыва»*), класс разделительных знаков се-

редины предложения обеспечивает внутреннее его членение, то есть членит пространство между первым и последним словами предложения (*запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, многоточие «перерыва»*).

Позиции одиночных знаков

позиция конца предложения

Следовательно, в плане оппозиции «начало–конец» эти два класса разделительных знаков характеризуются различно. Говорить об оппозиции «начало–конец» применительно к классу знаков середины предложения вообще не приходится, обе эти позиции — и начала, и конца — для знаков этого класса невозможны. Напротив, класс конечных разделительных знаков в плане оппозиции «начало–конец» характеризуется постоянной позицией конца предложения — при невозможности позиции начала, то есть повторяет общую для пунктуации закономерность.

В отличие от разделительных, выделительным (парным) знакам свойственна возможность употребления не в одной-единственной позиции, а в двух или во всех трех, поэтому позиция употребления парных знаков, как правило, не постоянная, а переменная (исключение — парное тире, употребляющееся исключительно в позиции середины предложения).

Позиции парных знаков

Начальная часть	Середина предложения	Конечная часть
включает первое слово предложения	не включает ни первого, ни последнего слова предложения	включает последнее слово предложения

Двум выделительным знакам присуща невозможность позиции начальной части предложения — это *скобки и парное тире*: они специализированы на выделении вставных конструкций, которые несут дополнительную информацию (информацию второго плана), всякого рода уточнения, замечания, примечания, комментарии... Такая информация относится к какому-либо элементу основной части предложения, то есть, как правило, к предшествующему вставной конструкции элементу; отсюда невозможность позиции начальной части предложения [Шапиро 1955, 306; Розенталь 1984, § 26. Б].

Два выделительных знака могут употребляться во всех трех позициях — это *парная запятая и кавычки*. (Эти знаки четко противопоставлены друг другу: кавычки — исключительно смысловой знак, не закрепленный за какой-либо синтаксической конструкцией, способный выделять любую синтаксическую структуру; парная запятая — самый грамматический из знаков, закрепленный за выделением обособлений, придаточных, вводных, обращений, тем самым несущий основную нагрузку внутреннего членения предложения.)

Кавычки и парная запятая резко различаются по характеру своего употребления. Кавычки, в какой бы позиции они ни стояли, всегда представлены в тексте обоими своими элементами, и открывающим, и закрывающим (подобно скобкам), тогда как для парной запятой различаются сильная и слабая позиции употребления. Сильная позиция для парной запятой — позиция середины предложения: парная запятая представлена здесь обоими своими элементами («Я, к сожалению, не укладываюсь в отведенные мне 15 минут»). Начальная и конечная части предложения — слабые позиции, в них парная запятая представлена только одним своим элементом («К сожалению, я не укладываюсь в отведенные мне 15 минут — Я не укладываюсь в отведенные мне 15 минут, к сожалению»).

Каким элементом парного знака — левым или правым — представлен последний в тексте? Это зависит от позиции знака. В конечной части второй элемент парной запятой оказывается в одном пробеле с конечным знаком препинания, и в таких условиях имеет место поглощение этого элемента конечным знаком (термин, введенный А. Б. Шапиро [Шапиро 1955, 89], обозначает процесс и результат взаимодействия двух знаков в одном пробеле, лишь один из которых налицо в контексте). В результате парный знак представлен в контексте своим левым элементом.

В начальной части предложения, в позиции фиксации левой границы предложения, перед его первым словом, происхо-

дит поглощение левого элемента парной запятой. Чем он поглощается? Если предложение находится внутри абзаца, то левый элемент парной запятой поглощается конечным знаком предшествующего предложения. Если же предложение представляет собой самостоятельный текст или стоит в начале абзаца, то говорить о поглощении левого элемента парной запятой конечным знаком не приходится; высказывалось предположение, что левый элемент поглощается прописной буквой — маркером левой границы предложения. Здесь существенно отметить, что причиной утраты элемента (левого или правого) парной запятой в контексте является то обстоятельство, что он оказывается вне пространства предложения.

В отличие от парных запятых, два других парных знака связаны с оппозицией «начало—конец» именно возможностью выступать одним из своих элементов вне пространства предложения. Таковы: кавычки, которые могут выделять начальную часть предложения — и тогда их левый элемент может употребляться в позиции перед первым словом предложения; кавычки и скобки, которые могут выделять конечную часть предложения — и тогда их правый элемент может употребляться в позиции после последнего слова предложения, в одном пробеле с конечным знаком и в сочетании с ним.

ЛИТЕРАТУРА

- Розенталь 1984 — *Розенталь Д. Э.* Справочник по пунктуации. М., 1984.
Шапиро 1955 — *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации. М., 1955.
Шварцкопф 1988 — *Шварцкопф Б. С.* Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.
Щерба 1983 — *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983.

Н. Д. АРУТЮНОВА

ВСЁ ПРО ВСЁ

(ПО ТЕКСТАМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Во многих отношениях Достоевский был первым нашим писателем, доверявшим интуиции языка больше, чем своей собственной, больше, чем установкам своей системы убеждений или же своей личной философии. И язык отплатил ему сторицей.

(И. Бродский. *Поклониться тени.* СПб., 2000. С. 110)

Увлекает тоже очень русского человека слово все: «я как и все», — «я с общим мнением согласен», — «все идем, ура!»

(Ф. М. Достоевский. Т. 26. С. 47)¹

1. ВСЁ — конец и бесконечность

Выступая на конференциях, докладчик обычно торопится: он хочет сказать *всё* и закончить свое выступление словами «*Вот и всё! Я кончил*», но вдруг он слышит: «*Всё! Ваше время кончилось*». Итак, *всё* может быть сигналом завершения события или знаком его прекращения. В первом случае реализовалось целостное событие, во втором оно было прервано, ибо *кончился* предназначенный для него *отрезок* времени. И там и тут *всё* ассоциируется с концом. Когда нет ни регламента, ни целостного речевого произведения, человек может *всё (время) говорить и говорить*, так и не сказав *всего*. Здесь *всё*, наоборот, сигнализирует о бесконечном процессе, отсутствии конца в обозримом времени. Выражение *всё время* в силу беспределности времени не может иметь прямого значения. Оно указывает на длительность процесса или

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99-04-00294а).

¹ В дальнейшем отсылки к текстам Достоевского будут даваться в круглых скобках с указанием тома и страницы по Полному собранию сочинений в 30 т. (Л., 1972–1990).

состояния и его незавершенность. Итак, *всё* может сигнализировать о конце-завершении, конце-обрыве и о бесконечности.

Ассоциация *всё-местоимений* с концом хорошо прослеживается в повседневных репликах и разного рода присказках. Приведем несколько примеров: *Сказка вся, больше сказывать нельзя*; вариант: *Песня вся, больше петь нельзя*; *Всё и вся, и обедня вся*; *Вот и вся недолга*. В позиции предиката *весь* означает «кончиться»: *Книги уже все (=кончились)*; *Мука вся (вся вышла, кончилась)*; — *Что Иван?* — *Да уж он весь* (т. е. скончался) (примеры из словаря Даля; статьи «ВСЁ» и «ВЕСЬ»). Ср. также: *Прославилась Наташа! И вся тут песня наша* (Пушкин. «Жених»). Местоимение *весь*, имеющее значение полноты охвата, в позиции предиката имплицитно подразумевает полное отсутствие (*деньги все = денег нет*), а его отрицательная форма, имеющая значение паритивности, может ставить акцент на частичное присутствие (*деньги еще не все*) или частичное отсутствие; ср. возможный диалог: — *У нас есть всё.* — *Нет, не всё, потому что молоко уже всё.*

Завершающие высказывание реплики *всё* или *и всё* (*вот и всё*; *вот и все дела*) наделены определенной иллокутивной силой. Они могут прерывать собеседника, прекращать разговор, указывать на нежелание говорящего или невозможность мотивировать решение (или суждение), на его окончательность: *Всё! Кончай!* *Не хочу, и всё! Не буду, и всё тут!* *Благоденный от него не хочу. Вот и всё* (Пушкин). Ср. также: *Самое любопытное, что это меня нисколько не ошеломило. Не ошеломило, и все дела* (В. Пьецух); *Русские ведь недолюбливают друг друга, безо всякой даже классовой подоплеки, а просто недолюбливают, и всё* (В. Пьецух). *Вот и всё* окончательности ставит точку, завершает разговор: *Не поеду, (вот) и всё (и точка)*. Оно может также относиться к оптимальному способу действия или решения вопроса. Игрок Достоевского говорит: *Да! стоит только хоть раз в жизни быть расчетливым и терпеливым и — вот и всё!* (5, 318). То же говорит и сам Достоевский (28, 2; 193, 194). *Вот и всё* в таком контексте редуцирует условия успеха к одному — главному, отстраняя всё лишнее: *вот и всё* значит «больше ничего не нужно». Квантор общности, таким образом, получает разные коннотации, но большинство из них связано с идеей конца.

Характерно, что даже *всё-наращения* тяготеют к концу. Можно *совсем кончить*, но не *совсем начать что-либо*.

Между тем основные значения квантора — «целое» и «совокупность (множество)» — в принципе несовместимы с семантикой «концов». Появление у *всё-слов* (так мы будем для краткости назы-

вать всю группу слов, объединенных вокруг местоимения *весь*, включая наречия и частицы) эсхатологических коннотаций вызвано взаимодействием количественного значения с идеей линейности (не обязательно *прямо-линейности*): целое или множество как бы растягивается, располагаясь на линии в пространстве или во времени. Исчерпанность количества (в широком смысле) является знаком конца. Чтобы еще убедительней показать связь *всё-слов* (особенно местоимения *всё*) с идеей конца, сошлемся на следующий эпизод, рассказанный Георгием Адамовичем. Когда поэта-футуриста по имени Василиск Гнедов просили прочитать его «Поэму конца», он опускал поднятый тяжелый кулак и мрачно говорил: «Всё!» (Т. Адамович. «Невозможность поэзии»). Ассоциация с концом побудила нас обратиться к анализу *всё-слов* в рамках темы о «конце» и «начале».

* * *

Местоимения всеобщности — *весь, вся, всё, все* — очень характерны для русского языка и своеобразны по своей семантике, многочисленным коннотациям, по своим синтаксическим функциям, коммуникативной значимости и отношению к частям речи. Они проливают свет на две вечные и важные темы: взаимодействие качественной и количественной семантики и проблему отрицания. Их специфика во многом обусловлена их синтаксической мобильностью.

Употребительность *всё-слов* в русском языке весьма велика. Согласно данным частотного словаря [Засорина 1977] общая частотность местоимения *весь* — 5102 на один миллион словоупотреблений, а наречной частицы *всё* — 4752 (для сравнения отметим, что частотность едва ли не самой популярной в русском языке частицы *же* — 4037). И *весь* и *всё* особенно часто встречаются в драматургии, то есть в дискурсе, ориентированном на устную речь: для *весь* показатель частотности — 2192, для *всё* — 1606 в драматургии и 1638 в газетных и журнальных текстах. Обобщающее *всё* характерно также для языка поэзии [Словарь 2001].

Наше исследование опирается в основном на тексты Достоевского — художественные, публицистические и эпистолярные. Его цель — с одной стороны, показать специфику *всё-слов* в русском языке, которая ярко проявляет себя в текстах Достоевского, а с другой — специфику языка и стиля Достоевского, в котором раскрывается дух русской речи. «Язык оказывается самым существом мышления писателя, стержнем его индивидуальности, т. е. наиболее ценного в искусстве, наконец, твердью под ногами» (П. Влаимов). Сходные мысли высказывал и сам Достоевский: «Мы можем не приме-

чать, что мы мыслим на каком-нибудь языке, но это так, и если не мыслим словами, то есть произнося слова, хотя бы мысленно, то всё же, так сказать, стихийной основной силой того языка, на котором предпочли мыслить, если возможно так выразиться» (23, 80); ср. также слова И. Бродского, вынесенные нами в эпиграф. В сущности, в этих словах выражена идея, содержащаяся в хорошо известной лингвистам теории лингвистической относительности Сепира–Уорфа, согласно которой человек неизбежно воспринимает реальный мир сквозь призму родного языка. Иначе говоря, реальность в значительной степени бессознательно воссоздается на основе концептуальной системы, закреплённой в языке той или другой этнической общности. Именно эта, креативная, функция естественного языка делает маловероятным вытеснение его языком искусственным, по крайней мере, как языка художественного творчества. Подробнее см. раздел «Гипотеза Сепира–Уорфа» в [Новое в лингвистике 1960].

Вся группа слов, объединённых вокруг местоимения *весь*, обладает в дискурсе Достоевского достаточно большой частотностью. Так, в «Преступлении и наказании» (т. 6) на 418 страницах зарегистрировано 2280 употреблений *всё*-слов, то есть более 5 на одной странице. Подсчёт сделан по [Concordance 1994]. В письмах Достоевского (29, 1), часть которых имеет официальный характер, на 362 страницах (в большинстве своем неполных) *всё*-слова встречаются 1400 раз, т. е. около четырех раз на странице. Однако в написанных непринужденным языком письмах жене частотность *всё*-слов увеличивается до 5,3. Так, на 50 страницах (29, 1; 320–370) насчитывается 270 *всё*-слов, причем есть страницы, на которых *всё*-слова употребляются от 7 до 15 раз (29, 1; 327, 333, 343, 353, 356, 360, 368 и др.). В полемическом тексте «Придирика к случаю» (ответ А. Градовскому) на 25 стр. (26, 149–173) *всё*-слова встречаются 150 раз, то есть 6 раз на 1 стр. В очень взволнованной речи князя Мышкина (8, 58–69) на 8 стр. *всё*-слова употреблены 81 раз, то есть 10 раз на 1 стр. На некоторых страницах частотность особенно велика. Так, на стр. 64 *всё*-слова встречаются 18 раз.

В итоге: чем более непринужденна и менее отредактирована речь, тем более заметно в ней присутствие *всё*-слов, употребление которых нередко эмоционально и семантически избыточно.

II. Единство местоименной парадигмы

В рамках системы местоимений *всё*-слова характеризуются по-разному.

В академической «Грамматике русского языка» (т. 1, 1952, 404) формы *весь*, *всё*, *вся*, *все* сведены в единую систему, исходной

точкой и представителем которой, согласно принятой конвенции, является форма муж. р. ед. ч. *весь*, значение которой определено как *собирательное*. А. А. Шахматов, имея в виду основную синтаксическую функцию *всё*-слов, относит их к *определятельным* местоимениям [Шахматов 1941, 498]. А. М. Пешковский, опираясь на их основное значение, — к разряду *совокупных*, которые он считает вторичными на том основании, что они допускают интерпретацию через указательные местоимения: *весь*, по Пешковскому, обозначает «и та часть, и та часть, и та часть и т. д., взятые вместе» [Пешковский 1938, 168]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС] *всё*-местоимения отнесены к *кванторным*, в рамках которых они входят в разряд *универсальных* местоимений.

Н. Ю. Шведова включает их в категорию местоимений *всеохватности*. Смыслу всеохватности она противопоставляет значение «сосредоточенности на одном», заключенное в местоимении *самый* [Шведова 1998, 16–17]. Подчеркивая способность местоимения *весь* к всеохватности и обобщению, Н. Ю. Шведова отмечает: «Местоимение *весь*, в отличие от всех других, способно означать вместе как живое, так и неживое, явление, ситуацию и всё к ней относящееся, т. е. именно и собственно всеохватность; ср.: *...всё кончено, всё пройдет, всё в прошлом, всё, что было* и др.» [там же, 17]. Речь идет, по-видимому, только о форме *всё*. Но и в этом случае тезис о всеохватности не следует понимать в том смысле, что в денотативное пространство местоимения *всё* могут одновременно входить объекты разной природы. Предикаты при субстантивном местоимении и имена нарицательные (описания) при атрибутивном ставят предел «разнобою». Так, маловероятно соединение конкретных объектов (живых и неживых) с фактами, отвлеченными категориями и с событиями. Даже форма *всё вместе* не объединяет *всё вместе*: ср.: *Людмила северной красой — всё вместе томной и живой; Господин и госпожа Шульц и дочка их, обедая с гостями, всё вместе, угощали и помогали кухарке служить* (примеры из Словаря Пушкина). В первом случае объединены только признаки, во втором — только действия. При необходимости охватить события и предметы используются разные местоимения: *Этак действуя, всё и всех упустил* (29, 1; 118), где *всё* отсылает к доходам и успеху журнала, *всех* — к писателям и подписчикам. Ср. также: *Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало* (6, 420); *Такой миллионер... готов был предать всех и всё* (23, 158); *Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя от всех и всего в эту минуту* (6, 90);

Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и на всё (Пушкин). Если в область действия обобщающего *всё* попадают имена с предметным и непредметным значением, они получают единообразное прочтение. Когда Достоевский пишет: *И квартира, и лавочка, и содержание — всё остановилось* (29, 1; 126), он подразумевает приостановку выплат по жизненно важным статьям расхода. Вместе с тем необычайная широта охвата, действительно, свойственна популярному в русской речи местоимению ср. рода ед. числа — *всё*, склонного *всё* объединять в общей, причем не структурированной «куче», в которую, однако, не могут попасть объекты, принадлежащие разным категориям. *Всё* скорее знак не эксплицитности речи, чем категориального смешения.

Теперь поставим вопрос: соответствует ли местоименная парадигма единой по своей семантике системе?

Проблема единства парадигмы *всё*-местоимений вызвана тем, что их основные значения — «совокупность объектов» и «полнота охвата объекта» — распределены, хотя и не вполне четко, между формами множественного и единственного числа.

Местоимения ед. ч. *весь, вся, всё* в атрибутивной позиции маркируют *целостность* объекта — конкретного или абстрактного: *весь дом, всё лето, весь роман, всё письмо (мысль, теория)*. Местоимение *всё* в субстантивной позиции стоит, как отмечалось, особняком. Оно способно объединять слабо охарактеризованные или подразумеваемые объекты в некоторую совокупность, в пределе равную вселенной: *всё — прах, всё — тлен, всё — суета, всё — мимолетность (сон), всё — хаос, всё — гармония* и т. п. *Всё*-обобщения характерны для языка поэзии: *Всё в мире — кружащийся танец и встречи трепещущих рук* (А. Блок); *Я скажу тебе с последней Прямотой: Всё лишь бредни — шерри-бренди, — Ангел мой* (О. Мандельштам); см. эти и другие примеры в «Словаре русской поэзии XX в.» [Словарь 2001].

Форма мн. ч. — *все* — в атрибутивной и субстантивной позициях выражает значение расчлененного *множества* или *класса*, состоящего из более или менее однородных объектов, обозначаемых эксплицитно или имплицитно общим именем, дескрипцией, которая может иметь конкретную и универсальную референцию: *все присутствующие, все сотрудники отдела, все жители города, все животные, все люди* [Падучева 1985, 95–96]. Анализируя референцию кванторных местоимений, М. А. Кронгауз приходит к выводу, что *всякий* маркирует интенциональный тип референции, а *все* и *каждый* — экстенциональный. Соответственно, различна методика истинностной оценки высказываний. В первом

случае истинность определяется соотношением интенционалов (смыслов) субъекта и предиката, во втором она устанавливается эмпирически относительно всех членов множества (экстенционала субъекта) и затруднена применительно к открытым классам (например, естественным родам) [Кронгауз 1984, 115, 123]. Следует оговорить, что общие суждения о конститутивных признаках естественных родов не нуждаются в «поштучной» (экстенциональной) верификации. Для исправления ошибки в классификации китов не понадобилось их поголовного обследования. Поэтому введение в такого рода суждения квантора общности избыточно (см. ниже).

Обычно местоимение *все* не используется тогда, когда объем множества сводится к двум членам — паре. Так, выражение *все супруги* не может быть отнесено к одной супружеской паре. Точно так же не назовут мужа и жену, отца и сына, мать и дочь *всей семьей*. Для обозначения «двойцы» служат слова *оба* и *пара*. Однако можно говорить обо *всех ногах* двуногих: *все ноги расшиб.* Местоимение в этом случае имеет значение не множества, а целого, полноты охвата; ср. также: *Все две недели (всю неделю) он просидел дома* (см. ниже).

Итак, парадигма, представляемая местоимением *весь*, семантически не едина. Множественное число в ней не соотносительно с единственным, но может с ним пересекаться. Так, метонимии типа *всё село*, *весь город*, а также имена совокупностей объектов (*вся семья*, *весь класс*) обозначают множества однородных сущностей.

Мысль о неединстве парадигмы с квантором общности была высказана А. А. Зализняком и Е. В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1974, 33]. Авторы подчеркивают, что утверждению об отсутствии мн. числа у местоимения *весь* не противоречат употребления типа *Извел все чернила*, *Все руки исцарапаны*, *Просидел дома все пять дней*. Во всех этих случаях *все* можно рассматривать как словоформу ед. числа четвертого рода, под которым имеется в виду род *pluralia tantum*. Форма *все* соотносительна не с местоимением *весь\вся\всё*, а с ед. числом местоимений *всякий*, *каждый*, *любой*, из которых она ближе всего по смыслу к первому из приведенного ряда.

Иной точки зрения на единство парадигмы придерживаются Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1997]. Опираясь на идеи Г. Банта, они отмечают существенные различия между логической и естественно-языковой квантификацией. В основе первой лежит отношение «элемент — множество», в основе второй — «часть — целое». Тем самым в рамках естественно-языковой

квантификации понятие множества заменяется понятием совокупности (*ensemble*) [Bunt 1985]. Если учитывать естественно-языковые особенности квантификации, то, по мнению Т. В. Бульгиной и А. Д. Шмелева, нет оснований говорить о распаде местоименной парадигмы, поскольку «выбор формы единственного или множественного числа местоимения определяется поверхностно-синтаксическими правилами» [Бульгина, Шмелев 1997, 197]. Действительно, различие между членами множества, предполагающими однородность, и частями целого, допускающими разнородность, в языке легко стирается; ср.: *все детали механизма, все вещи (всё имущество) Ивана, все внутренние органы, все канцелярские товары, все ископаемые* и т. п. Однако важнее другое.

Тезис о единстве местоименной парадигмы поддерживается тем, что значения всех ее членов имеют одну важную единящую их черту: и *весь* и *все* противопоставлены не нулю, а части: *не все* значит «некоторые» (неопределенное количество), а не «никто» или «ничто», *не весь* редуцирует объект к неопределенной части, а не к нулю. Местоименная парадигма не следует принципу «всё или ничего»; ср.: «Пусть мы не всё, зато всё-таки *нечто*», — говорит у Достоевского чиновник (27, 29; выделено автором). Отрицание при *всё*-местоимениях придает им значение *партиитивно-сти*, а соответствующее суждение выражает *частичную* истинность предиката относительно денотата или денотатов, обозначенных местоимением.

Употребление квантора общности опирается на пресуппозицию возможной не всеохватности, не полноты, не целостности субъекта как носителя предикатного признака. Иначе говоря, перспектива его распада задана квантором. Присутствие квантора заведомо лишает высказывание статуса общих суждений о константных признаках естественных родов, то есть суждений, не допускающих частичной истинности. Включение в такого рода суждения квантора общности, имеющее своей целью исключить исключения, имплицитно предполагает возможность исключений. Чтобы избежать «кванторного соблазна», язык пользуется для выражения общего суждения о естественных родах формой ед. числа: *Человек смертен; Кит млекопитающее животное*. Это позволяет прямо соотнести общеутвердительное высказывание с общеотрицательным, минуя частичное отрицание: *Человек смертен — Человек не смертен*. Введение квантора в логические формулы общих суждений стирает, с точки зрения грамматики естественного языка, различие между суждениями об ингерентных признаках класса и суждениями о случайных (контингентных) свойствах и состояниях,

допускающих частичную истинность предиката, типа: *Все люди добры / Неверно, что все люди добры = Не все люди добры*. В последнем предложении квантор общности может быть приравнен к квантору существования: *Среди людей есть добрые и есть недобрые, Существуют добрые люди, но существуют также недобрые*.

В любом случае очевидно, что присутствие квантора общности не обобщает, а разобщает, представляя субъект суждения не как единый класс, а как совокупность индивидов, потенциально обладающих разными признаками. Поэтому в естественном языке квантор общности не употребляется в общих суждениях о естественных родах. Странно было бы сказать: *Все киты млекопитающие; Все мухи смертны; Все ели являются хвойными деревьями, а все березы — лиственными; Все розы — цветы, а все огурцы — овощи*. Квантор может вводиться в такие суждения только в случае эмпазы, иронии или в каком-либо ином специфическом контексте. Например, ребенок может спросить: *Правда, что все-все люди смертны, и я тоже умру?* В метаязык лингвистов употребление формул типа *Все люди смертны*, по-видимому, вошло под влиянием языка логики.

Перед тем как перейти к рассмотрению отрицательных предложений с квантором общности, обратим еще раз внимание на необходимость различать *частное* отрицание (*Пришел не Петя*) и *частичное* отрицание (*Не все пришли*). Первое соотносится с предложениями, выражающими отношения идентификации (*Пришел Петя = Тот, кто пришел, есть Петя*). Оно обычно употребляется в ситуации возражения или поправки и требует контраста, восстанавливающего истину (*Пришел не Петя, а Ваня*). Частное отрицание конкретно. Второе, как отмечалось, обычно служит ответом на вопрос, опирается на пресуппозицию не всеохватности и разделяет субъект (целое) на не специфицированные части, относительно которых истинностная оценка предиката дает разные результаты.

В заключение этого раздела мы хотим подчеркнуть, что принципы изучения отрицания в логике и лингвистике существенно различны. Для логики важны условия истинности суждений и правила логического вывода. Для их определения не столь существенно различать утверждения о классе и суждения о множестве. С точки зрения логики утвердительное предложение может взаимодействовать с рядом отрицательных форм. Для лингвиста важны правила грамматического и семантического соотношения утвердительных и отрицательных предложений, входящих в одну парадигму. С точки зрения лингвиста, каждое утвердительное предложение имеет одного отрицательного партнера, причем ком-

муникативное варьирование первого, выявляемое соотношением диалогических реплик, отражается на выборе отрицательной формы. Это хорошо показано И. М. Богуславским [Богуславский 1985, 24–38]; см. также: [Крылов 1984, 145–146]. Следует заметить, что в приводимой И. М. Богуславским паре *Мешок вѣсит 50 кг — Мешок не вѣсит 50 кг* с точки зрения последовательности предложений в дискурсе исходным является отрицательное высказывание, поскольку в нем ударение на глаголе соответствует норме. Неотрицательное же предложение эмфатично и является возражением. В нем ударение контрастивно и смещено с количественного значения на глагол. Правильная последовательность утверждения и отрицания восстанавливается, если соотносить не два повествовательных предложения, а вопрос и ответ: *Мешок вѣсит 50 кг? — Нет, не вѣсит*. В обоих случаях ударение падает на глагол. Именно в вопросе недвусмысленно выделяется рема и тем самым фиксируется место отрицания в ответной реплике. Семантические оттенки, выявляемые вопросо-ответными парами, отмечены в указанной работе И. М. Богуславского [Богуславский 1985, 29].

Приведенные примеры демонстрируют отличие огласовки предложений, входящих в повествовательный текст, от интонационного рисунка и последовательности высказываний, взаимодействующих в диалоге; см об этом статью С. В. Кодзасова в наст. сб. В нейтральном повествовательном (общеутвердительном) предложении акцент и падение тона в реме выполняют завершающую функцию, объединяя состав сказуемого, содержащего набор коммуникативно значимой информации: *Петя приехал вчера из Кры\ма*. В вопросе сильный акцент совместно с восходящим тоном сконцентрирован на ядре сказуемого — глаголе: *Петя прие\хал вчера из Крыма?* Акцент может быть перенесен на другие компоненты предложения: *Разве Петя приехал из Кры\ма?* В норме диалог оперирует собственно ремой, которую стремится сузить, повествование — сказуемым (точнее, составом сказуемого), которое допускает расширение. Отрицательные высказывания, как и вопрос, тяготеют к диалогическому тексту. В них отрицание отделяет коммуникативный фокус (рему) от второстепенных смыслов и может менять свое место: *Петя не прие\хал (из Крыма)*, *Петя приехал не из Кры\ма*. Особенность предложений с квантором общности (по-видимому, также с другими кванторными словами и количественными определениями) состоит в том, что отрицание и вопрос избегают «блуждания» коммуникативного фокуса: он сосредоточивается на кванторе, который в повествовательном предложении часто остается в тени: *Санаторий закры\лся. Отдых*

детей зако\нчился. Все дети развехались по дома\м. Но вдруг возникает вопрос или возражение, преобразующие повествование в диалог, и коммуникативный статус квантора становится очевиден: *Все дети вернулись домой? Мне говорили, что не все.* Квантор — это вторжение ремы в состав темы (прежде всего подлежащего), которая стремится при всяком удобном случае ввести его в свет. О возможных нарушениях этого правила см. ниже.

III. Все или не все — вот в чем вопрос: проблема отрицания

Принятые в логике формулы отрицания «Неверно (ложно), что весь дом сгорел (всё лицо покраснело, он прочел всю книгу, все пришли на собрание)» на естественном русском языке в норме прочитываются как: *Не весь дом сгорел, Не всё лицо покраснело, Он прочел не всю книгу, Не все пришли на собрание.* Такого рода отрицательные предложения имплицитно несут некоторую позитивную информацию, вытекающую из семантики квантора: *Он прочитал не всю книгу = Он прочитал часть книги.* Обычно речь идет о большей части книги. Местоимение *весь* указывает на приближение к финалу: *прочитать не всю книгу* значит «прочитать книгу не до конца, не кончить книги». Однако в ситуации возражения частичность может быть сведена к малой толике: *Он обвезал далеко не весь город; Отнюдь (вовсе, совсем) не всё лицо ее покраснело, а только нос.* Частичному отрицанию сопутствует градуирование.

Если предикат несет на себе сильный акцент (например, в контексте возражения), то возможно приглагольное отрицание.

Такая ситуация возникает тогда, когда стимулирующая реплика не первична, и квантор несет в ней сильный акцент: *Дом сгорел ве\сь, а не только верхние этажи. — Нет, ве\сь дом все-таки не сгоре\л, огонь не тронул подвалы.* Ср. также известные пушкинские строки: *Нет, ве\сь я не умру\.* *Душа/ в заветной лире Мой прах переживе\т И тленья убежи\т;* В этих строках как бы задействованы две значимые оппозиции: целое — часть и отрицательный — утвердительный предикаты. Поэтому здесь ударны и кванторное местоимение, и глаголы. Развитие в языках отрицательных конструкций и мобильность отрицания часто бывают вызваны контекстом возражения — явного или имплицитного. Не случайно пушкинские строки начинаются с *нет*.

Когда местоимение *весь* является частью дополнения, то есть входит в состав сказуемого, отрицание может занимать место пе-

ред предикатом. В этом случае акцент ставится на глаголе; ср.: *Он прочитал еще не всю\ книгу* и *Он еще не прочита\л всей книги*. Если сказуемое расщепляется и дополнение выносится на первое место, ударение падает на местоимение. Таким образом, когда местоимение *весь* стоит в зависимой от глагола позиции, то возможны четыре формы отрицания, различающиеся интонационно: *Он прочитал еще не всю/ книгу*; *Кни/гу он прочитал еще не всю*; *Он не прочита\л еще все\й книги*; *Все/\й книги он еще не прочита\л*. В первой паре предложений фразовое ударение падает на квантор, во второй — на глагол. Семантика частичности во всех случаях сохраняется.

Если кванторное местоимение стоит при субъекте со значением конкретного множества, отрицание также может ставиться перед глаголом, но семантика частичности в этом случае утрачивается: *Все трое не выдержали экзамена. Все эти дети не умели даже читать*. Референция в подобных контекстах обычно поддержана анафорой. В норме «нулевое множество» обозначается отрицательным местоимением: *никто из них, ни один из этих детей, ни один ребенок*. Заметим попутно, что такая форма общего отрицания не используется в утверждениях о естественных родах: *?Никто из людей (ни один человек) не смертен*. Общее отрицание анализируемого типа совмещает отрицание признака (предиката) с отрицанием бытия его носителя (субъекта), отрицание количества — с отрицанием качества: нулевому субъекту приписывается нулевой предикат: *Никто не ответил на вопрос*. Удвоение отрицания как бы совмещает утверждение об отсутствии носителей данного признака с утверждением об отсутствии признака у отсутствующих носителей. Отрицание в отрицательных местоимениях прочитывается как отрицание бытия предмета, характеризуемого предикатным признаком; ср. возможную перифразу: *Среди них не было никого, кто бы ответил на вопрос*.

В заключение мы хотим еще раз сформулировать основной парадокс квантора общности. Будучи именно кванторным словом, он не может (за исключением специфических случаев) занимать позиции автономного предиката: **Шалуны — все*; **Сдавшие экзамен — все*. Вместе с тем, входя в состав дескрипций, *все*-местоимения регулярно их «расщепляют», получая в их составе релятивную функцию и притягивая к себе отрицание. Это с очевидностью показывают не только отрицательные, но и вопросительные формы соответствующих высказываний, а также ответы на вопрос. Парадокс квантора проистекает из более общей особенности устройства языка. В норме количественные значения

тяготеют к позиции субъекта и других актантов, а также к позиции имени в бытийных предложениях, тогда как качественные значения обслуживают предикацию. Не случайно в русском языке числительные лишены собственно предикатных форм и не могут употребляться при именительном (а иногда и родительном) падеже субъекта: **Они были два; *Их было два; *Людей было десять (десятеро)* и т. д. Предикатная позиция недолюбливает количественные значения. Между тем в информационном пространстве сообщений количество играет всё большую роль, в ряде случаев даже большую, чем сообщения о качестве. Не случайно в хрониках неопределенный субъект, имеющий при себе показатель количества, обычно выносится на первое место: *Два человека было ранено и один убит при взрыве бомбы в автомашине*. Таким образом, существует некоторая асимметрия в организации информационного пространства текста и семантической структуры языка. Ее обычно снимает действие механизмов актуального членения высказывания.

IV. Специфика сочетаемости квантора общности

Теперь рассмотрим некоторые особенности синтаксического поведения *всё*-слов, чреватые социо-прагматическими следствиями.

Прежде всего обратим внимание на одну важную черту их синтаксиса: выступая в атрибутивной позиции, *всё*-слова могут сочетаться с личными местоимениями в единственном и множественном числе, с указательным местоимением *это*, а также с собственными (в их числе личными) именами: *весь я, весь ты, весь он, вся она, все мы, все вы, все они, всё это*. Например: *И всё это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы за границей, одна фантазия* (8, 509); *Мне кажется, я весь выскажусь в этом романе* (29, 1; 24); *Не имею дара выразить себя всего* (28, 2; 189); *Если я чем занимаюсь, то есть пишу, то я кладу в это всего себя* (30, 1; 220); *Всю тебя вспомнил до последней складочки твоей души и твоего сердца* (28, 2; 184; выделено автором); *Работа же отвлекала меня всего* (29, 1; 8); *Я весь разбит и раздражен, весь в расстройстве* (29, 1; 195); *Да и весь-то Стелловский и все мои дела не стоят того* (29, 1; 194); *Он весь — дитя добра и света, Он весь — свободы торжество!* (Блок). Это свойство присуще только двум местоимениям — *весь* и *сам*, а также некоторым числительным: *Я весь был взволнован; Я сам сделал это; Я первый (один) это заметил*. Выступая в функции атрибута местоимений, указанные сло-

ва могут стоять к ним в пре- и постпозиции, варьируя коммуникативную выделенность, причем положение в препозиции более значимо, так как оно легче вводит местоимение в оппозитивные отношения.

К сказанному следует добавить, что *всё*-слова могут также предварять заменяющие дескрипцию придаточные: *Делай всё, что хочешь; Приходите все, кто хочет; Я сделаю всё то, что в моих силах.*

Касаясь синтаксических отличий местоимений от существительных, В. В. Виноградов писал: «Так, в противоположность именам существительным, местоимения не могут быть определены впереди стоящими прилагательными (кроме *весь* в сочетании с *мы* и *вы* и *один* в сочетании с *я*, *ты*, *мы*, *вы*). И ниже: «В общем разговорном и книжном языке личные местоимения могут иметь позади себя в качестве непосредственно примыкающих, не „обособленных“ определений единичные местоименные прилагательные *один*, *сам*, *весь* и *первый*» [Виноградов 1947, 333]. Характеризуя атрибутивную функцию местоимения *весь*, А. А. Шахматов также отмечает, что «в соединении с названиями единичного лица *весь* употребляется атрибутивно-предикативно (ставится за определяемым словом и по возможности примыкает к сказуемому)» [Шахматов 1941, 298; разрядка автора].

Таким образом, оба автора — А. А. Шахматов и В. В. Виноградов — отметили стремление *всё*-слов занять промежуточное между составами предложения положение. *Всё*-слова в таком употреблении как бы соединяют количественную характеристику субъекта с его качественной характеристикой, заключенной в предикате. *Всё*-слова (точно так же, как *сам* и некоторые числительные) легко отделяются от личных местоимений. Их может разъединять даже предлог: *для них для всех, про нас про всех, пишите обо всех о вас* и т. п. ср.: *Литературный язык ваш лучше, чем у них у всех* (29, 1; 125). Местоимение *весь* может далеко отстоять от определяемого и употребляться при его эллипсисе: *Не могу работать, потому что весь разбит; Если я прихожу, то уж вся прихожу* (5, 289; выделено автором); *Я как будто переродился весь нравственно* (29, 1, 199); ср. также *весь* в преддверии подписи: *Весь Ваш — Иванов*. В таком контексте местоимение *весь* устремляется из состава подлежащего в состав сказуемого. Какое же семантическое изменение сопутствует движению *всё*-слов в сторону предиката? В словаре Д. Н. Ушакова отмечено, что *весь* в таких предложениях, как *Я весь измучился; Лицо всё в крови, «входит по смыслу в состав сказуемого»* и имеет значение «совер-

шенно, целиком». Иными словами, местоимение усиливает семантику сказуемого, «переводя количество в качество»: *весь* эквивалентно «очень, совсем». Показатель количества получает значение меры качества. Такое развитие возможно благодаря устремленности *всё*-слов к концу, пределу.

Интенсифицирующая функция может сопутствовать также значению счетной множественности. Интенсификация в этом случае связана с расширением или снятием границ денотации. Таким образом, и в значении целостности, и в значении множества заложена идея интенсификации и градуирования.

Итак, мы обратили внимание на две между собой связанные особенности *всё*-слов: их устремленность в сторону предиката и их способность выполнять интенсифицирующую функцию. Этим их свойствам будут посвящены специальные разделы, а пока обратимся к функционированию *всё*-слов в социальном контексте.

V. Все в социальном контексте

1

Сочетаемость квантора общности с личными местоимениями мн. числа имеет особые коннотации. Она вводит их в социальный контекст: *все мы* обычно используется говорящим для обозначения некоторого сообщества, к которому он себя причисляет и которое часто противостоит другому объединению: *все мы* — *все они*, *все вы*. Ср. у Достоевского о Балканской войне: «Мы одни, а они-то *все*» (29, 1; 146; выделено автором). В аналогичном значении употребляются притяжательные формы *наши* — *ваши*. Так, Петр Верховенский называл членов своей подпольной группы *наши*; см. главу «У наших» (10, 300). *Наших* объединяет идеология, *своих* — семья или род. В других языках, например английском, эта функция не столь ярко выражена; ср.: *все мы* и *all of us*, в котором идея исчерпанности в счете преобладает над семантикой объединения, *все* — над *мы*.

Очевидно, что в самой системе личных местоимений, наиболее прагматически зависимой части речи, уже заложена идея межличностных и социальных отношений, чреватых ладом и разладом, согласием и разногласием, единением и разъединением.

Все мы и *все они* противостоят не только друг другу, но также индивиду — *Я*. *Я* то объединяется с другими, то противопоставляет себя *всем*. Человек из подполья Достоевского говорит о себе: «Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно то, что на

меня никто не похож и я ни на кого не похож. „Я-то один, а они-то все“, — думал я и — задумывался» (5, 125; выделено автором); ср. также у М. Цветаевой: *Под свист глупца и мещанина смех — Одна из всех — за всех — противу всех!* Но и все часто склонны отстранять от себя индивида; ср. воображаемый разговор *всех* с человеком из подполья: «Говорите... про себя одного и про ваши мизеры в подполье, а не смейте говорить: „все мы“» (5, 178; выделено автором). На это подпольный парадоксалист отвечает: «Позвольте, господа, ведь не оправдываюсь же я этим *всемством*» (там же; выделено автором). Принадлежность к *всемству* может служить не только оправданию, но и обвинению.

Напомним диалог Васисуалия Лоханкина с Никитой Пряхиным: — *Я не виноват, — запищал Лоханкин. ... — Все не виноваты, — бормотал Никита Пряхин. ... — Я же ничего такого не сделал. — Все ничего такого не сделали. — У меня душевная депрессия. — У всех душевная. — Вы не смеете меня трогать. Я малокровный. — Все, все малокровные. — У меня жена ушла. — У всех жена ушла* (И. Ильф, Е. Петров); см. об этом [Арутюнова 1998, 824–825]. В приведенном диалоге утверждение принципа «как все» ведет не к включению во «всемство», а к исключению из него. Снимая противопоставление по одним признакам, оппонент Лоханкина его создает по другим. Индивид может противопоставлять себя *всем*. Иногда, напротив, он хочет быть *как все*, но *все* его исключают из своего «всемства». В приведенном тексте отрицание стоит перед предикатом и не имеет значения частичности, что объясняется цитацией слов собеседника. Итак, *все мы* противостоят, с одной стороны, индивиду — я (*ты, он, она*), а с другой — *всем другим (все мы — все они, все вы)*. Наряду с формулами всеобщего единения и солидарности (*Один за всех и все за одного; Я как все; Я со всеми*) существуют и формулы отмежевания и противостояния: *Я (он) один против всех; Все против одного; Все (набросились) на одного, Я не как все; Я не такой, как все; Он не такой, как все мы* и т. д. Ср. также употребление местоимения *все* в лозунгах и призывах типа *Все на выборы! Все на уборку урожая!* В них местоимение *все*, занимая место субъекта, выражает апелляцию к адресату. Не случайно в такого рода призывах опускается глагол, форма которого ограничила бы роль местоимения субъектной функцией. Апелляция к адресату особенно заметна тогда, когда местоимение предваряет воззвания, листовки и циркуляры: *Всем, всем, всем!* Дательный падеж адресата здесь эквивалентен обращению; ср. разговорное обращение: *Слушайте все! Все сюда! Пошли вон все!*

Итак, квантор общности может служить знаком не только общности, но также разобщения. Обе эти тенденции характерны для русского менталитета. Поэтому русское общество любит квантор общности.

2

Значения единения и разъединения проявляются также в употреблении *всё*-частиц. Причем в этом случае они имеют известные синтаксические следствия. Составные частицы — *всё-таки*, *всё же*, а также выражения *всё так*, *но...*, *при всём том...*, как известно, придают сочинительным отношениям значение противительности. Они служат знаком того, что соотносительное предложение следует интерпретировать в уступительном смысле: *Я устал, но всё-таки кончу статью* = *Я кончу статью, хотя и устал (несмотря на усталость)*. Приведем несколько примеров из писем Достоевского: *Работаю изо всех сил, но всё же не знаю, когда кончу (книгу); Пиши хоть по одной страничке..., а всё-таки присылай почаще. Всё-таки я буду покойнее; Но всё-таки эти немцы народ деликатный и ласковый, если не выведут из терпения, конечно*. Составные *всё*-частицы, как и большинство дискурсивных слов, имплицитно указывают на наличие другой ситуации, соотносительной с данной; см. об этом [Николаева 1985, 70 и сл.]. В нашем случае соотносительная ситуация получает уступительное значение: она отступает перед настойчивостью *всё*-частиц, которые несут на себе сильный акцент.

Таким образом, социальное или иное жизненное противостояние оборачивается в тексте логико-синтаксической оппозицией.

VI. Между субъектом и предикатом: *все* и *всё*

Выше мы уже обращали внимание на то, что, благодаря своему участию в актуальной организации высказывания, местоимение *весь* обладает своего рода «бродячим» синтаксисом, то есть практически не имеет позиционных ограничений и не связано прочными узами с определяемым. По мере продвижения местоимения к концу высказывания обычно возрастает падающий на него ретиматический акцент; ср.: *Мы все приехали и Приехали мы \ все*.

Движение местоимения в сторону предиката может, однако, также ослаблять его позиции, постепенно преобразуя *все* во *всё*, кванторное слово в наречную частицу. Истоки этого процесса мы склонны видеть в характерном для русского языка сведении множественности к некоему беспорядочному единству: *все* к *всё*. Еще

в XIX в. местоимение *всё* употреблялось в функции субъекта действия даже применительно к совокупностям людей («толпе»): *Всё хлопает. Онегин входит. Идет меж кресел по ногам* (Пушкин); *Борис, Борис! Всё пред тобой трепещет. Никто тебе не смеет и напомнить о жребии несчастного младенца* (Пушкин); *Всё преклонилось с любовью* (10, 199); *Всё себя тогда почувствует и познает навечно* (20, 175); *Под арками кишела толпа людей. ...Всё это покупало и запасалось на праздники* (19, 75; выделено нами. — Н. А.). Вот как рассказывает Достоевский об эффекте, произведенном на аудиторию его Пушкинской речью: «Порядок заседания был нарушен: *всё ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — всё это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга*» (30, 1; 184; выделено нами. — Н. А.). В этом примере хорошо видна разница между *всё* и *все* по степени замкнутости множества, которая в современном языке применительно к одушевленному субъекту стерлась. Заметна также синтаксическая специфика *всё* и *все* одушевленности: «одушевленное *всё*» не сочетается с дескрипциями; оно может определять только указательное *это*: *верить во всё хорошее* говорит об оптимизме, но не о вере в добрую природу человека.

Позиция местоимения *всё* в значении совокупности людей сохраняется в случае перехода функции обобщения от состава субъекта к составу именного предиката. В одном из писем Достоевский пишет: *Есть много старых, уже седых либералов. ...Всё это люди отвлеченные*. И немного ниже: *Это всё люди отвлеченные* (30, 1; 8). В этом втором варианте *всё* уже устремилось к предикату; ср.: *Все они — люди отвлеченные* и *Это — всё люди отвлеченные*; ср. также: *Знакомые, всё дачники, сходятся оглядывать друг друга* (8, 286), где *всё дачники* = *все они — дачники*. Вот еще пример перехода *все* во *всё*: *Все эти русские, с Черняевым во главе, — всё это лишь русские социалисты, коммунисты и коммунары* (23, 108). В предложениях с *всё* обобщение предметов по дескриптивному признаку не является предустановленным; ср.: *Вот до нее все и вся Россия были дураки, а вот теперь явились всё умники* (23, 142). Точнее было бы сказать: *теперь являются всё умники*. Итог заменяется процессом: по мере ознакомления с реальностью некий признак последовательно обнаруживает себя во всех (а иногда и не всех) предметах; ср.: *Все кошки здесь серые и Кошки здесь всё серые; Кошки здесь всё больше серые*. Вместе с процессом характеристики в предложение входит идея времени:

«куча» растягивается в линию. Статика сменяется динамикой, окончательность суждения — открытостью, кванторное значение — темпоральным, значение совокупности — значением ряда или строя. Ср. некоторую аналогию в употреблении *всё* применительно к множеству и к процессу: *Русских ужасно мало, всё незнакомые. Последние три дня всё дождь* (30, 1; 114; выделено нами. — Н. А.). В обоих случаях *всё* примыкает к предикату.

В дискурсе Достоевского хорошо прослеживаются колебания в употреблении *все* и *всё*. Приведем несколько примеров преимущественно из писем Достоевского из Эмса: *Здесь ... хоть русских много и нашел даже знакомых, но всё — не те* (29, 2; 110). Формулы *всё — не те*, *все — не те*, *все — не то*, *всё — не то* практически эквивалентны, поскольку дейксис в обоих случаях (*не те* и *не то*) отсылает к признаку. Наименее естественным является сочетание *все — не те*, где *те* может иметь конкретную референцию. Ср. также: *В саду публики множество, всё нахалы и франты и множество хорошеньких дам всех национальностей* (29, 2; 33); *В Листе ... есть имена 15 русских (всё русские иностранцы)* (29, 2; 32); *Русские есть, но все совершенно мне неизвестные, и наполовину всё русские иностранцы и русские купцы* (29, 2; 35; выделено нами. — Н. А.). В этом примере видна свобода чередования *все* и *всё*, причем *всё* употреблено применительно не ко всем, а лишь к половине множества. Приведем еще несколько характерных примеров: *Какие здесь всё трусишки насчет своего собственного мнения* (6, 356); *Какие всё тут невежи, что они не умеют отличить истинных достоинств* (6, 370); *Ну а вещи, какие-то всё запонки, да цепочки — я все эти вещи на чужом одном дворе ... схоронил* (6, 317; выделено нами. — Н. А.); *Народу много, но всё Бог знает кто* (29, 2; 36); *Русских в Дрездене такая куча, как англичан. Всё дрянь народ* (29, 1; 147). В последнем предложении *всё* прямо соотнесено с *кучей*. Приведем еще примеры: *Вот уже три месяца, как я получаю отовсюду очень много писем, подписанных и анонимных, — всё сочувственные* (29, 2; 79); ср.: *(письма) — всё сочувственные, и все письма — сочувственные*; ср. также параллельное употребление *всё* и *все*: *Русские, хоть и есть, но еще не так много, и все, как и прежде, незнакомые* (29, 2; 43; выделено нами. — Н. А.); *Русских приехало довольно, но все aus Reval, aus Livland, какие-то Шторхи, Борхи, а из русских имен — Пашковы, Панчулидзеви и проч. Всё незнакомые* (29, 2; 47; выделено нами. — Н. А.). Войдя в состав предиката, *всё*, в отличие от *все*, не может сочетаться с краткой формой прилагательного; ср.: *Русских множество — все незнакомы* (29,

2; 53; выделено нами. — Н.А.); *Дамы все стараются блистать костюмами, хотя всё, должно быть, дрянь страшная* (29, 1; 240). В последнем предложении остается не вполне ясным, относится ли *всё* к обличию или облачению дам. Разделение функций *все* и *всё* видно уже по тому, что они могут не только сопричастствовать в высказывании, но и стоять в непосредственной близости: *И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети* (22, 16–17).

Приведенные примеры показывают, что обобщающее *всё* легко сочетается с формой мн. ч. существительного (*всё иностранцы, всё франты и нахалы*). Это говорит о том, что *всё* утратило субъектную позицию и вошло в состав сказуемого, то есть соединилось с непредметным значением, став наречием или наречной частицей. При этом обобщающая функция наречной частицы ослабла: *всё* может охватывать не всё множество; ср.: *Все — незнакомые и Всё больше незнакомые* (см. примеры выше). Можно сказать *все без исключения незнакомые*, но не *всё без исключения незнакомые*. *Всё* обобщает «вообще» и «в общем», за что его полюбило наше общество.

В предложении *Там тихо и дома все барские, красивые* (29, 1; 296) имеются в виду все дома, а во фразе *Дома там всё барские* речь могла бы идти лишь о тех домах, которые попали в поле зрения говорящего. Таким образом, *все* и *всё* в приведенных контекстах не изофункциональны. *Всё* не значит «все». Поэтому если подчеркивается всеохватность или важность характеристики, то и в составе сказуемого сохраняется форма *все*: *Посмотрите на всех наших специалистов (даже профессоров университета), чем они страдают и чем вредят званию? Тем, что у нас большинство наших специалистов — все люди глубоко необразованные. ... А большинство студентов и студенток — это все безо всякого образования* (29, 2; 144; выделено автором). Этот пример интересен тем, что в нем *все* отнесено не ко *всем* и вместе с тем не заменено на *всё*. Это позволяет сохранить его выделенность, ударность.

Фразы с обобщающим *всё*, в отличие от аналогов с местоимением *все*, обычно отражают актуальный опыт и могут получать оттенок темпоральности (движения во времени); ср.: *На улице встречались всё незнакомые лица; В лесу всё сосна да сосна*. Поэтому переход от *все* к *всё* блокирован в общих суждениях о классе объектов: *Все люди смертны*.

Заметим, что сходный процесс движения кванторного слова в сторону предиката можно наблюдать и в других языках; ср. нем. *Alle Gäste waren Deutsche, Alles waren Deutsche* и *Es waren alles Deutsche*.

В заключение подчеркнем, что переход квантора общности в состав предиката ослабил его рематические склонности: *всё* перешло в зависимую от предикатного слова позицию адвербиальной частицы, тяготеющей к выражению ограничительного значения: *В лесу попадались всё только одни лисички*. О функциях *всё*-частиц см.: [Шимчук, Щур 1999, 45–48].

* * *

Рассмотренное нами «смещенное обобщение» непосредственно сближается с употреблением частицы *всё* при разных других (не именных) типах предиката. Их близость видна в следующем предложении: *Затем вагон полетел. Товарищи — всё немцы, народ превежливый и преласковый, всё купцы, всё об деньгах и о процентах* (29, 2; 90; выделено нами. — Н.А.). Если в сочетаниях *всё немцы, всё купцы* допустима замена *всё* на *все*, то в форме *всё о деньгах* она менее естественна: *всё о деньгах* = *всё говорят о деньгах*, а не *все говорят о деньгах*. Иными словами, *всё* очевидно относится не к субъекту, а к предикату. Приведем пример как бы синтетического употребления *всё*: *Помогши раз, ... поможет и другой, поможет и зимой, беда в том, что всё будет мало* (28, 2; 198). *Всё* соединяет значение времени («всегда, всякий раз») и величины помощи («всего этого будет мало»).

Итак, мы подошли к весьма частотному употреблению *всё* и *всё еще* в составе предиката, в котором эти адвербиальные частицы присоединяются к нереперентным словам — глаголам, прилагательным и наречиям, давая им очевидную темпоральную характеристику: *всё* указывает на актуальность состояния, дление, продолженность и неоконченность процесса или действия, неизменность или стабильность положения дел. Семантика адвербиального *всё* утратила связь с понятиями целостности и множества: *всё* предела превратилось во *всё* беспредела. Приведем несколько примеров преимущественно из писем Достоевского: *Я всё хворую; Когда гуляю, всё останавливаюсь у детей и любуюсь ими; У меня всё (= всё время) нет времени; Я всё писал роман и всё не могу с ним справиться; Какие бы ни получились деньги — всё (= всех этих денег) нам будет мало, всё (= всегда, постоянно) мы будем иметь вид разоренных* (29, 1; 201); *Счастье раз в жизни дается, а потом всё горе, всё горе* (29, 1; 129); *Я всё слушал, я нарочно всё ждал, чтобы всё понять* (6, 306) и т. п. Частица *всё*, благодаря своей интонационной невыделенности, даже в сочетании с переходным глаголом не может быть принята за дополнение; ср.: *всё*

слушал и всё понял. В норме частица *всё* не занимает послеглагольной позиции и не употребляется с глаголами совершенного вида.

Отрицание в приведенных контекстах относится непосредственно к глаголу: *Он всё не отвечает; Он всё никак не поправляется; Он всё еще не понимал* (6, 124); *Ему всё не спалось* (6, 390). Как только отрицание становится частичным, оно переходит к *всё* и переносит на него акцент: *Может быть, скажут, наконец, что не всё писал пустяки* (29, 1; 117); *Он твердо знает, что тут не всё одни плутни* (22, 130); ср. также: *Не всё коту масленица; Не всё касатке распевать, Не всё девице вековать* (Пушкин).

Итак, кванторное местоимение стало адвербиальной частицей, а общее суждение о множестве — суждением непосредственного наблюдения. Приведенный материал демонстрирует живую жизнь языка, его эластичность, не застылость его форм и конструкций.

VI. Интенсификация и градуирование

Теперь остановимся более подробно на интенсифицирующей функции квантора общности, его способности передвигать значение по градиационной шкале. Эмфаза пронизывает почти всё поле *всё*-местоимений. Уже в самой идее всеохватности и целостности — основных значениях местоименной парадигмы — присутствует возможность эмфазы. Остановимся на ее основных типах.

В предложениях, выражающие общие суждения, в которых речь идет о конститутивных признаках класса и которые не требуют «поштучной» верификации (то есть не являются суммой суждений о каждом члене класса), квантор общности в позиции перед субъектом не вносит никаких семантических изменений: он лишь исключает исключения, то есть выполняет интенсифицирующую функцию: *Все люди смертны, все-все до единого*. В этом случае речь идет об ингерентных признаках класса (см. об этом подробно выше).

Но возможна также интенсификация актуальных состояний или преходящих признаков субъекта. Для ее осуществления достаточно переместить квантор в предикат: *Петя был весь взволнован; Дама была вся такая нарядная; ...залепетал штабс-капитан как бы весь оживившись* (15, 192); *Он как-то вдруг весь съезжился* (там же); ср.: *Все дети были веселые и Дети были все такие веселые*.

На интенсификацию этого типа обратил внимание Д. Болинджер. Опираясь на материал английского языка в сравнении с испанским, он подчеркнул, что значение состояния, выражаемое в испанском языке глаголом *estar* в оппозиции к *ser*, в англий-

ском может передаваться местоимением *all* в положении перед предикатом; ср.: *The air is all hot*, но не **The weather is all hot*; *She is all beautiful in her new dress*, но не **Miss America is all beautiful*; *I am all afraid*, но не **I am all cowardly*; *Goliath was all overcome by (with) bad news*, но не **Goliath was all overcome by David*; *The house is all painted*, но не **The house was all painted by the workman* [Bolindger 1973, 63 и сл.]. Интенсификация несовместима также с локальным значением: **He is all in New York* [там же]. В русском языке ситуация осложнена тем, что в предикате различается употребление *весь*, *все* и *всё*; ср.: *Дети были все (такие) веселые (милые, умные)* и *Дети были всё такие веселые*. В общем случае мн. число *все* подчеркивает всеобщность признака (переменного или постоянного) или состояния, отсутствие исключений (*Дети были все грустные*) *весь* (реже *все*) выражает непосредственно наблюдаемое состояние (*Он весь такой грустный*), а *всё*, будучи показателем временной протяженности, — длящееся состояние (*Он всё такой грустный*). Показателем того, что речь идет о наблюдаемом состоянии, обычно служит местоименное прилагательное *такой*: *Что это ты такой хмурый?*

Очень ярко ощутима гипербола, выражаемая *всё* в позиции предиката: *всё* захватывает всё пространство предиката, превращаясь во «всеохватное имя»: *Пушкин наше всё* (А. Григорьев); *Молчанье всё ... К чему слова пустые?* (Блок); *Ты всё для меня*; *Анька, ангел мой, всё мое, альфа и омега* (29, 2; 119); *Ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше всё, вся надежда, упование наше* (6, 27); *Она ангел, а ты, Родя, ты у нас всё — вся надежда наша и всё упование* (6, 34); *Ибо срок, время — для меня теперь всё, пуще денег* (29, 1; 66; выделено автором); *Они (евреи) выходят даже в офицеры, а в России это всё* (29, 2; 141); *Вы пишете, что его не любите, а это всё* (29, 2; 145; выделено автором); *Со смертью брата, который был для меня всё, мне стало очень тошно жить* (28, 2; 183; выделено автором); *И хоть никто про то не узнал, но узнала она, и это было всё для меня, потому что она сама была всё для меня, вся надежда моего будущего в мечтах моих* (24, 24; выделено автором); *Мы, бюрократия, составляем в государстве всё; в сущности мы-то и есть государство и всё — а прочее лишь привесок. ... Ибо что мы такое? мы всё, всё и до сих пор продолжаем быть всем* (27, 28–29; выделено автором). Некрасов по болезни принимает в редакции слишком мало участия, ... а значит всё — Салтыков (29, 2; 174). В последнем предложении предикат вынесен на первое место. Инверсия возможна, потому что в основе предложений этого типа лежит идея

равенства; ср.: *Салтыков — всё и Всё — Салтыков*. Такого рода употребление, как показывают примеры, выделяет некоторый компонент личной или социальной сферы как единственно важный: *ты всё для нас (наше всё; всё, что у нас есть); ты у нас всё; в нашем обществе это всё. Всё — концентрат высшей значимости*. Приведенные примеры интересны тем, что в них гипербола достигается субстантивацией местоимения в позиции предиката, для которой в принципе характерна адъективация. Благодаря субстантивации между субъектом и предикатом устанавливаются отношения тождества: субъект глобализуется. Интенсификация этого типа устойчива. Характерная для текстов Достоевского, устремленных к пределу, в обыденном языке она встречается не часто. Это скорее троп, чем речевой узус. Назовем его *эмфазой всеохватности*.

Обычно же интенсифицирующие возможности *всё-слов* основываются на присущей им функции генерализации [Арутюнова 1998, 823–829]. Обыденное мышление и повседневная коммуникация эмоциональны и склонны к преувеличениям и немотивированным обобщениям. В своих «Заметках о простоте и упрощенности» Достоевский писал «о простоте вообще и об нашей русской стремительности к обобщению, в частности» (23, 142; выделено автором). Позволим в подтверждение привести маленький фрагмент из письма самого Достоевского жене, в котором речь идет об их годовалой дочери. Автор письма шутит, хотя и совсем не шутит: *Всего больше (совсем не шучу) огорчило меня то, что Люба принимает хозяйна за меня. Неужели успела забыть? Но ведь она и всех мужчин называет «папа». Легкомысленное создание! И легкосердечное; но таковы все женщины* (29, 1; 203; выделено нами. — Н. А.). Ср. также о русских за границей: *Теперь же она приехала в Эмс неизвестно зачем, и вообще все эти люди делают неизвестно что, ездят неизвестно зачем* (29, 1; 332; выделено нами. — Н. А.).

В пред- и послереволюционную эпоху были очень употребительны такие «генерализующие» формулы, как *всё и вся, все и всякие, в общем и целом* (калька с нем. *im grossen und ganzen*): *Всё и вся склонно было пойти на удочку; все и всякие угнетающие классы; рабочие марксисты всех и всяких национальностей; В общем и целом пролетарская литература твердо шла по ленинскому пути*. Такого рода обобщения были характерны для речи политических деятелей и бюрократов; ср. в ироническом стихотворении Маяковского о бюрократе: *А этот про всё твердит свысока: — В общем и целом*. Все примеры из книги [Селищев 1928, 38, 66–67, 131].

Расширение денотативного пространства открывает путь к «непросчитанным» обобщениям; ср. частое употребление выражений типа *поднять шум на весь мир, на удивление всех, все это говорят (знают, осуждают)*, а также метонимии типа *вся страна, вся улица, весь мир*. Такого рода генерализующая эмфаза сопутствует кванторам общности и в других языках, даже склонному к соблюдению меры французскому: франц. *tout le monde*, регулярно употребляется в значении «все». Непросчитанная генерализация препятствует установлению границ денотации и ведет к референтной неопределенности: *Все всё врут; Все всем недовольны; Все за всё в ответе; Все во всем виноваты; Всегда у всех одно и то же на уме; Я на всё согласен; Делай всё, что хочешь; Всё им не так; Всё здесь гадко, гнило, всё здесь дорого. Всё здесь пьяно!* (28, 2; 226). Суть такого рода обобщения хорошо выражена самим же Достоевским: «Да и в самом деле; ведь мы все хорошие люди, ну разумеется, кроме дурных» (22, 39). Ср. также: *Я видел их там всех, то есть очень многих, а всех и не пересчитаешь, и все-то они, кажется, ищут уголка для оскорбленного чувства* (5, 62).

Генерализация имеет, впрочем, и свою положительную сторону. Она существенно сокращает текст, исключая из него перечни и развертывание темы сообщения. Есть вещи, которые считаются само собой разумеющимися, и коммуникативная конвенция позволяет их не эксплицировать: *Всё мне здесь противно; Вокруг всё скучно и уныло; Всё меня утомляет; От всего устаю; Всё в порядке (нормально, хорошо); Всё надоело; Всё к лучшему; Ему на всё и всех наплевать* и т. п. Эмфаза генерализации вошла в ряд общепринятых формул типа *судя по всему, во всех отношениях, по всем признакам, со всех точек зрения, ради всего святого* и т. п. Но всё не всегда беспредметно и при необходимости может быть эксплицировано: *А прочее всё (скуку, тоску, неизвестность) — всё это я вынесу* (29, 1; 199). Усиление, достигаемое генерализацией, постепенно сходит на нет: доминирует задача сжатия текста.

Обратимся к эмфазе предела, или максимума. Она лежит в основе целой серии адвербиальных выражений, в которые местоимение *весь* входит прочно и неотъемлемо: *бежать (ехать, мчаться) во весь дух (во всю прыть, во весь опор, во всю мочь, изо всех сил); разойтись вовсю; кричать во всю глотку (во всю ивановскую), смотреть во все стороны, пустить на всю катушку, упасть со всего размаху* и др. Аналогично употребляются конструкции с парными объектами, образующими некое целое: *смотреть во все глаза, упасть со всех ног, прожужжать все уши, испарпать все*

щеки. Д. Болинджер отмечал, что *all* в предложении *Fine, children, your hands are all clean* может прочитываться двояко: и в смысле интенсификатора, и в значении счетного множества, но высказывание *Fine, George, your hands are all clean* допускает только первое прочтение [Bolinger 1973, 60; см. выше].

Эмфазу предела можно видеть также в употреблении местоимения *весь* с отвлеченными именами (обычно номинализациями): *...несмотря на всю краткость и неполноту моей речи; ...заявили всю законность стремления западников в Европу; ...со всем свойственным ему остроумием; понять всю глубину его духа, всю тоску его; всё безудержье мистических мечтаний; осознать всю важность, всё значение этого события и т. п.; все примеры из Пушкинской речи Достоевского (26, 129–148); ср. также стандартные формулы: сделать всё возможное, принять все меры, использовать все средства и др.*

Эмфаза абстрактного значения чрезвычайно характерна для уступительных контекстов, в которых она подчеркивает безусловность утверждения: *Я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы этого осуществить никогда (29, 2; 48); Вот эти-то идеи и торжествуют, несмотря на всю их непрактичность и весь их идеализм (23, 65); Этого никак нельзя сделать, несмотря на всё желание мое (29, 1; 164; выделено автором).* При этом объектом интенсификации является неэффективное действие или бесполезное усилие. «Эмфаза желания» обычно предваряет отказ: *При всем моем желании не могу помочь (ничего сделать); К 8 сентября мне нет ни малейшей возможности прибыть, несмотря на всё мое чрезвычайное желание (30, 1; 213).* Это эмфаза *противовеса*.

Гипербола широко применяется в этикетных формулах и в выражении чувств, в которых ее источником является идея целого: *от всей души (сердца) благодарю; со всей искренностью заявляю; Обнимаю тебя искренно, со всем жаром души (29, 1; 283).* Ср. также оформление подписей под письмами: *Ваш весь Ф. Достоевский; Весь Вам преданный искренно и душевно — Ф. Достоевский; Ваш весь, сполна преданный Вам — Федор Достоевский.* В этих формулах *весь*, согласуясь с опущенным личным местоимением *я* (*я весь твой; я весь до капли твой муж*), тяготеет к предикату. *Весь* в такого рода контекстах подчеркивает всецелую и нераздельную принадлежность говорящего (внутреннего человека или физического лица, деятеля или мыслящего субъекта) адресату; ср.: *Нет, уж теперь твой, твой нераздельно, весь твой. А до сих пор наполовину этой проклятой фантазии принадлежал (29, 1; 200; выделено автором).* В эмоциональной речи эмфаза постепен-

но идет crescendo. Ср. следующие интродукции к подписям Достоевского: *Твой весь с ног до головы Федор Достоевский* (29, 1; 255); *Твой весь наивесь* (30, 1; 105); *Твой весь до последней частички* (28, 2; 185); *Обнимаю вас всех и всех. Твой весь* (129, 2; 37); *Твой весь тебя целующий муж* (29, 2; 14); *Твой весь без раздела* (30, 1; 177); *Твой весь, весь* (29, 2; 120); *Твой весь до капли муж* (29, 2; 116); *Твой весь всем сердцем* (29, 2; 109); Ср. также эмфазу в выражении чувств: *Целую тебя ужасно, и ручки и ножки и всю* (29, 2; 18; см. также: 114, 116, 118 и др.; 29, 1; 333, 338, 344, 346 и др.).

Этикетная эмфаза постепенно стандартизуется. Поэтому в неформальных контекстах она требует дополнительного усиления и может, как показывают приведенные примеры, варьироваться.

Эмфаза может состоять не в расширении, а, напротив, в сжатии и концентрации значения, фокусированию внимания на главном; ср. такие сочетания, как *всё дело в том, что...*; *вся суть в том, что...*; *вся беда в том, что...* и т. п.; *Вся беда в том, успеем ли справиться, а я здесь всё нездоров*; *В этой обстановке вся суть дела* (примеры Достоевского); *Всё, о чем они взаимно плачут, это то, что у ней столько денег* (29, 1; 192). В приведенных примерах всё эквивалентно ограничительному только: *вся беда в том, что...* = *беда только в том, что...* Сводя объем «дела» к малой толике, говорящий сосредоточивает в ней «всю суть». Это эмфаза фокуса.

Теперь коротко остановимся на эмфазе умаления. Вот и всё финала, о котором упоминалось в преамбуле к статье, обычно снижает значимость сказанного. Так, изложив не слишком обременительную просьбу, говорят: *«Вот и всё. Вся моя просьба к Вам!»* (29, 1; 157); *Итак, я прошу Вас ... всего только добиться от него какого-нибудь ответа. ...Вот и всё* (там же); *Я только прошу Вас предъявить ему мое письмо и четыре Ваши строки. ...Вот и всё* (29, 1; 161). Ту же функцию выполняет всего (род. падеж от всё): *Я Вас не посмею обременить такою просьбой. Всего только послать ему четыре строки с извещением и получить ответ* (там же). *Ответьте мне немедленно по получении этого письма, всего хоть двумя строчками* (29, 1; 159). Вот и всё и всего сдвигают значение к малому флангу шкалы. Всеохватность не препятствует умалению: всё может растягиваться и съезживаться.

Наличие противоположных тенденций у анализируемых местоимений хорошо заметно в их сочетаниях с числительными; ср.: *До ближайшей деревни всего два километра, а до города все двадцать будет*. Местоимение *все* — знак большой величины, а *всего* — малой; ср.: *всего-навсего* (*всего-навсе*), *всего только*,

только и всего; см. о них в книге [Дискурсивные слова 1998, 61–93]. Например: *До железной дороги от нас всего только девяносто верст* (6, 34); *Ведь у меня опять всего только рубль серебром* (6, 189); *А часы эти я, действительно, все семь лет, каждую неделю сам заводил* (6, 219). *Все и всего* (от *всё*) в приведенных контекстах как бы устремлены к разным концам шкалы — большому и малому.

Однако в составе сравнительных конструкций *всего* (от *всё*), напротив, выполняет интенсифицирующую функцию, превращая компаратив в суперлатив. В значении превосходной степени всегда — имплицитно или эксплицитно — присутствует местоимение общности. Когда оно присоединяется к компаративу, последний получает значение суперлатива; ср.: *быть лучше всех (всего)*, *быть (самым) лучшим из всех*. Например: *Не ужинать — святой тому закон, Кому всего дороже легкий сон* (Пушкин); *Ты лучше и выше всех женщин; ни одна-то не стоит тебя* (29, 2; 117). *Быть лучше всех* значит «быть самой лучшей». Превосходная степень выделяет объект оценки в рамках множества (класса), но не отделяет от него. Например: *Вы судите о моих романах ... Вы выделяете как лучшее из всех «Идиота»* (29, 2; 139; выделено нами. — Н. А.). Компаратив же разделяет сопоставляемые объекты. Эмфаза, достигаемая компаративом, широко распространена в обиходных выражениях; ср.: *больше всего, лучше всего, скорее всего, вероятнее всего, прежде всего, пуще всего, нужнее всего* и т. д. Например: *Всего ужасней то, что они совершенно правы* (29, 1; 260); *А теперь всего больше желал бы, чтобы Вы вполне поверили моему глубокому уважению* (29, 1; 261; выделено автором); *Важнее всего, знает Порфирий или не знает, что я вчера у этой ведьмы в квартире был* (6, 190); *Всего труднее на свете самим собою стать* (29, 1; 182); *Тут всего смешнее то, что, может, так оно и было* (6, 319) и т. д.

В приведенных контекстах *всего* не термин сравнения, требующий конкретизации, а маркер интенсификации значения: *важнее всего* = *чрезвычайно важно*; *всего больше желал бы* = *очень желал бы* и т. д. В некоторых случаях *всего* употребляется вместо *всех*: *всего больше горячатся профессора* = *всех больше горячатся профессора* (см. пример выше); ср. также параллельное употребление в одном из писем Достоевского *всего* и *всех*: «*Всех слабее, говорит, у вас восьмая глава*» (Достоевский приводит слова Н. А. Некрасова) и *Всего более не понравилась мне самому эта восьмая глава* (29, 2; 13). Ср. также: *Ему всего более понравилась последняя сцена с Лизой* (там же). С предикатами оценки, как правило, предпочтение отдается форме ед. числа *всего*, которая, действи-

тельно, всеохватна, поскольку объекты оценки могут быть всех родов и категорий; ср.: *Скажи ей (дочке Любе), что люблю ее больше всего на свете* (29, 1; 255).

К приведенному списку можно добавить *эмфазу ответственности* (обвинения или одобрения): *Всё ты = Всё из-за тебя. Всё расширяет границы ответственности: В самом деле, кто провозгласил на этот раз республику? Всё буржуа и мелкие собственники* (22, 85); *Это Полина, это всё Полина! Может быть не было бы и школьничества, если бы не она* (5, 253). В «Словаре русских частиц» это значение определено как выделительное [Шемчук, Щур 1999, 45]. Можно, однако, усомниться в том, что *всё* здесь полностью перешло в категорию частиц.

Адвербиальная частица *всё*, впрочем, тоже может быть усилителем. Растягивая временную ось, она может служить знаком затянувшегося действия или застывшего состояния: *И всё-то он жалуется, и всё-то он недоволен*. В сочетании с дейктическим местоимением при имени или местоименным наречием *так* при предикатных словах частица *всё* создает *эмфазу неизменности*: *Всё те же люди, те же страсти. Всё тот же он, семья всё та же* (Пушкин); *Припрыжки, каблуки, усы Всё те же; их не изменила Лихая мода, наш тиран* (Пушкин); *Но в них не видно перемены, Всё в них на старый образец: У тетушки княжны Елены Всё тот же тюлевый чепец, Всё белится Лукерья Львовна, Всё то же лжет Любовь Петровна... У Пелагеи Николавны Всё тот же друг мосёй Финмуш, И тот же шпиц, и тот же муж; А он всё клуба член исправный, Всё так же смирен, так же глух, И так же ест и пьет за двух* (Пушкин). Приведенные примеры показывают подвижность границ между частицей и местоимением.

Создается впечатление, что все пути от «*всё* и *вся*» ведут к *эмфазе*. Интенсификация или градуирование могут иметь своим источником значение целостности (*весь ваш*), всеохватности (*Пушкин — наше всё*), счетного множества (*все говорят*), предела (*изо всех сил*), конца (*вот и всё*), редукции (*всё дело*), противовеса (*при всем желании*), компаратива (*лучше всего*) и др. *Эмфаза* вовлечена в механизмы генерализации, фокусирования внимания, она регулирует межличностные отношения, дает выход эмоциям, она расширяет и сокращает текст, преувеличивает и преуменьшает. Итогом *эмфазы* являются этикетные формулы, речевые клише, референтная неопределенность, снятие границ и др. Употребление *всё-слов* придает смыслу предложения емкость, но эта емкость остается незаполненной. Следствием *эмфазы* является смысловая неопределенность текста. Обращение к *всё-словам* хорошо пока-

зывает многосторонность той роли, которую играет в языке семантика *количества*, ее способность вторгаться в сферу *качественных* значений, создавая, в частности, градуирование и гиперболу. О семантике количества см.: [Киклевич 1998].

* * *

Подведем некоторые итоги.

Семантика слов, объединенных вокруг значения всеобщности (*весь, вся, всё, все, всё-таки, всего*), внутренне весьма противоречива. Попадая в разные контексты, знак всеобщности может перемещаться из состава подлежащего в состав сказуемого, он может сосредоточивать в себе коммуникативный смысл высказывания и притягивать к себе отрицание, он способен объединять и разъединять, расчленять и суммировать, снимать противоречия и создавать их, сужать область референции и расширять ее, выражать определенную и неопределенную референцию, ставить предел и снимать его, превращать множественность в единичность, а сравнительную степень в превосходную, градуировать и усиливать значение. Употребление *всё-слов* в обыденном языке глубоко отлично от логической функции квантора общности. В логике квантор общности — необходимый компонент общих суждений о множествах (в том числе о естественных родах). В естественном языке он в этой функции избыточен и приобретает интенсифицирующую функцию, постепенно увлекающую его в сторону предиката, в котором он вступает во взаимодействие с качественными значениями.

Интенсифицирующая функция, кроме уже проанализированных случаев, ярко проявляется при вхождении местоимения в состав прилагательных, о чем подробно будет сказано ниже.

VIII. Сложные слова с компонентом *все-*

1

Теперь мы хотим коротко остановиться на сложных словах с компонентом *все-*. Они восходят к греческим образованиям с элементами *δλο-* «целый» и *παν-* \ *панто-* «?есь, все» и часто представляют собой кальку с греческого: *всеродный* (греч. *παῦρονής*), *всесветлый* (греч. *δλόφωτος*). В Словарь церковно-славянского языка Г. Дьяченко включено 85 *всё-слов*. В их числе образования со значением всеохватности (*вселенский* «имеющий значение и силу для всех мест, времен и народов») и интенсификации (*всемирный*

«весьма склонный к миру, миролюбивый»). Эти значения, как показывает последний пример, постоянно взаимодействуют; ср. также: *всемочий, всемогущий* «имеющий беспредельную власть, могущественный, всесильный» [Дьяченко 1993, 102–105]. В составе сложных слов различие между значениями «весь, целый» и «все» постепенно ослабло. Оба эти значения, особенно первое, выполняют интенсифицирующую функцию.

Слова с компонентом *все-* некогда обладали в русском языке исключительной продуктивностью. В словаре Даля зарегистрировано около 200 такого рода образований, не считая дериватов от одной основы. При этом В. И. Даль замечает: «Слитно, частица *все-* образует множество слов, особенно прилагательных; нельзя и нет надобности приводить все слова эти, большей частью понятные и без объяснений; частица *все-* придает слову более общее, обширное, безусловное значение, или, как *пре-*, возводит его на высшую, превосходную степень. Так, например, *всеавгустейший, всеблагод, всеблаженство, всеблагочестивый, всевеликий, всевеличие* и пр. означают *августейший, благод* и пр. в безусловном, высшем отношении» [Даль 1, 263]. Большая часть приводимых Далем слов относится к сфере религии и представляет собой кальки с греческого: *всемилолюбивый* (παντελεῖμων), *вседержитель* (παντοκράτωρ) и др. Церковно-религиозный язык естественно соприкасается с языком социально-иерархических отношений: *всеунижайший, всепокорнейший, всепресветлейший, всезнающий, всезнаменитый, всеуниженный* и пр. Наряду с этими категориями есть немало обыденных слов с элементом *все-*: *вселетный, всекрепкий, всеумный, всепроходец* («проходимец»), *всезнайка, всемерный, всемирный, всевозможный* и пр. Как показывают примеры, *все-* придает прилагательным значение превосходной степени, и даже тогда, когда этому элементу соответствует позиция прямого дополнения (*всезнайка, всевидящий, всеохватный, всепагубный, всепалачий* и др.), значение высшей степени качества выдвигается на первый план. Кроме того, *все-* может иметь как значение множества, так и значение целого; ср.: *вседневный, вседенный* «каждодневный (ежедневный)» и «длящийся целый день».

Вместе с разрушением имперской социальной иерархии и соответствующих ей этикетных формул, а также вследствие неупотребительности религиозно-церковного лексикона в послереволюционной России, количество слов с элементом *все-* резко сократилось. В словаре Ушакова их немногим более 40, причем большинство помечено как *книжн. устар., церк., офиц. устар.* К числу новообразований отнесено только два слова: *всевобуч* (всеобщее военное

обучение) и *всеобуч* (обязательное всеобщее начальное обучение). В послереволюционной России такие сокращения были весьма распространены, особенно в названиях; ср.: *Всерабис* (Всероссийский союз работников искусства), *Всеработземлес* (Всероссийский союз работников земли и леса) [Селищев 1928, 160]. В «Словарь языка русской поэзии XX в.» [Словарь 2001] включено немногим более 30 слов с элементом *все-*. Итак, бывшая словообразовательная продуктивность элемента *все-* ушла в прошлое, при том что соответствующее местоимение и наречие (наречная частица) употребляются чрезвычайно широко.

2

Теперь обратимся к текстам Достоевского.

Прилагательные с элементом *все-* встречаются в дискурсе Достоевского достаточно часто. Они приобретают особую значимость в тех его сочинениях — статьях и письмах, в которых речь идет о мессианском назначении России и русского народа. Так, уже в 1861 г. Достоевский видит «великие русские начала» во *всецелости*, *всепримиримости*, *всежизненности* и *всечеловечности* народного духа (18, 55, 69, 99 и др.). В письмах 1869 г., адресованных А. Н. Майкову, которого Достоевский считал своим единомышленником, встречаются такие ключевые для концепции Достоевского слова как *всевыражающие пункты* (русской истории), *великая идея о всеправославном значении России*, (России) *суждено обновить христианство всеславянской православной идеей* (29, 1; 39–40). В этом же письме, впрочем, русские дворяне, оторвавшиеся от родной почвы, иронически названы *всегуманными* и *всесветными гражданами* (там же, 41). В другом месте Достоевский говорит о том, что иные новые идеи имеют свою косную, могучую и всеувлекающую силу, отрывающую дворян от народа (25, 9); ср. также ироническое: *всеупоенный самомнением дурачок* (25, 135).

Склонность Достоевского к «всеохватным» словам усиливается по мере того, как он стремится полностью выразить свои убеждения, довести свою мысль до конца, «сказать *самое последнее слово*»; см. его письмо Вс. С. Соловьеву (29, 2; 101; выделено автором). В этом письме Достоевский говорит о «Дневнике писателя» за июнь 1876 г.: «И вот я взял, да и высказал последнее слово моих убеждений — мечтаний насчет роли и назначения России среди человечества» (там же, 102). «Последнее слово» выражено словами «всеохватности» и «всеединения». В нем речь идет о *потребности нашей всеслужения человечеству*, в котором заключается *всемирное назначение России* и которое ведет к *всеобщему*

примирению и единению человечества, а также о всеславянстве с Россией во главе и окончательном всеединении под покровительством России. В «Записной тетради 1876–1877 гг.» Достоевский пишет в связи с Восточным вопросом: «Для чего быть всеславянином? Чтобы сказать всеславянское слово. Какое оно? Православье» (24, 222).

Особенно заметна склонность Достоевского к такого рода словам, а также к употреблению местоимения *весь* и наречной частицы *всё* в его программной Пушкинской речи и объяснительном слове к ней (26, 129–148). В ней на 20 страницах элемент *весь\всё* встречается 82 раза, а слова «всеохватности» — 35 раз (т. е. в общей сложности 117 раз).

В этом контексте *все-* — знак максимального расширения мессианского поля России, его беспредельности. Ключевые понятия концепции Достоевского неизменно оформляются этим элементом: *всемирная отзывчивость* (*всеотзывчивость*, *всеотклик*) *русского народа*, *всепримирение*, *всечеловеческое единение*, *всеединение человечества*, *всеединяющий дух*, *всечеловеческая и всесоединяющая русская душа*, *всеединяющее стремление русского духа*, *всеобщее общечеловеческое воссоединение со всеми племенами великого арийского рода*, *наш удел есть всемирность*, *всемирное*, *всечеловечески-братское единение*, *всеобщая, всенародная правда*, *потребность наша всеслужения человечеству*, *всепримиряющее*, *всевозрождающее начало*, *вsepонимание*, *всеединяющая мысль*, *всеобъемлемость русского духа*. Ср. также такие формулировки национальной идеи, как: «Православное дело»... *есть прогресс человеческий и всеочеловечение человеческое* (23, 102); *Национальное наше начало и есть всеобщность* (25, 226); *У нас русских есть, конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире, — это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее единение его с монархом* (25, 9); *Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению* (26, 131); *Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите* (26, 147; выделено автором).

Заметим, что Достоевский использовал в близком смысле также сложные слова с элементом *обще-*: *Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечест-*

ву; и далее: *всечеловечность есть главнейшая и личная черта и назначение русского* (23, 30–31; июнь 1876 г.).

Однако Достоевский отдавал предпочтение словам с префиксальным *все-*, имевшим положительный смысл, тогда как за образованиями с компонентами *обще-* и *всеобще-*, которые чаще использовались Достоевским применительно к западному миру, закрепились отрицательные коннотации. Так, он писал о «борьбе насмерть *всеобщезападного* личного начала с необходимостью хоть как-нибудь ужиться вместе» (5, 69; выделено нами. — Н. А.). В 1862 г. в статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский протестует против повсеместного насаждения общечеловеческого идеала и общего типа человека, выработанного одним только Западом и не учитывающего национальной специфики (20, 6–7; 202–203). Достоевский также различал всечеловека — личность, наделенную *всеотзывчивостью* и способную понять другие народы, но сохранившую связь с национальной почвой, и *общечеловека* — «безличность», лишенную национальных черт и способную отзываться лишь на отвлеченные идеи. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский так характеризует настроения цивилизованных слоев общества: «...душа — *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула — стоит только приложить плоды европейской цивилизации, да прочесть две-три книжки» (5, 59). Далее Достоевский иронизирует над попытками европейской и европеизированной цивилизации «слепить общечеловечка», не обращаясь к натуре, национальным силам и почве (там же, 61). Ср. также в заключительных словах «Записок из подполья»: *Мы даже и человеками-то быть тяготимся, человеками с настоящим, собственным телом и кровью; ...и норовим быть какими-то небывальыми общечеловеками* (5, 179; выделено автором).

Принято считать, что употребление термина *всечеловеческий*, в оппозиции к *общечеловеческому*, было введено в обиход Н. Я. Данилевским в его книге «Россия и Европа» (СПб., 1871, 127–128).

В Пушкинской речи Достоевского слова с элементом *обще-* отсутствуют. Слова же с элементом *все-* присутствуют в большом числе, и именно они стали в откликах на речь объектом иронии. Так, Тургенев поставил рядом с *всечеловеком* — *все-женщину Татьяну* (26, 461), а Г. Успенский писал о том, что некоторые соображения Достоевского о русском скитальчестве имеют «уже не всечеловеческое, а всезаячье свойство» (26, 480).

Идеи, выраженные в Пушкинской речи, Достоевский повторяет в последнем «Дневнике писателя» за январь 1881 г., где он

пишет о «всенародном, всебратском единении во имя Христово», о «всенародной, всеединящей силе» царя (27, 21–23). Достоевский считает, что сам дух русского языка «бесспорно многообразен, богат, всесторонен и всеобъемлющ» (23, 62), а народ русский «наделен широким всеоткрытым умом» (22, 43). Позднее, как мы видели, Достоевский предпочел говорить о *всеотзывчивости* русского народа, а слово *широкий* стало приобретать отрицательные коннотации [Арутюнова 2000, 376 и сл.]. Так или иначе, *всесторонний* и *всеобъемлющий* дух языка соответствует *широкому* и *всеоткрытому* уму народа.

* * *

В заключение подчеркнем следующее. Обилие *всё*-слов гармонизирует с другими чертами дискурса Достоевского, такими как референтная и модальная неопределенность, неэксплицитность и эмфатичность, эмоциональность, всеохватное обобщение и настойчивое разобщение, последовательность и вместе с тем неснятые противоречия, стремление к целостности и постоянное двоение. Прилагательные и существительные с компонентом *все*- в свою очередь хорошо выражают широту национальной идеи Достоевского.

Маркируя устремленность к пределу, кульминации, концу, *всё*-слова создают эффект стилистического «эсхатологизма». Не случайно Достоевский писал: «Нам знакомо одно лишь насущное, видимое, а концы и начала — это пока для человека фантастическое» (23, 145). Его мысль постоянно устремлялась к этому далекому, фантастическому концу, идеалу будущей окончательной жизни (20, 173), завершению истории, совершенному (окончательному) человеку. Об этом он хотел высказаться до конца, выразить «последнее слово своей веры» (23, 58).

Обилие *всё*-слов в текстах Достоевского проистекает не только из их соответствия духу русской речи, склонной к обобществлению и обобщению. Оно стимулировано также двумя основными и между собой связанными проблемами философской антропологии Достоевского — проблемой любви ко всем, желанием пострадать за всех, отдать всем всю свою личность и проблемой вины перед всеми.

В реальном мире любовь к одному постоянно вступает в противоречие с любовью-жалостью ко всем. «Женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от всех (мало остается для всех)» (20, 173; выделено автором), — писал Достоевский в 1864 г. Тема любви ко всем, или друг к другу, восходящая к последней

Христовой заповеди ученикам (Ин. 13: 34), проходит через все произведения Достоевского и завершается заветом Алеши Карамазова товарищам Илюши Снегирева у его могильного камня в финале «Братьев Карамазовых» (15, 195–197).

Мысль о несовместимости в земной жизни любви-жалости ко всем с любовью к избраннику (избраннице) лежит в основе коллизии, приведшей к трагическому концу в романе «Идиот», работу над которым Достоевский начал вскоре после приведенной выше дневниковой записи. В этом романе любовь-жалость Мышкина к Настасье Филипповне, невозможность не ответить на ее зов о спасении поставила его в ситуацию выбора между ней и Аглаей.

Тема «преступления и наказания», вины и покаяния, как известно, проходит через все романы Достоевского. Чтобы избежать трагических ситуаций, ненависти, мести, расплаты, вражды и войны с врагами, человек должен понять и принять мысль о том, что *все во всем перед всеми* виноваты. Так, умирающий Маркел говорит матери: «Знай, что воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват. Не знаю я, как истолковать тебе это, но чувствую, что это так, до мучения» (14, 262). Эта мысль — предпосылка заповеди всепрощения — затем развивается старцем Зосимой, связавшим ее с заповедью любви (14, 290), а также Алешей Карамзовым в главе «Кана Галилейская» (14, 426–428).

Наконец, *все* входит в важнейшие для социальной позиции Достоевского отношения единения и разъединения, личности и безличности, самоотдачи и отчуждения (*я — все мы и я — все они*), которые он обсуждал постоянно в своих художественных и публицистических произведениях (см. выше). При этом каждое из указанных отношений приобретало в разных контекстах и ситуациях разный смысл и оценку — положительную или отрицательную: *все* — это и народ и обезличенная масса. В своих философских заметках о *будущем* человечества Достоевский пишет: «...высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего *я*, — это как бы уничтожить это *я*, отдать его *всем* и каждому безраздельно и беззаветно. ...Таким образом, закон *я* сливается с законом гуманизма, и в слитии, оба, и *я* и *все* (по-видимому, две крайние противоположности) взаимно уничтоженные друг для друга, в то же время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо» (20, 172; см. также 20, 192; ср. также: 5, 79 и сл.). Но есть и другая сторона медали. В окружающей человека социальной жизни единение со *всеми*, следование формуле «*все, дескать, так живут, как же я-то?*» (26, 47) могут вести к подражанию и

утрате личности. Рассуждая о разряде «ординарных» людей, Достоевский пишет: «В самом деле нет ничего досаднее... быть решительно „как и все“» (8, 384). *Быть со всеми*, таким образом, не значит *быть как все*. Подражание требует уступчивости и широкости. Но *все* может относиться также к избранным; тогда *быть как все* значит «быть не как все»: «одеться как *все* (т. е. как очень немногие)» (18, 31). Касаясь «скорой уступчивости, потребности уступить, согласиться», характерной для большинства русских интеллигентных людей, Достоевский замечает: «Увлекает тоже очень русского человека слово *все*: „я как и все“, — „я с общим мнением согласен“, — „все идем, ура!“» (26, 47). Чтобы свести концы с концами, этими словами, поставленными нами в эпитафии, мы закончим статью.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова 2000 — Арутюнова Н. Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Вольф 1988 — Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1988.
- Грамматика русского языка. М., 1952. Т. 1.
- Даль 1978–1980 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. М., 1978–1980.
- Дискурсивные слова 1998 — Дискурсивные слова русского языка. М., 1998.
- Достоевский 1972–1990 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., 1972–1990.
- Дьяченко 1993 — Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
- Зализняк, Падучева 1974 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных. Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4.
- Киклевич 1998 — Киклевич А. К. Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München, 1998.
- Кодзасов наст. сб. — Кодзасов С. В. Фазовая символика тона. В наст. сб.

- Кронгауз 1984 — *Кронгауз М.А.* Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый* // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23.
- Крылов 1984 — *Крылов С.А.* Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23.
- Левин 1973 — *Левин Ю.И.* О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Новое в лингвистике 1960 — Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
- Николаева 1985 — *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.
- Падучева 1974 — *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 1985 — *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Пешковский 1938 — *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Селиверстова 1964 — *Селиверстова О.Н.* Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // Вопросы языкознания. 1964. № 4.
- Селиверстова 1988 — *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. М., 1988.
- Селищев 1928 — *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. М., 1928.
- Словарь 2001 — Словарь языка русской поэзии XX в. М., 2001. Т. 1.
- Частотный словарь русского языка / Редактор Л. Н. Засорина. М., 1977.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Шведова 1998 — *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. М., 1998.
- Шимчук, Щур 1999 — *Шимчук Э., Щур М.* Словарь русских частиц / Ред. Вольфганг Гладров. Frankfurt am Main, Berlin, etc., 1999.
- Bolinger 1973 — *Bolinger D.* Essence and accident: English analogs of Hispanic *ser — estar* // Issues in linguistics. Papers in honor of Henry and Renée Kahane. Urbana, etc. 1973.
- Bunt 1985 — *Bunt H.* Mass terms and model-theoretic semantics. Cambridge, etc. 1985.
- Concordance 1994 — A Concordance to Dostoevsky's «Crime and punishment». Sapporo, 1994. Vol. 1.

СТАТЬИ НАЧАЛО И КОНЕЦ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»

В работе рассматриваются статьи **НАЧАЛО** и **КОНЕЦ**, подготовленные в рамках «Словаря языка русской поэзии XX века». Предлагается общая характеристика статей и интерпретация наиболее интересных с семантической точки зрения примеров.

«Словарь языка русской поэзии XX века» — это сводный поэтический справочник, создаваемый на материале творчества 10 поэтов: Анненского (*Анн*), Ахматовой (*Ахм*), Блока (*АБ*), Есенина (*Ес*), Кузмина (*Куз*), Мандельштама (*ОМ*), Маяковского (*М*), Пастернака (*П*), Хлебникова (*Хл*), Цветаевой (*Цв*). В основе словаря — идеи экспрессемы и «самовитого слова» [Григорьев 1979, 1994], главная же его цель — представить в словарной форме поэтико-языковой процесс XX в. и отдельное поэтическое слово на фоне этого процесса. Принципы составления Словаря были описаны в Пробном выпуске [Самовитое слово 1998, 3–27]. В работе мы кратко коснемся только структуры словарной статьи, чтобы было понятно, каким образом построены статьи **НАЧАЛО** и **КОНЕЦ**.

В структуре словарной статьи выделяется пять зон: заголовочное слово, зона значения, зона контекстов, зона комментариев, зона шифров.

Зона контекстов — основная в Словаре. Она составляется из всех встретившихся в источнике контекстов, которые располагаются в хронологическом порядке дат написания произведений, а внутри одной даты — по алфавиту фамилий авторов.

Контексты делятся на два основных типа:

а) Фрагмент стихотворения — наиболее частотный тип контекста; границы фрагмента колеблются от словосочетаний до, порой, целых стихотворений. Внутри контекста или сразу после него могут даваться краткие комментарии. Кроме того, составители используют послепометы (типа *Ирон.*, *Шутл.*, *РП*, *НАР* и т. д.), характеризующие контекст в целом.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 98–04–06054).

Участники этой работы В. П. Григорьев и Л. И. Колодяжная, полностью разделяя положения настоящего текста, хотели бы подчеркнуть, что он подготовлен благодаря прежде всего усилиям Л. Л. Шестаковой, взявшей на себя основную долю труда в анализе и интерпретации материала.

б) Контекст, выделенный по занимаемой им особой позиции в произведении; это контекст-заглавие (сопровождается пометой *Загл.*), подзаголовок (*Подзаг.*), посвящение (*Посв.*) и эпиграф (*Эпгрф.*).

Статьи НАЧАЛО и КОНЕЦ содержат все вышеуказанные типы зон.

Статья НАЧАЛО включает 67 контекстов, статья КОНЕЦ — 358 контекстов (то есть примерно в пять раз больше). Как видно, онтологическая противопоставленность концептов «начала» и «конца» ярко проявляется в контрастности на уровне частоты употребления слов *начало* и *конец* поэтами XX в. Это свидетельствует, безусловно, о значимости общей семантики конца в художественном мировидении поэтов (разумеется, у всех в разной степени). Понятно, что различие в частотности слов *начало* и *конец* в наших материалах отражает их количественное соотношение в общем языке: частотные словари фиксируют более высокую употребительность слова *конец* (в частности, по-видимому, за счет его мощного фразеологического потенциала), однако не более чем в два раза. Если взять суммарное употребление слов *начало* и *конец* у поэтов XIX в. (по данным имеющихся авторских словарей), то частота второго слова будет лишь в два с небольшим раза больше частоты первого. Таким образом, поэтический язык XX в. дает нам особую картину использования этих лексических единиц.

Статьи НАЧАЛО и КОНЕЦ содержат контексты каждого из 10 поэтов, но в различных объемах: наибольшее число контекстов принадлежит Блоку, Цветаевой, Пастернаку, наименьшее — Есенину, Мандельштаму, Анненскому. Хронологические границы контекстов охватывают период с конца XIX в. до 60-х гг. XX в., причем обе статьи открывают строки из Блока и завершают стихи Ахматовой.

Среди контекстов, образующих данные статьи, представлены, как сказано, все возможные их типы. Основной массив контекстов — это фрагменты стихотворных произведений. Из контекстов других разновидностей отмечаются: заглавия, подзаголовки, эпиграфы. Причем и здесь наблюдается выдвинутость слова *конец*: именно оно в основном образует такие контексты. К заглавиям стихотворений относятся контексты как однословные: КОНЕЦ (*П917*), так и двусловные: КОНЕЦ СКАЗКИ (*Цв911*), ПОЭМА КОНЦА (*Цв924*) и развернутые: КОНЕЦ ОСЕННЕЙ СКАЗКИ (*Анн900-е*), КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА (*Куз922*), СТИХ НЕ ПРО ДРЯНЬ, А ПРО ДРЯНЦО. ДРЯНЦО ХЛЕЩИТЕ РИФМ КОНЦОМ (*М928*). Один контекст-заглавие входит в обе статьи: это название стихотворения

Анненского БЕЗ КОНЦА И БЕЗ НАЧАЛА (1900-е). Слово *конец* используется также в трех подзаголовках: КРЕМЛЬ В БУРАН КОНЦА 1918 ГОДА (П918-19), КОНЕЦ (Цв920), КОНЕЦ ДЕМОНА (Ахм961). В обе статьи входят фрагменты, являющиеся прецедентными текстами; это три эпиграфа: в статье НАЧАЛО — строки из лермонтовской «Думы»: *К добру и злу постыдно равнодушны, В начале поприща мы вянем без борьбы*, — предваряющие стихотворение Блока «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» (1899); в статье КОНЕЦ — фраза из повести Гоголя «Страшная месть»: *Вдруг стало видимо далеко во все концы света*, — взятая Пастернаком в качестве эпиграфа к стихотворению «Распад» (1917), а также отрывок из газетного текста, использованный Цветаевой в стихотворении «Один офицер» (1938): *В Судетах, на лесной чешской границе, офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен*.

Один из контекстов в статье КОНЕЦ — строки из стихотворения Кузмина «Рождество Богородицы» (1909): *Претерпевый до конца Удостойтся венца* — представляет собой аллюзию на евангельский текст: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф, 10, 22).

Употребление в значимой позиции рифмы также больше характерно для слова *конец*. Наряду с тривиальными рифмами: *конца — лица; конца — сердца; конца — творца; конец — венец* — встречаются и оригинальные: *конце — цель (М924); концу — камсу (Цв928, 29-38)* и др.

Еще одна черта, характеризующая большинство контекстов в обеих статьях, — это их преимущественно нейтральное звучание, правда, нередко с оттенком возвышенности, торжественности (в частности, в тех случаях, когда реализуются, например, значения начала как первопричины, конца как предела бытия). Контексты с шутливой, иронической окраской единичны, принадлежат они, как правило, Маяковскому.

Рассмотрим далее, как семантически реализованы слова *начало* и *конец* в словарных статьях, предваряя анализ некоторыми статистическими выкладками.

Статья НАЧАЛО.

Хронологическое распределение контекстов позволяет увидеть, что наибольшее число употреблений слова (22) относится к первому десятилетию XX в. Три поэта чаще других используют слово *начало*: Блок, Кузмин, Пастернак (по 14 контекстов); у других поэтов соответственно: Ахматова — 7, Маяковский, Цве-

таева — 6, Мандельштам — 4, Анненский — 3, Хлебников — 2, Есенин — 1.

Семантическое пространство статьи организовано центральными и периферийными смыслами. Идея бытия человека и мира как протекающего во времени, отчетливо прослеживаемая в творчестве наших поэтов, определила центральное положение в статье общего смысла «начало во времени» — точка отсчета чего-н., а также первый момент, первая стадия существования, развития чего-н. Диапазон его контекстной реализации очень широк — ср.: *в начале шестого, ночи начало, в начале дня, начало веселых и мятежных дней, в начале будущей недели, в начале июня, в начале лета, весны начало, началу века* и под. Многие из этих контекстов, например: *Зимы студеной сладко мне начало (Куз), Я жажду чуда Теперь, сейчас, в начале дня! (Цв), Двадцатый век, Москва, весны начало (Ахм)* — могли бы украсить словарные статьи на слово *начало* в больших толковых словарях, иллюстративный материал в которых часто однообразен и невыразителен. Дополнительные смысловые и стилистические обертоны слово *начало* приобретает при необычном словесном окружении: *Отверженное слово «мир» в начале оскорбленной зры (ОМ)* (стихотворение «Зверинец», 1916, 1935), относящееся к периоду Первой мировой войны), *Мы не уснем В иных времен начале (Хл), Спасенья нашего начало Ей [Деве Марии] возвещает Гавриил (Куз)*. Интересно, что идея рождения мироздания, начала его существования, присутствующая в цветаевских контекстах: *Восхитительные утра Всех, с начала вселенной, взездов! (Цв920)* — и *правильный был раздел Благ при начале мира (Цв925)*, — у Пастернака в стихотворении «Степь» (1917) передается самим словом *начало*: *В Начале Плыл Плач Комариный*, — причем торжественность описываемого момента подчеркивается здесь оформлением слова *начало* (как и остальных слов) с прописной буквы.

Другие смыслы *начала* представлены не столь обильным материалом и не столь отчетливо. В одних случаях, даже при определенной сложности поэтического образа, значение слова в контексте понятно (например, в строках: *Лилось из кос начало пьяное (Хл)* и *Вяньем какого-то подземного начала (П)* — *начало* выступает как синоним слов *ипостась, сторона* и *стихия*). В других — способы экспликации смыслов сложны, далеко не всегда поддаются однозначному толкованию, поэтому их интерпретация будет неизбежно сопровождаться модальностью предположительности. Так, значения 'источник, причина бытия', 'сущность чего-н.' обычно выступают в сочетании, скрещении с другими

смыслами. Например, в стихах Блока: *И дух и плоть путем одним бегут, в стремлении нераздельны, И бог — одно начало им* — *начало* может быть истолковано не только как абсолютное начало, источник, сила, «рождающая, создающая» (по Далю, который приводит к этому значению фразу, восходящую к Библии: *Бог есть начало всяческих*), но и, возможно, как единственный закон, единственное указание. В другом блоковском примере: *Лебедь сонный И я — поверженный за ним — Как дым кадилый, благовонный, К началам взнесшийся своим* — *начала* можно, по-видимому, интерпретировать как истоки, как синоним небес, Бога. Значение «божественного начала» как активной, творящей силы, источника бытия передается и высокой фразеологией (не находящей пока последовательного отражения в словарях). См., к примеру, фрагмент из поэмы Кузмина «Лазарь» (1928), построенный на повторе фразеологизма *начало всех начал*, выступающего в подчеркнуто олицетворенном виде: *И правда оказалась, Как будто приближалось Начало всех начал. // Начало всех начал друзей согнало К Эммануилу за перегородку.*

Завершая рассмотрение статьи НАЧАЛО, коснемся значения, выраженного в форме мн. ч., — «основы, основные принципы, правила» (это значение не имеет аналогии в формах слова *конец*, за исключением некоторых случаев, когда оно выступает в сочетании со словом *начало*). Данное значение представлено небольшим числом контекстов: очевидно, что, например, в конце XIX — начале XX в. идея конца была более актуальной, чем поиск начал. Такое употребление встречается у Блока: *познание Ранних и светлых и мудрых начал*, у Кузмина: *допотопные начала* и др. В строках Пастернака: *она [жизнь] внесла, во-первых, Во все, что стало, вкус больших начал* — наблюдается приращение смысла: здесь точнее, видимо, говорить о планах, идеях, идеалах. В развитии темы начал — законов интересной была бы проекция на прозу наших поэтов, в том числе нехудожественную. Так, слово *начало* как основной принцип в поэзии Хлебникова не нашло отражения, однако в рукописном наследии поэта оно играет очень большую роль.

Статья КОНЕЦ.

Как и в статье НАЧАЛО, здесь наибольшее число контекстов принадлежит Блоку (85), Пастернаку (61), а также Цветаевой (63). У других поэтов: Кузмин — 30, Ахматова — 29, Хлебников — 27, Маяковский — 19, Анненский — 12, Есенин — 10, Мандельштам — 8. Не случайными, как будет показано ниже,

представляются данные по периодам: пик в употреблении слова *конец* приходится на первые три десятилетия XX в. (причем 1900–1910 — 96, 1920–1930 — 98). Семантическое поле *конца* в том варианте, который дает нам язык поэзии XX в., организовано идеей «конечности», «предельности» — конца существования: человека, мира как целого, объекта как части этого целого. Наблюдается, таким образом, асимметрия в семантическом устройстве двух полей — *начала* и *конца*.

В отношении наших поэтов к идее конца можно строить, с учетом особенностей их мировидения, предпочтений в разных областях, окружения и т. д., своеобразную типологию исторического пессимизма и оптимизма, в которой будет представлена вся амплитуда — от глубокого пессимизма Блока периода раннего символизма до оптимистического «горланства» Маяковского и оптимизма Хлебникова как надежды, веры в то, что решение многих проблем может наступить в начале нового века. В разной степени звучит в стихах поэтов отголосок идей Ницше об утрате своей силы тем, что раньше определяло человеческое бытийствование, апокалиптических представлений о конце человека, конце истории, культуры и т. д., получивших распространение на рубеже веков и продолжение в России первой трети XX в. в связи с ее коренным революционным переустройством. В стихотворении «Все бытие и сущее согласно...» (1901), рукопись которого содержит помету «Нитцшеанское», Блок пишет: *Все бытие и сущее застыло В великой неизменной тишине. Я здесь в конце, исполненный прозренья, Я перешел граничную черту*. Идея конца как предела бытия реализуется в поэзии столетия, с одной стороны, как предел земного существования человека (конец-смерть), с другой — как окончание существования мира, природы, прекращение различных видов человеческой деятельности. Конец как смерть встречается практически у каждого из поэтов на протяжении всего обозначенного периода: *Муки ль конец зовут* (Анн), *вижу свой конец* (АБ), *всякий свято чтит она [душа народная] конец* (АБ), *в ожидании конца* (ОМ), *перед лицом конца* (Хл), *мой конец близок* (Ес) и т. п. Поэты подчеркивают предначертанность, непреложность конца, его особую простоту, естественность: *Мой конец предначертан* (АБ), *конец всегда однозвучен, Никому не понятен и торжественно прост* (АБ), *непреложен наш конец и прост* (Куз). Конец может быть неожиданным и ожидаемым, радостным и страшным: *нечаян конец* (П), *Так ждут — конца* (Цв), *пред радостным концом* (Куз), *ты конца боишься* (Ахм). Усиление смысла конец-смерть достигается под-

ключением к слову *конец* лексем того же семантического поля: *Восторженная буря случая Сулит конец, убийство — пусть!* (АБ). Как и в статье НАЧАЛО, здесь в некоторых примерах проступают семантические коннотации, возникающие в связи с ближайшим контекстным окружением слова *конец*. Так, в хлебниковских строках из стихотворения, посвященного А. Е. Крученых: *Ловко ты ловишь мысли чужие, Чтоб довести до конца, до самоубийства*, — эффект выразительности создается путем совмещения в выражении *довести до конца* двух смыслов: значения 'завершить что-н., достичь какого-н. предела в чем-то' и 'привести в состояние смерти' (вторая сема усиливается стоящим далее уточнением — *до самоубийства*). Строки Есенина: *Твой [старик] конец не велик, Жизнь твоя у гроба* — можно трактовать как «твоя смерть недалеко, до смерти осталось немного»; семантика точечности у слова *конец* заменяется в контексте семантикой протяженности во времени. Истоки такого употребления слова следует искать, возможно, в диалектной речи. Еще один пример, демонстрирующий обретение нейтральным словом контекстной оценочности. В строках Кузмина: *Чтоб сподобиться венца, Удостоиться конца, Золотое брось кольцо* — явно актуализовано положительное значение: *конец-смерть* — здесь достойный, благой *конец*.

Другая ипостась конца как предела бытия, окончания существования, прекращения чего-н. связана в поэтических строчках с объектами чрезвычайно разнородными: они относятся к мирозданию в целом, природе, обществу, разным видам деятельности человека (в том числе творческой), его интеллектуальной и эмоциональной сфере и т. д.: *Моим страстям, моим забвениям, Быть может, близится конец* (АБ), *Конец закату и отливу, конец и смерти* (Куз), *Конец преданьям и туманам* (АБ), *век стиха пришел сейчас к концу* (П), *Как будто мира наступил конец* (Ахм), *придет к концу Последний день Помпеи* (П), *Безжалостный конец Мессины* (АБ), *Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу* (ОМ), *до конца памяти и планеты* (Цв), *Конец ли дня, конец ли мира* (Ахм) и т. п. Мотив всеобщего конца настойчиво повторяется поэтами в сходных выражениях, причем в произведениях, построенных на очень разных сюжетных линиях: *Теперь конец всему* (П), *Пусть весь свет идет к концу* (Цв), *Кто заблудился в двух шагах от дома, Где снег по пояс и всему конец?* (Ахм), *Молчи, богемец! Всему конец!* (Цв), *Зима в лесу — не время года, А гибель и конец времен* (П).

Понятие предельности, конечности бытия переплетается с идеей бесконечности — существования, осуществления, присут-

ности и т. д. Это явление коррелирует прежде всего с верованиями раннего Блока, которому принадлежат строки оксюморонного характера: *У безнадежности — надежды, У бесконечности — конец*. Характерное для Блока сочетание *без конца* (употребляемое им и как устойчивое, и как свободное сочетание) встречается даже в субстантивированном виде, причем автор выделяет его курсивом: *Вознесясь стезею бледной В золотое без конца, Стану, сын покорно-бледный, В осиянности Творца* (стихотворение «Новый блеск излило небо...», 1900).

В статье **КОНЕЦ**, в отличие от статьи **НАЧАЛО**, широко представлено значение предела, грани чего-н. — в предметной соотносительности. Поэты пишут о конце: ботинки узкой, чалмы, веревки, дышла телеги, гребенки, копья, петли, весла, постели, бича..., о концах: крыльев, Библии, сигар, невода, кос, сабли, ремней, серпа, креста... Здесь особенно много примеров из произведений Хлебникова, что, несомненно, отражает внимание поэта к предметному миру, его мельчайшим деталям, так называемую «оптику близорукости», существующую у поэта наряду с «оптикой дальнорукости». Именно это значение слова *конец* порождает образные контексты, например: *Концами шали вяжу печаль твою (Цв), Умеет рукоять столетий <...> по горлу королей Концом свирепо щекотать (Хл)*.

В большом пространстве статьи **КОНЕЦ** наряду с широко представленными значениями выявляются смыслы, которые иллюстрируются единичными контекстами. Так, *конец* как часть целого, часть пространства (а не последняя грань в пространстве) встречается у Хлебникова в метонимической конструкции: *И, как дубина: «Бей по мордасам!» Летит от белого конца*, — то есть от позиций, занятых белыми. *Конец* в значении «путь, дорога» (обычно маркируемом в словарях пометой «разг.») находим в стихотворении Анненского «Тоска миража» (1900-е): *Мои ли без счета и меры По снегу не тяжки концы?*

В материалах статьи **КОНЕЦ** также содержатся контексты, в которых семантика слова представляется туманной, неопределенной, не укладывающейся в рамки строго выделяемых конкретных значений. Например, в строках Анненского: *Нас сторожит ночами тень недуга, И лишь концы мучительного круга Не сведены в последнее звено* — дан, по-видимому, образ жизненного пути, причем лексема в форме мн. ч. *концы* — равна, по сути, концу и началу, то есть в поэтических строках в своеобразном виде проступает тождественность двух имен, их взаимозаменяемость. Семантическая нюансировка характеризует и известные строки Пастернака: *Нельзя не впасть к концу, как в ересь, В не-*

слышанную простоту. Здесь к концу, как нам представляется, это не обязательно «в конце жизни», а, возможно, «рано или поздно», «в конце концов»; в данном случае значение слова сближается со значением фразеологизма.

Общую часть двух словарных статей составляют контексты, включающие оба слова. Как правило, они расположены контактно, образуют сочетания разных типов: по способу связи между компонентами (начало конца, начала и концы), по степени их спаянности (фразеологические — с начала до конца, свободные — без начала и конца) и т. д. Из примеров с дистантным расположением лексем интересно стихотворение Кузмина «В начале лета, юностью одета...» (1910). Здесь словам: *В начале лета*, — трижды повторенной (она открывает стихотворение, завершает вторую и третью — заключительную — строфы), противостоит срединное: *Конец таится радостных лучей*.

Соединение слов *начало* и *конец* порождает, как правило, тонкие смысловые коннотации. Например, в стихотворении Блока «Жизнь» (1899): *Всегда, везде — живая вечность, Одно начало и конец* — сочетание, восходящее к библейскому «Аз есмь альфа и омега, начало и конец», может быть истолковано как обозначение рождения и смерти, некоей стрелы времени как линии жизненного пути человека. Другие строки Блока: *Весь-то жизненный путь мы прошли до конца, — И концом оказалось начало*, — содержащие лексический повтор, несут в себе идею обратимости начал и концов, конца как нового начала.

Понятие беспредельности во времени, безграничности существования, осуществления и т. д. чего-н., в котором нейтрализуются различия начала и конца, передается сочетаниями рассматриваемых слов с предлогом *без* и словом *нет*. Формульное выражение: *без конца, без начала* — находим у Даля в виде загадки: *Без конца, без начала, а не Бог?* (отгадка: кольцо). Из наших поэтов его используют Анненский: как заглавие стихотворения — БЕЗ КОНЦА И БЕЗ НАЧАЛА (1900-е), Блок: — в строках о мытарствах души (стихотворение «Пусть я покину этот град...» (1900): *Душа боролась, погибала <...> Так — без конца, так — без начала...*) и в стихах из Пролога к поэме «Возмездие»: *Жизнь без начала и конца*. Сочетания со словом *нет* в том же значении также встречаются у Анненского: *И нет конца, и нет начала Тебе, тоскующее я?* — и Блока: *Нет конца и нет начала, Нет исхода — сталь и сталь*.

Сочетания, состоящие из форм мн. ч. (*начала и концы*), используются поэтами в разных вариантах и с разным семантиче-

ским наполнением. Например, в строках Блока: *Сколько ни размышляйте о концах и началах, Все же я смею думать, Что вам только пятнадцать лет* — и Ахматовой: *Мне ведомы начала и концы, и жизнь после конца* — речь идет, по-видимому, о законах бытия, основах жизни (у Ахматовой также о жизни после смерти), в стихах же Пастернака: *Буря не месяц будет мечь, Концы, начала заметет*, — хотя концы и начала — это крайние точки в объектном хронотопе, они берут на себя функции всего.

В поэтических строках находим примеры языковой игры со словами *начало* и *конец*. Явное преобразование устойчивых сочетаний *начало конца* и *конец начала* в стихотворении Цветаевой о легкомыслии: *С кем бы жизнь меня ни венчала! Начинать наугад с конца, И кончать еще до начала*.

Асимметричные по объему, по смысловому распределению контекстов статьи НАЧАЛО и КОНЕЦ схожи в том, как они демонстрируют реализацию значений слов *начало* и *конец* (и образуемых ими идиом) через семантические нюансы, приращения смысла, возникающие из контекстного окружения, ассоциативных связей и т. д. Представляется, что некоторые из примеров подсказывают направление в уточнении даваемых в словарях семантической структуры слов, толкований отдельных значений, в расширении фразеологии.

Более детальный и широкий анализ концептов *начало* и *конец* в поэтическом языке XX в. потребовал бы обращения к производным словам, привлечения лексических единиц, обретающих семантику начала и конца в отдельных своих употреблениях (например, слов *два* и *три* у Хлебникова, в которых присутствует образ, соединяющий понятия начала и конца), обращения, для объективности выводов и полноты картины, к творчеству и других поэтов XX в. и т. д. Исследование начал и концов в поэтическом языке представляется нам, таким образом, перспективным и не имеющим конца.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев 1979 — Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
- Григорьев 1994 — Григорьев В. П. Самовитое слово и его словарное представление // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53. № 4.
- Самовитое слово 1998 — Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А — А-ю-рей / Сост.: В. П. Григорьев, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова. М., 1998.

МОТИВ ВЕТХОСТИ У А. ПЛАТОНОВА:
МЕЖДУ КОНЦОМ И НАЧАЛОМ

Концы и начала в поэтике Андрея Платонова наиболее емко артикулированы в мотиве *ветхости*. *Ветхость* в топики писателя занимает одну из центральных позиций. Словесные формы, в которые облечен данный мотив, являются характерным образчиком языка писателя. Особенности поэтики Платонова выступают здесь наиболее звучно. Мотив *ветхости* в его сочетании с другими мотивами проясняет картину мира писателя, заданную прикосновением к тончайшим слоям человеческого существования. Сквозь призму этого мотива раскрываются важнейшие свойства поэтики мастера.

В фокусе настоящего исследования — проблема взаимной соотнесенности мотивов и стоящих за этой конфигурацией смыслов. Известно, что языку А. Платонова свойствен разрыв между основным словарным значением ключевого слова, на которое опирается отдельный концепт и/или мотив, и семантикой мотива в составе мотивного комплекса, который можно условно назвать идиотопикой. Отдельный мотив может служить интегрирующим звеном, связывающим и обнажающим неявные смыслы сопряженных мотивов. Ярким примером такого рода зазора, выполняющего прежде всего функцию поэтическую, служит *ветхость*. Реализуя основное словарное значение лексемы *старый* и отсылая тем самым к оппозиции *старый/новый*, *ветхость* и его производные в сжатой форме разворачивают множественность манифестаций мотивной пары *концы-начала*, образуя базовый слой соответствующего концепта. Проблеме соотнесенности *ветхости* с мотивами *концов* и *начал* и посвящена данная статья. Материалом исследования послужили тексты романов «Чевенгур» (Ч) и «Счастливая Москва» (СМ), повестей «Ювенильное море» (ЮМ), «Котлован» (К) и «Джан» (Д), рассказов «Река Потудань» (РП), «Мусорный ветер» (МВ), а также некоторых других произведений Платонова конца 20-х — середины 30-х гг.

Мотивы *концов* и *начал* в их взаимной сцепленности в прозе Платонова необычайно значимы: они относятся к ведущим темам в его творчестве — мотивам циклического круговорота жизни, памяти об отцовско-материнском комплексе как наиболее фундаментального уровня в человеческом сознании (ср. параллелизм

тематических комплексов воскрешения отцов и возвращения в материнское лоно), а также теме истончения существования как пограничья *концов* и *начал*, где последние представлены в их динамическом (про-пост-космологическом) модусе, как состояние-процесс: *почти-конец, еще-не-начало*. *Ветхость* эксплицирует и выявляет глубинные смыслы этих превращений.

Семантический спектр мотива *ветхость* у Платонова очень широк. Слово *ветхий* прежде всего реализует основное словарное значение «старый», причем оно относится как к пространству, так и к времени. Применительно к предметам, то есть к местам, образующим пространство, *ветхость* выступает как синоним слов *старый*, *дряхлый* и/или образует параллелизм в соединении со словами *старый*, *старость* в пределах одной синтагмы: *Кондаев любил старые плетни, ущелья умерших пней, всякую ветхость, хилость и покорную, еле живую теплоту* (Ч-41); *Всё находилось в прежнем виде, только приобрело ветхость отживающего мира; уличные деревья рассыхались от старости и стояли давно без листьев...* (К-474); *...прибывшие люди стояли вокруг покойной и смотрели в ее лицо, уже сменяемое ветхими силами смерти, старое, как у Федератовны* (ЮМ-564); *...его вывели во двор и поставили к ограде, сложенной из старого десятивершкового кирпича; Божев успел рассмотреть эти ветхие кирпичи, которые до сих пор еще лежат в древних русских крепостях...* (ЮМ-570); *...к одиннадцати часам утра этот день уже постарел от действия собственной излишней энергии — от жара, от пылящей ветхости почвы...* (МВ-375).

Различаются именная и предикативная формы лексемы *ветхость*. Именная форма доминирует и часто порождает генитивное подчинение (*ветхость ткани, ветхость парка, ветхость города, ветхость мира, ветхость тел, ветхость бедности, ветхость почвы*). В именной форме *ветхость* иногда выступает как субъект действия (актант): *Вблизи была старая деревня; всеобщая ветхость бедности покрывала ее и старческие, терпеливые плетни, и придорожные склонившиеся в тишине деревья имели одинаковый вид грусти* (К-492); *Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов* (Ч-18); *Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти...* (К-525-526), однако чаще является объектом, выполняя в предложении роль прямого дополнения: *Кондаев любил... всякую ветхость...* (Ч-41); *Он вспомнил сухую ветхость женских тел, которые он сейчас поддерживал для поцелуев, и как одна женщина сама прижалась к нему, слабая, словно веточка, пряча вниз привыкшее грустное лицо* (Ч-356).

Применительно к месту-пространству мотив ветхости выступает как экзистенциал, отсылая ко второму члену оппозиции *жизнь/смерть* в значении *почти умерший*, находящийся между жизнью и смертью, то есть маркирует зону экзистенциального пограничья: *Кондаев любил старые плетни, ущелья умерших пней, всякую ветхость, хилость и покорную, еле живую теплоту* (Ч-41)¹; *Все находилось в прежнем виде, только приобрело ветхость отживающего мира* (К-474); *...прибывшие люди стояли вокруг покойной и смотрели в ее лицо, уже сменяемое ветхими силами смерти, старое, как у Федератовны* (ЮМ-564). Это место, где размещена вещь, дошедшая до своего края [Топоров 1995], где она сближается — в рамках топики Платонова — с мотивом мусора². Состоянием ветхости отмечены у Платонова вещи как таковые (предметы обихода, одежда): *Наклонившись, Воцев стал собирать вынутые Настей ветхие вещи, необходимые для будущего отмицения, в свой мешок* (К-537), а также символические предметы: *Сашу заинтересовали те кресты, которые были самые ветхие и тоже собирались упасть и умереть в земле* (Ч-36), жилище (см. ниже), природа: *Свет утра расцветал в пространстве и разжедал вянущие ветхие тучи* (Ч-238) и природное окружение: *Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов* (Ч-18).

Важнейший локус мотива — жилище и другие облики человеческого обиталища (дом, двор с хозяйственными строениями на нем, город, мир): *Он вспомнил свою домашнюю мебель, свой ветхий двор, супругу и был рад, что они тоже не знали Карла Маркса и поэтому не расстанутся со своим мужем и хозяином* (Ч-191); *Тот свет проникал в чевенгурскую кузницу через ветхие щели дверей, в которых еще была копоть, осевшая там в более трудолюбивые времена* (Ч-300); *Никита сел на скамейку около калитки обветшалого, но все же знакомого дома* (РП-358); *... он постепенно починил обветшалый сарай во дворе* (РП-369); *По двору росла случайная трава, в углу стоял рундук для мусора, затем находился ветхий сарай, и около него жила одинокая старая яблоня без всякого участия человека* (Д-377); *Он сомневался, нужно ли сейчас истратить, привести в ветхость и па-*

¹ Повтор цитаты (см. предыдущую страницу и ряд других случаев) неизбежен и является принципом рассмотрения мотивных возможностей, последовательно проведенных в настоящем исследовании: в пределах одной синтагмы реализуется поливалентность ключевого мотива.

² О мусоре в аспекте *vanitas vanitatum* у Платонова см.: [Злыднева 1999].

губность целый город и все имущество в нем — лишь для того, чтобы когда-нибудь, в конце, на короткое время наступила убыточная правда (Ч–303); Всё находилось в прежнем виде, только приобрело ветхость отживающего мира... но кто-то существовал еще, притаившись за двойными рамами в маленьких домах, живя прочней дерева (К–474). Здесь ветхость реализует значения 'старый', 'хрупкий', 'разрушающийся', 'находящийся на краю гибели', маркирующие этот экзистенциально-пространственный перевал через край.

Особую группу пространственных объектов, несущих на себе печать ветхости, составляет человеческое тело (*ветхая грудь, сухая ветхость женских тел, ветхая плоть, ветхая голова, ветхая девственность*), а также его символический заместитель в системе поэтики Платонова — *дерево* [Дмитровская 2000, 3–24]: Но Козлов не уважал чужой жалости к себе — он сам незаметно погладил за пазухой свою глухую ветхую грудь и продолжал рыть связный грунт (К–451); Он вспомнил сухую ветхость женских тел, которые он сейчас поддерживал для поцелуев, и как одна женщина сама прижалась к нему, слабая, словно веточка, пряча вниз привыкшее грустное лицо (Ч–356) (пароним: ветхость — веточка); Вблизи была старая деревня; всеобщая ветхость бедности покрывала ее, и старческие, терпеливые плетни, и придорожные склонившиеся в тишине деревья имели одинаковый вид грусти (К–492). Интересно, что ветхое тело риторически возвышается, уподобляясь ущелью как элементу героического пейзажа: ...по одной жиле, похожей на дерево, можно чувствовать, как бьется где-то сердце, с напором и с усилием прогоняя кровь сквозь узкие обвалившиеся ущелья тела (Ч–34), однако при этом возникает мотив щели, активизируя близость однокоренных слов *ущелье=щель*, чья тождественность подчеркивается и паронимией, и это тождество маркирует истончение «ткани» жизни, человеческого существования: Кондаев любил старые плетни, ущелья умерших пней, всякую ветхость, хилость и покорную, еле живую теплоту (Ч–41); Тот свет проникал... через ветхие щели дверей... (Ч–300). Описание ветхого тела сквозь призму мотива щели сближается с понятием складки, которым пользуется современная философия, обращенная к проблеме телесности, для описания формирования и экспликации пространственно-телесного опыта человека [Подорога 1995]. Если согласиться с В. Подорогой в том, что человек Достоевского — это человек без кожи [там же, 55], то человека Платонова легко узнать по складкам ветхой кожи, формирующим щели-ущелья его тела.

Субститутотом тела, и в частности кожи, является одежда, которая тоже несет на себе печать ветхости: *В своей комнате Люба раздела и уложила Никиту в кровать и укрыла его одеялом, старой ковровой дорожкой, материнскую ветхую шалью — всем согревающим добром, какое у нее было* (РП-365). В приведенной цитате реализуются именная форма лексемы — *ветхость*, а в качестве предикатов — прилагательное *ветхий*, отглагольное прилагательное *обветшалый*, глагол *ветшать*. Качественно ветхости могут быть отмечены одежда, ткань, головной убор, где чаще всего обнаруживается эквивалентность-перенос *тело=одежда*: *...одежда на вневойсковике была так же изношена, как кожа на его лице, и согревала человека лишь за счет долговечных нечистот, взевшихся в ветхость ткани* (СМ-22); *На каменной плите лежала шляпа музыканта, прожившая все долгие невзгоды на его голове — и некогда она покрывала шевелюру молодости, а теперь собирала деньги для пропитания старости, для поддержания слабого сознания в ветхой голой голове* (СМ-23); *Она сейчас была в одной заношенной ночной рубашке, и похудевшее тело ее озябло в прохладном сумраке позднего времени* (РП-376). Именно поэтому исцеляется слабое тело ветхой одеждой/тканью, в чем реализуется принцип симпатической магии: тело лечат телом или его заместителем — одеждой, а жар — теплом³: *Сильный жар уносил его в своем течении вдаль от всех людей и близких предметов, и он с трудом видел сейчас и помнил Любу, боясь ее потерять в темноте равнодушного рассудка; он взялся рукой за карман ее пальто, сшитого из красноармейской шинели, и держался за него, как утомленный пловец за отвесный берег, то утопая, то спасаясь* (РП-364).

Мотив поношенной (=обветшалой) одежды очень распространен у Платонова и необязательно задан эпитетом *ветхий*. В описании старой одежды эксплицированы мотивы прозрачности и недостачи: одежда недостаточно покрывает тело, обнажая то, что должно быть невидимо. В РП по этому признаку выводится параллель *старое платье = живое/мертвое тело*: *...кисейное, бледное платье доходило ей только до колен, больше, наверно, не хватило материала, и это заставило Никиту сжалиться над Любой — он видел такие же платья на женщинах в гробах, а здесь кисея покрывала живое, выросшее, но бедное тело* (РП-358). Прозрачность имплицитно определяет границу, вовлекая значение погра-

³ О целительстве в связи с мотивом болезни у А. Платонова см.: [Злыднева (в печати)].

ничья, и тем самым отсылает к мотиву *ветхости* опосредованно, то есть *ветхий* как *хрупкий, хилый*: Кондаев любил... всякую *ветхость, хилость и покорную, еле живую теплоту* (Ч-41).

Наконец, *ветхость* выступает как предметный объект, наделенный качеством пространственности природного пейзажа (*окраинная ветхость*) или психологическими атрибутами (*ветхость хилая и покорная, истершаяся терпеливая ветхость*), которые отсылают к классу людей, к социуму: *обветшалые граждане* как одновременно обнищавшие и утомленные: ...это гнездо было свито из зелени забот о советских гражданах, трудной жалости ко всем обветшалам от нищеты и яростных подвигов против ежеминутно встречающихся врагов бедных (Ч-128), но также и люди бывшие, люди прежнего времени, ср.: *тот общий дом возвысится над всем усадебным, дворовым городом, а малые одиноличные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно останоят дыхание исчахшие люди забытого времени* (Ч-48).

Последний пример показывает, как *ветхость*, имплицитно маркируя состояние времени посредством состояния тел и вещей, определяет время также и напрямую, реализуя более архаический пласт семантики *ветхий* как *старый* в значении *прежний*, относящийся к давно прошедшим временам. Аналогичным образом и в развитие этой семантики в словосочетании *ветхие времена* восстанавливается значение *Ветхий Завет*: *буржуазия тех ветхих времен не была глупой* (СМ-39). Та же семантика имплицитирована и в мини-сюжете с *ветхой* книгой: — *Это Умрищев, — сказала она. — Он думает, что тут было при Иване Грозном: не лучше ли? И действительно, то стоял в глубоком размышлении Умрищев, держа ветхую книгу в руках* (ЮМ-578). Здесь семантика слова *ветхая* образована наложением более архаического значения на современное нормативное употребление, сближая временной и пространственный семантические пласты. Архаическое *ветхий* как *прежний* может обыгрываться иронически: ...опершись рукой на спящего быка, Вермо уже приобрел другую догадку: *не пришла ли пора отойти от ветхих форм животных и завести вместо них социалистические гиганты, вроде бронтозавров, чтобы получить от них по цистерне молока в один удар?* (ЮМ-577). Более явно корпус значений, отсылающих к теме *ветхозаветности*, выступает тогда, когда *старое* в соединении с *ветхим* замещается *стариной*: *Умрищев, потеряв интерес к гостю, снова приступил к своему медленному чтению старины, иногда улыбаясь какой-нибудь ветхой шутке* (ЮМ-552).

К собственно временным параметрам ветхости как прошлому следует отнести и мотивную связку ветхость=память: Он вспомнил свою домашнюю мебель, свой ветхий двор, супругу и был рад, что они тоже не знали Карла Маркса и поэтому не расстанутся со своим мужем и хозяином (Ч-191); Он вспомнил сухую ветхость женских тел (Ч-356); Теперь же воздух ветхости и прощальной памяти стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами (К-475). Ветхость как концепт в данной связке прослеживается также в следующих контекстах: Дванов вспомнил старого, еле живущего Захара Павловича (Ч-294); Прокофий... вспомнил, что Чепурный желает женщин худых и изнемогих... (Ч-299). Память и ветхость в значении 'слабый', 'старый' образуют связь по примыканию, соположению.

Реализуя основное словарное значение, ветхое, как правило, маркирует прошлое: Тот свет проникал в чевенгурскую кузницу через ветхие щели дверей, в которых еще была копать, осевшая там в более трудолюбивые времена (Ч-300). Однако ветхое может быть обращено и в будущее: Наклонившись, Воцев стал собирать вынутые Настей ветхие вещи, необходимые для будущего отмищения, в свой мешок (К-537); Он сомневался, нужно ли сейчас истратить, привести в ветхость и пагубность целый город и все имущество в нем — лишь для того, чтобы когда-нибудь, в конце, на короткое время наступила убыточная правда (Ч-303); и как концепт: ...это слабое тело, покинутое без родства среди людей, почувствует когда-нибудь согревающий поток смысла жизни, и уж ее увидит время, подобное первому исконному дню (К-484). В последнем случае мы имеем дело с сакрально-инверсированным будущим как временем, описанным в Апокалипсисе, то есть относительно концепта ветхости — временем Нового (не-Ветхого) Завета.

Наконец, предикативная форма ветхости нашла выражение в наречии ветхо: Копенкин отыскал избу с вывеской Совета, но там было пусто, ветхо и чернильница стояла без чернил (Ч-153). Параллелизм ветхо=пусто указывает, что здесь ветхость равнозначна пустоте, отсылая ко второй части оппозиции жизнь/смерть. Однако если учесть, что концепт пустоты в мотивике Платонова оксюморонно маркирует сакральную полноту, ветхость по аналогии следует отнести к мотивам, образующим значение, противоположное нормативно-словарному: старый — но и одновременно помолодевший; слабый, изношенный — но и стойкий, воспрявший. Ниже мы увидим, что подобного рода парадоксальное обращение традиционной семантики у Платонова не случайно и опирается на ряд диалектных значений слова ветхий.

Мир и его состояния, которыми охватывается *ветхость*, истине всеобъемлющи. Не только пространство и время маркированы этим мотивом, но даже обстоятельства действия (*там было ветхо*), а также звуковой код (*ветхий скрип*). Таким образом, *ветхость* в прозе А. Платонова конца 20–30-х гг. — это и пространственно-временное состояние вещи или персонажа, и образ действия, и характер всеобщего существования. Она маркирует весь космос «персонажей» писателя, включая не только человека, но и природу — растения и стихии, которые все вместе обнаруживают присущее миру истоньшение бытия.

Ветхость может быть описана следующим набором мотивов-концептов: *истертая вещь — угасающая плоть (тело) — гибнущий город (мир)*; в целом *ветхость* — это опорощенное, и потому оставленное место (амбивалентный эквивалент — *порожнее место*), что соответствует значению *опустошение* (места обитания, тела, души, а также образа действия). Темпорально отмечены состояния по признаку *убывания, угасания, умирания* — это процессы с вектором от жизни к смерти. Это общее состояние угасания сопричастно теме органического мира в его разрозненных частях (*тело, кости, травы*), включая элементы природного пейзажа (*опушки, тучи, бугры*), а также параллели по примыканию (*ветер, вода*). Характерен локус концепта *ветхости*: это *окраина и пустота* (с амбивалентной параллелью *порожнее место*): *На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности* (К–449). Наконец, временной код *ветхости* — *ночь* — артикулирован посредством лексемы *луна*: *Над домами, над Москвой-рекой и всею окраинной ветхостью города сейчас светила луна* (Ч–329); *ветхость* как состояние увядания: *Копенкин наблюдал, как волновалась темнота за окном. Иногда сквозь нее пробегал бледный вянувший свет, пахнувший сыростью и скукой нового нелюдимого дня. Быть может, наставало утро, а может, это — мертвый блуждающий луч луны* (Ч–156), и соответственно образом в звуковом (сенсорном) коде — как *скрип*: *тишина распространялась сейчас по всему видимому свету, только топор Чиклина звучал среди нее и отзывался ветхим скрипом на близкой мельнице и в плетнях* (К–508). Общій концепт, неоднократно закрепленный и лексически в связи с мотивом *ветхости*, выступает как *память/беспамятство*. Подытоживая анализ семантического поля исследуемого мотива, можно сказать, что *ветхость* у Платонова выступает в значении *воспоминание о гибели (живого)*.

Акцентированность в мотивном комплексе *ветхость* темы органического мира, которому уподоблен и мир вещи, показывает, что мотив кодирует характерные для писателя мотивы-идеологемы, относящиеся к идее пребывания всего сущего на грани бытия. Вектор движения, обозначенный в наборе мотивов, соположенных концепту *ветхость*, описывает это состояние как процесс трансформации-перерождения мертвого в живое: память как образ циклического круговорота (природы, мира, субъекта). Субъект этого круговорота — мир покорный, подлунный, слабый плотью, но исполненный терпения, а потому по-своему сильный. То есть это тема христианства, мученичества, Христа. Аналогичные мотивы находим у В. Розанова в его книге «Люди подлунного мира».

Реализуясь в отношении к оппозициям *жизнь/смерть*, *влажное/сухое*, *целое/часть*, *настоящее/прошлое*, *ветхость* занимает пограничную, со смещением ко второму члену, позицию: *полу-смерть*, *почти-сухое*, *умирающее*, *еле живое*, находящееся в процессе *опустошения*, принадлежащее *прошлому*. Отсюда и мотив *щели*, маркирующий как изможденное человеческое тело, так и *ветхое* строение. Благодаря своей выраженной пограничности и интенциональности *ветхость* способствует созданию особой вязкой среды, в которой мотивные противоположности сближаются. Этим обусловлен и большой семантический разброс, который наблюдается в текстах. Он показывает, что пафос мотива — тенденция к сведению в одно целое *концов* и *начал* как *старого* и *нового*. Возникает прозрачность смыслов, где настоящее определяется через прошлое (= старое), а будущее (= новое) и целое — через прошедшее (прежнее), дробное и пустое, подобно тому как жизнь — через предшествовавшую ей смерть. Одним словом, *ветхость* Платонова организована таким образом, что в узле смыслов, собираемых ею, выделяются крайности и возникает амальгама *концов* и *начал*.

Одним из способов объяснения подобной организации платоновского мотива может служить рассмотрение валентностей, формируемых этим мотивом. Среди них одно из ведущих соотношений — мотив *травы*. Семантическая цепочка мотивов *ветхость*—*трава* реализуется на глубинном уровне — на уровне восстановления первоначальной семантики лексемы *ветхость*: по Далю, *ветхая трава* — это *прошлогодня трава*, то есть *конец*, ставший *началом* [Даль 1955, 188]. *Трава* является ведущим мотивом Платонова как с точки зрения рекуррентности, так и смысловой насыщенности. Она отсылает к комплексу мотивов органического роста, неконтролируемой жизненной силы, хаотически телесного,

постоянно воспроизводящегося начала. Семантика *ветхая трава* как *прошлогодня трава* встречается у Платонова слишком часто, чтобы можно было игнорировать эту связь: *Земля по склонам и на высоких пашнях лежала темной, снег ушел с нее в низы, пахло молодою водой и ветхими травами, навшими с осени* (РП-367). Скрытая семантика *травы* как органического роста, пре-начальности, бессмертия реализована и в метафоре *дебри девственности*: *Мульдбауэр предсказывал близкое завоевание стратосферы и дальнейшее проникновение в синюю высоту мира, где лежит воздушная страна бессмертия; тогда человек будет крылатым, а земля останется в наследство животным и вновь, навсегда зарастет дебрями своей ветхой девственности* (СМ-42).

Особенно характерен мотив бессмертной *травы* в динамике. Для произведений Платонова характерна *трава увядающая или вырастающая заново* — своего рода *perpetum mobile* естественного воспроизводства жизни: *Пашинцев согласился и рассказал про сорную траву. В свое детское погубленное время он любил глядеть, как жалкая и обреченная трава разрастается по просу. Он знал, что выйдет погожий день и бабы безжалостно выберут по ветелке дикую неуместную траву — васильки, донник и ветрянку. Эта трава была красивей невзрачных хлебов — ее цветы походили на печальные предсмертные глаза детей, они знали, что их порвут потные бабы. Но такая трава живет и терпеливей квелых хлебов — после баб она снова рожалась в неисчислимом и бессмертном количестве* (Ч-143). К концепту *ветхости* отсылает и трава на дорогах войны: в РП она и новая, и старая одновременно: *Трава опять отросла по набитым грунтовыми дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась* (РП-354), но при этом пеший человек задремал на земле под солнцем, в сентябрьской траве, уже уставшей расти здесь с давней весны (РП-354-355).

Тема *умершей (= ветхой) травы* как метафоры угасания жизни обладает высокой экзистенциальной насыщенностью у Платонова: *На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности* (К-449). Она маркирует центральные концепты Платонова, среди которых особенно значимы *тело* и *свет*. Так, семантика *прошлогодня травы* как *конца*, ставшего *началом*, проступает в переносах — в описании света в ночи: *Копенкин наблюдал, как волновалась темнота за окном. Иногда сквозь нее пробежал бледный вянувший свет, пахнувший сыростью и скукой нового нелюдимого дня. Быть может, наставало утро,*

а может, это — мертвый блуждающий луч луны (Ч-156 — ср. эпитеты, характерные для травы: *вянущий, пахнувший сыростью*). Эпитет *вянущие* не случайно соположен с определением *ветхие*: *Свет утра расцветал в пространстве и разъедал вянущие ветхие тучи* (Ч-238). Свет может быть и не *ветхим*, но выявляющим «ветхость» земли, которую он освещает: *...он видел, как свет солнца разъедал туманную мглу над землей, как осветился голый курган, обдутый ветрами, обмытый водами, с обнаженной скучной почвой, — и вспоминал забытое зрелище, похожее на этот бедный курган, изглоданный природой за то, что он выдавался на равнине* (Ч-257). Обнаженная, бедная, изглоданная природа, чья ветхость становится очевидной благодаря свету, по принципу цепочки земля=тело отсылает к теме телесности и имплицитно содержит значение 'слабое тело'.

Сквозь призму мотивной цепочки *травя-ветхость* уточняется семантика *ветхого* тела. *Слабая плоть*, по Платонову, — это инверсированная сила: материя, отмеченная духом как состоянием предельности, балансирует на грани превращения в нематериальную сущность, идея — в «отпечаток» материи в памяти: *Дванов шел в чувстве стыда жизни перед слабым, забытым телом, остатки которого истомились в могиле, потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца* (Ч-372). Тлеющее в могиле еще не уничтоженное тело отца и еще живое тело сына образуют эквивалентность, круговорот жизни, подстать ежегодно возрождающейся *ветхой траве*, хранящей память о прошлом. В мотиве *слабое тело* прочитывается глубинный смысл комбинации мотивов *травя* (= растение) + *ветхость*: *Он вспомнил сухую ветхость женских тел, которые он сейчас поддерживал для поцелуев, и как одна женщина сама прижалась к нему, слабая, словно веточка, пряча вниз привыкшее грустное лицо* (Ч-356). *Слабое тело* имплицитно мотив *скудной растительности*, то есть все той же *ветхой травы*, где *травя* равнозначна *волосам*: *лишь один худой мастеровой работал тише его. Этот задний был угрюм, ничтожен всем телом, пот слабости капал в глину с его мутного однообразного лица, обросшего по окружности редкими волосами* (К-450); *Сафронов тоже был спокоен, как довольный человек, и рыжие усы его, нависшие над ослабевшим полуоткрытым ртом, росли даже из губ, потому что его не целовали при жизни* (К-494). По тому же принципу слово *травя* соседствует со словосочетанием *павшие силы*: *Ночной косарь травы выспался, сварил картошек, полил их яйцами, смочил мас-*

лом, подбавил вчерашней каши, посыпал сверху для роскоши укропом и принес в котле эту сборную пищу для развития павших сил артели (К-452).

Мотивная цепочка *ветхость—трава* позволяет взглянуть по-новому и на семантику старой одежды. Как уже отмечалось выше, последняя обладает качеством прозрачности и/или образует валентность по отношению к ней. *Ветхость* как проницаемая, транспарентная материя (вспомним валентность, образуемую ею по отношению к свету) опять же корреспондирует со *старой травой*, *глядением в окна*, *щелью*: *Никита внимательно посмотрел в окна этого дома; занавесок на окнах теперь не было, по ту сторону стекол виднелась чужая тьма. Никита сел на скамейку около калитки обветшалою, но все же знакомого дома. ...Подождав немного, Никита поглядел в щель забора на двор, там росла старая крапива, пустая тропинка вела меж ее зарослями в сарай и три деревянные ступеньки подымались в сени* (РП-358). Таким образом, напрашивается вывод, что человеческое тело и его символические заместители — одежда и жилище — в органически присущем им состоянии *ветхости* иррадируют свет, артикулированный в мотиве *прозрачности* (ср. *просвет*, *просвечивание*, *смотрение сквозь* и прочие производные от *света* лексемь). Не случайно *свет*, *ветхость* пространства/времени и *проницаемость* постоянно объединяются в единый мотивный комплекс: *Тот свет проникал в чевенгурскую кузницу через ветхие щели дверей* (Ч-300).

Модус прозрачности, которым у Платонова наделена *ветхая материя*, указывает на то, что в мотиве *ветхая трава* имплицирована формула нейтрализации, которая в полной мере распространяется и на бесконечные превращения плоти, но главное — на ее аннулирование. Постоянно сводимая к несуществованию в условиях отрыва от идеальной субстанции, плоть эксплицирует закон своего существования как постоянного угасания, тления, что отвечает излюбленному Платоновым барочному принципу *vanitas vanitatum*: *Воцел тоже настолько ослабел телом без идеологии, что не мог поднять топора и лег в снег: все равно истины нет на свете или, быть может, она и была в каком-нибудь растении или в героической твари, но шел дорожный нищий и съел то растение или растоптал гнетущуюся низом тварь, а сам умер затем в осеннем овраге, и тело его выдул ветер в ничто* (К-512). Между тем в тщетности и суете материальности содержится и более глобальный смысл — идея истощенного существования как существования подлинного, как глубинного основания мира, что,

как уже указывалось, составляет стержень поэтического космоса Платонова. Одним из концептов, реализующих эту идею, является концепт *возвращения* — маркер пограничности бытия, его балансирования на грани исчезновения. Мотив *возвращения* является одним из мотивов-агентов у Платонова. Он определяет общий сюжет и отдельные линии («Фро», К, СЧ, «Семья Ивановых»), название произведения («Семья Ивановых» была переименована в «Возвращение»), композиционную рамку (Ч) и пр. Мотив *возвращения* во времени маркирует концепт *памяти*, специфическим образом обращенной в будущее — след влияния прокламируемой/оспариваемой писателем философии Н. Федорова⁴. *Увядшая трава как ветхая трава*, то есть как *трава*, содержащая в себе интенцию *обновления-возвращения*, выступает при этом как ведущий символ круговорота сущего. В повести «Джан» динамический образ старой травы находит воплощение в одном из ключевых для этой повести мотивов перекасти-поля. Характерно, что тело умирающего человека часто соотнесено у Платонова с мотивом органического роста и вегетации, то есть дается на фоне скрытой семантики травы, а циклические природные обращения не могут миновать нулевой семантики ветхости: *Земля по склонам и на высоких пашнях лежала темной, снег ушел с нее в низы, пахло молодою водой и ветхими травами, павшими с осени* (РП–367). Постепенное угасание жизни неразрывно связано с новой вегетацией: *Тот общий дом возвысится над всем усадебным, дворовым городом, а малые единоличные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно остановят дыхание исчахшие люди забытого времени* (К–448).

Все указанные выше свойства концепта 'ветхость' реализуются в качестве стержневых в рассказе РП. Проникнутый дионисийскими мотивами, рассказ наглядно демонстрирует, что посредством *ветхости* концы сплетены с порождаемыми ими началами. Теме возвращающегося с войны Никиты Фирсова — одновременно «молодого» и «бывшего» — вторит исходная метафора — *трава* на дорогах, отсылающая к концепту *ветхости*: она *устала расти с давней весны* и при этом парадоксальным образом *опять отросла*. Далее мотив ветхости развивается в описании — глазами героя — городка, которое основано на сопоставлении *как было* с тем, *как стало*. В соединении с перечислением примет запустения это описание отсылает к схеме причитаний. Реализуемое в риторике причета анафорическое отношение обнаруживает соот-

⁴ О мотиве *возвращения* у А. Платонова см.: [Ливингстоун 2000, 113–116].

ветствие в мотивной семантике: в сопричастном топики *ветхости* мотиву *сношенной одежды*. Все мотивы *ветхости* в описании запустения в городе, старого дома и поношенной одежды сочетаются с мотивом *прозрачности* (проникновения, просвечивания, трансцендентности). Это и есть *концы*, просвечивающие сквозь *начала*. В мотиве изношенной одежды как метонимии истощенной (обветшавшей) плоти нетрудно различить отсылку к гоголевской «Шинели». В рамках реализации валентности *ветхость*—*возвращение* и *ветхость*—*память* гоголевский текст в РП очевидным образом актуализирован в мотиве *перелицованной шинели* с ее многочисленными обращениями.

Тема цикличности, реализуемая в мотиве *ветхость* посредством восстановления первоначальной семантики *ветхость* — *прошлогодня трава*, позволяет уточнить некоторые акценты ведущей идеологемы Платонова. В противопоставлении *Великий Отец/Великая Мать* как *время/пространство* очевиден сдвиг в сторону второго компонента. Благодаря пространственной доминанте в мотиве *ветхости* Платонова оксюморонно соединяются крайности — жизнь и смерть, конец и начало; не принадлежа ни одной из сторон, *ветхость* маркирует состояние пограничья.

Пограничный статус концепта 'ветхость' у Платонова и акцентированность его пространственного модуса позволяют рассматривать его как мотив-палимпсест. А в рамках формируемых мотивом *ветхость* валентностей мотивный пучок *ветхость*—*трава*—*память*—*тело* можно узнать риторическую фигуру анафоры или эллипсиса: название одного из упомянутых мотивов предполагает опускание остальных, при этом имплицитно их семантику. Эта риторическая формула, развернутая на уровне глубинных смыслов текста, выступает как *концы*, просвечивающие сквозь *начала*. И определяющие их. Таким образом, концепт 'ветхость', сохраняя нормативную семантику 'старый' и тем самым доминируя в плане временном, благодаря активизации мотивной риторики приводит в движение механизм сдвига в сторону обозначения пространства. Края мироздания — его *концы* и *начала* — там, где залегают вожделенные и постоянно отрицаемые персонажами Платонова земли Утопии, соединяют пространственно-временные разбросы концепта 'ветхость' воедино.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

К — повесть «Котлован». Цит по: Платонов А. Впрок. Проза. М., 1990. С. 438–545.

- МВ — рассказ «Мусорный ветер». Цит по: *Платонов А. Взыскание погибших. Повести, рассказы, пьеса, статьи* / Сост. М. А. Платонова. М., 1995. С. 375–391.
- РП — рассказ «Река Потудань». Цит по: *Платонов А. Государственный житель*. М., 1988. С. 354–376.
- СМ — роман «Счастливая Москва». Цит по: «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3. С. 5–105.
- Ч — роман «Чевенгур». Цит по: *Платонов А. Впрок. Проза*. М., 1990. С. 18–375.
- ЮМ — повесть «Ювенильное море». Цит по: *Платонов А. Впрок. Проза*. М., 1990. С. 546–619.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль 1955 — *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка* (статья *Ветхий*). М., 1955. Т. I. С. 188.
- Дмитровская 2000 — *Дмитровская М. А. Образная параллель «человек — дерево» у А. Платонова* // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. СПб., 2000. Кн. 2. С. 3–24.
- Злыднева 1999 — *Злыднева Н. В. Риторика мусора* (в рассказе А. Платонова «Мусорный ветер») // Workshop Literaria Polono-Slavica, 4 SOW. Warszawa, 1999. С. 295–307.
- Злыднева (в печати) — *Злыднева Н. В. Чем и зачем болеют персонажи Андрея Платонова* // Болезнь/здоровье в быту/культуре, литературе/искусстве. Workshop Literaria Polono-Slavica. Warszawa (в печати).
- Ливингстоун 2000 — *Ливингстоун А. Мотив возвращения* в рассказе А. Платонова «Возвращение» // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. СПб., 2000. Кн. 2. С. 113–116.
- Подорога 1995 — *Подорога В. Феноменология тела*. М., 1995.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н. Апология Плюшкину: вещь в антропоцентрической перспективе* // *Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. М., 1995. С. 7–111.

НАЧАЛО И КОНЕЦ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Значение «рамки» и рамочных компонентов в тексте художественного произведения очевидно¹. При этом подобные компоненты, с одной стороны, оказываются авторскими «сигналами», отграничивающими поэтическую реальность от повседневного мира, с другой — важнейшим средством воплощения целостного содержания данного произведения (в качестве так называемых «сильных мест» текста).

В то же время известно, что существуют отдельные виды, жанры искусства, в которых элементы начала и конца текста играют особую роль. В данной статье речь идет именно о таком явлении в художественной литературе, а именно — о разновидностях, вариантах так называемой ролевой лирики в русской поэзии. В целом особенности субъектно-речевой организации ролевой лирики основательно исследованы в отечественном литературоведении (в частности, Б. О. Корманом и его школой). По Корману, ролевая (драматическая) лирика — тип стихотворных произведений, субъектом которых выступает герой — социально определенная личность, со своей биографией, судьбой, характерной манерой речи. Проще говоря, в подобных стихотворных произведениях прямо, непосредственно воплощается неавторское — чужое по отношению к автору — сознание. Авторская же концепция («автор концептированный») выражается здесь в основном лишь опосредованно — «как носитель речевой нормы и иного социально-бытового и культурно-исторического типа» [Корман 1990, 20].

Ясно, что в подобных «неавторских» (ролевых) стихотворениях резко возрастает значение рамочных элементов — начала (заголовка и заголовочного комплекса), первых и заключительных фраз стихотворных произведений. Ролевые стихотворения просто требуют (причем «сразу» — с начальных элементов текста) своеобразных «сигналов», манифестирующих воплощение чужого — неавторского! — сознания. Сравним неактуальность подобной проблемы в «авторской» — чистой лирике. Вспомним замечание Л. Я. Гинзбург о том, что чистая лирика (в отличие от «опосредованной», т. е. ролевой, персонажной) часто не нуждается в

¹ О значении рамочных компонентов в произведениях искусства (литературы) см.: [Лотман 1970, 255–265; Успенский 1995, 174–212].

заглавии и обходится без него [Гинзбург 1997, 309] — явление, обычно не свойственное ролевым стихотворениям, ср. от «Мельника», «Старика» Г. Державина до «Романса Арлекина», «Романса князя Мышкина», «Романса лжеца» и т. п. И. Бродского (поэма «Шествие»). Установка на воссоздание самостоятельного, чужого сознания требует, чтобы оно было обозначено именно как *чужое*. Если в чистой лирике начало/конец могут быть сильными позициями текста, то в ролевых стихотворениях они с необходимостью являются сильными позициями, другими словами — рамочность оказывается конститутивным признаком ролевой лирики.

Однако подобным заданием роль рамочных компонентов в «неавторских» поэтических текстах не исчерпывается. И тут необходимо уточнение наших представлений о ролевой лирике. Дело в том, что ролевая (драматическая) лирика, согласно концепции Кормана, — большая группа произведений, объединенных общим типом субъектно-объектных отношений, — то есть все стихотворные тексты, в которых говорящий является и субъектом сознания, и объектом иного, более высокого (авторского) сознания. Однако реально, в конкретной литературно-художественной практике, существуют различные, самые разнообразные ролевые стихотворные произведения в зависимости от конкретных форм воплощения этого чужого сознания или, другими словами, — в зависимости от того или иного типа коммуникации говорящего (субъекта сознания) с адресатом высказывания. Ср. образцы поэтических произведений, воссоздающих неавторское сознание в эпистолярной форме («Письмо», «Ответ на письмо» А. Апухтина, «Письмо с выставки» В. Высоцкого, «Письма династии Минь» И. Бродского). Или — примеры фольклорных стилизаций, воплощающих чужое сознание посредством имитации не обыденной, но художественно обработанной, устно-поэтической речи («Воля» М. Лермонтова, «Мачеха» И. Бунина). Или же — стихотворения, воспроизводящие речь заведомо официальную, воссоздающие художественный образ публицистических, риторических жанров — речи, доклады, проповеди и т. п. Например, «Доклад для симпозиума» И. Бродского. Известны в поэзии и образцы «неавторских текстов», воплощающих не индивидуальную речевую манеру, не конкретное говорение данного субъекта, но скорее — общий вид, тон «рассказывания», простонародного говора, молвы (например, в поэзии Саши Черного, В. Высоцкого).

Кроме того, ср. стихотворные произведения, воссоздающие чужое (персонажное) сознание с помощью «обычной» — письменно-книжной речи («Узник» В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лер-

монтова, Я. Полонского, А. Фета). Обратим внимание: в этом случае неавторское сознание реализуется не с помощью характерной манеры речи субъекта, но прежде всего посредством определенных предметно-смысловых связей, самого типа поведения героя и т. п. Заметим, что подобные формы «неавторской лирики», индифферентные к самому способу языковой коммуникации («нейтральные» по форме), воссоздающие социально определенный тип говорящего, но не речь его, оказываются исторически первыми формами воплощения неавторского сознания в поэзии.

Таким образом, следует говорить о многообразных разновидностях ролевых стихотворных текстов. И если мы признаем особую значимость начала/конца (рамочных компонентов) текста в такого рода произведениях (в сравнении с «обычной» — чистой лирикой), то, по-видимому, существует известная взаимосвязь, соответствие между разновидностями, типами ролевой лирики и способами их обрамления. Именно эту взаимосвязь мы и хотели бы проследить на материале такой разновидности ролевых стихотворений, как **стихотворный сказ**.

Отличительным признаком сказа как такового (прозаического и стихотворного) служит имитация *разговорного монолога* субъекта высказывания — рассказчика. Если принципом сказа является создание образа «непосредственного говорения» какого-либо определенного (отделенного от автора) лица, то стихотворный сказ предполагает реализацию разговорной речи рассказчика именно в стихотворной форме. Стихотворный сказ можно определить как стихотворение, воплощающее чужое сознание в форме разговорного монолога (вот главное отличие стихотворного сказа от всех других разновидностей ролевой лирики). В качестве примера приведем начало стихотворения А. Апухтина «Перед операцией»:

Вы говорите, доктор, что исход
Сомнителен? Ну что ж, Господня воля!
Уж мне пошел пятидесятый год,
Довольно я жила. Вот только бедный Коля
Меня смущает: слишком пылкий нрав,
Идеям новым предан он так страстно,
Мне трудно спорить с ним — он, может быть, и прав, —
Боюсь, что жизнь свою загубит он напрасно.
О, если б мне дожить до радостного дня,
Когда он кончит курс и выберет дорогу.
Мне хлороформ не нужно: слава Богу,
Привыкла к мукам я... А около меня

Портреты всех детей поставьте, доктор милый,
Пока могу смотреть, хочу я видеть их.
Поверьте: в лицах дорогих
Я больше почерпну терпения и силы!..

[Алуктин 1991, 243]

Ср. тот же принцип построения речи в стихотворении Т. Кибирова «Усадьба» (из цикла «Послание Ленке и другие сочинения»):

Ну, слава Богу, Александр Викентьич!
Насилу дождались! Здорово, брат!..
А это кто ж с тобой? Да быть не может!
Петруша! Петр Прокофьич, дорогой!
Да ты ли это, Боже правый?! Дочка!
Аглаюшка, смотри, кто к нам приехал!
Ах, Боже мой, да у него усы!
Гвардеец, право слово!.. Ну, входите,
входите же скорее!.. Петя, Петя!
Ну вылитый отец... Я, чай, уже
такой же сердцеед? О, покраснел!
Ну не сердись на старика, Петруша!
Так значит, все науки превзошел...
Аглаюшка, скажи, чтоб подавали...
А мы покамест суть да дело — вот,
по рюмочке, за встречу... Так... Грибочком
ее... Вот этак... А? Небось в столицах
такого не пивали? То-то, братец!

[Кибиров 1994, 305]

Здесь мы видим художественную имитацию именно разговорного монолога: непринужденного, ситуативно-спонтанного, творимого в момент непосредственного общения говорящего со слушателями. Отсюда и прямые обращения к собеседнику, и «нелинейный» характер развертывания изображенного высказывания (паузы, сбивы в речи и т. п.), и активное использование говорящим внесловесных средств общения: мимики, жеста, интонации и т. п.

Кстати, именно сказ как тип ведения речи в литературе (ср., например, с имитацией письменной речи) выполняет все три условия так называемой канонической ситуации общения:

1. Говорящий и слушающий присутствуют в контексте сообщения.

2. Единство времени: момент произнесения высказывания говорящим совпадает с моментом его восприятия слушающим.

3. Единство места: говорящий и слушающий находятся в одном и том же месте (видят друг друга, имеют общее поле зрения).

Другими словами, изображаемое общение в сказе (в том числе стихотворном) наиболее адекватно нормальной, типичной ситуации «житейского» разговора².

Как видим, стихотворный сказ оказывается глубоко самобытной, специфической формой реализации неавторского сознания в поэзии. А соответственно этому своеобразной оказывается и система рамочных компонентов, свойственных данной форме. Попробуем наметить некоторую типологию этих средств.

I. Способы обрамления, характерные для разных типов ролевых стихотворных текстов (соответственно — и для стихотворного сказа). Самым типичным способом отчуждения воплощаемого сознания выступает заголовок (подзаголовок) текста. В этой связи обратим внимание на популярность в русской поэзии стихотворений, носящих название *Песня*. При этом важнейшей функцией подобных названий является не только обозначение жанра произведений, но и отграничение изображаемого сознания от авторского — подчеркивание самостоятельности воплощаемого мышления. Ср., например, «Песни» Ф. Глинки («Солдатская песнь», «Песнь сторожевого воина перед Бородинской битвой», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы»), «Русские песни» А. Дельвига, многочисленные произведения с тем же заглавием у В. Жуковского, Е. Баратынского, В. Кюхельбекера («Песнь лопаря») и т. д. Традиция такого подчеркивания ролевого характера стихотворных произведений сохраняется и в новой и новейшей поэзии — см. стихотворный цикл «Песни первобытных племен» В. Брюсова, «Песенка» (А ведь мы с тобой / Не любилися...) А. Ахматовой; показательно, что И. Бродский, акцентируя «чужой» характер ведения речи в стихотворении, озаглавил его так: «Подражая Некрасову, или Любовная песнь Иванова». Заметим, кстати, что именно установка на отчуждение «речевой партии» объясняет выбор автором непривычно длинного заголовка. Ср. в стихотворении Н. Львова (XVIII в.): «Песнь норвежского витезя Гаральда Храброго, из древней исландской летописи Книтлинга Сага, господином Маллетом выписанная и в „Датской истории“ помещенная, переложена на российский язык образом древнего стихотворения с примеру „Не звезда блесит далече во чистом поле“».

² О канонической ситуации общения см.: [Падучева 1996, 258–261].

Между прочим, не случайно большое распространение в поэзии получили всевозможные *колыбельные песни* — от «Песни матери над колыбелью сына» В. Жуковского, «Казачьей колыбельной» М. Лермонтова, «Колыбельной песни сердцу» А. Фета до «Колыбельной (Для мужского голоса)» Саши Черного или стихотворения И. Анненского «Без конца и без начала (Колыбельная)». Ср. также необычайную популярность как комических (сатирических), так и вполне «серьезных» перепевов лермонтовской «Казачьей колыбельной»: «Колыбельная песня» (Подражание Лермонтову) Н. Некрасова, «Песня русской няньки у постели барского ребенка» Н. Огарева, «Колыбельная песня» (Спи, редактор знаменитый, / Баюшки-баю! / Я тебе, старик маститый, / Песенку спою...) П. Вейнберга и многочисленные подобные анонимные тексты.

Типичным же вариантом заглавия, характерного для «неавторских» текстов в поэзии, является социальное определение самого говорящего. В этом случае заголовок прямо называет субъекта речи. Например, «Церковный сторож» К. Случевского, «Старая дева», «Почтовый чиновник» Н. Гумилева, «Беглец» В. Брюсова и «Беглец» А. Белого (ср. «Беглый» Я. Полонского!), «Бобыль», «Бурлак» И. Никитина, «Преступница» И. Сурикова, «Вор» И. Сельвинского, «Колдунья» М. Цветаевой, «Юнга» Э. Багрицкого, «Старый бухгалтер» Е. Евтушенко и т. д.

Нередко (что уже подчеркивалось Б. Корманом) ролевой заголовок выражает и авторское отношение к говорящему герою. Ср., помимо «Нравственного человека» Некрасова, аналогичные сатирические заголовки: «Биография благородного человека» А. Кони, «Храбрец нашего времени» В. Щиглева, «Гибкий человек» П. Вейнберга, «Последний из могикан» П. Шумахера и т. п. Не менее характерен для ролевой лирики и другой вариант заглавий — заголовки, как будто бы конкретизирующие речевую ситуацию (тип изображаемой коммуникации), но в первую очередь опять-таки определяющие самого носителя сознания. Имеются в виду самые разнообразные *разговоры, рассказы, диалоги, исповеди, жалобы* и тому подобные стихотворные произведения — см. от «Разговоров» А. Измайлова (1807 г.) или «Разговора дяди с племянником» Н. Остолопова, «Разговора в таможне» А. Мерзлякова до «Диалога Гамлета с совестью» М. Цветаевой, «Разговора на крыльце» М. Исаковского, «Рассказа танкиста» А. Твардовского, «Рассказа солдата» С. Орлова. Ср. также — «Жалоба уездной красавицы», «Плач новой Ярославны» Д. Минаева, «Плач цыганки по графу Зубову» М. Цветаевой, «Жалоба Фессея» В. Брюсова.

Наконец, общим же приемом является так называемое «авторское вступление»: отнесенность монолога «чужому» обеспечивается авторским вступлением в начальных стихах произведения (типичный случай для всех разновидностей ролевой лирики). Такого рода вступления могут быть сведены к минимуму, как, например, в стихотворении без заглавия Г. Адамовича (Он говорил: «Я не люблю природы, / Я научу вас не любить ее...») или в стихотворении «„НЕ“ и „НИ“» С. Маршака: «Мне рассказывал смоленский / Паренек...» (далее — монолог героя). В то же время хорошо известны развернутые «авторские предисловия». Например, в «Жалобе» В. Жуковского:

Над прозрачными водами
Сидя, рвал Услад венки;
И шумящими волнами
Уносил цветы поток... (далее — жалоба Услада)

[Жуковский 1959, 109]

При этом нередко авторское слово не только предваряет, но и заключает монолог героя, образуя авторское обрамление, подчеркивающее чужой характер высказывания. Такую композицию имеют, например, стихотворные сказки В. Жуковского «Красный карбункул» и «Две были и еще одна» (вольный перевод с немецкого), стихотворение Н. Некрасова «В дороге».

II. Способы «обрамления», присущие именно стихотворному сказу (т. е. определяемые спецификой данной разновидности ролевой лирики).

Любопытно отметить, что в целом для стихотворного сказа заголовков (заголовочный комплекс) теряет ту значимость, которую он имеет для других форм «неавторской лирики». Не заголовков обычно отличает сказовые стихотворные произведения от других разновидностей ролевой поэзии. Как уже отмечалось, заголовки нередко оказываются общими для всех типов ролевых стихотворений. Так, указанная «Колыбельная» Саши Черного является именно стихотворным сказом, а, например, «Казачья колыбельная» М. Лермонтова — письменно-книжным монологом. То же можно сказать и о заголовках, задающих «социальную определенность» субъекта сознания: «Бобыль» И. Никитина — «книжное» ролевое стихотворение, а его же «Бурлак» — «чистый» стихотворный сказ.

Однако уже и здесь можно заметить некоторые отличия, и обусловлены они конститутивным признаком стихотворного сказа — воссозданием разговорной речевой деятельности рассказчи-

ка. Поскольку в сказе изображается не «чужое» сознание вообще как таковое, а самый процесс непосредственного человеческого разговорного общения, типичным, характерным именно для сказа будет заголовок, обозначающий не социальную принадлежность говорящего, но собственно момент говорения. Воспроизведение «живой» разговорной речи неизбежно конкретизирует, локализует пространственно-временную ситуацию «говорения»: «Погоня» Ф. Глинки (ср. «Погоня» В. Высоцкого), «Перед операцией» А. Апухтина, «Выезд троечника» И. Никитина или его же «Де-леж» и т. п. Сказовый монолог, как правило, оказывается способным воссоздавать собственно *действие* — развернутую картину происходящего в течение речевой деятельности говорящего. Заглавия в подобных случаях как раз и отражают самый процесс взаимодействия общающихся (что, как правило, невозможно в других формах «неавторской» лирики). Например: «Новая игра» Саши Черного, «Разведка боем» В. Высоцкого или его же «Игра в карты в 1812 году».

Любопытно отметить: даже когда заглавие социально определяет говорящего, в стихотворном сказе упор делается не столько на собственно социальный тип героя, сколько на его сиюминутное состояние — ср. «Сумасшедший» Я. Полонского и «Сумасшедший» А. Апухтина (в этой связи обратим внимание на уникальные возможности сказа для фиксации «рваного сознания», внутренней монологической речи, «сказанного про себя»: «Прерывистые строки» И. Анненского, его же «Кошмары», «Что думает старуха, когда ей не спится» Н. Некрасова, «Слезная жалоба» Т. Чурилина и проч.).

Еще более интересен и показателен тот факт, что подлинные образцы стихотворного сказа зачастую не нуждаются в заголовке (подзаголовке), а нередко и в авторском обрамлении. И это закономерно. Дело в том, что резко характерная речевая манера говорящего, «речевая материя» текста подобных произведений «сразу» — в первых же фразах — выполняет все необходимые для адекватной читательской интерпретации функции (отграничение от авторского сознания, самоопределение говорящего, обозначение и локализация ситуации общения). Ср. начало стихотворения И. Никитина (без заглавия):

Не смейся, родимый кормилец!
Кори ты меня не кори —
Куплю я хозяйке гостинец;
Ну, право, куплю, посмотрю...

[Никитин 1986, 149]

Между прочим, подобным образом начинается сказовое стихотворение Пушкина (также без заголовка): «Сват Иван, как пить мы станем...», а еще раньше подобный прием использовал В. Л. Пушкин в «Опасном соседе».

Разумеется, и в этом случае (когда отсутствует специальное обрамление) «сигналы», подчеркивающие собственно сказовый характер речи, передаваемой в стихах, оказываются многообразными и несводимыми к какому-то одному приему. Здесь важнейшими способами организации начала текста (реже — конца его), а тем самым знаками собственно сказового характера речи будут:

— **реплицирование**, т. е. воссоздание реплик собеседника, проводящих начало последующего разговора. Например, в стихотворении В. Буренина «Общее мнение»:

— Плохо, Петр Иванович?
— Плохо, Петр Ильич!
Думал, нынче за ночь
Хватит паралич:
Слышали, в суде-то
Что творится? Ох,
Верьте мне: нас это
Наказует Бог...

[Поэты «Искры» 1955, 761]

Именно подобным образом организовано одно из самых известных сказовых стихотворений в русской поэзии — «Бородино» Лермонтова; см. также «Гусар» Пушкина, «Сон» Д. Давыдова, «Рассказ няни» В. Курочкина и др.

— **изображение монолога рассказчика как ответа на предыдущие** (в тексте не звучавшие) реплики собеседника (мы видели это у Апухтина: «Вы говорите, доктор, что исход / Сомнителен? Ну что ж, Господня воля!...»). Ср. у Никитина в стихотворении «Рассказ моего знакомого»: «Позвольте-ко... Сысой... Сысой... / Не вспомню вот отечества...», см. у Высоцкого: «Я вам мозги напудрю, / Уже не тот завод. / В меня стрелял поутру / Однажды целый взвод...» («Тот, который не стрелял»).

— иногда даже — **актуализация фонического уровня изображаемой речи**, подчеркивание ее орфоэпических, интонационных и т. п. особенностей. Например, у Д. Бедного: «Ихь фанге ан. Я напинаю...» («Манифест барона фон Врангеля»), ср. у Высоцкого: «Мы говорим не штормы, а шторма, / Слова выходят коротки и смачны. / Ветра, не ветры сводят нас с ума, / Из палуб выкорче-

ывая мачты...», см. подобный прием в стихотворении В. Маяковского «Американские русские».

Итак, можно констатировать, что специфика такой литературно-художественной формы, как сказ в стихах, требует и определенной, самобытной системы рамочных компонентов — от заглавия (заголовочного комплекса) и первой фразы текста до заключительных фраз и авторских примечаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Апухтин 1991 — *Апухтин А. Н.* Полное собрание стихотворений. Л., 1991.
- Гинзбург 1997 — *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М., 1997.
- Жуковский 1959 — *Жуковский В. А.* Собрание сочинений в 4-х т. М.; Л., 1959. Т. 1.
- Кибилов 1994 — *Кибилов Тимур.* Сантименты. Белгород, 1994.
- Корман 1990 — *Корман Б. О.* Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Со-держательность форм в художественной литературе. Куйбышев, 1990.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Никитин 1986 — *Никитин И. С.* Стихотворения. М., 1986.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Поэты «Искры» 1955 — Поэты «Искры» в 2-х т. Л., 1955. Т. 2.
- Успенский 1995 — *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. М., 1995.

Л. Б. Лебедева (1944–2002)

Публикуемая ниже статья Лидии Борисовны Лебедевой стала ее лебединой песней. Тяжело больная, она не могла развить выраженные в ней мысли, не увидит она также публикации этой небольшой, но, как всегда, интересной статьи. Начало и конец образуют неизбежную рамку художественных произведений, рождение и смерть — человеческой жизни. Лидия Борисовна ушла из жизни очень рано, так и не осуществив многих из своих замыслов.

Лидия Борисовна Лебедева родилась в Крыму. В 1966 г. окончила Одесский государственный университет по отделению германской филологии. Она прекрасно владела английским языком и хорошо знала французский. По окончании университета она преподавала английский язык, а также вела занятия по стилистике и лексикологии английского языка в Рязанском университете. В 1977 г. Л. Б. Лебедева окончила аспирантуру при МГПИИЯ им. М. Тореза и защитила кандидатскую диссертацию «Типы семантических связей слов в современном английском языке (антонимия, синонимия, гипонимия)». Проблема взаимодействия значений слов, особенно отношения антонимии, постоянно находились в фокусе исследовательских интересов Л. Б. Лебедевой, о чем свидетельствует серия ее публикаций на эту тему. Назовем две из них:

- 1) Проблема универсалий и проявление антонимии в разных языках // Сопоставительные семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980;
- 2) Опыт сопоставления лексических значений // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981.

В период с 1989 по 1991 г. Л. Б. Лебедева прошла курс докторантуры при отделе теоретической лингвистики Института языкознания РАН. Тогда она присоединилась к проблемной группе «Логический анализ языка», до конца жизни участвовала в ее работе и публиковала статьи в выпускаемой группой серии. Особенно следует обратить внимание на ее очень пронизательную статью «Слово и слова» (Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991), а также на статью «Бессознательное в языковом стиле» (Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999).

В 1991 г. Л. Б. Лебедева успешно защитила докторскую диссертацию «Референция и структурно-семантические аспекты высказывания».

Выше мы упомянули о том, что Лидия Борисовна еще с университетских лет хорошо чувствовала стилистические особенности английской речи — обыденной и художественной. Интерес к стилистике не покидал ее до конца жизни. Она была прекрасным переводчиком. В 1994 г. она опубликовала на английском языке свои лекции по стилистике («Ten Lectures on Stylistics». Рязань, 1994).

С 1996 г. и до конца жизни Л. Б. Лебедева работала в Международном университете природы, общества и человека «Дубна». Она была ведущим профессором кафедры лингвистики. Читала курсы теоретической лексикологии и стилистики, а также «Введение в германскую филологию» и «Историю английского языка». Она руководила многими курсовыми и дипломными работами, консультировала по всему спектру проблем германистики. Уход из жизни Л. Б. Лебедевой невосполним.

Лидия Борисовна в течение своей долгой и тяжелой болезни сохраняла твердость духа. Ее питала все слабеющая надежда на возвращение к жизни и работе. Все, кто знал Лидию Борисовну Лебедеву, сохраняя в своей памяти образ этого мужественного, тонкого и обаятельного человека. Мир праху ее.

КОНЕЦ — ОБРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ: ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЫТА

Среди различных видов повторов в стилистике выделяется так называемое обрамление, когда текст или относительно законченный его отрезок начинается и заканчивается одними и теми же словами. Обрамление выполняет целый ряд функций. Это и эстетическая: в тексте возникает симметрия, — и структурная: обрамление придает тексту формальную и смысловую завершенность, — и смысловая: такой повтор в конце текста возвращает, а точнее, обращает к началу читателя — вслед за автором — и заставляет по-новому оценить содержание обрамленного текста, и тогда нередко оказывается, что те же слова в конце текста на его фоне наполняются новым смыслом, и эта смысловая добавка, которая становится явной при обращении к началу и сопоставлении начала и конца, отражает итог представленного в тексте события, или переживания, или акта познания. Все три функции взаимосвязаны, но условия для осуществления этих функций не совсем одинаковы. Если для формальных функций, а такими мы считаем эстетическую и структурную, большое значение имеет точность воспроизведения повторяемого слова или словесного ряда и их появление непосредственно в самом начале или самом конце текста, то для выполнения смысловой функции необходимо прежде всего присутствие словесного сигнала, воспроизводящего в памяти начало текста, и простое воспроизведение слов является самым очевидным из таких сигналов, но не единственно возможным и даже не самым эффективным. Присутствие всех трех функций для каждого случая обрамления не обязательно. На первый план может выходить либо смысловая, либо формальные функции. Их полная уравновешенность — явление нечастое. Одним из примеров такого идеального обрамления может служить стихотворение Александра Блока «Нет имени тебе, мой дальний...». Чаще же полное соблюдение формальных условий обрамления наблюдается в случае преобладания собственно формальных его функций. Нас здесь интересует прежде всего смысловая функция, связанная с обрамлением, и условия ее реализации. Это явление рассматривается на материале лирических стихотворений. Выбор этих текстов обусловлен, во-первых, краткостью текстов, их обозримостью, и, во-вторых, тем, что композиция лирического стихотворения обусловлена не

логической или хронологической последовательностью изложения, как в большинстве других жанров, а структурой самого лирического переживания, того, которое и дает ту самую «смысловую добавку», с которой связано осуществление смысловой функции.

Анализ этих условий, очевидно, выводит нас за рамки стилистического повтора, одним из видов которого является обрамление. Полный повтор, как в блоковском «Нет имени тебе, мой дальний...», — это скорее исключение, чем правило. Гораздо более эффективен частичный повтор с изменением одного или нескольких слов, причем новое слово, появляющееся в конце, и несет в себе итог всего стихотворения, как в следующем стихотворении Марины Цветаевой:

Это *просто*, как кровь и пот:
Царь — народу, царю народ.
Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий — Дух.
Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.
Царь опять на престол взойдет:
Это *свято*, как кровь и пот.

Частичный повтор может наблюдаться и при изменении синтаксической структуры, как это происходит в замечательной лирической миниатюре Цветаевой при повторе слов *рябина* и *кисть*:

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботный:
Иоанн Богослов.
Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Смысловое взаимодействие начальных и конечных строк здесь более сложное, очень важную роль в этом случае играют эпитеты: *красная*, *жаркая*, *горькая*. *Жаркая* в последних строках сводит воедино смыслы двух слов из первых строк: *красная* и *зажглась*. В то же время *жаркая* в последних строках перекликается не только с началом, но и с новым эпитетом *горькая*, и сочетание

этих эпитетов создает новую образность, ведь оба этих прилагательных согласуются, когда они описывают человеческие чувства, ответ человека на жизнь, а в данном случае на ту самую жизнь, начало которой заново переживается в стихотворении, и эти эпитеты заключают в себе итог прожитого.

Случаи частичного повтора с разнообразными вариациями в начале и конце стихотворения в лирической поэзии очень широко распространены, и взаимодействие между этими вариациями, создающее дополнительные смыслы, очень разнообразно. Еще один яркий пример — пастернаковская «Зимняя ночь», где отчетливо обозначена переключка первой и последней строф:

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
<...>
Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

В последней строфе появляются слова, связанные со временем: *весь месяц в феврале, то и дело*, которые помещают переживаемое во временную перспективу, превращая его в воспоминание — одно, может быть, самое дорогое среди многих других.

Все эти случаи укладываются в определение повтора. Однако толчком для обращения к началу бывает и одно слово, которое вновь используется в другой грамматической форме, и такую функцию оно выполняет только в случае, когда служит ключом к переживанию. Такую роль играют слова *кормить* и *накормлен* в начальной и конечной строфах стихотворения «Импровизация»:

Я клавишей стаю *кормил* с руки
<...>
Казалось, покамест птенец не *накормлен*,
И самки скорей умертвят, чем умрут
Рулады в крикливом, искривленном горле.

В стихотворении, с его сложной и изысканной звуковой и словесной образностью, слова *кормить*, *накормлен* (с ними также переключается слово *грызлись* в одной из строф: «и грызлись птицы у локтя») с их агрессивным *кр* являются важной частью в создании пронизывающего все стихотворение образа некоторой

ненасытной стихии, той дисгармонии, какая в музыке сосуществует с гармонией, своим конфликтом порождая творчество, требующее от творца максимальной самоотдачи. О повторе здесь уже говорить трудно. Отсутствует и другой формальный признак обрамления, так как слова, создающие переключку начала с концом, расположены не симметрично, они только включены в начальную и в завершающую стихотворение строфы. Взаимодействие начала и конца здесь целиком перемещено в смысловую плоскость, а формальные функции, присущие обрамлению, сведены на нет, что, однако, ничуть не снижает смыслового эффекта.

Для смысловой переключки начала и конца даже не обязательно употребление одного и того же слова или одних и тех же слов, достаточно их смыслового родства. В другом известном стихотворении Пастернака «Гамлет» переключка создается на основе понятия жизни, которое в первой и последней строках воссоздается разными лексическими средствами:

Гул затих, я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.
<...>
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один. Все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Не менее действенным способом связи между ключевыми — открывающими и закрывающими текст — частями стихотворения может быть и смысловой контраст, который трудно свести к значениям отдельных слов. Такой смысловой контраст придает дополнительную силу воздействия первому из цикла стихотворений «На поле Куликовом» Александра Блока:

Река раскинулась, течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
<...>
Закат в крови, из сердца кровь струится.
Плачь, сердце, плачь.
Покоя нет. Степная кобылица
Несется вскачь.

Обращение в конце к началу, таким образом, в текстах лирических стихотворений осуществляется самыми различными способами, и обрамление представляет собой лишь частный случай создания подобного эффекта. Этот эффект можно проследить если не во всех текстах этого жанра, то, во всяком случае, в очень многих. Хотя не всегда эта связь лежит на поверхности, она срабатывает. Более того, подобные смысловые взаимодействия обнаруживаются не только в текстах лирической поэзии, но и в текстах других жанров, как художественных, так и нехудожественных, и не только в текстах, но и в других человеческих действиях, имеющих знаковый характер. В художественной прозе такое соотношение между началом и концом нашло воплощение в прологе и эпилоге. В научных текстах подобным образом связаны введение и заключение. Подобная же роль принадлежит церемониям открытия и закрытия различных массовых действий, которые объединяет и выделяет из других событий одного с ними ряда особая торжественность и другие особые признаки. Помимо того, что начальная и конечная позиции в любом ряду психологически оцениваются как более значимые, чем позиции промежуточные, чем, собственно и объясняется формальная выделенность открывающей и заключительной частей всех этих произведений, для них характерна некоторая формальная, а также содержательная однотипность: во всех случаях, помимо всего прочего, перебрасывается мостик от конца к началу. Это, очевидно, не случайно. Обращенность конца к началу является универсальным признаком, выделяющим из цепи событий некоторую значимую и относительно завершенную часть. Таким образом — обращаясь в конце к началу — человек проникает в смысл некоторого отрезка своей жизни. Главным признаком такого отрезка становится обязательное присутствие нового качества, которое выявляется при сопоставлении начала с концом. Такой отрезок жизни иногда можно назвать переживанием, иногда уроком, иногда достижением, иногда потерей, но во всех случаях к нему приложимо слово *опыт*.

Опыт — это единица нашей жизни. Обращение в конце к началу — это завершение опыта. Обращение к началу в конце основано на некоторой соотнесенности начала и конца. Некоторые отрезки жизни могут выделяться чисто формально, как, например, день или год, и тогда их начало и конец знаменуются действиями или церемониями, имеющими чисто формальную значимость. Они превращаются в некий ритуал: так, в начале и конце дня может по радио исполняться гимн государства. Формально значимые действия также отмечают отрезки жизни, значимые для целого

коллектива, как упомянутые уже церемонии открытия и закрытия. Как правило, здесь этими церемониями отмечаются и границы коллективного опыта. Связь между началом и концом имеет уже не только формальный, но и содержательный характер. Личный опыт в первую очередь сопряжен с смысловыми связями между началом и концом, формальное здесь вторично по отношению к содержательному.

Жанр лирической поэзии, который дал нам материал для сопоставлений и размышлений, выделяется как раз тем, что каждое произведение этого жанра воплощает личный опыт поэта, который он разделяет со своим читателем, и, воссоздавая этот опыт, поэт использует все разнообразие смысловых и формальных связей, которые возможны для языка, посредством которого мы чаще всего и оформляем наш опыт. Но в поэзии, как и в других областях человеческой деятельности, словесные переклички между началом и концом, изначально имеющие важную смысловую нагрузку, могут терять свою изначальную смысловую функцию и формализоваться, превращаясь в признак жанра.

В заключение отметим, что опытом для человека может стать не только создание стихотворения, но и его восприятие. Каждое стихотворение представляет собой потенциальный совместный опыт для его создателя и читателя, а искусство читателя включает в себя способность уловить не только формально обозначенные, но и глубинные смысловые связи, которые играют значительную роль для завершения опыта.

Л. Г. ПАНОВА

СЕМАНТИКА НАЧАЛА–КОНЦА,
СОЗДАНИЯ–РАЗРУШЕНИЯ,
ПАМЯТИ–БЕСПАМЯТСТВА
В СТИХОТВОРЕНИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА
«НАШЕДШИЙ ПОДКОВУ»

«Нашедший подкову», стихотворение Мандельштама 1923 г., при самом первом чтении наверняка произведет впечатление типично модернистского текста. Усложненный, герметичный язык, неожиданное и необъяснимое совмещение образов в пределах одного тропа, резкий и, казалось бы, логически немотивированный переход от темы к теме, от сюжета к сюжету — все это выдает «разорванное модернистское сознание». Тем не менее высказанное предположение верно лишь отчасти. Как известно, стихотворения Мандельштама такой степени сложности все-таки поддаются расшифровке.

Расшифровка «Нашедшего подкову» (а именно этому посвящено настоящее исследование) будет основана на анализе обширного интертекстуального слоя (оставшегося за рамками этой статьи), анализе мотивов, композиции и языка стихотворения¹, по принципу «медленного чтения». Наша задача — посмотреть, как в стихотворении «Нашедший подкову» проводится семантика начала–конца, создания–разрушения, памяти.

Название — «Нашедший подкову» — кажется на первый взгляд ярким и броским, но в достаточной степени случайным, присоединенным к тексту стихотворения *par hasard*. К нему мы вернемся в самом конце.

Подзаголовок стихотворения, сопровождавший в некоторых изданиях стихотворение «Нашедший подкову», — **Пиндарический отрывок** — поддерживается на текстовом, метрическом уровнях, не говоря уже об уровне мотивов.

Пиндарическим отрывком «Нашедшего подкову» делают метрические особенности, а именно свободный стих. Тем самым «Нашедший подкову» вписывается в западноевропейскую (немецкую и отчасти французскую) традицию перевода пиндаровских од и под-

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Поэтика как точная наука» (Научная школа М. Л. Гаспарова) (№ 96–15–98581). Я благодарю М. Л. Гаспарова за обсуждение этого запутанного и темного стихотворения.

¹ Программу для описания грамматики времени см. в: [Панова 2000].

ражания им. Помимо этого, в «Нашедшем подкову» обнаруживают себя типично пиндаровские мотивы: колесничные состязания (36) и песни, посвященные победителям (эпиникии) (37–38).

Композиция стихотворения трехчастна — 5 + 3 + 1; в основе ее фактически лежит принцип, напоминающий «тезис — антитезис — синтез».

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (ТЕЗИС) (распределение строф: 2 + 2 + 1)

I строфа (1–13)

1. *Глядим на лес и говорим:* [= всякий раз, когда мы ('люди') *глядим на лес*, мы *говорим*...: далее, 2–13 — прямая речь]
2. *Вот лес корабельный, мачтовый,* [= *лес*, пригодный для корабля]
3. *Розовые сосны,*
4. *До самой верхушки свободные от мохнатой ноши,*
5. *Им бы поскрипывать в бурю,*
6. *Одинокими пиниями,* [одинокими — 'не в составе леса, порознь, в виде досок корабля', *пиниями* — *pinus*, лат., 'сосна', возможно, восходит к Овидию и Катулле, у которых она метонимически означает 'корабль'; отмечено Ковалевой, см. [Ковалева, Нестеров 1995]]
7. *В разъяренном безлесном воздухе;* [т. е. в *воздухе* моря, не леса, 'во время бури']
8. *Под соленую пятою ветра устоит отвес,* [пригнанный к пляшущей *палубе* [*отвес* — 'мачта', см. также 11; *палуба* метонимически означает 'корабль' (продолжение списка частей корабля — 15–17)]]
9. *И мореплавателъ,* [обобщенный образ]
10. *В необузданной жажде пространства,* [*пространство* в значении 'расстояния и места']
11. *Влача через влажные рытвины хрупкий прибор геометра,* [= по-видимому, *мачта* — то же, что *отвес* 8]
12. *Сличит с притяженьем земного лона* [*земное лоно* — то, из которого вышел человек, откуда дополнительный смысл — *притяженье* как 'тяга вернуться домой'; здесь 'суша' противопоставлена 'воде']
13. *Шероховатую поверхность морей.*

II строфа (14–27)

14. *А вдыхая запах* [= всякий раз, когда мы ('люди') вдыхаем сосновый запах корабля и любимся на сосновые доски..., мы *говорим* 20; далее, 21–27 — прямая речь]
15. *Смолистых слез, проступивших сквозь обшивку корабля,*
16. *Любуясь на доски*
17. *Заклепанные, слаженные в переборки*

18. *Не вифлеемским мирным плотником, а другим* — [вифлеемский плотник, т. е. новозаветный Иосиф, — первая примета христианства; вторая — наша, т. е. христианская, эра 55]]
19. *Отцом путешествий, другом морехода*, — [скорее всего, обобщенный образ, как и мореплаватель 9; другие предположения — Одиссей? Нептун? Петр I? Арг, строитель корабля аргонавтов?]
20. *Говорим:*
21. *И они стояли на земле*,
22. *Неудобной, как хребет осла*, [земля в значении 'край, территория'; хребет осла — источник — Архилох, отмечено Д. Майерс, см.: [Myers 1991]]
23. *Забывая верхушками о корнях*, [сосны здесь соединяют землю и небо]
24. *На знаменитом горном кряже*, [горный — Пелион, на котором строился корабль аргонавтов; отмечено Майерс, Ковалевой, источник — «Гилас» Шенье]
25. *И шумели под пресным ливнем*, [противопоставление соленого морского ветра (8) и пресного (над землей) ливня]
26. *Безуспешно предлагая небу выменять на щепотку соли* [безуспешно — на тот момент; щепотка соли отсылает к морю: это метонимия, обычная для латинской и древнегреческой поэзии]
27. *Свой благородный груз*. [общий смысл 26–27 — предлагая небу ('физическому' и 'идеальному' одновременно) сделать их кораблем]

Основные мотивы

[в воображении говорящих] Лес и сосны в нем предназначены для строительства корабля; Корабль (метонимически представленный пиниями, палубой, отвесом (мачтой)) — [на плаву,] в море, в бурю; Мореплаватель на нем совершает путешествие; Мореплаватель [держится на плаву и осваивает морское] пространство.

Корабль построен из сосен «отцом путешествий»; [в воображении говорящих]; Корабль хранит память о соснах, из которых он сделан; Сосны стремятся выполнить свое предназначение и стать кораблем.

I и II строфы имеют зеркальную композицию. Обе они двухчастны: глаголами восприятия — *глядеть* I, 1 и *любоваться* II, 16, *вдыхать* II, 15 — задается некоторый фрагмент действительности (сосны I и корабль II), который затем обсуждается и домысливается в прямой речи. Прямая речь предваряется одним и тем же глаголом говорения — *говорить* I, 1; II, 20 в форме 1 л. мн. ч.

Содержание прямой речи в I и II строфах также зеркально: в I — это переход от причины (сосен) к следствию (кораблю), а во

II — от следствия (корабля) к причине (соснам). И там, и там эта цепочка разворачивается в воображаемую сцену — мореплавания и сопряженных с ним трудностей (в I строфе) и сосен, которые пытаются выполнить свое предназначение и стать кораблем (во II строфе).

Во II строфе также описывается строительство корабля как реальная, а не воображаемая картина.

Лексические переключки двух строф — следующие: точные повторы — *верхушки* 4 / 23; синонимы — *ноша* 4 / *груз* 27 (применительно к соснам); *поскрипывать* 5 / *шуметь* 25 (также применительно к соснам); антонимы — *солёный* 8 / *пресный* 25. Общие мотивы — «сосны, становящиеся кораблем». Общая «подача» реальности — расщепление множества на единичные составляющие, «лес → сосны / пинии» (1–6) и «корабль 15 → палуба 8; отвес 8 и хрупкий прибор геометра 11 ('мачта'); доски 16; переборки 17; обшивка 15».

III строфа (28–36)

28. *С чего начать?* [*начать* — имеется в виду поэтическое творчество; здесь и дальше — внутренний монолог поэта]
29. *Всё трещит и качается.* [предикаты отсылают к *поскрипывающим* 5 и *шумящим* 25 соснам, а также к *пляшущей* палубе 8]
30. *Воздух дрожит от сравнений.* [общий смысл 30–32: как сосны предшествуют кораблю и содержат его в себе, точно так же *воздух* и *земля* предшествуют поэтическому творчеству и содержат его материал (*сравнение, метафору*) в себе]
31. *Ни одно слово не лучше другого,*
32. *Земля гудит метафорой,* [по-видимому, *земля* в значении 'поверхность, по которой люди ходят, на которой стоят']
33. *И легкие двуколки,*
34. *В броской упряжи густых от натуги птичьих стай,* [колесницы, запряженные птицами, по-видимому, представляют богов (если в подтексте — «Гимн Афродите» Сапфо (отм. М. Л. Гаспаровым, устное сообщение) или «Клятва в зале для игры в мяч» А. Шенье); соответственно, общий смысл 34–36 — двуколки богов соперничают с человеческими двуколками]
35. *Разрываются на части,*
36. *Соперничая с храпящими любимцами ристалищ.* [первый отчетливый пиндаровский мотив — колесничные состязания]

IV строфа (37–44)

37. *Трижды блажен, кто введет в песнь имя;* [= *имя* победителя, как в эпиникиях Пиндара; это второй отчетливый пиндаровский мотив]

38. *Украшенная названьем песнь*

39. *Дольше живет среди других* — [общий смысл — *имя* как отличительная примета песни позволяет ей сохранить память о победителе и тем самым обеспечивает песни более долгое существование]

40. *Она отмечена среди подруг повязкой на лбу*, [олицетворение, развивающееся в самостоятельный мотив, см. 41–44]

41. *Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного одуряющего запаха* —

42. *Будь то близость мужчины,*

43. *Или запах шерсти сильного зверя,*

44. *Или просто дух чобра, растертого между ладоней.*

Основные мотивы

[резкий переход к теме поэтического творчества] Воздух и земля [заклучают в себе материал для творчества и/или творческую энергию]; Подобрать слова мучительно трудно; [Первый отчетливый пиндаровский мотив — колесничные состязания] Двуколки (богов?) состязаются с человеческими колесницами.

[Второй отчетливый пиндаровский мотив — имя победителя в эпипикии] В песню должно быть введено имя [победителя]; Песня, хранящая память о событии или человеке, сама [хранится в памяти культуры] дольше, чем песни без имени.

В III–IV строфах на уровне тем и мотивов происходит резкий переход к теме поэтического творчества и обстоятельствам, его порождающим.

III строфа переключает читателя с общечеловеческой точки зрения на точку зрения поэта. Открывающая этот фрагмент строка — *С чего начать?* 28 — кладет начало внутреннему монологу поэта, который продолжается размышлением о выборе слов — *Ни одно слово не лучше другого* 31. В этой строфе используется преимущественно НАСТОЯЩЕЕ АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОЕ время, передающее то, что происходит в момент обдумывания или внутреннего проговаривания, например, *Все трещит и качается* 29. IV строфа, с УЗУАЛЬНЫМ временем, опять возвращает читателя к общечеловеческой точке зрения: [песнь] *дольше живет среди других* 39.

Внутренний монолог в III строфе посвящен не воображаемым сценам, как в I и II строфах, а реальности. Причем на сей раз реальностью становятся даже и издаваемые звуки, *Все трещит и качается* 29, которые отсылают читателя к двум предшествую-

щим строфам. Вторично появляется в этой строфе и *воздух* 30, только на этот раз он связан не с темой моря, а с темой творчества.

Некоторые параллели III строфы с двумя предшествующими можно видеть в том, что мир (ранее он был представлен *соснами*, теперь — *землей* и *воздухом*) предназначен для человеческой деятельности, будь то ремесло или творчество; в III строфе появляется дополнительный смысл — мир содержит в себе потенциальную творческую энергию. Еще одним скрепляющим звеном между III строфой и предшествующей является *земля* 32, хотя и в другом значении.

III–IV строфы объединены и тематически (о поэзии), и логически — тесной причинно-следственной связью: мир рождает поэзию, поэзия должна сохранить память о реальных событиях (блажен тот поэт, который введет в песнь имя), тогда беспмятство минует эту песню. Еще одним связующим звеном между III и IV строфами является мотив «лучший», «избранный», «отмеченный»: 31, 36, 40.

«Пиндаровский» слой этих двух строф обширен. Появление пиндаровского мотива колесничных состязаний связано с мотивом творчества опосредованно, через пиндаровские эпипикии (песни на победу в играх), которые сочинялись в честь победителя. Отсюда второй после колесничных состязаний пиндаровский мотив — имя победителя, которое должно прозвучать в оде.

Традиционно, начиная со Ст. Бройда, V строфа на основании прозаических параллелей земли с поэзией интерпретировалась как рассуждение о поэзии (см.: [Broyde 1975]). Мы же придерживаемся буквального понимания этого места. *Воздух* — чрезвычайно употребительное слово; более того, во многих контекстах оно является семантически выделенным, отмеченным.

Есть еще один веский довод в пользу буквального прочтения V строфы — семантизация фонетического контекста *воздуха*. На звукописном фоне других строф фонетическая густота звуков (и букв), из которых состоит слово *воздух*, особенно *В*, не случайна. Это инструментовка V строфы

- на *В*: четыре из восьми строк начинаются на *В*, и кроме этого *В* становится самостоятельной фонетической темой: *Воздух быВает темным как Вода ... Все жиВое В нем плаВает ... плаВниками ... В котором ... Влажный ... Вилами ... Воздух ... В него ... Выйти ... Войти* 45–52;
- на *О*: *воЗдух ... т[О]мным ... вс[О] живОе* 45;
- на *З*: *воЗдух* 45; *черноЗем ... Заново ... треЗубцами ... воЗдух За-мешан ... Земля ... из него нельЗя* 49–52;

- на Д: паронимия *возДух* : *воДа* 45; *Движутся ... лошаДи ... кажДую* 48–49; *возДух ... трудно* 51–52;
- на У (ударное в 5 случаях и неударное — в 13 остальных): *упрУ-гую* 47, *трезУбцами, плУгами* 50, *гУсто* 51, *трудно* 52;
- на Х: *воздуХ* 45, 51 : *Хрусталь ... шараХаются ... распаХанный* 48–49.

Анаграмма *воздуха*, скорее неосознанная, чем осознанная, в IV–V строфах складывается, в частности, из следующих звуковых (и буквенных) комплексов: *ЗапаХ, ДУХ, ВОДа, ХрУсталь, ДвижУтся, ЗанОВО, трудно, ВОйти*.

V строфа (45–52)

45. *Воздух бывает темным, как вода, и всё живое в нем плавает, как рыба, [все живое включает в себя и людей; воздух в значении 'среда' для Мандельштама — человеческий уровень мироздания, в отличие от неба]*
46. *Плавниками расталкивая сферу, [по-видимому, все живое находится внутри сферы и расталкивает ее изнутри; возможно, здесь отсылка к представлению о мире как о сфере (Платон)]*
47. *Плотную, упругую, чуть нагретую, — [воздух здесь, как и в других стихотворениях Мандельштама, материален, не бесплотен]*
48. *Хрусталь, в котором движутся колеса и шарахаются лошади, [колеса, лошади — метонимия; продолжение описания двуколки, начатое в 34–36]*
49. *Влажный чернозем Нееры, каждую ночь распаханый заново [Неера — имя богини из поэзии Шенье, впервые отмечено О. Роненом, см. [Ronen 1983; Ронен 1992]]*
50. *Вилами, трезубцами, мотыгами, плугами.*
51. *Воздух замешан так же густо, как земля, — [здесь воздух можно понимать и как 'среду', и как 'вещество'; земля употреблена в значении 'вещество']*
52. *Из него нельзя выйти, в него трудно войти. [человек при жизни не может выйти из мира; войти в мир человеку (т. е. родиться) трудно]*

Основные мотивы

[резкий переход к теме воздуха] [*Человеческий* уровень мироздания —] *воздух*; В *воздухе* [происходит движение] *всего живого*; В *воздухе* едут *колесницы* (метонимически представленные *колесами и лошадьми*); Каждую *ночь* *воздух* распахивается при помощи *земледельческих и морских инструментов*; *Воздух материален*; *Человек* попадает

в мир [рождается] с трудом и не может выйти из воздуха (мира) [в другие миры или измерения].

III и IV строфы еще раз убеждают нас в том, что концептуализация действительности выполняется под знаком «закономерность». Основные области действия закономерностей были 'человеческая память', 'человеческая деятельность / творчество' и 'культура'.

Но где закономерности проявляются с регулярностью, не знающей исключений? Конечно же, в природе, в мире. Таким образом, V строфа, посвященная описанию воздуха как человеческой среды или наиболее человеческого уровня мироздания, может считаться итогом рассуждений о закономерностях: она о порядке, царящем в мире и касающемся людей. И фоновым временем становятся недействительные времена: УЗУАЛЬНОЕ (*воздух бывает темным, как вода* 45), ВНЕВРЕМЕННОЕ (*все живое в нем плавает, как рыба* 45; *воздух замешан так же густо, как земля* 51) и даже ВСЕВРЕМЕННОЕ (во второстепенной пропозиции с квантором каждый: *каждую ночь распаханый заново* 49).

V строфа прямым и косвенным образом стягивает к себе многие слова, образы, мотивы четырех предшествующих строф. Это, в первую очередь, новая композиция *воздуха, воды, земли*, правда, здесь все эти слова употребляются в значении 'вещество' (и 'первозлементы мира'), а *воздух* — еще и в значении 'среда'; другой повтор — эпитет *влажный* (11 и 49); продолжение морского пейзажа I строфы — развернутая метафора *все живое плавает, как рыба*, морская нимфа *Неера* и морской инструментарий. От III строфы в ней — продолжение сюжета двуколок (*движутся колеса и шарохаются лошади*). Наконец, *распаханный* и (*густо*) *замешанный* продолжают мотив созидательной деятельности.

Итак, в этой строфе круг замкнулся, цикличность представлена в своем «высшем» виде. Дальше — выход из круга повторов, распрямление времени.

Выводы. В первой части преобладает циклическое время (у человечества все повторяется) и до какой-то степени панхронизм (античность рядом с христианством; античность спроецирована на каждодневную ситуацию как норма). Все повествование идет в УЗУАЛЬНОМ времени и с обобщенными субъектами (смыслы 'так заведено', 'все повторяется'). Основные темы — 'строительство' или 'создание/начало'. Тема памяти выдвинута на первый план, т. к. на нее тратится наибольшее количество языковых средств. Тема создания, напротив, оттеснена на второй: глаголы, формирующие ее, в большинстве своем имеют форму

СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ (*заклепанный, сложенный; украшенная названьем песнь, а также распаханный и замешан*, исключение — *кто введет в песнь имя*) и являются второстепенными предикатами. Тема памяти о вещах дополняется темой 'предназначенности одной вещи для создания другой'. С античностью, с темой создания коррелируют идеи силы, мощи, красоты, положительные оценки или коннотации. Точка зрения — преимущественно общечеловеческая (исключение — III строфа, с внутренним монологом поэта).

ВТОРАЯ ЧАСТЬ (АНТИТЕЗИС) (распределение строф: 1+2)

VI строфа (53–63)

53. *Шорох пробегает по деревьям зеленой лаптой*: [53–54 — по-видимому, вводятся два предвестника глобальных событий; в подтексте — «Мятеж» О. Барбье, с ветром, аллегорически обозначающим революцию; *лапта* — от стихотворения А. Шенье «Игра в мяч» и картины Л. Давида «Клятва в зале для игры в мяч»]
54. *Дети играют в бабки позвонками умерших животных*. [*умерших* начинает тему конца, которая будет продолжаться до самого финала стихотворения]
55. *Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу*. [по прозе Мандельштама очевидно, что имеется в виду христианская эра; здесь второе упоминание христианства, см. первое — *вифлеемский плотник 18* — возможно, как точка отсчета для христианской эры; здесь также впервые вводится точка зрения Я-субъекта]
56. *Спасибо за то, что было*:
57. *Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете*.
58. *Эра звенела, как шар золотой*,
59. *Полая, литая, никем не поддерживаемая*, [*полый шар* противопоставлен сфере, наполненной всем живым, 45–46; возможно, образ полого шара вызван тем, что Я-субъект вышел из (христианской) эры и находится вне ее, в новой эпохе]
60. *На всякое прикосновение отвечала «да» и «нет»*.
61. *Так ребенок отвечает*:
62. *«Я дам тебе яблоко», или «Я не дам тебе яблока»* [совмещение *лапты, шара и яблока* — русско-французская звуковая и образная игра: *раите* 'мяч, шар' из «Le Jeu de Raite» (Игра в мяч) А. Шенье претерпевает графическую и образную трансформацию в пароним *ротте* 'яблоко']
63. *И лицо его точный слепок с голоса, который произносит эти слова*.

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ

Шорох пробегает по деревьям зеленой лаптой; Дети играют в бабки позвонками умерших животных; [Христианская] эра [внутри которой находится «сейчас» Я-субъект] кончается; Я-субъект благодарит за то, что было [речевой акт благодарности]; Я-субъект запутался в счете времени; Эра кончилась; [Христианская] эра [состоявшая из гуманистических ценностей] звенела, как золотой полый литой шар; Эра отвечала на прикосновение к ней «да» или «нет»; Так же однозначно ребенок отвечает на поставленный вопрос; Лицо ребенка хранит память о голосе, произнесшем эти слова.

Следующие три строфы устроены достаточно единообразно. Они объединяют фабульный и внефабульный эпизоды, на одну и ту же тему (например, тему памяти, конца и т. д.).

В VI строфе представлен совершенно новый, исторический мотив — конец уходящей христианской эры. Тематически его подготавливают две зарисовки — шорох, пробегающий по деревьям, предвестник большого исторического события, и дети, играющие позвонками умерших животных, как предвестники конца. Фонетически его намечают два ряда перекличек с предшествующей V строфой. Это сокращение фонетических слов *сфера* 46 и *Неэра* 49, состоящих из пяти звуков, до короткого слова *эра* 58 (описательное продолжение этой звуковой цепочки — сокращение *эры* до полного нуля: *Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла* 64) и паронимы с семантикой хрупкости — *ХРУсталь* 48: *ХРУпкое* 55 (оба стоят на самом приметном, выигрышном месте — в начале строки, поэтому их перекличка вполне ощутима).

Исторической тематике соответствует «распрявление» времени: из циклического оно становится историческим. Новая серия ситуаций уже дается локализованной во времени: совпадают с «моментом речи» *Шорох пробегает ... Дети играют ... летоисчисление <...> подходит к концу...* — НАСТОЯЩЕЕ АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОЕ; ретроспективные штрихи к изображению уходящей эры идут в ПРОШЕДШЕМ ПРОДОЛЖЕННОМ — *Спасибо за то, что было ... Эра звенела ... отвечала*. И только внефабульные «ответ ребенка» и «выражение лица как память о голосе...» грамматически выражаются в недейктических временах.

Начиная с этой строфы Мандельштам говорит «от себя». Личия «я», начатая речевым актом благодарности — *Спасибо...*, продолжается ПЕРФЕКТНЫМИ самообвинениями — *я сам ошибся, я сбился, запутался...*; форма *я сам* задает параллелизм между

эрой и лирическим «я». В заключительной строфе, IX, этот параллелизм усиливается (как — см. ниже).

Взаимоналожение двух линий, коммуникативной («я») и повествовательной (конец эры), создает эффект переживания уходящего времени: «пока я говорил, эра кончилась».

Время здесь и дальше вытесняет пространство. «Пространство текста» по сравнению с V строфой (*воздух* как мир) сузилось до верхушек деревьев (*шорох пробегает... зеленой лаптой*); что осталось в этой строфе, так это перемещение.

В VI строфе два основных мотива: «конец» — конец эры, христианского летоисчисления, и «память» — звук от эры продолжается после того, как она закончилась (фабульный эпизод); лицо ребенка хранит память о голосе, который произнес «да» или «нет» (внефабульный, иллюстративный).

VII строфа (64–71)

64. *Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла.* [звук, произведенный эрой—золотым шаром 61]

65. *Конь лежит в пыли и храпит в мыле,* [умирающий конь после скачек (в подтексте — «Кобыла» О. Барбье (цикл L'idole, III), аллегория наполеоновской Франции); конь — обобщенный образ; храпит повторяет предикат храпящий 36 и тем самым развивает мотив конных состязаний 34–36 — движения колес и лошадей 48]

66. *Но крутой поворот его шеи*

67. *Еще сохраняет воспоминание о беге с разбросанными ногами —*

68. *Когда их было не четыре,*

69. *А по числу камней дороги,*

70. *Обновляемых в четыре смены*

71. *По числу отталкиваний от земли пышущего жаром иноходца.*

[земля в значении 'поверхность']

VIII строфа (72–82)

72. *Так,*

73. *Нашедший подкову* [нашедший... — обобщенный образ]

74. *Сдувает с нее пыль* [пыль (повтор) является связующим звеном между конем 65 и подковой 73–74]

75. *И растирает ее шерстью, пока она не заблестит,*

76. *Тогда*

77. *Он вешает ее на пороге,*

78. *Чтобы она отдохнула,*

79. *И больше уж ей не придется высекать искры из кремня.* [высекать искры из кремня продолжает мотив бега, см. камни доро-

- ги 69 и отталкивания от земли 71, в результате чего высекаются искры из кремня; *больше не* — конец некоторого отрезка времени]
80. Человеческие губы, которым больше нечего сказать, [*больше нечего* вводит мотив опустошенности, это повтор, см. 79]
81. Сохраняют форму последнего сказанного слова,
82. И в руке остается ощущение тяжести,
83. Хотя кувшин
наполовину расплескался,
пока его несли домой. [*наполовину расплескался* — впервые вводится идея порчи, ущерба]

Основные мотивы

Звук от эры-шара еще звенит [и тем самым сохраняет память о своей первопричине]; [дальнейшее развитие этой темы] — Конь [умирает] после скачек, превысивших его возможности; Поворот шеи коня сохраняет память о быстром беге.

[совмещение двух мотивов — «двуколка — конь — подкова» и «память об X-е»] Подкова найдена человеком; Нашедший подкову вешает ее на пороге; Подкова [сохраняет память] о том, как она высекала искры из кремня; Подкова, повешенная на пороге, [знаменует конец перемещения]; [совмещение двух мотивов — «конец» и «память об X-е»] Человеческие губы сохраняют память о последнем сказанном слове; Человеческая рука сохраняет память о тяжести кувшина, который она несла; Кувшин, принесенный домой, [знаменует конец перемещения].

В VII строфе заканчивается сюжетная линия христианской эры и происходит резкий переход к другой сюжетной линии — «двуколки, храпящие любимцы ристалищ (III строфа) — движущиеся лошади и колеса (V строфа) — умирающий конь (VII строфа) / подкова, найденная и повешенная на пороге (VIII строфа)».

Но есть ли, в самом деле, связь между этими четырьмя строфами? Обсуждаемые четыре строфы и образы колесницы, коня, лошади, колеса и подковы в них объединены в одну сюжетную линию едва заметными лексическими повторами — глаголом *храпеть* и существительным *пыль*:

Соперничая с храпящими любимцами ристалищ 36 — Конь лежит в пыли и храпит в мыле 65 — Так / Нашедший подкову / <...> / Сдувает с нее пыль 74,

а также мотивом чрезмерных усилий, бега на грани возможного —

*густых от натуги 34 ... разрываются на части 35 ... любимцы рис-
талиц 36 ... шарахаются лошади 48 ... в мыле 65 ... высекать искры
из кремня 79.*

В VII и VIII строфах две основные темы: памяти и конца.

В VII строфе эпизод, относящийся к сюжетной линии эры, — *звук еще звучит*, и «конные эпизоды» — *конь лежит ... храпит*, грамматически оформляются в НАСТОЯЩЕМ АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОМ; и там, и там с настоящим связан эпизод прошлого: *причина звука исчезла* (ПЕРФЕКТ), *когда их [ног] было не четыре* (ПРОШЕДШЕЕ ПРОДОЛЖЕННОЕ). Именно так реализуется мотив памяти: X исчезает, а память о нем сохраняется. Мотив конца воплощает исчезнувшая эра и (не столь бесспорная интерпретация) умирающий конь. Оба эпизода — фабульные.

В VIII строфе эпизод с подковой имеет два назначения: он одновременно движет повествование и является иллюстрацией тезиса «памяти»; не случайно он вводится сравнительным союзным словом *Так* (примечательно, что строка 72 состоит только из него одного) и получает грамматическое оформление в УЗУАЛЬНОМ времени. Два внефабульных эпизодов (губы сохраняют форму слова и в руке сохраняется тяжесть кувшина) повторно иллюстрируют тему памяти и тему конца (в т. ч. конца перемещения). Соединенные союзом *и*, они представляют «сенсорную», «непроизвольно-физиологическую» реализацию мотива памяти. Иллюстративность можно связать с грамматикой времени: для этих эпизодов предпочтительно недейктическое истолкование грамматики времени: УЗУАЛЬНОЕ в случае *сохраняют ... остается* и ПРОШЕДШИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ (а не дейктические) в случае *расплескался* (ФАКТИЧЕСКОЕ) и *несли* (ПРОДОЛЖЕННОЕ). Иллюстративность этих эпизодов тем заметнее, что человек («владелец» губ и руки, «производитель» действия (*нести*)) остается «за кадром», ибо важен не он — а закон «сохранения».

В VIII строфе мотиву конца — конца перемещения подковы и кувшина (сюда же можно добавить *последнее сказанное слово*) — сопутствует мотив «опустошенности» (*губы, которым больше нечего сказать...*) и «порчи/ущербности» (*кувшин расплескался*).

Мотив конца в VII–VIII строфах проводится наиболее последовательно. В VIII строфе появляются «знаки» переживания времени конца истории и надвигающегося исторического небытия — *еще, больше не / больше нечего*. Мотивы конца пути, конца перемещения (69–70; 79; 83) и замирания движения коррелируют с

сужением текстового пространства от линии (дороги) до точки (порога, дома как конечной точки перемещения); в поэтическом мире Мандельштама неподвижность и замирание движения всегда идет со знаком минус.

Выводы. Вторая часть контрастна по отношению к первой. Здесь Мандельштам переходит к современности, которая выходит из круга повторов; соответственно УЗУАЛЬНОЕ время сменяется настоящими и прошедшими, которые передают историческое время — конец эры. Общечеловеческий опыт сменяется личным: появляется «я», его реплики, описание его действий.

Во второй части преобладают темы 'конца', 'разрушения/уничтожения', 'опустошенности', имплицитные отрицательные оценки. В то же время сохраняется и еще более отчетливо проводится тема 'памяти'; серия повторных иллюстраций этой темы продолжает идти в УЗУАЛЬНОМ времени и отражать общечеловеческую точку зрения.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ (СИНТЕЗ)

IX строфа (84–92)

84. *То, что я сейчас говорю, говорю не я,*

85. *А вырыто из земли, подобно зернам окаменелой пшеницы.* [обобщенный смысл 84–85 — то, что я сказал в этом стихотворении, существовало до меня, в далекие и забытые исторические эпохи, отсюда археологическая тема; *зерна окаменелой пшеницы* — начало «археологической» серии, продолжаемой монетами-лепешками; *земля* в значении 'верхний слой земного шара, земная кора']

86. *Одни*

на монетах изображают льва, [лев 86, голова 87 — эмблемы (античных) государств и эмблемы власти]

87. *Другие —*

голову;

88. *Разнообразные медные, золотые и бронзовые лепешки*

89. *С одинаковой почестью лежат в земле.* [*земля* в том же значении, что и 85]

90. *Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы.* [нетрадиционное решение метафоры «время-разрушительная сила»; *век* в значении 'абстрактное, линейное время'; еще раз проводится мотив порчи, ущерба, см. первый раз — 83]

91. *Время срезает меня, как монету, [время уничтожает меня]*

92. *И мне уж не хватает меня самого. <1923>*

Основные мотивы

Все сказанное мною как повторение того, что уже существовало [в сравнении с археологическими зернами, найденными в земле]; На монетах [оттискивают знаки власти или страны] — голову, льва; Монеты [выйдя из употребления] лежат в земле; Несмотря на разное денежное достоинство, они лежат, как равные; Время губительно воздействует на них и ставит свой отпечаток; Время губительно воздействует на Я-субъекта и срезает его, как монету.

IX строфа подводит итоги всему тому, что было сказано выше: она синтезирует тезис (первую часть) и антитезис (вторую часть). Начинается она с рефлексии о судьбах культуры: *То, что я сейчас говорю, говорю не я...*, напоминающей, с одной стороны, повествовательную рамку первых двух глав (с глаголом *говорить*), а с другой — речь от первого лица, III строфа.

Эпизод проговаривания того, что уже существовало, вписывается в «вечное возвращение», иллюстрируя уже знакомый нам тезис: все сохраняется, ничто не исчезает бесследно. Таким образом, уже первые строки IX строфы задают основу «экзистенциального» сценария. В чем он состоит?

Х существует в мире, потом приходит конец его существованию (линейное время его разрушает/уничтожает), но память о нем остается (первая разновидность) / но потом начинается его постсуществование (вторая разновидность; здесь как раз и дает о себе знать «вечное возвращение»).

Заметим, что «экзистенциальный сценарий» просматривается по меньшей мере в двух сюжетах «Напедшего подкову»: это «победа на колесничных состязаниях → песнь, созданная в честь победителя и потому живущая дольше других», «двуколки; лошади и колеса; конь → подкова». Вот прозаический пересказ последнего:

При жизни (земном существовании) двуколки/лошади существуют по законам линейного времени: они появляются (в данной сюжетной линии это звено отсутствует, но оно представлено в других), существуют какое-то время, исчезают. Их постсуществование (в памяти, в культуре) — в подкове, которая хранит память о том, что было (первая разновидность сценария).

Более отчетливо этот сценарий воплощается в финальной строфе, причем трижды; помимо уже упомянутой речи Я-субъекта (*то, что я говорю... вырыто из земли, подобно зернам окаменелой пшеницы*), где эмфатически выделена заключитель-

ная стадия, он лежит в основе «археологических» эпизодов с монетами-лепешками:

Монеты проходят все фазы «экзистенциального» сюжета (его второй разновидности). Первая фаза — создание монет, нанесение на них знаков (*одни на монетах изображают льва*). Вторая — выход из обращения, потеря денежной стоимости (отсюда уравнивание ценности *медных, золотых и бронзовых лепешек* — они с одинаковой почестью лежат в земле) и их «смерть», конец (*век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы / время срезает ... лежат в земле*). Третья фаза — постсуществование (*вырыто из земли* (о зернах, но и о монетах одновременно)).

Третья иллюстрация «экзистенциального сюжета» — это судьба Я-субъекта; сам сюжет дается в предфинальной стадии (конец Я-субъекта, полагаемый линейным временем, в НАСТОЯЩЕМ АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОМ).

С концом Я-субъекта согласуется мотив порчи (*время срезает меня...*) и мотив опустошенности (*И мне уж не хватает меня самого*).

Любопытно, что параллелизм между монетами (зернами) и человеком («я») выдерживается на фонетическом уровне, ср. звуковой комплекс М–Н: ‘меня, монеты’: *подобНо зерНаМ окаМе-Нелой пшеНицы ... одНи На МоНетах 85–86; вреМя ... МеНя ... МоНету ... Мне ... Не ... МеНя*².

Для текстового пространства этой строфы организующей опять является вертикаль, как и в первой части, однако вертикаль теперь соединяет поверхность земли и земную кору, почву (*в земле, из земли*), которые коррелируют и с мотивом земли-хранительницы, и с мотивом конца. Тем самым благодаря этой заключительной строфе мироздание в «Нашедшем подкову» представлено в полном для Мандельштама объеме.

Название стихотворения

С дескрипцией «нашедший подкову» связана самая длинная сюжетная линия, растянувшаяся с III строфы по VIII. Таким образом, можно предположить, что НАШЕДШИЙ ПОДКОВУ получил память об античности, о колесничных состязаниях, о *песнях*, которые посвящались победителю, о беге иноходца *с разбросанны-*

² Фонетическую инструментовку на М–Н двух последних строк отмечал уже Ст. Брод.

ми ногами. Поэтому подкова в нашей интерпретации — это не столько амулет, сколько знак «вечного возвращения».

Семантика начала-конца, создания-разрушения, памяти

В сценарии существования 'начало' (а также 'создание' и 'предназначенность') и 'конец', 'память' (и беспамятство) диалектически соединяются. Как уже отмечалось, конец в этом сценарии не является абсолютным: культуре, истории, земным вещам обеспечены постсуществование в виде следа, возвращения, повторения и т. д. Начало, конец и память представлены:

На лексическом уровне:

[начало — 3 употребления] *начать* 28, *отец* (путешествий) 19, *заблестеть* 75;

[конец — 6] *конец* 55; *умерший* 54; *исчезнуть* 64; *последний* 81 (не абсолютное значение, но относительное ('последний в некоторой последовательности')), *больше не* (чего) 79, 80;

[длительность — 6] *жить* 39, *сохранять* (воспоминание) 67, *оставаться* 83; *еще* 64, 67, *дольше* 39;

[память — 3] *забывать* 23; *беспамятство* 41 VS *воспоминание* 67.

На уровне мотивов:

«создание» — 2 случая, «предназначенность» — по меньшей мере 3;

«конец/разрушение» — 4;

«память» — 6.

В композиции:

семантика 'начала'/'создания' концентрируется преимущественно в первой части, а семантика 'конца'/'разрушения' — во второй; финальная строфа объединяет 'создание' с 'концом'/'разрушением'.

На уровне подтекстов память — это установка на воспроизведение «первообразцов» (подтексты из Сафо, Архилоха, Нового Завета, А. Шенье, О. Барбье, Фр. Ницше и т. д.).

Заключение

Стихотворение «Нашедший подкову», с началами и концами, в поэзии Мандельштама может рассматриваться как мостик, переброшенный от двух первых сборников, «Камень» и «Tristia», с пафосом человека-ремесленника и созданных им вещей, с античностью в качестве фона, с круговым временем, — к поэзии 30-х гг.,

с ярко выраженной темой конца человеческой жизни, конца истории, с линейным временем, которое уже и в 20-е гг. концептуализируется как время-разрушитель, с постоянными знаками переживания времени в виде наречий *еще* и *уже*. И хотя Мандельштам нельзя назвать «знатоком или любителем» темы начал и концов (таких декларативных провозглашений, как у А. Ахматовой — *Мне ведомы начала и концы* или Т. С. Элиота — *In my beginning is my end*, мы в поэзии Мандельштама не обнаружим), все же семантика начала и конца в разные периоды его творчества находила интересные языковые и текстовые выражения. Это положение мы и постарались продемонстрировать.

ЛИТЕРАТУРА

- Ковалева, Нестеров 1995 — Ковалева И. И., Нестеров А. В. Пиндар и Мандельштам // Мандельштам и античность. М., 1995.
- Панова 2000 — Панова Л. Г. Поэтическая грамматика времени // Известия АН. Серия литературы и языка. 2000. № 4.
- Ронен 1992 — Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О. Собрание произведений / Составители С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. М., 1992.
- Broyde 1975 — Broyde S. Osip Mandel'stam and His Age. A Commentary on the Themes of War and Revolution in the Poetry 1913–1923. Harvard University Press, Cambridge, 1975.
- Myers 1991 — Myers D. The Hum of Metaphor and the Cast of Voice. Observations on Mandel'shtam's «The Horseshoe Finder» // The Slavonic and East European Review. 1991. Vol. 69. № 1.
- Ronen 1983 — Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

СЕМАНТИКА 'НАЧАЛА' И 'КОНЦА'
В ДВУХ ПОЭТИЧЕСКИХ ИДИОСТИЛЯХ
(Б. ОКУДЖАВА И И. БРОДСКИЙ)

Работа содержит один из фрагментов сопоставительного изучения семантических полей в стихотворениях Б. Окуджавы и И. Бродского (для исследования взят одинаковый по числу словоупотреблений материал из сборника Б. Окуджавы «Чаепитие на Арбате» и сборника «Часть речи» И. Бродского. Рассматриваются лексико-семантические поля «начало» и «конец».

Что касается основных, ядерных слов этих полей, то в стихотворениях Б. Окуджавы повторяются слова *начать, начаться*: «И уже не найти человека, / кто не понял бы вдруг на заре, / что погода двадцатого века / *началась* на арбатском дворе», «Вы *начали* прогулку с арбатского двора, / к нему-то все, как видно, и вернется», «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье, / живите будто заново, все *начинайте* снова!», «Затихнет прапнелъ, и *начнется* апрель. На прежний пиджак поменяю шинель. Вернутся полки из похода».

Антоним слова *начаться* — *кончиться* — встречается очень редко, в конструкциях с отрицанием: «Часовые любви <...> Пусть поход никогда ваш *не кончится*».

Особенно значим глагол *начаться* в контексте, выражающем устремленность лирического героя в будущее: «Мостовая пусть *качнется*, как очнется! Пусть *начнется*, что еще не началось!» Это же состояние лирического героя, которое можно назвать «перед началом чего-то», «ожидание чего-то в будущем», выражают конструкции *ждет что-то новое, суждено новое* («У порога, как тревога, *ждет* нас *новое* житье / и товарищ Надежда по фамилии Чернова», «и *суждены* нам *новые* порывы»), слова *назревает* («И за щедрой твоею рукою / что-то брезжится мне впереди, / и в груди *назревает* такое, / что уже не хватает груди»), *намечается* («Зачем отчаиваться, мой дорогой? Март *намечается* великодушный!»), *намереваюсь* («Может быть, первое стихотворенье / зрело в зеленой его голове. / — *Намереваюсь!* — кричал тот кузнецик»), *глядеть в будущее* («Но перед бурей всегда надежней *в будущее* *глядеть*...»), *впереди* («Ну, погоди, это все *впереди*», «И когда у них [маляров] в пути / обрывается работа, / *остается впереди* / недокрашенное что-то, / как неспетое — в груди»), *есть еще что-то* («и *есть еще* на свете много дела»).

Значение «устремленность в будущее», представленное на лексическом уровне, подтверждается и уровнем грамматическим: среди временных форм глаголов подавляющее большинство составляют формы будущего времени, некоторые стихотворения целиком или почти целиком построены на этих формах: «Надежда, я вернусь тогда...», «Грузинская песня» и др. Часто глагол в будущем времени стоит в конце стихотворения, в позиции смысловой выделенности, несет важную смысловую нагрузку, например, в стихотворении «Не бродяги, не пропойцы...»: «Просто нужно очень верить этим синим маякам, / и тогда неожиданный берег / из тумана *выйдет* к вам».

У Бродского, наоборот, часто повторяется слово *конец*: «*Конец прекрасной эпохи*», «*Это — конец вещей*», «*тут конец перспективы*», «*Теперь конец моей и вашей дружбе*». Слова *начало*, *начаться* употребляются либо в сочетании со словами, имеющими отрицательную оценку («*Теперь конец моей и вашей дружбе, Зато начало многолетней тяжбе*»), либо в ирреальной модальности («*как будто жизнь начнется снова, / как будто будут свет и слава, / удачный день и вдоволь хлеба, / как будто жизнь качнется вправо, / качнувшись влево*»).

Если лирического героя Окуджавы характеризует устремленность с надеждой в будущее, то у лирического героя Бродского что-то хорошее, светлое скорее в прошлом, в воспоминаниях, оно уже кончилось: «*Был же / и я когда-то счастлив. <...> Куда-то навсегда / ушло все это. Спряталось*», «*Я был счастлив здесь, и уже не буду*». Бродский прямо противопоставляет прошлое и грядущее: «*В нашем прошлом — величье, в грядущем — проза*», «*И речь бежит из-под пера / не о грядущем, но о прошлом*».

Слова *ждать*, *суждено*, *вперед* сочетаются с обозначениями совсем других реалий, чем у Окуджавы: «Неповинной главе всех и дел-то, что *ждать* топора», «Ну, вот я плачу, плачу, нет пути, Вернуться *суждено* мне в эти камни», «Ах, проклятое ремесло поэта. Телефон молчит, *вперед* диета».

У Бродского, в противоположность Окуджаве, наблюдается перевес форм прошедшего времени. Будущее время часто встречается в сочетаниях с отрицанием или с глаголами с негативной коннотацией: «*Тем верней расстаемся, / что имеем в виду, / что в раю не сойдемся, / не столкнемся в аду*», «*Волхвы забудут адрес твой. Не будет звезд над головой*», «*я останусь один и, увы, сподоблюсь / холеры, доноса, отправки в лагерь*», «*И перо за тобою бежит вдогонку. Не догонит!*»

В стихотворениях Бродского употребляются слова *будущее*, *грядущее*. Смысловый инвариант контекстов с этими словами можно

обозначить как «ничего хорошего в будущем быть не может»: «Грядущее есть форма тьмы, / сравнимая с ночным покоем. / В том будущем, о коем мы / не знаем ничего, о коем, / по крайности, сказать одно / сейчас я в состоянии точно: / что порознь нам суждено / с тобой в нем пребывать...». Повторяется рифма *грядущее — удушье*: «признаю я товаром второго сорта / свои лучшие мысли и дням грядущим / я дарю их как опыт борьбы с удушьем», «вне / похожих на тюрьму с ее удушьем / минувшего с грядущим».

Если у Окуджавы повторяется наречие *еще*, то у Бродского — *уже*: «Здесь, на земле / *уже* ни в ком / не видя места, коего глаголом / коснуться мог бы...», «Птица *уже* не влетает в форточку. / Девца, как зверь, защищает кофточку <...> Это — *уже* старение».

В стихотворениях Б. Окуджавы (особенно в ранних) лирический герой нередко ощущает себя в начале жизненного пути, что выражается с помощью различных описательных метафорических конструкций: «Мало прошел я дорогой земной», «Неправда, будто бы он прожит, / наш главный полдень на земле!» Выражается оно и прямо: «В назначенный день проиграет трубач, / что есть нам удача средь всех неудач, / что все мы еще молодые, / и крылья у нас золотые». Отрицается старение: «Неправда, неправда, все — враки, что будто бы старят / старанья и годы!» Это ощущение сочетается, однако, с осознанием краткости отведенного человеку времени и того, что за этот срок надо успеть что-то сделать: «Быть недолго молодым, / скоро срок догонит», «Берегите нас, поэтов, берегите нас. / Остаются век, полвека, год, неделя, час, / три минуты, две минуты, вовсе ничего...», «Как умудряется он [человек] успеть / свое промолчать и свое пропеть, / по планете просеменить, / гнев на милость переменить?», «Лепил я птицу. С красным пером. Лесную. / Безымянную птицу, которую так люблю. / „Жизнь коротка. Не успеешь, дурак...“ / Рискую».

Если у Окуджавы лирический герой ощущает себя в начале жизненного пути, то у Бродского — наоборот, в конце. Повторяются слова *старый, слишком стар, старение, поздно*: «И молча глядя в потолок, / поскольку явно пуст чулок, / поймешь, что скупость — лишь залог / того, что *слишком стар*. / Что *поздно* верить чудесам», [обращение к стихам] «Дай вам / Бог того, что мне ждать *поздно*. / Счастья, мыслю я», «*Старение!* Здравствуй, мое *старение!*»

Подробно описываются разрушительные процессы в организме: «Я, прячущий во рту / развалины почище Парфенона», «В полости рта не уступит кариес / Греции Древней, по меньшей мере. / Смердно дыша и треща суставами, / пачкаю зеркало. / Силы из мышц у меня украдены».

Лирический герой чувствует на себе признаки смерти, ее дыхание: холод, замерзание, затвердевание. Так описывается сон: «Я неподвижен. Два / бедра холодны, как лед. / Венозная синева / мрамором отдает», другие состояния: «И в гортани моей, где положен смех, / или речь, или горячий чай, / все отчетливей раздается снег / и чернеет, что твой Седов, „прощай“», «Данная песня — не вопль отчаянья. / Это — следствие одичания. / Это — точней — первый крик молчания, / царствие чье представляю суммою / звуков, исторгнутых прежде мокрою, / затвердевающей ныне в мертвую / как бы натуру, гортанью твердою». Еще один из признаков старения — притупленность чувств. Повторяются слова *глух*, *слеп* и т. п.: «я нынче *глух*», «я — один из *глухих*, облысевших, угрюмых послов / второсортной державы», «я не более зряч, чем назовов Калхас», «Я *глуховат*. Я, Боже, *слеповат*».

Мотив смерти — один из ключевых, самых частотных у Бродского. Его выражают слова *смерть*, *умереть*, *гибнуть*, *сгинуть*, *мертвый*, *хоронить*, *казнь*, *могила* и др.: «Они [люди] *умрут*. / Все. Я тоже *умру*», «Мы здесь и *сгинем*. / Все будут одинаковы в гробу», «кто же с нами нашу *смерть* разделит?», «в наше время / сильные *гибнут*», «*Смерть* придет и найдет / тело, чья гладь визит / смерти, точно приход / женщины, отразит». Встречаются разнообразные перифразы смерти: «Если *кончу дни* под крылом голубки», «здесь и *скончаю я дни*, теряя / волосы, зубы, глаголы, суффиксы», «Ежели вам *глаза скормить* суждено *воронам*», [стихам] «Розно / с вами мы пойдем: вы — к людям, / я — *туда, где все будем*», «Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье, / долг свой давний *вычитанию заплатит*». Подробно описываются разнообразные виды смерти: «Такой мороз, что колья убьют, то пусть / из огнестрельного оружия», «Что же пишут в газетах в разделе „Из зала суда“? / Приговор приведен в исполнение. Взглянувши сюда, / обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе, / как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены; / но не спит. Ибо безговать кумполомсны / продырявленным вправе», «На смерть друга <...> замерзшему насмерть в параднике Третьего Рима». Бродский прямо провозглашает такое свое отношение к смерти: «у смерти есть варианты, / предвидеть которые — тоже доблесть».

Повторяется сочетание *после смерти*, слово *посмертный*. Оказывается, что после смерти — пустота, одиночество, страх, мука: «Наверно, после смерти *пустота*. / И вероятнее, и хуже Ада», «Но даже мысль о — как его — бессмертии / есть мысль об *одиночестве*, мой друг», «Ведь *посмертная мука* И при жизни саднит».

В стихотворениях Окуджавы конец человеческой жизни — смерть — это почти всегда смерть в бою: «я все равно паду на той, на той единственной гражданской», «Джазисты уходили в ополчение <...> Редели их ряды и убывали. / Их убивали, их позабывали», «А ему подписан пулей приговор. / Он лежит у кромки береговой, / он лежит на самой передовой: / ногами — в песок, к волне — головой». Смерть в бою характеризуется как *прекрасная*: «как *прекрасно* — упасть, и погибнуть в бою», убитый солдат — как счастливый: «А если, на шаг всего опередив, / достанет меня пуля какая-нибудь, / сложите мои кулаки на груди / и улыбку мою положите на грудь, / чтоб видели враги мои и знали бы впредь, / как *счастлив* я за землю мою умереть», «Матушка, не плачь по сыну: / у тебя *счастливый* сын. / Матушка, ударил выстрел, / покачнулся твой сынок. / Опрокинулся на спину / и застыл среди осин»; он даже сравнивается с новорожденным, т. е. смерть и рождение как бы меняются местами: «*Счастливые* бывшие люди мне чудятся издалека: / высокий хор поет с улыбкой, / земля от выстрелов дрожит, / сержант Петров, поджав коленки, / как *новорожденный* лежит».

Одна из важных тем Окуджавы — противостояние смерти, уверенность в победе над смертью: «Нас ждет огонь смертельный, / и все ж бессилён он», «Надежда, если надо мною смерть распахнет свои крыла, / ты прикажи, пускай тогда трубач израненный привстанет, / чтобы последняя граната меня прикончить не смогла».

Часто встречаются слова *выжить, снова живой, останусь цел, не для меня земля сырая, воскреснуть*: «Я *выжил*. / Я из пекла вышел», «Все можно пройти, и все можно снести, / а если погибнуть — надежду спасти, / а *выжить* — как снова родиться», «Я уйду от пули, делаю отчаянный рывок. / Я *снова живой* на выжженном теле Крыма», «Надежда, я *останусь цел*: не для меня земля сырая», «как *прекрасно* — упасть, и погибнуть в бою, / и *воскреснуть*, поднявшись с земли!»

Одно из ключевых слов творчества Окуджавы — *надежда*, в значении этого слова также скрыт смысл «устремленность в будущее», о котором говорилось выше: «А мы рукой на прошлое: вранье! / А мы с *надеждой* в будущее: свет!», «*надежды* маленький оркестрик / под управлением любви», «была бы *надежда* — пусть не хватает сил», «Как трудны эти три работенки: / *Надежда*, Любовь и Пристрастие», «О *Надежда*, ты крылатое такое существо! / Как *прекрасно* твое древнее святое вещество». Отрицательные эмоции и ощущения, жизненные ситуации — грусть, от-

чаяние, боль, разлука — чаще всего встречаются в контекстах, где обозначено противостояние им, как и в случае со смертью: «Когда мне невмочь пересилить беду, / когда подступает отчаянье, / я в синий троллейбус сажусь на ходу, / в последний, случайный, <...> и боль, что скворчонком стучала в виске, / стихает, стихает».

Если у Окуджавы одно из основных чувств лирического героя — надежда, которая связана с началом чего-то в будущем, то у Бродского — *страх* конца, смерти и даже *посмертный страх*: «чую дыхание смертной темени / фибрами всеми и жмусь к подстилке», [«Разговор с небожителем»] «Шей сердцу *страх* пред грустной порой, / пред смертным часом» — и еще чаще — *боль*, которая считается как бы нормой человеческого существования: «боль — не нарушение правил: / страданье есть / способность тел, / и человек есть испытатель *боли*», «с течением дней / лишь подробности *боли*, / а не счастья видней».

Часто повторяются слова *сон, спать, уснуть*. Сон представлен как прообраз, предопущение смерти: «Последнее время я / сплю среди бела дня. / Видимо, смерть моя / испытывает меня».

Часто действующие лица стихотворений Бродского — *мертвецы*: «и *мертвецы* стоят в обнимку / с особняками», «Лежат в своих гробах / все *мертвецы*. Спокойно спят», «и там, в земле, как здесь, в моей груди, / всех призраков и *мертвецов* буди», «Старуха чешет *мертвый бок*». *Мертвое тело, мертвые души* встречаются и как образ сравнения. С ними сравниваются природные реалии: «Топорщится и лезет вверх стерня, / как *волосы на теле мертвом*», «Деревья в моем окне <...> / деревню после дождя вдвойне / окружают посредством луж / караулом усиленным *мертвых душ*».

Рассмотрим теперь, как у избранных для сопоставления поэтов «начало» и «конец» — и их метафоры — «рождение» и «смерть» — употребляются в применении к природе, предметам, отвлеченным понятиям.

У Б. Окуджавы гораздо чаще встречается рождение. В природе — это рождение весны, первых листиков на деревьях: «Лесник качается на качкой кочке / и все старается не прозевать весны / и первенца принять у первой почки <...> Давайте же не будем обижать / сосновых бабок и еловых внучек, / пока они друг друга учат, / как под открытым небом март рожать!»

В применении к обозначениям вещей употребляются предикаты, обозначающие их старение, порчу (они довольно редки), но этому старению всегда что-то противостоит, вещи продолжают

служить людям: [о трамвае] «Раскрасавец двадцатых годов, позабывший про старость и раны, / он и нынче, представьте, готов / вам служить непрестанно», «Кларнет пробит, труба помята, / фэгот, как старый посох, стерт, / на барабанах швы разлезлись... / Но кларнетист красив как черт! / Флейстист, как юный князь, изящен... / И вечно в сговоре с людьми / Надежды маленький оркестрик / под управлением любви».

У Бродского другим реалиям, помимо человека, приписывается не рождение, как у Окуджавы, а конец, смерть. Пейзаж обычно представлен как смерть, смертельная болезнь: «Кактус, пальма, агава, / Солнце встает с Востока, / улыбаясь лукаво, / а приглядишься — жестоко. / Испепеленные скалы, / почва в мертвой коросте. / Череп в его оскале! / И в лучах его — кости!», «М. не узнал бы местности. Из ниш / исчезли бюсты, портики пожухли, / стена осела деснами в овраг. <...> Сады и парки переходят в джунгли. / И с губ срывается невольно: рак».

Разрушение, распад вещей — тоже вариант конца: «Распадаются дома, / обрывается нить», «Не вина, но оплошность / разбивает стекло», «беззвучно распадался Карфаген», «гниют баркасы», [фонтан] «Пересохли уста, / и гортань проржавела: металл не вечен», «Вещь можно грохнуть, сжечь, / распотрошить, сломать». Часто повторяются слова *развалины*, *обломки*, *дыры* и пр.

Конец присущ человеческим отношениям: «Теперь конец моей и вашей дружбе», «смерть союза» [мужчины и девы]. Конец любви — *разлука* — тоже одно из ключевых слов Бродского, причем подчеркивается ее обязательность и необратимость: «На прощанье — ни звука <...> В этом мире *разлука* / лишь прообраз иной», «ведь небосвод *разлук* / несокрушимей потолков убежищ!», «Величава наша *разлука*, ибо / навсегда расстаемся!», «тех нет объятий, чтоб не разошлись».

У обоих поэтов повторяются слова, обозначающие начало и конец определенных временных циклов. Из обозначений составляющих суточного цикла — *утро*, *день*, *вечер*, *ночь* — у Б. Окуджавы чаще всего встречаются *утро*, а также *рассвет*, *заря*: «Не клонись-ка ты, головушка, / от невзгод и от обид. / Мама, белая голубушка, / *утро* новое горит», «В саду Нескучном тишина. / Встает *рассвет* светло и строго», «Уважайте маляров <...> Тех, кто ради солнца, ради / красок из глубин дворов / в мир выходит на заре». Встречаются и обозначения *ночь*, *полночь*, обычно их сопровождают эпитеты положительной оценки: *удивительные*: «Ах, какие *удивительные* ночи», *веселая*: «*Веселую* полночь любви, да на утро надейся». Из связанных с этой семантической

группой слов, обозначающих свет и темноту, а также источники света, преобладают первые, например: «Солнце, май, Арбат, любовь — / выше нет карьеры». Темнота встречается в контексте противостояния ей света: «Когда кругом темно, / светлей твое окно...».

Из времен года у Окуджавы чаще встречаются весна: *апрель*: «Из конца в конец *апреля* путь держу я», «Я сидел в *апрельском* сквере», *май*, лето — *август*, а также *осень*, которая всегда рисуется яркими красками: «Какая царская нынче осень в Царском Селе! / Какие красные листья тянутся к черной земле, / какое синее небо и золотая трава», «Осень ранняя. Падают листья. <...> Красный дуб с голубыми рогами / ждет соперника из тишины».

У Бродского из времен года безусловно преобладает то, которое относится к концу годового цикла, — *зима*. Часто повторяются связанные с зимой обозначения *снег*, *лед*, *мороз*, *метель*, *заморозки*. Из времен дня безусловно преобладает *ночь* и связанные с ней *тьма*, *темнота*, *мрак*. Часто многочисленные обозначения ночи, тьмы нагнетаются в одном стихотворении. Зима и темнота желанны для лирического героя: «Я не то что схожу с ума, но устал за лето. / За рубашкой в комод полезешь, и день потерян. / Поскорей бы, что ли, пришла *зима* и занесла все это — / города, человек, но для начала зелень», «Вещи и люди нас / окружают. И те, / и эти терзают глаз. / Лучше жить в *темноте*».

Если Б. Окуджава пользуется в пейзажных описаниях яркими красками, то у Бродского цвет черный, серый, иногда черно-белый: «Кончается среда. / На улицах, где не найдешь ночлега, / белым-бело. Лишь черная вода / ночной реки не принимает снега».

Из проведенного сопоставления лишь одной лексико-семантической подгруппы — слов, в значении которых присутствуют семантические элементы «начало» и «конец», видно, насколько противоположны поэтические идиостили И. Бродского и Б. Окуджавы.

«ЭВКЛИДОВ УМ» В ПОИСКАХ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Настоящая статья является попыткой представить философскую и, по возможности, логико-лингвистическую модель диалектики конечного и бесконечного в творчестве Ф. М. Достоевского. В центре этой диалектики стоит понятие «эвклидова ума», а точнее, обобщенный его носитель, который постоянно, хотя и тщетно пытается выйти за пределы земной ограниченности и осуществить «прорыв» в бесконечность, где «параллельные пересекаются». Сразу заметим, что у Достоевского употребляется термин «эвклидовский», но мы, вслед за критиками и философами, будем использовать более привычное в современном научном обиходе определение «эвклидов». На то, что оба словосочетания — и «эвклидов ум», и «слияние параллельных» — используются писателем для построения своей религиозной и философско-этической концепции, указывали такие исследователи его творчества, как Н. Бердяев, Дж. Пачини, Б. Тихомиров, различные высказывания которых мы будем неоднократно приводить в нашей работе. Мы же попытаемся доказать, что Достоевский не ограничивается метафорическим переосмыслением этих понятий — в самом конце жизни, уже после написания своего программного произведения «Братья Карамазовы», пусть на одной только дневниковой страничке, но обращается к собственно геометрическому их содержанию. Можно также показать, что такое обращение не только не контрастирует с его философией, но и находится с ней в органической связи. Нам представляется также, что на той же страничке лингвист может увидеть то, что традиционно называется «фразой Достоевского» — специфически полифоническое, внешне часто парадоксальное построение. Такова, в общем, исследовательская проблематика нашей статьи.

Итак, если говорить о чисто символической нагрузке геометрических терминов, то следует указать, что они используются для решения таких важнейших мировоззренческих задач, как бытие Божие, исповедимость Его путей и помыслов, бессмертие души человеческой. Своеобразным зачином нашего изложения могут послужить следующие слова Ивана Карамазова, которые он говорит брату Алеше: «...Если Бог есть, и если он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал он ее по эвклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства. Между тем находились и находятся даже и те-

перь геометры и философы, и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная, или, еще обширнее, — все бытие, было создано по эвклидовой геометрии, осмеливаются мечтать, что 2 параллельные линии, которые, по Эвклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности. Я, голубчик, решил так, что если я даже этого не могу понять, то где же мне про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей решать такие вопросы, ум у меня эвклидовский, а потому где нам решать, что не от мира сего».

С этих слов носителя «эвклидова ума» — атеиста Ивана Карамазова Достоевский начинает свою теодицею, которая является одной из центральных тем его религиозной философии (см. об этом в [Бердяев 1998, 57]). Этот термин означает буквально 'оправдание Бога', здесь же речь идет скорее о защите его от нападок бунтующего атеиста Ивана Карамазова, который заявляет о своей неспособности понять и принять мир, в котором столько зла. При этом, по признанию многих литературоведов и философов, носителем «эвклидова ума» выступает не только Иван Карамазов, но и сам автор, который наполовину всегда на стороне своих бунтующих, «расколотых» героев. Разворачивая перед братом Алешей свой мартиролог злодеяний и безвинно загубленных и страдающих жертв, Иван отказывается согласиться с благодатью мироздания и лишь условно принимает Творца, лишённого главного из своих атрибутов.

Кстати сказать, эта идея уже рассматривалась в мировой, и в частности французской, литературе: Л. Гроссман, например, утверждает, что «несовместимость в беспредельных пространствах вселенной благостного Бога и страдающего человечества — этот основной стержень карамазовской философии уже прочно установлен Вольтером» [Гроссман 1919, 102]. И тут же ученый приводит в подтверждение следующую цитату из Вольтера: «От творца ли всякого блага произошло зло? Как мыслить Господа — эту воплощенную благодать, — который расточил свои богатства любимым детям своим и щедро пролил на них страдания?» Чуть далее устами того же атеиста из повести «История Дженни, или атеист и мудрец», ведущего философский спор с верующим, Вольтер заключает: «Если бы существовал могущественный и благостный Бог, Он не поместил бы зла на земле. Он не предал бы своих созданий мучениям и преступлению. Если Он не мог помешать злу, Он бессилен, если Он мог и не хотел, Он жесток» (цит. по [Гроссман 1919, 103–104]). Сличение текстов, продолжает тот же исследователь, дает поразительные результаты, в чем нетрудно убедиться, обратившись к следующим словам Ивана: «Хорош же твой Бог,

если его создал человек по образу своему и подобию». И идея непостижимости Божьих промыслов, по мнению Л. Гроссмана, также высказывалась вольтеровским атеистом: «Я злоупотребил бы своим слабым умом, если бы хотел понять во всей полноте то существо, которое по своей и по моей природе должно быть непонятным. Признаем же, что есть Высшее Существо, необходимое, непонятное и которое создало нас» [там же, 101]. Как и вольтеровский атеист, Иван не приемлет и будущую вечную гармонию, где противоречия сгладятся, ибо для его «эвклидова ума» вообразить, что когда-то, в недостигаемой для ума вечности, наступит примирение жертвы и ее мучителя, так же невозможно, как представить себе где-то во вселенной ту точку, в которой параллельные сходятся. «Есть ли на земле то существо, которое могло бы и имело право простить?», — вопрошает он брата в горьком недоумении. И вместе с тем его мучает сознание, что примирение все-таки необходимо, как, впрочем, и возмездие, но и то и другое для него в равной мере невозможны, немыслимы и нелепы.

Выход из мучительного парадокса ученому брату подсказывает не искушенный в философии «смиранный инок» Алеша. Он говорит: «...ты сейчас сказал, есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право спросить. Но существо это есть, и оно может все простить, всех и вся и за все, потому что само отдало невинную кровь за всех и за все. Ты забыл о нем, а на нем-то и созидается здание, и это ему воскликнут: „Прав ты, Господи, ибо открылись пути твои“». Согласился с этим аргументом Иван или нет, в данном случае не суть важно, принципиально лишь то, что Достоевский здесь, так же как и в более ранних произведениях, особенно в письмах и дневниковых записях, предлагает в качестве разрешения всех противоречий между земным и Божественным и споров человека с Богом «синтетическую фигуру Христа», причем не только как искупителя грехов человеческих, а как символ любви и самопожертвования. Для него Христос не мистическая фигура, а «психологическая реальность», которая должна быть глубоко и постоянно переживаема душой, как единственный Путь и Истина. Только следуя Его завету: «Кто бросит свою душу, тот спасет ее», призывающему к любви к ближнему и дальнему и бескорыстному ему служению, можно уже в этой жизни приобщиться к вечности и бессмертию души. Только так, утверждает Н. Бердяев, человек, оставаясь в своих трех измерениях (заметим в скобках, на оси «я — здесь — теперь») выходит в иное, четвертое измерение, состоящее в жизни духа, и, что особенно важно для философа, — свободного духа [Бердяев 1998, 67–68].

Из изложенного видно, что Достоевский рассуждает в соответствии с диалектической логикой, по модели «тезис — антитезис — синтез», и эту диалектическую триаду помогает достроить за него Дж. Пачини, добавляя к привычной дихотомии третий, «синтетический» термин: «трансцендентное — имманентное — трансцендентальное». Последний термин, по признанию философа, был позаимствован им у Канта, и хотя, как нам представляется, у Дж. Пачини он претерпел весьма значительное переосмысление, он очень точно передает момент слияния, перехода, диалектического «снятия» противоречия между земным и небесным (подробнее см. в [Пачини 1992, 26–27]). Если же перейти на «язык» философии Достоевского, то эту триаду можно наполнить следующим содержанием: противоречие между Божественным и бесконечным («трансцендентное» — тезис) и земным и конечным («имманентное» — антитезис) разрешается через приобщение человека к Богу и бессмертию в жизни духа, идя путем, завещанным Христом как Богочеловеком («трансцендентальное» — синтез). Именно этот синтез, как нам представляется, и исчерпывает символический смысл «слияния параллельных», постигнутый, наконец, человеческим умом, превратившимся (правда, только в данном случае) из «эвклидова» в «неэвклидов». Это то, что человеку дано и что с него спросится, что же касается претензий человека на то, чтобы уже в этой жизни приобщиться к вечности и бесконечности, так сказать, телесно, то писатель разоблачает их как болезненные и галлюцинаторные и безжалостно «расправляется» со своими героями. Так, инженер Кириллов (один из главных героев романа «Бесы»), верящий в «здесьнюю вечную жизнь» — для него бывают моменты, когда «время останавливается», — кончает жизнь самоубийством. Обречен и «князь-Христос» Мышкин, который виноват лишь в том, что способен жить только жизнью духа и физически весьма мало привязан к конкретному времени и пространству. Действительно, человек либо жив (в определенном времени и пространстве), либо нет, а третьего не дано, т. е. это понятия несовместимые, или контраридикторные. И если все-таки представить себе некое третье состояние: «не-я — нигде — никогда», то оно как раз и может символизироваться пересечением параллельных, а это значит, что ни духовно, ни тем более телесно земному человеку в «неэвклидовы» пространства не проникнуть. Последнее замечание — уже не метафизического, а скорее психологического свойства, и именно оно позволит нам перекинуть «мостик» к «геометрической» и лингвистической части нашей работы.

О том, что великий писатель был знаком с современными ему нетрадиционными математическими штудиями, особенно с трудами Н. Лобачевского, упоминается прежде всего в статье с характерным названием «О христологии Достоевского», и это, как представляется, достаточно симптоматично (см. [Тихомиров 1994, 103]). Об этом же, как нам кажется, свидетельствует и найденный нами текст [Литературное наследство 1971, 699], который, ввиду его краткости, мы приведем целиком, чтобы потом проанализировать его более подробно.

1) Если бы в мире был конец, то был бы всему миру конец. 2) Параллелизм линий (треугольник), слияние в бесконечности, одна квадратильонная все-таки ничтожность перед бесконечностью. 3) В бесконечности же (параллельные) линии должны сойтись, ибо все вершины (треугольников) все-таки в конечном пространстве, и правило — что, чем бесконечней — тем ближе к параллельному, должно остаться. 4) В бесконечности должны слиться (параллельные) линии, но бесконечность эта никогда не придет. 5) Если б пришла, то был бы конец бесконечности, то есть абсурд. 6) Если б сошлись параллельные, то был бы конец миру, и геометрическому закону, и Богу, но лишь для ума человеческого. 7) Реальный, созданный мир конечен, невещественный же мир бесконечен. 8) Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. 9) Но в конечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. 10) Ибо, если бы не было бесконечности, не было бы и конечности, немислима бы она была. 11) А если есть бесконечность, то есть и мир иной, на иных законах, чем реальный, созданный мир.

Этот текст, который сначала кажется «темным» и бессвязным, легко проясняется, если его сопоставить с чертежом, с которого начинается изложение «Новых начал геометрии» Лобачевского, где он пересматривает пятый постулат Эвклида о том, что через одну точку, лежащую вне прямой, можно провести лишь одну прямую, параллельную данной. Этот постулат отражает планиметрию нашего, земного мира, где параллельные никак не пересекаются по той простой причине, что линии находятся под прямым углом. Можно еще сказать, — и это будет то же самое, — что линии потому и находятся под прямым углом, что никак не пересекаются. Лобачевский же создает свою, так называемую «воображаемую» геометрию, отражающую планиметрию «не нашего» мира, где параллельные сходятся, ибо можно доказать, хотя и невозможно вообразить, что из одной точки можно провести сколько угодно прямых, параллельных данной, а значит, углы

между ними могут быть сколь угодно острыми. Понятно, что такое положение дел земному человеку представить совершенно невозможно: он привык к тому, что прямые бывают либо непересекающимися (параллельные), либо пересекающимися (непараллельные), а третьего не дано. Лобачевский же выделяет нечто промежуточное, а именно «несводные» линии, которые составляют переход от «сводных» (пересекающихся, т. е. непараллельных) «к разводным» (непересекающимся, к которым относятся и параллельные) [Лобачевский 1949, 266–267]. Получается некий третий, промежуточный разряд, который условно и совершенно нестрого можно было бы назвать категорией «непараллельно-параллельных» линий. Русский логик Н. Васильев резюмировал этот подход как метод «сходства, различия и соединенного сходства и различия», установив его прямое соответствие диалектической триаде [Васильев 1989, 86–87]. Нетрудно видеть, что именно этот трихотомический способ мышления составляет глубинное родство великого романиста с великим геометром. Покажем это в ходе анализа компонентов приведенного текста.

1) Если бы в мире был конец, то был бы всему миру конец.

По-видимому, эта фраза является перифразой известного в диалектической философии положения (а Достоевский был сам очень хорошо знаком с трудами Гегеля) о том, что бесконечность складывается из конечных величин и, соответственно, если не было бы конечного, не было бы и бесконечного и наоборот. Здесь же, по-видимому, имеется в виду не актуальная, т. е. пространственная, а потенциальная, временная бесконечность. Последняя представляет собой неразрывную цепь времени, которая «протянута» из прошлого в будущее и складывается из отдельных моментов: $t_1, t_2, t_3, \dots, t_0$. И если бы эта непрерывная цепь времени в принципе и могла быть разорвана, то это могло произойти когда угодно, хоть сейчас, но этого не происходит и не произойдет, стало быть, мир (вселенная) никогда не «кончится». Это доказательство от противного по логической схеме «Если бы не было В (тезис), то не было бы и А (аргумент). Но А есть, и следовательно, есть и В». Соответственно, если бы не было бесконечного (мир мог бы «кончиться»), то не было бы и конечного (мир бы давно «закончился»), но он же не закончился, стало быть, мир бесконечен. Эта нарочитая фальсификация доказываемого тезиса, приводящая к фальсификации аргумента, принимаемого в качестве бесспорного, которая, собственно, и составляет суть доказательства от противного (*ad absurdum*), выражается претеритальной формой глагола-сказуемого с частицей «бы». Такая модализованная глагольная форма в разных

работах определяется по-разному, мы же предпочитаем термин «контрфактический суппозитив», предложенный Г. Сильницким [Сильницкий 1997, 192]. Последний нам представляется содержательно наиболее емким, этимологически прозрачным и, что для нас особенно удобно, выступающим в паре со своим модальным «партнером» — «виртуальным индикативом» [там же, 97]. Под последним следует понимать футуральную или даже презентную глагольную форму, функционирующую также в условном периоде, но уже без частицы «бы». Понятно, что если в косвенном доказательстве фигурирует виртуальный суппозитив, то, естественно, прямое доказательство должно включать в себя формы виртуального индикатива, что и будет показано дальше. Рассмотрим теперь второй компонент:

2) Параллелизм линий (треугольник), слияние в бесконечности, одна квадрильонная все-таки ничтожность перед бесконечностью.

Эта фраза представляется внешне совершенно бессвязной как в смысловом, так и в структурном отношении, и дело, по-видимому, не только в том, что она составлялась «для себя» (речь ведь идет о личном дневнике), но и в том, что она не преследует цель что-либо объяснить или доказать. Ее отдельные синтагмы лишь описывают, а точнее, называют отдельные фрагменты того самого чертежа Лобачевского, о котором мы уже говорили выше. Напомним, хотя и несколько уже повторяясь, что только Лобачевский мог так перевернуть привычные представления о земной метрике и поставить рядом столь несовместимые понятия, как параллелизм, дающий, как мы привыкли, четырехугольник, и треугольник, образуемый линиями, которые выходят из одной точки и, по Лобачевскому, также считаются параллельными. Нам представляется, что только наблюдая этот чертеж и можно написать такую фразу. Что же касается остальных синтагм, то они пока лишь в «свернутом» виде содержат те мысли, которым еще предстоит дать развитие.

Следующий компонент не только продолжает, но и доказывает эту мысль:

3) В бесконечности же (параллельные) линии должны сойтись, ибо все вершины (треугольников) все-таки в конечном пространстве, и правило — что, чем бесконечней — тем ближе к параллельному, должно остаться.

Здесь мы имеем уже прямое доказательство *ad rem*, или доказательство фактом, который выступает в качестве самостоятельного аргумента. Логическая схема здесь проста: В (тезис), потому что А (аргумент). Ей можно было также придать более канониче-

скую форму, преобразовав высказывание с причинным союзом в условный период, например: «Если все вершины треугольников все-таки в конечном пространстве, то в бесконечности параллельные должны сойтись». Иными словами, получится схема «Если А (факт — аргумент), то В (тезис)». В качестве такого «факта» выступает опять-таки наблюдаемое на чертеже: вершины треугольников в конечном пространстве суть не что иное, как точки или точка, из которой, по Лобачевскому, выходит множество прямых (они и образуют треугольники), которые будут параллельны не только прямой, лежащей вне этой точки, но и, что никогда не перестанет нас удивлять, друг другу. Но Достоевского этот факт нисколько не удивляет, о чем можно судить по употребленному им союзу «ибо», который по определению может вводить только самый бесспорный аргумент, что и сообщает фактическую презумпцию высказыванию. Представляется, что особую «демонстративность» доказательству придает также употребление глагола «долженствовать» в аподиктическом значении в рамках самого тезиса (должны сойтись = не могут не сойтись).

Последующие 4), 5), 6), 7) и 8) компоненты надо рассмотреть вместе, ибо в них развивается, собственно, одна и та же идея: Достоевский полагает, что пора, наконец, «спуститься на грешную землю» и отдать себе отчет в реальных возможностях мало склонного к метафизике «плоского» «евклидова ума».

4) В бесконечности должны слиться (параллельные) линии, но бесконечность эта никогда не придет. 5) Если б пришла, то был бы конец бесконечности, то есть абсурд. 6) Если б сошлись параллельные, то был бы конец миру, и геометрическому закону, и Богу, но лишь для ума человеческого. 7) Реальный, созданный мир конечен, невещественный же мир бесконечен. 8) Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего.

Здесь мы имеем дело с внешне совершенно парадоксальным высказыванием, из тех, которые называются «фразой Достоевского», последнюю же нередко, хотя и негласно упрекают в самопротиворечивости и даже в круговом характере доказательства. Посмотрим, обоснованны ли подобные упреки.

Действительно, на первый взгляд все три компонента содержат в себе логическое противоречие типа: пересечение параллельных (и бесконечность) необходимо (истинно), но вместе с тем и невозможно (ложно). Представляется, однако, что эта контрарикторность лишь видимая, ибо противопоставление идет, как говорят логики, не в одном отношении, а в разных. Докажем это, сославшись на уже упо-

мянутаго логика Васильева. Подобно тому, как Лобачевский внес изменения в ряд положений эвклидовой геометрии, Васильев пересмотрел некоторые постулаты аристотелевской логики, в частности основные отношения между суждениями. Указывая на то, что надо отличать логику суждения от логики факта, он говорил, что в сфере нашей чувственной эмпирии действует аристотелевский закон исключенного третьего (лампа либо горит, либо не горит, а третьего ощущения нет), в логике же понятия «работает» закон исключенного четвертого, где следует различать суждения необходимости (должно быть и есть), невозможности (не может быть и не бывает) и возможности (бывает), а четвертого не дано [Васильев 1989, 100]. Соответственно, если доказуемо, т. е. логически возможно слияние параллельных, а следовательно, и существование бесконечности как концепта (по закону исключенного четвертого), то эмпирически представить себе такое пересечение человеку и человечеству так же невозможно, как и дожидаться «наступления» бесконечности, или, что одно и то же, дожить до «конца времен» (по закону исключенного третьего). Поэтому можно сказать, что если речь и идет о парадоксе, то о парадоксе разрешаемом: по закону исключенного третьего, для «эвклидова ума» пересечение параллельных и бесконечность эмпирически абсурдны, а по закону исключенного четвертого и для «сверхчеловеческого», или «неэвклидова ума», оно абсурдом не является. Иными словами, круга в доказательстве не возникает. Можно назвать этот аргументативный ход общепринятым термином «полифония», с тем уточнением, что здесь имеет место своеобразная философская «переключка»: два голоса, два «ума» попеременно спорят, перебивая друг друга, причем один принадлежит «реальному, созданному миру», а второй «невещественному, несозданному» (нематериальному, духовному, а может быть, и «не нашему», в смысле неземному). Но в рассуждении преобладает пока «эвклидов ум», именно он ведет доказательство от противного, именно он привлекает в качестве логического гаранта своего тезиса (параллельные не пересекутся, и бесконечность не придет) положение о неуничтожимости нашего мира и закона его и Бога нашего, такого, каким мы пытаемся Его увидеть нашими земными глазами. И поэтому нам так трудно не согласиться с тем, что ни параллельные не пересекутся, ни бесконечность не «придет». И только в самом конце компонента 6) «заговорил» голос «неэвклидова ума» (может быть, самого Достоевского, находившегося уже на пороге вечности): «...но лишь для ума человеческого». Но в 8) этот «неземной» голос опять перебивается земным, и это тоже голос самого Достоевского, который опять и опять возвращается к мысли о невозможности

слияния параллельных. И только в последних фразах явно доминирует «незевклидов ум»:

9) Но в конечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. 10) Ибо, если бы не было бесконечности, не было бы и конечности, немыслима бы она была. 11) А если есть бесконечность, то есть и мир иной, на иных законах, чем реальный, созданный мир.

Уже само структурное оформление компонента 9) — предложение, начинающееся с противительного «но», — говорит о том, какая борьба идей шла в душе писателя. Можно, наверное, сказать, что этот союз как бы свидетельствует о последнем и решительном приступе на земную ограниченность, скептицизм и неверие, который предпринимает Достоевский от имени всего человечества. Далее в 10) писатель как бы продолжает себя убеждать, возвращаясь, опять же через доказательство от противного, к тезису о диалектической связи конечного и бесконечного: как нет бесконечного без конечного, так нет и конечного без бесконечного, одно доказывается через другое. Обращает на себя внимание и употребление союза «ибо» (здесь он фигурирует в сочетании с условным союзом), который имеет совершенно иную функциональную нагрузку, чем в прямом доказательстве (см. наш анализ компонента 3)). Действительно, если в прямом доказательстве *ad rem* он вводит фактический аргумент, непосредственно доказывающий истинность тезиса, то в этом рассуждении он имеет чисто интродуктивную функцию, т. е. вводит доказательство от противного, фактически в нем не участвуя.

Осталось рассмотреть лишь последний компонент, логической формой которого является прямое доказательство: если А (аргумент — бесконечность существует), то и В (тезис — существует мир иной). В качестве опорного «факта» (аргумент) выступает не то или иное эмпирическое положение дел, а только что доказанный в предыдущем компоненте тезис (бесконечность существует), такое возможно в силу логической принудительности правил доказательства от противного, которое дает всегда истинное заключение. Структура подобного типа прямого доказательства определяет морфологию глагольных форм — здесь мы встречаемся с виртуальным индикативом: презентные формы глагола «быть» в обеих частях условной фразы при отсутствии частицы «бы».

В заключение хотелось бы сказать следующее.

Глубокое идейное родство Достоевского и Лобачевского состоит в том, что оба они оперируют диалектической триадой, переворачивая наиболее привычные для обыденного сознания способы мышления о действительности, в основе которых лежит принцип

двоичности. Последний же составляет основу традиционной (аристотелевской) логики, организующей обыденное мышление, которое и отражается в языке. Это — логика «нашего» языка и «нашего» мышления, которая, оперируя эмпирией факта, знает только два значения: да и нет, а третьего не дано, что и находит свое отражение в условном периоде (ср. с импликацией, которая всегда двузначна). Великий диалектик Достоевский, который умеет мыслить по закону «исключенного четвертого» не только в логике понятия, но и в логике факта, также располагает только теми структурами, которые предоставляет ему язык, а именно условным периодом, где модально-темпоральные характеристики глаголов-сказуемых довольно четко отражают различные виды доказательства — прямое и косвенное (от противного). Наложение же диалектической трихотомии на логическую дихотомию обыденного мышления и создает то специфическое и внешне противоречивое смысловое и структурное образование, которое и принято называть «фразой Достоевского». В этой фразе звучат два голоса, причем один из них как бы ведет позитивную «партию», а второй — негативную, и оба эти голоса принадлежат самому Достоевскому, даже если он говорит за одного из своих героев.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев 1998 — *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского. Избранные труды. Новосибирск, 1998. Т. 2.
- Васильев 1989 — *Васильев Н. А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989.
- Гроссман 1919 — *Гроссман Л. Н.* Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.
- Литературное наследство 1971 — Литературное наследство. Неизданный Достоевский. М., 1971. Т. 83.
- Лобачевский 1949 — *Лобачевский Н. И.* Новые начала геометрии. Полное учение о параллельных // *Лобачевский Н. И.* Собрание сочинений. М., 1949. Т. 2.
- Пачини 1992 — *Пачини Дж.* О философии Достоевского. М., 1992.
- Сильницкий 1997 — *Сильницкий Г. Г.* Коммуникативные типы наклонений // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. СПб., 1997.
- Тихомиров 1992 — *Тихомиров Б. Н.* О христологии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. М., 1992. Т. 11.

Л. Н. РЯГУЗОВА

ПРИНЦИП ПАЛИНДРОМА, ИЛИ ВНУТРЕННЯЯ ОБРАТИМОСТЬ В ТЕКСТАХ В. В. НАБОКОВА

Для художественного мышления В. Набокова характерно стремление изображать явления в единстве противоположных начал, или, по его собственному выражению, осмысливать жизнь в «категориях причуд и антипричуд» [БО, 126], сопрягать подробности «просвечивающие и протмевающие», объединять «и там и сям», «поту- и посюсторонность» [А, 306]. И тем самым видеть «не только одну сторону позиции, но замечать *контрккомбинацию*» [А, 216]. «Комбинация» у Набокова — это более глубокий процесс и постижения, и изображения явления, выходящий за грань противоположностей и открывающий тем самым новые перспективы (оттенки) для художественного слова, его многообразной «причудливой» жизни в тексте. Писатель как бы подчеркивал динамику и процессуальность «просвечивающих и протмевающих» ситуаций.

Двойственная природа явлений в текстах Набокова выражается в равнозначности прочтения обеих сторон бинарных оппозиций: *жизнь — смерть, время — вечность, вымысел — реальность*. Главное в их отношениях не взаимное отрицание, а принцип взаимодействия и взаимоперехода. Черта, разделяющая оппозиционные члены, подвижна: «неведомый/ведомый» [А, 148], «ни в вечности, ни в бренности» [А, 156]. Равновесие достигается, по словам автора, согласованностью приемов «саморассредоточения и самососредоточения» [А, 435]. Понятия *естественного* и *искусственного* в образной философии В. Набокова переосмыслены и являются фактически синонимами [Александров 1999].

Принцип взаимоперехода можно уподобить палиндрому. Палиндром — «перевертень». Механизм палиндрома, как известно, ориентирован на то, чтобы видеть фразу целиком, хотя бы мысленным взором, и читать ее в обоих направлениях, в обратном порядке (наоборот)¹. В. Набоковым чутко улавливается одновре-

¹ Дискурсивное слово *наоборот* обозначает как бы две стороны одной медали. Словари выделяют у слова *наоборот* четыре значения: 1) в обратном, противоположном порядке, направлении, с обратной, противоположной стороны; 2) совершенно иначе; 3) вводное слово; 4) противительная частица ('вовсе нет'), обратная исходному положению вещей. Две крайние позиции Р-1 и Р-2 объеди-

менность протекания различных процессов, развивающихся в одном направлении и двигающихся в противоположном: «Сходства — это лишь тени различий. Различные люди усматривают различные сходства и сходные различия» [БО, 225]. «Принять из благодарной извращенности или извращенной благодарности» [А, 485]. Истинная суть, «паутина смысла» скрыты не в «наоборотном совпаденье, не в тексте, но в текстуре» [БО].

Дискурсивная амбивалентность делает взаимоотражаемыми понятия *верх/низ*, *начало/конец*. В *смерти* утверждается *рождение*. Противоположные начала *рождение* — *смерть* оригинально сопрягаются в «темноте единой темы» в романе «Дар», где *смерть* — это «обратное ничто»: «...ставя жизнь свою *вверх ногами*, так что рождение мое делается *смертью*, я не вижу на краю этого *обратного умирания* ничего такого, что соответствовало бы беспредельному ужасу» [Д, 12]. Главным во фразе «сопрягать в темноте единой темы» является не *тема* или *единство*, а слово *темнота*. Именно «темнота» этого единства, которую писатель должен постичь или изобразить. Он не видит в *смерти* ужаса. Противоположности банальны, они взаимозаменяемы. Для Набокова как писателя интересен «беспредельный ужас» — само переживание жизненного процесса. Его привлекает то, что происходит внутри оппозиций, а не зеркально противоположные крайности, доступные простому логическому взгляду на мир. Понятие «*обратная, передняя вечность*» в романе «Другие берега» олицетворяет «бездну преджизненную». Туманное состояние младенчества — «*обратное ничто*». Прошлое и будущее по обе стороны жизни одинаково символизируют «две идеально черные бездны». *Сдвиги* внутри смысловых оппозиций порождают внутреннюю обратимость текста. Кажется, полярные, прямые противоположности (*жизнь/смерть*), очевидные «наоборотности» недостаточно интересны для ума и воображения Набокова, ему важна сама текстура, в которой эти противоположности воплощены, и смысл, который извлекается из текста.

Полнота «чувства существования» в текстах писателя достигается благодаря наличию двусторонней связи «человек/мир». Не только субъект у В. Набокова воспринимает мир, но и он ощущает на себе взгляд мира, то есть пребывает в функции объекта, в образе возникает обратная перспектива: природа также смотрит

няет то, что они являются разными, возможными реализациями одного положения вещей (Р). На лексико-синтаксическом уровне означенная противоположность может выражаться следующим образом; Р-1 и Р-2 — антиномии, Р — общая область, в которой они выделяются. Ситуация выбора ограничена до двух: *общее/различное; то же самое/по-другому (иначе)*. См.: [Дискурсивные слова 1998].

на человека родственным взором («Знаки и символы»). Человек у Набокова — это и *соглядатай*, и *поднадзорный* одновременно, а вещи — *наблюдаемые* и *наблюдающие*. Мир отражается в каждой мелочи, и каждая мелочь отражает мир. Внутренняя обратимость прослеживается на сюжетном, композиционном, словесном уровнях. Сфера действия «обратимости» выходит за пределы текста. Амбивалентность становится доминирующим фактором набоковских текстов на концептуальном уровне, сказывается на используемых писателем структурных решениях и повествовательной технике на уровне конкретного высказывания². Прием «наоборотного прочтения» в качестве общей модели можно усмотреть в реконструкции прошлого в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Необычная ситуация романа «Приглашение на казнь» прочитывается как взгляд из сна, из «воображаемой смерти» на жизнь. Прием инверсии можно отметить в статье «Николай Гоголь», начинающейся со смерти Гоголя. По принципу замыкания, с фразы «во-вторых» построен рассказ «Круг». Чтение набоковских романов-«оборотней» часто предполагает «обратный ход» — от расшифровки семантического кода к постижению поэтического смысла.

Принцип «палиндрома» можно усмотреть в способности писателя изображать двойственную природу форм, состояний, поступков героев. Показывая физиологическую и поэтическую стороны любви в «Лолите», автор не дает Гумберту уйти полностью в светлый фон и не выносит ему приговор в финале. Обратимость палача и жертвы, их взаимозаменяемость позволяет избежать прямой идентификации героев. В. Набоков не удовлетворяется простым делением контрастно противостоящих понятий (*добро/зло*), его герой ощущает себя в поле богатых, сложных отношений, как бы внутри полярных субстанций. Ю. И. Левин сравнил мир переходных состояний и мотивное строение текстов писателя с движением «семантических качелей», где отрицаемое тут же, хотя бы скрыто, утверждается и наоборот [Левин 1998, 285]³. В частности, тема *реальности/нереальности*

² «Под амбивалентностью игрового текста понимается заложенная в нем установка на двух- или поливариантное прочтение, при котором автор таким образом манипулирует восприятием читателя, что тот нацелен на одновременное видение альтернативных возможностей прочтения (и интерпретации) как всего текста, так и отдельных его элементов» [Люксембург 1998, 18].

³ Прием перевернутого изображения знаком архаическому искусству. Множественность зрительных позиций проявляется в сложном комплексе явлений, связанных с так называемой обратной перспективой (см. работы П. А. Флоренского, Л. Ф. Жегина, Б. А. Успенского). Мотив «перевернутого мира», «обратимости» реального мира знаком барочному воображению, стремящемуся к тому, чтобы как

повисает в виде типично «набоковских качелей», совершающих в сознании читателя свои колебания от одной реальности к другой. Повсюду (*тут/там*) наблюдается переплетение *сомнительной* яви настоящего и *бессомненного* прошлого, герои представляются как «нормальнейшие из обитателей *этого* мира, как, впрочем, и *того*» [А, 38]. «Раскачка» набоковской «вселенной» зависит от позиции его героя-наблюдателя. «Если бы будущее существовало, прошлое не было бы столь соблазнительным: его притязания уравнивались бы притязаниями будущего. Тогда бы любой персонаж мог уверенно утвердиться в середине качающейся доски и разглядывать тот или этот предмет» [ПВ, 11].

«Игра» со временем, одновременность существования прошлого, настоящего и будущего отражает неомифологизм мышления Набокова как художника XX в. «Прошрое, настоящее и будущее возникают в моментальной вспышке, так и воспринимается весь *круг времени*, другими словами, время перестает существовать» [Набоков 1996, 71]. Не начало и конец, а ддящаяся одновременность является идеей эволюции Набокова-художника, «логика его сугубо не линейна» [Анастасьев 1992]. Мысль о «цельности» и «цикличности» творчества подтверждается лейтмотивным строением текстов, ассоциирующихся с идеей вечного возвращения. Сконструированная бесконечность набоковского мира возникает благодаря перспективе зеркальных отражений и связанности произведений бесчисленными перекличками — тематическими и словесно-образными.

Прием «обратной перспективы» проявляется в текстуре описаний вещей, явлений, пейзажей. Мир у В. Набокова представляется таким, каким его видишь, обернувшись назад: «И вечно за плечом маячит Муза, *оборотень странный*» [БО, 126]. Имеется в виду так любимый писателем принцип изображения настоящего как будущего воспоминания: «*Будущее* — это всего только *прошлое, видимое с другого конца*» [Набоков 1997–1999, 262]; «будущий читатель — отражение ав-

следует увидеть предметы этого мира, разглядывать их наоборот. Через всю барочную мысль проходит тревожная диалектика яви и сна, реальности и воображения, благо-разумия и безумия. «В хитроумной системе антитез, перевертышей и аналогий следует видеть конфликт между острым сознанием инаковости, преследующим эту эпоху, и ее неспособностью воспринять эту инаковость кроме как в форме извращенной или замаскированной идентичности. Для барокко это принцип поэтики: различие — внезапный эффект сходства. Другое парадоксальное состояние: „другое“ — это „то же самое“. Мир барокко вырастает из патетического софизма, в котором беспокойное мировидение разрешается и завершается блеском выражения» [Женетт 1998, 1, 66]. Карнавализация, готовность обернуться своей противоположностью характерна для литературы XX в. Зловещее обретает псевдопутливый тон в романах Набокова «Приглашение на казнь» и «Под знаком незаконнорожденных».

тора во времени» [ЛЗЛ, 305]. Известно, что прямая перспектива дистанцирует зрителя от предмета изображения и позволяет взглянуть на предмет со стороны. Напротив, обратная перспектива втягивает зрителя внутрь того, что он созерцает. В системе обратной перспективы точки зрения художника и зрителя картины не совпадают. В отличие от перспективы прямой, система обратной перспективы предполагает не внешнюю, а внутреннюю позицию художника. «Именно в связи с тем, что художник не огражден от изображаемого мира, а ставит себя в позицию наблюдателя, причастного ему, и становится возможным его активное перемещение внутри этого мира, динамика зрительной позиции» [Успенский 1995, 256]. Признаком внутренней (по отношению к изображению) позиции художника служат формы зеркального отражения, тот же эффект мог бы возникнуть в том случае, если бы художник наносил изображение на одной стороне плоскости, а зритель воспринимал бы просвечивающее изображение с другой стороны [там же, 255].

Представления Набокова о времени нашли выражение в структуре самих текстов. В романе «Отчаяние», в частности, линейное время фабулы подвергается определенной симметрической перекодировке по принципу зеркального отражения: временные планы прошлого и будущего начинают как бы отражать друг друга. В текст вводится прием «двойной временной перспективы» [Davydov 1985; Долинин 1994]. Повесть Германа выдержана в прошедшем времени, герой камуфлирует ее под проспективу. Его создание похоже на «пасьянс, составленный наперед и собранный в обратном порядке». Феномен «двойного времени» у Набокова обнаруживает себя в том, что время фабулы и дискурса не совпадает. Набоков умел наслаждаться «привкусом вечности», который, на его взгляд, есть и будет в каждом веке. Будущее кажется ему фикцией, «фигурой речи». Он не замыкает себя также в рамках понятий *здесь и сейчас*, в каждой пространственной и временной точке его мира живет прошлое. Создатель «Ады» любит глядеться в «зеркальце *заднего вида*» [А, 191], включать «прожектор обратного осмысления», активизируя креативные способности памяти: «Ван небрежно обшарил *прожектором обратного осмысления* лабиринт прошлого» [А, 151]. Провидческий привкус своих записок Ван объясняет влиянием «*обратной памяти*» [А, 347]. Долгожданное свидание героев «Ады» «поглощало в обратном порядке все года их разлуки» [А, 489]. Гумберт, стараясь разобраться в былых желаниях, поддается некоему «*обратному воображению*, питающему аналитическую способность возможностями безграничными» [Л, 6]. Героев В. Набокова как бы преследует парамнезия, они способны мыслить «ретросо-

знательно» [СА, 290]. Повествователь набоковских мемуаров вправе дать своему прошлому «задний ход» [ПГ, 512]. Замысловатые оптические метаморфозы напоминают механизм действия перевернутого телескопа, увеличивающего задний план (Лужин хранил образы прошлого в памяти, «словно под увеличительным стеклом»). Мотив памяти как «увеличительного стекла» создает особый лексический ряд: *воспоминание вспять* [СА, 118]; *обратное обаяние* [ПГ, 393]; *видеть мягкий свет на заднике своей жизни* [Набоков, т. 5, 38].

Ход мысли «туда — обратно» в метафорической символике писателя получает различные номинации: прием «обратной перспективы», «наоборотного совпадения»; «эквилибристика мыслей», «вертикальное изложение мыслей»; «прожектор обратного осмысления». К ним относятся сложные идеи, не разрешимые рациональным познанием. Имеются в виду такие термины, как «пространство» и «время», «так и задуманные человеком, как загадки, и в этом виде возвращающиеся к нам: *бумеранги бессмыслицы*» [СН, 170]. Сюда также можно отнести метод прочтения «направо слева». Последняя фраза взята из романа «Бледный огонь»: «Снова мы *направо слева* ясный шифр зимы читаем» [БО, 26]. По указанию автора, текст этого романа следует читать с конца — с комментариев к поэме. «Направо слева» равносильно движению «передом назад» или *per contra*, т. е. «с другой стороны». Текст нужно читать не по горизонтали, а по вертикали: снизу вверх, от конца к началу. Приемы чтения соответствуют «вертикальному изложению мыслей» [А, 408]. Описывая «акробатику слов и мыслей» в романе «Ада», автор замечает, что ставит метафору с «ног на голову» не ради одной только трудности *трюка*, но из потребности «воспринять в *обратной перспективе* низвергающийся поток или восходящее солнце, восторжествовать в определенном смысле над „ардисом“ времени» [А, 180]. Испытанный при этом восторг художественного откровения сродни упоению, с которым преодолевается гравитация. «Слова-акробаты, фокусы-покусы и прочее, может быть, искупается качеством умственных усилий, потребных для создания великих анаграмм или вдохновенных каламбуров» [А, 214]. Замечено, что В. Набоков использует разнообразные возможности игры на словообразовательной структуре слова, среди них — употребление в качестве номинации стяжений целых фраз: «Две мысли, точно связанные, кружились в медленном танце, в механическом менуэте с поклонами и приседаниями: одна *нам-нужно-так-много-сказать-друг-другу*, другая — *нам-решительно-не-о-чем-говорить*. Впрочем, эти вещи способны *перемещаться во мгновение ока*» [А, 355].

Стяжение отрывков создает образные эквиваленты: фразы уподобляются людям, каждое предложение представляет целостный образ позиции. «Перетасовка букв», анаграммирование, метатеза — излюбленные языковые игры писателя (как, например, игры «Скрэббл» или «Флавита»).

Использование приемов «наоборотного совпадения» и составление «домотканых каламбуров» доказывает, что поистине остроумие их автора не знает границ. В. Набоков объяснялся с читателями по поводу семантики словесных игр в своих текстах: «Изучая изнанку слова, можно найти неожиданные тени других слов, других идей, скрытую красоту, отношения между словами, которые открывают нечто *по ту сторону самого слова*. Серьезная игра слов, как я ее понимаю, не является ни случайной игрой, ни украшательством. *Это новый словесный вид*» [Набоков 1999, 54]. В области художественного творчества Набоков ставит эксперименты, способные вызвать ощущение гравитации, показать «изумительно абсурдный мир нашего сознания».

Абсурдность художественного мира Гоголя, по Набокову, — это прежде всего отражение алогизма вселенского бытия, отсюда «изгибы» пространственно-временной ткани произведения и образной системы писателя. Например, для того чтобы оценить «Шинель», читателю нужно произвести нечто вроде «умственного сальто», отвергнуть привычную шкалу литературных ценностей и последовать за автором по пути его сверхчеловеческого воображения. Далее следует замечание, существенное для художественного видения самого Набокова: «Мир Гоголя сродни таким концепциям в современной физике, как „Вселенная — гармошка“, или „Вселенная — взрыв“; он не похож на спокойно вращающиеся, подобно часовому механизму, миры прошлого века» [Набоков 1997–1999, 1, 506–507]. Набоков отмечает у Гоголя «дефект» восприятия, нарушение иерархий, способов «правильного» восприятия мира.

По мнению В. Набокова, в стиле есть своя кривизна, как в пространстве: «Умственной сноской мелькнула мысль: не влияют ли очки или иные зрительные приспособления, определенно извращающие наши понятия о пространстве, также и на нашу манеру речи», и на то, как образы облекаются в сознании в слова [А, 461]. Субъективность восприятия мира расставляет «оптические ловушки». В рассказе «Ланс» содержится рассуждение о том, что земля из космоса покажется в необычном ракурсе, совсем иной. Вопрос заключается в том, сумеет ли тогда разум исследователя пережить потрясение. «Диковинные денотации», по наблюдению В. Набоко-

ва, возникают также в преддверии сна [А, 544]. Переходные состояния, обозначенные движением *жизнь — сон, жизнь — смерть* (и — в художественном мире Набокова — *обратно*), сопровождаются необычными ощущениями. В преддверии смерти самые «пустяковые» чувства героя «Прозрачных вещей» обретают исполинский размер: «Вся солнечная система — лишь отражение в стеклышке моих ручных часов. И чем я сильнее ссыхаюсь, тем крупнее становлюсь. Полагаю, это явление не вполне рядовое» [ПВ, 79]. Умиравший видит, как вещи становятся прозрачными. «Вот это и есть самое главное: не грубая мука телесной смерти, но ни с чем не сравнимая пронзительность *мистического мысленного маневра*, потребного для перехода из одного бытия в другое» [ПВ, 97].

Роман «Смотри на арлекинов!» — это биография «наоборот», передающая сложность искаженного восприятия мира. Герой романа рассуждает о том, что в действительной, телесной жизни он поворачивается просто и быстро. Но мысленно он не способен перейти от одного направления к другому («какой-то шарнир в мозгу, какая-то поворотная клетка не срабатывает»). Какая-то помеха не дает вообразить разворот, преобразующий одно направление в другое, прямо противоположное: «Я раздавлен, я взваливаю на спину целый мир, пытаюсь зримо представить себе, как я разворачиваюсь, и заставить себя увидеть „правым“ то, что вижу „левым“ и наоборот» [СА, 136]. Эти опыты, эта затея «сродни попыткам разрешить дурацкую философскую головоломку вроде того, что значит „правое“ и „левое“ в наше отсутствие, когда никто не смотрит, в пустом пространстве» [СА, 136]. Мотив «обратно падающих теней» в «Машеньке» — отдаленное предвосхищение возможности мысленного поворота в пространстве героя «Арлекинов». Действию «палиндрома» подвержены отношения: *жизнь—текст, писатель—текст, писатель—критик*; и шире — взаимодействие художественного (вымышленного) и критического (научного, исторического) дискурсов. «Писатель изучает мир, критик — литературу, т. е. мир знаков. То, что у писателя было знаком (произведение), у критика становится смыслом (объектом критического дискурса), а, с другой стороны, то, что у писателя было смыслом (его видение мира), у критика становится знаком — темой и символом некоторой литературно осмысленной природы (означаемые превращаются в означающие и наоборот)». Происходит «непрестанное переворачивание, постоянное инвертирование знака и смысла» [Женетт 1998, 1, 161]. Литературный объект заменяет его функция в метаописаниях, где легко совершаются флуктуационные (изменчивые, колеблющиеся) переходы «туда/обратно». У Набокова критический

дискурс не сменяет художественное повествование, а существенно его дополняет (проясняет, представляет). Тексты писателя одновременно включают в себя сообщение и код к нему.

Отношения писатель—читатель можно в определенном смысле уподобить двум направлениям чтения палиндрома. По наблюдению Ю. М. Лотмана, прежде всего асимметрично их отношение к тексту: «С точки зрения писателя, текст никогда не бывает окончен. Он знает, что любая деталь текста — это лишь одна из возможных реализаций потенциальной парадигмы. Для читателя текст — отлитая структура, где все на своем — единственно возможном — месте. Автор воспринимает окончательный текст как последний черновик, а читатель — черновик как законченный текст. Читатель гиперструктурирует текст, он склонен сводить до минимума роль случайного в его структуре. Читатель вносит в текст свою личность, свою культурную память, коды и ассоциации. А они никогда не идентичны авторским. Между текстом и читателем неизбежно складываются два противоположных типа отношений: ситуация понимания и ситуация непонимания» [Лотман 1996, 112]. Однако определенная степень понимания есть одновременно и степень непонимания. Ситуация палиндрома уравнивает их в правах. Абсолютно понятный текст является в то же время абсолютно бесполезным. Ситуация диалога не стирает, а закрепляет значимость. Чтение как «обратный» творчеству процесс описан Набоковым в «Даре». Читая свои стихи, Федор совершал работу как раз «обратную» давешней, когда мгновенной мыслью пробегал книгу. Теперь он читал как бы «в кубе» [Д, 22].

Таким образом, принцип «палиндрома», или «внутренней обратимости», может быть экстраполирован на различные семантические процессы. Сочетание противоположных элементов наблюдается на словесном уровне текста, в частности, в одновременном соединении в одной позиции деталей «отрицающих и допускающих» [А, 222]. Так, выражение «*средне-средний и выше-высший класс*» [А, 339] вследствие встряски «генетического калейдоскопа» преобразуется в единое понятие — «*класс ниже-выше-среднего*» [А, 483]. Частный прием предполагает видение общей модели. Оппозиция может пронизать целый мир произведения. В отношениях героев «Ады» обнаруживается «контраст между невесомой нежностью наружной идиллии и грубым обилием потаенной плоти» [А, 102]. «Зона синкретизма» возможна также в жанровых образованиях в виде сращенных «геральдических горынычей, кентавров». Форма трехязычного романа «Ада» представляет собой подобный «генеалогический фарс». Жанр стано-

вится синтетической категорией и объединяет в смысловое целое парадоксальные, несочетаемые черты: «*Лубочные вестерны* заполнили пустыни социально значимого неискусства» [А, 430].

Взаимоотражение крайних точек мысли, «обратимость» образов (фраз, слов), наоборотное прочтение тематических оппозиций составляет характерную черту художественного мышления В. Набокова («костный мозг» его мысли). Порождаемый подобной обратимостью «сдвиг» делает равноправными члены оппозиций: *другое / то же самое, различие/сходство, внутреннее внешнее, тот/этот мир, действительность/иллюзия*.

В. Набоков разработал свою «скромных размеров философскую систему» с определенным набором художественных ценностей и «номенклатурных элементов». Как видим, в текстах писателя причудливо запечатлены некоторые «живописные и архитектурные детали ее метафизики» [А, 78]. Набоковская метафизика перетекает в эстетику, в частности, через использование разнообразных двусмысленностей и иронических оттенков, которыми пронизаны его произведения [Александров 1999]. Принцип дополнительности уравнивает смысл амбивалентных понятий и соответствует относительности познания, свойственного неклассическому видению мира. «В набоковских иномириях все возможно: ничто не отвергается, ничто не утверждается однозначно; нет *границ* между бытием и „лжебытием“; все возможно и невозможно одновременно. Чтобы воплотить многомерность „синонимизированных антиномий“ (*не отвергается / не утверждается, бытие/лжебытие, возможно/невозможно*), Набоков обращается к оригинальному художественному ходу: соединению множества культурологических реалий и плоскостей в рамках каждого его романа» [Заманская 1996, 335].

Повышенная обратимость семантики текста, существование прямой и обращенной версии темы, игра противоположными смыслами характерны для набоковского мира переходных состояний. Внутренняя обратимость художественных текстов, «иррациональные нормы», прием «обратного контраста», как доказал Набоков, естественны для искусства, они объясняют безграничность его возможностей.

ИСТОЧНИКИ

- А — Ада, или Радости страсти: Семейная хроника // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1997. Т. 4.
- БО — Бледный огонь: Бледное пламя: Роман, рассказы / Пер. с англ. С. Ильина. Свердловск, 1991.

- Д — Дар: Роман. М., 1990.
- ДБ — Другие берега // Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4.
- Л — Лолита // Собр. соч.: В 4 т. М., 1992. Т. 5 (доп.).
- ЛЗЛ — Лекции по зарубежной литературе. СПб., 1997.
- ПВ — Прозрачные вещи // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5.
- ПГ — Память, говори // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5.
- Пн — Пнин // Романы: Истинная жизнь Себастьяна Найта; Пнин; Просвечивающие предметы. М., 1991.
- СА — Смотри на Арлекинов! // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5.
- СН — Подлинная жизнь Себастьяна Найта // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1997. Т. 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров 1999 — Александров В. Е. Набоков и потусторонность. СПб., 1999.
- Анастасьев 1992 — Анастасьев Н. Феномен Набокова. М., 1992.
- Дискурсивные слова 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998.
- Долинин 1994 — Долинин А. А. «Двойное время» у Набокова // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994.
- Женетт 1998 — Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М., 1998.
- Заманская 1996 — Заманская В. В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания. Магнитогорск, 1996.
- Левин 1998 — Левин Ю. И. Вл. Набоков // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- Лотман 1996 — Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
- Люксембург 1998 — Люксембург А. М. Амбивалентность как свойство набоковской игровой поэтики // Набоковский вестник. СПб., 1998. Вып. 1.
- Набоков 1996 — Набоков В. В. Неизданное в России // Звезда. 1996. № 11.
- Набоков 1999 — Набоков В. В. (1899–1999). К 100-летию со дня рождения // Звезда. 1999. № 4.
- Набоков 1997–1999 — Набоков В. В. Американский период // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1997–1999.
- Успенский 1995 — Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995.
- Davydov 1985 — Davydov S. «Teksty-matreski» Vladimira Nabokova. München, 1985.

Ю. Д. ТИЛЬМАН

НАЧАЛО И КОНЕЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ТЮТЧЕВА

Современная наука подошла к задаче изучения «культурной семантики». Такого рода ракурс предполагает, по мнению Н. И. Толстого, выявление внутренних связей между всеми уровнями значения, раскрытие «образа», который закреплен за словом в сознании носителей языка [Толстой 1995, 290].

В статье делается попытка выявить смыслы, закрепленные за универсальными словами культуры *начало* и *конец*, и описать их индивидуально-авторское понимание на основе анализа художественного мира Тютчева.

Специфику последнего определяют такие разнопорядковые характерологические черты, как космогоничность, тенденция к самоцитации, оппозиторность (день-ночь, верх-низ и др.), абстрактность; глубинное основание художественного мира поэта составляют три культурные парадигмы: античность, христианство и немецкий романтизм. В той или иной степени эти черты проявились в содержании различных концептов, в том числе определили своеобразие «текста начала и конца».

В культурно-языковой картине мира поэта семантическое поле концепта *конец* асимметрично по объему и частоте употребления семантическому полю *начало*. «Лексикон конца» составляют такие единицы, как *конец* — 46¹, *последний* — 34, *кончина* — 5, *кончить* — 3, *окончить* — 1, *кончено* — 1, *неконченное* — 1, *скончаться* — 1, *наконец* — 8, *вконец* — 3, *бесконечный* — 7, *бесконечность* — 1. Границы данного семантического поля расширяются за счет включения других лексем, раскрывающих идею конца: *предел* — 11, *беспредельный* — 4, *безмерность* — 4, *неизмеримость* — 3, *безбрежный* — 4, *вечность* — 5, *умереть* — 7, *почить* — 5, *погибнуть* — 1, *погибель* — 3, *смерть* — 16, *смертный* — 16, *посмертный* — 1, *предсмертный* — 2, *смертельный* — 1, *бессмертный* — 16, *бессмертье* — 6, *нетленный* — 4 и др. Антонимичное поле *начала* включает меньшее количество единиц и число словоупотреблений значительно ниже: *начало* — 4, *первый* — 28, *первоначальный* — 5, *сначала* — 1, *зачинающий* — 1, *начинать* — 1, *начинанье* — 1. Асимметричность не является

¹ Рядом с каждой лексемой указано число словоупотреблений.

признаком, характерным исключительно для языковой картины мира Тютчева, — эта черта присуща поэзии XIX в. (ср., например, частотные показатели лексем *начало* и *конец*: у Пушкина соответственно 128 и 163, у Лермонтова — 25 и 175, у Баратынского 1 и 9). Данные частотного словаря Тютчева отражают не только эту закономерность, свойственную, вероятно, в целом русской наивно-языковой картине мира, но и тенденцию, проявляющуюся в разной смысловой нагруженности концептов *начало* и *конец* в художественном мире поэта.

Различие в семантической реализации концептов у Тютчева связано с одной из главных оппозиций в его художественном мире — «человек и природа». Начало и конец — важнейшие хронотопы при изображении личного и исторического бытия человека, а при описании космического порядка вещей снимается противопоставление начала и конца.

Видимо, последнее обуславливает приверженность поэта к лексемам, семантика которых включает идею преодоления конца, возвращения к началам: *опять, вновь, снова* (примечательно, что толкование этих единиц в словаре В. И. Даля включает лексему *сначала*, которая в свою очередь имеет следующую дефиницию: «с переднего конца» [Даль 1980, 244]): «А надо мной бредут лениво тучи, Уродливые дщери неба! Они в туманные сосуды Морскую черпают волну, И с ношей вдаль, усталые, влекутся, И снова выливаются в моря!.. Нерадостный и бесконечный труд! И суетный, как жизнь моя!..» (35)²; «Небесный свод поголубел И вновь подернулся сияньем... И все опять зазеленело. Все обратилось к весне...» (255); «По склону вновь оживших вод, Во всеобъемлющее море Льдина за льдиною плывет» (180); «И снова будет все, что есть, И снова розы будут цвести, И терны тож...» (111). Повторяемость, вечный круговорот при изображении природного пространства актуализирует циклическую модель времени, что позволяет вспомнить об античной составляющей в культурно-языковой картине мира Тютчева — еще А. Белый отмечал: в изображении русской природы поэт перекликается с творчеством Эллады.

Противопоставление человека и природы проявляется при контактном употреблении слов, входящих в семантическое пространство концептов *начало* и *конец*. Подобного рода примеров крайне мало, но и здесь обнаруживается та же закономерность — при обозначении мирового порядка вещей такое соединение призвано показать взаимодействие начал и концов, их круговую

² В скобках указан номер цитируемого стихотворения в [Тютчев 1987].

связь, передать идею целостности: «Злое злой конец приемлет! За нечестьем казнь следит. В небе суд богов не дремлет! Право царствует Кронид... Злой конец начало злomu!» (179). В жизни человека — это обозначение границ человеческой жизни: «От колыбельных дней и до могилы» (318).

Интересным представляется тот факт, что ключевая оппозиция художественного мира Тютчева проявляется также в предпочтении единиц определенного семантического поля. Так, концепт *начало* коррелирует преимущественно с миром природным, а концепт *конец* — с миром человека. Чтобы подчеркнуть уникальность, феноменальность явления природного мира, поэт использует, как правило, лексему *первый*: «При первом утра юном свете Блещут розы и горят» (11); «Как первый яркий луч денницы, Коснувшись, их воспламенит» (306); «Весенний первый день лазурно-золотой Так и пылал над праздничной Москвой» (372); «Люблю грозу в начале мая, Когда весенний, первый гром, Как бы резвяся и играя, Грохочет в небе голубом» (36); «И вот живые эти грезы Под первым небом голубым Пробились вдруг на свет дневной... О первых листьев красота, Омытых в солнечных лучах, С новорожденною их тенью!» (189); «И кой-где первый желтый лист, Крутясь, слетает на дорогу...» (197); «Местами лишь просвечивают пятна Стоячих вод, покрытых первым льдом» (234).

В характеристике индивидуального бытия человека превалирует атрибутивная лексема *последний*: «любви последнее прости...» (116), «прощальный свет любви последней» (204); «О ты, последняя любовь! Ты и блаженство, и безнадежность» (204); «Пока любви не замер в ней последний вздох...» (111); «Ее последние я помню взоры...» (239); «В последний раз упился Он влагой огневой, Царь пил в последний раз!» (61); «Есть в природе звуки, Благоухания, цвета и голоса — Предвестники для нас последнего часа И усладители последней нашей муки...» (83); «Не видите ль? Собравшись в дорогу, В последний раз вам вера предстоит: Еще она не перешла порогу, Еще за ней не затворилась дверь... Но час настал, пробил... Молитесь богу, В последний раз вы молитесь теперь» (100); «Так здесь-то суждено нам было Сказать последнее прости...» (129); «О, в этом испытанье строгом, В последней, в роковой борьбе, Не измени же ты себе И оправдайся перед богом...» (209).

Как следует из данных частотного словаря, большую значимость в художественном мире Тютчева имеет концепт *конец*, что определило подробный анализ его внутренних связей.

Ядерное содержание концепта «конец» обыденного языка входит в лексикографическое определение. Словарные дефини-

ции *конца* в зависимости от расставляемых акцентов можно, по сути, свести к следующим основным обозначениям предела, границы: 1) предметное: *конец палки, веревки, скамейки*; 2) пространственное: *конец сада, города, пути*; 3) временное: *конец дня, недели, осени*; 4) событийное, т. е. разворачивающееся во времени и пространстве, *конец осуществления (действия, процессов): конец работы, выступления, конференции, путешествия*; 5) бытийное (экзистенциальное): *конец существования, конец мира*.

Концептуальная структура *конца* в художественном мире Тютчева включает не все из указанных компонентов. Так, из спектра значений поэтом практически исключается предметное, что объясняет отсутствие в языковой картине мира Тютчева предметных дериватов (*кончик, концовка, конечности* и т. п.), а также неразработанность соответствующего пласта сочетаемостей, присутствующего в наивно-языковой картине мира, где *концы* можно *связывать, соединять, сводить, рубить* и т. п. Такое положение обусловлено спецификой тютчевского художественного мира в целом, отличающегося абстрактностью, отвлеченностью, отсутствием предметно-бытового плана.

Эта же черта проявилась и при реализации пространственного значения. Нет указаний на конкретные пространственные пределы. В тех же случаях, когда лексема *конец* употребляется в пространственном значении, внимание скорее всего переносится с точечного обозначения границ, пределов на пространственную широту, безграничность. Отсюда, по-видимому, и исключительное употребление в данном случае формы множественного числа — *во все концы*: «Они [весенние воды] гласят во все концы: „Весна идет, весна идет“» (72); «Веки мы слепцами были, И, как жалкие слепцы, Мы блуждали, мы бродили, Разбредись во все концы» (138).

Пространственная безграничность связана в художественном мире поэта прежде всего с образом моря, океана. При характеристике данной стихии используются лексемы, выражающие идею бесконечности: *безмерность, безбрежность, неизмеримость, бесконечность*: «На бесконечном, на вольном просторе Блеск и движенье, грохот и гром...» (265); «Быстрый ток... Забыв свои берега, забыв свой мирный ход, Теряется в обширном море, В безбрежной пустоте необозримых вод!» (4). Очевидно, что и сама идея пространственной бесконечности, и способы ее выражения в поэтическом языке Тютчева коррелируют с культурной парадигмой романтизма.

Во временном значении лексема *конец* практически не употребляется. В структуре концепта соответствующий смысловой квант представляется, как правило, с помощью различных тро-

пейческих образований: «Как часто пред кончиной дня... Стоял он — и минувшее Овладевало им!..» (68); «День догорал» (122); «Ступив на крайнюю ступень, С своим прощается поэтом Влеколенный этот день...» (245). (В последнем примере наблюдается замена временного конца — пространственным.) Возможно, подобного рода употребления связаны с тем, что Тютчев — поэт переходных состояний и точечное обозначение временного предела для него нерелевантно.

Событийное значение конца касается у Тютчева преимущественно деятельности духовной: «Настал конец жестоких испытаний, Настал конец неизреченных мук» (48); «Не то совсем при вашем пенье, Не то мы чувствуем в себе: Тут полнота освобождения, Конец и плену и борьбе...» (329).

По сути, первые четыре значения (предметное, пространственное, временное, событийное) можно отнести к периферийным, а онтологический компонент концепта *конец* является в мире поэта главным, структурообразующим. Превалирующее число словоупотреблений соответствующей лексики связано именно с этим значением, причем главным образом подразумевается предел земного существования человека, а не мироздания, природы: «О, сколько душ, тебя любивших, О, сколько родственных сердец — Сердец, твоею жизнью живших, Твой ранний поразит конец!» (347); «Тревога и труд лишь для смертных сердец... Для них нет победы, для них есть конец» (177).

Отметим, что доминантный смысл «конец — смерть» распространяется и на другие элементы и определяет включение лексем того же семантического поля, путь метафоризации: «Сей мир насильства, лени, сладострастья, Он зрел еще перед его кончиной» (66); «Как часто пред кончиной дня — Дня безотрадной муки, — Потупив молнии очей, Крестом сложивши руки, Стоял он — и минувшее Овладевало им!..» (68).

Этот существенный компонент концепта нарушает некоторые закономерности, просматривающиеся у Тютчева: нечастое использование фразеологизмов и употребление глагольных дериватов конца: *кончить дни / кончить жизнь, довершить свой век*.

В художественном мире Тютчева жизнь человека от рождения до смерти представляется не как текст, что закреплено, например, в наивно-языковой картине мира: *на роду написано, рассказать о жизни/судьбе или предсказать судьбу, перевернуть страницу, поставить точку*. Форма индивидуального бытия у Тютчева осмысливается иначе — в виде линии, дороги, пути: «Так и ему по жизненной дороге Пройти велели боги, Нигде не встре-

тив мирной, светлой кущи!» (68); «Пошли, господь, свою отраду Тому, кто жизненной тропой Как бедный нищий мимо саду Бредет по знойной мостовой» (171); «Я поздно встретился с тобой На жизненном моем пути» (347); «Оратор римский говорил Средь бурь гражданских и тревоги: „Я поздно встал — и на дороге Застигнут ночью Рима был!“» (71). Своеобразную линию — *очередь* — образуют те, чья жизнь подходит к концу, тогда «Судеб посланник роковой... сынов Земли из жизни вызывает...» (83); «Живая жизнь давно уж позади, Передового нет, и я как есть На роковой стою очереди» (340).

Концепт *конец* связан с мотивом дороги, с идеей движения. Конец жизненного пути осмысливается именно как перемещение, что обусловило корреляцию базовой лексической единицы концепта с глаголом *ходить* и его производными: «в царство отошло теней» (334); «Собравшись в дорогу, В последний раз вам вера предстоит: Еще она не перешла порогу, Но дом ее уж пуст и гол стоит» (100); «Исход души, тебе подобной, Ее исход из нашей тьмы...» (347); «И мне, и мне, как мертвому листу, Пора из жизненной долины, — Умчите ж, бурные, умчите сироту!..» (10); «Как верно здравый смысл народа Значенье слов определил: Неподаром, видно, от „ухода“ Он вывел слово „уходил“» (271).

Топос, в котором осуществляется движение к конечной точке, — *дольний мир* — осмысливается поэтом как *юдоля, заточенье, тернистая пустыня*, а конечный пункт земного пути и место, с которым связано начало новой (вечной) жизни — *потусторонний мир*, — представляются как *дом, отчизна*, возвращение к *началу*: «К чему душа и здесь еще стремится И токмо там, в отчизне, обоймет...» (10). Причем более значимой для поэта оказывается характеристика жизни перед концом: «...Обоим нам и милой и святой, Которая так мало здесь гостила, Страдала храбро так и горячо любила, Ушла стремглав из сей юдоли слез...» (364). В отличие от других поэтов Тютчев не предпринимает попытки заглянуть за грань и не предсказывает путь после конца земного, не описывает душу в загробном мире. Даже излюбленный поэтом образ сна не сопрягается с лермонтовским вопросом «какие сны приснятся в смертном сне».

Линия жизни, ее крайние точки привлекают внимание поэта не в равной мере. Поэтом выделен конечный этап земного пути. В художественном мире Тютчева практически не важна «темпоральная характеристика» конца, выводимая из сопоставления отрезка человеческой жизни с временной осью, с общим представлением о ее длительности: *ранний/преждевременный/безвре-*

менный конец. Несущественными для поэта оказываются причины конца (естественный конец или насильственный), характеристика этого периода: *мгновенный, легкий/мучительный/тяжелый конец*. Этот период рассматривается не с позиции переживания конца и его оценки, а как при приближении конца осмысливается жизнь: «В самом преддверье тьмы могильной Не оскудел, в последний час, Твоей души любвеобильной Неисчерпаемый запас... Та ж торжествующая сила Благоволенья и любви, Не отступив, приосенила Часы последние твои» (347).

В содержании концепта *конец* выявляются смыслы, позволяющие говорить о христианской компоненте в художественном мире Тютчева. В этой связи обращает на себя внимание предложено-падежное сочетание *до конца*, предполагающее доведение действия до логического конца, до внутренней завершенности. *До конца* в христианской культурной парадигме, где жизненный путь понимается как испытание, помимо «внутреннего предела» — завершения действия, его исчерпанности, включает значение «внешнего» предела, конца земного, которые определяют начало новой жизни: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10:22; 24:13); «И будете ненавидимы за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мк 13:13). В тютчевских стихотворениях регулярно повторяющееся предложено-падежное сочетание *до конца* явно соотносится с евангельским текстом: «И тут же нам, сквозь слез, понятно стало, Что чья душа так царственно светла, Что до конца сберег ее живую — И в страшную минуту роковую Всё той же будет, чем была...» (239); «Живую муку мне оставь по ней... По ней, по ней, так до конца умевшей Страдать, молиться, верить и любить» (267); «Всё решено, и он спокоен, Он, претерпевший до конца...» (270); «...Кто души положил за други И до конца всё претерпел» (338); «И та же любящая сила, С какой, себе не изменя, Ты до конца переносила Весь жизни труд, всю злобу дня...» (347).

В соответствии с христианской традицией у Тютчева человек проявляется в том, как он относится к последнему мгновению жизни, — конец предполагает преодоление страха смерти: «И ты, смиренна и послушна, Все страхи смерти победив, навстречу ей шла благодушна, Как на отеческий призыв» (347).

Представляется, что использование глаголов *довершить* вместо *кончать, оканчивать, заканчивать*, нерелевантных для Тютчева, тоже обусловлено христианской культурной парадигмой: «в ссылке довершил Свой век неимоверный» (68); «Чертеж земной ты vyplнивший смело И довершивший наконец Судеб неконченное де-

ло...» (142); «подвиг свой великий доверши!» (241). Вероятно, в этой тенденции проявляется также особая значимость вертикали в художественном мире поэта, чье мирозерцание тесно связано с немецким романтизмом и в целом с немецким образом мира (Тютчев 22 года провел в Германии)³. Для Тютчева жизнь — движение в соответствии с ценностно-ориентированной вертикалью: «О, доверши же подвиг свой духовный» (333).

По-видимому, можно говорить и об античной компоненте в содержании концепта *конец*. Это касается аспекта значения «активное — пассивное»: *дойти до конца* и *довести до конца*. У Тютчева человек занимает не инертную позицию по отношению к последнему акту собственной жизни, поэтому, вероятно, нет в языковой картине мира поэта сочетаний, характеризующих подобное отношение субъекта к концу: *ждать/ожидать конца, бояться конца*. Восприятие конца у Тютчева связано с идеей судьбы, с античным понятием героической личности: «Мужайся, сердце, до конца: И нет в творении творца! И смысла нет в мольбе!» (125). О деятельном отношении к своей судьбе идет речь в одном из известнейших стихотворений «Два голоса»:

1	2
Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, Хоть бой и неравен, борьба безнадежна! Над вами светила молчат в вышине, Под вами могилы — молчат и оне.	Мужайтесь, боритесь, о храбрые други, Как бой ни жесток, ни упорна борьба! Над вами безмолвные звездные круги, Под вами немые, глухие гроба.
Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:	Пусть олимпийцы завистливым оком
Бессмертье их чуждо труда и тревоги; Тревога и труд лишь для смертных	Глядят на борьбу непреклонных сердец. Кто ратуя пал, побежденный лишь
сердец...	Роком,
Для них нет победы, для них есть конец.	Тот вырвал из рук их победный венец.

Таким образом, концепты *начало* и *конец* значимы в художественном мире Тютчева, причем восприятие природы характеризуется снятием противопоставления начала и конца (и в этом проявляется связь с античным мировидением), а разведение на-

³ Гачев, сравнивая национальные образы мира, отмечал, что в русском Космосе «Даль и Ширь... привилегированнее Выси и Глуби (что, напротив, во германстве сверхценнее), горизонталь мира важнее вертикали (опять же обратное — во германстве)...» [Гачев 1995].

чал и концов и особое отношение к концу существования (личности и истории) связано с миром человека, и в этом можно уловить эсхатологические мотивы христианства.

ЛИТЕРАТУРА

Гачев 1995 — *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1995.

Даль 1980 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. IV.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Тютчев 1987 — *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений. Л., 1987.

Н. А. ФАТЕЕВА

КАК «КОНЧАЕТСЯ» ПОЭТ, РОЖДАЕТСЯ ПРОЗАИК
И «НЕ КОНЧАЕТСЯ СТРОКА...»
(ПУШКИН, ПАСТЕРНАК, НАБОКОВ)

Таким образом узнал я конец повести,
коей начало некогда поразило меня.

А. С. Пушкин. «Выстрел»

Художники слова, ощущавшие необходимость перехода от одного языка художественного выражения к другому, в своих произведениях нередко использовали мотивы «двойничества» и «перерождения личности». Эти мотивы часто накладываются друг на друга и реализуются как сюжетная метаморфоза: *смерть одного — (воз)рождение другого*. Выбор уже существующей композиционной схемы за исходную предопределяет развитие одной творческой личности по образцу другой. К примеру, тот факт, что Пастернак выбирает для своего романа «Доктор Живаго» («ДЖ») композиционную модель «смерти автора», подобную той, что была заложена Пушкиным в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина», связан с тем, что Пастернак отказывается от прежней манеры письма и резко меняет стиль художественного выражения как в прозе, так и в поэзии.

Как известно, создавая «Повести покойного Белкина» («ПБ»), Пушкин хотел умереть как поэт и отречься от своей творческой манеры стихотворца. Поэтому не случайно, что многие современники в авторе «Повестей Белкина» не узнали Пушкина-поэта. Хотя поэтическое начало и присутствует в организации повестей (см.: [Виноградов 1941; Davydov 1983; Шмид 1998]), источником тем, сюжетных ходов и схем становятся не собственные стихотворные тексты Пушкина, а тексты его литературных предшественников. Интересна в этой связи гипотеза Д. М. Бетеа и С. Давыдова [Bethea, Davydov 1981] о метапоэтической игре в «Гробовщике» Пушкина, которую рассматривает в своей книге В. Шмид [Шмид 1998, 41]. Согласно версии американских ученых, переезжающий в новый дом гробовщик А. П[рохоров] отождествляется с поэтом А. П[ушкиным], покинувшим дом поэзии, «где в течение осьмнадцати лет все было заведено самым строгим порядком», и нашедшим «в новом своем жилище суматоху». Пушкин-прозаик же выступает как «литературный гробовщик», похоронивший

традицию, ее авторов и героев, и в этой своей роли «чинит старые гробы (сентиментальные, романтические, нравоучительные сюжеты)» [там же].

Конечно, в метатекстуальной организации «ПБ» и романа «ДЖ» много разнящихся моментов. Так, «отказ от авторства» у Пушкина выражается в том, что он выступает как издатель (А. П.) умершей литературной личности. В «ДЖ» автор реально не присутствует в прозаической части романа, разница состоит и в том, что после смерти Живаго публикуются его стихотворения, а не прозаические повести, характеризующие манеру безликого Белкина. Однако такую роль автора-публикатора, по мнению некоторых исследователей романа (см.: [Эткинд 1999]), выполняет сводный брат Живаго по имени Евграф. Это имя в переводе с др.-гр. означает «хорошо, благородно пишущий», но оно может считаться и как склеенное из части имени *Ев-гений* и слова *граф* (заменяющего часть «гений»), и таким образом пастернаковский роман по своему строению предстает как «сращение» романа в стихах «Евгений Онегин» с классическими романами графа Толстого¹.

Но если мы обратимся к истории создания предисловия к «ПБ», в котором, собственно, и появляется «покойный Белкин», то оно создавалось почти параллельно с тем, как Пушкин работал над статьей о Иосифе Делорме (апрель 1831). Под этим вымышленным именем «покойного поэта» выступал известный критик Сент-Бёв, издавший книжку своей лирики. «Года два тому назад, — писал Пушкин [Пушкин 1935–1937, 8, 82–83], — книжка ... обратила на себя в Париже внимание критики и публики. Вместо предисловия <...> описана была жизнь бедного молодого поэта, умершего, как уверяли, в неизвестности... Друзья покойника предлагали публике стихи и мысли...». С. Шварцбанд [Шварцбанд 1993, 147] отмечает, что существует определенный параллелизм в работе мысли Пушкина: описание жизни вместо предисловия к книге стихов «покойного поэта» и предисловие к повестям, включающее описание жизни «покойного Белкина». Но в нашем случае интересно то, что «французский» вариант как раз обратен «русскому» по координате «стих–проза»; и именно первый реализован в «ДЖ».

В «Евгении Онегине» («ЕО») Пушкина также заложен символический композиционный мотив «смерти поэта» — или иносказательно «конца» того периода развития личности автора, кото-

¹ Ср. в «Дневнике Живаго»: «Без конца перечитываем „Войну и мир“, „Евгения Онегина“ и все поэмы...» [Пастернак 1989–1992, 3, 278].

рую он сам считает «изжитой», «отошедшей в прошлое». Эта модель также эксплуатируется в «ДЖ», но с еще большей очевидностью заявляет о себе в «Даре» Набокова. У Набокова мы имеем дело с реминисцентной схемой «смерти поэта», аналогичной смерти Ленского (его роль исполняет Яша Чернышевский), но далее в романе главный герой-поэт переходит к прозе — т. е. рождается прозаик (ср. в конце «Дара»: *С колен поднимется Евгений, — но удаляется поэт...*). В конце романа и в конце его первой главы даны два сюжетобразующих диалога Федора с поэтом со значимой фамилией Кончеев (от слова *конец*), которого тот считал для себя литературным «образцом»². При этом, когда книга стихов Годунова-Чердынцева «кончилась» («книга лежала на столе, вся в себе заключенная, собою ограниченная и законченная» [Набоков 1990, 3, 51]), выходит «Начало Поэмы» Кончеева. Последняя встреча двух героев происходит недалеко от места гибели «молодого поэта», которое очень похоже на то место в «ЕО», где находится гробовой камень «поэтического дуэлянта» Ленского с надписью «Покойся, юноша поэт». Это же «место» пушкинского романа в стихах стало позже предметом размышления Юрия в «Дневнике Живаго», и недалеко от символического «аналога» этого места стреляет в себя в романе «ДЖ» Стрельников, поскольку топография местности в Варыкино повторяет рельеф «ЕО» [Фарыно 1991].

Это означает, что в романе «ДЖ» также существует круг трансформаций «рождение — жизнь — смерть — воскресение» поэта, который ретроспективно проецируется на эволюцию идиостиля самого Пастернака и связан с появлением его книги стихов с символическим названием «Второе рождение», демонстрирующей, что и в сознании Пастернака идеи «конца» и «второго рождения» тесно взаимосвязаны. В частности, в стихотворении «Волны», открывающем эту книгу, читаем об «опыте больших поэтов», который заставляет «кончить полной немотой» (первоначально «кончить черною тоской») и «впасть к концу, как в ересь, В неслыханную простоту». Однако здесь уже «опыт больших поэтов» соотносился не только со «смертью поэта» Пушкина, но и Маяковского³. Обращаясь назад к статье Пушкина о Делорме

² Ср. высказывание В. Набокова: «Кстати, именно в Кончееве, да еще в другом случайном персонаже, беллетристе Владимирове, различаю некоторые черты себя самого, каким я был в 1925-м году» (Предисловие к английскому изданию).

³ О внутреннем состоянии Пастернака в тот период можно судить по его письму М. Горькому (31 мая 1930 г.): «Может быть поездка [за границу] поправит меня, если только это еще не полный душевный конец» [Пастернак 1989–1992, 5, 304]. В «ДЖ», как и в «Охранной грамоте» («ОГ»), параллелизируются

(над которым Пушкин работает почти на «столетье с лишним» раньше), можно заметить, что схема Сент-Бёва реализуется в творческой судьбе Пастернака полностью: «покойник жив и, слава Богу, здоров», и ретроспективно дата смерти Живаго 1929 г., заданная поэтом с самого начала работы над романом, как раз означает «второе рождение» самого Пастернака. И эта дата парадоксально через век повторяет ту, когда пушкинский Белкин стал «покойным» в черновых вариантах повестей (1829)⁴. При этом день рождения Пастернака совпадает с днем смерти Пушкина (29 января по старому стилю).

«Дар» же Набокова написан в юбилейном 1937 г. (100-летие со дня смерти Пушкина), он открывается датой 1 апреля, которая совпадает с датой рождения И. П. Белкина (1801), повествователя «Истории села Горюхина» [Davudov 1982]. Заканчивается же «Дар» датой 29 июня 1929 г. «Дару» по времени написания предшествует роман Набокова «Отчаяние» (1932), в центре сюжетной интриги которого убийство пишущим героем своего воображаемого «счастливого» (по внутренней форме имени) двойника — Феликса, любящего «белок». Два романа также связаны одной датой — 1 апреля: в «Отчаянии» ей заканчиваются записки сумасшедшего автора, который, видимо, дурачит читателя, «Дар» же открывается первоапрельским розыгрышем Федора. В «Отчаянии» при этом фоном служит интертекстуальный план «Пророка» Пушкина — стихотворения о «втором рождении» поэта; в метатекстуальном же плане автор «убивает фабулу» повести своего пишущего героя, которую он считает «обращением в ничто» своего «великолепного замысла». Точнее, Набоков меняет «счастливый конец» повести Германа, «стреляя» (9 марта), по мнению С. Давыдова [Davudov 1982], в «отжитой» вариант «своего» произведения (это происходит в 9 главе). Этот вариант Герман нашел 9 мая, увидев Феликса во сне.

две «смерти поэта» — Пушкина и Маяковского. Смерть второго (1 апреля по старому стилю: этой датой заканчивается «Отчаяние» и начинается «Дар» Набокова), которая символически представлена в «ДЖ» как «выстрел в себя» Антипова-Стрельникова, помогла самому Пастернаку избежать смерти: самоубийство в его жизни оказалось «нереализованным», оно превратилось во «Второе рождение» [Раевская-Хьюз 1989]. Формула «второго рождения» появляется в «ОГ», где «покойный» Маяковский лежит с тем выражением, с которым «начинают жизнь, а не с которым ее кончают» [Пастернак 1989–1992, 4, 237].

⁴ В окончательной версии «Повестей» Пушкина изменил как дату рождения Белкина, так и его смерти (соответственно 1798–1828) для того, чтобы расподобить дату своего тридцатилетия с «нулевым я» своей прозы. См. подробно: [Фатеева 19956].

Как мы видим, в композиционной организации «Дара» и «Отчаяния» Набокова, а также в романе «ДЖ» Пастернака большую роль играют даты⁵ (а также числа), в состав которых входит цифра 9. Зрительно она содержит полный круг в своей верхней части и начало еще одного круга в нижней (похожа на «знаменитую» спираль Набокова); в европейской культуре число 9 означает «замыкание циклической полноты» [Аверинцев 1990, 179], а также представляет собой «троекратное повторение триады».

Прежде чем коснуться более подробно организации концептуального стыка «конец–начало» в каждом из трех романов, заметим, что семантико-композиционная модель отказа от прежней поэтической системы и переход к новой также задавалась в эпоху авангарда и по композиционной схеме «отец–сын», когда «сын» либо хочет «взорвать» установки отца (чаще всего в роли такого литературного «отца» выступает А. С. Пушкин) — что мы наблюдаем в «Петербурге» А. Белого, либо продолжает «отеческое начало», преобразуя его, — так построен «Дар» Набокова, где для героя воскресают и его реальный отец, и Пушкин. При этом герой, согласно первой части своей фамилии, оказывается «литературным сыном» «Бориса Годунова» (а значит, и Пушкина, осуществляющего в этой стихотворной драме незаметный переход от «стиха» к «прозе»), а латинское написание *orpheus Godunov* парадоксально высвечивает корень *God* — 'Бог', имя же героя «Дара» *Федор* в переводе с греческого означает 'Божий дар'. Подобное же пушкинское «отеческое начало» вычитывается, правда совсем по-другому, затем в «ДЖ», и оно связывается в записках доктора с братом Еврафом. Сама модель «отец–сын» получает в романе Пастернака неоднозначное разрешение, несмотря на то что по своей евангельской этимологии герой оказывается «сыном Бога живаго». Но важно, что и в «Даре», и в «ДЖ» повторяется одна и та же схема не только «смерти поэта», но и «смерти отца»⁶.

Анализ трех романов мы начнем хронологически с «конца» — с «Доктора Живаго» (1946–1955), романа, который, собственно,

⁵ О поэтике даты см.: [Тамми 1999].

⁶ В книге Х. Блума «Страх влияния» [Блум 1998] отношение «отец–сын» подробно рассматривается в связи с темой творческого влияния как такового со ссылкой на Кьеркегора и Ницше [там же, 28, 50 и др.]. При этом и для Набокова, и для Пастернака сама «смерть отца» оказалась символической и текстопорождающей: смерть В. Д. Набокова во многом определила структуру развертывания «Дара» (см. ниже по тексту), роман же «Доктор Живаго» Пастернак начинает писать осенью–зимой 1945/46 гг., как раз после смерти своего отца Л. О. Пастернака в Англии (см.: [Witt 2000, 13]).

стал явной причиной литературного поединка Набокова с Пастернаком, причем отметим, что годы рождения обоих художников слова различаются на 9 лет (Пастернак — 1890, Набоков — 1899). И, на наш взгляд, для «неприятия» романа Пастернака у Набокова были все основания, поскольку в «Даре» и «ДЖ» обнаруживается много параллельных ходов.

Оба романа, хотя и по-разному, ориентированы на кольцевую структуру «вечного возвращения», структуру «без конца»: «Дар» завершается аналогом онегинской строфы с заключительными словами «и не кончается строка», «ДЖ» — стихотворными строками от имени вечно воскресающего Христа, «не имеющего ни начала дней, ни конца жизни» (Послание к евреям 7,3). И в этом смысле своей обозначенностью «конца»⁷ им обоим противостоят «Повести Белкина», к которым Пушкин при их повторном издании в 1834 г. специально приписал — «Конец повестям И. П. Белкина», одновременно расшифровав имя издателя — Александр Пушкин. Что касается «ЕО», то он, хотя и имеет открытый конец, также заканчивается словом «Конец». Последняя глава «ЕО» при этом должна была иметь номер 9 (*Пора: перо покоя просит; Я девять песен написал*), и можно вспомнить ответ Пушкина своим друзьям, которые его убеждали, что, «пока Онегин жив, Дотоль роман не кончен — нет причины Его прервать... к тому же план счастлив». Этот «счастливый план» и хотел реализовать Набоков в «Даре», «рассчитывая» вместе со своим героем «прийти в рифму к девяти» [Набоков 1990, 3, 28].

Однако и у Пушкина не все так просто: в предисловии к «ПБ» мы узнаем, что «скончавшийся» автор оставил роман, «которого он не кончил»⁸, и что им заклеены все окна флигеля *ключницы*. В этом смысле интересен в «ДЖ» стык 9 и 10 глав части «девятой», открывающейся «записями Живаго» (в которых содержатся строки о пересчитывании «ЕО»): конец главы 9 — это записи о

⁷ Для многих произведений Пушкина актуальны эксплицирование конца и вопрос: «Чем кончу длинный мой рассказ?» («Руслан и Людмила»). «Повести Белкина» — первое законченное прозаическое произведение после «незаконченных» опытов 1820-х гг. «При этом законченность каждой из них предполагала завершенность второго порядка — единство повествования, цикл» [Бочаров 1974, 127]. И во многом эту законченность обеспечила фигура «покойного Белкина». Заметим при этом, что в «ПБ» Пушкин все время хочет найти для своих повестей именно «счастливые концы».

⁸ В «Истории села Горюхина», наоборот, подчеркивается, что Белкин «оканчивает» свой «труд-подвиг», подобно летописцу Пимену в «Борисе Годунове», исполняя свой долг, «завещанный от Бога».

брате Евграфе (роль скрытой пружины играет в моей жизни мой брат Евграф?) и приписка автора-публикатора (Евграфа?): «На этом кончались записи Юрия Андреевича. Больше он их не продолжал» [Пастернак 1989–1992, 3, 285]; глава 10 начинается с того, что Юрий Андреевич идет в читальню, где «многооконый читальный зал на сто человек был уставлен несколькими рядами длинных столов, узенькими концами к окнам» [там же]. И если понимать слова «окна ключницы (хранительницы ключей)» в метатекстуальном ключе, и расшифровать паронимию «конец-окно» как продолжение «неоконченного» письма чтением, то получится, что Живаго как бы продолжает дело Пушкина (читая в этой библиотеке «труды по истории Пугачева»⁹) и становится тем «уездным лекарем», который не дает «Белкину» умереть от простуды, при этом сам обнаруживает у себя «закоренелую болезнь». Ср. его записи в дневнике: «Немного простужен, кашель и, наверное, небольшой жар. Весь день перехватывает дыхание где-то у гортани, комком подкатывая к горлу. Плохо мое дело. Это аорта. Первые предупреждения наследственности со стороны бедной мамочки, пожизненной сердечницы. Неужели правда? Так рано? Не долгий я в таком случае жилец на белом свете» [там же, 280].

Выжить в Варыкино Живаго помогает герой с говорящей фамилией Самдевятов (которую он сам возводит к Сан Данато — лат. 'святой дар(итель)'): с «подарками» Самдевятова (снова 9!) сближается в романе перечитывание «ЕО» и прояснение содержания пушкинских текстов (см.: [Фарыно 1991, 150–161]). Затем этот образ трансформируется в «свалившегося с облаков» брата Евграфа, и с момента исчезновения обоих «Я» Живаго идентифицируется с пушкинским «Я» как носителем накопленного опыта и культуры <...> Поэтому главки 7 и 9 вводят мотивы Родословной и «биографии», т. е. 'жизнеписи' [там же, 160]. Согласно этой родословной, Пушкина как раз и тянет к Белкину (как и Живаго), однако у Пастернака скорее речь идет о творческой родословной¹⁰. Мотив же неоконченности в связи с «окнами»¹¹

⁹ См. развитие этой идеи в работе [Смирнов 1991], где автор приходит к выводу, что отец обоих братьев Живаго подобен Пушкину.

¹⁰ Ср. в «ДЖ»: «Юра занимался древностью и законом Божиим, преданиями и поэтами, науками о прошлом и о природе, как семейною хроникой родного дома, как своею родословною» [Пастернак 1989–1992, 3, 89].

¹¹ В связи с «окнами» у Пастернака интересен параллельный пассаж в автобиографии В. Набокова «Память, говори» (1967), в которой он, говоря о Сирине (т. е. своем бытии «русским писателем», последним романом которого был «Дар»),

вводит тему бесконечной открытости и репетитивности творческого процесса, который, согласно Юнгу [Юнг 1990, 18], есть «живое существо, имплантированное в человеческую психику». Из писем Пастернака 1953 г. узнаем, что этим «окном» в метафорическом смысле был для него самого «неотделимый (от меня) Живаго», который, несмотря на «сердечную болезнь, не считающуюся вымыслом», позволял ему радоваться жизни и творить [Пастернак 1989–1992, 5, 510].

Что касается истории написания самих «ПБ», то первой из них был написан «Гробовщик», в котором доминирующей как раз является тема смерти как источника «творчества» гробовщика. И первый свой «гроб» Адриан создает для Петра Петровича Курилкина (ср. оксюморонное сочетание «Жив Курилка») — это было в год рождения реального автора — Пушкина (1799), что сводит «концы» жизни точно так же, как впоследствии в открывающих «ДЖ» словах «хоронят Живаго». Интересно, что в авторском варианте повести пришедший на новоселье Курилкин не просто рассыпался оттого, что «гробовщик» его от себя «оттолкнул», а «упал сомо *corpo morte cadde*». В. Шмид [Шмид 1998, 58] пишет, что это цитата из дантовского «Ада», воспроизводящая то место, где потрясенный страшными переживаниями поэт «падает наземь, как падает мертвое тело». Таким образом, в «Гробовщике» также первоначально была заложена идея «смерти поэта», которая родилась параллельно с образом «покойного Белкина» на фоне державинского эпитафия о гробах (Державин — поэт, который дал «начало» Пушкину: «в гроб сходя благословил»).

С подобной же метаморфозой мы встречаемся и в «ДЖ», где благодаря паронимии «гардероб–гроб» (см.: [Фатеева 19956]) воскрешается тема «Гробовщика», которую Живаго решает в виде вопроса: «разве может быть польза от смерти, разве может быть в помощь смерть?» [Пастернак 1989–1992, 3, 206]. И вновь материальным носителем этой помощи, «помогающей писать поэму» о воскресении, становится символический брат Евграф, являющийся к Живаго в виде «духа его смерти». Так, развивая метафору «гардероба» (который в «ДЖ» есть «скрещение» Олегова коня и Аскольдовой могилы), можно сказать, что Живаго «облекается» в «белые одежды» Белкина (как ранее Пушкин, по словам В. В. Виноградова), и это связано с тем, что в поэтической

воспроизводит слова некоторого критика, который сравнивал «строй речи» его русского «Я» с «окнами, открытыми в смежный мир... метелью следствий, тенью, оставленной караваном мыслей» [Набоков 1999, 565].

системе Пастернака идея «смерти» и «Преображения» непосредственно связаны между собой. Доказательство этому: «Август» из «Стихотворений Юрия Живаго», в котором описывается смерть лирического «Я».

Ап. Григорьев [Григорьев 1876, 121] писал, что «покойный Белкин» — это «отрицательное начало» Пушкина, таким же «анти-началом», «анти-путем» [Йенсен 1997] по отношению к Живаго (Пастернаку) выступал Стрельников (Маяковский). И из писем Пастернака 1953 г., когда он сел за «окончание»¹² «ДЖ», узнаем, что «окно Живаго» 18 лет назад (в 1935 г., когда «Маяковский не был еще обожествлен») было для него «тупиком», и вопреки тому, что у него «в действительности не было никакой болезни», он был «непоправимо несчастен и погибал», «заколдованный злым духом в сказке» [Пастернак 1989–1992, 5, 510], подобно Стрельникову. Обращаясь к «Гробовщику», находим ту же цифру «ошнадцать лет» (2×9), когда все у «Гробовщика» шло заведенным порядком, а затем потребовало «переезда» — т. е. «сдвига», но, «приближаясь к желтому домику, — читаем у Пушкина [Пушкин 1935–1937, 7, 110], — гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось» (ср. названия сел Ненарадово и Горюхино в «ПБ», где живет автор).

Связь «сдвига» с «путешествием» и началом работы над прозой — книгой об отце-путешественнике находим и в «Даре» Набокова, которую сын начинает писать через 9 лет после смерти отца. В начале июня (близко к дате рождения Пушкина) Федор начинает работу над книгой об отце и читает прозу Пушкина, затем переходит к его «жизни». При этом книги, которые он читает, всегда имели в Берлинской библиотеке штемпель на 99 странице и «лежали рядом со старыми русскими журналами, где он искал пушкинский отблеск» [Набоков 1990, 3, 88]. Число 99 дорого Набокову потому, что его год рождения 1899 ровно на 100 лет отличается от года рождения Пушкина — 1799 (именно поэтому «ритмы» обоих веков у Федора так же «мешаются», как затем у Живаго).

Мы уже писали о том, что в «Даре» и «отец» и Пушкин воскресают, но прежде всего воскресает «Яша» — «мертвый поэт». И это происходит в «желтоватом» доме в воображении отца Яши по имени Александр. «Отец» Яши спрашивает Федора: «Как, разве вы не умерли?» и, приняв его ссадину на виске за «след выстрела», признает в нем «свежего самоубийцу» [там же, 83]. Появление

¹² «Мне лучше. Я стал работать, сел за окончание „Живаго“» [Пастернак 1989–1992, 5, 510–511].

ние «живого между мертвыми» здесь осмысливается иронически как «воскресение Христа» в виде «садовника» среди «миртовых кустов»: в этой роли выступает Федор. (Впоследствии в «ДЖ» символическое «воскресение» поэта Живаго в сцене у его гроба будет уже подано в самой серьезной манере; поза же, в которой лежит Живаго в гробу, напоминает положение Маяковского в стихотворении Пастернака «Смерть поэта».)¹³

Вскоре после этого эпизода в диалоге с матерью у Федора рождается решение писать прозаическую книгу о путешествиях отца, на что его наталкивает «Путешествие в Арзрум» Пушкина (полное название «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.»). Заметим, что трагическая смерть отца, В. Д. Набокова, который погиб от пушечного выстрела (хоронили его 1 апреля 1922 г.), напрямую связалась у сына-писателя со смертью Пушкина. И как отчасти смерть Грибоедова инициирует у Пушкина написание «Путешествия в Арзрум», так и смерть реального и воображаемого отца Годунова-Чердынцева заставляет Набокова в лице Федора писать свою «прозу», в которой Пушкин выступает как бы в роли отца — «искателя словесных приключений» Годунова.

Прерывая ненадолго разговор о пушкинских «ключках» в «Даре», отметим, что и роман «ДЖ», как отмечали некоторые исследователи, начинается с диалога во время похоронной процессии («Кого хоронят?» Им отвечали: «Живаго»), который по своей структуре напоминает диалог автора «Путешествия в Арзрум» с грузинами, везущими тело Грибоедова. В этом смысле «ДЖ», как и «Дар», продолжают пушкинское «гробоведение», эксплуатируют одну и ту же сентенцию Пушкина: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было делом его друзей...» [Пушкин 1935–1937, 7, 742]. Так оба автора сочетают учебу у классиков с их «модернистским переписыванием», однако парадоксально, что в «неоконченных записках» Юрия Живаго замечания «натуралиста» соседствуют с рассуждениями о русской литературе, подобно тому, как это происходит книге об отце Федора Годунова-Чердынцева, получившего свой «дар» по наследству от Пушкина. Интересно еще одно совпадение: Набоков родился 23 апреля — в день св. Георгия (Юрия) — этот образ природного всадника и земледельца станет центральным символом романа Пастернака о таланте как высшем «даре жизни».

«Круговая порука» этих романов выводит нас еще на одно совпадение их ходов, которые связаны с темой «конца» и «выст-

¹³ См. об этом: [Фатеева 1995а, 273–274].

рела». В «Даре» воспоминания о бабочке на березовом стволе у Черной речки (в начале апреля) связаны с символическим описанием «выстрела», убившего «лиру» Пушкина: *Среди берез была одна издавна знакомая, <...> береза-лира, и рядом старый столб с доской, на ней ничего нельзя было разобрать, кроме следов пуль, — как-то в нее палил из браунинга гувернер-англичанин, <...> а потом отец взял у него пистолет <...> и семью выстрелами выбил ровное К* [Набоков 1990, 3, 71]. «К» — может означать Константин — имя отца, так что он стреляет в «себя», но «К» — это и первая буква фамилии Кончеев, идеального поэта, собеседника Федора, с которым только что последний закончил (воображаемую?) беседу, и в ней среди прочего шел разговор о «мертвых телах» прозаиков и «знакомых трупов»¹⁴.

В «ДЖ» мотив пушкинского «выстрела» также описывает свой круг, замыкающийся на Стрельникове, который стреляет в себя (в плане Пушкина повесть «Выстрел» имела название «Самоубийца»). Начинается же этот круг тогда, когда «мальчишки», играя в войну, стреляют. Однако прежде всего на роль «дуэлянта-бретера» претендовала Лара, которая «с особенным увлечением состязалась в стрельбе в цель» [Пастернак 1989–1992, 3, 77]. Именно она задумала «стрелять» в своего змея-искусителя Комаровского: *«Этот выстрел был единственное, что она создавала. Она его слышала всю дорогу, и это был выстрел в Комаровского, в самое себя, в свою собственную судьбу и в дуэлянский дуб на лужайке с вырезанной в его стволе стрелковой мишенью»* [там же, 78] (снова выстрел в К). Однако «выстрел» романа «ДЖ» замыкается не на Комаровском, так как Лара промахивается. Мотив «неосуществленного выстрела» срабатывает в «ДЖ» — и метапоэтически он оказывается, как и в пушкинском «Выстреле», выстрелом в картину. А именно, заключительный «выстрел» Стрельникова по принципу круга возвращает к ситуации раннего пастернаковского стихотворения «Венеция». Сравнение начальных строк «Венеции» (*Я был разбужен спозаранку Щелчком оконного стекла*) с прозаическими строками, передающими осознание «выстрела» поэтом Живаго (*...висевшая во сне на стене мамина акварель*

¹⁴ Во время беседы на вопрос «А теперь что будет? Стоит по-вашему продолжать?» Кончеев (или сам Федор) отвечает «Еще бы! До самого конца...» [Набоков 1990, 3, 69]. В этих словах снова содержится отсылка к Пушкину. В рукописях Пушкина был найдена поговорка игумена Святогорского монастыря, которую многие пушкинисты считают предполагаемым эпиграфом ко всему циклу «ПБ»: «А вот что будет, что и нас (ничего) не будет», которая записана на листе с последними строками «Гробовщика» и планом повестей [Шварцбанд 1993, 42–43].

итальянского взморья вдруг оборвалась, упала на пол и звоном разбившегося стекла разбудила Юрия Андреевича [там же, 458]), обнаруживает, что «картина Италии» как бы разбивается, а «щелчок стекла» оказывается «выстрелом», подобным тому, которым была прострелена картина в «Выстреле» Пушкина. В самом «ДЖ» венецианское «окно» появляется на пути Комаровского, когда он хочет отделаться от своей страсти к девочке Ларе. Так вокруг музыки Живаго образуется своеобразная «круговая мишень», которая соединяет Лару и Венецию-венецианку, бросающуюся «с набережных в плывь».

В «Даре» также оказывается значимой картина Венеции — она является началом воображаемого кругосветного плавания Федора с отцом (своеобразный ответ на пушкинский вопрос «Куда ж нам плыть?»). Это путешествие задается следующим образом: «Сквозь картину „Марко Поло покидает Венецию“ Федор отправляется по следам своего отца в воображаемую экспедицию в Азию. Во время этого „путешествия-рассказа“ сын превращается в своего отца и возвращается обратно по древней дороге, по которой шесть веков назад проходил Марко Поло» [Davydov 1982, 195]. Круговой характер «словесного странствия» позволяет в пространстве воображения и сна Федора «воскресить отца» (как ранее Пушкина), которое описывается как его появление «на пороге» «за вздрогнувшей дверью» (ср. *вторженья дрожь* во «Втором рождении» Пастернака). Пробуждение же от этого сна описывается как «восстание из гроба» самого Федора. При этом для Набокова, как и ранее для Пастернака в «ОГ», именно Венеция становится местом, где происходит «столкновение веры в воскресенье с веком Возрождения» [Пастернак 1989–1992, 4, 208], и в пространстве романа реализуется идея «вечного возвращения» и «чуда Воскресения».

Если проследить далее историю литературного «выстрела», то увидим, что этот «выстрел» все более осмысливается в металитературном ключе: и если Пушкин своим мотивом «несостоявшегося выстрела» как бы «стреляет» в романтическую фабулу [У. Бунш, В. Шмид], то Набоков «стреляет» или в своих литературных соперников, или в фабулу вообще¹⁵. И Кончеев в романе как пре-

¹⁵ Ср. пародийную интерпретацию этого в «Отчаянии»: «так, в моей передаче „Выстрела“ Сильвио напавал без лишних слов убивал любителя черешен и с ним и — фабулу, которую я впрочем знал отлично» [Набоков 1990, 3, 359]. Точнее, в 9 главе романа «Отчаяние» Герман, стреляя в Феликса, «убивает» счастливый конец своей повести, этим как бы подтверждая, что на «свете счастья нет». При этом место убийства Феликса обозначено «желтым столбом», который

восходящий по мастерству Федора поэт также оказывается «почти убит» разгромной рецензией на его «Сообщение» критика с говорящей фамилией Христофор Мортус (сочетание по сути также оксюморонно: имя связано с Христом, фамилия с идеей 'смерти'). Но, как бы по закону от противного, эта рецензия Мортуса сама превращается в «круговую мишень»: он «начинал суживать эти искусственные круги вокруг „Сообщения“ Кончеева, причем до конца так и не касался центра, а только изредка направлял к нему мессерический жест с внутреннего круга — и опять кружился. Получалось нечто вроде тех черных спиралей на картонных кругах, которые, в безумном стремлении обратиться в мишень, бесконечно вращаются в витринах берлинских мороженников» [Набоков 1990, 3, 150]. Мортус (его прототипами, по мысли исследователей романа, являются Г. Адамович или З. Гиппиус, главное, что у него «неизлечимая болезнь глаз») при этом ставит в пример Кончееву некоего «советского писателя, пускай и не даровитого» [Набоков 1990, 3, 151]. И как бы подчиняясь модели «Мортуса», в реальной литературной действительности «поэтическим дуэлянтом» Набокова оказывается Борис¹⁶ Пастернак, чьим

есть аналог пушкинского «желтого домика», при приближении к которому «сердце гробовщика не радовалось». Данный «маркер» говорит о том, что в представлении автора «реалистический» конец несовместим с идеей счастья. Именно поэтому Набокову, как и впоследствии Пастернаку, в своем поиске альтернативы пришлось прибегнуть к метапоэтической идее бесконечности с апелляцией к христианской идее воскресения, т. е. следовать схеме «обратного превращения Бедлама в Вифлеем», заданной Достоевским. Именно поэтому герой романа «Дар» счастливо остается со своей любимой «без ключей» от дома, из которого также надо скоро переезжать (см. подробно: [Фатеева 2001]). Тема смежности «ключей» и второго смысла «письма» актуальна также и для «ДЖ». Об этом пишет С. Витт [Witt 2000, 23] с опорой на письмо Пастернака к сестре Жозефине о ключе. «Потерянный ключ, который становится предметом заботы (чувства) и, следовательно, возможным предметом искусства, в отличие от ключа, лежащего в кармане, это пример изменения действительности «при прохождении сквозь нее столба силового», пример действительности, смещаемой чувством, т. е. искусства» — так оценивают «письмо о ключе» с точки зрения философии творчества Пастернака Е. Пастернак и К. Поливанов [Пастернак, Поливанов 1990, 54].

¹⁶ Исторически парадоксальной оказывается игра с именем Борис в «Даре». А именно, знаменательна путаница, которую вводит в романе «Дар» критик Лиев, написавший рецензию на книгу Федора «Жизнь Чернышевского». В рецензии автор книги назван «Борисом Чердынцевым». Имя Борис носит и Борис Иванович Щеголев — он, пошляк и автор низкосортных каламбуров, не случайно в романе Набокова получает фамилию, омонимичную фамилии автора книги «Дуэль и смерть Пушкина» — П. Е. Щеголева; эта книга поражает своим непониманием пушкинского характера. О П. Е. Щеголеве позднее Б. Л. Пастернак [Пастернак 1982, 440] в очерке «Люди и положения» напишет так: «Бедный

творчеством он был «заражен» в молодые годы и который, по принципу круга, превратился для него в первого «соперника» в старости, когда получил Нобелевскую премию за «Доктора Живаго», которого Набоков окрестил, по аналогии с Христофором Моргусом, «Доктором Мертваго» (см.: [Hughes 1989]). Вспомним при этом, что именно Адамович писал о Набокове: «Он несомненно единственный в эмиграции подлинный поэт, который учился и чему-то научился у Пастернака» [Адамович 1989]. И в центре «мишени» Набокова (его пародии на «Нобелевскую премию» Пастернака) как раз оказалась «девочка» — муза Пастернака, которая, как издевательски писал Набоков еще в 1927 г., страдает «базедовой болезнью», так как стих этого «даровитого поэта» «зобастый, таращащий глаза»¹⁷ (цит. по: [Hughes 1989, 169]).

Итак, выходит, что литературный поединок двух поэтов по поводу «прозы» по принципу круга оборачивается «дуэлью» двух стихотворений, причем «Нобелевскую премию» Пастернак пишет «почти у гроба» (январь 1959), а пародию на нее Набоков создает спустя год после смерти Пастернака (1961)¹⁸. Интересно в этой связи письмо Б. Пастернака к Е. Д. Романовой от 23 декабря 1959 г., в котором Пастернак как бы продолжает слова Набокова о «некончающейся» пушкинской строке: «Дороже всего мне Ваше знание того, на чем Гоголь с ума сошел и чем измучился: того, чем может быть настоящая художественная проза, какое это вол-

Пушкин! Ему следовало бы жениться на Щеголеве и позднейшем пушкиноведе-нии, и все было бы в порядке. Он дожил бы до наших дней, присочинил бы несколько продолжений к „Онегину“ и написал бы пять „Полтав“ вместо одной. А мне все казалось, что я перестал бы понимать Пушкина, если бы допустил, что он нуждался в нашем понимании больше, чем в Наталии Николаевне. Нам неизвестно, читал ли Пастернак «Дар», но эти его слова раскрывают внутреннюю «ловушку» пародийной ситуации «Дара». В то же время и «Дар», и «ДЖ» в какой-то мере можно считать своеобразными метапоэтическими продолжениями к «Онегину».

¹⁷ На самом же деле «таращащей глаза» оказывается «бедная девочка» самого Набокова в рассказе «Волшебник» (1939), который представляет собой русский зачаток романа «Лолита» (она смотрит, «подняв розово-озаренное лицо ... и тараща глаза...»). Именно такая «девочка» представлена в центре стихотворной пародии Набокова на стихотворение Пастернака «Нобелевская премия» (*Какое сделал я дурное дело, / и я ли развратитель и злодей, / я, заставляющий мечтать мир целый / о бедной девочке моей? // О, знаю я: меня боятся люди, / и жгут таких как я за волшебство...*). Получается, что фактически Набоков этой пародией «стреляет» в свою собственную интерпретацию пастернаковской «Девочки-Бабочки» (что более подробно будет описано в другой нашей работе).

¹⁸ Известно также, что Пастернак открыто протестовал против того, чтобы Набоков переводил «Стихотворения Юрия Живаго» на английский язык.

пешное искусство, на границе алхимии... „Beau comme la prose“ — говорил Карамзин о настоящей поэзии, может быть молодой пушкинской, когда желал похвалить ее» [Пастернак 1982, 17]).

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1990 — Аверинцев С. С. Числа // Мифологический словарь. М., 1990.
- Адамович 1989 — Адамович Г. Владимир Набоков // Октябрь. 1989. № 1.
- Блум 1998 — Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998.
- Бочаров 1974 — Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М., 1974.
- Виноградов 1941 — Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
- Григорьев 1876 — Григорьев А. П. Сочинения. СПб., 1876. Т. 1.
- Йенсен 1997 — Йенсен П. А. Стрельников и Кай: «Снежная королева» в «Докторе Живаго» // Scando-Slavica. Tomus 43. Munksgaard Copenhagen, 1997.
- Набоков 1990 — Набоков В. В. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1990.
- Набоков 1999 — Набоков В. В. Прозрачные вещи. Смотри на арлекинов. Память, говори. СПб., 1999.
- Пастернак 1982 — Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М., 1982.
- Пастернак 1989–1992 — Пастернак Б. Л. Собрание сочинений в 5-ти томах. М., 1989–1992.
- Пастернак, Поливанов 1990 — Пастернак Е., Поливанов К. Письма Бориса Пастернака из Марбурга // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1989. М., 1990.
- Пушкин 1935–1937 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 9-ти томах. М., 1935–1937.
- Раевская-Хьюз 1989 — Раевская-Хьюз О. О самоубийстве Маяковского в «Охранной грамоте» Пастернака // Boris Pasternak and his times. Selected papers from the second international symposium on Pasternak / Ed. by L. Fleishman. Berkeley, 1989.
- Смирнов 1991 — Смирнов И. П. Двойной роман (о «Докторе Живаго» Пастернака) // Wiener Slawistischer Almanach. Band 27. Wien, 1991.
- Тамми 1999 — Тамми П. Поэтика даты у Набокова // Литературное обозрение. 1999. № 2.
- Фарыно 1991 — Фарыно Е. Как Ленский обернулся соловьем-разбойником (Архепозитика «Доктора Живаго». 3) // Пушкин и Пастернак. Материалы Второго Пушкинского Коллоквиума. Будапешт, 1991.
- Фатеева 1995а — Фатеева Н. А. Картина мира и эволюция поэтического идиостиля Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М., 1995.

- Фатеева 19956 — *Фатеева Н. А.* Пушкин и Пастернак: путь к прозе // Русский язык за рубежом. 1995. № 1.
- Фатеева 2001 — *Фатеева Н. А.* «Оптический фокус счастья» как композиционный принцип организации в русских текстах В. Набокова // Текст. Интертекст. Культура. Материалы международной научной конференции (4–7 апреля 2001 г.). М., 2001.
- Шварцбанд 1993 — *Шварцбанд С.* История «Повестей Белкина». Иерусалим, 1993.
- Шмид 1998 — *Шмид В.* Проза как поэзия. Пушкин–Достоевский–Чехов–авангард. СПб., 1998.
- Эткинд 1999 — *Эткинд А.* Кто написал «Доктор Живаго» // Новое литературное обозрение. 1999. № 3.
- Юнг 1990 — *Юнг К. Г.* Об отношении аналитической психологии к поэзии. М., 1990.
- Bethea, Davydov 1981 — *Bethea D. M., Davydov S.* Pushkin's Saturnine Cupid: The Poetics of Parody in «The Tales of Belkin» // Publications of the Modern Language Association of America. Vol. 96. 1981.
- Davydov 1982 — *Davydov S.* «Teksty-matreshki» Vladimira Nabokova. München, 1982.
- Davydov 1983 — *Davydov S.* The Sound and Theme in the Prose of Pushkin: A Logo-Semantic Study of Paranomasia // Slavic and East European Journal. Vol. 27. 1983.
- Hughes 1989 — *Hughes P. H.* Nabokov reading Pasternak // Boris Pasternak and his Times. Selected papers from the second international symposium on Pasternak. Berkeley, 1989.
- Witt 2000 — *Witt S.* Creating Creation. Readings of Pasternak's *Doctor Zhivago*. Stockholm, 2000.

СЕМАНТИКА 'НАЧАЛА' И 'КОНЦА' В АГИТАЦИОННЫХ ТЕКСТАХ

Материалом для настоящей статьи послужили тексты периода революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.), а также листовки избирательных кампаний 1995–1996 и 1999–2000 гг. Советские листовки цитируются по каталогу [Листовки 1989], кроме «И ты не в Красной Армии...»; этот текст, а также все некоммунистические листовки периода 1917–1920 гг. цитируются по их подлинникам, хранящимся в Отделе русского зарубежья Государственной Исторической библиотеки. Их публикации нам неизвестны.

Назначение агитационного текста — побудить адресата к действию. Текст может призывать:

1. Начать определенное действие, положить начало новому процессу. Подобные призывы особенно многочисленны в коммунистических листовках первых лет советской власти. Например: *Крестьянин-бедняк! <...> Ты ушел от строительства новой жизни...; Селянки, помогите строить новую жизнь!* и т. п.

2. Положить конец процессу, состоянию, явлению. Это характерно в первую очередь для агитационных текстов кампании 1996 г.: *Россия падает в яму, и конца не видать. Предел падению можно положить только победой на выборах* (Тулеев); *Первым делом надо остановить насилие* (Явлинский).

3. Завершить начатое, т. е. довести некий процесс или действие до конца: *Если мы с вами будем иметь мужество завершить реформы, то <...> заживем, как цивилизованные люди* (Демократический Союз, 1999); *Начало сделано. Горе не доводящим до конца* (заголовок советской листовки, выпущенной по случаю прорыва красными белого фронта).

Отсюда следует, что поля начала и конца естественным образом занимают в семантике агитации центральное место. К числу наиболее частотных лексем относится *новый*. Новыми могут называться самые различные объекты — как реально соответствующие данному определению, так и не отвечающие ему по законам логики. Например, Г. Зюганов утверждает, что суть его программы — *новый* экономический курс, хотя вся его программа — это повторение пройденного. О. Тулеев в листовке 1996 г., призывающей голосовать за него на президентских выборах, именуется *новый красный* (явная альтернатива «новому русскому»). Очевидно, что

здесь концепт новизны является тем, что А. К. Михальская называет риторическим примитивом [Михальская 1998, 21–22], т. е. служит стимулом сильной, однозначной и прогнозируемой реакции. Так, В. Брынцалов в листовке 1996 г. обещает *новый российский паспорт, где графа «национальность» отсутствует; новые российские метрики, где графа «национальность» обязательна*. Можно было сказать короче и яснее: «обещаю изъять графу „национальность“ из паспорта и ввести ее в метрики». Но автор жертвует качествами хорошего стиля и предпочитает быть тяжеловесным, лишь бы употребить лексему *новый*. В той же листовке провозглашается: *Человек — полноправный хозяин своих начинаний и жизненного дела*. Можно было и в этом случае сказать «хозяин своих дел»; слово с семантикой начала вводится именно ради присущего ей психологического воздействия.

О магической заряженности новизны подробно говорится в работе Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1997, 170–172]. Добавим к ее наблюдениям, что в агитационной речи семантика *нового* связана с самим ядром аргументации. В тексте, агитирующем за движение «Новая сила» (С. Кириенко, 1999), выдвигается следующий довод: *Мы — СИЛА, потому что НОВЫЕ*. Одна из листовок КПРФ (1999) представляет собой обрамленную лозунгами цитату из советской песни: *Будут новые победы, встанут новые бойцы!* Этим заклинанием и заменяется вся аргументация.

Определение *новый* стало политической оценкой сразу после Февральской революции, когда получила распространение калька с французского «старый режим». Выражения *старая власть, старые силы, старый порядок* встречаются в листовках весны и лета 1917 г. едва ли не в каждом предложении. Например, в «Обращении к армии от Государственной Думы» от 17 марта 1917 г. (листовка, подписанная М. Родзянко) говорится: *Свершилось великое дело. Могучим порывом народа низвергнут старый порядок*. Ср. с «Воззванием Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов» (март 1917): *Товарищи солдаты! Старые силы принимают все меры, чтобы внести смуту в наши ряды*. Как синоним *старого* в эти дни употребляется слово *мертвый*: *Сильный враг грозит вернуть страну к мертвому строю...* (Воззвание Временного правительства «Заем свободы», апрель 1917). В листовке партии Народной свободы (лето 1917), призывающей соблюдать законы, оппозиция старого и нового проводится настойчиво до назойливости: *Для нашей родины началась новая жизнь. Старые порядки <...> теперь будут переделаны на новый лад... <...> Так в чем же разница между старыми порядками и новой*

свободной жизнью, если и там запреты и тут запреты? <...> Как при старых порядках, так и при новой свободной жизни нельзя будет поступать против законов.

Новизна маркирует смену объекта, в данном случае смену власти. Казалось бы, после прихода большевиков «старым правительством» должно автоматически именоваться правительство Временное. Так и происходит, но только в коммунистической листовке, где «старый мир» — это все режимы, кроме советского: *Старый, ветхий мир рушится*. В антисоветской же агитации старым по-прежнему называется только правительство царской России. Например, в агитационной брошюре утверждается: *Свергнул русский народ старый режим, свергнет и новый большевистский режим* [Прежде и теперь 1919, 36]. «Белой» листовке отнюдь не чужда семантика новизны; борьба с большевиками обозначается не как борьба за старый порядок, а как путь к построению новой России. Так, призыв вступать в Добровольческую Армию завершается обещанием: *Родина, воскресшая, обновленная, не забудет вас*. Эта картина наглядно иллюстрирует суждение Н. Д. Арутюновой: «Новое всегда готово к борьбе не только со старым, но и с другим новым» [Арутюнова 1997, 186]. По контрасту, *старый* крайне редко имеет в агитирующем тексте положительные коннотации. Таким исключением является антисоветская листовка 1930-х гг., выпущенная «Братством Русской Правды»; она содержит, в частности, такой призыв к комсомольцу: *Разыскивай старые книги, расспрашивай старых людей*. К какому времени относятся эти старые книги, в тексте не уточняется; видимо, для автора разница между царским и «февральским» периодами уже несущественна.

Как инструмент побуждения к действию используется и лексема *последний*. С ее помощью длительный процесс представляется как кратковременный. Сложно убедить человека вступить в кровопролитную войну, которой не видно конца. Поэтому его призывают «встать на последний бой»: *Тебя зовет украинская власть на последний, решительный бой...; Настал последний и решительный час борьбы...; Добровольческая Армия зовет все народы, населяющие Великую Россию, стать в ее ряды на последний, славный бой, биться за общее братское дело*. С той же целью «последними» могут быть представлены и противник, и находящиеся в его распоряжении силы: *Последний оплот буржуазии и помещиков, Колчак и его банды, мобилизовали свои последние резервы...*

Кроме того, лексема *последний* используется для обозначения главной, наиболее весомой причины того действия, за которое ве-

дется агитация. Так, С. А. Соколов (редактор Литературно-политического пресс-бюро Добровольческой Армии) объясняет в агитационном стихотворении, почему белые выступили против большевиков: те решили ... *отнявши свободу, отнять и Бога. / Только стой! / Руки долой! / От вас мы видали разные виды, / Но этой последней обиды / Ни от кого не снесет / Крещеный народ* [Соколов, б. г., 6–7].

В ином контексте слово *последний* принимает значение «окончательный, бесповоротный». Его употребление призвано внушить читателю, что другого шанса изменить положение вещей уже не будет. Это подчеркивает необходимость скорейшего самоопределения и активного действия: *Товарищ, ты у грозной грани, / Идет последняя борьба. / Знай, в этот час на поле брани / Твоя решается судьба* (большевистская листовка, 1920); *Настал последний час, истекают последние сроки...* (белогвардейская листовка, б. г.); *На последнем рубеже стоит сегодня Россия. У нас есть единственный, может быть, последний шанс мирным путем вернуть власть народу* (Зюганов, 1996); *Россия подошла к последней, смертной грани своих несчастий: реставрации советского рабства* (Демократический Союз, 1999).

Из сказанного следует, что слова, принадлежащие к семантическим полям начала и конца, выступают в листовках как речевые средства эмоционального заражения и аттракции. Являясь в своих словарных значениях стилистически нейтральными, они приобретают в агитационных текстах такие эмоциональные и политические коннотации, которые способны оказывать на адресата психическое воздействие: притуплять чувство самосохранения, вызывать чувство неприязни, тревоги, удовлетворения, надежды на будущее и т. д. Тем самым они легко превращаются в средство речевого манипулирования общественным сознанием.

Агитационные цели определяют также композицию листовки, где начало и конец текста несут особую семантическую нагрузку. Самые распространенные варианты начала — обращение к адресату и вопрос. Адресация в обращении может быть общей (*Товарищ! Дорогие сограждане! Соотечественники!*) или конкретной (*Крестьянин-бедняк! Единоверные братья чеченцы!*). Иногда обращение содержит негативную оценку адресата и тем самым — косвенный призыв изменить свою позицию: *Предатели и глупцы, за что вы пошли?* (первая фраза большевистской листовки, обращенной к рабочим, воюющим за белых). Функция вопроса — заинтересовать читателя текстом, который призван служить ответом. Вопросы часто становятся первой фразой и в революци-

онной листовке (*Что несет с собой Деникин? Почему мало товаров?*), и в современной (*Зовут ли коммунисты назад? Почему я хочу стать президентом России?*).

Жанр агитирующей листовки предполагает завершенность формы и окончательность решений. Поэтому ее конец обретает дополнительную значимость: здесь он просто обязан быть венцом. Последняя фраза является чаще всего восклицанием. При этом она может указывать на конкретное действие, к которому призывает листовка (*Спасайте революцию! Голосуйте за Явлинского!*), а может просто выражать уверенность в победе: *Россия идет! Россия зовет!* [Соколов, б. г., 8]; *Вместе мы победим!* (Зюганов, 1996); *В борьбе за правое дело обретишь ты право свое!* (Демократический Союз, 1999). Ниже приведен редкий пример обратного: листовка времен Гражданской войны, подписанная «Самгубком дезертир» (б. м., б. г.; орфография и пунктуация документа сохранены), состоит из семи восклицательных предложений и завершается повествовательным.

И ТЫ НЕ В КРАСНОЙ АРМИИ!!

Ты пристроился дома! ТЫ ПРЯЧЕШЬСЯ!!

ДЕЗЕРТИР!

Скорее спешите на фронт! Иначе накажут тебя и того,

КТО ТЕБЯ СКРЫВАЕТ!

Невидать тебе тогда НИ СВОЕГО СКОТА, ни имущества!

Знай конфискуют его тогда БЕЗ ВОЗВРАТА.

Однако и здесь последнее предложение обретает особую внушительность, ибо декларирует окончательность наказания.

Технология предвыборной кампании включает создание единого стилевого решения всего агитационного материала. В едином стиле разных по содержанию текстов образ кандидата концентрируется и благодаря этому становится близким и легко узнаваемым. Если претендент выпускает серию листовок, он может варьировать положение в тексте одних и тех же лозунгов. Например, одна из листовок Тулеева (1996) начинается с восклицания *Жила бы страна родная!*; другая им же заканчивается. Ряд листовок Демократического Союза (1999) начинается с лозунга: *Не отдавай свое право налево!* Чрезвычайно активно в 1999 г. использовала этот принцип КПРФ. Из 27 ее предвыборных листовок 26 имеют совершенно одинаковый конец: *За победу патриотов России! Люди труда! Вместе — мы сила! Вместе — победим!* Таким образом, на жанр листовки явно повлияло характерное

для культуры конца XX в. серийное мышление. Особенно искусно построена серия листовок С. Кириенко, выпущенная в период его борьбы за пост московского мэра. Заголовком является вопрос: *Сколько стоит квартира* (варианты: *творог, курица*)? *Сколько стоят набойки* (варианты: *яблоки, лекарства*)? Второе предложение во всех его листовках одинаково: *Каждый знает, что жизнь в Москве значительно дороже, чем в других городах.* Далее объясняется почему. Последняя фраза — снова вопрос, на этот раз риторический: *Ну что, поедем жить на Север* (варианты: *в Калугу за яблоками, за творогом в Пензу, чинить ботинки в Краснодар и т. п.*) *или сменим мэра?* На этих выборах С. Кириенко получил неожиданно высокий процент голосов; не исключено, что листовки сыграли здесь свою роль.

Призывая к действию, политики так или иначе должны обозначить его результат, т. е. свою конечную цель. Коммунистические тексты в этом отношении весьма часто соответствуют словам из советской же песни: *Есть у революции начало, / Нет у революции конца.* По контрасту, «белая» агитация времен Гражданской войны содержит призыв к конкретной и скромной (хотя тоже воспринимаемой как «венец») конечной цели: *Всему увенчание — Всероссийское народное собрание!* [Соколов б. г., 8]. Довольно экстравагантным способом ушел от изложения своих целей В. Жириновский. В его листовке 1999 г. настойчиво повторяется лозунг: *19 декабря* (день парламентских выборов. — С. III.) — *Судный день!* Поскольку Судный день — это последний день земной истории, ее конец, вопрос о дальнейшем развитии событий, сам собой отпадает. Однако в большинстве современных листовок финал желаемого процесса обозначается как возвращение к чему-то уже бывшему; при этом слово *старый* по изложенным выше причинам не употребляется. Читателя призывают (или ему обещают) что-либо «воссоздать», «вернуть» и т. д.; тем самым стирается сама граница между старым и новым. Так, в листовке М. Шаккума «Что я хочу сделать» (1996) четыре пункта из семи обещают возвращение старого: *восстановить обороноспособность; восстановить управляемость; вернуть России былой авторитет; проводить реинтеграцию бывших советских республик.* Эта тенденция объединяет политиков самых разных политических направлений, например: *Совместными усилиями народов России мы вернем ей экономическое и политическое могущество; Нужно создавать новое, не разрушая старого* (Брынцалов, 1996); *Наша конечная цель — социализм, очищенный от пороков прошлого* (Зюганов, 1996); *Дорога либеральных реформ — тяжкая и*

долгая дорога, но в конце ее нас ждет то достоинство <...>, которое когда-то имели наши предки в Господине Великом Новгороде, а сегодня имеют все страны Запада (Демократический Союз, 1999).

За прошедшие десятилетия листовка изменилась еще в одном отношении. Советская агитация времен Гражданской войны, откровенно обнажая крайнюю жестокость новой власти, всё время призывает «покончить» с кем-то; современная листовка — с чем-то. Показательны первые фразы девяти листовок 1918–1920 гг.: *Товарищи крестьяне! Помещичья гадина еще не добита...; Рабочий в городе уже расправился с царем и фабрикантом, селянину и батраку в деревне надо поскорее покончить с кулаком...; Красноармеец, добей махновские шайки!; Надо покончить с Врангелем...; Надо поскорее покончить с панами...; Смерть провокаторам!; Смерть Врангелю!; Уничтожайте вшей!; Уничтожайте Балаховича!* Последние два призыва взяты из разных текстов, но, поставленные рядом, они представляют собой впечатляющую историческую иллюстрацию к спору Сони и Раскольниково о том, вошь ли человек. Отрадно, что в современной листовке, какой бы партией она ни издавалась, говорится об уничтожении явлений, но не людей. Так, в 1996 г. В. Брынцалов обещал *искоренение коррупции*, С. Федоров — *ликвидацию социальной несправедливости*; Г. Зюганов призывал *покончить с бюрократическим произволом*, а также *объявить беспощадную войну преступности*. И эти семантические изменения надежнее всего гарантируют нам защиту от новых кровопролитий.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1997 — Арутюнова Н. Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Листовки 1989 — Листовки периода иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). Каталог. М., 1989.
- Михальская 1998 — Михальская А. К. Риторические примитивы, аттрактанты и репелленты // Риторика и речевая коммуникация: теория — практика — преподавание. Тезисы 2-й Международной конференции по риторике и речевой коммуникации. М., 1998.
- Прежде и теперь 1919 — Прежде и теперь. О том, что было при старом режиме и что стало при новом большевистском режиме. Ростов-на-Дону, 1919.
- Соколов, б. г. — Соколов С. А. Обманутым братьям. В красные окопы. Б. м., б. г.

НАЧАЛО И КОНЕЦ РУССКОГО АНЕКДОТА

Слово *анекдот* (от греч. ἀνέκδοτος — неизданный) имеет в современном русском литературном языке два значения. Во-первых, *анекдотом* (*anecdote* англ.) называется короткий, нередко правоучительный, рассказ о каком-то событии или происшествии из жизни исторического лица. Такие анекдоты, насколько мы можем судить из воспоминаний современников¹, были распространенным речевым жанром русского языка второй половины XVIII–XIX вв. (кроме того, такие анекдоты были также и популярным литературным жанром, ср. сборники анекдотов Н. Курганова, П. Семенова и др.). Во-вторых, *анекдотом* (*canped joke* англ., *Witz* нем.) называется короткий устный рассказ о вымышленном событии или происшествии злободневного бытового или общественно-политического содержания, с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой. Анекдот в этом значении — широко распространенный речевой жанр русского языка советского и постсоветского периода. Именно анекдотам такого рода и посвящена данная статья.

Следует разграничивать рассказывание анекдота как устный речевой жанр и текст анекдота — то, что произносится при реализации данного речевого жанра. При этом именно ролью текста анекдота при функционировании речевого жанра рассказывания анекдота определяется его специфика (см. наши работы, посвященные общей теории анекдота как текста и как речевого жанра, в частности [Шмелева, Шмелев 2000]).

Многократная репродуцированность текста анекдота, при этом допускающая некоторое варьирование в зависимости от адресата или ситуации общения, сближает анекдот с такими речевыми жанрами, как литературный анекдот и «рассказ-пластинка» (см.: [Китайгородская, Розанова 1999]). Однако эти жанры различаются набором действующих лиц и способами их представления. Современный городской анекдот характеризуется относительно по-

¹ В письмах А. С. Пушкина приводится целый ряд таких анекдотов, например: *Старый генерал III. представлялся однажды Екатерине Второй. «Я до сих пор не знала вас», — сказала императрица. «Да и я, матушка-государыня, не знал вас до сих пор», — ответил он просто душно. «Верю, — возразила она с улыбкой. — Где и знать меня, бедную вдову!»*

стоянным набором возможных персонажей (около четырех-пяти десятков), имеющих стабильные речевые и поведенческие характеристики, известных всем носителям русского языка и потому не нуждающихся в представлении. Героями литературных анекдотов являются известные исторические личности, а героями «рассказов-пластинок» — знакомые рассказчика, как правило незнакомые слушателю и потому нуждающиеся в представлении (*С одним моим знакомым, он в такси работает, произошла такая история...; есть у меня такая сослуживица, Люда, так вот, ее дочка...*).

Встает вопрос, является ли анекдот текстом с точки зрения лингвистики текста и каковы специфические особенности текста анекдота.

Для того чтобы ответить на вопрос, является ли анекдот текстом, рассмотрим, применимы ли к нему стандартные критерии, определяющие текст в лингвистике текста. В работах целого ряда исследователей (см., например: [Attardo, Chabanne 1992; Raskin 1985]) доказывается, что анекдот — это в некотором смысле идеальный текст, текст *par excellence*. Идеальный текст должен быть легко воспроизводимым и легко воспринимаемым (не требовать больших усилий от говорящего и слушающего — *efficiency*), действенным (максимально достигать поставленной говорящим цели — *effectiveness*) и произнесенным в нужное время и в правильной ситуации (*appropriateness*). Текст может соответствовать этим требованиям, если он отвечает критериям связанности (причем как на поверхностном, так и на глубинном, семантическом уровне — *cohesion* и *coherence*), целенаправленности произнесения этого текста говорящим (*intentionality*), готовности слушающего принять и понять текст (*acceptability*), информативности текста (*informativity*), уместности произнесения текста в некоторой ситуации (*situationality*) и включенности текста в некоторое текстовое пространство, интертекстуальности (*intertextuality*) (см., например: [De Beaugrande, Dressler 1981]).

Анекдот — это короткий связный текст (причем соответствующий критерию как грамматической и синтаксической, так и смысловой связанности), произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему (впрочем, понимание анекдота требует иногда от слушающего некоторого усилия — см. ниже), произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и стереотипами анекдотического пространства. Любое нарушение одного из необходимых условий успешности функционирования анекдота как речевого жанра приводит к коммуникативной неудаче, на-

пример, анекдот, рассказанный слушателю, незнакомому с персонажами русских анекдотов, нарушает коммуникативную цель рассказывания анекдота, так как не кажется смешным.

Анекдот — это текст с жестко заданной структурой. Это квазинарративный монологический текст (формально текст анекдота часто является диалогом, но это мнимый диалог: вопрос, задаваемый в начале анекдота слушателю, не требует от него ответа, рассказчик анекдота сам отвечает на него) с двучастной структурой: более длинный зачин, затем короткий и неожиданный конец, заставляющий слушателя переинтерпретировать начало анекдота. В несоответствии начала и конца анекдота — его соль. Слушатель проходит две стадии: понимание несоответствия и нахождение скрытого смысла — переинтерпретация текста. Вторая стадия не является обязательной для всех анекдотов, несоответствие само по себе смешно. Заметим, что умение понимать анекдоты требует некоторых усилий, сходных с усилиями по решению математических задач, недаром дети постепенно учатся понимать анекдоты (см.: [Lefort 1992]), а человек, который после долгих усилий наконец понял анекдот, радостно сообщает: «Допшло!»

Таким образом, анекдот имеет очень любопытную композицию: он состоит из начала и конца (в нем нет «середины»), а его сутью является несоответствие начала и конца, комический эффект, создаваемый обманутыми ожиданиями слушающего. Анекдот — это ловушка, искушенный слушатель ждет подвоха, но все равно попадает в ловушку. Для того чтобы удивить искушенного слушателя, хорошо знающего обычные приемы построения анекдотов, появляются анекдоты, в которых персонажи действуют или говорят не в соответствии со своим обычным характером или не в соответствии со своей языковой маской; например, *чукча* — необразованный человек из тайги — начинает употреблять несвойственные ему иностранные слова или сложные конструкции (*тенденция, однако*).

Обманутые ожидания могут быть связаны и с тем, что слушатель знает анекдот, но концовка является неожиданной:

Врезается «запорожец» в «мерседес». Оттуда выходят такие накачанные братки в малиновых пиджаках, с голдами, подходят к «запорожцу», вытаскивают оттуда деда в ватнике и говорят: «Да, дед, ты попал на бабки. Бампер помят, фара разбита... Да, бабок у тебя, ясно, нет, сейчас поедем твою квартиру посмотрим, придется продать, может, что в доме есть, тоже». Дед спрашивает: «А сколько денег-то надо?» Они говорят: «Ну, тыщ десять баксов». Дед открывает старенький мешок, там лежат толстые пачки зеленых, говорит: «Ребят, бери-

те сколько надо, а то я спешу». Братки обалдевают, спрашивают: «Дед, а откуда у тебя столько денег?» — «Да я кроликов развожу». — «Ну, а у кроликов-то откуда деньги, они кого разводят?»²

А в конце 90-х гг. этот анекдот получает продолжение:

На недоуменные вопросы братков дед отвечает: «Хотите, поехали со мной, я вам покажу». Они едут по пустынной проселочной дороге, заезжают в густой лес, дед открывает железные ворота и кричит: «Толян, Колян, выходите, я вам кроликов привез!»

Типичное начало анекдота — предложение, начинающееся глаголом в настоящем времени, за которым следует подлежащее, а затем — все второстепенные члены предложения. Такой порядок слов настолько характерен для анекдота, что воспринимается как его отличительный признак. Существует серия так называемых «абстрактных анекдотов», для которых такое построение начальных предложений служит едва ли не основным маркером, задающим восприятие рассказываемого именно как анекдота (например: *Летит стая крокодилов. Вдруг один говорит: «Второй четверг летим, а все пятница»*).

Жестко структурированное построение анекдота приводит к частому использованию в целом ряде разных текстов одинаковых зачинов. Использование одинаковых зачинов, вообще говоря, характерно не только для анекдотов (ср. серию частушек со стандартным зачином «Как на Киевском вокзале...»). Но именно анекдоты наиболее естественным образом организуются в серии в соответствии со стандартным для всей серии зачином, например: *Приходит муж домой... или Врезается «запор(ожец)» в «мерс(едес)»...* Это осознается носителями языка, поэтому часто анекдоты начинают рассказывать так: *Ну, как обычно, врезается Запор в Мерс, из Мерса, ясное дело, вылезают братки...* Стандартное начало анекдота само может стать солью анекдота, ср.:

На перекрестке останавливается «шестисотый». За ним, метрах в пяти, — «запорожец». Из «мерса» выходит новый русский, подходит к «запору» и говорит так ласково: «Мужик, ну ты че, зазнался в натуре».

Иногда стандартный зачин допускает наличие переменной в клишированной формуле *На необитаемом острове оказались X, Y и русский*, ср. также международную серию анекдотов, начинающихся с вопроса *Сколько X-ов нужно, чтобы вкрутить лампочку?*

² В анекдоте обыгрывается жаргонное значение глагола *разводить* (на деньги) — насилием или обманом заставить кого-л. отдать деньги.

Начало анекдота может быть очень коротким, состоящим из одного предложения (ср., например, актуальный анекдот: *Захотел Вовочка стать президентом России. И стал*), а может быть довольно длинным. Длинное начало усыпляет бдительность слушающего и делает конец анекдота еще более неожиданным:

Приходит мадам Рабинович в туристическое бюро в Нью-Йорке и говорит: «Я хочу съездить в Индию». Ей говорят: «Мадам Рабинович, ну зачем вам ехать в Индию, на свете так много красивых мест, поезжайте лучше во Францию или в Италию. А в Индии ужасный климат, грязь, некомфортабельные условия». — «Нет, — говорит мадам Рабинович, — я хочу поехать только в Индию». Ну, приезжает мадам Рабинович в Индию, а там пыль, грязь, через весь город течет река Ганг, а в ней стоит огромная очередь к Великому Гуру. «Я хочу попасть на прием к Великому Гуру», — говорит мадам Рабинович. «Вы что, с ума сошли, — говорят ей все окружающие, — к Великому Гуру надо стоять в очереди несколько дней под палящим солнцем, в реке, по которой плывут трупы и прочие гадости». «Что делать, — говорит мадам Рабинович, — я постою». Ну, стоит она в очереди несколько дней, вот уже скоро подойдет ее очередь, и тут служители Великого Гуру ей говорят: «Учтите, мадам Рабинович, вы можете сказать Великому Гуру только три слова». — «Хорошо, — говорит мадам Рабинович, — я скажу только три слова». И вот подходит мадам Рабинович к Великому Гуру, наклоняется к нему и говорит: «Нёма, поехали домой!»

Конец анекдота — всегда короткий, что усиливает эффект неожиданности, но, как это ни странно, существуют и стереотипные концы анекдотов. Очень часто серии анекдотов строятся по одной схеме, например, анекдоты про Штирлица, оканчивающиеся переинтерпретацией слова (*Дуло. Штирлиц закрыл окно, дуло исчезло; Штирлиц поставил чемодан на попа. Пастор Браун застонал*), или анекдоты про Вовочку и учительницу Марью Ивановну, заканчивающиеся фразой *Но ход ваших мыслей мне нравится*. Клишированным в более широком смысле этого слова является обыгрывание одного и того же свойства персонажа, например того, что *новые русские* плохо понимают русский язык. Существуют даже анекдоты с совсем разным началом и одинаковым концом:

Грузин купался и стал тонуть. Увидел прохожего, хочет позвать на помощь, но вот беда — забыл, как это сказать по-русски. А прохожий идет мимо. Тогда грузин набрался сил и кричит: «Последний раз купаюсь, обидно, да?»

Бедный студент купил на последний рубль несколько грецких орехов. Разбил один — а он пустой, одна скорлупа. Разбил другой —

а он тоже пустой, одна скорлупа. Разбил третий — то же самое. Разбил он последний орех, а оттуда вылезает червяк в большой кепке и говорит: «Обидно, да?»

Существуют анекдоты как бы без конца, только с зачином. В этом случае слушающий часто не понимает, в чем соль анекдота, и ждет продолжения. Тогда рассказчику приходится говорить: «Все» (*Мерседес остановился на красный свет. — Ну и что? — Все*).

Итак, анекдот — это особый жанр русской устной речи, текст анекдота жестко структурирован: определенным образом заданное, часто стереотипное начало, ограниченный набор персонажей, которые характеризуются определенными языковыми масками и клишированными деталями одежды, аксессуарами и пр., и, наконец, следующий определенным правилам и тем не менее неожиданный конец. Суть анекдота остается в подтексте, это то, что составляет соль анекдота. Внутри жесткой схемы анекдота — неисчерпаемое разнообразие текстов. Сами отступления от жесткой схемы текста анекдота тоже создают комический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

- Китайгородская, Розанова 1999 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Шмелева, Шмелев 2000 — *Шмелева Е., Шмелев А.* Клишированные формулы в современном русском анекдоте // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000.
- Attardo, Chabanne 1992 — *Attardo S., Chabanne J.-Ch.* Jokes as a text type // *Humor* 5-1/2. 1992. S. 165-176.
- De Beaugrande, Dressler 1981 — *De Beaugrande R., Dressler W.* Introduction to Text Linguistics. N. Y., 1981.
- Lefort 1992 — *Lefort B.* Structure of Verbal Jokes and Comprehension in Young Children // *Humor* 5-1/2. 1992. S. 149-163.
- Raskin 1985 — *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht, 1985.

Е. Б. ЯКОВЕНКО

ЖИЗНЬ: НАЧАЛО И КОНЕЦ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ)

Библия, как никакой другой памятник, дает представление о начале и конце многого: начале и конце пути, начале и конце любви, начале веры и конце безверия, начале мира и конце света... Начало и конец жизни — рождение и смерть — занимают в Библии немаловажное место.

В христианстве выработаны четкие представления о рождении и смерти, но можно попытаться взглянуть на эти понятия глазами лингвиста, т. е. определить, какими языковыми знаками они выражены, и описать свойства этих знаков. В этих целях мы проанализировали употребление слов *birth*, *Geburt* «рождение», *bare*, *gebären* «рождать», *death*, *Tod* «смерть» и *die*, *sterben* «умирать» в ряде английских и немецких переводов Библии: The Holy Bible (The Authorized (King James) Version), American Standard Version (1901), Anglo-Rheimish Bible (Douay Bible) (католический перевод, выполненный с Вульгаты, впервые вышедший в 1582 г.), The Holy Bible с поправками Уэбстера (1833), Weymouth's New Testament (первое издание — 1909), Darby Bible Translation (первое издание — 1890), Young's Literal Translation (1898), The New International Version (1999), Good News Bible (1999), Lutherübersetzung (1534), Elberfelderübersetzung (1850), Gute Nachricht — Neues Testament für Sie (1999). К анализу были также частично привлечены слова *life*, *Leben* «жизнь» и *live*, *leben* «жить».

Указанные переводы восходят к разным источникам, выполнены в разных целях отдельными переводчиками или коллективами, распространяются в разной культурной и религиозной среде. Как следствие этого между ними существуют определенные лексические (и, безусловно, многие другие) различия. Тем не менее, как выяснилось, эти различия минимальны, когда речь идет об указанных понятиях; неощутимы они и при межъязыковом сопоставлении. Поэтому в данной работе библейские представления о начале и конце жизни описываются безотносительно какого-либо перевода. Ввиду ограниченного объема работы примеры приводятся лишь из двух, но, на наш взгляд, наиболее значимых переводов: King James Version и Lutherübersetzung.

В Библии рождению и смерти уделяется неравное внимание. О рождении говорится значительно реже и в основном в связи со следующими моментами. Сам процесс родов в Библии не описывается, но мы узнаём множество сопутствующих ему деталей. Так, женщины того времени рожали на коленях (1 Цар 4:19) или на специальном стуле (Исх 1:16). Они обращались за помощью к повивальным бабкам, но часто, в случае быстрых и, вероятно, не слишком болезненных родов, обходились без них (Исх 1:17–21).

Любопытным покажется описание «гигиенической обработки» новорожденного (в те времена в качестве присыпки использовалась соль):

And as for thy nativity, in the day thou wast born thy navel was not cut, neither wast thou washed in water to supple thee; thou wast not salted at all, nor swaddled at all (Ezek 16:4) =

= Bei deiner Geburt war es so. Am Tag, als du geboren wurdest, wurde deine Nabelschnur nicht abgeschnitten; auch hat man dich nicht mit Wasser gebadet, damit du sauber würdest, dich nicht mit Salz abgerieben und nicht in Windeln gewickelt (Hes 16:4).

Древним женщинам были известны и выкидыши (Исх 21:22), и рождение мертвого ребенка (Числ 12:12). В Библии дважды сообщается о смерти женщины при родах: это смерть жены Иакова Рахили и смерть жены Финееса, имя которой неизвестно. Боль и муки в родах, как известно, были ниспосланы женщине в наказание за первородный грех:

Unto the woman he said, I will greatly multiply thy sorrow and thy conception; in sorrow thou shalt bring forth children (Gen 3:16) =

= Und zum Weibe sprach er: Ich will dir viel Mühsal schaffen, wenn du schwanger wirst; unter Mühen sollst du Kinder gebären (1 Mose 3:16).

Вероятно, по этой причине в Ветхом Завете роды часто выступают в качестве метафорического изображения бед Израиля:

Now why dost thou cry out aloud? is there no king in thee? is thy counsellor perished? For pangs have taken thee as a woman in travail.

Be in pain, and labour to bring forth, O daughter of Zion, like a woman in travail: for now shalt thou go forth out of the city <...> and thou shalt go even to Babylon: there shalt thou be delivered; there the Lord shall redeem thee from the hand of thine enemies (Mi 4:9–10) =

= Warum schreist du denn jetzt so laut? Ist kein König bei dir? Und sind deine Ratgeber alle hinweg, daß dich die Wehen erfassen wie eine in Kindsnöten?

Leide doch solche Wehen und stöhne, du Tochter Zion, wie eine in Kindsnöten; denn du mußt zwar zur Stadt hinaus <...> und nach

Babel kommen. Aber von dort wirst du wieder errettet werden, dort wird dich der Herr erlösen von deinen Feinden (Mi 4:9-10).

И в Ветхом, и в Новом Завете большое внимание уделяется и социальной значимости деторождения: многодетность уважалась (Быт 30:20), бездетность считалась позором и несчастьем. Поэтому позднее рождение ребенка воспринималось как дар свыше, и весть о нем нес ангел или пророк.

В Новом Завете, за исключением стихов-цитат из Ветхого Завета, о рождении детей в целом не говорится. Тем не менее мы обнаруживаем здесь прекрасные слова из Евангелия от Иоанна:

A woman when she is in travail hath sorrow, because her hour is come: but as soon as she is delivered of the child, she remembereth no more the anguish, for joy that a man is born into the world (John 16:21) =

= Eine Frau, wenn sie gebiert, so hat sie Schmerzen, denn ihre Stunde ist gekommen. Wenn sie aber das Kind geboren hat, denkt sie nicht mehr an die Angst um der Freude willen, daß ein Mensch zur Welt gekommen ist (Jo 16:21).

Знаком свыше отмечено рождение Иоанна Предтечи (Лук 1:5-25, 57-66).

Рождение Иисуса излагается весьма лаконично:

And so it was, that, while they were there [in Bethlehem], the days were accomplished that she should be delivered.

And she brought forth her first-born son, and wrapped him in swaddling clothes, and laid him in a manger; because there was no room for them in the inn (Luke 2:6-7) =

= Und als sie dort waren, kam die Zeit, daß sie gebären sollte.

Und sie gebar ihren ersten Sohn und wickelte ihn in Windeln und legte ihn in eine Krippe; denn sie hatten sonst keinen Raum in der Herberge (Lk 2:6-7).

Лишь дальнейшее развитие христианской мысли и традиций позволяет осознать всю значимость этого события.

В Новом Завете возникает иное понимание рождения: это «новое рождение» при крещении:

Except a man be born again, he cannot see the kingdom of God. <...>

Except a man be born of water and of the Spirit, he cannot enter into the kingdom of God. <...>

Ye must be born again (John 3:3, 5, 7) =

= Es sei denn, daß jemand von neuem geboren werde, so kann er das Reich Gottes nicht sehen. <...>

Es sei denn, daß jemand geboren werde aus Wasser und Geist, so kann er nicht in das Reich Gottes kommen. <...>

Ihr muß von neuem geboren werden (Jo 3:3, 5, 7).

Оппозиция «рождение — смерть» в Библии отсутствует: человеку лишь указывается, что его не-жизнь до рождения смыкается с не-жизнью после смерти:

...Dust thou art, and unto dust shalt thou return (Gen 3:19) =
= ...Du bist Erde und sollst zu Erde werden (1 Mose 3:19).

Место оппозиции «рождение — смерть» занимает оппозиция «жизнь — смерть», гораздо более значимая. В Библии говорится о множестве различных смертей: это и естественное угасание, и гибель в сражении, и смерть во время стихийного бедствия, и казнь... Однако на первый план выступает не сам факт смерти, а отношение к ней. Оно различно в Ветхом и Новом Завете.

Ветхозаветный человек достаточно высоко ценит жизнь, бережет ее, страшится смерти:

And, behold, as thy life was much set by this day in mine eyes, so let my life be much set by in the eyes of the Lord, and let him deliver me out of all tribulation (I Sam 26:24) =

= Und siehe, wie heute dein Leben in meinen Augen wert geachtet gewesen ist, so werde mein Leben wert geachtet in den Augen des Herrn, und er errette mich aus aller Not! (1 Sa 26:24).

Идеалом считается насытиться жизнью и умереть в преклонном возрасте в кругу семьи:

And Isaac gave up the ghost, and died, and was gathered unto his people, being old and full of days: and his sons Esau and Jacob buried him (Gen 35:29) =

= Und Isaak ...verschied und starb und wurde versammelt zu seinen Vätern, alt und lebenssatt. Und seine Söhne Esau und Jakob begruben ihn (1 Mose 35:29).

Сама смерть, несмотря на множество связанных с ней обычаев и ритуалов, не так уж значима для человека Ветхого Завета. Его гнетет не столько страх смерти, сколько осознание своей смертности:

For we must needs die, and are as water spilt on the ground, which cannot be gathered up again... (II Sam 14:14) =

= Denn wir sterben des Todes und sind wie Wasser, das auf die Erde gegossen wird und das man nicht wieder sammeln kann... (2 Sa 14:14).

Для ветхозаветного человека смерть означает разделение с Богом, уход в царство мертвых, куда не простирается рука Господня:

I said, I shall not see the Lord, even the Lord, in the land of the living, <...> for the grave cannot praise thee, death cannot celebrate thee: they that go down into the pit cannot hope for thy truth (Isa 38:11, 18) =

= Ich sprach: Nun werde ich den Herrn nicht mehr schauen im Lande der Lebendigen, <...> denn die Toten loben dich nicht, und die in die Grube fahren, warten nicht auf deine Treue (Jes 38:11, 18).

В царстве мертвых — мрак и пыль; его жители лишены способности видеть и знать и всеми забыты:

...The dead know not any thing, neither have they any more a reward; for the memory of them is forgotten. <...>

For there is no work, nor device, nor knowledge, nor wisdom, in the grave (Eccl 9:5, 10) =

= ...Die Toten aber wissen nichts; sie haben auch keinen Lohn mehr, denn ihr Andenken ist vergessen. <...>

Denn bei den Toten gibt es weder Tun noch Denken, weder Erkenntnis noch Weisheit (Pred 9:5, 10).

Человек Ветхого Завета осознает это и в глубине души противится этому:

O that thou wouldest hide me in the grave, that thou wouldest keep me secret, until thy wrath be past, that thou wouldest appoint me a set time, and remember me! (Job 14:13) =

= Ach daß du mich im Totenreich verwahren und verbergen wolltest, bis dein Zorn sich legt, und mir ein Ziel setzen und dann an mich denken wolltest! (Hi 14:13).

Так уже в Ветхом Завете возникает мысль о воскресении мертвых и возможности преодоления смерти через веру:

And many of them that sleep in the dust of the earth shall awake, some to everlasting life, and some to shame and everlasting contempt (Dan 12:2) =

= Und viele, die unter der Erde schlafen liegen, werden aufwachen, die einen zum ewigen Leben, die andern zu ewiger Schmach und Schande (Dan 12:2).

Thy dead men shall live, together with my dead body shall they arise... (Isa 26:19) =

= Deine Toten werden leben, deine Leichname werden auferstehen (Jes 26:19).

He [the king] asked life of thee, and thou gavest it him, even length of days for ever and ever (Ps 21:4) =

= Er [der König] bittet dich um Leben; du gibst es ihm, langes Leben für immer und ewig (Ps 21:5).

Но настоящая революция в понимании жизни и смерти совершается только в Новом Завете. Жизни во плоти, естественной, говоря словами апостола Павла, «душевной», противостоит жизнь духовная:

...To be carnally minded is death; but to be spiritually minded is life and peace (Rom 8:6) =

= Aber fleischlich gesinnt sein ist der Tod, und geistlich gesinnt sein ist Leben und Friede (Rö 8:6).

For if ye live after the flesh, ye shall die: but if ye through the Spirit do mortify the deeds of the body, ye shall live (Rom 8:13) =

= Denn wenn ihr nach dem Fleisch lebt, so werdet ihr sterben müssen; wenn ihr aber durch den Geist die Taten des Fleisches tötet, so werdet ihr leben (Rö 8:13).

Под 'жизнью' (*life, Leben*) понимается почти исключительно духовная жизнь:

...Strait is the gate, and narrow is the way, which leadeth unto life, and few there be that find it (Matt 7:14) =

= Wie eng ist die Pforte und wie schmal der Weg, der zum Leben führt, und wenige sind's, die ihn finden! (Mt 7:14).

Смерть не воспринимается более как разделение с Богом, если речь идет только о плотской смерти. Страшна лишь духовная смерть:

We know that we have passed from death unto life (1 John 3:14) =

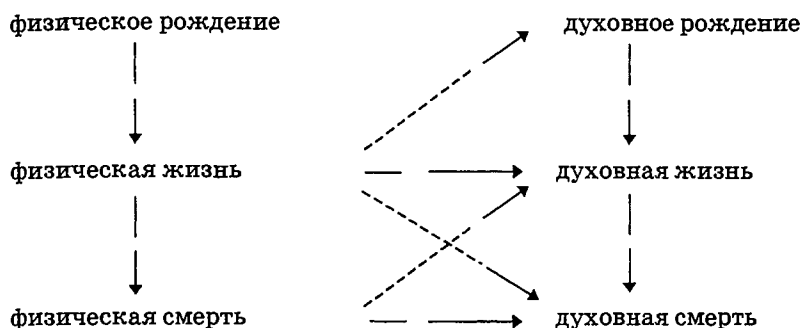
= Wir wissen, daß wir aus dem Tod in das Leben gekommen sind (1 Jo 3:14).

And fear not them which kill the body, but are not able to kill the soul: but rather fear him which is able to destroy both soul and body in hell (Matt 10:28) =

= Und fürchet euch nicht vor denen, die den Leib toten können; fürchet aber viel mehr vor dem, der Leib und Seele verderben kann in der Hölle (Mt 10:28).

Таким образом, на смену простой последовательности «рождение — жизнь — смерть» в Новом Завете приходит более сложная связь анализируемых понятий. Физическое рождение — лишь определенная веха, оно не связано напрямую с духовным рождением, которое может произойти в физической жизни человека или в момент умирания. За духовным рождением, или перерождением, следует духовная жизнь, опять-таки совпадающая или не совпадающая с жизнью физической. Но если физическая жизнь имеет естественный предел, духовная жизнь, то есть жизнь во Христе, вечна. Она не может завершиться духовной смертью. Что касается духовной смерти, то она может наступить и в момент физической смерти. Но для тех, кто сознательно отказывается от спасения во Христе, она наступает при жизни. Человек, упорствующий в своем неверии и нераскаянии, духовно мертв.

Схематически связь между указанными понятиями может быть выражена следующим образом:

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод, что содержание христианских (с учетом источника правильнее было бы сказать библейских) понятий «рождение», «жизнь» и «смерть» не только не совпадает с содержанием соответствующих наивных понятий, но и в определенной степени ему противоречит. С лингвистической точки зрения это достаточно легко объяснить привычными формулировками: «особенности функционирования понятий в определенном дискурсе», «возникновение новых признаков у данных концептов» и т. д. Но для огромных масс верующих во всем мире это означает гораздо большее: преодоление страха перед физической смертью, возможность спасения, надежду на милость Божию и веру в жизнь вечную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers. Berlin, Altenburg, 1991.
2. Biblische Begriffskonkordanz. Bearb. von H. Langenberg. Württemberg, 1976.
3. Holy Bible. The Authorized (King James) Version. The Gideons International, 1978.
4. Wörterbuch zur Bibel. W. H. Schmidt, G. Delling. Hamburg; Zürich, 1971.

Е. В. ВЕЛЬМЕЗОВА

НАЧАЛО И КОНЕЦ В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ЧЕШСКОГО ЗАГОВОРА

В первой половине двадцатого века заговоры в целом занимали в теоретических работах по фольклористике довольно скромное место по сравнению с произведениями других фольклорных жанров. Этим во многом и объясняется то, что исследования заговорного материала — в частности, во многих славянских традициях — нередко оказывались не охваченными основными тенденциями, свойственными «духу времени» в фольклористике. Речь идет прежде всего о типологических и компаративных исследованиях (в основном коснувшихся жанра сказок) как продолжении и развитии работ, у истоков которых стояли финский ученый А. Аарне и американец С. Томпсон [АТ], русский фольклорист В. Пропп [Пропп 1928; Пропп 1946], а в Чехии и Словакии — В. Тилле [Tille 1929–1931] и Й. Поливка [Polívka 1923–1931; Polívka 1932]. Эти работы связывались с выделением и анализом семантико-структурных элементов произведений определенного жанра при сравнении соответствующих текстов, взятых из нескольких этнотрадиций (желательно, чтобы последних для исследования было привлечено как можно больше).

Вместе с тем очень не многие другие фольклорные жанры представляют в этом смысле столь же благодатное поле для исследований, как заговоры. Все дело здесь — в строгом следовании композиционной структуры заговорного текста сложившемуся однажды канону. Вот что писал в этой связи один из крупнейших специалистов по заговорам начала века Н. Ф. Познанский: «Ни в одном виде народной словесности не господствует в таких размерах шаблон, как в заговорах. <...> Большинство заговоров создано по раз установившейся схеме, с определенными приемами»

[Познанский 1995, 75]. Это объясняется прежде всего практической неизменностью структуры заговорных формул во времени. Обратному препятствует сам сакральный характер этих текстов, ведь поменять хотя бы одно слово в заговоре означало бы для того, кто его использует, сделать недействительным *весь* текст, лишить заговор приписываемой ему магической силы. Оказывается, таким образом, что набор формул и мотивов заговорного текста ограничен и относительно постоянен, обнаруживая к тому же и черты многочисленных схождений в различных фольклорных традициях — посвященные этой проблематике исследования в основном датируются уже более поздним временем (см.: [Топоров 1969; Заговор 1993; Топорова 1996; Кляус 2000] и др.).

Пойдет об этом речь и в нашей заметке. А именно, мы попытаемся показать — на примере заговорных текстов чешской традиции — специфическую семантико-прагматическую наполненность *начала* и *конца* как особых точек заговора.

Прежде всего, именно *начало* и *конец* заговорных текстов в славянской традиции (и в структурном, и в содержательном плане) очень часто оказываются именно теми сакральными точками, где происходит встреча и соприкосновение христианских и языческих воззрений, неразрывная совокупность которых и образует магическую ткань заговора. В этом аспекте большой интерес представляет анализ заговоров у славян-католиков, где, в отличие от православной традиции, заговорные тексты подверглись гораздо более значительному влиянию христианских представлений и мотивов. Это выразилось прежде всего в том, что функцию заговоров во многом взяли на себя молитвы¹: ср. польское *modlitewka* как возможный синоним слова *zamówienie*. В чешской

¹ Близость понятий *заговор* и *молитва* уже неоднократно отмечалась и продолжает отмечаться исследователями: «Рядом со словами „заговор“, „Besprechung“, „zamówienie“, „incantation“ мы находим — „молитва“, „Segen“, „modlitewka“, „prière“, „oraison“. Очевидно, в этих названиях выразилось, что в глазах народа заговор и молитва различаются слабо» [Познанский 1995, 74]. Впрочем, о слабом различении данных двух жанров можно говорить в применении не только к простонародной среде. Практически так же обстоит дело и в среде исследователей заговоров: неразвитость научного аппарата при исследовании малых форм фольклора привела к отсутствию терминологической точности для понятий *заговор*, *заклинание*, *молитва*, *наговор* практически во всех изучаемых в настоящее время культурных традициях. Большинство попыток провести разграничение между заговором и молитвой делятся сегодня на две группы: 1) по структурным различиям соответствующих текстов; 2) по различиям функционально-прагматическим: «Заговор отличается... от молитвы, имеющей скорее профилактическую цель — предотвратить несчастье, угрожающее ее исполнителю» [Топорова 1996, 4].

же традиции эта связь представлена еще более очевидно. Одно из слов, обозначающих в Чехии заговоры, — *zažehnávání*. Оно восходит к глаголу *žehnat*, основное значение которого 'благословлять', 'осенять крестным знаменем'. Как можно видеть, уже сама внутренняя форма данного существительного говорит о неразрывной связи заговора с молитвой в чешской традиции. Кроме того, целые молитвы (*Otčenáš* «Отче наш», *Veřím v Boha* «Верую в Господа», *Zdrávas* «Богородице дево, радуйся» и др.) или их части входят в состав самих заговоров: показательно, что ими магические тексты могут либо *начинаться*, либо *заканчиваться*². Получается, таким образом, что именно в *начале* и в *конце* чешского заговорного текста оппозиция «христианский/языческий» полностью теряет свой привативный характер, а противопоставление языческих мотивов христианским стирается в наибольшей степени.

Что можно сказать о семантическом наполнении концептов 'начало' и 'конец' в чешском заговоре? На уровне плана выражения, в конкретных текстах, концепты реализуются определенным набором лексем, поэтому для наиболее полного и детального их представления был составлен — по методу, детально разработанному в отечественной традиции С. Е. Никитиной [Никитина 1993] — семантический тезаурусный словарь большинства самостоятельных слов, встречающихся в чешских заговорных текстах.

При этом было обнаружено, что все лексемы, относящиеся к семантическим полям «начало» и «конец», так или иначе связаны либо с заговаривающим (*počínati, začínati* 'начинать') — примеры см. далее, — либо называют или характеризуют Иисуса Христа (*bezměrný* 'бесмерный, бесконечный', *skončení* 'кончина, смерть', *počítí* 'начать', *dokonati* 'закончить' и т. д.): *Bezměrný Otec, nestvořený Otec, věčný Otec*...³ 'Безграничный, бесконечный Отец, вечный Отец' [Čižmař 1946, 31]; *zaříkávám všechny nácký kosti skrze Boha živého, na dřevě kříže umučeného, ztrat'te se, zmizte se, a neroste, jako nerostlo kámení od Krista Pána narození až do Božího skončení* 'заговариваю все навьи кости Богом живым, на деревянном кресте замученным, пропадите, исчезните и не растите, как не рос камень от рождения Господа Христа до смерти Божьей' [Novák 1930, 55]. Глаголы, называющие действия заговариваю-

² Приведем конкретные данные: из собранных и проанализированных нами 300 чешских лечебных заговоров 39 текстов (то есть более 10% всего корпуса) либо начинались, либо оканчивались молитвами [Вельмезова 1999, 9].

³ Во всех приводимых примерах из заговорных текстов сохранены орфография и пунктуация оригинального источника. (Выделение в цитатах наше. — Е. В.)

щего и относящиеся к семантическому полю «начало», либо являются перформативными, обозначающими начало процесса заговаривания (*začínám ve jménu Otce i Syna i Ducha svatého* 'начинаю во имя Отца, и Сына, и Духа святого' [Vondráček 1903, 244]; *zaručím já... nie zlú mocí, božjú mocí, s Krista Pána dopomocí* 'начинаю я... не злой силой, божьей силой, с помощью Господа Христа' [Černíka 1909, 234]), либо же вводят перформативные глаголы — обозначения магического процесса говорения, заговаривания, исцеления в целом (*žehnati* 'заговаривать', *vzývati* 'взывать', *zaháněti* 'прогонять', *lekovati* 'лечить', *dělati* 'делать', *slívati* 'сливать'): *Začínám žehnati, Boha Otce, Boha Syna, Boha Ducha vzývati* 'Начинаю заговаривать, к Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу взывать' [Košťál 1904, 173]; *já hříšná počínám (jméno nemocného) žehnati, zaháněti, ne svou mocí, ale s Pánem Ježíšem a jeho velebnou pomocí* 'я, грешная, начинаю Н.(умярек) заговаривать, прогонять, не своей силой, но с Господом Иисусом и его святой помощью' [Brůna 1913, 139]; *Bůh Otec, Bůh Syn, Bůh Duch svatý! Já počínám lekovati* 'Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух святой! Я начинаю лечить' [Smola 1885, 340].

Как можно видеть, именно через посредство лексем, принадлежащих к семантическому полю «начало», заговор проводит параллель между действиями заговаривающего, с одной стороны, и Иисуса Христа, с другой. Оба они *начинают* магические действия, направленные на исцеление от болезней: *Bože, ráčíš počíti, já N. počínám žehnati* 'Господи, ты изволишь начать, я Н. (умярек) начинаю заговаривать' [Vlasáková 1906, 202]; *ve jménu Boha Otce, Syna, Ducha sv. Pán Bůh počal, Pán Bůh počal, Pán Bůh počal a já za ním počínám pro poštipání vodu dělati* 'во имя Бога Отца, Сына, Духа святого. Господь Бог начал, Господь Бог начал, Господь Бог начал, а я за ним начинаю готовить воду, чтобы лечить укус' [Křemen 1910, 382].

Это сопоставление действий (а значит, и качеств) Иисуса Христа и заговаривающего позволяет растягивать магические возможности последнего до бес-*конечности*: в своем конкретном исполнении заговор каждый раз заново приобретает мистическую силу, благодаря возможности все время возводиться к однажды *начавшемуся* сакральному «мифическому прадействию», по выражению М. Элиаде. Говоря о способах преодоления линейного восприятия времени («профанного времени») в современных ему обществах, исследователь называл среди них молитвенную — или же ритуальную вообще — деятельность. Дело в том, что в любой молитве (как и в заговорном действии) так или иначе происходит

уподобление человеческих деяний соответствующим актам космогонии, действиям могущественных сверхъестественных существ — которые являются и будут являться впоследствии образцом для всех человеческих обрядов и сколь бы то ни было существенных видов профанной, обыденной деятельности: «В проявлениях своего сознательного поведения „первобытный“, архаический человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком. То, что он делает, уже делалось. Его жизнь — непрерывное повторение действий, открытых другими»⁴ [Элиаде 1987, 33].

Все это прослеживается и на примерах заговорных текстов: проводимый в них параллелизм действий их конкретных исполнителей и сверхъестественных существ (будь то — в зависимости от конкретной традиции — боги, культурные герои или мифологические предки) связывает их в нашем сознании с циклическим, мифологическим временем, соединяющим в себе сами понятия *начала и конца*.

ЛИТЕРАТУРА

- Вельмезова 1999 — *Вельмезова Е. В.* Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор. Опыт исследования семантической структуры. Канд. дисс. ... филол. наук. М., 1999.
- Заговор 1993 — Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.
- Кляус 2000 — *Кляус В. Л.* Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. М., 2000.
- Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Познанский 1995 — *Познанский Н. Ф.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.
- Пропп 1928 — *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л., 1928.
- Пропп 1946 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Топоров 1969 — *Топоров В. Н.* К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. IV.
- Топорова 1996 — *Топорова Т. В.* Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996.

⁴ Ср. приводимые Элиаде в этой связи индийские пословицы: «Так делали боги, так делают люди»; «Мы должны делать то, что делали вначале боги».

Элиаде 1987 — *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.

AT — The Types of the Folktale. A classification and bibliography Anti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / Translated and enlarged by S. Thompson // Folklore Fellows Communications. Helsinki, 1961. V. 74. № 184.

Brůna 1913 — *Brůna R.* Zaříkadla z Neveklovska // Český lid, 1913.

Černika 1909 — *Černika J.* Zpěvy moravských kopaničárů // Český lid, 1909.

Čižmář 1946 — *Čižmář J.* Lidové lékařství v Československu. Brno, 1946. Sv. 2.

Koštal 1904 — *Koštal J.* Zaříkávání na všechny nemoci // Český lid, 1904.

Křemen 1910 — *Křemen J.* Zaříkávání a čarování řičící ve Vavřinci u Uhl. Janovic // Český lid, 1910.

Novák 1930 — *Novák O.* Lidová zaříkadla nemocí na Přešticku // Český lid, 1930.

Polívka 1923–1931 — *Polívka J.* Súpis slovenských rozprávok. Martin, 1923–1931. D. 1–4.

Polívka 1932 — *Polívka J.* Slovanské pohádky. Praha, 1932.

Smola 1885 — *Smola J.* Lékovadla či zaříkavadla // Květy, 1885.

Tille 1929–1931 — *Tille V.* Soupis českých pohádek. Praha, 1929–1931. D. 1–2.

Vlasáková 1906 — *Vlasáková J.* Zažehnávání dětí ze Žiželic n. Cidlinou // Český lid, 1906.

Vondráček 1903 — *Vondráček A.* Zaříkání proti souchotinám z Hořovicka // Český lid, 1903.

О. А. КАЗАКЕВИЧ

НАЧАЛО И КОНЕЦ В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

В статье рассматриваются фольклорные тексты северных селькупов, записанные на протяжении почти восьми десятков лет (1925–2001 гг.) на всей территории их расселения (Красноселькупский и Пуровский районы Ямало-Ненецкого автономного округа и Туруханский район Красноярского края). В материале представлены следующие жанры: богатырские и шаманские легенды, волшебные сказки, бытовые сказки, автобиографические рассказы¹. В нашу задачу входит анализ зачинов и концовок текстов и выявление их жанровой, локальной и временной специфики.

Начало

Начало селькупского фольклорного текста в очень большой степени стандартизовано. Зачастую это своеобразная экспозиция, знакомящая слушателей с героями повествования.

Простейший способ такого знакомства — перечисление героев, задание их списком без каких бы то ни было утверждений

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 98-06-80100 «Автоматический тезаурус фольклорных текстов северных селькупов»).

¹ Анализируемый материал состоит из следующих шести корпусов: 1) 12 текстов, записанных Г. Н. Прокофьевым в пос. Янов Стад Туруханского района Красноярского края в 1925–1928 гг. (два текста опубликованы в [Прокофьев 1935, 101–103], остальные взяты из архива Л. А. Варковицкой); 2) 94 текста, записанные Л. А. Варковицкой в 1941 г. на Верхней и Нижней Баихе Туруханского района (архив Л. А. Варковицкой, описание см. в [Кузнецова, Хелимский 1989]); 3) 28 текстов, записанных участниками селькупских экспедиций отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова в поселках Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 1970–1977 гг. (опубликованы в [Кузнецова и др. 1993]); 4) 16 текстов, записанных автором в поселках Ратта, Толька и Красноселькуп Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 1996 г. (опубликовано три текста этого корпуса [Казакевич 2000а, 81–89], русский перевод еще двух текстов опубликован в [Казакевич 1998]); 5) 25 текстов, записанных автором в поселках Совречка, Фарково и Бакланиха Туруханского района в 1998–1999 гг.; 6) 26 текстов, записанных автором в пос. Толька Пуровская и Тарко-Сале Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2000–2001 гг.

на их счет². В этом случае начало текста напоминает список действующих лиц пьесы: *Ukkur tātqum, ukkur ijaty aj ukkur nāl'aty* 'Один купец, один сын его и одна дочь его' (Прок. № 5); *Šitty timñasyqäqu* 'Два брата' (Баиш. № 3); *Täturu aj okkur timñaty* 'Шаман и один брат его' (Баиш. № 9); *Qällyk nasary qur, okkur mōtyr, okkur šölqumyl' mōtyr, šölqumyl' mōtyr* 'Юраки тридцать человек, один богатырь, один селькупский богатырь, селькупский богатырь' (Баиш. № 26); *Sōtenka titykija šitāqu* 'Птичка, птенец — двое' (Баиш. № 75). Однако списочные зачины встречаются не слишком часто и исключительно в текстах, записанных в 1920–1940-е гг., в более поздних записях их практически нет.

Самой распространенной формой зачина, вводящего слушателей в контекст повествования, является сообщение о том, что некто (тот, о ком далее будет идти речь, герой), жил³. При этом нередко приводятся также краткие сведения о составе его/ее семьи, а иногда и о социальном и/или материальном положении. В результате начало текста становится похожим на выписку из домовой книги: *Ukkur imakota iylmynDy katsatysä* 'Одна старуха жила, видно, с внуком' (Прок. № 2); *Nōqyr timñasy ilynDōtyt* 'Три брата жили' (Прок. № 4); *ōmtyl' qok iylmra* 'Царь жил' (Баиш. № 5); *Nōqyr timñasyqä iylmraōt* 'Три брата жили' (Баиш. № 10); *Rus ira iylmryga ej okkur ijaty* 'Русский старик жил и один сын его' (Баиш. № 12); *Nomal Porqu ira na iylmmynty. Selcy ijaty, selcy āmnāty eppynyty* 'Старик Нёмаль Поркы (Заячий Тулупчик) жил. Семь сыновей у него, семь снох было' (Таз МГУ № 20); *Ica iylmra imylantysä* 'Ича жил с бабушкой' (Таз МГУ № 8); *Ira iylmra. Šitty nāl'aty eppynyty* 'Старик жил. Две дочки у него были' (Таз МГУ № 1); *Ukkur qum iylmmynty, ukkur ijaty, ukkur imaty, nōkyr āsāsyty. Tattak eppanty* 'Один человек жил, один сын у него, одна жена, вместе с отцом трое. Богатый был' (Таз МГУ № 2); *Pumra nātānka, epra nāl'aty, epra ija'aty* 'Жила нэтэнка (женщи-

² Справедливости ради следует отметить, что среди наименований селькупских фольклорных героев имена собственные — довольно большая редкость. Обычное наименование героя — это указание на его половозрастную (*ija* 'мальчик, парень', *ima* 'женщина', *ira* 'мужчина') и/или этническую (*šöl'qum* 'селькуп', *qällyk* 'ненец') принадлежность либо внутрисемейную (*nāl'a* 'дочь') или социальную (*tāturu* 'шаман') роль, и таким образом, назвать героя уже означает дать о нем некоторые дополнительные сведения.

³ Глагол *ilygo* 'жить' — один из самых частотных глаголов селькупских фольклорных текстов, причем встречается он в основном в начале и в конце текстов.

на), была у нее дочь, был у нее сынишка' (Таз МГУ № 3); *Ica ilympa pelykōlyk* 'Ича жил один' (Таз МГУ № 9); *Iltyk ilympa, wəqy tətyru* 'Ильтак жил, большой шаман' (Таз МГУ № 24); *Pimprōqu topurlaka aj nūtyllaka* 'Жили ягодка и соломинка' (Только Пур. № 2); *Irajmūxāχi ilimyntōχi* 'Старик со старухой жили' (Только Пур. № 16) и т. д. В одном единственном случае текст начинается с сообщения о том, что жил некто, без уточнения, кто же этот некто такой: *Panū* 'Жил (он)' (Баиш. № 1).

Знакомство с героями, необходимое в сказках и легендах, абсолютно излишне в автобиографических рассказах. Там главным героем всегда является сам рассказчик, а основным элементом экспозиции, вводящим в контекст повествования, как правило, служит указание на место. Собственно, место может выступать в качестве дополнительного элемента экспозиции и в других жанрах, но это бывает сравнительно редко: *Šōtqyn ilympanū ima* 'В лесу жила женщина' (Таз МГУ № 7); *Imaqota ilymtynty cu' mōtqyt* 'Старуха жила в землянке' (Таз МГУ № 16); *Irajmūxāχy il'imyntōχi xol tōj pelāχyn* 'Старик со старухой жили на той стороне (большой) реки' (Только Пур. № 16); *Okkyr ira ilympuṇa, ontyqyt ilympuṇa* 'Один старик жил, у себя жил' (Баиш. № 62).

Для автобиографических рассказов указание на место абсолютно обязательно, причем нередко место указывается с большой точностью: *Man ukōn ilisaṇ nāryqu' cōryn āququyt* 'Я раньше (давно) жила на Тальниковой протоке' (Нов. Таз № 3); *Mē il'isōmyn ukōt Blutna āquyt. Təttak l'iptāmyn cāṇka* 'Мы жили давно на устье (реки) Блудной. Небогато жили' (Совречк. № 1); *Qapī il'isak šōtqyn, qarija. štas' il'isaṇ* 'Ну, жила в лесу, вроде. С оленями жила' (Нов. Таз № 1).

Указание на время в зачине сказок и легенд встречается не слишком часто, причем преимущественно в поздних записях. Временной маркер может подчеркивать исключительную давность события, о котором собирается поведать рассказчик: *Is'ecarāqyt Kaks'a aj pulykytyl' timñaty aj okkyr qasak* 'В давности Какса и бесколенный брат его и один казак' (Баиш. 20); *Išecarā captāt moqonāt, na ilympōt старик со старухой, imaqota iraqotan apti ilympōtyn* 'Давным-давно жили старик со старухой, старик со старухой жили' (Фарк. № 14); *Ukkōt tō moqonāt qaj kyt qanyqyt iraqotalipa ilympa* 'Давным-давно что ли на берегу реки старик жил' (Фарк. № 5). Кроме того, в современных записях в зачине нескольких текстов в экспозиции используются временные наречия со значением 'однажды': *Ukkur pōr ilympa imaqota, nūny iralīru* 'Однажды (один раз) жила старуха, потом старик' (Таз

МГУ № 27); *Ukkur cōntaxyn ilimpōqu topyrlaka aj nūtytquja* 'Однажды жили ягодка и соломинка' (Толька Пур. № 13)⁴. Что касается автобиографического рассказа, то в его зачине информация о времени наличествует практически всегда. Поскольку рассказчики вспоминают прошлое, самым частым временным маркером является наречие *ukōt* 'раньше': *Mē ilisōmyn ukōt Blutna 5qyut* 'Мы жили раньше (давно) на устье (реки) Блудной' (Совречк. № 1); *Mē nil' Dzik ilysōmyn ukōt* 'Мы так жили раньше' (Совречк. № 2).

Описание событий, составляющих сюжетную канву повествования, начинается, как правило, после экспозиции: *Ickyca ilympa imyl'anty ąpti. Māccā koralā qanpa antysā* 'Ичакыча жил со своей бабушкой. В лес охотиться поехал на ветке (на челноке)' (Таз МГУ № 5); *Ukkur imakota ilymmyndy katsatysā. Ukkur tap tatty conDōqyt ūtyn 5mDōtyt. UkkurconDōqyt pōqyny mōtty ukkur imakota na šereinDy* 'Одна старуха жила, видно, с внуком. Однажды вечером сидят. Вдруг с улицы в чум одна старуха вот вошла' (Прок. № 2). Однако примерно в четверти текстов вводная часть (представление героев) отсутствует, и слушатель сразу погружается в поток событий, где ему приходится по ходу дела разбираться, с кем (а возможно, также где и когда) все эти события происходят: *Kory laka' mōtyr tūga. Mōtty šōlqumyl' yntyty mōtan 5kty tāta'lyty* 'Песчаный богатырь пришел. К чуму, селькупский лук свой к отверстию чума приставил'. И т. д. (Байш. № 2); *Icākešicat imyl'myła, icākešikat imyła nākyryl' qorqyt qoryl' parGyp mēnyty* 'Ичакечики бабушка, Ичакечики бабушка из шкуры медведя пеструю парку сделала' (Байш. № 15); *Qumyt qamutyrrpōtyt* 'Люди шаманят в темном чуме' (Байш. № 16). Только так, «с места в карьер», начинаются все охотничьи истории, составляющие довольно однородный подкласс автобиографических рассказов. При этом в охотничьих историях обязательно дается довольно подробная информация о времени и/или месте происходивших событий: *Hu mē Momcyk qanuyut arat, arat oхотились и рыбачили* 'Ну, мы на берегу Момчика (название реки) осенью, осенью охотились и рыбачили' (Фарк. № 15). *Ukkur contōyyn mē koraγi surylla, qaγyusa ny koraγi* 'Однажды мы на охоту отправились, на нартах отправились' (Толька Пур. № 18).

⁴ Наречия времени *ukkur contōqyt* и *ukkur pōr* обычно встречаются в селькупских текстах при описании ключевых моментов развития сюжета. Их использование в экспозиции представляется инновацией, возникшей, возможно, не без влияния русского языка.

Конец

Концовки текстов делятся на две неравные части: содержательную и формальную, представляющую собой сигнал границы текста. Содержательная часть присутствует в тексте в обязательном порядке, пограничный сигнал имеется примерно в 75% рассмотренных текстов. Если содержательной части концовок соответствуют зачины текстов, то формальному сигналу конца текста в начальной позиции обычно ничего не соответствует, формальный сигнал начала текста в большинстве текстов отсутствует⁵.

Содержательная часть концовок более разнообразна, чем зачины. Она может включать: описание заключительных действий героев, описание наказания злодеев, описание счастливой жизни героев, наступившей после злоключений (иногда эта жизнь проецируется и на сегодняшний день — *'и теперь живет'*), описание общезначимого результата событий, формулировку морали, извлекаемой из повествования.

Заключительные действия героев сводятся, по сути, к двум основным типам: 1) расправа с врагами (злодеями) — *Nyny tyn-tena oñimty na qänty tattyt. Na qänty tattylä nyk tokkaltyty. Nyny nilcik kättyty «Tynty tötyšešik». Nyny tyn-tena qällyl mōtyryp konnä tattylä tyn-tena pimty sompyl piqyntu nyk tokkaltyty. Nilcik kättyty «Tat tynty antyl ucašik!»* 'Потом ту тетку к этой березе притащил. К этой березе притащив, так ее [на березу как на кол] насадил. Потом так сказал: „Тут березу собирай“. Потом того ненецкого богатыря на берег притащив, на ту осину, на поющую осину насадил. Так сказал: „Ты тут ветку (долбленную лодку) делай!“ (Баиш. № 35); *Tüŋa qällyl müton-ty. Mütyqolamna. Muntyk qäpnnyty. Nilcik kättyty «Äsä mīryp nōtna qättyty»* 'Приехал к ненецкой дружине. Воевать стал. Всех убил. Так сказал: „За отца моего (отца моего цену надо) убиваю я“ (Баиш. № 83); *Na ima karrä cōpsymtyntyj, cam laŋkyñña «Käcä! Qa sim loqoranty?» — «Qällä aj səŋkyl' tuntaš iral' mīrymqontāqo»* 'Эта женщина, к огню на рожне поставленная, только кричит: „Зять! Зачем меня (насадив на рожен) поставил?“ — „Иди, глухарей таскай за мужа своего расплатой!“; *Qällityf ni i-llä qätprat* 'Ненцев так побил' (Толь-

⁵ Лишь несколько текстов, записанных в последние годы, предваряются некоторым метатекстом-сигналом начала: *Mat capta kätentax. Ilimpōq! nōqyr ämā-syn* 'Я сказку расскажу. Жили трое: мать и двое детей'. В большинстве случаев этот метатекст рассказчик проговаривает по-русски: Ну вот еще. *Ukkur pōr Isakasyka s'ōtty korala qäpna* 'Ну вот еще [одна сказка]. Однажды Ичакэчика в лес охотиться пошел' (Фарк. № 7).

ка Пур. № 4); 2) возвращение домой или к сородичам, воссоединение семей — *Ätäsyqāqı toqunä qənnōqı* 'Мать и ребенок домой пошли' (Таз МГУ № 1); *Nyny timñaty toqunä qənnä* 'Потом брат его обратно пошел' (Баиш. № 3); *Pūt İckusa toqunä qənnä imyl'āqynty* 'Потом Ича домой пошел к своей бабушке' (Таз МГУ № 6); *Moqunä tülä nōty ilymBōqı aj warkymBōqı* 'Назад придя, впредь жили и были' (Прок. № 1); *ōmDāl qon nälär ilä toqunä qənnä* 'Царя дочь взяв, домой пошел' (Прок. № 3); *Ījaja mōt šerrēmpāny i əmyty, ĩjamty qol'cylä, raktympāny tərūny, nitalpaty* 'Мальчик в чум вошел и мать, сына увидев, побежала к нему, расцеловала' (Таз МГУ № 7).

Наказание злодеев может осуществляться как героями повествования (см. выше), так и некоей третьей — вполне возможно, нечистой — силой: *Nyny los ira qantēllä qıŋa* 'Потом черт старик замерзнув умер' (Баиш. № 15); *Los ira qımpa, qulcımpa* 'Черт старик пропал, умер' (Баиш. № 36); *Nyny tōmnenkap karrä mišallä innä corsegyt. Nyny pıryllä innä amnyty* 'Потом лягушку, схватив, вверх надел на рожень. Потом, поджарив, съел' (Баиш. № 8).

Жизнь может быть не только началом, но и концом повествования: *Nōty nymDy ilyqolamnōty* 'Впредь там жить стали' (Прок. № 7). Иногда круг повествования замыкается, начинаясь и заканчиваясь жизнью; претерпев всевозможные злоключения, герои остаются в этой жизни (в живых — это ли не счастье?): *Š'itty ira qımosāqāqy ilympōqy* 'Муж с женой жили' (начало) — *Nymt ilymqolamnōqy* 'Там жить стали' (конец) (Прок. № 9). Продолжение жизни может проецироваться на время рассказа ('и до сих пор живет'): *Ica ilympa imyl'antysä* 'Ича жил со своей бабушкой' (начало) — *Ica imat ilä nıny qənnä. I tamyt tatty tō ilynty imantysä* 'Ича, жену взявши, оттуда отправился. И до сих пор живет со своей женой' (конец) (Таз МГУ № 12); *Ica ily imyl'antysä* 'Ича живет со своей бабушкой' (начало) — *Icakycyca imyl'antysä i imaty tıŋa ilōtyt* 'Ичакычика со своей бабушкой и его жена сейчас вот живут' (конец) (Таз МГУ № 13). Хэппи-энд по-селькупски — это жена и богатство, символом которого служит олень. Богатая жизнь — это жизнь с оленями: *Nyny na ira soma ilyqolampra. Nyny na ira ātimty soma tərūmpat* 'Потом этот старик хорошо жить стал. Потом этот старик оленей своих хорошо держал' (Баиш. № 62).

Общезначимый результат событий описывается в мифических сказках и легендах, объясняющих возникновение живых существ и географических объектов, расселение племен, установление существующего порядка и т. д.: *Timol mannympyŋylyn — nenpyda nennar ejıŋa aj nımyra, na pınakos šımyjty nı til'tyrōty*

‘Сейчас, видите, комаров и мошек столько имеется, этого Пюна-коса пепел так летает’ (Толька Пур. № 6); *ej n̄nynty tī tatty natqo na qumylaŋ einDu. Na p̄j amuryj qum niŋ ɔŋmynty p̄ tīšqumpyla niŋ mēmpat* ‘И с тех пор теперь земля поэтому вот бугристая. Камнеед так сделал, когда изо рта его камни вылетали’ (Нов. Таз № 1); *Nyny por kanar illae cattuŋyt, niʼcyk kətuŋyt «Tat qumyt ampyl ləpsä amkylläl»* ‘Потом бог собаку вниз (на землю) сбросил, так сказал: „Ты людей объединенными костями впредь постоянно питайся“’ (Баиш. № 21); *N̄ny tammyt tatty qälyt mēly aš iccštyt mütylä. Tammyt tatty na ilyntštyt pōkytyl qantuŋyl tättöqyt* ‘Потом до сих пор ненцы всегда (= никогда) не приходят воевать. До сих пор живут в безлесной холодной земле’ (Таз МГУ № 20).

Хотя дидактические тексты для селькупского фольклора далеко не редкость, эксплицитная формулировка морали, извлекаемой из повествования, появляется в записях лишь начиная с 1970-х гг. и, таким образом, по-видимому, представляет собою некоторую инновацию: *Сет энä ej, сет энä ej kūnata, tap apstakojympät, ämtä kanam apstykšt somaŋ. Kūnamat apstenanty, onänty ilylä qalenanty* ‘Хотя бы даже, хотя бы даже и кунама (бродяга, черт), ты его всякий раз корми, даже собаку хорошо кормят. Кунаму накормишь, сам живым останешься’ (Нов. Таз № 2); *Nyny niʼcyk kətytī «Puskaj imakota nšty yku paŋcytytuyjä»* ‘Потом так сказали: „Пускай старуха впредь не жадничает“’ (Таз № 16); *Tēqanyn ūtyn саŋaj ni cüitštyn хот olä yku laŋkyññiyyilin yku selʼtyyyilin. Mannymruyyilin na ukkur ima mantu p̄pa ira innä pollaiyyty. хотyptäqun comykyx хотyyyilin* ‘Вам вечером только так говорят, чтобы вы сильно не кричали, не баловались. Смотрите, эту одну женщину, видите, медведь проглотил. Когда спать ложитесь, тихо спать ложитесь’ (Толька Пур. № 7).

После содержательной заключительной части примерно три четверти текстов имеют формальный сигнал конца, представленный ограниченным набором речевых формул, варьирующихся по говорам. Наиболее лаконичные и частые среди них — это *Морыту* ‘Конец, предел’ (встречается в записях, сделанных на Турухане в 1920-е гг. и на Верхней и Нижней Байхе в 1940-е гг.) и *Мунтык* ‘Всё’ (встречается в записях, сделанных на Тазу в 1970-е гг., но особенно часто в записях 1940-х гг., сделанных на Верхней и Нижней Байхе). Обе эти формулы могут быть распространены: *Nšty moryty* ‘Впредь конец’ (Прок. № 3, 6); *Nšt ni moryty* ‘Дальше вот конец’ (Прок. № 2); *Moryty naj enDa* ‘Конец вот’ (Прок. № 7); *Muntyk nainty captä* ‘Вся вот она есть сказка’ (Таз МГУ № 20); *Qällyl captä muntyk* ‘Ненецкая сказка вся’ (Баиш. № 3). Иногда

маркером конца служит информация об отсутствии чего-либо впереди: *Nõty sēlka* 'Впредь нет (ничего) = конец' (Толька Пур. № 6, 9). Может быть уточнено, чего именно впереди (больше) нет: *Nõty ðtyty cālka* 'Больше слов у меня нет' (Толька Пур. № 13). Два различных варианта пограничного сигнала могут сочетаться: *Nõty cālka. Moryty na enda* 'Впредь нет. Конец ее вот есть' (Прок. № 5). Маркером конца может быть информация об исчерпанности: *Na šünceisa* 'Это кончилось, исчерпалось = конец' (Толька Пур. № 2); *Nõty nymty šünceimpa* 'На этом кончилось, исчерпалось' (Толька Пур. № 11). Может также уточняться, что именно исчерпалось. Это или слова рассказчика — *atamy na šüncainty. Cāptām mup eja* 'Слово мое исчерпалось. Вот и вся сказка моя' (Толька Пур. № 10), или конкретная сказка — *Qon mytykaļ cāptā šünyntuŋa* 'Сказка о конмытыке кончилась' (Баиш. № 4); *Muntyk šünceinta Pajakolusaļ cāptā* 'Вся окончилась сказка о Паяколусе' (Баиш. № 82); *Koryļ lakaļ mōtyryļ cāptā muntyk šünceinta* 'Песочного богатыря богатырская сказка вся окончилась' (Баиш. № 2). Возможно совмещение указания на предел и на исчерпанность материала: *Moryty, šünčisyŋa kasyļ yntyļ cāptā* 'Конец, закончилась сказка о железном луке' (Баиш. № 83). Приведем еще некоторые единичные варианты сигнала конца: *Nīmyt tō najnty tō cāptā* 'До этого (досюда) вот она есть сказка' (Таз МГУ № 2); *Nõty qapī neinta* 'И это вроде все' (Толька Пур. № 8); *atykaļ eisampaļ* 'Без слов стала (осталась) я' (Толька Пур. № 3); *Nõty seimpa* 'Хватит' (Толька Пур. № 14).

Записи текстов, сделанные в последнее десятилетие на всей территории расселения северных селькупов, изобилуют вкраплениями русских фрагментов. Переключение на русский язык происходит прежде всего во всякого рода комментариях рассказчика (подробнее об этом см. [Казакевич 20006]). Пограничный сигнал конца текста как частный случай комментария сегодня чаще дается по-русски, чем по-селькупски: *Вот такая сказка; Вот и такая сказка; И вот и весь сказка; Ну вот; Это конец сказки; а иногда просто Ну и всё* (Фарк.) или *Вот и всё; И всё; Всё* (Нов. Таз); *Ну, всё, наверное; Всё* (Толька Пур.).

Фольклорный текст предназначен для устного воспроизведения и восприятия на слух. Важным элементом стратегии хорошего рассказчика является стремление сделать воспроизводимый им текст удобным для восприятия. Представляется, что организация зачинов и концовок большинства рассмотренных текстов является важной составляющей этой стратегии.

ИСТОЧНИКИ

Баиш. — Баишенский корпус

Нов. Таз — Новый Тазовский корпус

Прок. — Прокофьевский корпус

Совречк. — тексты, записанные в пос. Советская Речка

Таз МГУ — Тазовский корпус МГУ

Только Пур. — тексты, записанные в пос. Только Пуровская и Тарко-Сале

Фарк. — тексты, записанные в пос. Фарково

ЛИТЕРАТУРА

Казакевич 1998 — Казакевич О.А. Фольклорная традиция северных селькупов сегодня // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.

Казакевич 2000а — Казакевич О.А. Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. Материалы международной конференции «XXII Дульзовские чтения». Томск, 2000. Ч. III.

Казакевич 2000б — Казакевич О.А. Фольклорные тексты баишенских селькупов: 1941–1999 годы // Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки). Саранск, 2000.

Кузнецова, Хелимский 1989 — Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. Селькупские материалы в рукописном наследии Л. А. Варковицкой // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25. № 1.

Кузнецова и др. 1993 — Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. М., 1993.

Прокофьев 1935 — Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский язык). Л., 1935.

У ПОПА БЫЛА СОБАКА:
О ЛУКАВОЙ ПОЭТИКЕ ДОКУЧНЫХ СКАЗОК *

Впервые несколько текстов докучных сказок были опубликованы Владимиром Ивановичем Далем в 1862 г. в сборнике «Пословицы русского народа» (разделы «Докука» и «Приговорки-прибаутки»). В скобках после текстов указывался их жанр — «докучливая сказка»: *Жил-был журавль да овца, накосили они стожок сенца — не сказать ли опять с конца?; Был себе Яшка, на нем серая рубашка, на голове шапка, под ногами тряпка: хороша ли моя сказка?* (цит. по: [Даль 1957, 627, 979]). В Словаре В. И. Даля приводится толкование слова *докучать* 'надоедать, просить неотступно, кланяться, упрашивать... приставать, кучиться кому... дойти кучась [= прося] до каких последствий'. *Докучный* 'докучающий просьбами, наводящий скуку': *Полно тебе докучную сказку сказывать, надоедать все одним. Это докучная сказка, бесконечная* [Даль 1955, 459].

Исследованием докучной сказки занимались известные ученые, фольклористы и этнографы — А. Ф. Можаровский, А. Н. Афанасьев, Н. П. Колпакова, А. И. Никифоров. Особое внимание в работах этих и других авторов уделяется созданию различных типологий докучной сказки, где за основу берется формальный (выделение сказок-коротушек, усеченных сказок и т. д.) или функциональный принцип классификации (сказки-шутки, сказки-издевки) [Амроян 1996].

Главное в докучной сказке, как отмечают ее исследователи, это то, что она «ненастоящая»: «Ты настоящую расскажи!» — просит слушатель. «Ненастоящая» сказка «одевается» в поэтические формулы волшебной сказки, используя, например, традиционный зачин: *Жил-был царь, У царя был двор; Жил-был старик со старухой У самого синего моря; Жил-был царь Ватута...* А потом следует саморазоблачение «ненастоящей» сказки: *И вся сказка тута.*

Многие исследователи рассматривают докучную сказку как пародию, причем не на смысл, а на установившиеся нормы сказочной техники: на зачины, присказки и концовки, на такие фор-

* В статье используются записи из личного архива автора по материалам фольклорных экспедиций 1984–1987 гг. «Русские села Татарии» (под руководством проф. Н. И. Савушкиной).

мульные принципы сказки, как повторяемость ее структурных элементов и т. п. [Никифоров 1932; 1961]

Докучная сказка — веселая отговорка, испытанный прием, помогающий уставшему рассказчику отбиться от надоедливых «охотников до сказок». Традиционным стало замечание о безобидной шутливости докучной сказки (см. работы указ. авторов).

Однако многие из исследованных и действительно веселых, безобидных текстов представляют собой лишь вершину «докучного» айсберга. Его внушительное основание составляют тексты, которые по своей непристойности, пошлости образов и грубости выражений сопоставимы с текстами «заветных» сказок, похабных частушек и загадок. И здесь приходится рассматривать докучную сказку во всем ее разнообразии — от 1) безобидно шутливых, «робячьих», по выражению А. Н. Афанасьева, до 2) «грубых», цинично-вульгарных текстов. Ср.:

1. Жил-был царь Ватута и вся сказка тута; Стоит домишка пряничный, Изюмом разукрашенный, Блестит при свете месяца. Дверь из леденца, Не сказать ли с конца?..; Протекает речка, Через речку мост, На мосту овечка, У овечки хвост, На хвосте мочало, Рассказать сначала?..

2. Жил-был царь Додон, Обос...ал себе ладонь; Жил-был Тороча, У него одна нога короче; Шел он в гумно, ступил в г...но. Кто просил сказку рассказать, Тому слизать. Расскажу тебе сказку, Как дед нас...ал в коляску И поставил в уголок, Чтоб никто не уволок¹.

Непристойность докучных сказок не объяснить лишь присущей народной речи (или речи подростков, в среде которых и бытуют такого рода сказки) грубостью. Как представляется, само желание обмануть, рассказать «ненастоящую» сказку переводит человека из мира культуры в мир антикультуры, настраивает его на антиповедение, включающее и такую цель, как одурачить слушателя, поставить в глупое положение, поиздеваться над ним.

Что же такое текст докучной сказки, как он организован, как проявляется обманная, лукавая природа докучной сказки в ее композиции, в системе сюжетов, образов и персонажей?

Докучной сказке присуща асимметрия начала, центральной части и конца. Ее *обман* заключается в отсутствии или неразвитости собственно содержательного звена сказки, в том, что сразу после зачина следует *неоправданно* быстрый конец, в *подмене*

¹ Тексты печатаются с соблюдением орфографии и пунктуации источника (см., например: [БРФ 1989; Амроян 1996; Никифоров 1932; 1961] и др.).

начала концом и конца — началом, в создании иллюзии бесконечности путем повторения отдельных, уже прозвучавших звеньев текста. Используя в качестве классификаторов слова, смысл которых *обман* и *неправда*, предложим следующую классификацию докучных сказок: 1) неоправданно короткие, 2) неоправданно незаконченные, 3) неоправданно повторяющиеся («маятниковые» и «кольцевые»²), 4) псевдобесконечные («с приращением» и «рассказ в рассказе»), а затем рассмотрим их поподробнее.

1. Неоправданно короткие

Это сказки, которые состоят только из начала и конца, а средняя часть в них отсутствует. Начало может быть а) кратким («Жил-был»; иногда в виде вопроса «Рассказать тебе сказку?») или б) по-волшебному пышным, состоящим обычно из двух разных зачинов типа «В некотором царстве» и «Жили-были», что позволяет технически удваивать начало текста. Ср.:

а) зачины разных сказок: *Жили были дедушка да бабушка...; Рассказать сказку про гуся?..*

б) зачин одной сказки («два в одном»): *В некотором царстве, в некотором государстве, Именно в том, в котором мы живем, На ровном месте, как на бороне, И борона-то на клоче, Лежит два кольца — Одно заржавело, другое в грезе. Которое из любя тебе, а друго — мене, Это не сказка, а присказка, сказка вся впереди. Жил старик со своею старухой у самого синего моря...*

У этих сказок, независимо от краткости или пышности зачина, внезапный, скорый конец: персонажи обозначены, но сюжет, не успев развиться, обрывается. Слушателя ставят перед фактом случившегося, сообщают результат, тот конец, который в каком-то смысле является главным в любом повествовании: *Конец — делу венец*. Но развернутое описание событий отсутствует, в сказках лишь констатируется факт: *Жили были старик со старухой, У их был четверик с осьмухой*. В «грубых» сказках констатируется факт антиповедения³ персонажа: *Жил-был царь Додон, Обос...л себе ладонь*.

² Термины «кольцевые» и «маятниковые» сказки использует в своей классификации И. Ф. Амроян [Амроян 1996, 13].

³ «В антипространстве живет разбойник, — пишет Ю. М. Лотман в статье о границе между культурным, гармонично организованным пространством и хаосом, антимиром, — его дом — лес (антидом), его солнце — луна... он говорит на анти-языке, осуществляет анти-поведение (громко свистит, непристойно ругается), он спит, когда люди работают, и грабит, когда люди спят...» [Лотман 1999, 189].

Конец может быть обозначен и привычными сказочными формулами: *Жили были два гуся, Вот и сказка вся; Жил-был старик. У старика был колодец, А в колодце то ялец: Тут и сказке конец.*

Персонажами неоправданно короткой сказки (главными или второстепенными) могут быть: старик со старухой, дед да бабка, их три сына, дед/старик, старушка, царь с царицей, царь Ватута, Тута и Ватута, царь Артауз/Картавус, царь Додон, царь Тороча, царь Ипат, купец со своим слугой; гусь/два гуся, лось, сивое поросля, три свиньи, белый бычок, бык, лиса, два павлина, щука да елец, рак, мухи с комарами и нек. др.

Наличие многих персонажей объясняется сквозной рифмой, являющейся художественной особенностью данных текстов: рифма на *-ся* (*гуся-поросля-лосья-карася-вся*), рифма на *-ец* (*елец-жеребец-огурец-конец*), рифма на *-тута* (*Ватута-кнута-тута*). См. также рифмы: *рак-дурак, Додон-ладонь, Тороча — одна нога короче, Артауз — надел на х... картуз, сказать-слизать, слушал-скушал* и т. п.

Старик со старухой (и многие из названных персонажей) могут присутствовать как в «робячых», так и в «грубых» сказках: *Жив себе дед да бабка да было у них сивое поросля. Вот моя и сказка уся. Бывало да живало жили старицек да старушка. Старицек настрал в четвертицек, А старушка В колотушку.* Круг их действий достаточно однообразен: в «робячых» сказках — жить у озера, пойти выловить карася (вот и сказка вся); в «грубых» сказках — так или иначе реализовать выпензенное действие.

Антиповеденческий характер «грубых» сказок, отнесенных в нашей классификации к неоправданно коротким, дополняется наличием бранной лексики: *Кто слушает, тот дурак; Хер да и вся* и т. п. Обычным концом для этих сказок являются проклятия, схожие с магическими заклинаниями: *Сказать тебе сказку Про белого быка? Пропрели бока, Прогорели рога, Кто велел сказку сказать — Тому кровь слизать!; Сказать тебе сказочку? Связать тебя в связочку, Положить под лавочку, Лежать тебе три дни, Съедят тебя свиньи* и т. п.

Наличие бранных слов, формульных заклинаний на границе текста, когда рассказчик «выходит» из пространства сказки в реальную действительность (прямое обращение к слушателю), представляется неслучайным. Это сравнимо с использованием бранной (обычно матерной) лексики в функции оберега при, вероятно, иллюзорном общении с покойником, привидением, чертом, колдуном и т. п. Грубые концовки докучной сказки являются своеобразными маркерами на границе «своего» пространства, «нашего»,

«безопасного», «гармонически организованного», и «чужого», в котором живут колдун, черт и покойник.

2. Неоправданно незаконченные

Бесконечность второго типа докучной сказки создается открытостью ее конца. Технический прием состоит в том, что ход сказочного действия, его время, способное в обычной сказке замедляться или волшебным образом ускоряться, соединяется с ходом времени в реальном пространстве: рассказчик и слушатель вынуждены ждать, когда две тысячи волов перейдут по одной жердочке мост, и только после этого можно будет продолжить повествование.

Таким образом, сказка *сменяется* реальностью; в тексте они соединены, а не противопоставлены друг другу. Это соединение происходит на четко маркированной вопросом слушателя границе между художественным пространством и реальностью:

Был себе царь Додон. Застроил он костеный дом, Набрал со всего царства костей, Стали мочить — перемочили, Стали сушить — кости пересохли, Опять намочили... (— Ну что же дальше было?) *А когда намокнут, тогда доскажу.*

Жил-был один мудрец, вздумал он из человеческих костей построить через Киян-море мост. Сбирал он кости не год, не два, целых сорок лет и пустил их, чтобы были мягки, мокнуть в воду... (— Ну что же дальше было?) *Подожди, еще кости не размокли.*

Количество рассмотренных (в том числе по материалам фольклорных экспедиций) текстов не дает представления о разделении сказок 2-го типа на «робячьи» и «грубые» — этого здесь нет. Но и в приведенных выше сказках можно увидеть «знаки» антикультурного, «чужого» мира: *костяной дом, человеческие кости, из которых строится мост через Киян-море*, и нек. др.

Действие *мочить/сушить кости* восходит к архетипической оппозиции 'живой — мертвый' и связано с образом воды как животельной силы в противоположность сухой, безводной, безжизненной среде, где все умирает. Ср. в библейском дискурсе: «И у тебя, Господи, милость... Тебя жаждет душа моя, по тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Псалтирь, 61:13, 62:2); «...и поставил меня среди поля, и оно было полно костей... оживут ли кости сии? И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: „кости сухие! Слушайте слово Господне!“» (Книга пророка Даниила, 37:1, 37:4).

При чтении сказки также возникают ассоциации с Кощеем, бессмертным «костяным стариком», олицетворяющим, наряду с другими, силы зла в славянской мифологии.

Действие *сушить/мочить кости* можно соотнести с древним обрядом «вторичного захоронения», нашедшим свое отражение во фразеологизмах *перемывать косточки, разбирать по косточкам*. «По суеверным представлениям некоторых народов, всякий нераскаявшийся грешник, если над ним тяготеет проклятие, после смерти выходит из могилы обычно в виде упыря, вампира, вурдалака и губит людей, высасывая из них кровь. Так продолжается якобы до тех пор, пока останки покойника... не будут выкопаны, а сохранившиеся кости промыты чистой водой и вновь погребены. Таким образом снимается заклятие» [Мокиенко 2001, 308].

Антиповеденческий характер действий «мудреца», который в такой сказке не один год собирает человеческие кости, чтобы построить мост через Киян-море (переход в иное пространство, иной мир?), явным образом вписывается в лукавую поэтику докучной сказки, созвучную «нечистой» ее природе.

3. Неоправданно повторяющиеся:

(3.1) «маятниковые» и (3.2) «кольцевые»

По своему структурообразующему приему, маятниковому повтору, принцип которого — бесконечное дословное повторение одного из звеньев текста, «маятниковые» докучные сказки 3.1 сходны со сказками уже рассмотренного типа 2. Имеет место и почти дословное совпадение сюжетного действия, сходство поэтических образов (*сохнуть/мокнуть, кости* и др.). Ср.:

2. ...*Набрал со всего царства костей, Стали мочить — перемочили, Стали сушить — кости пересохли, Опять намочили...*

3.1. *Жил был Кощей бессмертный. Решил он построить дворец из костей. Решил мочить. Мочил, мочил их — Перемочил, Начал сушить. Сушил, сушил — Пересушил, Начал мочить. Мочил, мочил...; Раз иду я через мост — Под мостом ворона мокнет. Взял ворону я за хвост, положил ее на мост — Пусть ворона сохнет. Вновь иду я через мост, На мосту ворона сохнет. Взял ворону я за хвост, положил ее под мост — Пусть ворона мокнет. Вновь иду я через мост — Под мостом ворона мокнет ...*

В докучной сказке типа 3.1 и 3.2 находит свое отражение мифологическая, циклическая, модель времени, в которой не действует постулат необратимости, поскольку нет противопоставления настоящего, прошлого и будущего. Данные тексты, «создаваемые по законам циклического времени», не имеют «категорий начала и конца: текст мыслится как некоторое непрерывно повторяющееся устройство... как непрестанно повторяющийся цикл» [Лотман 1999, 207].

И если в «маятниковых» сказках 3.1 иллюзия бесконечности создается на уровне повторения одного звена, то в «кольцевых» 3.2 весь текст повторяется, «теряя» при этом свое начало и конец. Конец становится началом, начало — концом: «Не сказать ли сказку сначала?», «Не сказать ли опять с конца?» (записей текстов «сначала» — больше).

Образуется без начала, без конца круг, кольцо, из которого рассказчик не собирается выходить: *Жил был баран да овца, Накосили они стожок сенца, Поставили средь польца, Не сказать ли опять с конца?; Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу была мочала, не сказать ли сказочку сначала?; Жил-был царь Дадон, У царя был картон, А в картоне мочала. Не начать сказочку сначала?; Жил-был царь Картаус, У него был длинный ус, На ус повесил картуз, На картуз огурец, На огурец свой царский дворец. Во дворце был кол, На колу была мочала. Ево ветром качала-качала, Не рассказать ли вам сказку сначала?*⁴ (аллюзии фаллического толка в большинстве текстов 3.1 и 3.2 очевидны).

Персонажами этих сказок являются уже знакомые нам по типам 1–2 царь Додон (Дадон), царь Картаус (Картауз), старик со старухой, бабушка, рак (раки); появляются, благодаря сквозной рифме на -ца, журавль да овца (*овца–стожок сенца–польца–кольца–леденца–конца*), мочало (*мочало–начало*); ворон, ворона, журавль, цапля, кулик, лягушка, медведь (в «маятниковых» сказках они то мокнут, то сохнут, то вязнут своим клювом/хвостом/лапками в болоте / в грязи, то освобождаются), появляются солдат, воевода или мужик, который идет по мосту, а на нем ворона сохнет... Наконец, в докучной сказке появляется поп, который сделал плот, поплыл, да мех (из которого сделан плот. — М. К.) оплыл, снова сделал, поплыл...

Сходство внутреннего содержания персонажей докучной сказки (или отсутствие этого содержания вовсе), случайность их появления (благодаря рифме) говорит о том, что все названные действующие лица суть одно и то же, «различные собственные имена одного. Мифологический текст... с поразительной смелостью объявляет одним и тем же сущности, сближение которых представило бы для нас значительные трудности» [Лотман 1999, 208].

Ср.: *Пришел медведь к броду, Да бултых в воду! Уж он мок, мок, мок, Уж он кис, кис, кис. Вымок, Выкис, Вылез, Высох, Встал на ко-*

⁴ По бессмысленности действий, антиповедению персонажи докучной сказки сопоставимы с образами бездельников и дураков, отраженными в русских фразеологизмах: *толочь воду в ступе, носить воду решетом, переливать из пустого в порожнее, валять дурака, гонять собак, ворон считать, плевать в потолок* и т. п. [Айрапетян 1992; Ковшова 1999].

лоду — Бултых в воду...; Жил был поп, На колоду скок, С нее в воду хлоп: Кис-мок, кис-мок, Выкис, вымок, вылез, высох, На колоду снова скок, С нее в воду снова хлоп...; Однажды мой товарищ пошел к колоде, Влез на колоду... Сел воевода на колоду Да бултых в воду...; Летел ворон, Сел на колоду...; Летел журав, сел на колоду...

В докучной сказке нет разных персонажей, все они — одно. Нет разных, в зависимости от участия тех или иных персонажей, сюжетов, в отличие от обычной сказки (волшебной, бытовой или о животных), где у каждого персонажа есть свое лицо, своя роль, характерные действия и поступки. В докучной сказке нет «хороших» и «плохих», героев и врагов, так же как нет хорошего или плохого конца. Может быть, поэтому «страшилки» докучной сказки типа моста из человеческих костей не пугают слушателя, оставаясь тем фоном, на котором лукавый рассказчик демонстрирует тот или иной технический прием построения текста.

Докучная сказка — своего рода метасказка, создающая метапространство с техническим началом и техническим концом. Основная функция докучной сказки — продемонстрировать тот или иной прием, с помощью которого рассказчик вовлекает слушателя в магический круг своего текста ⁵.

Техничность докучной сказки сближает ее с игровым ритуалом; само сказывание становится игровым действием, где один ловит, а другой пытается ускользнуть от словесных сетей сказки-обманки.

4. Псевдобесконечные:

4.1. «с приращением» и 4.2. «рассказ в рассказе»

В типе 4.1 («с приращением») наиболее ярко проявляется игровой характер докучной сказки, когда рассказчик и слушатель в диалоге словно проигрывают небольшую сценку:

⁵ Докучную сказку можно сравнить с палиндромом, текстом-перевертышем. Механизм палиндрома — видение слова или фразы целиком, что позволяет читать текст в обратном порядке — «меняет его семиотическую природу на противоположную... оно связано с противопоставлением явного — тайному, профанного — сакральному и эзотерическому. Показательно использование палиндромов в заклинаниях, магических формулах, надписях на воротах и могилах, т. е. пограничных и магически активных местах культурного пространства» [Лютман 1999, 111]. Для современного читателя палиндром *А роза упала на лапу Азора* — языковой трюк, художественный прием. А в прежние времена найденный магический механизм палиндрома воспринимался как дьявольское наущение, сети лукавого: «...авторство известного латинского палиндрома епископ и поэт Сидоний Аполлинарий приписал самому дьяволу: *Signa te signa, temere me tangis et angis. Roma tibi subito motibus ibit amor* (Крестись, крестись, того не зная, ты этим меня задеваешь и давишь. Рим, этими знаками-жестами ты внезапно призываешь к себе любовь)» (перевод Ю. М. Лютмана [там же]).

— Сказать ли тебе сказку про белого бычка? — Скажи. — Ты скажи, да я скажи, Да чего у нас будет, Да доколь у нас будет, Сказать тебе сказку про белого бычка?..

— Был себе человек Яшка/Яська/Тяжка/Сашка, На нем серая сермяжка/красная рубашка (На спине синяя латка), На затылке пряжка, На шее тряпка, На голове шапка. Хороша ли моя сказка? — Хороша (Нехороша). — Ты говоришь: хороша (нехороша), Я говорю: хороша (нехороша), А вот послушай: Был себе человек Яшка...

Такая сказка длится бесконечно, ее конец отодвигается благодаря приращению звеньев, в которых новой является лишь реплика, поданная слушателем и ловко «вплетенная» рассказчиком в ключевую формулу сказки: Ты: не хочу, да я: не хочу...; Ты говоришь: молчи, я говорю: молчи... А затем повторяется первое и на самом деле единственное звено текста, его начало. «Приращение» текста происходит без «приращения» новых, интересующих слушателя сведений.

В какой-то степени тип 4.1 можно сопоставить с типом 2: в этих сказках «стерта» граница между сказкой и реальностью. Ср.:

тип 2: ...Собирал он кости не год, не два, целых сорок лет и пустил их, чтобы были мягки, мокнуть в воду... (— Ну что же дальше было?) Подожди, еще кости не размокли (ход волшебного времени «переключается» на ход времени реальной жизни);

тип 4.1: Мы с тобой шли? — Шли. — Кожух нашли? — Нашли... Решивший участвовать в игре слушатель подает подсказанные ему реплики, но вот рифма нарушена и требуется не автоматический, а осмысленный ответ на вопрос: — Де же он? Кожух (кафтан, шуба, плетка и др.) должен остаться в сказочном пространстве, а рассказчик переносит его поиски в пространство реальной действительности. И слушатель не знает, что сказать (— Що?). Он вынужден либо участвовать в продолжении сказочного повествования, либо остановить игру, обозначив своей репликой границу между сказочным повествованием и бытовым диалогом: — Кум, а кум! Мы с тобой шли? — Шли. — Да кожух нашли? — Нашли. — У корчму зашли? — Зашли. — По восьмушци выпили? — Выпили. — Я ж яго зняв? — Зняв. — Да тебе отдав? — Отдав. — Да де ж он? — Кто? — Кожух! — Який? — Да мы с тобой шли?..

Сказка 4.1 по своему бесконечному возврату к началу=концу сопоставима и с типом 3.2 («кольцевая»). Ср.:

тип 3.2: ...У царя был картон, А в картоне мочала. Не начать сказочку сначала?;

тип 4.1: — В бане был? — Был. — Тело мыл? — Мыл. — А где мочала? Начинать сначала; Жил был журавль с журавлихою, Поста-

вили они копну сенца. А ль начать опять с конца? — Начни. — Я начни, да ты начни. Жил был журавль с журавлихою...

Отметим также явное сходство докучной сказки 4.1 с играми, которые можно было бы назвать докучными, или «дурными бесконечными». Ср.:

игра «Купи слона»: — *Купи слона. (— Отстань.) — Все говорят: отстань. А ты купи слона. (— Сам купи.) — Все говорят: сам купи. А ты купи слона. (Отворачивается.) — Все отворачиваются. А ты купи слона. (Молчит.) — Все молчат. А ты купи слона...;*

тип 4.1: *...Хороша ли моя сказочка? (Хороша.) Ты говоришь: хороша, и я говорю: хороша. Шел мужик по мосту, Нес лапти за поясом, Хороша ли моя сказочка? (Молчание). Ты молчишь. Я молчу. Шел мужик по мосту...*

Механизм сказки-игры прост: что бы ни отвечал (что бы ни делал) слушатель в ответ на вопрос-«приставанье» рассказчика, все будет «вплетено» в художественный текст и послужит его бесконечным «приращением». Рассказчик нашел магическую формулу бесконечности, и благодаря этой формуле конец (текста) никогда не наступит, разве что слушатель применит свою «магическую формулу», помогающую при встрече с нечистым, привидением или домовым. (Чтобы прервать возникшую связь между «нашим» и «их» пространством, нужно выругаться по-черному, заклясть «врага» матерными словами.)

И, наконец, последнюю в нашем списке сказку 4.2 можно было бы назвать собственно дурной бесконечной:

У попа была собака, Он ее любил, Она съела кусок мяса, Он ее убил, В землю закопал И надпись написал (что) У попа была собака...;

Я сидел на камне, Хлебал воду в реке (Сидел я на окошке, Ел печеные картошки), Подошла ко мне старуха, Цап меня за брюхо. Я старуху-то схватил И в милицию стащил. — В чем ваше дело? — Я сидел на камне...

Здесь не происходит «приращения» с помощью новых слов типа *Отстань!*, не используется и формула «приращения»: *Ты говоришь: отстань, я говорю: отстань*. Новое звено, казалось бы, дословно повторяет ранее прозвучавший текст, и все же это не повторение, а действительно продолжение. Его можно было бы сравнить с погружением в бесконечную глубину того пространства, которое открывается в образах книги, надписи, слова, мысли: *...И надпись написал, что У попа была собака... В землю закопал и надпись написал, что...; Шли дети по дорожке, Нашли книж-*

ку, А в той книжке было написано: *Шли дети по дорожке...; Дело было вечером, Делать было нечего, Мы сидели за столом, Пили чай с молоком. Вдруг пришел городской/милиционер, Спрашивает: — В чем дело? Дело было вечером...; ...Идут, идут три курочки, А я один сижу на тротуаре. Сижу, гляжу: Идут, идут три курочки...*

Ключевой образ сказки — создаваемый (или найденный) текст, письменный или устный: *И надпись написал, что; Спрашивает: — В чем дело? Дело было вечером.* Иллюзия бесконечного погружения в такой текст возникает благодаря приему «рассказ в рассказе»: *Дело было так: Я сидел курил табак. Подошел ко мне татарин, Меня по уху ударил... Староста, староста, Расуди, пожалуйста. Дело было так...*

Возникает зависимость от текста сказки, который приобретает все большую инерцию движения, и остановить его не так-то просто даже рассказчику: *В книжке было написано, что в книжке было написано, что в книжке было написано... Ср. с языковыми формулами типа Я думаю, что я думаю, что я думаю...; Я говорю, что я говорю, что я говорю...*

Повторение звеньев напоминает бесконечный проход по коридору: открываются двери, за которыми такой же коридор и такие же двери, за которыми такой же коридор...

Свойственных «нечистой», антикультурной природе докучных сказок «грубых» слов здесь нет, но есть «грубые» действия: *поп убивает собаку, старуха цапает за брюхо, татарин по уху ударил* и др. В 4.2 есть и «страшилки»: *Ваня в стульчике стоял, воду ковшиком черпал, Стульчик вдруг под ним сломился, Он в ушах очутился. О, придите кто-нибудь — Ваня может утонуть: Он на стульчике стоял, Воду ковшиком черпал...*

* * *

Итак, мы рассмотрели разные типы докучной сказки, в которых тем или иным лукавым способом рассказчик подменяет настоящую сказку *ненастоящей*.

С точки зрения семиотического построения пространства докучная сказка — антимир, хаотично организованный (начало превращается в конец, а конец — в начало), антимир, не имеющий срединного звена (собственно содержания), не имеющий конца («дурная бесконечность»). Этим он противостоит культурному (в том числе сказочному, волшебному) пространству — гармонически организованному целому.

В докучной сказке создается не волшебное пространство, а его иллюзия; вымысел вымысла. Здесь повествуется о событиях иллюзорных — вневременных, бесконечно повторяющихся, но на самом деле неподвижных: бессмысленная повторяемость действий разоблачает статичность «действующих» лиц.

В докучной сказке иллюзорен сюжет, потому что цель ее — не поведать слушателям нечто интересное, неизвестное, а продемонстрировать механизм, который обеспечивает непрерывность повествования чисто технически.

Докучная сказка — игра, своего рода построение бесконечно-го словесного двигателя, приводящее в восторг ее неискушенных слушателей. С другой стороны, у нашей сказки дурная суть, которая проявляется в бранной лексике, вульгарных, грубых и пошлых действиях персонажей. Специфика поэтики докучной сказки обусловлена ее природой — обманной, лукавой, а значит, говоря высоким стилем, отводящей от добра и приводящей к злу.

ЛИТЕРАТУРА

- Айрапетян 1992 — *Айрапетян В.* Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992.
- Амроян 1996 — *Амроян И. Ф.* Русские докучные сказки. Тольятти, 1996.
- Афанасьев 1985 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х т. М., 1985.
- БРФ 1989 — Библиотека русского фольклора. Сказки. М., 1989. Кн. 3. Т. 2.
- Даль 1955 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.
- Даль 1957 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Зеленин 1915 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1915.
- Лотман 1999 — *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек, текст, семиосфера, история. М., 1999.
- Ковшова 1999 — *Ковшова М. Л.* Счастливое число дурака // Пампасы. М., 1999. № 6.
- Можаровский 1882 — *Можаровский А. Ф.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Потехи, забавы, остроты, прозвища, стишки и песни. Казань, 1882.
- Мокиенко 2001 — Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб., 2001.
- Никифоров 1932 — *Никифоров А. И.* Російська докучна казка // Етнографічний вісник. Київ, 1932. Кн. 10.

- Никифоров 1961 — *Никифоров А. И.* Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л., 1961.
- Ончуков 1908 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908.
- Руднев 1996 — *Руднев В.* Морфология реальности. Глава «Текст и реальность». М., 1996.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Ст. *Мир, Ментальные миры*. М., 1997.

ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ В ПРИЧИТАНИЯХ

Тема этой работы — значение и употребление слов *первый* и *последний* в русских причитаниях. Оба эти слова многозначны и по крайней мере в некоторых из своих значений связаны с семантикой начала и конца. Рассматривая употребление этих слов в причитаниях, мы надеемся построить их жанровые проекции, то есть обнаружить своеобразное лицо слова в определенном фольклорном жанре. Именно жанр причитаний дает для этого благодатную возможность, поскольку причитания звучат в свадебном и похоронном обрядах, которые относятся к числу переходных и представляют собой сочетание начала и конца: конца одной жизни и начала другой. Сходство и связь двух обрядов подробно исследованы в [Байбурин, Левинтон 1990]. Из слов, относящихся к семантическому полюсу начала и конца (*начинать, зачинать, кончать, начало, конец, новый, старый, прежний, старопрежний*), слова *первый* и *последний* в причитаниях встречаются наиболее часто, при этом оба слова значительно частотнее в свадебных причитаниях, чем в похоронных. Для сравнения: лексема *первый* в свадебных причитаниях встретилась 182 раза на 144 тыс. словоупотреблений, то есть 1 раз приблизительно на 800 с/у и всего 15 раз на 65,3 тыс. словоупотреблений в похоронных причитаниях, то есть 1 раз приблизительно на 4500 с/у. Соответственно, лексема *последний* в свадебных причитаниях — 133 раза, то есть 1 раз приблизительно на 1100 с/у, и 20 раз в похоронных причитаниях, то есть 1 раз приблизительно на 3300 с/у.

Мы начнем со свадебных причитаний. В них слово *первый* (о *последнем* мы скажем позже) имеет два основных круга употреблений: *первый* как числительное в составе трех- и четырехкомпонентных перечислительных конструкций типа следующей: *Первый город — Тотемской, / А город — Вологда, / Третий город — славной Питтёр* [РС № 262, с. 230], а также *первый* в значении 'лучший'.

Троекратное повторение действия — это способ его замедления, а замедление действия подчеркивает его торжественность, выделенность. Троекратное повторение или разбиение действия на три этапа встречаем в причитаниях, относящихся к различным эпизодам свадебного обряда. Так, в причитаниях на «неделе»¹ (время об-

¹ Названия эпизодов свадебного обряда даются так, как они даны в источниках текстов.

рядового шитья, подготовки даров и приданого) описывается будущей «вывод перед столы», когда невеста впервые на людях, торжественно одетая, показывается жениху и «приборьянам» (родне жениха). Согласно текстам причитаний, последняя ночь в родительском доме *на три трети разложена*, и ее описание в причитании содержит перечисление действий, которые совершаются в каждую треть: *в первую треть ноченьки* невеста наряжается, *во вторую треть ноченьки* — умывается, *в третью треть ноченьки* отец выводит ее «перед столы» [РС № 62, 63, с. 59–60]. В другом недельном причитании невеста, прощаясь с прежней жизнью, говорит о трех поклонах: *Я первый поклон кладу / За батюшкѣ да за матушку, / Второй поклон кладу / За попов да за дьяконов, / Третий поклон кладу / За всю родню-то сердешную* [РС № 104, с. 75]. Обращаясь к подругам во время девичника, невеста просит сводить ее *в три городоцика*, то есть поводить хороводы, которые называются по соответствующим песням: *Што во первый-от «Зѣ тыном» / Во второй-от «На рицюшки», / Уж как третий «Во сѣдичек»* [РС № 215, с. 156]. Троекратные повторения характерны для заключительного эпизода первой части свадебного обряда (до отъезда к венцу) «вывода за стол». В описании вологодской свадьбы отмечается, что «этот момент обряда проходит нарочито замедленно, в обрамлении роскошных и долгих причетов» [РС, с. 218]. В одном из причитаний, относящихся к этому эпизоду [РС № 271, с. 239], используется яркий композиционный прием: повторение перечислительной конструкции с числительными *первый, другой, третий*. Первый фрагмент текста, содержащий перечисление, относится к теме расставания с родительской семьей и прежним статусом, второй — к теме перехода в новую семью и изменения семейного статуса. То и другое описывается как троекратное повторение действия, каждый этап которого связан с определенными символическими атрибутами. Так, расставание с родительской семьей описывается с использованием образа лесенки *о трех ступенецках*. Ступая последовательно на первую, вторую и третью ступени, невеста расстается с тем, что было для нее наиболее важным в девичьей жизни: *На первую ступень ступлю — / Да жемчужок-от рассылетце, / На вторую ступень ступлю — / Дак девушкѣ-те останутце, / На третью ступень ступлю — / Дак матушка-то расплачитце*. Рассыпанный жемчуг — это символ слез и одновременно образ разрушения и разделения, заключающий в себе «идею расторжения связи с прежним статусом» [СД 1995, 248]. Далее в том же причитании появляется образ *трех заставушек*, также несущий

брачную символику перехода к новому статусу: *Церез пёрву заставушку — / Да церез свата лесливого, / Церез дрюгу заставушку — / Церез тысяцька князева, / Да церез третью заставушку — / Церез чужа-то чуженина* [РС № 271, с. 239]. Как видим, усложнение, замедление действия может происходить за счет перечисления различных элементов ситуации: локусов, адресатов, временных характеристик.

Утроение может служить средством усиления. Например, в одном из причитаний невеста говорит о трех снах: *Первой сон-от привидилсе — / На соцельник Рождественской, / <...> / Мне второй сон привидилсе — / На крещенский соцельницёк. / Третий сон-от привидилсе — / Дак на велик на Иванов день* [РС № 118, с. 104]. Все три сна содержат мотивы, символически предсказывающие брак: отворение ящичков, разворачивание холста, потеря красоты. В причитаниях, относящихся к выводу за стол, упоминаются *три оставки великие*, атрибуты девичьего туалета и костюма (украшения, белила и румяна, *обогревушка, кошулька*), которые невеста оставила в женской части жилища — в *кути* или в *горнице*; причем третья, самая главная *оставка* — символ девичества, *красота* (например, ленты) [РС № 253, с. 224, № 274, с. 242]. В причитаниях на приезд жениха невеста просит отца или брата поставить три преграды на пути *чуженина* (например, *три щита* или, в других вариантах, *три штыка*). У невесты *три вины* перед родителями, и она просит: *Вы на первой вины меня простите, / А в другой вины меня побраните, / А в третьей вины меня накажите* [Рыбников № 2, с. 14].

Другой тип контекстов с числительным *первый* — это четырехкомпонентные перечислительные конструкции. В первую очередь это обращения или поклоны на четыре стороны света. Например, причитание невесты, обращенное к покойному отцу, начинается с перечисления четырех *сторонущек*: *Ой, да покатись, мой зыцён голбс, / Дак на все цетыре сторонущики: / Дак во первую сторонущу — / Где сходит красное солнышко, / Дак во вторую сторонущу — / Дак где оно исполняйтце, / Дак во третью сторонущу — / Дак где оно закатáйтце, / Дак во четвёрту сторонущу — / Дак ко повосту, ко буёву* [РС № 70, с. 63]. В подобных фрагментах структура группы *первый — четвертый* следующая: *первый — третий* это подготовка, а в *четвертой* стороне происходит самое важное: из могилы встает покойный отец, чтобы благословить дочь-невесту, или (в других причитаниях) здесь находятся родственники, которых невеста приглашает на пир в дом родителей. В скрытом виде четырехчастная структура может быть

представлена и в группе *первый — третий*. Она может иметь, например, следующий вид: не делай того, того и того, а сделай нечто иное. Так, обращаясь к *красоте*, невеста последовательно просит ее не садиться на три разных дерева (*березку, осину и крушину*), каждое из которых является образом тяжелой жизни в новой семье, а предлагает красоте полететь к *Соловецким-то за море*, что должно означать демонстративный отказ от предстоящего брака [РС № 261, с. 229].

Троекратное повторение с использованием числительных *первый, второй/другой, третий* встречается также в контекстах, символизирующих три возможности развития событий, три судьбы персонажа. Так, покойная мать несет невесте *три платья нетленные*: первое — *серое сироецкое*, символ положения невесты-сироты в настоящем, второе — *белое умиренное*, символ смерти как альтернативы браку, и третье — *цветное подвенецное* [РС № 73, с. 64]. В причитании, которое звучит утром в день венчания, невеста рассказывает вещий сон: заблудившись в лесу, она идет последовательно по трем *тропиночкам*; первая приводит на *болото с журавличками*, вторая — к морю, где плавает *лебедь белая*, третья — в *избушечку* [ЧС № 102, с. 112]. В ответном причитании подруга невесты дает толкование сна: все три картины символически изображают элементы свадебного обряда: невесту (*лебедь белую*), переход в новую семью (через преграду — море, болото) и членов ее новой семьи (в образах животных и птиц). Таким образом, три разных пути, приводящих к одному и тому же, показывают невозможность выбора и неотвратимость перехода в новую семью.

Другое значение слова *первый*, актуальное для причитаний — 'лучший, превосходнейший' [Даль 1955, 3, 30]. Положительная семантика *первого* характеризует как общезыковое употребление, так и различные поэтические системы и может иметь ряд оттенков. Н. Д. Арутюнова связывает *первое* в языке с творчеством [Арутюнова 1999, 714]. В лирике А. Блока *первое* может связываться с единственностью, неповторимой уникальностью определяемого [Минц 1999, 224]. Положительная семантика *первого* встречается и в фольклоре, например в оценке первого дня недели [СД 1999, 97]. В свадебных причитаниях невеста — *первая из первых, стадоводница*, как ее характеризуют подруги в причитании, звучащем перед отъездом к венцу: *Потерели мы, девушки, / Потерели, подруженьки, / Мы из первых-то первую, / Первую стадоводницу* [РС № 277, с. 244]. Сама невеста, вспоминая прошлое, идеальное девичество в доме отца, говорит о себе: *Да я любила жо, девица, / Питъ весёлы ти писенки / По весёлым*

тальяноцкам. / Начинать была первая, / Да допевать-то последняя [РС № 82, с. 66]. Значение слова *первая* здесь диффузно: темпоральное ('та, которая начинает раньше всех') и оценочное ('та, которая начинает лучше всех') одновременно (о диффузности значений фольклорного слова см.: [Никитина 1997]). Диффузность значений слов *первая* и *последняя* проявляется и в другом варианте этой формулы — *Запевать была первая, / Допевать не последняя* [РС № 111, с. 77]. Здесь *не последняя* — 'заканчивающая пение не позже остальных' и одновременно — 'заканчивающая пение не хуже остальных'. Другое проявление того, что невеста — лучшая, *первая* среди подруг, — наличие у нее лучшего наряда. Так, отец обещает дочери, вступившей в брачный возраст: *Заведу тебе, дитяtko, / Скрутку платье-то цветное. / По волости будет первое / Да от людей-то отменное* [РС № 60, с. 59].

Говоря об оценочном значении слова *первый*, мы уже встретились с формулой, включающей оба слова — *первый* и *последний*. Остановимся подробнее на *последнем* в свадьбе. По Далю, слово *последний* имеет два значения: 'остальной, остаточный, конечный, за которым нет другого' и 'низший, плохой и худший, последний по качеству'. В свадебных причитаниях *последний* — это 'конечный': *последняя ества и ужна, последнее столованьце, последняя вечериночка* и, самое главное, *последняя баня*. Эпитет *последний* отмечает важнейшие эпизоды расставания с родительской семьей, со своей половозрастной группой, подругами, но в первую очередь относится к эпизоду символического прощания с девичеством — ритуальной предсвадебной бане. *Дивья баня последняя* — это устойчивое сочетание, обозначающее саму процедуру ритуального мытья, а также подготовленное для такого мытья помещение бани. *Последняя баня* по-особому топится, готовится и даже по-особому строится. В подробных и красочных описаниях бани мы вновь сталкиваемся с использованием перечислительных конструкций с числительными *первый, второй/другой, третий*. В ней всего по три: вода — из трех ключей: первого — *кипучего*, другого — *текучего*, третьего — *подземельного* [ВФ № 21, с. 91]; дрова трех видов: первые — *березовые*, вторые — *сосновые* и третьи — *кедровые* [ЧС № 40, с. 55]; *трои двери стеклянные, три окошечка косячатые*, на первом и втором лежат *мыло, мазила* и *белила*, а на третьем — *красота* [ВФ № 21, с. 91]. В баню ведут *три дороженьки*: первая — для невесты, вторая — для подруг и третья — для красоты [ОП № 130, с. 72]. Готовя баню, брат невесты ломает *три березки*, делает *три метелочки* и разматывает *три дороженьки* [ОП № 130, с. 72].

Для свадебных причитаний характерна идея «последнего раза». Она воплощается в различных, но сходных по структуре формулах, включающих компонент *во последние*, например: *Расплети-ка ты мне, тятенька, русу косыньку, / Да расплети ты мне её да во последние* [ОП № 41, с. 29]. Кроме простой формулы *во последние* используются формулы более сложной структуры, двухкомпонентные. При этом возможны два варианта: а) характеризуется действие или ситуация, которые многократно повторялись ранее в жизни девушки и в которых невеста во время свадебного обряда участвует последний раз (формула *на веку не во первые, девушкой во последние* и ее разновидности); б) характеризуется действие или ситуация, типичные только для свадебного обряда (формула *во первые и во последние*). Обе эти формулы могут использоваться для описания одной и той же ситуации, подчеркивая разные стороны происходящего: сходство и связь с предыдущими ситуациями или уникальную неповторимость момента: *Расплети-ка, родима мамонька, / Мою-то ли трубчату косу, — / От роду-то не впервые, / В девьей красоте во последние* [ОП № 43, с. 30]; *Родимая моя матушка, / Расплети ты мне трубчату косу / Во первые-то мне, во последние!* [ОП № 56, с. 34]. Обе формулы могут совмещаться в одном тексте, тогда их значение сближается: *Уж я-то, красная девица, / Не веселым да не веселешенька! / Отходила да я, отгуляла / Во первы да во последни, / По подруженькам, по голубушкам, / По всему да роду племени! / Уж я от роду не впервые, / В девьей красоте во последни* [ОП № 65, с. 40]. Все эти формулы маркируют разнообразные действия (*расплетать* или *заплетать* косу, *помыться-попариться, походить-погулеть, сидеть гостницей* и подобные), из которых складываются такие эпизоды обряда, как гостиная неделя, баня и примыкающий к ней девичник. Та же формула повторяется снова в финальном эпизоде довенчальной части обряда — во время вывода за стол, когда невеста обращается к отцу со словами: *Да поприми ко сердечу / Своё цядо-то милоё, / Да дитякб-то родимоё, / От роду-то не в первые, / А в дивий век-от в последние!* [РС № 262, с. 231]. Таким образом, сама концентрация прощальной формулы в причитаниях является троекратной, отмечая три главных адресата прощания: семья, подруги, воля-красота. Именно в этой формуле, особенно в ее варианте *в остальные, во последние*, в нераздельности представлены значения 'конечный в ряду' и 'окончательный и бесповоротный'.

Наконец, эпитет *последний* может сопровождать непосредственно обозначения отрезков времени в составе свадебного обряда: *И я последней день во красных, видно, девушках, / И в дорогой да*

своей вольной столько волюшке; / И у придрокушки-желанной в доме матушки / И я последнее Христово воскресеньице! [Барсов 1997, 2, 442]. В частности, в свадебных причитаниях упоминается *последнее времечко*. В отличие от духовных стихов, это не конец жизни и мира вообще, а конец девичьей жизни невесты: *Да мой корминец ты, батюшко, / При последнем-то времечке / Подержи хоть в беремецке!* [РС № 262, с. 231].

В отличие от слов *первый* и *последний*, слова *начало* и *конец* и соответствующие глаголы в свадебных причитаниях почти не используются. Слово *начало* встретилось всего один раз (*По-церковному начало положила* [Рыбников № 43, с. 56]) и один раз во фразеологизме (*И под началом у блада сына отечского* [Барсов 1997, 2, 410]). Чаще используется слово *конец* (26 с/у), но только в конкретном значении (*конец поля, конец ручек, конец* в значении 'лента' и особенно часто *конец косы* — 18 с/у). Единичны и глаголы: *нацинать* — 4 с/у, *нацять/начать* — 4 с/у, *концять* (1 с/у), *концяйтце* — 1 с/у (*Да во третью сторонушку — / Где белбй день-от концяйтце* [РС № 101, с. 73]).

Перейдем к похоронным причитаниям. Вначале о лексеме *первый*. Она используется в сочетаниях *первый, второй, третий поклон; первая, другая, третья дороженька*. Эти словосочетания отмечают попытки контакта причитающей с покойным: *Пришло три пути-дороженьки / Мне, победной сиротинушке; / Как первая дороженька — / На славное-то буево, / Другая-то дороженька — / К Миколу ко угоднику, / А третья тропиночка — / К муравчатой могилушке* [Барсов 1997, 1, 71]. Если в свадебных причитаниях невеста кланяется *на все четыре стороны*, обращаясь ко всем людям и ко всему миру, то в похоронных причитаниях поклоны связаны непосредственно с ситуацией оплакивания. Это могут быть три поклона в доме покойного, обращенные к высшим силам, провожающим и самому покойному: *Поклон первой — Пресвятой да Богородице, / Другой поклон — соседям спорядовым, / Всобину поклон братцу-красну солнышку!* [Барсов 1997, 1, 87]. Три поклона могут быть обращены и к самому покойному: *Всобину я свету-братцу поклоняюся, / Я первбй поклон — во резвы ему нсженьки, / Я другой — супротив его белых грудей, / Я третей поклон — кудрявоей головушке!* [Барсов 1997, 1, 160].

Одним из общих мотивов для свадебных и похоронных причитаний является *лесенка в три ступенечки*. В свадебном причитании эта лесенка символизирует расставание невесты с атрибутами девичьей жизни и описывается с использованием глагольных форм будущего времени (*Я на первую ступень ступлю... и т. д.*).

В похоронном причитании этот образ возникает при обращении к покойному в закликательных формах императива: *На первую ступень ступи — / Тут оставь, моя мамушка, / Свою смертоньку скорую. / На вторую ступень ступи — / Тут оставь, моя мамушка, / Свою скорбь ту тяжелую. / На третью ступень ступи — Тут оставь, моя мамушка, / Платьице умиральное.* Однако причитание заключается констатацией невозможности вернуть покойного в мир живых, то есть изображает движение в погребальном пространстве как однонаправленное [Невская 1993].

Более существенна в похоронных причитаниях роль концепта «последнее». В похоронных причитаниях эпитет *последний* используется почти исключительно в одном эпизоде обряда — в момент выноса гроба — и связан с различными обозначениями контакта, зрительного или словесного: *последнее прощаньице, вековое расставаньице; Ты скажи единое словечушко в остальные, во последние; Во послед, во последний раз посмотри на свою милую ладушку, При последнем поре времени погляди на подруженек.* Похоронное причитание вербально подтверждает, как отпадают одна за другой возможности контакта и покойный начинает свой путь из дома на кладбище, из мира живых в мир мертвых. Эта вербальная констатация происходит после самого момента смерти, который отмечен ритуальным молчанием [Толстая 1999; Невская 1999]. Таким образом, если в свадебном причитании концепт *последнее* связывает невесту с предшествующим состоянием, то в похоронном причитании этот концепт отмечает новое состояние оплакиваемого.

Итак, оба концепта, *первое* и *последнее*, в свадебных причитаниях более активны, чем в похоронных, но объяснение этого для *первого* и для *последнего* может быть различным. *Первое* в свадебных причитаниях связано с понятием идеальной нормы (Никитина), которое характеризует как саму невесту, так и все, что относится к семье и хозяйству ее родителей, и которое не играет столь существенной роли в похоронных причитаниях. Для *последнего* предлагается другое объяснение. В свадебном обряде «смерть» невесты представляет собой обрядовый конструкт, но не эмпирическую реальность. И подобно тому, как дом *чужа чуженина*, жениха, создаваемый в свадебных причитаниях чисто вербальными средствами, описывается более полно и целостно, чем реально присутствующий в обряде дом родителей невесты, так и обрядовая смерть невесты описывается или даже конструируется в причитании с использованием более обширного круга лексических и синтаксических средств, нежели реальная смерть, составляющая основу похоронного обряда.

ИСТОЧНИКИ

- Барсов 1997 — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1–2. СПб, 1997.
- ВФ — Вологодский фольклор. Вологда, 1975.
- ЛРС — Лирика русской свадьбы. Л., 1977.
- ОП — Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск, 1981.
- РС — Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. М., 1985.
- Рыбников — Песни, собранные Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3.
- ЧС — Чердынская свадьба. Пермь, 1969.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. О новом, первом и последнем / Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Байбурин, Левинтон 1990 — Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Даль 1955 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
- Минц 1999 — Минц З. Г. Лирика Александра Блока // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.
- Невская 1993 — Невская Л. Г. Балто-славянское причитание. Реконструкция семантической структуры. М., 1993.
- Невская 1999 — Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
- Никитина 1997 — Никитина С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова. Сборник статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997.
- СД 1995 — Славянские древности. Т. 1. М., 1995.
- СД 1999 — Славянские древности. Т. 2. М., 1999.
- Толстая 1999 — Толстая С. М. Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

И. Б. ЛЕВОНТИНА, А. Д. ШМЕЛЕВ

ЛЕКСИКА НАЧАЛА И КОНЦА ТРАПЕЗЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Она бы нам поставила закуски,
И вместе погуляли бы по-русски.

Давид Самойлов

Однажды, ведя телепередачу, журналист Евгений Киселев сказал примерно следующее: «А сейчас, на закуску — вернее, на десерт, интервью еще с одним человеком». Строго говоря, в таком уточнении не было необходимости: выражение *на закуску* как раз и указывает на что-то легкое и приятное, приберегаемое под конец, то есть выражает именно то, что можно образно передать выражением *на десерт*¹. Понятно, однако, почему выражение *на закуску* показалось Киселеву не вполне ясным. Дело в том, что переносное *на закуску* не соотносится ни с одним из существующих в современном русском языке значений слова *закуска*. Оно предполагает в качестве исходного значение 'легкое сладкое блюдо, которое едят в конце трапезы для удовольствия', которое в современном языке у слова *закуска* совершенно отсутствует.

Почему же слово *закуска* так странно себя ведет (переносные употребления выражают нечто противоположное той идее, которая заключена в прямых)? Для того чтобы разрешить эту загадку, полезно проследить историю данного слова и вообще проанализировать, как структурируется трапеза в культуре и языке.

В словаре В. И. Даля можно найти разнообразные сведения о последовательности блюд в русской трапезе: «Русский стол: горячее (щи, борщ, похлебка) и ботвинье; холодное (говядина, студень, рыба, заливное); жареное, жаркое; рыба; пироги (кулебяка, курник, подовые и пр.); каша (иногда ко щам); сладкий пирог, разн. заедки» [Даль, 4, 328]; «Русский обед: горячее (щи с кашей), холодное (студень, заливное), тельное (рыбное), пирог, кулебяка; жареное (птица) и пирожное» [там же, 3, 112]; «Обиходный постный крестьянский стол, редька пластами (ломтиха) с маслом;

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 0015-98866) и РГНФ (проект № 01-04-00201а).

¹ Ср. *Он у меня оставался напоследок, на закусочку* (Юз Алешковский. «Рука (Повествование палача)»).

варен. волнухи; горох; пироги ни с чем, вприхлебку с суслом; кисель с маслом или суслом» [там же, 345].

Само же слово *закуска* комментируется следующим образом: «*закуска*, в высшем обществе, завтрак до обеда, водка с соленою и др. снедь; иногда ранний обед: именинная *закуска*; в народе же более употреб. мн. *закуски*: десерт, заедка, верховытка, лакомства, сласти, пряники и пр.». Из этого текста видно, что для Даля слово *закуска* могло выступать в качестве синонима *десерта*, однако только применительно к крестьянскому столу.

Вообще обращает на себя внимание характерное для того времени различие в структуре крестьянского обеда и обеда высших слоев. Одни начинали с объемного и дающего мгновенное ощущение сытости (похлебка), другие — с возбуждающего аппетит (ср. англ. *appetizer*) и, с другой стороны, дающего возможность «заморить червячка»², не заполняя желудок. Благодаря *закуске* в этом понимании человек может не набрасываться на собственно обед, а не спеша насладиться им. Заметим, что идея поесть перед едой в явном виде представлена в нем. *Vorspeise*³.

Можно заметить, что в современной русской культуре, во-первых, сгладились различия между социальными слоями с точки зрения структуры трапезы; во-вторых, сама эта структура четко зафиксировалась как 3- или 4-членная: факультативная *закуска* (напр., салат) и три блюда: *первое* (суп), *второе* (жаркое и под.), *третье* (компот, фрукты, что-то сладкое). Эта структура настолько закрепилась, что *первое* в просторечии употребляется в значении 'суп' и вне ситуации обеда: *Люблю вечером, придя с работы, съесть тарелочку первого*⁴. Слово *второе* также может указывать на характер блюда (нечто вроде жаркого) независимо от его места в трапезе. Ср. выражение *курица для жарки* и аналогичные ему выражения *мясо на второе* или *для второго*. Слово *третье*, впрочем, таким образом не употребляется.

Соответственно, целый ряд слов сейчас стал использоваться в более узких значениях, чем прежде. Поэтому весьма странным для современного языкового сознания выглядит следующий пример: *И вот как-то в восьмидесятых годах съехались из Сиби-*

² Об истории этого выражения см.: [Бирих и др. 1998].

³ Ср. также внутреннюю форму слова *форшмак*.

⁴ Ср. также приводимое в «Толково-комбинаторном словаре» выражение *обед из одного первого* [Мельчук, Жолковский 1984], а также *Чтобы в достаточной мере оценить достоинства супа, надо устроить обед из одного блюда — из первого* (П. Вайль, А. Генис. «Русская кухня в изгнании»).

ри золотопромышленники самые крупные и обедали по-сибирски у Лопашова в этой самой «избе», а на меню стояло: «Обед в стане Ермака Тимофеевича», и в нем значилось только две перемены: первое — закуска и второе — «сибирские пельмени» (В. Гиляровский. «Москва и москвичи»). В современном языке закуска — это закуска, а первое — это первое.

Таким образом, слово *закуска* совершенно утратило способность обозначать последнее, сладкое блюдо. Исчезли также приводимые В. И. Далем выразительные слова *заедки* и *верхосытка*. В XIX и в первой половине XX в. в этом значении могло употребляться слово *сладкое* (ср. сохранившийся до сих пор оборот *оставить без сладкого*). Показательно, что Д. Н. Ушаков, комментируя это слово, специально отмечает, что так обозначается не любое сладкое блюдо, а только завершающее обед. К настоящему времени в этом значении закрепились слова *третье* и особенно *десерт*. Эти два слова, однако, различаются не только стилистически. Смысловые различия между *десертом* и *третьим* состоят в следующем: *десерт* в целом более изыскан и торжествен и менее привязан к жесткой структуре обеда. Именно *третье* дают, скажем, в детском саду, в больнице, но не в хорошем ресторане и не на приеме. Там в конце обеда обыкновенно подают *десерт*. При чем *десерт* человек в ресторане и особенно кафе может заказать и без обеда.

Слово *закуска* в современном языке даже вне рамок обеда не может указывать на сладкое блюдо. Все контексты, где *закуска* указывает на что-то сладкое, на современный слух звучат странно; ср.: *Встал он со кровати высокой, платье ему все приготовлено, и фонтан воды бьет в чашу хрустальную; он одевается, умывается и уж новому чуду не дивуется: чай и кофей на столе стоят, и при них закуска сахарная* (С. Т. Аксаков. «Аленький цветочек»); *Там кроме пяти фунтов чаю находилось еще несколько свертков с пастилой и прочими закусками* (М. Н. Погодин. «Черная немочь»).

Итак, что же такое *закуска*? Это слово имеет в современном русском языке следующие значения.

Во-первых, это несколько устаревшее значение «легкая трапеза»⁵; ср.: — *Да это, друзья мои, не бивачная закуска, а целый*

⁵ Разумеется, представление о «легкой» трапезе может быть различным; ср.: После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне: — А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь? — Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соле-

пир! — восторженно сказал Наполеон, допив в несколько приемов флягу (Г. П. Данилевский. «Сожженная Москва»); Я — отправился за ним в гостиную, где на столе, покрытом красной скатертью с белыми разводами, уже была приготовлена закуска: творог, сливки, пшеничный хлеб, даже толченый сахар с имбирем (И. С. Тургенев. «Степной король Лир»). Заметим, что соответствующий глагол *закусить* продолжает свободно употребляться в аналогичном значении; ср. *Не хотите ли закусить чего-нибудь?*

Существенно, что глаголы *закусить* и *перекусить* в современном языке близки, однако не тождественны по смыслу. Если *перекусить* указывает на «неполноценную» трапезу, то *закусить*, подобно гастрономическим диминутивам, может подразумевать и трапезу вполне полноценную, масштаб которой говорящий приуменьшает из вежливости или для создания уюта. Всем памятна фраза, с которой застенчивый доктор Дымов — герой чеховской «Попрыгуны» — обращался к гостям жены: *Пожалуйте, господа, закусить*.

Во-вторых, это значение, указывающее на блюда, которые обыкновенно предшествуют основным блюдам трапезы (ср. *холодные и горячие закуски* в меню ресторана)⁶. Ср. также: *Приплыли два официанта с тележками, расставили холодные закуски на столе, а горячие блюда поместили в специальный электрический шкафчик с подогревом, который привезли с собой* (В. Кунин. «Русские на Мариенплац»); *Закуска, горячее, даже два горячих, пломбир, фрукты* (И. Ильф, Е. Петров. «Широкий размах»). Данное значение, в противоположность первому, сохранило свою актуальность. Ср. стандартный вопрос официанта: *Из закусок что будете заказывать?* Интересно при этом, что для глагола *закусить* это значение, напротив, полностью вышло из употребления; ср. неправильное *— *Суп нести? — Нет, я еще закусываю*.

ных? — *Пожалуй, хоть и рыжиков или пирожков, — отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками* (Н. В. Гоголь. «Старосветские помещики»).

⁶ Человек, мало знакомый с русской идиоматикой, мог бы соотнести выражение на *закуску* как раз с этим значением и подумать, что оно означает 'чтобы сделать начало легким и приятным, но энергичным'. В действительности же этот смысл передается в русском языке другой идиомой — *для заправки*, которая основана не на гастрономической, а на артиллерийской метафоре. Любопытно, что английские выражения *for starters* и *as a starter*, включающие переводной эквивалент слова *закуска* в рассматриваемом значении — *starter*, соответствуют русскому *для начала*, а не на *закуску* (см. [Лубенская 1997]).

И наконец, *закуска* — это небольшая еда, которая следует за выпитой рюмкой водки; ср. *Каждый тебе скажет, что селедка — это классическая закуска* (И. Ильф, Е. Петров. «Широкий размах»). Героя Довлатова инструктируют, посылая за водкой: *Останется мелочь — возьми чего-то на закуску* (С. Довлатов. «Соло на ундервуде»). Ср. также варианты *закусъ* и *закусон*, которые соответствуют только этому типу *закуски*: *Сладок угорь балтийский, / Слаще закуси нет!* (А. Галич. «Фантазия на русские темы...»); *А выбор выпивона и закусона в том натюрморте был богатый* (Юз Алешковский. «Кенгуру»).

Каковы же исторические корни тех значений слова *закуска*, которые сохранились или развились к настоящему времени? Сразу скажем, что они восходят к языку и гастрономическим привычкам высших слоев общества.

Первое из отмеченных ранее значений слова *закуска* значение «перекуса» было широко представлено в языке XIX в. Ср.: *Коридорный осведомился, не желает ли он закусить; он в рассеянии ответил, что желает, и, спохватившись, ужасно бесился на себя, что закуска задержала его лишних полчаса, и только потом догадался, что его ничто не связывало оставить поданную закуску и не закусывать* (Ф. М. Достоевский. «Идиот»); *Так прощай покуда! Кушай-ка чай-то, а ежели закусочки захочется с дорожки, и закусочки подать вели* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы»); *День именин в доме почтмейстерши начинался, по уездному обычаю, утреннею закуской* (Н. С. Лесков. «Соборяне»). Заметим, что этому значению замечательным образом параллельно немецкое *Imbiss*, которое тождественно ему по внутренней форме; ср. *beißen* — ‘кусать’; *entbeißen* — ‘откусывать, закусывать’ (см.: [Kluge 1995]). Сходство с русским языком проявляется и в том, что *Imbiss* — стандартное обозначение заведения общепита, ср. *закусочная*. Кстати, откуда же, согласно этому словарю, и *цимес* (*zimmes*) — *zum Imbiss* ⁷.

Второе значение слова *закуска*, которое указывает на определенное место в структуре обеда и восходит к идее поесть перед едой, является производным от первого. В первой трети XVIII в. слово *закуска* употреблялось в значении «завтрак» и, по свидетельству В. В. Похлебкина [Похлебкин 1997, 138], имело в качестве синонима слово *фриштик* (ср. также [Даль]). Впоследствии слово *закуска* стало обозначать кушанья (два-три холодных блю-

⁷ Правда, эта этимология не бесспорна. Возможно, слово *цимес* восходит к древнеевр. *цемот* — ‘травы’.

да и водку), подаваемые вне обеда (за два-три часа до него) в передней. Похлебкин также указывает, что еще в начале XIX в. «считалось, что держать спиртные напитки на столе во время обеда — неприлично» (с. 28). Затем *закуска* стала все более придвигаться к обеду⁸, пока не превратилась в его часть⁹. В результате произошло переосмысление словообразовательной структуры этого слова, так что оно сблизилось с такими словами, как *затравка* или *закваска*, и понимается как небольшая еда, которая провоцирует большую, возбуждая аппетит¹⁰. В современном устройстве обеда совершенно исчезла идея перерыва между закусочной и обедом или тем более перехода в другое помещение¹¹.

Однако и наиболее частотным, и наиболее лингвоспецифичным является то значение слова *закуска*, как, впрочем, и глагола *закусить* (*закусывать*), в котором они указывают на действие, сопровождающее питье водки, самогона и т. п. *Закуска* указывает также на само блюдо, которым закусывают: *Селедка — классическая закуска; Такую закуску грешно есть помимо водки*. Ср.: *Таков же был трактир и «Арсентьича» в Черкасском переулке, славившийся русским столом, ветчиной, осетриной и белугой, которые подавались на закуску к водке с хреном и красным хлебным уксусом, и нигде вкуснее не было* (В. Гиляровский. «Москва и москвичи»); *А доктора сказывают, что питье тогда на пользу, когда при нем и закуска благопотребная есть* (М. Е. Сал-

⁸ Ср.: *Этот оживленный и оригинальный разговор занимал все общество во время закуски и продолжался за обедом* (Н. С. Лесков. «На ножах»); *Закуске последовал обед* (Н. В. Гоголь. «Мертвые души», том второй (позднейшая редакция)).

⁹ В следующем примере видно, что длительный перерыв между закусочной и собственно обедом не планировался: *Старания Агафьи Михайловны и повара, чтоб обед был особенно хорош, имели своим последствием только то, что оба проголодавшиеся приятели, подсев к закуске, наелись хлеба с маслом, полотка и соленых грибов, и еще то, что Левин велел подавать суп без пирожков, которыми повар хотел особенно удивить гостя* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»).

¹⁰ Сама возможность «энантиосемии» *закуски* связана также с многозначностью приставки *за-*. Эта приставка может соотноситься как с началом, так и с завершением. С началом соотносится, например, использование этой приставки в составе глаголов т. н. инхавитивного способа действия (*зашуметь, заволноваться, запеть*). На завершение же указывает употребление этой приставки в глаголах *завершить, засохнуть, замучить*. Кроме того, приставка *за-* имеет значение «уничтожить посредством соответствующего действия» (*зализать рану, замазать пятно*).

¹¹ Впрочем, еще в конце XIX или даже начале XX в. идея закуски и обеда в разных помещениях или хотя бы на разных столах кое-где сохранялась, ср.: *Дядя Хрисанф и Варвара переставляли бутылки с закускогого стола на обеденный* (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»).

тыков-Щедрин. «Господа Головлевы»); *Граф, по старинной привычке, выпил перед охотой серебряную чарку охотничьей запеканочки, закусил и запил полбутылкой своего любимого бордо* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»); *И смотрим, сидит за столом старичок, выпивает и грибочками закусывает* (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»). Показателен следующий анекдот, который чрезвычайно трудно переводим на другие языки: — *Что такое выпить на троих по-африкански? — Двое выпивают, третьим закусывают*. Ср. также разговорное клише *выпить-закусить*: *Кто-то сговаривался насчет «выпить-закусить», кто-то заводил мотоцикл, смеялись девушки* (В. Аксенов. «Апельсины из Марокко»).

Слово *закуска* в этом значении имеет также морфологические, синтаксические и сочетаемостные особенности. Оно употребляется преимущественно в форме единственного числа, причем часто с собирательным значением (*разнообразная закуска, кой-какая закуска*). Для него характерны сочетания с некоторыми предлогами, управляющими обозначениями напитка, который сопровождается *закуской*; ср. *закуска к водке, под водку*; с другой стороны, само это слово выступает в качестве зависимого при предлоге *под*: *можно пропустить стаканчик под закуску*.

Обратим внимание на важные семантические отличия *закусывать* от *заедать* (*заесть*), ср.: *заесть таблетку, заедать кефир булкой*. Если *закусывать* в норме предполагает только алкогольные напитки, то для *заедать* это не так. В следующем примере использование слова *закусывать* было бы невозможно: *За столом сидят двое, играют в домино, пьют кефир, заедают батоном* (М. Жванецкий. «Миниатюры»). Очень характерно противопоставление *закусывания* и *заедания* в следующем примере: *Пили самогон, закусывали заливным поросенком, хрустящими малосольными огурчиками, фундаментально пили чай, заедая каким-то невиданным вареньем* (А. и Б. Струтакие. «Град обреченный»). В *заедать* на первом плане идея последовательности: сначала едят или чаще пьют что-то, а затем *заедают* чем-то другим.

Интересно, что *закусывают* обычно не просто алкогольные, а именно крепкие напитки, причем чаще всего водку, самогон или спирт. Дело здесь не только в том, что легкие вина не требуют немедленного «закусывания», но и в том, что представление о трапезе с вином включает идею отдельной, самостоятельной ценности и еды, и питья; ср.: *Он хотел, чтобы все вокруг пили большими бокалами ледяное кахетинское, заедали сочащимися шашлыками и влажной хрустящей зеленью, чтобы плясали, захватив края*

рукавов в пальцы, выкрикивая азартно «асса!». Он хотел зарываться в душистые белокурые волосы и нависать над обнаженными пышными грудями (А. и Б. Стругацкие. «Град обреченный»); Боря барабанил на рояле фокс, сделанный под Баха, мы пили хванчкару, темную, густую, заедали крабами (Д. Гранин. «Дом на Фонтанке»). Ср. также следующий пример, в котором ясно, что и вина, и пряники рассматриваются как равноправные приметы роскошной жизни: *Наливают ей заморские вины; / Заедает она пряником печатным* (А. С. Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке»).

Однако и заедание крепких напитков не всегда естественно обозначить словом *закусить*. Дело в том, что *закусить* предполагает удовольствие. Немыслима замена *заедать* на *закусывать* в следующем примере: *Пили допоздна водку / Заедали кутьей* (А. Ахматова).

Закуска, хотя она и играет вспомогательную роль, должна подходить к выпивке, она оттеняет, сопровождает и украшает алкогольный напиток¹². Если же цель закусывания чисто функциональная — избежать быстрого опьянения, устранить сивушный привкус напитка или ликвидировать запах, чтобы скрыть факт выпивки, — иногда используется не слово *закусить*, а слово *зажевать*. Ср.: *Я залпом выпил водку и стал раздраженно зажевывать ее последней конфеткой* (В. Кунин. «Русские на Мариенплац»); *Положив трубку, он подошел к сейфу, достал металлическую фляжку, глотнул водки из горлышка, зажевал мускатным орехом, чтоб, значит, отшибло запах спиртного, и стал дожидаться прихода арестованной* (Ф. Незнанский. «Ярмарка в Сокольниках»)¹³.

Концепт *закуски* чрезвычайно существен для русской бытовой культуры. Существует стереотипное представление о том, как русские выпивают. В него входит не только идея большого количества выпитого, но и то, что выпивание сопровождается закуской и душевным общением. Характерно раздраженное замеча-

¹² Мы, разумеется, не утверждаем, что слова *закусывать* и *закуска* употребляются исключительно в случае, если речь идет о подходящем сочетании продуктов. Так, герои песни Галича «Право на отдых», выпив самогон и пиво и съев сельдь, *Закусили это дело кохалвой*. Однако в прототипическом случае *закуска* предполагает определенный порядок следования и вид продуктов.

¹³ Здесь можно упомянуть также весьма яркий глагол *заклюхать*. Заметим, кстати, что в последнее время появилось, по аналогии со словом *закуска*, также и слово *заливка* (безалкогольный напиток, предназначенный для того, чтобы запивать крепкий напиток).

ние Набокова, а также и то, что сделано это замечание по поводу Бунина: *Я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музыки — и душевных бесед* (В. Набоков. «Другие берега»). Связь *закуски* и общения не случайна. Здесь действительно предполагается особая культура питья. Если человек выпьет мало, то он не достигает того состояния раскрепощенности и душевной распахнутости, которое рассматривается как специфически русское и оценивается положительно. Если же человек выпьет слишком много, то он рискует оказаться выключенным из общения. *Закуска* позволяет снизить этот риск¹⁴. Именно такой модус, при котором люди выпивают, потом закусывают, потом «повторяют»¹⁵, и может привести их в искомое состояние. Именно поэтому *закуска* — не менее важный компонент русского застолья, нежели выпивка. В строках, приведенных в эпиграфе, *закуска* соединена с *по-русски* не только из-за рифмы. *Гулять по-русски* подразумевает не только выпивку, но и *закуску*.

Отметим еще некоторые особенности русского застолья. В нем не предполагается легкого блюда, перемежающего более серьезные кушанья (французское *антрме* так и не привилось в русской культуре)¹⁶. Зато в русском языке есть характерный лингвоспецифичный глагол *переложить*, означающий 'между двумя приемами крепкого напитка выпить что-нибудь слабоалкогольное' — ср.: *Мы пивком переложили, съели сельдь* (А. Галич. «Право на отдых»); напомним, что пили герои песни *первач*¹⁷.

Концепт *антрме* остался чуждым русской культуре не случайно: она, в сущности, не гастрономична. Удовольствия, связанные с трапезой, больше духовного, так сказать, спиритуального характера.

¹⁴ Правда, русская картина мира включает и представление об умении пить без закуски как о проявлении *удали* (ср. присказки *Закуска — враг выпивки*; *После первой не закусываю* и т. д.). Ср. также: *И выпил бутылку «Московской», не закусывая* (С. Довлатов. «Заповедник»).

¹⁵ *Выпили мы и закусили по следующему кругу без всякого вдохновения* (В. Аксенов. «Апельсины из Марокко»).

¹⁶ Значение, близкое к французскому *entre-mets*, приобрело в британском слово *entrée*, восходящее к французскому слову со значением 'закуска перед едой'. Показательно, что в американском варианте английского языка это слово указывает на главное блюдо, что, несомненно, связано с равнодушием американцев к кулинарным изыскам.

¹⁷ В этой связи стоит упомянуть глаголы *залакировать* и *заполировать*, которые также выражают идею последовательности приема различных напитков. Глаголам этой серии противопоставлена другая серия «алкогольных» глаголов типа *поправиться* или *догнаться*, в основе которых — идея достигаемого эффекта.

Смысловая структура слова *закуска* дополнительно обогащается благодаря тому, что разные его значения, во всяком случае — второе и третье, не всегда четко противопоставлены и нередко совмещаются. Ср.: *Заметьте, Иван Арнольдович, холодными закусками и супом закусывают только недорезанные большевиками помещики. Мало-мальски уважающий себя человек оперирует закусками горячими. А из горячих московских закусок — это первая* (М. Булгаков. «Собачье сердце»). Сочетание *горячая закуска*, вообще говоря, предполагает *закуску* как первую часть трапезы. И дело в цитируемой сцене действительно происходит в начале обеда. Однако обсуждаемый вопрос состоит в том, чем лучше закусывать водку.

У глагола *закусить* чрезвычайно легко совмещаются значения 'перекусить' и 'заесть крепкий напиток'; ср.: — *Папаша, — ответил Король пьяному отцу, — пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей... И папаша Крик последовал совету сына. Он закусил и выпил* (И. Бабель. «Король») ¹⁸.

Очень показателен также эпизод из «Василия Теркина», в котором Теркин ест яичницу, рассматривая ее то как *закуску* — этим он мотивирует необходимость выпить (*Полагается по-русски / Выпить чарку перед ней*), то как собственно еду — этим как бы оправдывается необходимость съесть много. В результате получается некая вариация на тему солдатской сказки о супе из топора, которая завершается странной на первый взгляд формулировкой: *Погоди, отец, наемся, / Закушу...* Все названные свойства русского слова *закуска* находят отражение в ходячей остроте: *Русские не едят, а только закусывают.*

ЛИТЕРАТУРА

Бирих и др. 1998 — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-фразеологический справочник. СПб., 1998.

¹⁸ По-видимому, тенденция к сближению разных значений слов *закуска* и *закусывать* усиливается. Именно поэтому следующие примеры из литературы прошлого века на современный слух звучат несколько комично: *Красин распорядился отлично: было чего есть, пить и закусывать* (Н. С. Лесков. «Некуда»); *Она подошла к столу, поставила поднос и ловко своими белыми, пухлыми руками сняла и расставила по столу бутылки, закуски и угощенья* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»); *Илья Ильич, не подозревая ничего,пил на другой день смородиновую водку, закусывал отличной семгой, кушал любимые потроха и белого свежего рябчика* (И. А. Гончаров. «Обломов»).

- Лубенская 1997 — *Лубенская С. И.* Русско-английский фразеологический словарь. М., 1997.
- Мельчук, Жолковский 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Похлебкин 1997 — *Похлебкин В. В.* Собрание избранных произведений. Кулинарный словарь. М., 1997.
- Kluge 1995 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York, 1995.

О НАЧАЛЕ И КОНЦЕ, ПЕРВОМ И ПОСЛЕДНЕМ В РУССКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Хотя слова *начало* и *конец* полагалось бы отнести к одному уровню абстракции, тем не менее *конец* — возможно, в силу того, что человек не знает и не чувствует своего физиологического начала, но способен ощущать и осознавать свой конец, — в человеческом воображении гораздо конкретнее начала (глаголы *начать/начинать* и *кончить/кончать* здесь не рассматриваются). И семантическая, и статистическая асимметрия *начала* и *конца* довольно очевидна. Статистика религиозных текстов народной культуры это подтверждает. Даже если отбросить устойчивые обороты *до конца, без конца, в конце концов* — *конца* будет гораздо больше, чем *начала*. Однако в концептуально ближайшей паре *первый–последний* соотношение иное: *первого* почти во всех фольклорных жанрах больше, чем *последнего*. Это скорее всего связано с тем, что слово *первый* открывает счетные ряды предметов, лиц, действий, ситуаций, весьма многочисленные в фольклоре (см. о словах *первый* и *последний* на материале свадебных причитаний [Кукушкина, наст. сб.], о *первом* и *последнем* в народных верованиях [Бондарь 1998]), но закрывает их чаще всего не что-то *последнее*, а наиболее типичное *третье*, а также *четвертое, седьмое, двенадцатое* (о структурообразующей функции чисел в культуре см. [Топоров 1982]; и это *третье* или *седьмое*, являясь в конкретном счетном ряду формально последним, может по своей семантике не быть окончательным. Зато более редкое *последнее* — особенно в религиозном фольклоре — входит в состав словосочетаний, обозначающих важнейшие культурные концепты, и тем перевешивает значимость *первого* (о сложной взаимосвязи *первого, нового* и *последнего* в русском литературном языке см. [Арутюнова 1997]).

Естественно, что эти слова — лишь частичка фундаментальных концептов начала и конца, выраженных множеством других способов — так, слово *последний* в похоронных причитаниях встречается в несколько раз реже, чем в свадебных, однако семантика *конца* и *последнего* выражена, как показано в [Невская 1993], через предикаты разъятия, разрушения, отделения. Тем не менее, если мы обратимся к текстам трех жанров: православных духовных стихов, духовоборских псалмов и молоканских духовных песен,

то увидим, что поведение означенных в названии статьи слов довольно отчетливо выражает особенности представленных в этих жанрах соответствующих культурно-языковых картин мира.

Начнем со слова *начало*. В корпусе текстов духовных стихов объемом около 140 000 словоупотреблений *начала* очень мало — в 10 раз меньше, чем *конца*. *Начало* — это прежде всего начало бытия/жития человеческого, или человеческого века:

От начала было века,
От первого человека.

(ЭМА)¹

В начале века сего тленного
Сотворил Бог небо и землю.

(Ляцкий, 164)

Ино зло племя человеческо:
В начале пошло непокорливо,
Ко отцову учению зазорчиво.

(Ляцкий, 165)

Обратившись к религиозным текстам русских протестантов, к которым принадлежат духоборцы и молокане, увидим, что слово *начало* в них более употребительно, чем в духовных стихах. Тому причиной близость рассматриваемых текстов к библейским — близость имплицитная, наружно отвергаемая у духоборцев, не признающих Библию, и декларируемая у молокан — горячих ее приверженцев. Библейские «В начале было Слово» и «Бог есть начало всему» в разных вариантах присутствуют в текстах духоборских псалмов и молоканских песен, а явные элементы дуализма — идея существования тьмы, хаоса и греха до начала творения мира («бысть тьма грешная») дополнительно стимулирует обращение к слову *начало*.

Слово *начало* в духоборских псалмах обозначает источник, когда относится к Богу, и время творения, когда относится к миру:

Не глагольте премудрость от начала миру века сего, но глагольте премудрость от начала Отца Бога... (ЖК, 183)

Сам Бог «не имеет ни начала, ни конца», но «его же шествие от начала и до конца» и «он сам есть начало и конец всему сущему».

{В.} Что есть «во имя Отца»? — {О.} Начало, Бог, Слово. (ЖК, 20)

¹ В иллюстрациях указаны страницы источников, кроме Смол., где указывается номер стиха.

Ср. в молоканских песнях:

Запиши труды, нас введи туды,
Где конец печали, где Царь Бог начала.

(СП, 141)

Будем мы славить Всевышнего Творца,
Нет Ему начала, не будет конца.

(СП, 75)

и в духовборских псалмах:

Члены общины уважают и любят Бога, как начало всему существующему (ЖК, 153)

Мир состоит из движения; все стремятся к совершенству и через этот процесс стараются соединиться со своим началом, как бы возвратить созревший плод семени (ЖК, 154)

Слово *первый* весьма употребительно во всех рассматриваемых текстах. В духовных стихах, употребляясь самостоятельно (вне счетного ряда), оно имеет значения 'первоначальный, самый ранний':

Черви еси, черви неусыпающая,
Всякому еси человеку встреча первая!

(Варенцов, 152)

и 'самый почетный':

Милослива жена милосердная
Она первая в раю пребывает.

(Ляцкий, 25)

Однако в подавляющем большинстве случаев слово *первый* открывает счетные ряды, сочетаясь с большим количеством самых разнообразных существительных, и в контексте этих счетных рядов приобретает свое значение. Часть текстов духовных стихов очень близка по стилистике к народным песням балладного типа, где в счетном ряду упоминаются те же элементы мира: *окошко, поле, дорожка, ласточка, замочик*:

Там лежить тела, тела белая.
А никто к телу ни признается.
Прилетали сюда да три ласточки:
Перва ласточка — яе матушка,
Перва ласточка — яе родная,
Друга ласточка — яе дочушка,
Треття ласточка — яе сястрица.

(Смол., 118)

Счетные ряды могут характеризоваться перечислением прототипических элементов, совокупность которых репрезентирует фольклорное пространство, например, из трех окон видны лес, поле, море [Никитина 2000] или странноприимство, когда нищий просит

Три милостыньки, три милостливы:
Первую ты мне милостыньку — попой, накорми,
Другую ты мне милостыньку — обуи и одень,
Третью милостыньку — спать уложи.

(ЭМА)

Выстроенные в ряд элементы мира не всегда можно упорядочить по значимости. В известном стихе о пятницах перечисляются, например, двенадцать равновеликих пятниц, в которые непременно нужно поститься и последовательность которых определяется календарем.

Большинство же счетных рядов характеризуются не простым перечислением, а нарастанием или убыванием значимости описываемых элементов или ситуаций; вариант значимости — приближение к цели/объекту или удаление от него:

— А я теперь, детки, за тремя замками.
Первый мой замочик — зямелька-дерночик,
Другой мой замочик — желтенький пясочик,
Третий мой замочик — гробовые доски.

(Смол., 122)

В счетном ряду с ласточками первое — *матушка* — самое значимое: в солдатской песне, где также к убитому прилетают *три ласточки*: первая — *матушка*, вторая — *сестрица*, третья — *жена*, эта значимость выражена в сравнении:

Матушка плачет — как река течет,
Сестрица плачет — как ручьи бегут,
Жена плачет — как роса падет:
Солнце выглянет, росу высушит.

(ЭМА)

В данном примере третий — *жена* — не просто менее значим, чем второй, но предельно незначимый. Однако чаще всего, если в счетном ряду происходит убывание значимости, т. е. первый — самый значимый, то третий обычно не выражает нижнего уровня значимости, и тогда возможен четвертый, пятый и т. д.:

Приготовили обед из двенадцати блюд:
Первые блюда — Господу Богу,
А вторая блюда — Иисусу Христу,

Третия блюда — Божьей Матери,
Четвертыя блюда — всем дитям-сиротам.

(Смол., 122)

Если же в счетному ряду происходит нарастание значимости, то *третье* — предел ее, т. е. *последнее*:

Как устала дочка раненька раненька,
Ай умылась дочка беленька беленька,
Ай пошла же дочка к Цмоку на зъеданья.
На первая поля узойшла — слезна плакыла,
На другая узыйшла — стала кланится,
На третия узыйшла — стала Бога просить.

(Смол., 129)

То же в счетном ряду с гробами:

Как у тэй церквы три гроба стоять,
Три гроба стоят, три святых лежат.
А в первам гроби — Отча Николай,
А в другом гроби — Мать Прячистая,
А в третим гробе — Сам Исус Христос.

(Смол., 44)

или в стихе о грехах, где самый тяжкий, непростимый грех — третий: убийство «брата хрестового» (Варенцов, 161).

Особо надо отметить противопоставление *первого* *второму* или // *другому* как равнозначных, но наделенных противоположными знаками: это два брата — бедный и богатый Лазарь:

Жили-были два братца родимых:
Первый-та братец — Лазарь багатай,
А другой братец — Лазарь скуднай.

(Якушкин, 180)

или две дороги — в рай и ад:

По тем по дорожкам идут многи люди.
Первая дорожка — во царство небесное,
Другая дорожка — во вечную муку.

(ЭМА)

Противопоставление же *первого* *последнему* в духовных стихах крайне редко.

В духовоборских псалмах слово *первый* так же, как и в духовных стихах, прежде всего — счетное слово. Счет упорядочивает и структурирует мир. Но если счетное пространство духовного стиха близко

к фольклорному, то в собственно духовоборских псалмах мир отношений человека и Бога выстраивается при помощи других элементов и иных счетных рядов, хотя, разумеется, есть совпадения: в духовоборскую Библию — устную «Животную книгу» включены духовные стихи и некоторые повсеместно известные апокрифы. Многие тексты духовоборских псалмов темны и малопонятны, трудно отделить ошибки в памяти носителей, запечатленные в публикации, от фрагментов текста, специально затемненных, иносказательных и подлежащих толкованию. Здесь нам важно только указать на явные отличия от счетных рядов традиционных фольклорных жанров. Триада остается главной, и прежде всего в толковании богочеловеческой Троицы, где первое лицо — Бог-отец — память, второе лицо — Бог-сын — разум, третье лицо — Бог-Святой дух — воля и где первое — первоначальное, или, вернее, безначальное. Однако распространены ряды из двух, четырех, пяти, семи и двенадцати элементов. Выбор элементов счетного ряда может производиться из набора метафорически («в духовном смысле») переосмысленных основных христианских атрибутов веры, предметная форма которых или их количество диктует счет, например:

{В.} На многих ли просвирах литургия Божия совершается?

{О.} На пяти вещах.

{В.} Что есть первая вещь и другая?

{О.} Согласие православной веры: вторая — в любви нелицемерной; третья — в поучении правому достоинству; четвертая — в принятии в чистоте и в почитании святых тайн; пятая — святитель и просветил-ся еси в нас (ЖК, 30)

{О.} Я верую кресту четырехконечному.

{В.} Что есть первый конец?

{О.} Первый конец — вера.

{В.} Что есть второй конец?

{О.} Второй конец — надежда, третий конец — труды, четвертый конец — питание (ЖК, 20)

Часто встречаются ряды из семи элементов. Обычно это непредметные имена:

{В.} Имеете ли вы в себе семь тайн нового завета?

{О.} Имеем.

{В.} Какие?

{О.} Первое — крещение; второе — миропомазание; третье — причащение; четвертое — покаяние; пятое — милосердие; шестое — брак душевный; седьмое — читай и почитай (ЖК, 23)

{В.} Что есть седем добродетелей?

{О.} Первая — смирение; вторая — нелюбостязание; третья — целомудрие; четвертая — терпение, пятая — пост, шестая — братолюбие; седьмая — бодрствование духовное (ЖК, 33)

Один из самых любимых духовборских псалмов — «двенадцать друзей», где первый друг — правда, второй — чистота и т. д.

Существенно, что в счетные ряды попадают наиболее значимые элементы духовборского мира, часто это абстрактные этические понятия, которыми должен руководствоваться человек, при этом первое является самым значимым, а остальные — в большинстве перечислений, — в отличие от духовных стихов, обладают примерно одинаковой значимостью, и в этом смысле счет обладает значимостью сам по себе. Зато налицо противопоставление первого и последнего:

{В.} Какое есть первое слово к Богу?

{О.} Помилуй меня, Боже.

{В.} А последнее слово?

{О.} Всякое дыхание да хвалит Господа (ЖК, 22)

Много раз — и в духовборских псалмах, и в молоканских песнях — повторяется библейское изречение, в котором *первый и последний* — вся полнота бытия:

...аз есть Альфа и Омега, начаток и конец, первый и последний (ЖК 129)

Первый (без последнего) по отношению к Божественным силам — и начальный в ряду, и источник. Так, Христос назван *первым духовборцем*: он дал учение людям и первый ему следовал.

В молоканских духовных песнях счетных рядов немного, на пример:

Первый друг мне полная вера,
А второй друг надежда.
Третие святая любовь.

(ЖК, 112)

Однако чаще всего ряды двучленны, а слово *первый* употребляется либо в противопоставлении *второму*, либо как равновеликий в последовательности: так, в песнях упоминается первое и второе пришествие Христа, а также

Первая Пасха святая,
Агнцем в законе взятая.

Вторая — Пятидесятница Богом дана,
Святой Дух нам подала.

(ЖК, 146)

В молоканской картине мира очень важно противопоставление рождения физического рождению духовному, когда человек получает крещение Святым Духом; оно может произойти в любом возрасте:

Первое рождение плоти угождение,
А второе рождение Богу наслаждение.

(СП, 103)

Первое и второе противопоставлены как ветхое, древнее, плотское — новому, духовному. Во втором рождении человек сбрасывает с себя ветхого человека. Однако первое есть источник и начало и может стать образцом для второго: так, прыгунский пророк и вождь Максим Рудометкин, по легенде взятый на небо во плоти, назван вторым Моисеем:

Первый древний Моисей
На гору вознесен.
А второй новый Моисей
В страну живых он унесен.

(СП, 380)

Как уже я упомянула, слова *конец* в религиозных текстах гораздо больше, чем *начала*. Конец окружен эсхатологическим ореолом. В духовных стихах слово *конец*, как и *начало*, также входит в словосочетания *конец века* и *конец жития*:

Идут лета сего света,
Приближается конец века.

(Варенцов, 170)

Нашему житию конец приближается.
Горе человеку умереть не покаявшуся!

(Варенцов 153)

Во множественном числе слово *концы* обозначает концы земли/вселенной, или земные концы:

Как рыкнул он окаянный (антихрист)
Во все концы во земные.

(Варенцов 189)

О конце *житию/веку* говорится прежде всего по отношению к человечеству вообще, однако это относится и к отдельной человеческой жизни:

Уж век-от твой, человече, скончается, алелуея.
 А конец-от твой, человече, приближается, алелуея.
 А тело-то твое, человече, земли предается, алелуея.

(ЭМА)

Из других существительных слово *конец* сочетается больше всего со словами *мука* и *радость*, поскольку вслед за концом человека и человечество ждет либо вечная мука, либо вечная радость. Грешников «осудил Господь их в вечную тьму, / И мукам их не будет конца», а праведникам «дарует царствие Свое, / Радости и веселию не будет конца».

Слово *кончина* — синоним конца и смерти — относится прежде всего к отдельному человеку:

Плачет человече он и рыдает:
 — Кабы я знал, кабы я ведал скорую кончину,
 За три бы года Богу молился,

но может обозначать и конец человечества:

Уже ошапошна времена,
 Уже последняя кончина.
 Народился злой Антихрист.

(ЭМА)

То же употребление слова *конец* мы видим в духовборских псалмах:

Когда будет конец века, тогда молнии сверкнут страшные,
 громы грянут громкие, земля и небо потрясется...

(ЖК, 122)

однако самое распространенное словосочетание — *концы земли*:

{В.} Кто вас отсель поведет?

{О.} Кто все концы земли пройдет, тот нас отсель поведет

(ЖК, 11)

Во «все концы вселенной пройдут небесные глаголы», «превзыдет глас громкий во все концы земли». Частота этих словосочетаний кажется неслучайной: в духовборском миропонимании (картине мира) истинное (=духовборское) учение, данное самом Христом, распространяется во все концы вселенной: дорогу туда символизируют нашивки на духовборской женской шапке [Никитина 1996]. И в конце века Божественный глас также идет во все *концы земли/вселенной*.

Перейдем к *последнему*. *Последний*, как мы показали, противостоит *первому* в очень ограниченных контекстах. В значении 'самый худший' («нищета последняя») употребляется редко, в чисто счетном значении 'конечный в ряду' тоже нечасто. Сочетания же слова *последний* с существительными *время, слово, прощение, конец/кончина, день/дни, лета, часочки/час, борьба, моление, пир, печать, страны, море, глас, труба/звук трубы, поход, свеча, враг, жизнь, победа* имеют отношение к фундаментальному концепту конфессиональных культур с эсхатологической направленностью — концепту последнего времени, или конца века, или *последнего конца* (тавтологичность имеет семантику усиления).

Остановимся сначала на текстах духовных стихов. Последнее время — *остаточная, останошная пора*, после которой — в православной традиции — следует Страшный суд, соединяющий конец времени и вечность. Время всеобщего конца страшно само по себе, это время расплаты за грехи:

Приходят времена последняя,
Нашему житию конец приближается.
Горе человеку умрети не покаявшуся!

(Варенцов, 153)

Оно осложняется тем, что в последнее время/времена явится и будет царствовать антихрист:

А в последнее время будет антихристово пришествие,
И с ним будут злые его мучители.

(Варенцов, 154)

Уже останошна времена,
Уже последняя кончина.
Народился злой Антихрист.

(Варенцов, 189)

Это время, или времена, *злые, лютые, останошные, остальные* — прилагательные равно относятся и *ко времени, и ко временам*:

Уж ты время, время злое,
Время злое, остальное,
Скоро будет еще злее,
Еще злее, остальное.

(ЭМА)

Ср.:

Слова Божии скончиваются.
Будуть ост/альные времена,
Годы подтрусл/ивья, натужл/ивья.

(Якушкин, 123)

В последнем времени можно различить два этапа. Первый — это довольно большой промежуток времени, в течение которого происходит множество различных событий. Сбываются эсхатологические приметы: «И будут болезни, и глады, и моры, / И братская кровь потечет», приходит Антихрист и лживые пророки, ставится печать и пр. Второй этап включает только одно событие — собственно конец, вселенскую катастрофу, когда

Земля и небо потрясется,
Белое к/аменье на земл/и распадется,
Престолы-завесы церковные порушатся,
Солнце-месяц померкнут,
Часты звезды повалятся...

(Ляцкий, 34)

Последнее время и последние времена кажутся на первый взгляд идентичными по семантике. Однако это не совсем так.

Последнее время может обозначать каждый из этих этапов и оба — один за другим. *Последние времена* — только первый этап, вмещающий много разных событий (ср. высказывание В. А. Плунгяна о качественной неоднородности периода истории, обозначаемого как *времена* [Плунгян 1997]).

Время может измеряться:

Скоро будет нам тое времечко злаго антихриста;
Время на три года будет и на шесть месяцев.

(Бессонов, 151)

Времена не измеряются: *времен на три года* не может быть.

Различное употребление форм единственного и множественного числа слова *время* подкрепляется высказыванием информантки-старообрядки: «Последние времена уже наступают. Все, о чем старики говорили, исполняется: по всей земле землетрясения, войны, болезни неизлечимые, дети родителей не слушаются, пьянство везде, бабы в брюках ходят. Сколь долго — не знаем. А последнее время придет — это когда небо в свиток свернется и солнце погаснет. Это уж самое последнее».

Последнее время предстает в духовных стихах безнадежно мрачным. Не то в духовборских псалмах и особенно в молоканских песнях. Хотя «в последние дни возмутится земля» и «Господь грядет с обличением во последней своей трубе», а затем «молнии сверкнут страшные, громы грянут громкие» и картина конца — последнего времени в духовборских псалмах — очень сходна с картиной конца в духовных стихах, надежда на спасение носителей истинной веры — духовборцев — очевидна:

{В.} А в последнем времени в чем твоя душа возрадуется?

{О.} Спасением вечным (ЖК, 56)

На скончании сего века, в последний день жених грядет, нам подобает пред ним хвалу воспеть, перед Спасителем, Богом нашим (ЖК, 203)

Миллениаристская идея — идея тысячелетнего Божьего царства на «новой земле», — свойственная многим христианским сектам, в духовборских псалмах выражена не очень ясно; гораздо отчетливее она в песнях молокан-прыгунов, называющих себя «сионским народом»:

Свято-звучно воспевайте,
В Сион сердца управляйте, —
Конец века ожидайте.

(СП, 10)

Бог издревле возвещал,
Что придет всему конец.
Когда смоковница разбухает.

(СП, 310)

(Разбухшая или расцветшая смоковница — главная эсхатологическая примета молокан — интерпретируется как воссоединение всех евреев в Израиле.)

Конец века приближается,
Суды Божия совершаются.
Скоро Спаситель к нам придет,
Любовь Свою к нам принесет.

(СП, 366)

В последний час «бьет последний трубный глас» и призывает:

Восстань, восстань ты избранный народ,
восстань идти последний нам поход.

(СП, 402)

В отличие от духовных стихов и духовборских псалмов, в молоканских песнях *последнего* больше, чем *первого*. Но если последнее время в духовных стихах православных — старо- и новообрядцев — ожидается с великим страхом, то в молоканских песнях встречается со светлой надеждой. Если в семантическом пространстве православного *последнего времени* (особенно старообрядческого) — *труссы* (землетрясения), *глады* и *моры*, *войны* и *рушащееся на людей небо*, а затем *Страшный суд*, то в молоканской картине мира *Страшный суд* отодвинут на тысячу лет, а в *трудное и смутное последнее время* брезжит на востоке *светлая*

заря, призывно звучит *последняя труба*, происходит первое (до Страшного суда) *воскресение* праведников и страдальцев, и избранный народ, одетый в белые ризы, идет в *последнее убежище* на новой земле — тысячелетнее царство, где его ждет радостная и безгрешная жизнь.

ИСТОЧНИКИ

- Варенцов — Сборник духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.
- ЖК — Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола, под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. Вып. 2. Животная книга духоборцев. Виннипег, Канада, 1954.
- Ляцкий — Ляцкий Е. Стихи духовные. СПб., 1912.
- СП — Сионский песенник столетнего периода. Лос-Анджелес, 1964.
- Смол. — Поминальные стихи Смоленщины. Архив кабинета народной музыки музыкальной Академии им. Гнесиных.
- Якушкин — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 1.
- ЭМА — Экспедиционные материалы автора статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1997 — Арутюнова Н. Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.
- Бондарь 1998 — Бондарь Н. И. Магия начала (некоторые аспекты традиционных верований славянского населения Кубани) // Памяти Никиты Ильича Толстого. Слово и культура. Т. II. М., 1998.
- Кукушкина, наст. сб. — Кукушкина Е. Ю. «Первое» и «последнее» в причитаниях (в настоящем сборнике).
- Невская 1993 — Невская Л. Г. Балто-славянское причитание. Реконструкция семантической структуры. М., 1993.
- Никитина 1996 — Никитина С. Е. Паронимическая аттракция или народная этимология? // Язык как творчество. К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996.
- Никитина 2000 — Никитина С. Е. Келья в три окошечка (о пространстве в духовном стихе) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Плунгян 1997 — Плунгян В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Топоров 1982 — Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. М., 1982.

Е. Г. ВЕДЕНОВА

СЕМАНТИКА «НАЧАЛА» И ИСТОКИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ИНТУИЦИИ

Среди семантики «начал» и «концов» особое место занимает семантика «Начала» — Начала мира, Начала человека, Начала языка и т. д., в некоторых случаях парадоксальным образом совпадающая с семантикой Конца. Так, в различных культурах бытует мифическое представление о вечности, в которую стянуты Начало и Конец времен. К примеру, «Сид», Другой Мир кельтов в ирландской мифологии, — это мир замкнувшегося на Равнине Блаженства времени, в котором вечно живут (т. е. *действуют*) и бессмертные боги, и избранные смертные. Роковым для смертного оказывается выход из замкнутого круга вечности — возвращение в человеческое время. Сага о плавании Брана рассказывает о счастливых, ставших гостями Островов Блаженных, но в порыве ностальгии пожелавших увидеть родные берега. Нарушая запрет Блаженных, один из спутников Брана выпрыгивает на берег и, едва коснувшись земли, рассыпается в прах [Широкова 2000, 192–195]. Таким образом, соприкосновение с пространством человеческого мира выводит в человеческое, «линейное» время — и протекшие века сразу же обрушиваются на несчастного.

Мы столкнулись с, казалось бы, случайной конкретностью одного из множества мифов. Однако не решенные окончательно проблемы параллельной мифологии, универсальности схем космогонического мифа или «бродячих» сюжетов приобретают дополнительную окраску при сопоставлении с базовыми математическими интуициями.

В частности, вышеприведенный сюжет удивительно пересекается с рассуждениями о бесконечности Николая Кузанского, для которого «бесконечная линия в действии есть сфера» и «бесконечность заставляет нас полностью преодолевать всякую противоположность» [Кузанский 1937, 31] — но не столько в свете классической логики, сколько в свете «ученого незнания». Размышления о бесконечности Кузанца несомненно способствовали

формированию интуиции создателей математического анализа (а в дальнейшем и обрели буквальную реализацию в виде идей проективной геометрии). Нам же важно подчеркнуть, что, несмотря на использование философских рефлексивных методов, «ученое незнание» Кузанца содержало и как бы дофилософскую, дорефлексивную компоненту. «Принцип, лежащий в основании философии Николая Кузанского, представляется ее создателю как прорыв в его сознание новой истины, которая не может быть опосредствована фигурами силлогистики, но исходит на него с внезапностью и непрерываемостью интуитивного озарения. Он рассказывает, что на пути из Константинополя его разум впервые как „божий дар“ озарила эта идея» [Кассирер 2000, 15]. Более того, эта компонента оказалась неустрашимым спутником математического творчества и более или менее явно проявляла себя на различных этапах становления новоевропейского математического знания. Так, уже Паскаль проблемы бесконечных сумм и бесконечной делимости, парадоксы геометрии, проявившиеся в математическом анализе, сравнивал с *кажушимися* нелепостями христианства: «Мы постигаем истину не только разумом, но и душой. Из последнего источника мы познаем первые принципы, и разум, не принимающий в этом участия, тщетно пытается сражаться с душой» [Клайн 1984, 158].

Сражениям «души и разума» на арене обоснования Анализа (т. е. попыткам объяснить, как из внутренне противоречивого предположения о существовании бесконечно большой величины оказалось возможным вывести такое количество правильных теорем) был посвящен весь XVIII в., а наступившее затишье лишь предвещало очередную бурю.

Странность в том, что парадоксальная с точки зрения логики обычного человеческого существования образность (вообще характерная для развертывающегося «Начала» космогонического мифа) оказывается конструктивной в универсуме математических идей.

Так, для выявления связи глубинной, архаической интуиции «Начала» с гораздо более молодой интуицией абстрактного числа обратимся к одному из гимнов последней, X книги «Ригведы»:

Не было не-сущего, и не было сущего тогда,
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним...
Дышало, колебля воздух, по своему закону Нечто Одно,
И не было ничего другого, кроме него...

Мы не будем останавливаться на уже вполне философских, рефлексивных рассуждениях по поводу Единого у Парменида и Платона, *логически* осознавших непостижимость Единого для мышления и породивших мощную философскую традицию; однако ситуация «родоначальника» абстрактного числа Пифагора гораздо менее очевидна. Скорее всего как риши, ведийский «тайнозритель», *увидел* рождение сущего (*sat*) из не-сущего (*asat*), подразумевая под ними оформленный космос и начальный (точнее, безначальный) неоформленный хаос [там же, 15], так и Пифагор в мистическом озарении увидел свою «единицу» как математическую манифестацию непостижимого Единого — как принцип, «начало» числа, которое само числом не является. Манифестирующая беспредельное двойка (тоже принцип, а не число) в совокупности с единицей составляли креативную оппозицию, порождающую все (целые) числа. Пифагора вдохновляла достаточно тогда неочевидная надежда описать «множественное» мира явлений через впервые им осознанное абстрактное число. Однако уже первые успехи, в частности теория пропорций, оказались под угрозой краха ввиду открытия несоизмеримых отрезков — и, как следствие, иррациональных чисел (а с ними и проблемы, ставшей центральной для древнегреческой математики). Отказ от развития теории чисел, практически полный переход на язык геометрии не спас положение и оказался лишь сугубо временным выходом.

В эллинистический период александрийские математики стали свободно использовать арифметику и алгебру, доставшиеся им в наследство от египтян и вавилонян (лишенные должной логической основы, эмпирически оправданные). При этом подходе такие иррациональные числа, как «пи», «корень из двух» или «корень из трех», вводились некритически и в случае необходимости заменялись рациональными приближениями [Клайн 1984, 126]. Фактически именно такой взгляд на иррациональное число формирует и у сегодняшнего школьника стандартный курс математики. И редко вне профессиональной математической среды осознается, что речь ведь идет об объектах по сути различной природы (дискретная совокупность и бесконечный процесс), в силу специфических оснований и причин объединенных именем «числа». Столь явное заблуждение относительно ситуации, достаточно проясненной еще в XIX в., в высшей степени показательны. Потому что его условием является *подмена* не охватываемого наличным рациональным дискурсом математического объекта его условным, символическим обозначением — фактически же бесконечному мно-

жеству иррациональных «чисел» можно было бы дать индивидуальные (вроде числа «пи») имена. В данном случае знак радикала и «пи» играли роль именно классических культурных символов, как бы «запечатывая» неосвоенную бесконечномерную семантику.

Этот семантический «джинн» может очень долго оставаться в своей «бутылке» — потому что на уровне прагматического использования в рамках сформировавшейся парадигмы большинство пользователей о нем попросту забывают и видят только «бутылку». Но приходит время, и предвечное «Начало» (или метафизический Принцип?) снова стучится и прорывается в сознание — и отдельный индивид оказывается впереди своего поколения, как бы многомудро и многознающе оно ни было. В истории математики подлинным джинном всегда была проблема бесконечности. И ее конструктивное (т. е. позволяющее математике эффективно развиваться и внедряться в другие предметные области) разрешение было так или иначе связано с выработкой нового символического языка, который наряду с компактизацией и пересмотром семантических блоков благополучно запаковывал и проблему бесконечности — до нового возвращения к «Началу».

ЛИТЕРАТУРА

- Кассирер 2000 — *Кассирер Э.* Избранное: Индивид и космос. М.; СПб., 2000.
- Клайн 1984 — *Клайн М.* Математика. Утрата определенности. М., 1984.
- Кузанский 1937 — *Кузанский Н.* Избранные философские сочинения. М., 1937.
- Широкова 2000 — *Широкова Н. С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000.
- Шохин 1997 — *Шохин В. К.* Первые философы Индии. М., 1997.

А. В. ЖАВНЕРОВИЧ

ДИХОТОМИИ «ПЕРВОГО–ПОСЛЕДНЕГО», «НАЧАЛА–КОНЦА» В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

В. С. Соловьев

Отцы Церкви, начиная с мужей апостольских, опираясь на евангельские тексты, на протяжении всей истории Церкви отстаивали идею о трансцендентном. Трансцендентное в данном контексте понимается как находящееся по ту сторону тварного мира. В основе, во главе всего этого трансцендентного нетварного мира стоит Сверхсущее, которое христианами именуется Господом Богом. Царство Божие отличается от мира тварного тем, что оно вне времени и вне пространства (гносеологический аспект). Тварный (имманентный) мир, напротив, заключен в пространственно-временной континуум (онтологический аспект), который может быть представлен как четырехмерное пространство или n -мерное, описываемое геометрией Эвклида или Римана и Лобачевского. О различии подхода к этим двум мирам предельно четко писал Кант в письме Ламберту от 02.09.1770, посылая ему диссертацию: «В самом деле, пространство и время, а также аксиомы, требующие, чтобы все вещи рассматривались в пространстве и во времени, вполне реальны применительно к эмпирическому знанию, ко всем предметам чувственно воспринимаемого мира и действительно содержат условия всех явлений и эмпирических суждений. Однако, если что-либо мыслится совсем не как предмет чувств, а посредством общего и чистого понятия разума, как вещь, субстанция вообще и т. п., то, пытаясь подчинить их основным мысленным понятиям чувственности, можно прийти к совершенно неверным выводам» (цит. по: [Кассирер 1997, 10]).

В Царствии Божием нет ни начала, ни конца. Христос рожден предвечно, и о себе он говорит в первой главе Апокалипсиса стих 8: «Я альфа и омега, начало и конец». Пресвятая Троица пребывает в Вечности. Троица имманентная вне времени и пространства. Троица икономическая (домостроительная): Господь Бог после воплощения становится человеком, для которого погружен-

ность в мир значит включенность в пространственно-временной континуум. Абсолютное вочеловечивание означает надежду и упование на наше спасение, ибо Он — Безгрешный — взял на Себя все наши грехи.

Понятие причинно-следственных отношений неприменимо к характеристике Царства Божия, а говоря об имманентном мире, мы не можем без них обойтись. В мире же трансцендентном, выражаясь гегелевским языком, происходит снятие. Диалектическая же диада «начало—конец» амбивалентна. Все дело в том, что трансцендентный мир — вне наших земных критериев. Св. Иоанн Златоуст замечает: «Говорить о первом и последнем (втором) мы отказываемся. Божество выше числа и последовательности времен» [Толкование 1993, 17]. В «Толковании на Апокалипсис» святой Андрей архиепископ Кесарийский пишет: «Словами Альфа и Омега означает Христос, как Бог содержащий все, **безначальный** и бесконечный. Сый, и прежде сый и конца не имый» [Св. Андрей 1901, 9]. В данном комментарии подчеркивается вечность Господа Бога. Мысль, доведенная до абсолютной логической ясности. Господь Бог над началом и концом, Он сверх-начала и сверх-конца. Этот богословский тезис будет впервые четко сформулирован в книге «О божественных именах» Св. Дионисия Ареопагита. Иоанн Златоуст определяет бытие Божие как присносущее и беспредельное.

Современные ученые, занимаясь богословскими проблемами, не обходят эти вопросы стороной. С. С. Хоружий пишет: «Христианская онтология имеет в своей основе универсальную модель реальности — модель онтологического расщепления, где существуют два горизонта бытия: подлинное и совершенное бытие (Абсолют, Бог) и бытие, в том или ином смысле несовершенное, недостаточное, ущербное; между ними — различие сущностей или природ, онтологическая дистанция, бездна. В библейско-христианском варианте модели ключевой предикат, различающий онтологические горизонты, есть тварность (созданность, сотворенность). Несовершенное бытие, — оно же здешнее бытие, чувственный, а равно умозрительный, интеллигибельный мир — в своей части не существует изначально (безначально) и независимо, но имеет какое-то происхождение, имеет источник и начало. Тем самым данное качество принадлежит и онтологическому горизонту в целом, как таковому: это — такое бытие, что не является собственным источником; бытие полученное, заемное, что то же — сотворенное (тварное — *κτίσις*). Оно предполагает, наряду с собою, свой внеположный себе источник, и таковым выступает другой

онтологический горизонт, бытие совершенное, чьи атрибуты включают самобытность, безначальность, нетварность. Отношение двух горизонтов в такой модели задается источным фундаментальным Актом: Творением. Этот Акт — вне времени и пространства, причинно-следственных связей, логики, „ибо прежде них всех“ [Хоружий 1998, 31]. Здесь перед нами прямая связь с европейской традицией платонизма. Читаем в «Тимее»: «Время — некое движущееся подобие вечности» (в переводе С. С. Аверинцева), а в переводе В. С. Соловьева — „подвижной образ вечности“, и устроая небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называли временем. Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовал для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это — части времени, а „было“ и „будет“ суть виды возникшего времени, и перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она „была“, „есть“ и „будет“, но если рассудить правильно, ей подобает одно только „есть“, между тем как „было“ и „будет“ приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени...» [Платон 1971, 477]. Диалог «Тимей» 37, d-e: *ἔκθ' ὅν κτῆν τὸν τῶν αἰῶνος*. И завершим этот краткий исторический обзор словами Писания: «Все сотворил Бог из ничего» (2 Мак. 7, 28).

Смерть как метафизическое понятие у Отцов Церкви рассматривается не только как конец жизни земной, но и как начало жизни Вечной. Св. Игнатий Брянчанинов писал о том, что настоящее есть грань, передвигающаяся безостановочно, грань между будущим и прошедшим, что существованию на земле предшествовало небытие, и конец существования на земле имеет образ уничтожения конечного, что земная жизнь — борьба между жизнью и смертью. Мы ясно видим релятивный принцип в пределах жизни земной и абсолютный принцип в Царстве Небесном.

Концепт «начало-конец» приобрел не просто огромное значение у Ария и в арианстве, но стал ключевым в построении этого учения, продержавшегося в течение нескольких столетий, во многом благодаря очень строгой логике изложения.

Попробуем также строго, но предельно кратко изложить это учение. Арий исходил из того, что Господь Бог — один (для его времени уже богословски обоснованный монотеизм). Он был всегда и всегда будет. Характеристика Бога Отца в Святой Троице — *ἀγέννητος*. Второе лицо Троицы — Бог Сын — Иисус Христос — Он по определению — *γεννητός* и Святой дух происходит от Отца и Сына.

Иначе говоря, обосновывается иерархичность не только в Царстве Небесном, но и в самой Пресвятой Троице. Если Отец не рожден, а Сын рожден, следовательно, было время, когда Сын не был рожден. Арий дает это в формуле $\tilde{\eta}\nu \text{ } \rho\acute{o}\tau\epsilon \text{ } \acute{o}\tau\epsilon \text{ } \omicron\upsilon\chi \text{ } \tilde{\eta}\nu$ (было время, когда его не было). Рождение, появление происходит в какой-то момент, т. е. имеет начало, включено во временной поток. Непосредственно видно, как все основано на рационально-логических посылках и Арий выступает как своего рода Декарт среди еретиков.

Арий рассматривает трансцендентное так же, как тварное, ставя между ними знак равенства. Как ни пытается наука объяснить все земное рационально, но и она сталкивается с невозможностью мир весь описать, используя только строго рациональные категории, встречается с множеством неразрешимых парадоксов, следствием чего является кризис во многих отраслях естествознания и даже возникновение неклассических физик, математик не помогает выходу из кризисного состояния этих наук. Невзирая на их внешние ошеломляющие успехи, теоретическое и философское осмысление фундаментальных оснований этих наук однозначно свидетельствует, что кризис не преодолен.

Арий также пытался рационально, с помощью формальной логики анализировать трансцендентное и прилагать те же критерии к Абсолюту, какие прилагаются к миру тварному, находящемуся в постоянном становлении. Анализируя учение Ария сквозь призму концепта «начало—конец», мы видим, что если все так, как полагает Арий, значит, Сын имеет начало и по принципу субординационизма Он подчинен Отцу. Значит, Он создан, сотворен, а все созданное (тварное) имеет конец. Поэтому Иисус Христос — « $\chi\tau\iota\varsigma\iota\alpha$, $\chi\tau\iota\varsigma\iota\varsigma$ » — тварь. А Богом Иисус Христос становится лишь в момент Его Крещения Иоанном Крестителем, нисхождение Святого Духа на Иисуса Христа как человека подтверждается гласом с Небес, глаголящим: «Сие есть Сын Мой возлюбленный» (Мф. 3:17). В этот момент происходит соединение Неба и Земли, мира трансцендентного и имманентного.

Но из чего, как Господь Бог создавал Своего Сына? $\epsilon\kappa \text{ } \mu\eta\tau\omicron\upsilon$ — из ничего. В чем же гносеологическая ошибка ереси Ария? Он пытается на основе формальной логики и рациональных доводов рассматривать догматическое учение, т. е. применяет те же критерии к Пресвятой Троице, как и ко всему земному.

В. В. Болотов в «Лекциях по истории Древней Церкви» комментирует положение Ария: «Арий так излагал свое учение. Отец един есть Бог нерожденный; Сын — от Отца имеет свое бытие; таков основной смысл его формулы: $\tilde{\eta}\nu \text{ } \rho\acute{o}\tau\epsilon \text{ } \acute{o}\tau\epsilon \text{ } \omicron\upsilon\chi \text{ } \tilde{\eta}\nu$. Полагая,

что Сын есть творение, Арий хотел отклонить гносеологические воззрения на рождение из существа Отца. Из соединения этих двух положений вытекает центральная мысль его доктрины: Сын произошел из не-сущих $\epsilon\tilde{\zeta}$ οὐκ ὄντων. Для Ария до рождения Сына существовал только Бог и то абсолютное ничто, из которого создан мир. И если Сын не произошел ни из вечной материи (ее не было), ни из существа Отца, то Он получил бытие из не-сущего. Был момент, когда Сын не существовал, и т. о. ясно, что Бог произвел Его не существующего» [Болотов 1994, 11–12].

Рассматривая концепт «первые–последние», прежде всего надо отметить ту историческую путаницу, которая возникла в первых комментариях к евангельским текстам и продолжает бытовать до сего дня. Иероним Стридонский в «Четырех книгах толкований на Евангелие от Матфея», излагая известную притчу о блудном сыне, «в которой старший сын завидует младшему и не хочет, чтобы он был после раскаяния принят, и обвиняет отца в несправедливости. А чтобы мы знали, — пишет Иероним Стридонский, — что она (притча) имеет указанный нами смысл, и начало притчи, и ее конец согласен между собою. „Так будут, — говорит Он, — последние первыми, и первые последними“» [Иероним Стридонский 1901, 176]. И такое же изложение находим в дальнейших толкованиях. На протяжении столетий. Но если мы обратимся непосредственно к Библии, то текстуальный анализ нам покажет, что эти слова звучат совершенно в другой притче — о брачном пире. «Замечая же, как званые выбирали первые места, сказал им притчу: когда ты будешь позван на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал тебе: „уступи ему место“; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: „друг! пересядь выше“; тогда будет тебе честь перед сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя сам возвысится» (Лк. 14: 7–10).

В притче же о блудном сыне даже не употребляются слова «первые» и «последние». Даже в Толковой Библии под редакцией Лопухина священник Фивейский остается в пределах этой искаженной парадигмы, опираясь на греческое слово οὐτως , «которое может здесь значить: вот, в таких или подобных случаях (но не всегда)» [Толковая Библия 1911–1913, 315].

Таким образом, происходит сужение семантического значения концепта «первые–последние», а с исторической, богослов-

ской, философской, этической точек зрения этот концепт в евангельских текстах приобретает первостепенное аксиологическое значение. Б. И. Гладков в «Толковании Евангелий» однозначно указывает на ценностные характеристики этого концепта: «И такой самовозвышающийся человек, считающий себя не таким, как прочие, и потому всегда стремящийся занять первое место, будет пристыжен и унижен, когда на окончательном суде над родом человеческим ему предложат занять свое, то есть последнее место» [Гладков 1910, 450].

Причем, как и в случае рассмотрения концепта «начало-конец», мы видим принципиально различное его значение в применении к рассмотрению мира трансцендентного и имманентного. В пределах жизни земной диалектическая диада «первые-последние» не только амбивалентна, но и имеет в своем построении релятивный аксиологический принцип, в отличие от мира трансцендентного. Поскольку наше тварное бытие связано пространственно-временным континуумом и мы находимся в мире становящемся, то любая ценность приобретает относительный характер. Только тогда, когда мы ее соотносим с Абсолютом, она избавляется от аксиологического релятивизма. Только в сопоставлении с Добром, Красотой, Истиной эти призрачные категории приобретают свой подлинный смысл. В имманентном мире все ценности относительны именно потому, что они аксиологически соотносятся с ценностями мира греха. В этом смысл догматического учения о Царстве Божиим. Безусловно относительный характер ценностей имманентного мира становится очевидным в сопоставлении с абсолютными ценностями Царства Божия — мира трансцендентного.

Итак, при рассмотрении дихотомий «первые-последние», «начало-конец» мы видим, что они приобретают различный семантический смысл и функции при рассмотрении мира трансцендентного и мира имманентного.

Трансцендентному миру присущи константы (сущностные характеристики): 1) абсолютное, 2) одно-однозначное в понятийной сфере, 3) отсутствие дихотомии причина-следствие и следовательно, каузальных зависимостей. Тварному миру присущи константы: 1) аксиологический релятивизм, 2) амбивалентность, 3) наличие дихотомии причина-следствие.

Все это необходимо учитывать при рассмотрении и анализе вышеназванных концептов, ибо их богословский, философский, этический, лингвистический смысл непосредственно парадигматически зависим от избранного ракурса.

ЛИТЕРАТУРА

- Болотов 1994 — *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней церкви. М., 1994. Т. 4.
- Гладков 1907 — *Гладков Б. И.* Толкование Евангелия. СПб., 1907.
- Иероним Стридонский 1901 — *Иероним Стридонский.* Четыре книги толкований на евангелие от Матфея. Киев, 1901.
- Кассирер 1997 — *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. СПб., 1997.
- Платон 1971 — *Платон.* Соч. в 3-х т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1.
- Св. Андрей 1901 — *Св. Андрей.* Архиепископа Кесарийского «Толкование на Апокалипсис». М., 1901.
- Соловьев 1974 — *Соловьев В. С.* Стихотворения. Л., 1974.
- Толкование 1993 — *Иже во святых отца нашего Иоанна архиепископа Константинополя града Златоустого.* Толкование на св. Матфея евангелиста. М., 1993. Кн. 2.
- Толковая Библия 1911–1913 — *Толковая Библия.* Пг., 1911–1913. Т. 3.
- Хоружий 1998 — *Хоружий С. С.* К феноменологии аскезы. М., 1998.

В. И. ПОСТОВАЛОВА

НАЧАЛО И КОНЕЦ В ПРАВОСЛАВНОМ МИРОСОЗЕРЦАНИИ

Но любовь, начало которой Бог, не имеет ни насыщения, ни конца, потому что ее питает бесконечный Бог.

Святитель Игнатий Брянчанинов

1. Ключевые слова и концепты духовной культуры в аспекте герменевтики

...символ... с семантической точки зрения устроен так, что он передает смысл посредством смысла, в нем первичный, буквальный, земной, часто физический смысл отсылает к фигуральному, духовному, часто экзистенциальному, онтологическому смыслу, который никак не может быть дан вне этого косвенного обозначения. Символ... зовет к интерпретации...

Поль Рикер

1) Реалии, концепты и ключевые слова духовной культуры

Описание мира духовной культуры предполагает рассмотрение в тесной взаимосвязи трех ее важнейших составляющих: *реалий* (вещей, жизненных ситуаций, мифологем), значимых для данной культуры и концептуализируемых в ее пространстве, *концептов* (понятий и образов) как их смысловых отображений, образующих концептосферы миропредставлений данной культуры, и, наконец, *ключевых слов* языка культуры, воплощающих эти концепты.

Наиболее глубокую, сокровенную и трудно уловимую часть мира духовной культуры составляют ее концепты, которые лишь частично объективируются в лежащей в ее основании картине мира и, по образному выражению Ю. С. Степанова, как бы «парят» над концептуализированными областями. Хотя концепты при своем воплощении и могут выражаться не только в слове, но также в образе и даже

в материальном предмете, все же основной формой их выражения в культуре является именно слово [Степанов 1997, 40].

Полное значение слова включает в себя в лингвистически адаптированном виде всю культурно значимую часть содержания концепта, или, в терминологии Степанова, весь образующий его «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» и других ментальных образований [там же].

Одну из задач целостного описания значения слова в рамках культурной семантики составляет изучение коннотаций, сопутствующих лексическому значению слова в «контексте разных культур, эпох и умонастроений», а также раскрытие символики слова и логики образа, стоящего за словом в сознании носителей языка соответствующей культуры [Арутюнова 1998, 734–735; Толстой 1995].

Исследование языка как системы символов, за которыми «стоит духовная жизнь людей», стимулирует, в свою очередь, по мысли Н. Д. Арутюновой, разработку особых методов интерпретации текста — экзегезы, критики текста, анализа поэтической речи и, наконец, герменевтики [Арутюнова 1997, 658].

Как показывают исследования в области лингвистической палеонтологии и культурологии (О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкий и др.), логика образа и символика слова, стоящая за словом в сознании носителей языка, определяется во многом в своих глубинных основаниях особенностями миропонимания, лежащего в основании культуры и языка как символически значимой деятельности людей. Связь логики образа и символики слова с миропониманием становится особенно очевидной при рассмотрении уникальных процессов содержательного осмысления универсальных категорий сознания в концептах духовной культуры и их отображения в ключевых словах языка культуры.

В данной работе мы попытаемся описать некоторые особенности использования и осмысления универсальных категорий *начала* и *конца* в православно-христианском дискурсе, связанные со спецификой понимания реальности в православном мирозерцании. Работа содержит три раздела. В первом рассматриваются общие подходы к толкованию ключевых слов и концептов культуры в герменевтической перспективе. Во втором описываются специфические черты православного мирозерцания, релевантные для толкования концептов и ключевых слов православной духовной культуры, а также дается характеристика *начала* и *конца* в православно-христианском дискурсе. В третьем разделе эксплицируются некоторые лингво-богословские образы *начала*

и *конца* в православном миросозерцании на основе материалов второго раздела. При этом в отличие от второго раздела, где описание мировоззренческого знания, связанного с категориями начала и конца, проводится преимущественно в рамках богословского контекста формирования этого знания, в третьем разделе экспликация образов *начала* и *конца* в православном миросозерцании осуществляется с учетом лингво-богословской компоненты представления этих образов.

2) Герменевтика и уровни смысловой организации текста

Герменевтика определяется обычно как искусство и теория истолкования текстов. В широком понимании она трактуется как общетеоретический подход к раскрытию «духовной сути» различных проявлений культуры и истории. В более же специальном понимании она определяется как совокупность принципов, относящихся к истолкованию текстов, имеющих духовную глубину, — поэтических, философских, религиозно-мистических и др. [Василенко 2000, 43].

Основу герменевтики составляет *интерпретация*, состоящая в смысловой дешифровке текста и раскрытии его глубинного содержания.

Герменевтика текстов, имеющих духовную глубину, — классических священных текстов и прежде всего Библии — включает несколько уровней интерпретации. К ним относятся: собственно *лингвистический*, или «грамматический», уровень, направленный на буквальное прочтение текста, *культурно-исторический*, направленный на толкование смысла текста и значений слов с учетом знания культурно-исторических реалий, а также *философский* уровень, связанный с первичной философской рефлексией смыслового содержания текста. Этот последний уровень интерпретации не является завершающим. Для священных текстов, как замечает Х.-Г. Гадамер, философское искусство истолкования есть только лишь «преддверие» [Гадамер 1988, 232]¹.

¹ Продолжая это рассуждение, можно сказать, что философия, как и лингвистика, выступает здесь в роли своеобразной *ancilla theologiae* или шире — *ancilla religionis*. На «подсобную» роль лингвистического анализа применительно к ситуации перевода текста Св. Писания на другие языки обращает внимание А. Д. Шмелев в совместной книге с Т. В. Булыгиной о языковой концептуализации мира [Булыгина, Шмелев 1997, 538–539].

Отметим также, что изначально и сама герменевтика конструировалась в качестве вспомогательной дисциплины для богословия [Шпет 1989, 233].

Подлинным же ключом к пониманию таких текстов служит *мистико-религиозный* уровень интерпретации, задачей которой является установление мировоззренческого знания и духовного смысла, стоящего за очевидными наивно-языковыми и культурно-историческими смыслами слов интерпретируемого текста. Данный смысл является глубоко сокровенным, и даже мистико-религиозная экспликация выявляет лишь отдельные моменты стоящей за ним бесконечной реальности, что имеет свои объективные основания. Откровение, по христианскому вероучению, — это «одновременно и тайна, и некоторая ее явленность» [Василенко 2000, 115].

В библейской герменевтике была разработана сложнейшая смысловая стратификация текста Св. Писания. Исторически наиболее часто в составе этой стратификации различали *буквальный*, или исторический, смысл и три *духовных* смысла — *аллегорический*, *тропологический* (моральный) и *анагогический* «сверх-смысл», возвышающийся, по словам Данте, до «вещей вечной славы» (см.: [Шпет 1989, 234–231]).

В библейской экзегетике исторически сложились две традиции истолкования и объяснения текстов Св. Писания — *александрийская*, *мистико-аллегорическая* («тайнственная»), согласно которой внутренний смысл как «смысл Божественный» открывается лишь при посредстве благодати (см.: [там же, 237]), и *антиохийская* традиция *историко-грамматического* («дословного», буквального) толкования, для которой, напротив, было характерно чрезмерное подчеркивание человеческого, разумного момента в Откровении и «слишком большая привязанность к букве и историческому элементу» [Христианство 1995, 332, 330].

В реальном истолковании отмеченные выше типы интерпретаций бывают тесно связаны, что можно увидеть на примере анализа библейской конструкции «В начале...» (Быт 1:1) и (Ин 1:1) у святителя Василия Великого и С. С. Аверинцева.

В «Беседах на Шестоднев» Василий Великий начинает свое толкование библейского «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1) с вопроса о том, что означает это *начало*. Началом, пишет святитель, может называться и первое движение, и основание вещи («то, с чего начинается какая-нибудь вещь»), и искусство или мудрость для художника, и, наконец, конечная цель, которая может послужить основанием наших поступков. Василий Великий строит свою интерпретацию, опираясь последовательно на каждое из этих значений и пытаясь понять, нельзя ли их применить к данному выражению.

Следуя таким путем, считает святитель Василий, можно понять, с какого момента времени началось строение этого мира, взойти к первому дню бытия, найти, с чего во времени началось первое движение, дойти до мысли о существовании основания, с помощью которого были «положены небо и земля», и затем, полагая, что существует какой-то «художественный Ум», распоряжающийся «украшением» видимых вещей, как показывает само слово «начало», понять, для какого же «полезного конца» был «измышлен» этот мир [Василий Великий 1991, 10].

С. С. Аверинцев усматривает очевидную смысловую связь двух начал — «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1) и «В начале было Слово» (Ин 1:1) — на основе данных библейской филологии с привлечением материалов классической (античной) и новой филологии. Он полагает, что *начало*, о котором идет речь в этих обоих случаях, есть нечто большее, чем «временная категория *Big Bang*, темпоральная точка отсчета, момент 0, исходный пункт физической длительности» [Аверинцев 2001, 389], и видит здесь семантику бытийственного основания, истока бытия. По его мысли, уже греческое $\alpha\rho\chi\eta$ имеет богатейшую семантику онтологического принципа. Поэтому «принцип» (*principium*), считает он, и есть адекватный латинский перевод греческого $\alpha\rho\chi\eta$. (В переводе Вульгаты «В начале было Слово» (Ин 1:1) и «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1) звучат соответственно как: «*In principio erat Verbum*» и «*In principio creavit Deus coelum et terram*».)

С. С. Аверинцев обращает внимание также на то, что в библейских текстах за греческим $\alpha\rho\chi\eta$ стоит семитская семантика, и считает неслучайным, что Акила, пытавшийся осуществить новый греческий перевод Ветхого Завета на основе строгого буквализма, переводил евр. «берешит» не «в начале», как в Септуагинте, а — «в главном» (еврейское *br'sjt* одного корня со словом *r'sh* «голова»).

Приступая далее к толкованию евангельского «В начале было Слово» (Ин 1:1), Аверинцев полагает, что Слово Божие здесь — не просто *содетельная причина*, *causa efficiens* и — через эту причинную функцию — *временное начало* всех мировых процессов. Оно «являет Собою также „формальную“ и „целевую“ причину сущего, как „Главное“ — Первообраз первообразов и Цель целей» [Аверинцев 2001, 389].

3) Православная экзегеза и ее принципы истолкования текста

В православной экзегезе наивысшим авторитетом при решении герменевтических проблем истолкования текстов Св. Писа-

ния служат суждения святых отцов Восточной Церкви. Святоотеческие толкования, образующие Святоотеческое Предание, вместе со Св. Писанием рассматриваются в православной традиции как два различных способа «выражения одной и той же полноты Откровения, сообщенного Церкви» [Лосский 2000, 515]. При этом, как подчеркивает В. Н. Лосский, если Св. Писание и все то, что может быть выражено написанными или произнесенными словами, литургическими изображениями или же какими другими символами, суть различные способы выражения Истины, то Св. Предание есть единственный способ воспринимать Истину в «присущем ей сиянии», а не в «естественном свете» человеческого разума [там же, 525].

Герменевтика текстов Св. Писания в православной духовной традиции опосредуется, таким образом, Св. Преданием, поскольку для православия экзегеза неотделима от аскетики. По этой традиции, «держат» на толкование Св. Писания могут только те, кто прошел путь духовного подвига и стяжал посредством подвижнических трудов «ум Христов», т. к. только у очистившегося через духовное делание ум может приводиться в непосредственное соприкосновение с духовным смыслом Св. Писания [Максим Исповедник 1993, 246, 337]).

Важнейшей особенностью святоотеческого толкования библейского текста является широта прагматического контекста интерпретации (каковым становится фактически все пространство православно-христианской вероучительной системы), а также догматическая обоснованность экзегезы, подчиненность ее задаче охраны православного вероучения и чистоты духовного опыта Богообщения. Так, при рассмотрении вопроса о возможном тождестве двух *начал* — (Быт 1:1) и (Ин 1:1) — православное богословие опирается на позицию отцов Восточной Церкви об онтологическом различии этих начал и отвергает богословские решения об их онтологическом тождестве или их достаточном сближении, приводящие к серьезным вероучительным искажениям.

Православная герменевтика стремится избегать двух опасностей при толковании Библии: рассудочного толкования ее таинственной символики (без «взлета веры») и буквального понимания конкретного символизма текста Св. Писания, без учета специфики древнейшей поэтической (сакраментальной) логики его формирования и философской рефлексии его содержания [Лосский 1991, 230–231]).

2. Герменевтика начала и конца в православнохристианском дискурсе: мировоззренческое знание и его богословский контекст

1) Православное миросозерцание и статус универсальных категорий *начала и конца* в его составе

Миросозерцание в обычном смысле слова означает совокупность воззрений на мир (действительность). В философии различают *эмпирическое* созерцание индивидуальных предметов и *эйдетическое* созерцание их сущности (эйдосов). В святоотеческом православном богословии созерцание понимается как *тайнозрение* в противоположность деятельности как аскетическому подвигу восхождения в Богопознании. По слову св. Исаака Сирина, созерцание есть «ощущение божественных тайн, сокровенных в вещах и в их причинах» [Исаак Сирин 1993, 14].

Православное миросозерцание в свете такого понимания предстает как восприятие мира, или реальности, в его глубинных основаниях, открываемых в православном духовном опыте и вероучении. По выражению преп. Григория Синаита, существует восемь основных предметов созерцания для приобретших с помощью благодати «полное очищение ума»: 1) Бог, Троическое Единое и пресущественное Божество; 2) порядок и строй жизни разумных существ; 3) устройство существующего; 4) «домостроительное схождение Слова»; 5) общее воскресение; 6) «страшное Христово пришествие»; 7) «вечное мучение» и, наконец, 8) Царство Небесное [Григорий Синаит 1999, 72].

В этих словах преп. Григория Синаита запечатлены главные моменты христианско-православного миропредставления, в состав которого входят такие события – «мифологемы», как: сотворение мира Богом из «ничего», грехопадение, Боговоплощение, кончина мира, Парусия, или Второе пришествие Христа, всеобщее воскресение во плоти, Суд, создание нового Неба и новой Земли, новая жизнь в Царствии.

Созерцание как тайнозрение составляет в православии важнейший момент мистического (таинственного) богословия, являющегося одновременно и «созерцанием Бога», и «выражением Невыразимого» [Мейендорф 1995, 4].

Православное вероучение, рассматриваемое в типологической перспективе, включает в себя (см. [Хоружий 1994, 252]): 1) общие мотивы и постулаты религиозного сознания; 2) общие мотивы и положения, связанные с христианской догматикой; 3) общие мо-

тивы и постулаты, связанные собственно с православием. К первой группе относятся: монотеизм (теизм), вера в пророчество, учение о Рае и Аде. Ко второй группе — учение о сотворении мира, догмат о Боговоплощении, учение о бессмертии души и Церкви. К третьей группе — учение о предназначении человека к «благодатному» обожению, а также учение о почитании святых икон и мощей.

В нашем описании концептов *начала* и *конца* в православно-христианском дискурсе эти моменты не будут специально различаться, и далее, говоря о православном мирозерцании, мы будем рассматривать как рядоположенные такие его основные черты, как *монотеизм*, *персонализм*, *креационизм*, *мистический историзм*, *эсхатологизм* (веру в конец и преображение мира), *сотериологизм* (учение о спасении), определяющие специфику понимания данных концептов в православной духовной культуре.

Первый вопрос, который возникает при рассмотрении универсальных категорий *начала* и *конца* в православном мирозерцании, касается того, какие мифологемы-реалии и объемлющие их сферы православного вероучения выражаются и осмысливаются с помощью этих категорий. Очевидно, что свой универсальный статус эти категории сохраняют и в православном мирозерцании. *Начало* и *конец* выступают здесь как своего рода координаты, с помощью которых представляют апофатически (путем отрицания) или катафатически (путем утверждения) пределы и основания реальности (Божественной и Боготварной) в ее динамике, в трансцендентной и имманентной перспективе. В православном мирозерцании это — Бог в Самом Себе и в Его отношении к творению (миру и человеку), Церковь как Богочеловеческое образование и, наконец, творение (мир и человек) в трех своих состояниях — первоизданное творение, грехопадение и восстановление во Иисусе Христе, а также, по преп. Максиму Исповеднику, в трех модусах — *генесис* (акт творения), *кинесис* (становление), *стасис* (покой).

В христианском миропредставлении существует специальная мифологема-реалия с именем «Начала» (греч. ἀρχή), а также мифологемы, имеющие в своем содержании признаки *начала* и *конца*, например, Царство, Суд и др.

Начала — седьмой ангельский чин небесной иерархии. Как пишет Дионисий Ареопагит, уже само имя небесных начал «обнаруживает их богоподобную начальственность... и способность всецело обращать себя к преначальному Началу и другими начальственно руководить, и самому этому началотворящему Началу по мере сил служить отображением...» [Дионисий Ареопагит 1997, 89].

**2) О Боге в Самом Себе
и в Его отношении к миру и человеку
в аспекте начала и конца**

О Боге в Самом Себе

Если в рассуждениях о Боге встает вопрос о Сущности Его, то тогда наступает время молчать. Однако, если речь идет о действиях Его, знание о каковых может снизойти также и к нам, тогда наступает время говорить о всемогуществе Его, повествуя о творениях Его и изъясняя деяния Его, используя для этого слова.

Святитель Григорий Нисский

Православное богословие различает в Боге — едином Существо и троичном в Лицах — единую природу (сущность), три Ипостаси и нетварные энергии, или действования, в которых Пресвятая Троица проявляет Себя вовне тварному миру.

Эти энергии раскрываются в бесчисленных Именах Божиих, таких как *Добро, Жизнь, Красота* и др., именующих Божественные свойства, проявляющиеся через действия этих энергий. По православному вероучению, сущность Божия непостижима, и можно говорить не о том, что есть Бог в Самом Себе, но только о Божественных свойствах, открываемых в Его энергиях и именуемых в Божественных именах.

В православном богословии традиционно различают *апофатические*, или *онтологические*, Божественные свойства и *катафатические*, или *духовные*. Катафатические свойства и соответствующие им «положительные» имена — *премудрость, разум, всеведение, всемогущество, святость, свет, правда, любовь* — говорят о том, каким образом Бог открывается в мире как разумно-духовное начало. Апофатические свойства и выражающие их «отрицательные» (по своему смыслу) имена — *самобытность, неизменяемость, вечность, вездеприсутствие* и т. д. — характеризуют совершенство и полноту Божественной природы и бытия Бога. Не определяя Его Сущности и не сообщая о ней какого-либо положительного знания, они утверждают, что Бог выше всяких ограничений, свойственных конечному тварному бытию.

Апофатические свойства выражаются путем отрицания данных ограничений, включая и ограничения, связанные с идеей *начала и конца*. Так, апофатическое свойство *самобытности* от-

рицает «ограниченность по началу и причине своего бытия» [Давиденков 1997а, 88]. Если все существующее имеет начало, то Бог, будучи самодостаточным, имеет начало лишь Сам от Себя. Начало Пресвятой Троицы — Отца, Сына и Духа Святого — «в Ней Самой, а не над Ней», и не существует ничего такого, что бы Ее превосходило [Лосский 1991, 220].

Помимо существенных Божественных свойств, общих для всех Лиц Пресвятой Троицы, в православном богословии различают также *ипостасные*, или *личностные*, свойства Бога. Поскольку личностное бытие не поддается определению в понятиях (личность неповторима и уникальна), то ипостасные свойства Божества выражаются через ипостасные отношения между Лицами. Эти отношения именуются как *нерожденность*, или *безначальность* (ипостасное свойство Отца), *рождение* (рожденность — ипостасное свойство Сына) и *исхождение* (ипостасное свойство Св. Духа). Характеристика этих свойств в святоотеческих толкованиях традиционно осуществляется с помощью категорий-мифологем *начала* и *конца*. По святоотеческому учению, рождение Сына от Безначального Отца — *безначально*, «предвечно» и «*нескончаемо*» [Алипий 1998, 145].

Пресвятая Троица, по православному вероучению, есть Единое Божество, единый Бог, неизреченный, *безначальный*, несозданный, неразделимый, и все три Лица Пресвятой Троицы равно *со-безначальны и со-вечны* [Симеон Новый Богослов 1993, 80, 97]. Признавая одновременно и единство, и различие трех Лиц в Боге, троичное богословие Восточной Церкви признает, что различие Лиц исходит от Единого Личного Начала. Эту идею выражает православное понятие *единоначалия*, или *монархии*, Отца, в соответствии с которым Отец сообщает Свое Божество во всей его полноте двум другим Лицам, берущим свое начало от Отца как Единого Начала [Лосский 1991, 218].

О Боге в Его отношении к творению

Если о Боге в Самом Себе в аспекте *начала* и *конца* в троичном богословии Восточной Церкви говорится как о *Начале*, *Безначальном* и *Бесконечном*, то о Боге в Его отношении к творению (миру и человеку) говорится не только как о *Начале*, но и о *Конце* всего существующего, что символически выражается в «Откровении» Иоанна Богослова словами «Альфа и Омега», «Первый и Последний», «начало и конец», которые, по различным интерпретациям (см., напр.: [Булгаков 1991, 222]), могут быть отнесены как к Отцу (Откр 1:8; 21:6), так и к Сыну — Иисусу Христу (Откр 1:10; 22:13; 21:6).

По православному вероучению, Бог в Его отношении к миру и человеку выступает как Творец, Промыслитель, Спаситель, Судия и Мздовоздатель. В Божественной икономии (домостроительстве спасения) наличествует такая вневременная последовательность: Началом, или Источником воли и действия, является Отец, а Совершителем — Сын, действующий посредством Духа Святого (см.: [Алипий 1998, 153]). По словам святителя Афанасия Великого, «Отец творит все Словом в Духе» [Афанасий Великий 1994, 64], или, как писал святитель Василий Великий: «Начало всех вещей одно — То, что творит через Сына и совершенствуется в Духе» (цит. по: [Мейендорф 2001, 295]).

По учению преподобного Максима Исповедника, среди Лиц Пресвятой Троицы в ее деятельности по отношению к тварному миру действующим и творческим Началом во времени по преимуществу является Логос, или Сын: «Отец благоволит, Сын действует, Дух усовершенствует (содействует)» [Епифанович 1996, 60]. Характерно, что преп. Максим, выдвинувший учение о трех модусах существования творения (генесис, кинесис, стасис), в своих рассуждениях о домостроительстве воплощения Сына Божия опирается на категориальное противопоставление *начала, конца и середины*. По словам Максима Исповедника, Бог есть «Начало, Срединка и Конец сущих». Он есть Начало как Творец, Срединка — как Промыслитель и Конец — как Заключение [Максим Исповедник 1993, 215–216].

Именуя Бога *Началом, Серединой и Концом*, преп. Максим продолжает традицию мистического богословия Дионисия Ареопагита, согласно которому Бог есть и Вечность, и Начало, и мера Бытия, «существуя до сущности, сущего и вечности» и будучи «творящим сущность Началом, ее Серединой и Концом» [Дионисий Ареопагит 1997, 211].

3) О творении в аспекте *начала и конца*

Начало

В отличие от полноты и самобытности Божественного бытия, тварное существование не самодостаточно и не самобытно. В самом тварном мире нет никакого основания и никакой опоры для его возникновения и бытия. По христианскому вероучению, тайна творения заключается в том, что оно было создано Божественной волей *ex nihilo*, из «ничего» и есть не природная необходимость, а — «свободный дар неизреченной любви» [Флоровский 1998, 464]. По логике христианского вероучения, если мир был создан из «ничего», то это значит, что он не существовал вечно и имеет свое начало. Как замечает Афанасий Великий, «твари — из ниче-

го и имеют начало бытия», ибо «в начале сотвори Бог небо и землю, и яже в них» [Афанасий Великий 1994, 61].

По православному миропредставлению, «начало» Книги Бытия «таинственно» сопоставляет два рода тварного бытия — вневременный, умопостигаемый, идеальный, ангельский мир, пребывающий в зоне, и чувственно-постигаемый мир, причастный времени (см. [Максим Исповедник 1993; Геронимус 1999а; Геронимус 1999б, 77]). Пребывая «вне времени», но имея, как и время, свое начало, будучи тварной реальностью, зон «соразмерен» времени, поскольку только «вечность Божества неизмерима» [Лосский 1991, 78].

Конец

Православное учение о творении эсхатологично и телеологично. По этому учению, мир, имеющий свое начало, движется к своей конечной цели — соединению с Богом, поскольку в своем изначальном и конечном призвании тварь предназначена к соединению с Богом, причастию и приобщению Его жизни [Флоровский 1998, 115].

Конец и начало

Эсхатология может «начинаться» только с конца, замечает В. Н. Лосский. Но этот конец — не предел, а «непрерывно возобновляющееся начало» бесконечного пути к соединению с Богом, к обожению [Лосский 2000, 595]. По православному вероучению, конец творения во времени не означает абсолютного конца творения. Он не означает прекращения бытия творения, предназначенного существовать в вечности. «Тварь, случайная по самому своему происхождению, начала существовать, — пишет Лосский, — но существовать она будет вечно», и смерть и уничтожение не станут возвратом в небытие, ибо «слово Господне пребывает во век» (1 Петр 1:25) и «Божественная воля непреложна» [Лосский 1991, 72].

3. Образы начала и конца в православном миросозерцании: основное значение, коннотации, ассоциации, символы

Язык человеческий... не адекватен вполне самой Истине, да и исчерпать Ее ему не под силу.

Прот. Иоанн Мейендорф

Уже из приведенного выше краткого описания интерпретаций универсальных категорий начала и конца в православном миросозерцании становится очевидным, что специфика этих категорий проявляется здесь не на уровне формально-логической

структуры понятия, а на содержательно-мифологическом уровне мировоззренческого знания, определяемого особенностями понимания реальности в этом мирозерцании. Специфика эта обусловливается тем, что в православном вероучении речь идет о представлении реальности, не создаваемой естественным образом (сверхчувственной реальности), в свете которой воспринимается вся действительность, и что для передачи этой реальности (Бог в Самом Себе и в Его отношении к миру, ангельский мир), а также мифологем-реалий Священной Истории в Св. Писании и Предании применяются слова и концепты, используемые для описания реалий-предметов естественного созерцания, к числу которых принадлежат и универсальные категории начала и конца.

Основная особенность толкования *начала* и *конца* в православном мирозерцании заключается в том, что эти категории мыслятся здесь не как абстрактные смыслы, а как 1) конкретные имена — Имена Божии (*Начало, Конец, Безначальный, Бесконечный* и т. д.), а также 2) смысловые компоненты конкретных ситуаций-реалий, мифологем, событий и т. д. (сотворение мира, Парусия, или Второе Пришествие Христа, Суд, Царство и т. д.) или же отдельных моментов этих ситуаций.

1) Концепты *начала* и *конца* в Божественных Именах

В обычном словоупотреблении *начало, середина* и *конец* рассматриваются, по словам Максима Исповедника, как отличительные признаки «существ, разделенных временем», и шире — «всего, обозреваемого в веке сем» [Максим Исповедник 1993, 215–216]. В своем прямом, положительном смысле (как обозначение темпоральной точки исходного момента и завершения некой физической длительности) категории *начала* и *конца* не могут быть применены к Богу для выражения образа Его «внутрибожественной жизни». Божество не представляет собой вещь, в которой можно было бы созерцать категорию отношения. Пребывая в вечности и в беспредельной бесконечности, Бог Сам по Себе не есть *ни начало, ни конец или же середина* [там же].

Универсальные категории *начало* и *конец* (применительно к Богу и образу Его внутрибожественной жизни, а также в Его отношении к миру и человеку) выступают в Св. Писании и Предании в составе Имен Божиих:

1) в своей *субстантивной* (как имя существительное) и *адъективно-субстантивной* форме (как субстантивированное имя прилагательное);

2) в *катафатическом* (положительном), *апофатическом* (отрицательном) или *апофатически-катафатическом* смысле;

3) в значении *онтологического принципа и бытийственного основания, первопричины, истока и завершения бытия*.

В православном богословии Бог в Самом Себе — единый в Существе и троичный в Лицах — именуется в *апофатически-адъективной* форме как а) *Безначальный* (в смысле имеющий бытие от Самого Себя, а не от другого, и сосредоточивший в Самом Себе «всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится» [Григорий Богослов 1994, 524]), а также б) *Бесконечный* (по православному вероучению, Бог как существо безусловно простое не имеет конца Своего бытия и будет существовать вечно).

Безначальный в святоотеческой интерпретации означает также «*беспредельный и неисследимый для познания*» [там же, 525].

Иногда для подчеркивания предвечного характера безначальности как беспредельности святые отцы говорят о *пребезначальности* и *сверхбезначальности* Бога. «Если Бог обладает не безначальными энергиями, оставаясь им за пределами... то как Он будет пребезначальным и сверхбезначальным?» — спрашивает святой Григорий Палама [Григорий Палама 1992, 335].

В тринитарном богословии имя *Безначальный* используется при описании образа внутрибожественной жизни Пресвятой Троицы в качестве прямого именования Первой Ипостаси — Отца как имеющего бытие, не заимствованное ни от кого, а, по мысли св. Григория Богослова, даже и от Себя Самого [Григорий Богослов 1994, 302], а также в качестве составной части именования Сына — как *безначально-Рожденного*. По выражению святого Григория Богослова, «собственное... имя Безначального есть Отец, безначально-Рожденного — Сын и нерожденно-Испедшего или Исходящего — Дух Святой» [там же, 441].

По православному вероучению, в Пресвятой Троице различие Лиц исходит от Единого Личного Начала, от которого превечно берут свое начало Вторая и Третья Ипостаси. В святоотеческом богословии Отца называют *Началом*, когда хотят подчеркнуть, что речь идет о Первой Ипостаси Пресвятой Троицы как «Виновнике» Рожденного (Сына). Говоря, что Отец безначален, святые отцы утверждают при этом, что Сын не безначален, поскольку Началом является Отец как «Виновник» и «Причина». Всякий раз, когда слышим, что «Отец — начало и более Сына», замечает св. Иоанн Дамаскин, то должно понимать это в смысле причины [Иоанн Дамаскин 1992, 20].

В рассуждениях о Боге в Его отношении к миру и человеку и в молитвенном обращении к Нему в святоотеческом богословии ис-

пользуют *катафатически-субстантивные* имена *начало* и *конец* в значении истока бытия творения и его цели, именуя Бога как *действительное* и *причинное Первоначало*, *Начало* и *Источник всякого действия* (Отец), *Начало всяческих, действующее и творческое Начало* (Сын), а также как *Конечную Цель всего существующего*, *Окончание*, *Завершение*, как *То*, ради чего существует творение.

По «Ареопагитикам», Бог — «всех сущих... Начало и Окончание — Предсущий: Начало — как Причина, Окончание же — как Тот, ради Которого они существуют» [Дионисий Ареопагит 1997, 219]. Когда же говорят о Воплощении как начале Божественного кенозиса (нисхождения) Второго Лица Пресвятой Троицы, то *начало* используют здесь, по наблюдению прот. А. Геронимуса, в значении *первое в ряду последующего и логическое основание*.

Святитель Григорий Богослов обращает внимание на специфику использования имен *Начало* и *Безначальный* в троическом богословии, связанную с отношением их к категории времени. В «Слове», посвященном догмату о Пресвятой Троице, он замечает: «...Не должно в Отце умять достоинство — быть началом, принадлежащим Ему как Отцу и Родителю... Когда говорю — началом: ты не привноси времени... Отец *безначален*... А Сын, если представляешь Отца виновником, *не безначален* (потому что началом Сыну — Отец как виновник); если же представляешь себе начало относительно во времени, — *безначален* (потому что Владыка времен не имеет начала во времени)» [Григорий Богослов 1994, 301–302].

В православном Предании при описании Бога в Самом Себе и в Его отношении к миру и человеку встречаются не только чисто адъективно-апофатические и субстантивно-катафатические имена, но также сложные адъективно-апофатические и субстантивно-катафатические образования. Бог именуется здесь как *безначальное Начало* и *бесконечный Конец* всего [Софроний 1985, 249], *наипредельнейший Конец* [Максим Исповедник 1993, 226, 227], *сверхсущностное Первоначало бытия* и *Конец спасаемых* [там же, 215, 226].

Из двух семантических типов имен, связанных с идеей начала и конца, в святоотеческих толкованиях наиболее разработан первый тип. В «Ареопагитиках» Бог именуется как *Начало*, *творящее сущность*; *Преначальность*, *Презначальность* и *Пресущность*; *Предсущее* (*Пресущественное*) *Начало* и *Причина*; *единое сверхначальное* и *сверхсущественное Начало* и *Причина всего*; *Презначальное Начало* и *Началотворящее Начало*; *Преначальное начало*; *Начало* и *Причина всех сущих*, *начало мира*, а

также Богоначальное Начало всякой сущности и Богоначалие. По комментариям преп. Максима Исповедника, автор «Ареопагитик» называет *Богоначалием* «царящую над всем Троицу», поскольку Она — начало и так называемых богов, и ангелов, и святых [Дионисий Ареопагит 1995, 19].

По православному вероучению, Имена Божии как энергично проявляемые вовне Божественные действия — эквивалентны, взаимосвязаны и предполагают друг друга. Поэтому коннотациями и ассоциациями Имен Божиих *Начало* и *Конец*, *Безначальный* и *Бесконечный* и др. в православно-христианском дискурсе являются, строго говоря, все Божественные Имена. В святоотеческих описаниях такие имена и выражаемые ими свойства перечисляются обычно как рядоположенные, как, например, в «Точном изложении православной веры» св. Иоанна Дамаскина, который пишет: «...Бог — *безначален, бесконечен...* вечен, постоянен, несотворен, непреложен, неизменяем, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неописуем, беспределен, недоступен для ума, необъятен, непостижим, благ, праведен, Творец всех тварей, всемогущ, Вседержитель, все надзирающий, Промыслитель обо всем, имеющий власть [над всем], Судия...» [Иоанн Дамаскин 1992, 3].

При более узком и специальном понимании коннотаций ближайшими и собственно коннотативными синонимами *начала* и *конца* в православно-христианском дискурсе применительно к Богу в Его отношении к миру и человеку являются отмечаемые выше выражения «Альфа и Омега» и «Первый и Последний» в «Откровении» Иоанна Богослова.

2. Концепты *начала* и *конца* в мифологемах-реалиях Священной Истории и за ее пределами

По православному вероучению, Бог сотворил мир из ничего (ex nihilo). В Св. Писании речь идет о двух «началах» относительно этого творения ex nihilo. Одно *начало* — вневременное, — касающееся характеристики образа внутрибожественной жизни Пресвятой Троицы, символизируется фрагментом «В начале было Слово» (Ин 1:1). Другое *начало*, находящееся на грани вечности и времени и касающееся характеристики исходного момента сотворения мира, символизируется фрагментом «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1).

В беседе на евангельское «В начале было Слово» (Ин 1:1) Василий Великий, подчеркивая сложность задачи такого толкования («Кто составит соответственно предмету понятие о начале? Какая сила речений окажется способною равносильно выразить представляемое в

уме?» [Василий Великий 1993, 266]), видит основную черту этого *начала* в невозможности представить относительно него какой-нибудь «крайний предел», поскольку невозможно отыскать ничего, что было бы вне такого *начала*. И хотя существует множество начал у многих вещей в этой жизни, замечает святитель Василий, но все они служат началом только для некоторых из них и лишь в отношении к чему-либо одному. Так, началом черты является точка, началом поверхности — черта, а началом тела — поверхность. Но лишь одно из всех начал «над всеми начало». И это — начало, о котором идет речь в интерпретируемом отрывке (Ин 1:1).

Это первое начало — «превечно» и уникально. Пребывая за «пределами всего» и простираясь далее всего мыслимого, это «начало», по словам Василия Великого, свободно, ни с чем не связано и не рассматривается в отношении к чему-либо. За его пределы не «переступает разумение», и далее его нельзя простирались помыслами [там же, 268].

Второе начало (Быт 1:1) как первый момент «после ничего», *post nihilum* сотворения мира, есть, по православному миропредставлению, некая мгновенность на грани вечности и времени. «Тварь возникает в некоторой „внезапности“, одновременно вечной и временной, — пишет В. Н. Лосский. — „Начало“, логически аналогичное геометрическому понятию грани... есть своего рода мгновенность; сама по себе она вневременна, но ее творческий порыв порождает время» [Лосский 1991, 232].

Это второе начало — мгновенно, не подвержено времени, не состоит из частей, непротяженно. Его бытие парадоксально. Оно — и момент, и более чем момент [Флоровский 1998, 455]. Начало времени, полагает св. Василий Великий, — еще не время и даже не «самомалейшая» его часть подобно тому, как «начало пути еще не путь, и начало дома еще не дом» [Василий Великий 1991, 10]. *Начало*, о котором идет речь в Книге Бытия, пребывало «ранее бытия мира» как некоторое состояние, «превысшее времени», «вечное», «присно продолжающееся», в котором Творец и «Зиждитель всяческих» осуществил сотворение мира [там же, 7–8].

В православном мирозерцании различается *частный* и *общий* Суд, или *совершенный конец*, т. е. индивидуальная кончина каждого человека и кончина мира в целом, когда наступит всеобщее воскресение [Иоанн Дамаскин 1992, 116]. Как и *начало* (сотворения) мира, *конец* мира по своему статусу пограничен, находясь на грани времени и вечности. Можно сказать, что *конец*, как и *начало*, тоже есть своего рода онтологическая мгновенность, но мгновенность, которая уже не начинается, но прекращает

время. Как и начало сотворения мира, этот абсолютный конец бытия мира парадоксален. По словам прот. Г. Флоровского, конец и принадлежит к цепи событий и одновременно обрывает ее, «происходит» в истории и одновременно «отменяет» ее [там же].

Абсолютный конец мира находится на грани имманентной и трансцендентной реальностей. Завершая земное бытие творения, конец, по православному миропредставлению, не означает тем не менее прекращения бытия и возвращения творения в небытие, в состояние «ничто», но знаменует собой переход к новой форме существования твари — приобщению Царству, сущему от начала.

По православному вероучению, хотя конец и является ожидаемым, кончина мира будет внезапной, когда мир не будет этого ожидать. Конец явится неожиданностью, но неожиданностью не только в смысле внезапности, но и еще более в смысле «отсутствия ожидания конца» [Вениамин 1998, 21].

Тема *начала и конца* в разных своих ракурсах связана с важнейшими моментами православного вероучения и его догматическими основаниями. Поэтому без преувеличения можно сказать, что при широком толковании понятия *коннотации* и *ассоциации* коннотативное и ассоциативное поле этих концептов совпадает практически со всем контекстом (пространством) православного миропредставления и связанной с ним мифологии.

Глубинные коннотации и ассоциации *начала и конца* применительно к Боготварной реальности в православном мирозерцании определяются также особенностями индивидуальных религиозно-мифических представлений и переживаний соответствующих мифологем-реалий, характерных для отдельных христианских культур, а также отдельных лиц. Одной из таких мифологем, входящих в ассоциативно-коннотативное поле *конца* в православно-христианском мирозерцании, является мифологема *Суда*, обозначающая в христианской эсхатологии «предстоящий в конце времен Суд вторично пришедшего Иисуса Христа над всеми когда-либо жившими людьми, воскресающими во плоти для этого Суда и получающими по приговору Судьи сообразно со своими делами вечное блаженство в раю или вечное наказание в аду» [Аверинцев 2001, 165]. По православному миропредставлению, этот *Суд* — *абсолютный, Суд Божий, Суд встречи с Богом* [Флоровский 1998, 456].

Замечая, что окончательное исполнение участи всего человечества будет состоять в «последнем Суде», прот. И. Мейендорф обращает внимание на то, что в современном русском и церковнославянском языках «не совсем правильно» говорят о «Страшном Суде» [Мейендорф 2001, 389]. Для греческого и английского языко-

вого сознания это — *день Судный* (ср. англ. Doomsday), для латинского — *вселенский Суд* (лат. *indicium universale*), для немецкого — *последний Суд* (нем. *das jüngste Gericht*).

3. Образы соотношения начала и конца в православном мирозерцании

Для православного мирозерцания характерно представление о разной силе и степени онтологической взаимосвязанности *начала и конца*, определяемой тем, применительно к какой ситуации идет речь о *начале и конце*: 1) чисто *имманентной* ситуации существования тварного мира, 2) *имманентно-трансцендентной* ситуации, связанной с соприкосновением времени и вечности, и 3) *трансцендентной ситуации*, касающейся внутрибожественной жизни Пресвятой Троицы (в той мере, как это открыто человеку) и действий Бога по отношению к миру и человеку.

Для православного мирозерцания взаимосвязанность *начала и конца* в отношении к творению, рассматриваемому в *имманентной* перспективе, неотделима от их отношения ко времени, которое рассматривается здесь не просто как поток или круговращение, но — как «телеологический процесс, внутренне устремленный к конечной цели» [Флоровский 1998, 448]. Поскольку само время понимается в православной космологии как некий линейный отрезок времени, со своим началом и концом, то, по этому представлению, начавшееся со временем будет иметь и свой конец во времени, и, следовательно, история будет также иметь свой конец, в котором она «исполнится» и «совершится» [там же].

Соотносительность *начала и конца* в пределах тварного мира, рассматриваемого в чисто имманентной перспективе существования по законам тварного естества, согласно православному миропредставлению, имеет симметричный характер. Кто «приписывает движению начало, тот обязательно не усомнится и относительно его конца, — замечает святитель Григорий Нисский, — а кто не допускает конца, тот не принимает и начала» (цит. по: [Макарий 1999, 495]).

При *соприкосновении имманентного мира с трансцендентной реальностью* такая симметричность нарушается. Если начало предполагает конец, а точнее бесконечность, то бесконечность, или «нескончаемость», в свою очередь, не предполагает обязательно *безначальности* [Флоровский 1998, 110]. Как утверждает св. Иоанн Дамаскин, «что безначально, то и бесконечно; а что бесконечно по благодати, то никак не безначально, как [например] Ангелы» [Иоанн Дамаскин 1992, 17–18].

Специфику православной интерпретации универсальных категорий *начала и конца* применительно к пониманию Божественной и Боготварной реальности составляет признание *глубинной тождественности этих категорий* — от абсолютной тождественности до тождественности, имеющей динамический характер стремления к достижению такого тождества. По замечанию прот. А. Геронимуса, «в богословии, в котором Основание есть... Альфа и Омега, начало и конец» (Откр 1:8), начало уже исходит из конца», а Конец — «Царство Свободы, Сущее от Начала» [Геронимус 1999а, 71; Геронимус 1999б, 123].

О полной соотносительности и тождественности категорий начала и конца в святоотеческом богословии речь может идти только применительно к Богу в Его отношении к миру. Здесь тождество *начала и конца* в их положительном смысле имеет абсолютный характер: Бог, по «Откровению» Иоанна Богослова, есть «Альфа и Омега, начало и конец».

Применительно же к образу внутрибожественной жизни Пресвятой Троицы (в той мере, как это открыто человеку), о соотносительности и тождественности *начала и конца* речь может идти только в плане отрицания этих свойств. Бог, по образу Своего Бытия, в святоотеческом представлении, — и *Безначальный* и *Бесконечный*.

В положительном же смысле говорить о соотношении *начала и конца* применительно к Богу в Самом Себе невозможно. Если понятие *начала* применительно к Богу в Самом Себе широко используется в тринитарном богословии — для именованя Первой Ипостаси (Отца), то понятие *конца* в его положительном смысле в силу специфики его значений (как завершения чего-либо, достижения цели, темпоральной или пространственной границы) для именованя образа внутрибожественной жизни Лиц Пресвятой Троицы принципиально неприменимо.

Что же касается творения, рассматриваемого в аспекте Боготварной реальности, то несомненно, что ощущением становящегося тождества *начала и конца* — совпадения *конца* с *началом* и приближением к нему как чаемому состоянию — проникнута вся церковная и мистико-аскетическая жизнь православия.

Динамический характер тождества *начала и конца*, по православному вероучению, имеет в истории много проявлений. К ним относятся: 1) *провозглашение в Ветхом Завете пророчеств о будущих событиях* («Я возвещаю от начала, что будет в конце» — Ис 46:10); 2) *осуществление в истории прообразов будущего*. Как пишет св. Ефрем Сирин: «Когда Христос придет с неба, тотчас не-

угасимый огонь потечет всюду пред лицом Христовым и покроет все. Ибо потоп, бывший при Ное, служил образом сего неугасимого огня. Как потоп покрыл все вершины гор, так и огонь тогда покроет все» [Ефрем Сирийский 1912, 142]; 3) *предначинание в историческом времени того, что ожидается после конца*. То, что «в конце», может частично осуществляться в истории, хотя и не во всей своей полноте. К таким событиям и состояниям могут быть отнесены моменты и состояния абсолютной (максимально возможной для человека) соединенности с Богом или же, напротив, полной разъединенности с Ним, достигаемые в историческом времени раньше всеобщего конца, или, другими словами, полярные состояния «обожения» и «ада». Первое состояние — энергичное, благодатное обожение — достигается при молитвенном восхождении подвижников, в аскетическом подвиге «умного делания». Воскресение, как пишет В. Н. Лосский, — это «не только чаяние», но уже и «присутствующая реальность». Парусия «начинается в душах святых» [Лосский 1991, 183].

Второе состояние — «ада», понимаемого не как «место», но как «абсолютное противление» души Богу, или, другими словами, состояние абсолютной разделенности человека с Богом, — бывает при свободном отпадении человека от Бога. Ад, пишет прот. Г. Флоровский, «в конце», но он в наши дни «уже есть» [Флоровский 1998, 464, 465].

Преддверием Царствия на земле служит, по православному вероучению, Церковь, которая в своих молитвах и таинствах «воспроизводит — вспоминает» в своей полноте еще не наступивший «опыт» пребывания в грядущей реальности Царства [Геронимус 1999б]. Всеобщее воскресение в Церкви уже «действуется» и ныне, пишет прот. Г. Флоровский. В духовном опыте Церкви таинственно предоткрывается тайна будущей жизни и предначинается «отчасти» и самое «упование Царствия» [Флоровский 1998, 443].

По словам архимандрита Софрония (Сахарова), храм, где совершается Литургия, есть «преддверие Святого Царства, пребывающего на небесах» [Софроний 1985, 221]. Ведь в литургии, пишет архимандрит Софроний, мы «живем одновременно и совокупленно и тленность нашего земного существа и предвосхищение Царства, пришедшего в силе»; в ней «мы живем действительно образ воскресения» и через нее мы «восходим на гору созерцания славы Преображения» [там же, 220, 223].

Тожество *начала и конца* в православном миропредставлении проявляется также в тайне *совпадения первого и восьмого дня недели в воскресном дне — дне вхождения в вечность*. Такая же

тайна заключается и в *последнем дне* истории как начале *«вечного неувечернего дня»*. «Время после воскресения не будет исчисляться днями и ночами, — пишет св. Иоанн Дамаскин. — Напротив того, будет один неувечерний день, так как Солнце правды будет светло сиять праведным; для грешников же будет глубокая и бесконечная ночь» [Иоанн Дамаскин 1992, 116].

Сходный образ конца времени воссоздает и св. Игнатий Брянчанинов: «Днями Сына Человеческого названо то время, которое будет предшествовать пришествию Его, которое заключится Его пришествием — началом вечного неувечернего дня, концом времени и времен. Окончится время с окончанием тех явлений, которыми оно обозначается; не будет времени, когда день и ночь, и утро, и вечер, и недели, и месяцы, и годы, и столетия заменятся единым вечным днем» [Игнатий 1991, 6].

Этот последний день истории, или день Второго Пришествия Спасителя, именуется в Св. Писании *Последним днем, днем кончины века и мира, днем, установленным от Бога, когда Он будет праведно судить вселенную, Великим днем, днем Судным, днем Господним, Днем Господа нашего Иисуса Христа* [Давиденков 1997б, 275].

Тождество *начала и конца*, в православном миропредставлении (при всем проявляющемся в истории стремлении к нему), не является абсолютным. В православии отвергается, в частности, учение об *апокатастасисе* — восстановлении всего творения и всего человечества в своем «первоначальном состоянии блаженства» (см.: [Мейендорф 2001, 389].

В православном богословии отмечается также, что и в первозданной реальности не было полного обожения, или абсолютной соединенности человека с Богом, составляющей конечную цель творения. По словам В. Н. Лосского, «тварь уже в своем первозданном состоянии была разлучена с Богом, так как обожение, соединение с Богом было ее целью, ее конечным завершением» [Лосский 1991, 76].

В богословии, восходящем к «Ареопагитикам», имеется, однако, некоторая тенденция рассмотрения соотношения начала и конца творения в перспективе их более полного тождества. По замечанию прот. А. Геронимуса, основывающегося на идеях преп. Максима Исповедника, в генесисе (начале творения) в свернутом состоянии пребывает то, что в полноте явится в стасисе. Поэтому в «Ареопагитиках» не различается *начальное и конечное*, или обожненное состояние тварного бытия [Лосский 1991, 75; Геронимус 1999а, 80].

* * *

И как само Слово говорит о Себе: «Я есть альфа и омега, начало и конец», так и Любовь может сказать о себе: «Я есть альфа и омега».

Святитель Николай Сербский

Посвящая эти заметки светлой памяти Т. В. Булыгиной, мы хотели бы заключить их таинственными словами поучений преп. Нила Мироточивого Афонского, выражающими суть понимания универсальных категорий *начала* и *конца* в православной антропологии. «Мир для человека, — провозвещает преподобный Нил Афонский, — есть как бы книга, которую он исписывает своими делами, как письма — слогами, которые имеют *начало*, но *конца* не имеют; отнюдь не забудется... все, что ни сотворит человек... потому что... какие слоги писем ни изобразит человек в книге мира... каждое сложение получит свою часть, воздаяние» [Нил Мироточивый 1992, 17].

Для православного мирозерцания, как мы стремились показать выше, всякий конец есть только начало нового бытия, а для оставивших светлую память в «книге мира» — начало и более совершенного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 2001 — *Аверинцев С. С.* София — Логос. Словарь. Киев, 2001.
- Алипий 1998 — *Алипий (Кастальский-Бороздин)*, архим., *Исайя (Белов)*, архим. Догматическое богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.
- Арутюнова 1997 — *Арутюнова Н. Д.* Язык // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Афанасий Великий 1994 — *Афанасий Великий*, свят. Творения. 1994. Т. 3.
- Булгаков 1991 — *Булгаков С.*, прот. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). М., 1991.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Василий Великий 1991 — *Василий Великий*. Творения. М., 1991. Ч. 1.
- Василий Великий 1993 — *Василий Великий*. Творения. М., 1993. Ч. 4.
- Василенко 2000 — *Василенко Л. И.* Краткий религиозно-философский словарь. М., 2000.

- Вениамин 1998 — *Вениамин (Федченков)*, митр. О конце мира. М., 1998.
- Гадамер 1988 — *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Геронимус 1999а — *Геронимус А.*, прот. Заметки по богословию имени и языка // Современная философия языка в России. М., 1999.
- Геронимус 1999б — *Геронимус А.*, прот. Космология в контексте православного богословия // Исследования по истории физики и механики. 1995–1997. М., 1999.
- Григорий Богослов 1994 — *Григорий Богослов*. Собрание творений. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1994.
- Григорий Палама 1992 — *Григорий Палама*, св. Триады в защиту священнобесмолвствующих. М., 1992.
- Григорий Синаит 1999 — *Григорий Синаит*, преп. Творения. М., 1999.
- Давиденков 1997а — *Давиденков О.*, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. М., 1997. Ч. 1.
- Давиденков 1997б — *Давиденков О.*, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. М., 1997. Ч. 3.
- Дионисий Ареопагит 1995 — *Дионисий Ареопагит*. О Божественных именах. СПб., 1995.
- Дионисий Ареопагит 1997 — *Дионисий Ареопагит*. О небесной иерархии. СПб., 1997.
- Епифанович 1996 — *Епифанович Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996.
- Ефрем Сирин 1912 — *Ефрем Сирин*, св. Творения. Сергиев Посад. 1912. Т. 3.
- Игнатий 1991 — *Игнатий (Брянчанинов)*, свят. О кончине мира. М., 1991.
- Иоанн Дамаскин 1992 — *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры. Ростов-на-Дону, 1992.
- Исаак Сирин 1993 — *Исаак Сирин*. Слова подвижнические. М., 1993.
- Лосский 1991 — *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
- Лосский 2000 — *Лосский В. Н.* Богословие и боговидение. М., 2000.
- Макарий 1999 — *Макарий (Оксиюк)*, митр. Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999.
- Максим Исповедник 1993 — *Максим Исповедник*. Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты. М., 1993.
- Мейендорф 1995 — *Мейендорф И.*, прот. [Предисловие] // *Лосский В. Н.* Боговидение. М., 1995.
- Мейендорф 2001 — *Мейендорф И.*, прот. Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М., 2001.
- Нил Мироточивый 1992 — *Нил Мироточивый*. Посмертные поучения. Свято-Троицкий Новоголутвинский монастырь. 1992.

- Симеон Новый Богослов 1993 — *Симеон Новый Богослов*, преп. Творения. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993.
- Софроний 1985 — *Софроний (Сахаров)*, архим. Видеть Бога как Он есть. Essex. 1985.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Толстой 1995 — *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Флоровский 1998 — *Флоровский Г.*, прот. Догмат и история. М., 1998.
- Хоружий 1994 — *Хоружий С.С.* После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.
- Христианство 1995 — *Христианство*. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 3.
- Шпет 1989 — *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М., 1989.

КОНЕЧНОЕ И БЕСКОНЕЧНОЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. Ф. ЛОСЕВА

При чтении трудов А. Ф. Лосева нельзя не обратить внимание на те основные вопросы и понятия, которые философ изучал в течение всей жизни. По словам А. А. Тахо-Годи, «всякий, кто знакомится с трудами А. Ф. Лосева, будет поражен разнообразием его научных интересов, как будто совсем несовместимых друг с другом. Однако при ближайшем рассмотрении не только книг русского мыслителя, но и его биографии можно убедиться в удивительной целостности и целеустремленности его долгого творческого и жизненного пути» [Тахо-Годи 1999, 11]. Ученый снова и снова обращается к вопросам символа и имени, мифа и мифологии, музыки и математики.

К таким основополагающим для всей философии Лосева относится проблема взаимоотношения бесконечного и конечного, которая встала перед мыслителем очень рано. Так, в сочинении гимназиста VII класса Алексея Лосева «На Бога надейся, а сам не плошай» мы читаем: «Не мучает ли человека, привыкшего к ясности и определенности, невозможность разрешить понятие „бесконечность“? Но равным образом нам никогда не понять и конечного существования мира»¹.

И в воспоминаниях, к сожалению оставшихся незавершенными, Лосев писал:

«Астрономическое небо было тем первым образом бесконечности, за которым не замедлили появиться и другие ее образы. И вообще термин „бесконечность“ в течение всей моей жизни звучит как-то особенно радостно, вдохновенно и обязательно сердечно. <...>

...бесконечность в любых ее смыслах, и в научно-математическом, и в философском смысле, была для меня подлинной реальностью, включая сюда и многие мои бытовые переживания. Бесконечность и сейчас представляется мне какой-то золотистой далью, может быть, слегка зеленоватой и слегка звянящей. Сначала я еще не понимал, что бесконечность можно понять в подлинном смысле только в ее диалектическом единстве с конечной областью» [Лосев 1990, 31].

¹ Рукопись школьного сочинения А. Ф. Лосева хранится в архиве семьи автора.

Вообще все важнейшие понятия и категории для Лосева не являются отвлеченными абстракциями, но всегда зримы, вещественны и конкретны. В. М. Лосева пишет в предисловии к работе «Диалектические основы математики»:

«Каждое понятие и каждый термин настолько переживаются им (Лосевым. — А. Р.) своеобразно и глубоко, что с обыденным представлением их никак нельзя осилить. <...> Когда Лосев говорит об эйдосе, ему всегда представляется какая-то умственная фигура, белая или разноцветная, и обязательно на цветном фоне; это как бы фонарики с разноцветными крашеными стеклами, висящие на фоне темного сумеречного неба. „Инобытие“ для Лосева всегда какое-то бесформенное тело или вязкая глина; он едва вытаскивает ноги из этой трясины, и она его ежесекундно засасывает. Со „ставшим“ ему ассоциируется что-то твердое и холодное, не то стена, не то камень, при этом обязательно холодное и даже что-то мрачное: не свернешь, не объедешь» [Лосева 1997, 13].

В трудах мыслителя можно найти множество примеров такого образного представления философских понятий. Нет ничего удивительного в том, что и представление о различных видах бесконечности у Лосева также облечено в зримые образы. Например, бесконечность в понимании последователей марксизма просто пугающа: это «Абсолюты-страшилища — бесконечное однородное время и бесконечное однородное пространство», и мертвая тьма «бесконечного и безразличного холода ньютоновского „однородного“ пространства. Однородно ведь всегда то, что серо, слабо, неиндивидуально, не живо, сонно и вяло. Ньютоновская механика — принципиальная социал-демократия в науке, живущая парламентом, большинством голосов и уравнительными „свободами“» («Музыка как предмет логики» [Лосев 1999, 807]). Представление бесконечного пространства как однородной и мертвой пустыни, по мнению мыслителя, — одно из основных положений «мифологии нигилизма» («Диалектика мифа» [Лосев 1999, 219]). Кроме того, в мире, где время однородно, «одна эпоха имеет смысл не сама по себе, но лишь как подготовка и удобрение для другой эпохи, <...> но она тоже — навоз и почва для третьей эпохи и т. д. В результате получается, что никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла и что смысл данной эпохи, а равно и всех возможных эпох отодвигается все дальше и дальше, в бесконечные времена» [там же].

Такой мир, в котором, в конечном итоге, нет ничего, Лосев принять не может. «Одним *хочется*² распылить Вселенную в хо-

² Здесь и далее выделение А. Ф. Лосева.

лодное и черное чудовище, в необъятное и неизмеримое ничто; другим же хочется собрать Вселенную в некий конечный и выразительный лик с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями (хотя чаще всего ни те, ни другие совсем не понимают и не осознают своих интимных интуиций, заставляющих их рассуждать так, а не иначе) [там же, 222]. Иными словами, Лосев соглашается с Плотиним в том, что «бесформенное множество — дурно, так как оно возможно лишь в силу потери самого себя и самозабвения» («Диалектика числа у Плотина» [Лосев 1999, 834]).

Как мы видим, по крайней мере некоторые представления о бесконечном времени и пространстве приводят к дурной бесконечности, в которой нет ни формы, ни смысла, ни образа. В то же время «конечное существование мира», будь оно сколь угодно упорядоченным, вызывает у Лосева не менее серьезные возражения. Для того чтобы диалектически объединить бесконечность мира и его упорядоченность, философ пользуется аппаратом высшей математики, в частности понятием предела: *бесконечное* и *конечное* хорошо синтезируются в современной математике под именем *актуальной бесконечности*. Бесконечность мыслится не расплывающейся в бездне абсолютной тьмы, так что уже не видно ни конца ни края этой бесконечности. Эта бесконечность есть нечто осмысленное и оформленное, — в этом смысле конечное. Она имеет свою точно сформулированную структуру; и существует целая наука о типах и порядках бесконечности» («Диалектика мифа» [Лосев 1999, 396]).

Однако не следует думать, что представление об оформленной бесконечности для Лосева связано только с физическими и математическими понятиями. Напротив, «всякая вещь, как бы пуста и бессодержательна она ни была, есть, безусловно, символ, и при том обязательно бесконечный символ, *символ бесконечности*, допускающий по этому самому и бесконечное количество разнообразных интерпретаций. Этот бесконечный символ бесконечности есть первейшая и простейшая необходимость для того, чтобы вещь была вещь» («Самое само» [Лосев 1999, 456]). В качестве примеров философ рассматривает «самые обыкновенные и пошлые вещи и события повседневной жизни (вот эту голландскую печь, эту кочергу, эти стоптанные туфли)» [там же, 455]. Каждый из этих предметов бесконечен и неисчерпаем, даже если человеческое сознание и не в силах объять его целиком. «Мы понимаем вещь *так* или *иначе*, более или менее близко к ней самой». В то же время всякая вещь предстает перед нами как нечто «за-

вершенное, целое, самособранное»; по мнению Лосева, это с очевидностью доказывает, что возможно абсолютное понимание вещей, включающее в себя бесконечное число всех возможных интерпретаций [там же, 471]. Перед нами то же самое противоречие между бесконечным количеством пониманий, бесконечностью, и целостностью мира, и для разрешения этого противоречия необходимо использовать понятие актуальной бесконечности или предела: мы не можем достичь полного понимания, но можем приблизиться к нему сколь угодно близко.

ЛИТЕРАТУРА

- Лосев 1990 — Лосев А. Ф. Из воспоминаний // Студенческий меридиан. 1990. № 5. С. 29–32.
- Лосев 1994а — Лосев А. Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: В 2-х кн. М., 1994. Кн. 2.
- Лосев 1994б — Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность / Сост. А. А. Тахо-Годи, общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М., 1994.
- Лосев 1997 — Лосев А. Ф. Хаос и структура / Сост. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого, общ. ред. В. П. Троицкого. М., 1997.
- Лосев 1999 — Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. М., 1999.
- Лосева 1997 — Лосева В. М. Предисловие // Лосев А. Ф. Хаос и структура / Сост. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого, общ. ред. В. П. Троицкого. М., 1997. С. 6–17.
- Тахо-Годи 1999 — Тахо-Годи А. А. А. Ф. Лосев: Целостность жизни и творчества // Лосев А. Ф. Самое Само: Сочинения. М., 1999. С. 5–28.

Приложение ³

Алексей Лосев

НА БОГА НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ

Кому приходилось хотя некоторое время жить с простым крестьянином и наблюдать его жизнь, тот отлично знает, как ловко он владеет своими пословицами и поговорками, как умело вставляет их в свою простую и нехитрую речь. Ловко пользуется простой народ изречениями своей мудрости и это потому, что мудрость его именно

³ Сочинение публикуется впервые. В конце текста учитель ставит оценку (четыре) и комментирует работу ученика.

принадлежит ему и что он проверяет ее на опыте постоянно. Но такова уж человеческая природа, что вместе с добром она сеет и зло, что вместе с афоризмами настоящей мудрости дает изречения и с сомнительной истиной в основе. К числу пословиц, которые замечательно верно соответствуют действительности и служат в то же время прекрасными правилами, как для воспитания нравственности людей, так и для достижения материальных успехов, принадлежит и пословица: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Среди всех явлений как внешнего мира, так и мира духовного, которые составляют собою и поддерживают жизнь человека, мы всегда отличаем явления полезные от явлений, кот<орые> для нас неблагоприятны. В большинстве случаев эти последние превышают сумму наших удовольствий и наслаждений, и мы, судя только сообразно с высшими понятиями и убеждениями, не идущими дальше земных предметов и обыкновенных для каждого явлений, можем впасть в тот опасный пессимизм, кот<орые> редко когда приводит к положительным результатам. Но полезность или вред всего, что действует на нас, почти всегда зависит от нас же самих, от нашей индивидуальной организации. Недоброе для одного кажется приятным другому, один считает известное явление для него пагубным, другой, быть может, извлекает из него большие выгоды и оно уже становится ему полезным и т. д. Что же может послужить для нас средством такого отношения к жизни, чтобы последняя явилась нам если не прекрасной во всех отношениях, то по кр<айней> мере не [имеющей] мешающей нам пользоваться ее благами? — Таким средством является вера в Всеблагого и Мудрого Бога. Веруя в Бога, мы отвечаем [по]требованиям своей нравственности, [отвечаем] оправдываем заложенную в основе нашего существа идею Божества, и, кроме того, надеясь на лучшее будущее, мы получаем большую силу для внутреннего существования и исполнения обязанностей к ближним.

Человек, посвятивший себя изучению наук или философии, кот<орый> ставит себе целью объединение добытых в отдельных дисциплинах знаний и построить полное [?] миро- и жизнепонимание, еще больше может убедиться, если он, конечно, останется последовательным в своих суждениях, в истинности того нравственного правила, кот<орое> так ясно и коротко выражено в первой половине разбираемой нами пословицы. Чем больше человек углубляется в изучение наук, тем больше находит он противоречий и тем таинственнее для него становится и его собственное существо, и окружающая его природа. Помнится, Гёте где-то сказал, что чем умнее становится человек, тем меньше он знает, тем больше загадок ему предстоит для разрешения. И действительно, человек узна[ет]л, что ма-

терия неразрушима; он заключает, что она должна существовать вечно, он стал верить в бесконечность существования вселенной. Но понятно ли это уму? Не мучает ли человека, привыкшего к ясности и определенности, невозможность разрешить понятие «бесконечность»? Но равным образом нам никогда не понять и конечного существования мира. Что было до него? Как он начал существовать? Если он создан из чего-нибудь, то это было не творение, а просто переделка; если он создан из ничего, то должен быть создавший его, но кто этот создавший его? И что эта сила делала до перехода вселенной из небытия в бытие? — Мы взяли примеры в суждениях о продолжительности существования материи, и, как видим, здесь кроется целый ряд противоречий. Но взявши наудачу всякий другой философский вопрос, стремящийся разрешить «мировые загадки», мы не встретим ничего, кроме одних противоречий и противоречий. Отсюда ясен вывод. Только вера дает единственно добрый исход всем нашим исканиям истины, только надежда на благодать Божию осмысливает нашу жизнь и придает ей значение. Если не будет у нас надежды на вознаграждение за потерянное здесь, на земле, и возмездие за дурную жизнь, то наша нравственность может расстроиться в конец. Зачем хорошая жизнь, зачем все лишения ради добрых дел, если нет надежды на награду за них в будущем?

Но одной веры в Бога и надежды на его благодать недостаточно для человека. Ему еще нужно, как говорит пословица, «самому не плошать», т. е. самому работать над собой, самому стремиться к совершенствованию. Религия есть союз человека с Богом. Но этот союз предполагает как нисхождение Божьей благодати к человеку, так и стремление последнего к Божеству.

(Окончание см. в черновике)

Учитель: 4. Многое, не имеющее существенного значения для уяснения темы, следовало бы опустить и в то же время постараться в объеме представленной работы набело написать все сочинение (подчеркнуто в тексте). Нужно не только грамотно писать, но написать вовремя.

Н. В. СОЛНЦЕВА

ПОНЯТИЕ «НАЧАЛО» В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье речь пойдет о понимании «начала» не у всех древне-китайских философов (поскольку, как отмечает один из составителей древнейшего в мире китайского тезауруса, а именно «Эръя», Го Пу [Колоколов 1977], в Китае в древности помимо конфуцианства имелось еще девять потоков, или направлений в философии), а только у конфуцианцев. «Формально конфуцианство, — как пишет Л. С. Переломов, — не являлось религией, ибо в нем никогда не было института церкви. Но по своей значимости, степени проникновения в душу и воспитание сознания народа, воздействию на формирование стереотипа поведения оно успешно выполняло роль религии» [Переломов 1998, 5].

Конфуцианство — это морально-этический кодекс, на котором воспитывались китайцы, и не только они, но и японцы, корейцы, вьетнамцы — представители «стран конфуцианского культурного региона».

Конфуцианство получило свое название по имени создателя этого учения — Конфуция, которого в действительности звали Кун Цю. Поскольку Кун Цю имел должность *фуцзы*, то в результате контаминации имени и названия должности Кун Цю вошел в науку как Конфуций.

Свод морально-этических представлений, изложенных в конфуцианских канонах, — это и основа государственности, и основа семьи. Эти представления предопределяют особые отношения, соответствующие принципам *ли* (ритуала) между императором и подчиненными (изначально) и позже между госаппаратом и народом, которые изоморфны отношениям между членами семьи. Государь должен относиться к народу как отец к членам семьи, народ должен относиться к государю как к отцу.

«Слово» Конфуция (или Лунь Юй «Суждения и беседы») — это главный канон конфуцианства. Текст этого канона еще при жизни Конфуция начали составлять его ученики. «Слово» Конфуция, так же как и трактат «Мэнцзы», принадлежащий последователю Конфуция — Мэн Кэ, построен наподобие диалогов Платона, где на каждый вопрос дан определенный ответ, где аргументация направлена на создание у реципиента определенного мнения — определенного видения конкретной модели мира.

«Слово» Конфуция — это слово реального человека. В этом, как считает Л. С. Переломов, заключается «еще одно коренное отличие конфуцианства от всех религий. Пророки всех религий воспринимали свое Слово как Слово Божие — их устами говорил Всевышний. Конфуций же сам творил Слово — то было Слово земного человека» [Переломов 1998, 5].

Всего канонов семнадцать. Основные из них входят в так называемые «Пятикнижие» и «Четырехкнижие». Считается, что Конфуций отредактировал все эти каноны в соответствии со своим учением. Это и канон по истории (Шуцзин), и Книга песен (Шицзин), и Книга ритуалов (Лицзи) и др. В них описывались деяния правителей глубокой древности, принципы устройства общества тех времен, которые считались образцовыми и ставились в пример современникам, там содержались и правила поведения членов семьи в семье, поведения подданных по отношению к своему правителю.

Древность всегда воспевалась конфуцианцами. Их установка — это призыв к светлому прошлому, к построению такого же общества, которое некогда существовало в прошлом.

Фактически в «Слове» Конфуция и в написанной им «Летописи» (Чуньцю), а также в текстах канонов, входящих в «Четырехкнижие» и «Пятикнижие», использована когнитивная аргументация для выработки, как уже говорилось выше, у реципиента определенной модели мира.

Это понимание определенной модели мира в конфуцианской интерпретации закреплялось системой экзаменов. Было введено обязательное заучивание наизусть текстов «Пятикнижия» и «Четырехкнижия». Соискатели на получение той или иной должности должны были при сдаче экзамена писать сочинение на заданную тему с использованием лишь цитат из канонов.

Филология в Китае, как и в других странах, сложилась на основе комментаторства и интерпретации. В Китае главным объектом комментаторства были каноны, и поскольку чиновник как представитель Власти должен был в полном объеме владеть конфуцианскими канонами, постольку в Китае сложилась не только филологическая Власть, но и Власть филологии.

Заучивание наизусть текстов канонов было постоянно действующим для всех поколений всех эпох средством конструирования определенной модели мира. Практически таким образом осуществлялась связь времен.

Поскольку язык подвержен изменениям, в разных странах для осуществления связи времен прибегают к различным методам и

мерам. На выбор этих методов непосредственно влиял характер изменения языка. Там, где происходили большие изменения в структуре языка и главным образом в структуре слова — появлялись труды типа грамматики Панини. Подобные грамматики были призваны объяснять структуру текстов ранних эпох и тем самым обеспечивать адекватное понимание содержания этих текстов.

Основные изменения в китайском языке коснулись значений знаменательных слов. Произошла и смена служебных слов. Поэтому в китайском традиционном языкознании появились не грамматики, а словари, которые включали толкование старых знаменательных слов, а также служебных слов.

Одним из первых китайских словарей является тезаурус «Эръя», который содержит все слова и выражения, вошедшие в каноны. Данный тезаурус — своеобразная энциклопедия, включающая систему понятий и представлений древних китайцев, живших в период начиная с эпохи Чжоу (1122–247 гг. до н. э.) и кончая эпохой Хань (220 г. н. э.). «Эръя», по выражению Ю. В. Рождественского, представляет собой энциклопедический и идеологический норматив знаний древних китайцев, поскольку он дает философскую картину мира. Составлялся он в течение III–I вв. до н. э. несколькими авторами.

В первых трех разделах тезауруса дается толкование древних слов и выражений. Каждая статья раздела включает своеобразные синонимические ряды слов. Как отмечают китайские авторы, в статье собраны: а) одинаковые, или тождественные по значению, слова; б) слова, близкие по смыслу; в) слова, взаимосвязанные по характеру значения [Энциклопедический словарь 1991].

Первая статья первого раздела тезауруса «Эръя» посвящена понятию «начало». Все слова, вошедшие в первую статью, объясняются через общее понятие, каковым является понятие «начало».

Данная статья, как и все остальные статьи в «Эръя», предстают, таким образом, как своеобразные лексико-семантические группы (ЛСГ) со своей архисемой. В первой статье в качестве архисемы выступает понятие «начало». Интересно отметить, что в этой первой статье тезауруса «Эръя» собраны практически все те виды и разряды слов со значением «начало», которые Н. Д. Арутюнова включила в своем проспекте в семантическое поле «начало».

1. Начало существования передано в «Эръя» словами: а) *тай*¹ 'беременная матка, зародыш'; б) *дуань*¹ 'ростки, всходы, начало'. Конфуцианцы используют данное слово в его производных значениях «принцип, доктрина», говоря о четырех основных принципах, на которых зиждется конфуцианство. Эти четыре принци-

пасуть: 1) человеколюбие; 2) почтение и почитание вышестоящих и родителей; 3) знания; 4) правильное поведение совершенно мудрых и стремление стать совершенно мудрым.

2. Начало в пространстве. Слово *фан*¹ 'квадрат' обозначало «начало». В земледельческом государстве в качестве главной и первой меры измерения площади надела использовалось слово *фан*¹ *ли*³ 'квадратное ли' (равное 33,1776 га).

В «Исторических записках» великого китайского историографа Сы Мацяня слово *фан*¹ 'квадрат' встречается в значении центра Вселенной для обозначения Китая. Срединное государство (Чжунго) — это государство, которое расположено в центре между странами света — востоком, западом, севером и югом. Все, что расположено внутри квадрата, — это Китай. Примечательно, что китайский иероглифический знак, обозначающий государство, состоит из двух элементов: элемента 'квадрат' и расположенного в центре элемента 'квадрат' элемента 'яшма', 'драгоценность'.

В конфуцианской идеологии сочетание *фан*¹ *нэй*¹ 'внутри квадрата' обозначало конфуцианцев, а сочетание *фан*¹ *вай*¹ 'вне квадрата' служило для обозначения даосцев и буддистов [Mathews 1944]. На примере этих двух сочетаний хорошо видна когнитивная аргументация конфуцианцев.

По ассоциации «правильный» ученик — это тот, который следует конфуцианской идеологии и носит халат с квадратным воротником. А красивым считался тот мужчина, у которого было квадратное лицо и длинные уши.

3. Начало и обращение. Слово *фу*³ 'начинать, первый' использовалось в древности при почтительном обращении к мужчине, если обращались к нему по имени или по прозвищу. Так, в частности, Конфуция при обращении называли *Ни*² *фу*³, где *ни*² 'глина' — прозвище Конфуция, поскольку он был рожден в пещере глинистого холма. Имя же Конфуция — *цю*¹ — значило 'холм'.

4. Начало во времени. Слово *чу*¹ значило 'начало, первый'. Этим словом обозначался и первый день месяца по лунному календарю, и начало правления нового императора.

Словом *шоу*³, которое значило 'голова', обозначался первый месяц лунного календаря. В «Исторических записках» Сы Мацяня *чу*¹ *сюе*² 'начало учения' обозначало начало изучения канонов.

5. Начало и основы. Слово *цзи*³ значило 'начало' и 'фундамент здания', а также 'трон' и 'восхождение на трон'.

6. Начало и первоэлемент. Слово *юань*¹ — 'начало', 'первый'. Это первое слово в первой строке «Книги перемен» (Ицзин), которое обозначало цифру один. Оно обозначает и первоэлемент, и

сына неба, т. е. императора. Также обозначает первый год нового 60-летнего цикла.

Обычно в западных странах и в нашей стране люди отмечают шестидесятилетний юбилей. В Китае же отмечают первый год нового шестидесятилетнего цикла.

7. Начало и власть. Слово *цзү*³ 'предок', 'дед', 'начало'. Поскольку основная социальная организация древнего Китая — патрионимия, то основателем выступает предок. Почитание предков, свойственное конфуцианской идеологии, отражено в наименовании Родины. В Китае «Родина» обозначается словом *цзү*³*го*⁰ (букв. 'дед' + 'государство'). У нас Родина — это «отечество», а в Китае «дедство».

Тезаурус «Эр-я» включал все слова и выражения, вошедшие в конфуцианские каноны, и давал им соответствующую интерпретацию, поэтому он был включен в число конфуцианских канонов.

Этот словарь не только содержит толкования значений слов, но и излагает принципы смысловой системы, представленной в канонических текстах [Амирова и др. 1975].

ЛИТЕРАТУРА

- Амирова и др. 1975 — Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Колоколов 1977 — Колоколов В. С. Предисловие Го Пу к книге «Эр-я» (Симметрия в языке понятие) // Китай: история, культура и историография. М., 1977.
- Переломов 1998 — Переломов Л. С. Конфуций. Лунь Юй. М., 1998.
- Энциклопедический словарь 1991 — Энциклопедический словарь китайской лингвистики (Чжунго юйяньское да цыдянь). Наньчан, 1991.
- Mathews 1944 — Mathews R. H. Chinese-English Dictionary. Cambridge, 1944.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Д. Арутюнова. ВСТУПЛЕНИЕ. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности</i>	3
---	---

СЕМАНТИКА И ИДИОМАТИКА НАЧАЛА И КОНЦА

<i>В. Ю. Апресян. Начало после конца: глаголы <i>оживать</i> и <i>воскресать</i> ..</i>	19
<i>А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. «Начало» и «конец» в русской идиоматике</i>	27
<i>О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Подведение итогов в русском языке</i>	36
<i>В. Г. Гак. Семантическое поле <i>конца</i></i>	50
<i>В. В. Гуревич. «Новое» и «старое» в их отношении к «началу»</i>	56
<i>О. П. Ермакова. Существует ли в русском языке знантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию <i>начала</i> и <i>конца</i></i>	61
<i>Г. И. Кустова. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением 'начаться'/'кончиться')</i>	69
<i>И. И. Макеева. Семантика 'конца' у глаголов движения</i>	83
<i>В. А. Матвеев. Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка)</i>	96
<i>Н. Б. Мечковская. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность</i>	109
<i>Е. В. Падучева. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения</i>	121
<i>Н. В. Перцов. О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц <i>уже</i> и <i>еще</i></i>	137
<i>Р. И. Розина. Конец или начало? Семантика глаголов остановки и понятие лексического класса</i>	145
<i>С. Ю. Семенова. К типологии фазовых компонентов, коннотаций и ассоциаций русских лексем</i>	155
<i>Н. Ф. Спиридонова. От начала к концу: семантика прилагательного <i>последний</i></i>	169
<i>А. Д. Шмелев. Из пункта А в пункт В</i>	181

ГРАММАТИКА НАЧАЛА И КОНЦА

<i>В. И. Гаврилова. Семантика 'начала' в спектре значений глаголов открыть/открыться, раскрыть/раскрыться</i>	195
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения</i>	211
<i>Ю. П. Князев. Фазы действия и метонимические сдвиги в значении видо-временных форм</i>	225
<i>Б. Тошович. Конфликт начала и конца</i>	237
<i>М. В. Филипенко. О совместимости начал и концов, или Сочетаемость глагольной приставки <i>вы-</i> и предлога <i>в</i></i>	252
<i>И. Б. Шатуновский. Несовершенный vs. совершенный вид в императиве (к проблеме начала)</i>	267

ЗНАКИ НАЧАЛА И КОНЦА

<i>С. В. Кодзасов. Фазовая символика тона</i>	310
<i>И. М. Логина. Интонационное выражение семантики 'начала' и 'конца' в русском высказывании</i>	321
<i>В. М. Труб. Темпоральные частицы как знаки начала и конца ситуации</i>	334
<i>Е. В. Урысон. Союз <i>А</i> как сигнал «поворота повествования»</i>	348
<i>Б. С. Шварцкопф. Оппозиция «начало–конец» в пунктуационном пространстве предложения</i>	358

ПОЭТИКА НАЧАЛА И КОНЦА

<i>Н. Д. Арутюнова. Всё про всё (по текстам Ф. М. Достоевского)</i>	363
<i>В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. Статьи НАЧАЛО и КОНЕЦ в «Словаре языка русской поэзии XX века»</i>	401
<i>Н. В. Злыднева. Мотив <i>ветхости</i> у А. Платонова: между концом и началом</i>	411
<i>И. А. Каргашин. Начало и конец лирического текста</i>	426
<i>Л. Б. Лебедева. Конец — обращение к началу: завершение опыта</i>	436
<i>Л. Г. Панова. Семантика начала–конца, создания–разрушения, памяти–беспамятства в стихотворении О. Мандельштама «Нашедший подкову»</i>	443
<i>З. Ю. Петрова. Семантика 'начала' и 'конца' в двух поэтических идиостилиях (Б. Окуджава и И. Бродский)</i>	461
<i>И. Ф. Рагозина. «Эвклидов ум» в поисках бесконечности</i>	469
<i>Л. Н. Рягузова. Принцип палиндрома, или внутренняя обратимость в текстах В. В. Набокова</i>	480

<i>Ю. Д. Тильман. Начало и конец в художественном мире Тютчева</i>	491
<i>Н. А. Фатеева. Как «кончается» поэт, рождается прозаик и «не кончается строка...» (Пушкин, Пастернак, Набоков)</i>	500
<i>С. В. Пешунова. Семантика 'начала' и 'конца' в агитационных текстах</i>	516
<i>Е. Я. Шмелева. Начало и конец русского анекдота</i>	523
<i>Е. Б. Яковенко. Жизнь: начало и конец (на материале английских и немецких переводов Библии)</i>	529

НАЧАЛО И КОНЕЦ В КОНТЕКСТЕ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

<i>Е. В. Вельмезова. Начало и конец в структуре и семантике чешского заговора</i>	536
<i>О. А. Казакевич. Начало и конец в структуре фольклорных текстов северных селькупов</i>	542
<i>М. Л. Ковшова. У попа была собака: о лукавой поэтике докучных сказок</i>	551
<i>Е. Ю. Кукушкина. Первое и последнее в причитаниях</i>	564
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Лексика начала и конца трапезы в русском языке</i>	573
<i>С. Е. Никитина. О начале и конце, первом и последнем в русском религиозном фольклоре</i>	584

ФИЛОСОФИЯ КОНЕЧНОГО И БЕСКОНЕЧНОГО

<i>Е. Г. Веденова. Семантика «Начала» и истоки математической интуиции</i>	597
<i>А. В. Жавнерович. Дихотомии «первого-последнего», «начала-конца» в святоотеческой традиции</i>	601
<i>В. И. Постовалова. Начало и конец в православном мирозерцании</i>	608
<i>А. В. Рафаева. Конечное и бесконечное в творчестве А. Ф. Лосева</i>	633
<i>Н. В. Солнцева. Понятие «Начало» в древнекитайской философии</i>	639

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА
СЕМАНТИКА НАЧАЛА И КОНЦА

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Корректор — *Т. И. Томашевская*
Младший редактор — *Н. Квасницкая*
Младший редактор — *Н. Стахеева*
Редактор — *И. А. Седакова*
Оригинал-макет — *Л. Е. Коритысская*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers have the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: indrik@pochtamt.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.

40,5 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ № 6090

Отпечатано с оригинал-макета

в ППП «Типография „Наука“».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6